

НОВЫЙ РОМАН АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ

“ПРАВДА О ДЕЛЕ ГАРРИ КВЕБЕРТА” И “КНИГА БАЛТИМОРОВ”

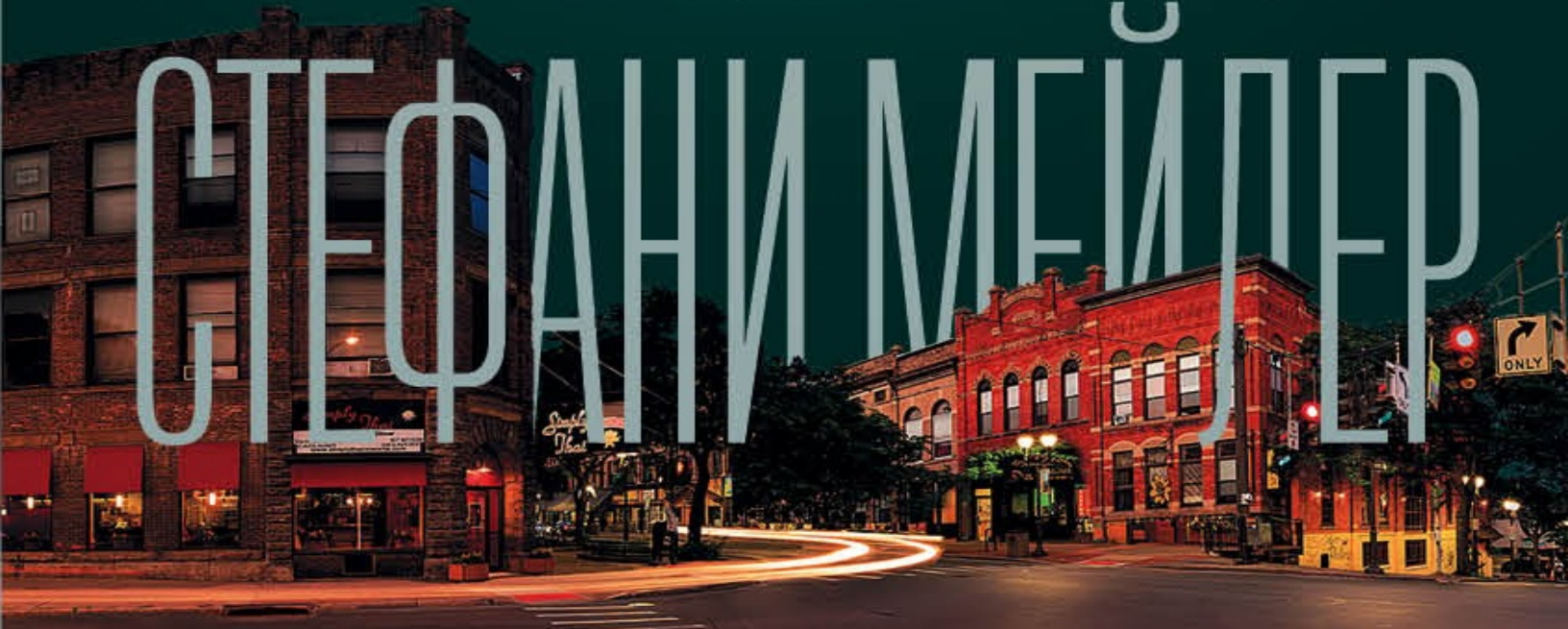
ЖОЭЛЬ ДИККЕР

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

CoRpus

СТЕФАНИ МЕЙДЕР

Annotation

«Исчезновение Стефани Мейлер» — новый роман автора бестселлеров «Правда о деле Гарри Квеберта» и «Книга Балтиморов». Знаменитый молодой швейцарец Жоэль Диккер, лауреат Гран-при Французской академии, Гонкуровской премии лицеистов и Премии женевских писателей, и на этот раз оказался первым в списке лучших. По версии L'Express-RTL /Tite Live его роман с захватывающей детективной интригой занял первое место по читательскому спросу среди всех книг на французском языке, вышедших в 2018 году.

В фешенебельном курортном городке Лонг-Айленда бесследно исчезает журналистка, обнаружившая неизвестные подробности жестокого убийства четырех человек, совершенного двадцать лет назад. Двое обаятельных полицейских из уголовного отдела и отчаянная молодая женщина, помощник шефа полиции, пускаются на поиски. Их расследование напоминает безумный квест. У Жоэля Диккера уже шесть миллионов читателей по всему миру. Выход романа «Исчезновение Стефани Мейлер» совпал с выходом телесериала по книге «Правда о деле Гарри Квеберта», снятого Жан-Жаком Анно, создателем фильма «Имя розы».

- [Жоэль Диккер](#)
 -
 - [В связи с событиями 30 июля 1994 года](#)
 - [Часть первая](#)
 - [— 7. Исчезновение журналистки](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Дерек Скотт](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Анна Каннер](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Дерек Скотт](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Дерек Скотт](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Дерек Скотт](#)

- [Джесси Розенберг](#)
- [Анна Каннер](#)
- [Джесси Розенберг](#)
- [Дерек Скотт](#)
- [— 6. Убийство журналистки](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Анна Каннер](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Дерек Скотт](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Анна Каннер](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Дерек Скотт](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
- [— 5. Черная ночь](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Дерек Скотт](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Стивен Бергдорф](#)
- [Часть вторая](#)
 - [— 4. Секреты](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Стивен Бергдорф](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [— 3. Прослушивание](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Джерри Райс](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [— 2. Репетиции](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Дерек Скотт](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Дерек Скотт](#)
 - [— 1. Dies irae: День гнева](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Дакота Райс](#)

- [Джесси Розенберг](#)
 - [Дерек Скотт](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Дакота Райс](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Дерек Скотт](#)
 - [0. Открытие фестиваля](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Анна Каннер](#)
 - [Дерек Скотт](#)
 - [Часть третья](#)
 - [1. Наташа](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [2. Скорбь и запустение](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Анна Каннер](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Дерек Скотт](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Меган Пейделин](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Дерек Скотт](#)
 - [3. Размен](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Дерек Скотт](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [4. Исчезновение Стефани Мейлер](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [Джесси Розенберг](#)
 - [2016 год. Два года спустя](#)
 - [Действующие лица](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Жоэль Диккер

Исчезновение Стефани Мейлер

*Посвящается
Констанс*

Дорогие читатели!

Сейчас, когда вы собираетесь погрузиться в этот роман, мне хочется отдать дань памяти моему издателю Бернару де Фаллуа, покинувшему нас в январе 2018 года. Это был необыкновенный человек, обладавший исключительным издательским чутьем. Я обязан ему всем. Он был главной удачей в моей жизни. Мне его будет страшно не хватать.

Давайте читать!

В связи с событиями 30 июля 1994 года

О том, что случилось 30 июля 1994 года в фешенебельном курортном городке Орфеа на океанском побережье, слышали только люди, хорошо знающие район Хэмптонов,^[1] штат Нью-Йорк.

В тот день в Орфеа открывался первый театральный фестиваль — событие национального масштаба, собравшее многочисленную публику. Под вечер все туристы и местные жители начали стекаться на Мейн-стрит, где мэрия устроила праздничные мероприятия. Опустевшие жилые кварталы походили на город-призрак: ни пешеходов на тротуарах, ни семейных пар на террасах, ни ребятишек, гоняющих на роликах, ни души в садах. Все ушли в центр.

Около восьми часов единственным признаком жизни в безлюдном квартале Пенфилд был автомобиль, медленно кативший по пустынным улицам. Мужчина за рулем напряженно вглядывался в окрестности, в глазах его читалась смертельная тревога. Первый раз в жизни он чувствовал себя настолько одиноким. Помощи ждать неоткуда. Что делать, непонятно. Он безуспешно искал жену: та ушла на пробежку и до сих пор не вернулась.

Сэмюел и Меган Пейделин относились к числу тех редких горожан, что решили в первый день фестиваля остаться дома. Билетов на спектакль, которым открывался фестиваль, им не досталось — кассы брали с бою, а толкаться на народных гуляньях на Мейн-стрит и набережной у них не было ни малейшего желания.

Под вечер, около половины седьмого, Меган, как обычно, отправилась на пробежку. Каждый вечер она делала свой неперенный круг по городу и только в воскресенье давала телу короткий отдых. От дома всегда бежала вверх по Пенфилд-стрит до Пенфилд-кресент, огибавшей полукругом небольшой парк. Там останавливалась, делала на газоне комплекс упражнений (всегда один и тот же) и тем же путем бежала обратно. Все вместе занимало ровно сорок пять минут. Иногда пятьдесят, если она упражнялась подольше. Но никак не больше.

В 19.30 Сэмюелу Пейделину показалось странным, что жены до сих пор нет дома.

В 19.45 он начал беспокоиться.

В 20.00 он шагал взад-вперед по гостиной, не находя себе места.

Наконец, в 20.10 он не выдержал, сел в машину и стал объезжать квартал. Логичнее всего было двинуться по обычному маршруту Меган. Так он и сделал.

Доехал по Пенфилд-стрит до Пенфилд-кресент и свернул. Было 20.20. Вокруг ни единой живой души. Он на минуту остановился, взгляделся в парк, но там никого не было. Уже тронувшись с места, он вдруг заметил какие-то очертания на тротуаре. Сперва решил, что это куча тряпок. Потом понял, что видит человеческое тело. С колотящимся сердцем он выскочил из машины. Это была жена.

В полиции Сэмюел Пейделин скажет: первое, что пришло ему в голову, — ей стало плохо из-за жары. Он испугался, что у Меган сердечный приступ. Но, подойдя поближе, увидел кровь и дырочку у нее в затылке.

Он закричал, стал звать на помощь, не понимая, то ли ему оставаться подле жены, то ли куда-то бежать, стучаться во все двери, пусть кто-нибудь вызовет скорую. Перед глазами все плыло, ноги подгибались. В конце концов его крики услышал житель одной из соседних улиц, он-то и позвонил в службу спасения.

Через несколько минут полиция оцепила квартал.

Один из полицейских, которые первыми прибыли на место и устанавливали ограждения, заметил, что в доме мэра, совсем рядом с телом Меган, приоткрыта дверь. Заинтересовавшись, он подошел поближе. Дверь была выбита. Выхватив револьвер, он одним прыжком взлетел на крыльцо и крикнул: «Полиция!» Ответом было молчание. Он толкнул дверь носком ботинка и увидел в коридоре труп женщины. Он тут же вызвал подкрепление и медленно двинулся вглубь дома, не опуская револьвер. В маленькой гостиной по правую руку с ужасом обнаружил тело мальчика. А потом, на кухне, нашел и убитого мэра, плавающего в луже крови.

Убийца уничтожил всю семью.

Часть первая

В пучине

— 7. Исчезновение журналистки

Понедельник, 23 июня — вторник, 1 июля 2014 года

Джесси Розенберг

Понедельник, 23 июня 2014 года

33 дня до открытия 21-го театрального фестиваля в Орфеа

В первый и последний раз я видел Стефани Мейлер, когда она заявила на небольшой прием по случаю моего ухода в отставку из полиции штата Нью-Йорк.

В тот день целая толпа полицейских из всех отделов жарилась на полуденном солнце у деревянного помоста, который воздвигали по торжественным случаям на парковке окружного отделения полиции штата. На помосте стоял я, а рядом — мой шеф майор Маккенна, под чьим началом я прослужил все эти годы. Майор расхваливал меня по полной программе:

— Джесси Розенберг — молодой капитан полиции, но ему, видно, страшно не терпится нас покинуть, — вещал майор под смех собравшихся. — У меня и в мыслях не было, что он может уйти раньше меня. Странно все-таки устроена жизнь: всем хочется, чтобы я ушел, а я остаюсь, всем хочется, чтобы Джесси остался, а он уходит.

Мне было 45 лет, и я выходил в отставку счастливый и с легкой душой. Отслужив двадцать три года, я заработал право на пенсию и решил довести до ума один проект, занимавший меня уже давно. Мне оставалось отбыть последнюю неделю, до 30 июня. А потом откроется новая глава моей жизни.

— Помнится мне первое крупное дело Джесси, — продолжал майор. — Кошмарное убийство, четыре трупа. И он блестяще его раскрыл, а ведь никто в отделе не думал, что он справится. Совсем еще молоденький был полицейский. С тех пор все поняли, что Джесси — крепкий орешек. Все, кто работал с ним бок о бок, знают, что в расследовании ему нет равных, могу даже сказать, что он был лучшим из нас. Мы прозвали его «Капитан сто процентов», он раскрыл все дела, какие вел, второго такого детектива днем с огнем не найти. Этим полицейским восхищались коллеги, к нему обращались за советом как к эксперту, он много лет был

инструктором академии. Позволь сказать тебе, Джесси: мы все уже двадцать лет тебе завидуем!

Новый взрыв хохота.

— Мы не совсем поняли, что за новый проект тебя ждет, Джесси, но желаем тебе удачи. Знай, нам тебя будет не хватать, полиции будет тебя не хватать, но главное — тебя будет не хватать нашим женам, которые на всех полицейских праздниках не сводили с тебя глаз.

Речь завершилась под гром аплодисментов. Майор дружески обнял меня, и я спустился со сцены — поприветствовать собравшихся друзей, пока они все не ринулись в буфет.

Когда я на миг остался один, ко мне подошла очень красивая женщина лет тридцати. Не помню, чтобы я когда-нибудь ее видел.

— Значит, это вы знаменитый Капитан сто процентов? — игриво спросила она.

— Выходит, я, — ответил я с улыбкой. — Мы знакомы?

— Нет. Меня зовут Стефани Мейлер. Я журналистка «Орфеа кроникл».

Мы пожали друг другу руки, и Стефани сказала:

— Вы не обидитесь, если я буду называть вас Капитан девяносто девять процентов?

Я нахмурился:

— Вы что, намекаете, что я раскрыл не все дела?

Вместо ответа она вытащила из сумки ксерокопию статьи из «Орфеа кроникл» от 1 августа 1994 года и протянула мне:

УБИЙСТВО В ОРФЕА: ЧЕТЫРЕ ТРУПА УБИТЫ МЭР И ЕГО СЕМЬЯ

В субботу вечером мэр Орфеа Джозеф Гордон, его жена и 10-летний сын были убиты у себя дома. Имя четвертой жертвы — Меган Пейделин, 32 года. Молодая женщина, совершавшая в тот момент пробежку, видимо, оказалась нежелательной свидетельницей событий. Ей выстрелили в затылок на улице, перед домом мэра.

К статье прилагалась фотография: я и мой тогдашний напарник Дерек Скотт на месте преступления.

— Куда вы клоните? — спросил я.

— Вы не раскрыли это дело, капитан.

— Что за чушь!

— Тогда, в 1994 году, вы не нашли настоящего преступника. Я подумала, что вам лучше узнать об этом, пока вы не ушли из полиции.

Сперва я подумал, что это какая-то глупая шутка коллег, но Стефани говорила вполне серьезно.

— Вы что, ведете собственное расследование? — поинтересовался я.

— Вроде того, капитан.

— Вроде того? Если хотите, чтобы я вам поверил, не виляйте и говорите прямо.

— Я говорю правду, капитан. У меня прямо сейчас назначена встреча. Надеюсь, она позволит мне получить неопровержимые доказательства.

— Встреча с кем?

— Капитан, — насмешливо отозвалась она, — я не первый год работаю. Ни один журналист не упустит такой сенсации. Обещаю со временем поделиться с вами своими открытиями. А пока хочу попросить вас об одолжении: мне нужно получить доступ к архиву полиции штата.

— По-вашему, это одолжение, а по-моему, шантаж! — возразил я. — Для начала покажите свое расследование, Стефани. Ваши обвинения очень серьезны.

— Знаю, капитан Розенберг. Потому и не хочу, чтобы полиция меня обогнала.

— Позвольте вам напомнить, что вы обязаны сообщить полиции любую важную информацию, имеющуюся в вашем распоряжении. Таков закон. Кроме того, я вправе произвести обыск в редакции вашей газеты.

Стефани явно разочаровала моя реакция:

— Тем хуже, Капитан девяносто девять процентов. Мне казалось, вам это будет интересно, но вы, похоже, думаете только про свою отставку и тот новый проект, о котором говорил ваш майор. Что за проект? Старую лодку чинить будете?

— Это вас не касается, — сухо ответил я.

Она пожала плечами и сделала вид, будто собралась уходить. Я не сомневался, что она блефует, — и она, сделав пару шагов, в самом деле остановилась и повернулась ко мне:

— Ответ был прямо у вас перед глазами, капитан. Вы его просто не увидели.

Меня разбирали одновременно и любопытство, и злость.

— Не уверен, что понимаю вас, Стефани.

Она подняла руку и подержала у моего лица.

— Что вы видите, капитан?

— Вашу руку.

— А я вам показываю пальцы, — поправила она.

— А я вижу руку, — в недоумении возразил я.

— В том-то и проблема. Вы увидели то, что хотели увидеть, а не то, что вам показывали. Потому и промахнулись двадцать лет назад.

Это были ее последние слова. Она ушла, оставив мне свою загадку, визитную карточку и ксерокопию статьи.

Углядев в буфете бывшего своего напарника Дерек Скотта, ныне прозябавшего в отделе административных правонарушений, я кинулся к нему и показал вырезку из газеты.

— А ты ничуть не изменился, Джесси, — улыбнулся он, с любопытством разглядывая архивное фото. — Что от тебя хотела эта девица?

— Она журналистка. Говорит, мы в 1994 году облажались. Якобы что-то упустили в расследовании и промахнулись с убийцей.

— Что? — поперхнулся Дерек. — Ерунда какая-то.

— Знаю.

— Что именно она сказала?

— Что ответ лежал перед глазами, а мы его не увидели.

Дерек озадаченно помолчал. Он тоже был явно смущен, но в итоге решил не забивать себе голову.

— Вот ни на столько не поверю, — буркнул он. — Просто заштатная журналюшка решила сделать себе дешевую рекламу.

— Может быть, — задумчиво ответил я. — А может, и нет.

Я оглядел парковку и заметил Стефани. Садясь в машину, она помахала мне рукой и крикнула: «До встречи, капитан Розенберг».

Но встреча так и не состоялась.

Потому что в тот день она пропала.

Дерек Скотт

Как сейчас помню день, когда началось все это дело. В субботу, 30 июля 1994 года.

Вечером мы с Джесси были на дежурстве и остановились поужинать в «Голубой лагуне» — модном ресторане, где Дарла с Наташей работали официантками.

Джесси тогда уже не первый год жил с Наташей. Дарла была ее лучшей подругой. Они собирались вместе открыть ресторан и целыми днями напролет занимались своим планом: нашли помещение и теперь

получали разрешение на строительные работы. А по вечерам и на выходных обслуживали посетителей в «Голубой лагуне», откладывая половину заработка, чтобы вложить в свое будущее заведение.

В «Голубой лагуне» они прекрасно могли бы заниматься бумагами или кухней, но владелец говорил: «Вашим смазливym личикам и круглым попкам место в зале. И не нойте, чаевых вы получаете куда больше, чем заработали бы на кухне». Тут он был прав: многие ходили в «Голубую лагуну» только ради официанток. Обе были красивые, приветливые, улыбчивые. Все при них. И ресторан их ждал бурный успех, о нем уже говорили на всех углах.

Парня у Дарлы не было. И признаюсь, с тех пор, как я ее встретил, она не выходила у меня из головы. Я приставал к Джесси, упрашивал сходить в «Голубую лагуну», когда там были Наташа с Дарлой, и выпить с ними кофе. А когда обе работали у Джесси над планами своего ресторана, я тоже к ним пристраивался, увивался за Дарлой, но дело шло со скрипом.

В тот пресловутый вечер 30 июля мы с Джесси около половины девятого ужинали у барной стойки и весело перекидывались словами с Наташей и Дарлой, вертевшимся рядом. Вдруг наши с Джесси биперы одновременно запищали. Мы в тревоге уставились друг на друга.

— Наверно, стряслось что-то серьезное, если бибикает у вас обоих, — заметила Наташа.

Она показала, где в ресторане телефонная cabina; второй аппарат стоял на стойке. Джесси направился в кабинку, я остался у стойки. Разговаривали мы недолго.

— Общая тревога, четверо убитых, — объяснил я Наташе с Дарлой, повесив трубку и бросаясь к выходу.

Джесси натягивал куртку.

— Поворачивайся! — рявкнул я на него. — Та группа, что первой прибудет на место, получит дело.

Мы были молоды и честолюбивы. Нам впервые выпал случай вести вместе серьезное расследование. Я был опытнее Джесси, успел дослужиться до сержанта. Меня невероятно ценило начальство. Все говорили, что мне светит головокружительная карьера.

Мы выбежали на улицу и прыгнули в машину: я за руль, Джесси на переднее сиденье.

Я нажал на газ, а Джесси, подобрав с пола мигалку, включил ее и через открытое окно поставил на крышу нашей немаркированной машины; ночь осветилась красными проблесками.

Вот так все и началось.

Джесси Розенберг

Четверг, 26 июня 2014 года

30 дней до открытия фестиваля

Я воображал, что всю последнюю неделю в полиции буду слоняться по коридорам и прощаться с коллегами за чашечкой кофе. Но последние три дня я с утра до ночи сидел взаперти у себя в кабинете, зарывшись с головой в добытое из архива досье расследования убийства четырех человек в 1994 году. Этой Стефани Мейлер все-таки удалось вывести меня из равновесия. У меня не шла из головы эта ее газетная заметка и фраза, которую она произнесла: «Ответ был прямо у вас перед глазами. Вы его просто не увидели».

Но вроде бы мы увидели все. Чем дальше я листал досье, тем больше убеждался, что передо мной одно из самых основательных расследований за всю мою карьеру: все факты на месте, улики против предполагаемого убийцы неопровержимы. Мы с Дерекотом отработали серьезно, со всей дотошностью и непреклонностью. Я не находил ни единого изъяна. Как же мы могли промахнуться с преступником?

Под вечер ко мне в кабинет заявился Дерек собственной персоной.

— Ты чего тут возишься, Джесси? Тебя все ждут в кафетерии. Коллеги из секретариата испекли тебе торт.

— Прости, Дерек, сейчас приду, задумался немножко.

Он взглянул на разбросанные по столу документы, взял одну бумажку и воскликнул:

— О нет! Только не говори, что принял за чистую монету ахинею этой журналистки!

— Дерек, я только хотел убедиться, что...

Он не дал мне закончить фразу:

— Джесси, досье железобетонное! И ты это знаешь не хуже меня. Ладно, пошли, народ ждет.

Я кивнул:

— Минутку, Дерек. Сейчас иду.

Он вздохнул и вышел из кабинета. Я взял лежавшую на столе визитку и набрал номер Стефани. Телефон у нее был отключен. Накануне я уже пытался ей звонить, но тоже тщетно. Сама она после нашего понедельничного разговора со мной не связывалась, и я решил не настаивать. Где меня искать, она знала. В общем, я сказал себе, что Дерек прав, нет никаких причин сомневаться в выводах расследования 1994 года,

и с легким сердцем спустился к коллегам в кафетерий.

Но через час, вернувшись в кабинет, я обнаружил факс от полиции штата из Ривердейла, в Хэмптонах: пропала молодая женщина, Стефани Мейлер, журналистка тридцати двух лет. С понедельника о ней ничего не известно.

У меня кровь застыла в жилах. Я вырвал бумагу из аппарата и схватился за телефон — связаться с отделением в Ривердейле. Полицейский на том конце провода сообщил, что сегодня после обеда к ним приходили родители Стефани Мейлер. Они беспокоятся, что дочь с понедельника не проявлялась.

— Почему родители обратились напрямую в полицию штата, а не в местную полицию? — спросил я.

— Они обращались, но, похоже, местная полиция не восприняла их всерьез. Вот я и решил связаться с уголовным отделом. Может, это все ерунда, но уж лучше я вам сообщу.

— Правильно сделали. Я этим займусь.

Я немедленно позвонил матери Стефани. Она сказала, что очень волнуется: последний раз они с дочерью разговаривали в понедельник утром, и с тех пор тишина. Мобильник Стефани отключен. Подруги тоже не могут с ней связаться. В конце концов она с местными полицейскими отправилась на квартиру к дочери, но там тоже никого не было.

Я помчался к Дереку в административный отдел.

— Стефани Мейлер, та журналистка, что приходила в понедельник, она исчезла!

— Ты что городишь, Джесси?

Я протянул ему факс.

— Смотри сам. Надо ехать в Орфеа. Посмотреть, что там происходит. Это не может быть совпадением.

Он вздохнул:

— Джесси, ты вроде собирался уходить из полиции?

— Не сейчас, через четыре дня. Четыре дня я еще коп. Стефани, когда мы с ней виделись в понедельник, говорила, что у нее назначена встреча и что она получит недостающие детали своего расследования...

— Передай дело кому-нибудь из своих коллег, — предложил он.

— Даже не заикайся! Дерек, эта девушка уверяла меня, что в 1994 году...

Он перебил меня:

— Мы закрыли дело, Джесси! Все в прошлом! Какая муха тебя укусила? Зачем тебе непременно надо опять во все это влезть? Ты что,

вправду хочешь пережить это заново?

Жаль, что он не хочет мне помочь.

— Значит, не поедешь со мной в Орфеа?

— Нет, Джесси. Прости, но ты, по-моему, совершенно спятил.

Короче, в Орфеа я поехал один. Первый раз за двадцать лет. После того убийства четырех человек я туда не возвращался.

Дорога от окружного отделения полиции штата занимала примерно час, но я, чтобы не соблюдать скоростной режим и выиграть время, включил на своей немаркированной машине сирену и маячок. Выехал на 27-ю автостраду и, свернув на Риверхед, двинулся на северо-запад по 25-й. Шоссе на последнем отрезке рассекало роскошный пейзаж, петляло среди пышной лесной зелени и прудов с россыпью кувшинок. Вскоре я добрался до ровного и пустынного 17-го шоссе, упиравшегося в Орфеа, и полетел по нему стрелой. Громадный дорожный щит возвестил, что я у цели:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ОРФЕА,
ШТАТ НЬЮ-ЙОРК!

Национальный театральный фестиваль, 26 июля —
9 августа

Было пять часов вечера. Я въехал на Мейн-стрит, главную улицу Орфеа, полную зелени; череда ресторанов, террас и магазинчиков сияла яркими красками. Мирная, отпускная атмосфера. Близилось Четвертое июля,^[2] на фонарях красовались звездно-полосатые флаги, рекламные щиты возвещали вечером праздничный фейерверк. Вдоль набережной, обнесенной цветочными клумбами и подстриженными кустами, неспешно бродили гуляющие, в одних киосках предлагали отправиться на катере посмотреть на китов, в других — взять напрокат велосипед. Казалось, передо мной не город, а декорации какого-то фильма.

Первым делом я отправился в местную полицию.

Шеф полиции Орфеа Рон Гулливер принял меня в своем кабинете. Мне не пришлось напоминать, что мы с ним уже встречались двадцать лет назад: он меня помнил.

— Вы несколько не изменились, — сказал он, трясая мою руку.

Про него я бы так не сказал. Он постарел, подурнел и изрядно раздался вширь. Хотя время было уже не обеденное, а до ужина еще далеко, он поедал спагетти из пластикового контейнера. Пока я излагал ему

причины своего появления, он успел проглотить полкоробки, причем самым неопытным образом.

— Стефани Мейлер? — удивленно пробурчал он с набитым ртом. — Мы уже занимались этим делом. Ни о каком исчезновении речи нет. Я говорил с ее родителями, они мне всю плешь проели. Лезут и лезут, их в дверь — они в окно!

— Наверно, родители просто беспокоятся за дочь, — заметил я. — Они три дня не имеют вестей от Стефани и говорят, что это совсем на нее не похоже. Поймите, я не могу оставить это без внимания.

— Стефани Мейлер тридцать два года, она что, не может делать что хочет? Честное слово, капитан, если бы у меня были такие родители, я бы давно сбежал. Стефани просто отлучилась на время, можете быть спокойны.

— Почему вы так уверены?

— Мне сказал ее патрон, главный редактор «Орфеа кроникл». Она прислала ему эсэмэску в понедельник вечером.

— Как раз в тот вечер она и пропала, — возразил я.

— Никуда она не пропадала, сколько раз вам говорить! — разозлился Гулливер.

При каждом слове у него изо рта вылетал фонтанчик томатного соуса. Я сделал шаг назад, чтобы он не забрызгал мне безупречно белую рубашку. Гулливер сглотнул и заговорил снова:

— Мой помощник ходил с ее родителями к ней домой. Они открыли дверь своим ключом и все осмотрели: вещи на месте. Сообщение, полученное главным редактором, подтверждает, что поводов для беспокойства нет никаких. Стефани ни перед кем не обязана отчитываться. Ее жизнь нас не касается. Мы свою работу сделали, как положено. Так что, ради бога, перестаньте компостировать мне мозги.

— Родители очень волнуются, — настаивал я. — С вашего позволения, мне бы хотелось самому убедиться, что все в порядке.

— Если вам нечем заняться, капитан, то обо мне не беспокойтесь. Вам всего лишь надо дождаться, когда вернется с дежурства мой помощник, Джаспер Монтейн. Он как раз этим всем занимался.

Старший сержант Джаспер Монтейн наконец явился. Моим глазам предстал здоровенный шкаф с выпирающими мышцами; вид у него был устрашающий. Шкаф рассказал, что вместе с родителями Стефани Мейлер ходил к ней домой. Они заходили в квартиру, ее там не было. Ничего подозрительного не замечено. Никаких следов борьбы, ничего необычного. Затем Монтейн объехал близлежащие улицы, искал машину Стефани, но

тоже не нашел. Его служебное рвение простерлось даже до обзвона больниц и соседних отделений полиции — ничего. Стефани Мейлер попросту в отъезде.

Я хотел взглянуть на жилище Стефани, и он вызвался меня проводить. Она жила на Бендам-роуд, маленькой тихой улочке неподалеку от Мейн-стрит, в узком трехэтажном здании. Первый этаж занимала скобяная лавка, единственную квартиру на втором снимал какой-то жилец, а Стефани обитала на третьем.

Я долго звонил в дверь. Стучал кулаком, кричал, но все впустую: в квартире явно никого не было.

— Как видите, ее нет дома, — сказал Монтейн.

Я подергал дверную ручку; дверь была заперта на ключ.

— Мы можем войти? — спросил я.

— А ключ у вас есть?

— Нет.

— И у меня нет. В прошлый раз дверь открывали родители.

— Значит, зайти нельзя?

— Нельзя. Не хватало еще высаживать людям двери по любому поводу! Если вам так не терпится, можете сходить в местную газету и поговорить с главным редактором, он вам покажет сообщение, которое получил от Стефани в понедельник вечером.

— А сосед снизу? — спросил я.

— Брэд Мелшоу? Я его вчера спрашивал, он ничего особенного не видел и не слышал. К нему ломиться бесполезно: он повар в кафе «Афина», модном ресторане в конце Мейн-стрит, и сейчас на работе.

Но я не успокоился: спустился этажом ниже и позвонил в дверь этого Брэда Мелшоу. Никого.

— Я же вам говорил. — Монтейн со вздохом стал спускаться по лестнице, а я еще на минуту задержался на площадке, надеясь, что мне откроют.

Когда я тоже стал спускаться, Монтейн уже был на улице. Оказавшись в холле, я, пока он не видит, заглянул в почтовый ящик Стефани. Через щель я заметил, что внутри лежит письмо; мне удалось его подцепить кончиками пальцев. Я сложил письмо вдвое и незаметно сунул в задний карман брюк.

После нашего визита к Стефани Монтейн отвез меня в редакцию «Орфеа кроникл», переговорить с главным редактором газеты Майклом Бердом.

Редакция находилась в двух шагах от Мейн-стрит, в красном кирпичном здании. Снаружи оно выглядело вполне прилично, зато внутри оказалось обшарпанным.

Главный редактор Майкл Берд принял нас в своем кабинете. В 1994 году он уже жил в Орфеа, но я не помнил, чтобы мы с ним пересекались. Берд объяснил, что по стечению обстоятельств встал у руля «Орфеа кроникл» через три дня после убийства, а потому по большей части сидел, зарывшись в бумаги, и не появлялся в городе.

— Давно у вас работает Стефани Мейлер? — спросил я.

— Примерно девять месяцев. Я ее взял на службу в прошлом сентябре.

— Она хорошая журналистка?

— Очень. Благодаря ей газета вышла на новый уровень. Для нас это важно, ведь постоянно иметь качественный контент очень нелегко. Видите ли, в финансовом плане дела у газеты идут плохо: мы еще живы только потому, что мэрия бесплатно предоставила нам помещение. Люди сегодня прессу не читают, рекламодатели в нас не заинтересованы. Прежде мы были серьезной районной газетой, нас читали и уважали. А теперь с чего вы вдруг станете читать «Орфеа кроникл», если можете читать в сети «Нью-Йорк таймс»? Не говоря уж о тех, кто больше вообще ничего не читает и черпает информацию из фейсбука.

— Когда вы видели Стефани последний раз? — спросил я.

— В понедельник утром. На еженедельной летучке.

— Вы не заметили ничего особенного в ее поведении? Что-нибудь необычное?

— Нет, ничего такого. Я знаю, что родители Стефани волнуются, но я и им, и Монтейну, помощнику шефа полиции Орфеа, уже вчера объяснил, что поздно вечером в понедельник Стефани прислала мне эсэмэску, написала, что ей надо отлучиться.

Он вынул из кармана мобильник и показал мне сообщение. Получено в полночь с понедельника на вторник:

Мне надо на время уехать из Орфеа. Это важно. Я тебе все объясню.

— И с тех пор вы не получали от нее никаких известий? — спросил я.

— Нет. Но, честно говоря, меня это не тревожит. Стефани — очень независимая журналистка. Над статьями она работает в собственном ритме. Я не особо вмешиваюсь в то, что она делает.

— О чем она сейчас пишет?

— О театральном фестивале. У нас в Орфеа каждый год в конце июля проходит важный театральный фестиваль...

— Да, я в курсе.

— Так вот, Стефани решила показать фестиваль изнутри и готовит цикл статей на эту тему. Сейчас берет интервью у волонтеров, на которых держится фестиваль.

— И она имеет обыкновение вот так «исчезать»? — поинтересовался я.

— Я бы сказал, «отлучаться», — уточнил Майкл Берд. — Да, она регулярно бывает в отъезде. Работа журналиста, знаете ли, требует часто отрываться от письменного стола.

— Стефани говорила вам о том, что ведет масштабное расследование? — спросил я напоследок. — По ее словам, она в понедельник вечером должна была с кем-то встречаться по этому поводу...

Я намеренно говорил уклончиво, не вдаваясь в детали. Но Майкл Берд покачал головой:

— Нет, мне она ничего не говорила.

По выходе из редакции Монтейн предложил мне покинуть город: он не видел поводов для беспокойства.

— Шеф хочет знать, уезжаете вы сейчас или нет.

— Да, — ответил я, — по-моему, я уже все осмотрел.

В машине я вскрыл конверт, который обнаружил в почтовом ящике Стефани. Это была выписка с кредитной карты, и я внимательно ее изучил.

Помимо бытовых трат (бензин, покупки в супермаркете и в книжном магазине Орфеа, снятие наличных), мне бросилась в глаза регулярная уплата дорожной пошлины на въезде в Манхэттен. Стефани в последнее время часто ездила в Нью-Йорк. А главное, покупала билет на самолет до Лос-Анджелеса: короткий перелет туда-обратно, с 10 по 13 июня. Несколько платежей на месте, в частности оплата гостиницы, — значит, поездка состоялась. Может, у нее дружок в Калифорнии. Так или иначе, эта женщина на месте не сидела. Неудивительно, что она в отъезде. Я прекрасно понимал местную полицию: ничто не говорило о том, что она пропала. Стефани — совершеннолетняя и вольна делать все, что хочет, она никому не обязана давать отчет. Зацепиться было не за что, и я, в свою очередь, уже готов был отказаться от этого дела, но вдруг меня поразила одна деталь. Что-то не сходилось. Редакция «Орфеа кроникл». Тамошняя обстановка совершенно не вязалась с моим представлением о Стефани. Конечно, я ее совсем не знал, но три дня назад она заговорила со мной так

самоуверенно, что мне легче было бы представить себе ее в «Нью-Йорк таймс», чем в местной газетенке курортного городка в Хэмптонах. Именно эта мелочь заставила меня покопаться еще немного в этом деле и нанести визит родителям Стефани. Жили они в Саг-Харборе, в двадцати минутах пути.

Было семь часов вечера.

* * *

В это время в Орфеа, на Мейн-стрит, Анна Каннер остановила машину перед кафе «Афина». Она собиралась поужинать с Лорен, своей подругой детства, и ее мужем Полом.

С тех пор как Анна перебралась из Нью-Йорка в Орфеа, она встречалась с Лорен и Полом чаще, чем с прочими своими друзьями. У родителей Пола был загородный дом в полутора десятках миль отсюда, в Саутхэмптоне, и они регулярно приезжали туда на выходные. Из Нью-Йорка они выбирались в четверг, чтобы не стоять в пробках.

Собираясь выйти из машины, Анна заметила Лорен и Пола: те уже сидели за столиком на террасе ресторана, причем с ними был какой-то мужчина. Анна сразу догадалась, что происходит, и позвонила Лорен.

— Ты опять сводничаешь, да, Лорен? — с ходу спросила она, как только та сняла трубку.

После минутного замешательства та ответила:

— Может, и да. А ты откуда знаешь?

— Чувствую, — соврала Анна. — Лорен, ну зачем ты со мной так?

Анна очень любила подругу, но та все время лезла в ее личную жизнь и норовила пристроить ее первому встречному.

— Этот тебе придется по вкусу, — заверила Лорен, отходя от столика, чтобы сидевший с ними мужчина не слышал разговора. — Положись на меня, Анна.

— Знаешь, Лорен, на самом деле мне сегодня вечером не удобно. Я еще на службе, надо кучу всяких бумажек доделать.

Анна с усмешкой смотрела, как Лорен забегала по террасе.

— Анна, попробуй только меня кинуть, я тебе запрещаю! Тебе тридцать три года, тебе нужен мужик! Ты когда последний раз трахалась, а?

К этому доводу Лорен прибегала только в крайнем случае. Но у Анны решительно не было настроения маяться на подставном свидании.

— Мне очень жаль, Лорен. К тому же я на дежурстве...

— Ой, только не начинай про свои дежурства! В этом городе сроду ничего не случилось. Имеешь ты право тоже развлечься раз в жизни?

В этот момент загудела какая-то машина, и Лорен услышала гудок и с улицы, и по телефону.

— Ах вот как! Спалилась, старушка! — закричала она, выскакивая на тротуар. — Ты где?

Анна не успела удрать.

— Я тебя вижу! — воскликнула Лорен. — Думаешь, сейчас смоешься и меня подставишь? Ты хоть понимаешь, что каждый вечер сидишь одна, как бабка какая? Слушай, правда, я не знаю, по-моему, ты зря себя тут похоронила...

— Ох, Лорен, помилуй! Ты прямо как мой папа!

— Если так будет продолжаться, ты так и состаришься в одиночестве, Анна!

Анна расхохоталась и вышла из машины. Если бы ей давали монетку всякий раз, как она слышала эти слова, она бы купалась в деньгах. Тем не менее приходилось признать, что Лорен не так уж неправа: она недавно развелась, детей у нее нет, живет в Орфеа одна.

Лорен считала, что постоянные любовные неудачи Анны объясняются двумя причинами: во-первых, той не хватает решимости и доброй воли, а во-вторых, ее профессия «отпугивает мужчин». «Никогда не говори им заранее, кем работаешь, — всякий раз твердила подруге Лорен, устраивая ей очередное свидание. — По-моему, они стремятся».

Анна поднялась на террасу. Нынешнего кандидата звали Джош. И выглядел он мерзко, как все чересчур самоуверенные мужчины. Здороваясь с Анной, откровенно пялился на нее и устало отдувался. Ей сразу стало ясно, что нынче вечером встреча с прекрасным принцем не состоится.

* * *

— Мы очень волнуемся, капитан Розенберг, — сказали хором Труд и Деннис Мейлер, родители Стефани. Мы сидели в гостиной, в их прелестном домике в Саг-Харборе.

— Я звонила Стефани в понедельник утром, — рассказывала Труд Мейлер. — Она сказала, что у нее совещание в редакции и она перезвонит. Но так и не перезвонила.

— Стефани всегда перезванивает, — добавил Деннис Мейлер.

Я сразу понял, почему родители Стефани так раздражают полицию. У них любая мелочь превращалась в драму. Даже то, что я отказался от кофе.

— Вы не любите кофе? — расстроилась Трудит Мейлер.

— Может, хотите чаю? — спросил Деннис Мейлер.

Завладев наконец их вниманием, я задал несколько предварительных вопросов. У Стефани были какие-то проблемы? Нет, в этом они не сомневались. Она баловалась наркотиками? Ни в коем случае. Есть у нее жених? Или дружок? Насколько им известно, нет. Были ли у нее причины удариться в бега? Никаких.

Мейлеры-старшие заверяли меня, что дочь никогда и ничего от них не скрывает. Но я быстро выяснил, что дело обстоит несколько иначе.

— Зачем Стефани летала в Лос-Анджелес две недели назад? — спросил я.

— В Лос-Анджелес? — удивилась мать. — Что вы такое говорите?

— Две недели назад Стефани на три дня летала в Калифорнию.

— Мы об этом ничего не знаем, — огорчился отец. — Она уезжала в Лос-Анджелес и не предупредила нас? Не похоже на нее. Может, это связано с газетой? Она никогда особо не распространяется о том, над какими статьями работает.

Мне плохо верилось, что «Орфеа кроникл» может себе позволить отправлять репортеров на другой конец страны. И как раз ее работа в газете вызывала у меня изрядное количество вопросов.

— Когда и как Стефани приехала в Орфеа? — спросил я.

— Последние годы она жила в Нью-Йорке, — объяснила Трудит Мейлер. — Изучала литературу в университете Нотр-Дам. Она с детства хотела стать писателем. И несколько ее рассказов уже напечатаны, причем два — в «Нью-Йоркере». После университета она работала в редакции журнала «Нью-Йорк литерари ревью», но в сентябре ее уволили.

— По какой причине?

— Кажется, финансовые трудности. Все случилось очень быстро: она нашла место в «Орфеа кроникл» и решила вернуться в наши края. Похоже, она была рада уехать из Манхэттена куда подальше, вернуться в более спокойную обстановку.

Мы помолчали, потом отец Стефани нерешительно сказал:

— Капитан, поверьте, мы не из тех, кто беспокоит полицию из-за пустяков. Мы с женой никогда бы не стали бить тревогу, если бы не были уверены, что случилось что-то необычное. Полиция Орфеа дала нам понять, что никаких зацепок у них нет. Но Стефани, даже когда ездила на

день в Нью-Йорк, всегда присылала нам сообщение или звонила, когда возвращалась, просто сказать, что все в порядке. Почему она послала эсэмэску главному редактору, а не родителям? Если она не хотела, чтобы мы волновались, она бы нам тоже написала.

— Кстати, о Нью-Йорке, — подхватил я. — Зачем Стефани так часто ездит в Манхэттен?

— Не сказал бы, что часто, — уточнил отец, — я просто для примера сказал.

— Нет, очень часто, — ответил я. — Причем нередко в одни и те же дни недели и часы. Как будто с кем-то регулярно встречается. Что ей там делать?

И снова Мейлеры-старшие явно были не в курсе. Труды Мейлер, чувствуя, что не до конца убедила меня в серьезности ситуации, спросила:

— Вы были у нее дома, капитан?

— Нет, я хотел попасть в квартиру, но дверь заперта, а ключа у меня нет.

— Хотите, заглянем туда сейчас? Вдруг вы увидите что-то такое, чего мы не заметили.

Я согласился по одной-единственной причине: мне хотелось закрыть это дело. Посмотрю на жилище Стефани и окончательно удостоверюсь, что полиция Орфеа права: нет никаких поводов тревожиться и считать, что человек пропал. Стефани вольна ездить в Нью-Йорк и в Лос-Анджелес сколько угодно. А что касается работы в «Орфеа кроникл», то наверняка она после увольнения за неимением лучшего просто ухватилась за первый подвернувшийся вариант.

К дому Стефани на Бендам-роуд мы подъехали ровно в восемь вечера. Поднялись все втроем на третий этаж. Труды Мейлер дала мне ключ открыть дверь, но я не смог повернуть его в скважине. Ключ застрял. Дверь была не заперта. Я почувствовал мощный прилив адреналина: внутри кто-то был. Стефани?

Я легонько нажал на ручку, дверь приоткрылась. Знаком велел родителям не шуметь, я слегка толкнул ее. Она беззвучно отворилась, и мне сразу бросился в глаза беспорядок в гостиной: кто-то явно рылся в вещах.

— Спускайтесь вниз, — шепнул я родителям. — Идите к машине и ждите меня там.

Деннис Мейлер кивнул и потащил жену по лестнице. Я достал револьвер и шагнул через порог. В доме все было перевернуто вверх дном. Сперва я осмотрел гостиную: этажерки валяются на полу, диванные

подушки вспороты. Внимание мое отвлекли рассыпанные по полу предметы, и я не заметил угрожающей фигуры, которая бесшумно подкрадывалась ко мне сзади. Не успел я повернуться, чтобы обойти другие комнаты, как передо мной выросла какая-то тень и распылила мне в лицо баллончик со слезоточивым газом. Глаза ожгло огнем, дыхание перехватило. Ничего не видя, я согнулся пополам — и получил удар по голове.

Дальше — чернота.

* * *

Кафе «Афина», 20.05.

Говорят, Амур всегда является без предупреждения, но в этот раз, навязав Анне дружеский ужин, Амур явно предпочел остаться дома. Джош уже битый час без остановки молот языком. Монолог его был посвящен отваге. Анна давно перестала слушать и смеха ради считала слова «я» и «меня»: они выпрыгивали у него изо рта, словно тараканчики, и с каждым разом становились все противнее. Лорен, не зная, куда девать глаза, допивала пятый бокал белого вина, а Анна довольствовалась безалкогольным коктейлем.

В конце концов Джош, видимо, утомился от собственных речей, схватил стакан с водой и залпом выпил, для чего ему пришлось умолкнуть. После благословенного мига тишины он, повернувшись к Анне, чопорно спросил:

— А ты, Анна, кем работаешь? Лорен мне так и не сказала.

Ровно в эту секунду у Анны зазвонил телефон. Увидев номер на дисплее, она сразу поняла, что дело срочное.

— Простите, я должна ответить на звонок.

Она встала из-за стола, отошла на несколько шагов, но почти сразу вернулась и сообщила, что, к несчастью, ей надо бежать.

— Уже? — На лице Джоша читалось разочарование. — Но мы даже не успели познакомиться...

— Я все про тебя знаю, это было... впечатляюще.

Она чмокнула Лорен и ее мужа, сделала Джошу ручкой, явно имея в виду «до невстречи!», и быстро вышла с террасы. Бедняге Джошу она, похоже, приглянулась — он выбежал за ней на тротуар.

— Тебя, может, подбросить? — спросил он. — У меня...

— «Мерседес» купе, — перебила она. — Знаю, ты мне это успел сообщить дважды. Очень мило с твоей стороны, но вот моя машина.

Она открыла багажник. Джош по-прежнему торчал за спиной.

— Я попрошу у Лорен твой телефон, я сюда часто забегаю, можем выпить кофе.

— Отлично, — ответила Анна, только чтобы он наконец отстал, и открыла огромную матерчатую сумку, занимавшую весь багажник.

Но Джош не унимался:

— Вообще-то ты так и не сказала, кем работаешь.

Не успел он договорить, как Анна вытащила из сумки бронезилет и натянула на себя. Поправляя застёжки на поясе, она взглянула на Джоша: глаза у него вылезли на лоб, он как замороженный таращился на светоотражающую нашивку с надписью прописными буквами: полиция.

— Я помощник шефа полиции Орфеа, — сказала она, доставая кобуру с револьвером и пристегивая ее на пояс.

Остолбневший Джош глядел на нее, разинув рот. Она села в немаркированную машину и рванула с места, расцветив спускавшиеся сумерки синими и красными проблесками маячков, потом включила сирену и умчалась. Прохожие провожали ее взглядами.

По словам диспетчера, в одном из домов неподалеку произошло нападение на сотрудника полиции штата. На место были вызваны все свободные патрули и дежурный офицер.

Анна на полной скорости неслась по Мейн-стрит; люди на переходах отпрыгивали назад на тротуар, машины по обе стороны прижимались к бордюру при ее приближении. Она мчалась по средней полосе, выжимая до упора педаль акселератора. Сказывался опыт экстренных вызовов в Нью-Йорке в час пик.

Когда она подъехала к дому, полицейский патруль был уже на месте. В подъезде она столкнулась с коллегой, спускавшимся по лестнице, и тот крикнул:

— Подозреваемый удрал через черный ход!

Анна бросилась через весь первый этаж к пожарному выходу. За ним открывалась пустынная улочка. Вокруг стояла странная тишина. Она прислушалась и, не услышав ни звука, побежала дальше, к маленькому пустынному парку. Здесь тоже все было тихо.

Ей почудился какой-то звук в зарослях, она выхватила револьвер из кобуры и бросилась в парк. Никого. Вдруг вдали как будто мелькнула бегущая тень. Она пустилась было следом, но быстро потеряла ее из виду и остановилась, запыхавшаяся, растерянная. В висках стучала кровь. За

живой изгородью послышался какой-то шорох; она медленно, с колотящимся сердцем, подошла поближе. В кустах явно кто-то крался. Улучив момент, она с криком «стой!» прыгнула вперед и наставила на подозреваемого револьвер. Перед ней стоял Монтейн, тоже с поднятым револьвером.

— Блин, Анна, ты охренела? — заорал он.

Она со вздохом убрала револьвер и согнулась пополам, переводя дыхание.

— Ты что тут делаешь, Монтейн?

— Это я у тебя хотел спросить! Ты сегодня вечером не на службе!

Монтейн, помощник шефа полиции, фактически был ее начальником. Сама она была всего лишь вторым замом.

— Я на дежурстве, — объяснила Анна. — Меня вызвал диспетчер.

— Черт, я же его чуть не сцапал! — злился Монтейн.

— Сцапал? Я раньше тебя приехала. У здания была только патрульная машина.

— Я по той улице, что сзади. А ты должна была сообщить свои координаты по радио. Напарники поступают так. Обмениваются информацией, а не строят из себя супергероев.

— Я была одна, и без радио.

— У тебя что, радио в машине нет? Ты задолбала, Анна! Ты тут с первого дня всех задолбала!

Он сплюнул и двинулся к дому. Анна пошла за ним. Вся Бендам-роуд была теперь запружена полицейскими машинами.

— Анна! Монтейн! — издали окликнул их Рон Гулливер.

— Шеф, мы его упустили! — пробурчал Монтейн. — Я его чуть не словил, да тут Анна бардак устроила, как всегда.

— Да иди ты в пень, Монтейн! — крикнула она.

— Сама иди! — взорвался Монтейн. — Катись домой, это мое дело!

— Нет, мое! Я раньше тебя приехала.

— Будь добра, отстань от нас от всех и вали отсюда! — зарычал Монтейн.

Анна обернулась к Гулливеру, призывая его в свидетели:

— Шеф... может, вы вмешаетесь?

Гулливер терпеть не мог конфликты.

— Ты не на службе, Анна, — умиротворяюще произнес он.

— Я на дежурстве!

— Оставь это дело Монтейну, — отрезал Гулливер.

Монтейн торжествующе ослабилась и направился к дому, оставив

Анну наедине с Гулливером.

— Это несправедливо, шеф! — вспыхнула она. — Почему вы позволяете Монтейну так со мной разговаривать?

Но Гулливер не желал ничего слушать.

— Ради бога, Анна, давай обойдемся без сцен! — добродушно попросил он. — На нас все смотрят. Это сейчас совершенно лишнее. — Он с любопытством взглянул на нее. — Ты со свидания, что ли?

— С чего вы взяли?

— Губы накрасила.

— Я часто крашу губы.

— Нет, тут другой случай. Вид у тебя такой, как будто ты со свидания. Может, тебе лучше вернуться? Увидимся завтра на службе.

Гулливер в свою очередь двинулся к дому. Она осталась одна. Вдруг кто-то ее окликнул. Она оглянулась. К ней подошел Майкл Берд, главный редактор «Орфеа кроникл»:

— Анна, что случилось?

— Без комментариев, я не при делах, — отрезала она.

— Скоро будешь при делах, — улыбнулся он.

— Что ты имеешь в виду?

— Ха, когда возглавишь городскую полицию! Вы из-за этого ругались с Монтейном?

— Не понимаю, о чем ты, Майкл.

— Да неужели? — наигранно удивился тот. — Все знают, что следующим шефом полиции будешь ты.

Она молча пошла к своей машине. Сняла бронежилет, бросила его на заднее сиденье и тронулась с места. Можно было вернуться в кафе «Афина», но у нее пропало всякое желание. Дома она устроилась под навесом на крыльце, с бокалом вина и сигаретой. Вечер выдался теплый.

Анна Каннер

В Орфеа я приехала в субботу, 14 сентября 2013 года.

Дорога от Нью-Йорка заняла от силы часа два, но мне показалось, что я обогнула весь земной шар. Вместо небоскребов Манхэттена я оказалась в мирном городке, залитом вечерним солнцем. Я поехала по Мейн-стрит, потом свернула в свой новый квартал, к арендованному дому. Ехала медленно, разглядывала прохожих, детишек, толпившихся около фургона торговца мороженым, добропорядочных соседей, возившихся на клумбах и грядках. Вокруг царил абсолютный покой.

Вот наконец и мой дом. Передо мной открывалась новая жизнь. От прежней осталась только мебель, которую доставили из Нью-Йорка. Я достала ключ, открыла входную дверь, вошла в темный холл и включила свет. К моему изумлению, весь пол оказался заставлен коробками. Я обежала весь первый этаж: мебель не распакована, наверх ничего не поднято, ящики с моими вещами свалены в комнатах.

Я немедленно позвонила в транспортную компанию, с которой заключила договор. Но дама на другом конце провода нелюбезно ответила: «Вы ошибаетесь, миссис Каннер. Ваши бумаги лежат передо мной. Вы, по-видимому, не там поставили галочку. У вас заказана доставка, но не распаковка». В трубке раздались короткие гудки. Я снова вышла из дома, чтобы не видеть весь этот хаос, и в досаде уселась на ступеньки крыльца. Вдруг передо мной выросла какая-то фигура, в каждой руке у нее была бутылка пива. Фигура оказалась моим соседом Коди Иллинойсом. До этого мы с ним виделись дважды: когда я смотрела дом и когда приезжала подготовить переезд, подписав договор об аренде.

— Хотел сказать вам «добро пожаловать», Анна.

— Вы очень любезны, — хмуро сказала я.

— А вы, похоже, не в настроении, — отозвался он.

Я пожала плечами. Он протянул мне бутылку пива и сел рядом. Я рассказала про свои злоключения с переездом, он вызвался помочь распаковать вещи, и через несколько минут мы уже подняли кровать в комнату, предназначенную для спальни. Я спросила:

— Что мне делать, чтобы меня здесь приняли?

— Не берите в голову, Анна. Люди вас оценят. Вообще-то можете летом устроиться волонтером на театральный фестиваль. Работа на таком мероприятии очень сплачивает.

Коди был первым человеком, с которым я подружилась в Орфеа. Он держал чудный книжный магазин на Мейн-стрит, вскоре ставший для меня вторым домом.

В тот вечер, когда я после ухода Коди распаковывала коробки с одеждой, мне позвонил бывший муж.

— Анна, что за шутки? — услышала я, не успев снять трубку. — Уехала из Нью-Йорка и даже не попрощалась!

— Мы с тобой давно попрощались, Марк.

— И тебе меня не жалко?

— Зачем ты звонишь?

—захотелось с тобой поговорить, Анна.

— А мне не хочется с тобой говорить, Марк. Мы разошлись.

Окончательно. Точка.

Он пропустил мою фразу мимо ушей.

— Я сегодня ужинал с твоим отцом. Это было потрясающе.

— Слушай, оставь в покое моего отца.

— Я что, виноват, что он меня обожает?

— Зачем ты мне все это говоришь, Марк? В отместку?

— Ты не в духе, Анна?

— Да, — вспыхнула я, — не в духе! У меня вся мебель разобрана на составные части, я не знаю, как ее собрать, и мне, конечно, нечем заняться, кроме как выслушивать твои стенания!

Я сразу пожалела о своих словах. Конечно же он за них уцепился и собрался мчаться на помощь:

— Тебе помочь? Я уже в машине, выезжаю!

— Нет, только не это!

— Через два часа буду. Будем всю ночь собирать мебель, строить мир заново... Как в старое доброе время.

— Марк, я запрещаю тебе приезжать.

Я нажала на отбой и выключила телефон, чтобы он оставил меня в покое. Но наутро меня ожидал неприятный сюрприз: на крыльце стоял Марк.

— Что ты здесь делаешь? — резко спросила я, открыв дверь.

— Какой сердечный прием! — расплылся он в улыбке. — Приехал тебе помочь.

— Кто тебе дал мой адрес?

— Твоя мама.

— О нет, я ее убью!

— Анна, она мечтает, чтобы мы снова были вместе. Она хочет внуков!

— Прощай, Марк.

Я хотела захлопнуть дверь у него перед носом, но он придержал ее.

— Подожди, Анна, дай я хотя бы тебе помогу.

Одной мне было не справиться, и я согласилась. К тому же он ведь все равно уже приехал. Мне были исполнены все трюки идеального мужчины: Марк расставил мебель, развесил по стенам картины и повесил люстру.

— Ты тут будешь жить одна? — спросил он под конец, сверля очередную дырку.

— Да, Марк. Тут я начну новую жизнь.

* * *

В следующий понедельник я первый раз пришла на работу в полицию Орфеа. В восемь утра я стояла у окошка приемной, в штатском.

— Что у вас? Жалоба? — спросил полицейский, не поднимая глаз от газеты.

— Нет, — ответила я. — Я ваша новая коллега.

Он уставился на меня и, дружески улыбнувшись, крикнул куда-то назад: «Парни, она здесь!» В следующий момент передо мной вырос целый полицейский отряд, разглядывавший меня, словно диковинную зверушку. Шеф Гулливер вышел вперед и сердечно протянул мне руку: «Добро пожаловать, Анна!»

Приняли меня тепло. Я поздоровалась по очереди со всеми новыми коллегами, мы перекинулись парой слов, мне принесли кофе, засыпали вопросами. Кто-то весело крикнул: «Чуваки, я скоро поверю в Санта-Клауса: старый заскорузлый коп уходит в отставку, а на его место садится роскошная девица!» Они дружно расхохотались. К несчастью, благодущная атмосфера царила недолго.

Джесси Розенберг

Пятница, 27 июня 2014 года

29 дней до открытия фестиваля

На рассвете я выехал в Орфеа.

Мне обязательно надо было выяснить, что произошло накануне в квартире Стефани. Гулливер считал, что это просто ограбление. Я в это не верил ни секунды. Криминалисты из полиции штата работали в квартире до поздней ночи, искали отпечатки, но ничего не нашли. Со своей стороны, я склонялся к мысли, что нападавший был мужчиной — судя по силе удара.

Нужно было найти Стефани. Я чувствовал, что время поджимает. Выехав на 17-е шоссе, я перед въездом в город, на последнем прямом отрезке, прибавил скорость, но не включил ни маячок, ни сирену.

Только миновав дорожный щит, обозначающий границу Орфеа, я заметил спрятавшийся за ним немаркированный полицейский автомобиль, который немедленно пустился за мной в погоню. Я затормозил у обочины и увидел в зеркало заднего вида, как из машины выходит красивая женщина в форме и направляется ко мне. Так я познакомился с первым человеком, согласившимся помочь мне распутать это дело, — с Анной Каннер.

Когда она подошла к открытому окну моей машины, я с улыбкой показал ей свой полицейский жетон.

— Капитан Джесси Розенберг, — прочитала она. — Срочный вызов?

— По-моему, я вас вчера вечером видел мельком на Бендам-роуд. Я тот самый коп, на которого напали.

— Помощник шефа полиции Анна Каннер, — представилась женщина. — Как ваша голова, капитан?

— С головой все отлично, спасибо. Но, признаться, мне не дает покоя то, что произошло в этой квартире. Гулливер считает, что это ограбление, а мне не верится. И я все думаю, не вляпался ли в какое-то очень странное дело.

— Гулливер — безмозглый осел, — сказала Анна. — Расскажите лучше про это свое дело, мне интересно.

Я понял, что Анна может быть для меня ценной союзницей в Орфеа. Впоследствии выяснилось, что она еще и незаурядный коп. Я предложил:

— Анна, можно обращаться к тебе по имени? Давай выпьем кофе, я тебе все расскажу.

Через несколько минут мы уже сидели в маленьком спокойном придорожном кафе-магазине, и я объяснял Анне, с чего все началось: как Стефани Мейлер подошла ко мне в начале недели и рассказала про свое расследование убийства четырех человек в Орфеа в 1994 году.

— Что это за убийства 1994 года? — спросила Анна.

— Убили мэра Орфеа и всю его семью, — пояснил я. — И еще случайную женщину на улице, она вышла на пробежку. Самая настоящая бойня. Случилось это вечером, в день, когда в Орфеа открылся первый театральный фестиваль. А главное, это было мое первое крупное дело. Мы с напарником, Дерекотом Скоттом, тогда его раскрыли. Но в понедельник Стефани специально приходила мне сказать, что мы, по ее мнению, ошиблись: расследование не завершено, а настоящего преступника мы не нашли. С тех пор она пропала, а вчера кто-то проник в ее квартиру.

Анну мой рассказ явно заинтриговал. Выпив кофе, мы вдвоем отправились домой к Стефани. Квартира была заперта и опечатана, но родители дали мне свой ключ.

Внутри все было перевернуто вверх дном, вещи в полном беспорядке. В нашем распоряжении был один-единственный непреложный факт: дверь в квартиру не взломали.

— Мейлеры-старшие говорят, что второй ключ был только у них, — сказал я. — А значит, у того, кто сюда проник, был ключ Стефани.

Я уже рассказал Анне, что Стефани прислала сообщение Майклу Берду, главному редактору «Орфеа кроникл», поэтому она сразу

предположила:

— Если у кого-то есть ключ Стефани, значит, у него может быть и ее мобильник.

— Ты хочешь сказать, что эсэсмэску послала не она? Тогда кто?

— Кто-то, кто хотел выиграть время.

Я вытащил из заднего кармана конверт, который достал накануне из почтового ящика, и протянул Анне:

— Это выписка с кредитной карты Стефани. В начале месяца она ездила в Лос-Анджелес, и нам еще надо выяснить зачем. По моим сведениям, с тех пор она никуда не летала. Стало быть, если она уехала добровольно, то только на машине. Я объявил в розыск ее номера; если она где-то в пути, дорожная полиция быстро ее найдет.

— Ты времени даром не терял, — уважительно сказала Анна.

— Время терять нельзя, — ответил я. — Еще я запросил детализацию ее звонков и выписку с кредитки за последние месяцы. Надеюсь, сегодня к вечеру получу.

Анна быстро пробежала глазами выписку.

— Последний раз она использовала кредитную карту в понедельник вечером, в 21.55, в «Кодиаке». Это ресторан на Мейн-стрит. Поехали туда. Может быть, кто-то что-то видел.

«Кодиак Гриль» находился в конце Мейн-стрит. Управляющий, справившись с графиком работы на неделю, указал нам, кто из персонала был на месте в понедельник вечером. Одна из опрошенных официанток узнала Стефани по фото, которое мы ей показали.

— Да, помню ее. Была здесь в начале недели. Красивая девушка, и одна.

— Вы заметили что-то особенное? Ведь к вам каждый день ходит множество посетителей, а вы запомнили именно ее.

— Она не первый раз приходила. Всегда просила один и тот же столик. Говорила, что ждет кого-то, но никто не приходил.

— А что было в понедельник?

— Она пришла около шести вечера, в начале моей смены. Сидела и ждала. Потом заказала салат «Цезарь» и колу и в конце концов ушла.

— Точно, около десяти.

— Возможно. Время я не помню, но она долго сидела. Расплатилась и ушла. Вот все, что я помню.

Выйдя из «Кодиака», мы заметили, что в соседнем здании расположен банк с банкоматом на улице.

— Там обязательно должны быть камеры слежения, — сказала Анна. — Возможно, Стефани в понедельник на них попала.

Спустя пару минут мы сидели в тесном кабинете банковского охранника, и тот показывал нам, куда направлены разные камеры в здании. Одна смотрела на тротуар, на ней была видна терраса «Кодиака». Охранник прокрутил нам понедельничные записи, начиная с 18.00. Я вглядывался в прохожих на экране и вдруг увидел ее.

— Стоп! — закричал я. — Это она, это Стефани.

Охранник остановил картинку.

— Теперь медленно отмотайте назад, — попросил я.

Стефани на экране пошла задом наперед. Сигарета у нее во рту стала целой, потом она поднесла к ней золотистую зажигалку, взяла двумя пальцами и убрала в пачку, а пачку положила в сумку. Отошла еще назад, свернула с тротуара к синей компактной машинке и уселась в нее.

— Это ее машина, — сказал я. — Двухдверная синяя «мазда». Я видел, как она в нее садилась на парковке окружного отделения полиции штата.

Я попросил охранника прокрутить запись вперед, и мы увидели, как Стефани выходит из машины, зажигает сигарету, выкуривает ее на ходу и направляется к «Кодиаку».

Затем мы промотали запись до 21.55, когда Стефани расплатилась за ужин кредитной картой. Через две минуты она показалась на экране снова. Взвинченной походкой подошла к машине. Прежде чем сесть в нее, достала из сумки телефон. Кто-то ей звонил. Она поднесла телефон к уху, звонок был очень короткий. Сама она явно не говорила, только слушала. Нажав на отбой, она села в кабину и с минуту сидела неподвижно. Ее было отчетливо видно через ветровое стекло. Потом она поискала в телефоне номер, позвонила, но тут же нажала на отбой. Как будто звонок не проходил. Подождала пять минут за рулем. Явно нервничала. Потом позвонила снова — на этот раз с кем-то поговорила. Звонок длился секунд двадцать. Наконец машина тронулась, двинулась на север и скрылась из виду.

— Похоже, это последнее изображение Стефани Мейлер, — пробормотал я.

После полудня мы долго опрашивали подруг Стефани. Большинство жили в Саг-Харборе, где она родилась.

Никто из них с понедельника не имел от Стефани никаких вестей, все тревожились. Тем более что Мейлеры-старшие тоже их всех обзвонили и добавили беспокойства. Все пытались с ней связаться — и по телефону, и

по электронной почте, и через социальные сети, стучались к ней в дверь. Безуспешно.

Из разговоров выходило, что Стефани была женщиной порядочной во всех отношениях. Не кололась, пила немного, прекрасно со всеми ладила. Друзья знали про ее личную жизнь больше, чем родители. Одна из подруг сказала, что недавно познакомилась с ее парнем:

— Да, был один тип, некий Шон, она с ним однажды на вечеринку приходила. Это было очень странно.

— Что именно странно?

— Химия между ними. Что-то не ладилось.

Другая подруга утверждала, что Стефани вся в работе:

— В последнее время мы со Стефани почти не виделись. Она говорила, что у нее куча работы.

— А над чем она работала?

— Понятия не имею.

Третья рассказала о ее поездке в Лос-Анджелес:

— Да, две недели назад она летала в Лос-Анджелес, но просила никому об этом не говорить.

— Зачем она туда ездила?

— Не знаю.

Последним из друзей, кто с ней разговаривал, был Тимоти Волт. Они встречались со Стефани накануне, в воскресенье вечером.

— Она ко мне заходила, — сказал он. — Я был один, мы немножко выпили.

— Она не показалась вам нервной, озабоченной? — спросил я.

— Нет.

— Что за человек Стефани?

— Она гениальная девушка, блестящая, даже больше, но характер у нее тот еще, упрямая как осел. Если что взбредет ей в голову, ни за что не отступится.

— Она вам рассказывала, над чем работает?

— Немного. Говорила, что затеяла сейчас очень большой проект, но в детали не вдавалась.

— Какого рода проект?

— Книгу. Во всяком случае, она потому и вернулась в наши края.

— Как так?

— У Стефани непомерные амбиции. Она мечтает стать знаменитым писателем и своего добьется. На жизнь она до сентября месяца зарабатывала на стороне, в каком-то литературном издании... забыл

название...

— Да, — кивнул я, — в «Нью-Йорк литерари ревью».

— Точно, он самый. Но вообще-то это была просто подработка, счета оплачивать. Она, когда уволилась, говорила, что хочет вернуться в Хэмптоны, чтобы спокойно писать. Помню, однажды она сказала: «Я здесь только затем, чтобы написать книгу». По-моему, ей нужно было свободное время и покой, и здесь она их нашла. Иначе с чего бы ей работать внештатником в какой-то местной газетенке? Она честолюбивая, я же говорю. Ей луну с неба надо. Если переехала в Орфеа, значит, на то была веская причина. Может, не могла сосредоточиться в нью-йоркской суете. Писатели ведь часто живут за городом, верно?

— Где она писала?

— Наверно, дома.

— На компьютере?

— Понятия не имею, откуда мне знать.

Когда мы выходили от Тимоти Волта, Анна обратила мое внимание на то, что дома у Стефани компьютера не было.

— Или его унес вчерашний вечерний визитер, — ответил я.

Раз уж мы приехали в Саг-Харбор, то заодно зашли к родителям Стефани. Те ничего не знали про парня по имени Шон, и компьютер Стефани у них не оставляла. На всякий случай мы попросили разрешения взглянуть на комнату Стефани. Она не жила там с тех пор, как окончила школу, и внутри все осталось, как было: постеры на стенах, спортивные кубки, мягкие игрушки на кровати и школьные учебники.

— Стефани уже много лет здесь не ночевала, — сказала Труды Мейлер. — После школы уехала в университет, жила в Нью-Йорке, пока ее в сентябре не уволили из «Нью-Йорк литерари ревью».

— Есть ли какая-то конкретная причина, почему Стефани поселилась в Орфеа? — спросил я, не упоминая о том, что поведал нам Тимоти Волт.

— Я же вам вчера говорила. Она потеряла работу в Нью-Йорке, ей захотелось вернуться в Хэмптоны.

— Но почему именно в Орфеа? — настаивал я.

— Думаю, потому, что это самый большой город в округе.

Я решил задать еще один вопрос:

— Миссис Мейлер, а в Нью-Йорке у Стефани не было врагов? Может, она с кем-то поссорилась?

— Нет, ничего похожего.

— Она жила одна?

— Они снимали квартиру вместе с одной молодой женщиной, та тоже

работала в «Нью-Йорк литерари ревью». С Элис Филмор. Мы ее однажды видели, когда Стефани решила уехать из Нью-Йорка и мы помогли ей забрать какую-то мебель. У нее и было-то всего ничего, мы все отвезли прямо к ней на квартиру в Орфеа.

Ничего не обнаружив ни дома у Стефани, ни у ее родителей, мы решили вернуться в Орфеа и взглянуть на ее компьютер в редакции «Орфеа кроникл».

В редакцию газеты мы приехали в пять часов вечера. Майкл Берд показал нам столы сотрудников. Ткнул пальцем в стол Стефани. На нем царил порядок: монитор, клавиатура, пачка носовых платков, астрономическое количество одинаковых ручек в чайной чашке, блокноты и несколько отдельных листков. Я быстро просмотрел их и, не найдя ничего особо интересного, спросил:

— Кто-то мог в последние дни получить доступ к компьютеру без ее ведома?

С этими словами я нажал на кнопку, чтобы включить машину.

— Нет, — ответил Майкл, — все компьютеры защищены индивидуальным паролем.

Компьютер не включался, и я еще раз нажал на кнопку.

— Значит, никто не имел возможности проникнуть в компьютер Стефани без ее ведома?

— Никто, — заверил Майкл. — Пароль знает только Стефани и больше никто. Даже у нашего айтишника его нет. Кстати, не понимаю, как вы собрались смотреть ее компьютер, если у вас нет пароля.

— Не волнуйтесь, у нас есть специалисты, они этим займутся. Хоть бы он включился наконец.

Я нагнулся и заглянул под стол, проверить, подключен ли к сети системный блок, но системного блока не было. Не было вообще ничего.

Я поднял голову и спросил:

— Где компьютер Стефани?

— Там, где же ему еще быть, — ответил Майкл.

— Нет, там пусто!

Майкл и Анна тоже посмотрели под стол и убедились, что там нет ничего, кроме болтающихся кабелей. Потрясенный Майкл воскликнул:

— Кто-то украл компьютер Стефани!

В 18.30 вдоль фасада «Орфеа кроникл» выстроилась вперемешку целая туча машин полиции Орфеа и полиции штата.

В редакции сотрудник-криминалист подтвердил, что речь идет о краже

со взломом. Мы с Анной и Майклом гуськом проследовали за ним в подсобное помещение в подвале, служившее одновременно чуланом и запасным выходом. В глубине комнаты была дверь, выходящая на крутую лестницу; по ней можно было выйти на улицу. Стоило лишь просунуть руку через разбитое стекло, повернуть ручку и открыть дверь.

— Вы никогда не спускаетесь в это помещение? — спросил я у Майкла.

— Никогда. В подвал никто не ходит. Тут только архивы, они никому не нужны.

— Ни сигнализации, ни камер слежения нет? — поинтересовалась Анна.

— Нет, кто за них будет платить? Честное слово, будь у нас деньги, мы бы сперва канализацию починили.

— Мы пытались найти отпечатки на дверных ручках, — пояснил криминалист, — но там столько отпечатков и всякой грязи, что использовать их невозможно. Возле стола Стефани мы тоже ничего не нашли. По-моему, он вошел через эту дверь, поднялся на первый этаж, забрал компьютер и тем же путем вышел.

Мы вернулись в помещение редакции.

— Майкл, это мог сделать кто-то из сотрудников? — спросил я.

— Да никогда в жизни! — оскорбился Майкл. — Как вам такое могло в голову прийти? Я полностью доверяю своим журналистам.

— Тогда объясните, откуда посторонний мог знать, который из компьютеров принадлежит Стефани?

— Не имею представления, — вздохнул Майкл.

— Кто первым приходит сюда по утрам? — спросила Анна.

— Ширли. Обычно она по утрам открывает офис.

Мы позвали Ширли, и я спросил:

— Вы не замечали ничего необычного в последнее время, когда приходили утром на работу?

Ширли задумалась, напрягла память и вдруг просияла:

— Сама я ничего не видела. Но действительно, во вторник утром Ньютон, один из журналистов, сказал, что его компьютер включен. Он знал, что накануне его выключил, он последним уходил. Устроил мне сцену, говорил, что кто-то без его ведома включал его компьютер, но я подумала, что он просто сам забыл его выключить.

— Где стол Ньютона? — спросил я.

— Рядом со столом Стефани.

Я нажал на кнопку включения компьютера: им за это время уже

пользовались, значит, на кнопке все равно уже не могло быть пригодных отпечатков. Монитор зажегся:

ЭТОТ КОМПЬЮТЕР: НЬЮТОН
ПАРОЛЬ:

— Он включил первый попавшийся компьютер, — сказал я. — Увидел имя и понял, что не тот. Тогда включил следующий, и высветилось имя Стефани. Искать дальше было незачем.

— Что доказывает, что это сделал кто-то не из редакции, — облегченно вздохнул Майкл.

— Прежде всего, это говорит о том, что кража произошла в ночь с понедельника на вторник, — продолжал я. — То есть в ночь, когда Стефани пропала.

— Стефани пропала? — удивленно переспросил Майкл. — Что значит пропала?

Вместо ответа я попросил:

— Майкл, можете мне распечатать все статьи, написанные Стефани с тех пор, как она стала работать в газете?

— Разумеется. Но скажите наконец, что происходит, капитан? Вы думаете, со Стефани что-то случилось?

— По-моему, да, — подтвердил я. — И боюсь, что-то серьезное.

В дверях редакции мы столкнулись с шефом полиции Гулливером и мэром Орфеа Аланом Брауном; они стояли на тротуаре и обсуждали ситуацию. Мэр меня сразу узнал. Вид у него был такой, словно он увидел привидение.

— Вы здесь? — изумился он.

— Я бы предпочел повидаться с вами при других обстоятельствах.

— Каких обстоятельствах? — спросил он. — Что вообще происходит? С каких пор полиция штата выезжает на заурядное ограбление?

— Вы не имеете права здесь находиться! — добавил Гулливер.

— В этом городе пропал человек, Гулливер, такие происшествия находятся в ведении полиции штата.

— Пропал человек? — задохнулся мэр.

— Никто никуда не пропал! — в бешенстве вскричал Гулливер. — У вас нет никаких доказательств, капитан! Вы сообщили в прокуратуру? Коли вы так уверены в себе, то должны были уже это сделать! Может, это я должен им звонить?

Я ничего не ответил и ушел.

В ту ночь, в три часа, в диспетчерскую пожарной части Орфеа поступил звонок: по адресу Бендам-роуд, 77, где жила Стефани Мейлер, произошел пожар.

Дерек Скотт

Вечер 30 июля 1994 года, когда произошло убийство.

Лонг-Айленд мы пересекли за рекордное время и прибыли в Орфеа в 20.55.

Под вой сирены мы свернули на Мейн-стрит, перекрытую по случаю начала театрального фестиваля. Дежуривший там автомобиль местной полиции пропустил нас в оцепленный квартал Пенфилд, куда съехалось множество машин полиции и скорой помощи из всех соседних городов. Пенфилд-лейн обнесли заградительными лентами, за ними толпились зеваки, набежавшие с Мейн-стрит ради такого зрелища.

Мы с Джесси первыми из уголовной полиции прибыли на место. Нас встретил Кирк Харви, шеф полиции Орфеа.

— Сержант Дерек Скотт, полиция штата, — представился я, показывая жетон, — а это мой помощник, инспектор Джесси Розенберг.

— Я шеф полиции Кирк Харви, — отозвался полицейский; в голосе его звучало явное облегчение: наконец можно кому-то передать свои обязанности. — Честно говоря, я вообще не справляюсь. У нас в жизни не случилось ничего подобного. Четверо убитых, просто бойня.

Полицейские сновали туда-сюда, выкрикивали приказы и тут же их отменяли. Я был старшим по званию из присутствующих и решил взять ситуацию в свои руки.

— Перекройте все дороги, — велел я Харви. — Расставьте посты. Я вызову подкрепление из дорожной полиции и попрошу прислать все свободные группы полиции штата.

Метрах в двадцати от нас лежало в луже крови тело женщины в спортивном костюме. Мы медленно приблизились. Полицейский, стоявший рядом на посту, изо всех сил старался не смотреть на труп.

— Ее муж обнаружил. Если хотите его допросить, он в карете скорой помощи, вон там. Но самый кошмар внутри, — сказал Харви, указывая на соседний дом. — Мальчик и его мать...

Мы немедленно направились к дому. Хотели срезать угол и пройти по газону, но ботинки ушли в воду сантиметра на четыре.

— Черт, — ругнулся я, — ноги промочил, теперь на слежу везде. Что у

вас тут за потоп? Дождь последний раз шел больше месяца назад.

— Прорвало трубу автополива, сержант, — сказал постовой с крыльца. — Пытаемся перекрыть воду.

— Только ничего не трогайте! — приказал я. — Оставьте все как есть до приезда криминалистов. И огородите газон, пусть все идут по плиткам. Не хватало еще затоптать все место преступления из-за этой лужи.

Я кое-как вытер ноги на ступеньках крыльца, и мы вошли в дом. Дверь была выбита ногой. Прямо перед нами, в коридоре, лежала застреленная женщина. Рядом с ней — открытый, наполовину уложенный чемодан. Справа — маленькая гостиная, в ней тело мальчика лет десяти, также убитого из огнестрельного оружия; он упал на шторы, словно пытался спрятаться, когда его подстрелили. На кухне распростерся на животе в луже крови мужчина лет сорока: явно хотел убежать, но его убили.

Невыносимо воняло мертвечиной и кишками. Мы поскорей вышли из дома — бледные, потрясенные увиденным.

Вскоре нас позвали в гараж мэра. Полицейские обнаружили в багажнике машины другие чемоданы. Мэр с семьей явно собирались уезжать.

* * *

Ночь стояла жаркая. Молодой заместитель мэра Браун обливался потом в своем костюме, торопливо спускаясь по Мейн-стрит и расталкивая толпу. Как только ему сообщили о происшествии, он выскочил из театра и решил добраться до Пенфилд-кресент пешком: наверняка так получится быстрее, чем на машине. Он был прав — в центре не проехать, все забито людьми. На углу Дарем-стрит его обступили встревоженные слухами горожане, все хотели знать, что случилось; но он, ни слова не говоря, пустился бежать как угорелый. Свернул направо к Бендам-роуд и помчался к жилой зоне. Поначалу улицы были пусты, дома стояли с темными окнами. Потом вдали завиднелось какое-то движение. Чем ближе он подходил, тем ярче разгорался свет, мелькали маячки полицейских машин. Толпа любопытных росла на глазах. Кто-то окликал его, но он не обращал внимания и бежал дальше. Пробрался к полицейским ограждениям. Его увидел помощник шефа полиции Рон Гулливер, сразу пропустил. При виде открывшейся сцены Алан Браун сперва растерялся: шум, огни, накрытое белой простыней тело на тротуаре. Он не понимал, куда идти. Но тут с

облегчением заметил знакомое лицо: Кирк Харви, шеф полиции Орфеа, как раз беседовал со мной и Джесси.

— Кирк, — бросился к нему Браун, — ради бога, что происходит? Все эти слухи — это правда? Джозеф и его семья убиты?

— Все трое, Алан, — мрачно ответил Харви.

Он мотнул головой в сторону дома, вокруг которого сновали полицейские.

— Мы обнаружили их в доме, всех троих. Не выжил никто.

Харви представил нас заместителю мэра.

— Есть какой-то след? Улики? — обратился к нам Браун.

— Пока ничего, — ответил я. — Мне не дает покоя мысль, что это случилось в день открытия театрального фестиваля.

— Полагаете, это как-то связано?

— Пока рано что-то утверждать. Я вообще не понимаю, что мэр делал дома. Разве ему не надо было быть в Большом театре?

— Да, мы должны были встретиться в семь. Он все не шел, я пытался звонить ему домой, но трубку никто не брал. Пора было начинать спектакль, я экспромтом изобразил вместо Джозефа какую-то вступительную речь, а его кресло так и оставалось пустым. Мне только в антракте сказали, что случилось.

— Алан, — сказал Харви, — в машине Гордона мы обнаружили чемоданы. Он собирался уезжать вместе с семьей.

— Уезжать? Что значит уезжать? Куда?

— У нас пока нет никаких конкретных предположений, — пояснил я. — Но не казалось ли вам, что мэр в последнее время чем-то озабочен? Он вам не говорил, что ему поступают угрозы? Быть может, он опасался за свою безопасность?

— Угрозы? Нет, он ничего такого не говорил. А... можно мне зайти и посмотреть?

— Лучше лишний раз не топтаться на месте преступления, Алан, — остановил его Харви. — Да и зрелище не из приятных. Сущяя мясорубка. Малыша убили в гостиной, Лесли, жену Гордона, в коридоре, а самого Джозефа на кухне.

Браун вдруг почувствовал, что его шатает. Ноги подгибались, и он сел прямо на тротуар. Взгляд его снова упал на белую простыню в нескольких десятках метров.

— Но если они все погибли в доме, то кто же там? — показал он на тело.

— Молодая женщина, Меган Пейделин, — ответил я. — Совершала

пробежку и, видимо, столкнулась с убийцей, когда он выходил из дома. Ее тоже застрелили.

— Нет, это невозможно! — Браун закрыл лицо руками. — Это какой-то кошмар!

В этот момент к нам подошел Рон Гулливер.

— У прессы много вопросов, — обратился он к Брауну. — Кто-то должен сделать заявление.

— Я... я не уверен, что смогу это выдержать, — бледнея, пробормотал Алан.

— Алан, ты должен, — ответил Харви. — Теперь мэр города — ты.

Джесси Розенберг

Суббота, 28 июня 2014 года

28 дней до открытия фестиваля

В восемь утра, когда город понемногу просыпался, на забитой пожарными машинами Бендам-роуд царила суматоха. Дом, где жила Стефани, превратился в дымящиеся руины. Ее квартира выгорела полностью.

Мы с Анной стояли на тротуаре и смотрели, как пожарные ходят взад-вперед, сматывают шланги и убирают снаряжение. Вскоре к нам подошел их начальник.

— Это поджог, — уверенно произнес он. — Счастье, что никто не пострадал. В здании был только жилец со второго этажа, он успел выбраться. Он-то нам и позвонил. Идемте, хочу вам кое-что показать.

Мы следом за ним вошли в дом и поднялись по лестнице. В воздухе стоял едкий запах гари. Добравшись до площадки третьего этажа, мы обнаружили, что дверь квартиры Стефани распахнута. Выглядела она совершенно целой. Замочная скважина тоже.

— Как же вы вошли, если не взламывали ни дверь, ни замок? — спросила Анна.

— Именно это я и хотел вам показать, — ответил шеф пожарных. — Когда мы прибыли, дверь была открыта настежь, как сейчас.

— У поджигателя были ключи, — сказал я.

Анна озабоченно взглянула на меня:

— Джесси, по-моему, тот, кого ты здесь застал в четверг вечером, явился довершить свое дело.

Я подошел к порогу и заглянул в квартиру. Там не осталось ничего.

Мебель, стены, книги — все превратилось в уголья. Человек, который поджег квартиру, ставил себе единственную цель: сжечь все дотла.

Жилец со второго этажа, Брэд Мелшоу, сидел на ступеньках соседнего дома, завернувшись в одеяло, пил кофе и разглядывал почерневший от огня фасад. По его словам, его смена в кафе «Афина» закончилась около 23.30.

— Я пошел прямо домой. Ничего необычного не заметил. Принял душ, немного посмотрел телевизор и уснул прямо на диване, со мной такое часто бывает. Около трех ночи я вдруг проснулся, как будто кто-то меня толкнул. Вся квартира была в дыму. Я почти сразу понял, что дым идет с лестничной клетки, открыл дверь и увидел, что верхний этаж горит. Сразу спустился на улицу и позвонил с мобильного пожарным. Стефани вроде не было дома. У нее ведь проблемы, да?

— Кто вам сказал?

— Все про это говорят. Городишко-то маленький.

— Вы хорошо знали Стефани?

— Нет. Пересекались, конечно, мы же соседи, но и то редко. Уж больно в разное время работаем. Она сюда в прошлом году переехала, в сентябре. Симпатичная.

— Она вам не говорила, что собирается уехать? Что на время отлучится?

— Нет. Я же говорю, не настолько мы были близки, чтобы она мне что-то рассказывала.

— Она могла попросить вас поливать цветы. Или забирать почту. Нет?

— Она меня никогда ни о чем таком не просила.

Вдруг в глазах Брэда Мелшоу мелькнуло смятение, и он воскликнул:

— Точно! Как я мог забыть? Она тут вечером, на днях, поругалась с полицейским.

— Когда?

— В прошлую субботу.

— Как это было?

— Я возвращался из ресторана, пешком. Около полуночи. Перед домом стояла полицейская машина, Стефани разговаривала с водителем. Говорила: «Ты не можешь со мной так поступить, ты мне нужен». А тот ответил: «Слышать про тебя больше не желаю. Если ты мне опять будешь звонить, я жалобу подам». Тронулся с места и уехал. Она с минуту постояла на тротуаре, вид у нее был совершенно потерянный. Я на углу стоял и все видел. Подождал там, пока она поднимется к себе. Не хотел ее смущать.

— Что за полицейская машина? — спросила Анна. — Полиция Орфеа или другого города? Полиция штата? Дорожная?

— Понятия не имею. Я тогда внимания не обратил. Да и темно было.

Наш разговор прервал мэр Браун, коршуном налетевший на меня:

— Полагаю, вы читали сегодняшнюю газету, капитан Розенберг? — в ярости спросил он и сунул мне под нос «Орфеа кроникл».

На первой полосе красовался портрет Стефани, а над ним — следующий текст:

ВЫ НЕ ВИДЕЛИ ЭТУ ЖЕНЩИНУ?

Стефани Мейлер, журналистка «Орфеа кроникл», с понедельника не подает о себе вестей. Вокруг ее исчезновения разворачиваются странные события. Полиция штата ведет расследование.

— Я не знал про эту статью, господин мэр, — заверил я.

— Знали или не знали, но это вы устроили всю эту кутерьму! — злился Браун.

Я обернулся к сгоревшему зданию:

— Вы по-прежнему утверждаете, что в Орфеа ничего не происходит?

— Ничего такого, чем не могла бы заняться местная полиция. Может, хоть вы не будете создавать лишний беспорядок? Экономика города и так не на высоте, все рассчитывают на летний сезон и театральный фестиваль, чтобы оздоровить финансы. Если туристы перепугаются, к нам никто не приедет.

— Позволю себе заметить, господин мэр, что речь может идти о крайне серьезном деле...

— У вас нет никаких фактов, капитан. Гулливер мне вчера сказал, что машину Стефани с понедельника никто не видел. А если она просто-напросто уехала? Я тут навел о вас справки, вы, кажется, в понедельник выходите в отставку?

Анна посмотрела на меня как-то странно:

— Джесси, ты уходишь из полиции?

— Никуда я не уйду, пока не распутая это дело.

Оказалось, что у Брауна длинные руки. Когда мы с Анной, покинув Бендам-роуд, вернулись в отделение полиции Орфеа, мне позвонил мой начальник, майор Маккенна.

— Розенберг, мне непрерывно названивает мэр Орфеа. Утверждает, что ты сеешь в городе панику.

— Майор, в городе пропала женщина, и это может быть связано с убийствами 1994 года.

— Дело об этих убийствах закрыто, Розенберг. И ты это знаешь не хуже меня: ты же его и закрыл.

— Знаю, майор. Но я начинаю сомневаться, не упустили ли мы тогда чего-нибудь...

— Ты что мне тут городишь?

— Пропала молодая женщина, журналистка, она начала расследование заново. По-моему, это знак, что надо копать дальше.

— Розенберг, — раздраженно произнес Маккенна, — шеф местной полиции говорит, что у тебя нет ни единой зацепки. Ты мне изгадил выходной, а сам прослывешь идиотом за два дня до отставки. Ты этого добиваешься?

Я промолчал, и Маккенна заговорил снова, уже более дружелюбным тоном:

— Послушай. Я сейчас уеду с семейством на озеро Шамплейн, на уикенд. Мобильник забуду дома. До завтрашнего вечера связи со мной не будет, на службу я вернусь в понедельник утром. Даю тебе время до понедельника. Если ты прямо к утру не найдешь и не представишь мне чего-нибудь весомого, то как миленький вернешься в отделение, как будто ничего и не было. Мы выпьем по случаю твоей отставки, и я больше никогда не услышу про эту историю. Ясно?

— Ясно, майор. Спасибо.

Время пошло. Мы сели в кабинете Анны и стали лепить на магнитную доску все, что имелось в нашем распоряжении.

— Судя по показаниям журналистов, кража редакционного компьютера имела место в ночь с понедельника на вторник, — сказал я. — В квартиру залезли в четверг вечером. Наконец, сегодня ночью случился пожар.

— Ты к чему клонишь? — спросила Анна, протягивая мне чашку обжигающего кофе.

— Судя по всему, того, что искал этот человек, в редакционном компьютере не нашлось; поэтому ему пришлось обыскать квартиру Стефани. Видимо, безуспешно, раз он пошел на риск — вернулся на следующий вечер и ее поджег. Зачем ему это делать, если не для того, чтобы уничтожить документы, раз не удалось их похитить?

— Значит, то, что мы ищем, возможно, еще существует в природе! —

воскликнула Анна.

— Вот именно, — кивнул я. — Но где?

Я выложил на стол детализацию звонков и выписки с банковской карты Стефани, которые забрал накануне в окружном отделении полиции штата.

— Попробуем для начала понять, кто звонил Стефани, когда она вышла из «Кодиака». — Я порылся в бумажках и извлек список последних исходящих и входящих звонков.

Стефани звонили в 22.03. Потом она сама дважды звонила на один и тот же номер. В 22.05 и в 22.10. Первый звонок длился меньше секунды, второй — 20 секунд.

Анна села за компьютер. Я продиктовал ей номер, с которого Стефани звонили в 22.03, и она ввела его в поисковую систему, чтобы определить абонента.

— Ни фиги себе, Джесси!

— Что? — спросил я, бросаясь к экрану.

— Это номер телефонной кабины в «Кодиаке»!

— Кто-то звонил Стефани из «Кодиака» сразу после того, как она оттуда вышла? — удивился я.

— За ней кто-то следил, — сказала Анна. — Все то время, пока она ждала, за ней наблюдали.

Я снова взял список и подчеркнул последний номер, который набрала Стефани. Продиктовал Анне, она ввела его в систему.

Имя, которое высветилось на компьютере, повергло ее в изумление.

— Нет, это какая-то ошибка! — произнесла она, внезапно побледнев.

Она попросила меня повторить номер и яростно заколотила по клавишам, заново вводя ряд цифр.

Я подошел к экрану и прочел написанное на нем имя:

— Шон О’Доннел. В чем дело, Анна? Ты его знаешь?

— Еще бы мне его не знать, — растерянно ответила она. — Это один из моих полицейских. Шон О’Доннел — коп из Орфеа.

* * *

Мы показали распечатку звонков Гулливеру, и он не смог отказать мне в просьбе допросить Шона О’Доннела. Вызвал того с патрулирования, усадил в комнате для допросов. Когда мы с Анной и Гулливером вошли

туда, Шон с трудом привстал со стула, словно его не держали ноги.

— Может, скажете, что стряслось? — беспокойно осведомился он.

— Сядь, — бросил Гулливер. — Капитан Розенберг хочет задать тебе несколько вопросов.

Он сел. Мы с Гулливером устроились за столом напротив, Анна встала поодаль, у стены.

— Шон, мне известно, что Стефани Мейлер звонила вам вечером в понедельник, — сказал я. — Вы последний, с кем она пыталась связаться. Что вы от нас скрываете?

Шон закрыл лицо руками.

— Капитан, я полный мудака, — простонал он. — Надо было рассказать Гулливеру. Да я и собирался! Мне так жаль...

— Но вы этого не сделали, Шон! Значит, вы должны все нам рассказать сейчас.

Он тяжело вздохнул и начал:

— Мы со Стефани встречались, недолго. Познакомились в баре какое-то время назад. Это я к ней подошел, она, по правде сказать, была не в восторге. Но все-таки разрешила взять ей бокал вина, и мы немножко поговорили. Я не думал, что из этого что-нибудь выйдет. А потом я ей сказал, что я здешний коп, из Орфеа: тут она как будто сразу включилась. И держаться стала иначе, и всяческий интерес ко мне проявлять. Мы обменялись телефонами, несколько раз встретились. Не больше. Но две недели назад все вдруг закрутилось. Мы переспали. Всего один раз.

— Почему вы расстались? — спросил я.

— Потому что я понял, что ее интересую не я, а архивы отдела.

— Архивы?

— Да, капитан. Очень это было странно. Она мне несколько раз про это говорила. Хотела, чтобы я непременно ее туда отвел. Я думал, она шутит, говорил, что это невозможно, само собой. И вот две недели назад просыпаюсь я в ее постели, а она требует, чтобы я пустил ее в архив. Словно я ей обязан за то, что провел с ней ночь. Меня это жутко задело. Я ушел в бешенстве, дал ей понять, что не желаю ее больше видеть.

— И тебе не стало любопытно, с чего это ее интересует архив? — спросил Гулливер.

— Стало, конечно. Какая-то часть меня страшно хотела это выяснить. Но мне не хотелось показывать Стефани, что мне интересна эта ее история. Я чувствовал, что она мной манипулирует, а мне она нравилась по-настоящему, и мне было больно.

— Вы встречались после этого? — спросил я.

— Один-единственный раз. В прошлую субботу. Она мне в тот вечер несколько раз звонила, а я не брал трубку. Думал, она отстанет, но она названивала беспрерывно. Я был на дежурстве, ее назойливость действовала мне на нервы. В конце концов я разозлился и сказал, чтобы она ждала у своего дома. Я даже из машины не вышел, сказал, что, если она еще раз мне позвонит, я подам жалобу на домогательство. Она ответила, что ей нужна помощь, но я ей не поверил.

— Что точно она сказала?

— Сказала, что ей надо посмотреть одно досье, про здешнее преступление, что у нее какие-то сведения по этому поводу. Сказала: «Есть одно расследование, оно закрыто, но в нем ошибка. Там одна деталь, нечто такое, чего никто тогда не заметил, а оно лежит на поверхности». Для пущей убедительности показала мне руку и спросила, что я вижу. Я ответил: «Твою руку». — «А надо было увидеть пальцы». Я решил, что она со своей рукой и пальцами держит меня за идиота. Она осталась на улице, а я уехал и поклялся себе, что больше она меня не проведет.

— И все?

— И все, капитан Розенберг. Больше мы с ней не разговаривали.

Я немного помолчал, прежде чем выложить свой козырь:

— Не держите нас за дураков, Шон! Мне известно, что вы говорили со Стефани в понедельник вечером, как раз перед тем, как она исчезла.

— Нет, капитан! Мы не разговаривали, честное слово!

Я помахал детализацией звонков и шлепнул ее на стол перед ним.

— Перестаньте врать, здесь написано: вы разговаривали 20 секунд.

— Нет, мы не разговаривали! — воскликнул Шон. — Она мне звонила, это правда. Два раза. Но я не ответил! На второй раз она мне оставила голосовое сообщение. Соединение в самом деле было, как тут и написано, но мы не разговаривали.

Шон не лгал. Порывшись в его телефоне, мы обнаружили сообщение, полученное в понедельник в 22.10, длиной 20 секунд. Я нажал на кнопку прослушивания, и в динамике вдруг зазвучал голос Стефани.

Шон, это я. Мне обязательно надо с тобой поговорить, это срочно. Пожалуйста... [Пауза.] Шон, мне страшно. Мне правда страшно.

В ее голосе сквозила паника.

— Я тогда не стал слушать это сообщение, — объяснил Шон. — Думал, опять какие-то сопли. Прослушал в итоге только в среду, когда в

полицию пришли ее родители и заявили, что она пропала. Я не знал, что мне делать.

— Почему вы ничего не сказали? — спросил я.

— Побоялся, капитан. И еще мне было стыдно.

— Стефани считала, что ей угрожают?

— Нет... Во всяком случае, ни разу об этом не упоминала. Она тогда первый раз сказала, что ей страшно.

Переглянувшись с Анной и Гулливером, я сказал:

— Шон, мне нужно знать, где вы были и что делали в понедельник около десяти вечера, когда Стефани пыталась с вами связаться.

— В баре был, в Ист-Хэмптоне. У меня там приятель управляющим, мы с друзьями сидели. Весь вечер. Я вам всех назову, можете проверить.

Несколько свидетелей подтвердили, что в тот вечер, когда Стефани пропала, Шон находился в указанном баре с семи вечера до часу ночи. В кабинете Анны я написал на магнитной доске загадку, которую загадала Стефани: «Что было перед глазами и чего мы не увидели в 1994 году».

Поскольку ей явно хотелось попасть в полицейский архив Орфеа, чтобы ознакомиться с расследованием убийств 1994 года, мы отправились туда. Без труда нашли большую коробку, где должно было храниться нужное досье. Но, к нашему великому изумлению, коробка оказалась пуста. Досье исчезло. Внутри лежал только пожелтевший от времени листок бумаги, на котором было напечатано на пишущей машинке:

Здесь начинается черная ночь.

Будто в начале квеста.

* * *

В нашем распоряжении был один-единственный конкретный факт: звонок из «Кодиака» сразу после того, как Стефани ушла. Мы поехали в ресторан. Нас встретила та самая официантка, которую мы допрашивали накануне.

— Где у вас телефонная кабина? — спросил я.

— Можете воспользоваться телефоном на стойке, — ответила она.

— Вы очень любезны, но я бы хотел взглянуть на телефонную кабину.

Она провела нас в глубину ресторана, где находились два ряда вешалок на стене, туалеты, банкомат, а в углу — таксофон.

— Здесь есть камера слежения? — спросила Анна, разглядывая потолок.

— Нет, в нашем ресторане вообще нет камер.

— Кабиной часто пользуются?

— Не знаю, тут у нас вечно проходной двор. Туалеты для посетителей, но всегда кто-нибудь заходит и невинно спрашивает, есть ли у нас телефон. Мы отвечаем, что есть. Но кто же знает, в самом деле они хотят позвонить или им приспичило. Сейчас ведь у всех мобильники, верно?

В эту самую минуту у Анны зазвонил телефон. Невдалеке от пляжа нашлась машина Стефани.

* * *

Мы с Анной мчались на огромной скорости по Оушен-роуд: она отходила от Мейн-стрит и вела к пляжу Орфеа. В ее конце находилась парковка, где купальщики оставляли машины на любое время и как попало. Зимой здесь стояли лишь автомобили редких любителей прогулок и отцов семейства, приехавших с детьми запускать воздушных змеев. Заполняться она начинала весной, в солнечные дни. А в разгар жаркого лета ее с раннего утра брали с бою; удивительно, сколько машин умудрялось туда набиться.

На обочине, метров за сто до парковки, мы увидели полицейский автомобиль. Стоявший рядом сотрудник помахал нам рукой, и я затормозил. Рядом уходила в лес узкая тропинка.

— Машину заметили гуляющие, — объяснил полицейский. — Похоже, она со вторника здесь стоит. Люди прочитали утреннюю газету и решили, что это как-то связано. Я проверил, номера те самые, это машина Стефани Мейлер.

До машины, чинно запаркованной рядом с тропой, нам пришлось пройти метров двести. Да, это была та самая синяя «мазда», что попала на камеры банка. Я натянул латексные перчатки и быстро обошел ее кругом, рассматривая через стекла кабину. Хотел открыть дверцу, но она была заперта. Анна произнесла вслух то, что вертелось у меня в голове:

— Джесси, думаешь, она в багажнике?

— Есть только один способ это проверить, — ответил я.

Полицейский принес монтировку. Я просунул ее в углубление багажника. Анна стояла за моей спиной, затаив дыхание. Замок поддался без труда, и багажник резко открылся. Я отшатнулся, потом наклонился, заглянул внутрь и убедился, что он пуст.

— Там ничего нет, — сказал я, отходя от машины. — Вызываем криминалистов, пока не затоптали место. Думаю, на сей раз мэр согласится, что пора принимать неотложные меры.

Найденная машина Стефани действительно меняла весь расклад. Брауна известили, он вместе с Гулливером прибыл на место, понял, что пора приступать к поисковой операции и что силами местной полиции здесь не справиться, и вызвал на подмогу полицейские силы из соседних городов.

Через час половина Оушен-роуд была оцеплена вместе с пляжной парковкой. Полиция всего округа прислала своих людей, прибыли патрули полиции штата. У заграждений с обеих сторон собрались кучки зевак.

В лесу криминалисты в белых комбинезонах танцевали вокруг машины Стефани, исследуя там каждый сантиметр. Примчались и кинологи с собаками.

Вскоре шеф кинологов вызвал нас на пляжную парковку.

— Все собаки берут один и тот же след, — сказал он, когда мы подошли. — Идут от машины вот по этой петляющей в траве дорожке и доходят досюда.

Он указал пальцем на тропку, по которой гуляющие срезали путь от пляжа до лесной дороги.

— Собаки останавливаются на парковке. Тут, где я стою. И теряют след.

Полицейский стоял в буквальном смысле посредине парковки.

— И что это значит? — спросил я.

— Что здесь она села в машину, капитан. И на этой машине уехала.

Мэр обернулся ко мне:

— Что скажете, Розенберг?

— Скажу, что Стефани кто-то ждал. У нее была назначена встреча. Человек, с которым она должна была встретиться в «Кодиаке», сидел за столиком в глубине и следил за ней. Она выходит из ресторана, человек звонит ей из телефонной кабины и назначает встречу на пляже. Стефани встревожена: она рассчитывала встретиться с ним в людном месте, а теперь ей надо ехать на пляж, где в это время никого нет. Она звонит Шону, тот не отвечает. В конце концов она решает оставить машину на лесной тропе.

Может, чтобы обеспечить себе путь к отступлению? Или чтобы проследить, когда приедет ее таинственный незнакомец? Так или иначе, машину она запирает. Спускается к парковке и садится в машину того, с кем разговаривала. Куда ее увезли? Одному богу известно.

Повисла леденящая пауза. Потом Гулливер пробормотал, словно осознав наконец масштабы случившегося:

— Так начинается история исчезновения Стефани Мейлер.

Дерек Скотт

В тот вечер, 30 июля 1994 года, первые криминалисты из полиции штата и наш шеф, майор Маккенна, прибыли на место преступления не сразу. Оценив ситуацию, Маккенна отвел меня в сторону и спросил:

— Дерек, это ты первым приехал в Орфеа?

— Да, майор, — ответил я. — Мы с Джесси тут уже больше часа. Раз я старший по званию, мне пришлось принимать некоторые решения, в частности перекрыть дороги.

— Правильно. И ситуация, похоже, под контролем. Ты способен взяться за это дело?

— Да, майор. Почту за честь.

Я чувствовал, что Маккенна колеблется.

— Это будет твое первое крупное дело, — сказал он, — а Джесси еще неопытный инспектор.

— У Розенберга отличный нюх, — заверил я. — Положитесь на нас, майор. Мы вас не подведем.

С минуту подумав, майор кивнул:

— Хочется дать вам шанс, Скотт. Вы с Джесси мне нравитесь. Но смотрите не облажайтесь. Ведь когда ваши коллеги узнают, что я доверил вам такое важное дело, крику не оберешься. С другой стороны, могли бы просто быть здесь! Где их всех, к дьяволу, носит? Разъехались по отпускам, что ли? Дебилы недоделанные...

Майор окликнул Джесси и гаркнул в сторону, так чтобы всем было слышно:

— Скотт и Розенберг, поручаю расследование дела вам!

Мы с Джесси были полны решимости оправдать доверие майора. Всю ночь мы провели в Орфеа, собирали первые сведения. Когда я высадил Джесси у его дома в Куинсе, было почти семь утра. Он предложил мне зайти выпить кофе, я согласился. Мы оба валились с ног от усталости, но

были слишком взбудоражены, чтобы уснуть. На кухне, пока Джесси возился с кофеваркой, я стал записывать свои соображения.

— Кто мог иметь такой зуб на мэра, чтобы убить его вместе с женой и сыном? — произнес я вслух, написал эту фразу на листочке и прилепил на холодильник.

— Надо расспросить его близких, — предложил Джесси.

— Что все они делали дома во время открытия театрального фестиваля? Они должны были быть в Большом театре. Да еще эти чемоданы с одеждой в машине. По-моему, они собирались уехать.

— Спасались бегством? Но почему?

— Это-то мы и должны выяснить, Джесси.

Я прилепил на холодильник второй листочек, а он написал на нем:

Были ли у мэра враги?

В дверях кухни появилась сонная Наташа — наверно, ее разбудили наши голоса.

— Что такое стряслось вчера вечером? — спросила она, прижимаясь к Джесси.

— Резня, — ответил я.

— «Убийства на театральном фестивале», — прочитала Наташа на дверце, открывая холодильник. — Звучит как хорошая детективная пьеса.

— Может, это она и есть, — кивнул Джесси.

Наташа достала молоко, яйца, муку и, выставив их на стойку, собралась жарить оладьи; налила себе кофе, еще раз взглянула на бумажки и спросила:

— Ну, какие у вас предположения?

Джесси Розенберг

Воскресенье, 29 июня 2014 года

27 дней до открытия фестиваля

Поиски Стефани не давали ровным счетом ничего.

Уже сутки весь округ был на ногах. Тщетно. Подразделения полиции и волонтеры прочесывали окрестности. Приступили к работе группы кинологов и водолазов, был вызван вертолет. Волонтеры расклеивали объявления в супермаркетах, обходили магазины и заправочные станции в надежде, что какой-нибудь посетитель или служащий заметил Стефани.

Мейлеры-старшие выступили с заявлением в прессе и на местном телевидении, показали фотографию дочери и призвали всякого, кто ее увидит, немедленно известить полицию.

Все рвались участвовать в общем деле. «Кодиак» угощал прохладительными напитками всех, кто принимал участие в поисках. «Палас дю Лак», один из самых шикарных отелей, расположенных в окрестностях Орфеа, предоставил одну из своих гостиных в распоряжение полиции. Помещение использовалось как сборный пункт волонтеров, желающих присоединиться к операции: оттуда их направляли в зону поисков.

Мы с Анной сидели в ее кабинете в полиции Орфеа и продолжали расследование. Поездка Стефани в Лос-Анджелес оставалась полной загадкой. Именно по возвращении из Калифорнии она внезапно сблизилась с полицейским Шоном О'Доннелом и стала всеми силами рваться в полицейский архив. Что она там могла найти? Мы связались с отелем, где она останавливалась, но ничего полезного нам не сообщили. Зато, разбираясь с ее регулярными поездками в Нью-Йорк — они подтверждались списаниями дорожной пошлины с ее кредитной карты, — мы обнаружили, что у нее было несколько штрафов за парковку в неподобающем месте и за превышение времени; ее машина даже побывала на штрафстоянке. Причем произошло это все на одной и той же улице. Анна без труда нашла список находящихся на улице учреждений: рестораны, врачебные кабинеты, адвокатские конторы, хиропрактики, прачечная. А главное — редакция «Нью-Йорк литерари ревью».

— Как это? — удивился я. — Мать Стефани утверждает, что дочь в сентябре уволили из «Нью-Йорк литерари ревью» и она как раз поэтому переехала в Орфеа. Зачем ей туда ездить? Какой смысл?

— Так или иначе, даты дорожной пошлины совпадают с датами штрафов, — сказала Анна. — И, насколько я вижу, протокол на нее составляли в точках, расположенных неподалеку от здания, где находится редакция журнала. Давай позвоним главному редактору и спросим, — предложила она, доставая телефон.

Номер она набрать не успела: в дверь постучали. Пришел офицер из группы криминалистов полиции штата.

— Принес вам результаты, вот что мы нашли в квартире и в машине Стефани Мейлер, — сказал он, помахав толстым конвертом. — Думаю, вам будет интересно.

Он присел на краешек стола для совещаний.

— Начнем с квартиры. Подтверждаю, мы имеем дело с поджогом.

Присутствуют следы горючей жидкости. И подожгла квартиру не Стефани Мейлер — если вы вдруг сомневаетесь.

— Почему не она? — спросил я.

Полицейский показал пластиковый пакет с пачками банкнот:

— Мы обнаружили в квартире десять тысяч долларов наличными. Они были спрятаны в резервуаре итальянской кофемашины, поэтому остались целы.

— В самом деле, на месте Стефани, если бы я хранила дома десять тысяч долларов наличными, я бы их забрала, прежде чем устраивать пожар, — согласилась Анна.

— А в машине что вы нашли? — спросил я полицейского.

— К сожалению, никаких следов ДНК, кроме ДНК самой Стефани. Мы сравнили с пробой, взятой у ее родителей. Зато мы обнаружили весьма загадочную записку под сиденьем водителя. Почерк вроде бы Стефани.

Полицейский снова сунул руку в конверт и вытащил оттуда еще один пакетик. В нем лежал листок, вырванный из школьной тетрадки; на листке было написано:

***Черная ночь** → Театральный фестиваль в Орфеа
Поговорить с Майклом Бердом*

— Черная ночь! — воскликнула Анна. — Как в записке, которую оставили вместо материалов дела об убийстве 1994 года.

— Надо ехать к Майклу Берду, — сказал я. — Похоже, он знает больше, чем изволил нам сообщить.

* * *

Майкла мы нашли в редакции «Орфеа кроникл», в его кабинете. Он подготовил для нас папку со всеми статьями, которые Стефани написала для газеты. В основном речь шла о событиях сугубо местного значения: школьной ярмарке, параде на День Колумба, муниципальном празднестве для одиноких на День благодарения, конкурсе тыкв на Хеллоуин, каком-нибудь мелком ДТП и тому подобном из рубрики происшествий. Пролистывая статьи, я спросил Майкла:

— Сколько Стефани получала в газете?

— Полторы тысячи долларов в месяц, — ответил он. — А почему вы

спрашиваете?

— Это может быть важно для расследования. Не буду от вас скрывать: я все еще не могу понять, почему Стефани, уехав из Нью-Йорка, стала писать в Орфеа заметки про День Колумба и конкурс тыкв. Не обижайтесь, Майкл, но это плохо вяжется с образом честолубивой журналистки, как описали ее родители и друзья.

— Прекрасно понимаю ваш вопрос, капитан. Я и сам его себе задавал. Стефани сказала, что сыта по горло «Нью-Йорк литерари ревью». Ей хотелось чего-то нового. Знаете, она такая идеалистка... Хочет изменить мир. Работа в местной газете для нее вызов, и он ее не пугает, наоборот.

— Думаю, дело в другом, — сказал я и показал Майклу бумажку, найденную в машине Стефани.

— Что это? — спросил Майкл.

— Записка, написана рукой Стефани. Она упоминает театральный фестиваль в Орфеа и добавляет, что хочет с вами об этом поговорить. Что вам известно такого, о чем вы нам не сказали, Майкл?

Майкл вздохнул:

— Я ей обещал никому не говорить... Я слово дал.

— Майкл, — заметил я, — по-моему, вы не сознаете всей серьезности ситуации.

— Это вы не сознаете, — возразил он. — Возможно, у Стефани есть веская причина, почему она решила на время исчезнуть. А вы переполошили жителей и все портите.

— Веская причина? — поперхнулся я.

— Может, она знала, что ей грозит опасность, и решила скрыться. А вы поставили на уши всю округу и подводите ее под удар. Вы даже представить не можете, какое серьезное расследование она ведет; не исключено, что в этот момент ее ищет как раз тот, от кого она прячется.

— Вы хотите сказать — полицейский?

— Не исключено. Она все время темнила. Я ее несколько раз просил рассказать подробнее, но она так и не призналась, в чем дело.

— Очень похоже на Стефани, она на днях и со мной так себя вела, — вздохнул я. — Но как это связано с театральным фестивалем?

В редакции не было ни души, да и дверь кабинета закрыта, но Майкл еще понизил голос, словно боялся, что кто-нибудь его услышит:

— Стефани считала, что на фестивале что-то затевается. Ей надо было расспросить волонтеров, но так, чтобы никто ничего не заподозрил. Я ей предложил сделать цикл статей для газеты. Идеальное прикрытие.

— Под видом интервью? — удивился я.

— Не совсем под видом, мы же их потом печатали... Я вам уже говорил, у газеты финансовые трудности, а Стефани меня уверяла, что, когда результаты ее расследования будут опубликованы, деньги в кассу потекут рекой. «Когда мы это опубликуем, газету будут рвать из рук», сказала она мне однажды.

Вернувшись в кабинет Анны, мы наконец связались с бывшим патроном Стефани, главным редактором «Нью-Йорк литерари ревью» Стивеном Бергдорфом. Он жил в Бруклине. Анна позвонила ему и включила в телефоне громкую связь, чтобы я тоже слышал разговор.

— Бедняжка Стефани, — расстроился Стивен Бергдорф, когда Анна ввела его в курс дела. — Надеюсь, с ней не случилось ничего серьезного. Она очень умная, отличный журналист и пишет бойко. Такая милая, со всеми так приветлива... Не тот человек, чтобы нажить себе врагов и вообще неприятности.

— Если мои сведения верны, прошлой осенью вы ее уволили.

— Это точно. Просто от сердца оторвал, она такая блестящая девушка. Но летом бюджет журнала сократился, подписка резко упала. Мне ничего не оставалось, как экономить, пришлось с ней расстаться.

— Как она отнеслась к увольнению?

— Как вы догадываетесь, без особого восторга. Но мы остались в добрых отношениях. Я ей даже писал в декабре, спрашивал, как дела. Она сказала, что работает для «Орфеа кроникл» и ей там очень нравится. Я был за нее рад, хоть и слегка удивился.

— Удивился?

— Такая девушка, как Стефани Мейлер, — это уровень «Нью-Йорк таймс», — пояснил Бергдорф. — Что ей делать в заштатной газетенке?

— Мистер Бергдорф, Стефани после увольнения приезжала в редакцию журнала?

— Нет. По крайней мере, насколько я знаю. Почему вы спрашиваете?

— Потому что, по нашим данным, ее машина в последние месяцы часто была запаркована у вашего здания.

* * *

В редакции «Нью-Йорк литерари ревью» в воскресный день было безлюдно. Повесив трубку, Стивен Бергдорф долго сидел в растерянности.

— Что стряслось, Стиви? — спросила двадцатипятилетняя Элис. Она сидела в его кабинете на диване и красила ногти красным лаком.

— Звонили из полиции. Стефани Мейлер пропала.

— Стефани? Она была дура набитая.

— Что значит «была»? — встревожился Стивен. — Ты что-то знаешь?

— Да нет, я сказала «была», потому что после отъезда ни разу ее не видела. Ты прав, она наверняка и сейчас дура.

Бергдорф поднялся из-за стола и в задумчивости уставился в окно.

— Стиви, котик, — нахмурилась Элис, — ты же не будешь угрызаться?

— Если бы ты меня не заставила ее уволить...

— Не начинай, Стиви! Ты сделал то, что должен был сделать.

— Ты с ней после отъезда не общалась?

— Ну, может, по телефону говорила. Что это меняет?

— Господи, Элис, ты же только что сказала, что больше ее не видела!..

— Я и не видела. Но по телефону говорила. Один раз. Две недели назад.

— Ты еще скажи, что сама ей звонила, чтобы поиздеваться! Она знает, почему ее на самом деле уволили?

— Нет.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что это она мне позвонила, за советом. Беспокойная такая. Говорит: «Мне надо охмурить одного мужика». А я ей: «Да запросто: ты у него сосешь, обещаешь дать, а он тебе взамен клянется в верности до гроба».

— Интересно, про что шла речь. Наверно, надо было сообщить в полицию.

— Никакой полиции... А теперь будь паинькой и замолчи.

— Но...

— Не сердь меня, Стиви! Ты знаешь, что бывает, когда ты меня нервируешь. У тебя есть рубашка на смену? А то эта вся жеваная. Давай прихорашивайся, я хочу вечером куда-нибудь пойти.

— Я сегодня не могу, я...

— А я сказала, что хочу куда-нибудь пойти!

Бергдорф понуро вышел из кабинета и поплелся налить себе кофе. Позвонил жене, сказал, что ему нужно срочно доделывать номер и к ужину он не придет. Нажав на отбой, он закрыл лицо руками. Как он до такого докатился? Как так вышло, что он на шестом десятке связался с этой девчонкой?

* * *

Мы с Анной не сомневались, что деньги, обнаруженные у Стефани, — это один из ключей к расследованию. Откуда у нее дома взялись эти 10 тысяч долларов наличными? Стефани зарабатывала полторы тысячи в месяц; после оплаты жилья и страховки, расходов на машину и еду у нее должно было оставаться всего ничего. Если это личные сбережения, то они бы скорее лежали на счете в банке.

Всю вторую половину дня мы расспрашивали родителей Стефани и ее друзей на предмет этих денег, но так ничего и не выяснили. Родители утверждали, что дочь всегда полагалась только на себя. Получила стипендию на учебу в университете, а потом жила на зарплату. Друзья говорили, что Стефани под конец месяца часто сидела на мели. Они плохо себе представляли, как она могла что-то откладывать.

Уезжая из Орфеа, я, вместо того чтобы выехать по Мейн-стрит прямо на 17-е шоссе, а оттуда на автостраду, почти безотчетно завернул в квартал Пенфилд и добрался до Пенфилд-кресент. Миновал скверик и затормозил перед домом, где двадцать лет назад, когда все началось, жил мэр города Гордон.

Там я стоял довольно долго. По дороге домой мне захотелось заехать к Дереку и Дарле. Сам не знаю зачем: то ли повидать Дереку, то ли просто неохота было сидеть одному, а кроме него, у меня никого не было.

К их дому я подъехал ровно в восемь. Постоял под дверью, не решаясь нажать на звонок. Из дома доносились громкие веселые голоса, все семейство ужинало на кухне. По воскресеньям у Дерекы ели пиццу.

Я тихонько подошел к окну и стал смотреть, как они ужинают. У Дерекы было трое детей, все еще учились в школе. Старший на будущий год собирался поступать в университет. Вдруг кто-то из них меня заметил. Все повернулись к окну и уставились на меня.

Дерек вышел на крыльцо с бумажной салфеткой в руке, дожевывая кусок пиццы.

— Джесси, — удивился он, — ты чего на улице торчишь? Идем, поужинаешь с нами.

— Нет, спасибо. Не так уж я голоден. Слушай, тут в Орфеа какие-то странные дела творятся...

— Джесси, — вздохнул Дерек, — ты еще скажи, что все выходные там просидел!

Я быстро пересказал ему последние события.

— Больше никаких сомнений, — подытожил я. — Стефани нашла что-то новое про то четверное убийство девяносто четвертого года.

— Это только твои предположения, Джесси.

— Но послушай! — воскликнул я. — Есть эта бумажка с «Черной ночью», которую нашли в машине Стефани, записка с теми же самыми словами лежит в коробке вместо полицейского досье об этом убийстве, а само досье исчезло! Причем она связывает это все с театральным фестивалем, который, как ты помнишь, проходил первый раз именно в 1994 году! Это называется никаких фактов?

— Ты видишь связи, которые хочешь видеть, Джесси! Ты хоть понимаешь, что означает пересмотреть дело 1994 года? Это означает, что мы тогда сели в лужу.

— А если мы в самом деле сели в лужу? Стефани сказала, что мы упустили главную деталь, а та лежала прямо у нас перед глазами.

— И что мы тогда сделали не так, интересно? — разозлился Дерек. — Ты мне скажи, Джесси, что мы сделали не так?! Ты же прекрасно помнишь, насколько тщательно мы работали. Досье такое, что комар носу не подточит! По-моему, тебя перед уходом из полиции одолели дурные воспоминания. Нельзя вернуться в прошлое, сделанного не воротишь! Так какого черта тебе не сидится? Зачем пересматривать дело?

— Потому что так надо!

— Никому это не надо, Джесси! Ты с завтрашнего дня больше не коп. Что ты лезешь в какое-то говно, которое тебя не касается?

— Я думаю попросить отсрочку. Не могу я просто так уйти из полиции. Не могу жить со всем этим на совести!

— Ну а я могу!

Он сделал вид, что хочет закрыть дверь и прекратить ненужный разговор.

— Помоги мне, Дерек! — воскликнул я. — Если я завтра не представлю майору прямого доказательства, что Стефани Мейлер связана с расследованием девяносто четвертого года, он меня заставит раз навсегда закрыть это дело.

Он оглянулся:

— Зачем ты так, Джесси? — спросил он. — Зачем тебе ворошить это дерьмо?

— Давай поработаем вместе, Дерек...

— Я уже двадцать лет как не оперативник, Джесси. Что ты меня опять туда тянешь?

— Ты лучший коп, какого я знаю, Дерек. Ты всегда был куда лучшим полицейским, чем я. И это ты должен был стать капитаном нашего подразделения, а не я.

— Не учи меня жить, Джесси, не тебе судить, как мне надо было строить карьеру! Ты прекрасно знаешь, почему я последние двадцать лет сидел за столом и заполнял бумажки.

— По-моему, у нас есть шанс все поправить, Дерек.

— Ничего поправить нельзя, Джесси. Если хочешь зайти и съесть кусок пиццы, добро пожаловать. Но вопрос о расследовании закрыт.

Он толкнул входную дверь.

— Завидую тебе, Дерек, — произнес я.

Он обернулся:

— Ты? Ты мне завидуешь? Да чему тебе завидовать?

— Ты любишь, и тебя любят.

Он досадливо мотнул головой:

— Джесси, Наташи нет с нами уже двадцать лет. Тебе давно пора начать новую жизнь. Мне иногда кажется, что ты будто ждешь, когда она вернется.

— Каждый день, Дерек. Каждый день я говорю себе, что она вернется. Каждый раз я прихожу домой в надежде, что она там.

Он вздохнул.

— Не знаю, что тебе сказать. Мне очень жаль. Ты должен кого-нибудь себе найти. В жизни надо двигаться вперед, Джесси.

Он вернулся в дом, а я — к своей машине. Трогаясь с места, я увидел, как из дома вышла Дарла и решительно двинулась ко мне. Вид у нее был очень сердитый, и я знал почему. Я опустил стекло.

— Отстань от него, Джесси! Не буди призраки прошлого.

— Послушай, Дарла...

— Нет, Джесси, это ты меня послушай! Дерек не заслужил такого от тебя! Отвяжись от него со своим расследованием! Не мучай его! Если тебе приспичило ворошить прошлое, лучше вообще не приходи. Мне что, напомнить тебе, что случилось двадцать лет назад?

— Нет, Дарла, не надо! Не надо мне ничего напоминать. Я и так все помню, каждый день. Каждый долбаный день, слышишь, Дарла? Каждое долбаное утро, когда просыпаюсь, и каждый вечер, когда ложусь спать.

Она грустно посмотрела на меня, явно жалея, что затронула эту тему.

— Прости, Джесси. Пойдем поужинаем, у нас осталась пицца, я сделала тирамису.

— Нет, спасибо. Домой поеду.

Я нажал на газ.

Дома я налил себе виски и вытащил папку, к которой не притрагивался уже много лет. Внутри лежал ворох газетных статей 1994 года. Я долго просматривал их. Одна привлекла мое внимание.

ПОЛИЦИЯ СЛАВИТ ГЕРОЯ

Вчера на церемонии, состоявшейся в окружном отделении полиции штата, сержант Дерек Скотт был награжден медалью за отвагу, проявленную при спасении жизни своего напарника, инспектора Джесси Розенберга. Скотт совершил подвиг в ходе задержания опасного преступника, убившего четырех человек этим летом в Хэмптонах.

От размышлений меня оторвал звонок в дверь. Я взглянул на часы: кого это несет так поздно? Взял револьвер, лежавший на столе, бесшумно подкрался к двери и посмотрел в глазок. На крыльце стоял Дерек.

Я открыл дверь и с минуту молча глядел на него. Он заметил, что я вооружен:

— Ты правда считаешь, что дело серьезное, да?

Я кивнул.

— Показывай, что там у тебя.

Я достал все, что удалось раздобыть, и разложил на столе в столовой. Дерек изучил фото с камер наблюдения, найденную в машине записку, наличность и выписки с кредитной карты.

— Стефани явно тратила больше, чем зарабатывала, — пояснил я. — Один только билет в Лос-Анджелес стоил девятьсот долларов. У нее должен был быть еще один источник дохода. Надо выяснить какой.

Дерек просматривал счета Стефани, и я заметил в его глазах искорки, которых не видел уже много лет. Он долго перебирал выписки с кредитки, потом взял ручку и обвел ежемесячное автоматическое списание в 60 долларов, возникшее в ноябре.

— Получатель платежа — некая фирма под названием SVMA, — сказал он. — Тебе это что-то говорит?

— Нет, ничего.

Он схватил со стола мой ноутбук и забил название в поисковик.

— Это мебельный склад самообслуживания в Орфеа, — сообщил он, поворачивая ко мне дисплей.

— Мебельный склад? — поразился я, вспомнив свою беседу с Трудой Мейлер. Мать Стефани утверждала, что у дочери в Нью-Йорке было совсем немного вещей и она перевезла их прямо на квартиру в Орфеа. Зачем ей понадобилось арендовать с ноября мебельный склад?

Склад был открыт круглосуточно, и мы решили немедленно ехать туда. Я показал ночному сторожу свой жетон, и тот, справившись с реестром, указал номер бокса, арендованного Стефани.

Мы миновали вереницу дверей и опущенных жалюзи и остановились перед металлической шторой, запертой на висячий замок. Я захватил с собой кусачки по металлу, без труда справился с замком и поднял штору. Дерек осветил помещение карманным фонариком.

Зрелище, представшее нашим глазам, повергло нас в изумление.

Дерек Скотт

Начало августа 1994 года. Со дня убийства прошла неделя.

Мы с Джесси отдавали расследованию все силы, работали день и ночь, забыв про сон, выходные и сверхурочные.

Наш штаб располагался в квартире Джесси и Наташи, там было куда уютнее, чем в холодном кабинете в полиции штата. Мы устроились в гостиной, поставили там две походных койки и приходили и уходили, когда нам удобно. Наташа заботилась о нас. Ей случалось вставать посреди ночи, чтобы приготовить нам поесть. Она говорила, что это лучший способ опробовать блюда, которые она включит в меню своего ресторана.

— Джесси, — говорил я с набитым ртом, смакуя Наташину стряпню, — поклянись, что ты на ней женишься. Это не женщина, а совершенная фантастика.

— А я и собираюсь, — ответил однажды вечером Джесси.

— Когда свадьба? — в восторге воскликнул я.

— Совсем скоро, — улыбнулся он. — Хочешь кольцо посмотреть?

— А то!

Он на секунду отлучился и вернулся с футляром; в нем покоился великолепный бриллиант.

— Бог ты мой, Джесси, да оно обалденное!

— Это бабушкино, — сказал он, быстро пряча футляр в карман: в комнату входила Наташа.

Баллистический анализ не оставлял сомнений: жертвы были застрелены из одного оружия, пистолета марки «Беретта». Все убийства совершил один человек. Эксперты полагали, что, скорее всего, это мужчина: не только из-за тяжести преступления, но и потому, что входную дверь дома выбили сильным ударом ноги. Впрочем, она даже не была заперта.

Следственный эксперимент, проведенный по запросу прокуратуры, позволил восстановить следующую картину событий: убийца вышиб дверь дома Гордонов; вначале столкнулся в прихожей с Лесли Гордон и выстрелил ей в грудь, почти в упор. Потом заметил в гостиной ребенка и убил его в спину двумя пулями, выпущенными из коридора. Затем убийца направился на кухню, видимо услышав шум. Мэр, Джозеф Гордон, пытался выбежать в сад через застекленную дверь кухни. Четырежды выстрелив ему в спину, стрелок направился по коридору к входной двери. Ни одна пуля не прошла мимо цели, значит, стрелок был опытный.

Выйдя из дома через парадный вход, он налетел на Меган Пейделин, совершавшую пробежку. Та наверняка пыталась убежать, и он убил ее двумя выстрелами в спину. Действовал он, вероятно, без маски, потому что затем сделал контрольный выстрел в голову, в упор, словно желая убедиться, что женщина мертва и не заговорит.

Дополнительная сложность заключалась в том, что в деле имелось двое косвенных свидетелей, но они мало чем могли помочь следствию. В момент убийства Пенфилд-кресент была почти безлюдна. Из восьми домов, находящихся на улице, один был выставлен на продажу, а обитатели пяти других ушли в Большой театр. В последнем жила семья Беллами, но в тот вечер дома оставалась только Лина Беллами, молодая мать троих детей, и ее младший сын, которому едва исполнилось три месяца. Ее муж Терренс отправился с двумя старшими на набережную.

Лина Беллами, конечно, слышала выстрелы, но приняла их за салют на набережной по случаю открытия фестиваля. Тем не менее прямо перед этими хлопками она заметила на улице черный фургон с большим логотипом на заднем стекле, но описать его не смогла. Помнила, что там что-то нарисовано, но не присматривалась и не запомнила, что именно.

Вторым свидетелем был одинокий мужчина, Альберт Плант, живший в одноэтажном доме на параллельной улице. Когда-то он попал в аварию, передвигался только в инвалидной коляске и в тот вечер остался дома. Когда раздались выстрелы, он как раз ужинал. Серия хлопков привлекла его внимание, он вышел на крыльцо послушать, что такое творится в

квартале. Сообразил посмотреть на часы: было 19.10. Но потом снова воцарилась тишина, и он решил, что это дети забавлялись с петардами. Посидел на пороге, наслаждаясь вечерним теплом, а потом, примерно через час, около 20.20, услышал крики какого-то мужчины, звавшего на помощь. Он немедленно позвонил в полицию.

Одна из главных трудностей заключалась в отсутствии мотива преступления. Чтобы выяснить, кто убил мэра и его семью, нам надо было знать, у кого были причины это сделать. Но на первых порах расследование ни к чему не привело. Мы опросили жителей города, муниципальных чиновников, родных и друзей мэра и его жены — все напрасно. Гордоны, казалось, жили тихо и мирно. Ни явных врагов, ни долгов, никаких драм, никакого мутного прошлого. Ничего. Самая обычная семья. Лесли Гордон, супруга мэра, работала учительницей в начальной школе Орфеа, ее очень ценили; о самом мэре все отзывались в высшей степени положительно, горожане относились к нему неплохо, и все полагали, что на муниципальных выборах в сентябре, на которых против Гордона выдвигался его заместитель Алан Браун, его выберут на второй срок.

Однажды под вечер, когда мы в энный раз перебирали документы, я сказал Джесси:

— А если Гордоны не собирались никуда убежать? Может, мы с самого начала просчитались?

— Это ты к чему, Дерек?

— Гляди, мы уткнулись в тот факт, что Гордон был дома, а не в Большом театре и что у них были сложены чемоданы.

— Согласись, довольно странно, что мэр решил не появляться на открытии фестиваля, который сам же и основал, — возразил Джесси.

— Может, он просто опаздывал, — сказал я. — И как раз собирался туда отправиться. Начало официальной церемонии в 19.30, у него было время добраться до Большого театра. На машине туда минут десять, не больше. Что до чемоданов, то, возможно, Гордоны собирались в отпуск. У его жены и сына летние каникулы, все логично. Они думали уехать на следующий день с раннего утра и хотели сложить вещи перед тем, как двинуться в Большой театр, они ведь знали, что вернутся поздно.

— А как ты объяснишь, что их убили? — поинтересовался Джесси.

— Неудачное ограбление, — предположил я. — Кто-то думал, что Гордоны в этот момент уже в Большом театре и можно спокойно попасть в дом.

— Вот только пресловутый грабитель, похоже, ничего не взял, кроме

их жизнью. А чтобы войти, вышиб дверь ногой? Не самый незаметный способ. К тому же никто из муниципальных служащих не упоминал, что мэр собирается в отпуск. Нет, Дерек, тут что-то другое. Тот, кто их застрелил, хотел их убрать. Слишком жестокое убийство, чтобы можно было сомневаться.

Джесси достал из дела фото убитого мэра, сделанное в доме, долго его разглядывал, потом спросил:

— Тебя ничто не удивляет на этой фотографии, Дерек?

— Ты имеешь в виду, кроме того, что мэр плавает в луже крови?

— Он не в костюме и без галстука, — сказал Джесси. — Он в домашней одежде. Чтобы мэр отправился открывать фестиваль в таком наряде? Это же чушь. Знаешь, Дерек, что я думаю? Я думаю, что мэр и не собирался на спектакль.

На снимках открытого чемодана рядом с Лесли виднелись фотоальбомы и какая-то безделушка.

— Взгляни, Дерек, — продолжал Джесси. — Лесли Гордон, когда ее убили, укладывала в чемодан вещи. Кто будет брать в отпуск фотоальбомы? Они собирались бежать. Возможно, от того, кто их убил. От кого-то, кто точно знал, что на театральном фестивале их не будет.

Наташа вошла в комнату как раз на последних словах Джесси.

— Что, парни, попали на след? — улыбнулась она.

— Если бы, — вздохнул я. — Кроме черного фургона с рисунком на заднем стекле, ничего. Да и с ним ничего конкретного.

Нас прервал звонок в дверь.

— Кто это? — спросил я.

— Дарла, — ответила Наташа. — Пришла взглянуть на планы обустройства ресторана.

Я собрал все документы и сложил в картонную папку.

— Ни слова ей о расследовании, — велел я Наташе, направившейся к двери.

— Ладно, Дерек, — равнодушно сказала она.

— Это очень серьезно, Нат, — повторил я. — Мы должны соблюдать тайну следствия. Нас тут быть не должно, ты не должна все это видеть. У нас с Джесси могут быть неприятности.

— Я ничего не скажу, обещаю, — заверила Наташа.

Наташа открыла дверь, и Дарла, войдя в квартиру, сразу заметила папку у меня в руках.

— И как движется расследование? — спросила она.

— Ничего, — ответил я.

— Ну Дерек, неужели это все, что ты можешь мне сказать? — игриво настаивала Дарла.

— Тайна следствия, — отрезал я.

Ответ, помимо моей воли, прозвучал довольно сухо. Дарла сердито насупилась:

— Фу-ты ну-ты, тайна следствия! Наташа-то небось в курсе всего.

Джесси Розенберг

Понедельник, 30 июня 2014 года

26 дней до открытия фестиваля

Я разбудил Анну в половине второго ночи и попросил приехать к нам с Дерекком на мебельный склад. Она знала, где он находится, и через двадцать минут была на месте. Мы встретили ее на парковке. Ночь стояла теплая, в небе сияли звезды.

Я представил Анне Дерека и сказал:

— Это Дерек выяснил, где Стефани вела свое расследование.

— На мебельном складе? — удивилась она.

Мы с Дерекком одновременно кивнули и повели Анну вдоль рядов металлических штор к номеру 234-А. Я поднял штору и зажег свет. Перед Анной открылась маленькая, два на три метра, комнатка, вся заваленная документами, относившимися к убийствам 1994 года. Там были статьи из тогдашних местных газет, в частности, подборка статей из «Орфеа кроникл». Были увеличенные фотографии каждой жертвы, фото дома мэра, сделанное в день преступления и, судя по всему, вырезанное из какой-то статьи. На переднем плане мы с Дерекком и группа полицейских стояли у белой простыни, скрывавшей тело Меган Пейделин. На снимке Стефани написала фломастером:

То, что было у нас перед глазами и чего никто не увидел.

Из мебели там был только стул и столик, за которым Стефани, по-видимому, провела долгие часы. На этом импровизированном письменном столе — бумага и ручки. А на стене, так чтобы был перед глазами, прилеплен листок с надписью:

Найти Курка Харви

— Кто такой Кирк Харви? — вслух спросила Анна.
— Когда случились эти убийства, он был шефом полиции Орфеа, — ответил я. — Вел с нами расследование.
— И где он теперь?
— Не имею понятия. Думаю, давно вышел в отставку. Мы обязательно должны с ним связаться, возможно, он говорил со Стефани.
Роясь в куче бумаг на столе, я обнаружил еще кое-что.
— Погляди, Анна, — сказал я, протягивая ей квадратный листочек.
Это был билет на самолет до Лос-Анджелеса. Стефани написала на нем:

Черная ночь → Архивы полиции

— Опять эта Черная ночь, — прошептала Анна. — Что это может значить?
— Что ее поездка в Лос-Анджелес была связана с расследованием, — предположил я. — И теперь у нас есть полная уверенность в том, что Стефани действительно расследовала убийства девяносто четвертого года.
На стене висело фото мэра Брауна по крайней мере двадцатилетней давности. Похоже, кадр из видеозаписи. Браун стоял перед микрофоном с листком в руке, словно произносил речь. Листок также был обведен фломастером. Задний план походил на сцену в Большом театре.
— Наверно, это Браун произносит приветственную речь на фестивале в Большом театре в вечер убийства, — сказал Дерек.
— Откуда ты знаешь, что это вечер убийства? — спросил я. — Ты что, помнишь, как он был тогда одет?
Дерек взял в руки фото из газетной статьи, где тоже был запечатлен Браун:
— Костюм вроде тот же самый.

На мебельном складе мы просидели всю ночь. Камер там не было, сторож ничего не видел: по его словам, ему нужно было там появляться, если возникнут проблемы, но до сих пор никаких проблем не возникало. Клиенты приходили и уходили, когда хотели, никто за ними не следил и не задавал лишних вопросов.

Группа криминалистов из полиции штата примчалась на место и приступила к осмотру. В ходе тщательного обыска был обнаружен компьютер Стефани, спрятанный в пустой коробке с двойным дном: кто-то из полицейских хотел ее переставить и удивился, почему она такая тяжелая.

— Вот что искал тот, кто поджег квартиру и ограбил редакцию, — произнес я.

Криминалисты забрали компьютер на изучение. А мы с Анной и Дерекком взяли с собой все документы, наклеенные на стену склада, и развесили их в точно таком же порядке в кабинете Анны. В 6.30 утра Дерек, с трудом продирая слипающиеся глаза, прикнопил фото дома Гордона, долго всматривался в него и еще раз прочитал вслух сделанную Стефани надпись: «То, чего никто не увидел». Водя носом по снимку, он изучал лица людей на нем.

— Так, это мэр Браун, — показал он на человека в светлом костюме. И добавил, ткнув пальцем в крошечную головку: — А вон тот — шеф Кирк Харви.

Мне пора было ехать в окружное отделение полиции штата, отчитываться о своих достижениях перед майором Маккенной. Дерек отправился со мной. Когда мы ехали вниз по Мейн-стрит, залитой утренним солнцем, Дерек, тоже впервые за два десятилетия оказавшийся в Орфеа, произнес:

— Ничего тут не изменилось. Слово и не было этих лет.

Через час мы сидели в кабинете майора, и тот ошарашенно слушал мой рассказ о прошедших выходных. Обнаружив мебельный склад, мы наконец получили доказательство того, что Стефани расследовала убийства 1994 года и, возможно, установила что-то важное.

— Едрить твою в корень, Джесси, — выдохнул Маккенна, — неужели это дело будет гоняться за нами всю жизнь?

— Надеюсь, что нет, майор, — ответил я. — Но расследование надо довести до конца.

— Ты хоть понимаешь, что это значит, если вы тогда налажали?

— Что ж тут не понимать. Именно поэтому я бы хотел остаться в полиции, пока не доведу все до конца.

Он вздохнул:

— Ты же знаешь, Джесси, какую уйму времени это у меня займет — бумажки, объяснения с начальством...

— Знаю, майор. Простите.

— А что будет с пресловутым проектом, из-за которого ты решил подать в отставку?

— Никуда не денется, подождет, пока я не закрою дело, — заверил я.

Маккенна, ворча, вытащил из ящика какие-то формуляры.

— Только ради тебя, Джесси. Потому что ты лучший коп, какого я

когда-либо знал.

— Я вам очень признателен, майор.

— Между прочим, я уже кому-то отдал твой кабинет с завтрашнего дня.

— Кабинет мне не нужен, майор. Сейчас схожу заберу вещи.

— И я не хочу, чтобы ты вел расследование в одиночку. Назначу тебе напарника. Правда, ты сегодня должен был уйти, и остальные пары в вашем подразделении уже составлены, но не волнуйся, я тебе кого-нибудь подыщу.

Дерек, сидевший рядом со мной, наконец нарушил молчание:

— Я готов пособить Джесси, майор. Поэтому я и здесь.

— Ты, Дерек? — удивился Маккенна. — А ты когда последний раз занимался оперативной работой?

— Двадцать лет назад.

— Мебельный склад мы обнаружили только благодаря Дереку, — вставил я.

Майор опять вздохнул. Он явно был взволнован.

— Дерек, я правильно понимаю, что ты хочешь заново взяться за расследование, из-за которого ушел с оперативной работы?

— Да, — решительно ответил Дерек.

Майор долго смотрел на нас, потом спросил:

— Где твоё табельное оружие, Дерек?

— В письменном столе лежит.

— Ты ещё не забыл, как им пользоваться?

— Нет.

— Ладно, только сделай милость, сходи в тир и разряди обойму в мишень, прежде чем гулять с этой штукой на поясе. Господа, закройте мне это дело быстро и чисто. У меня нет никакого желания получать громы небесные на нашу голову.

* * *

Пока мы с Дерекком были у Маккенны, Анна времени зря не теряла. Она загорелась идеей разыскать Кирка Харви, но это оказалось куда более сложным делом, чем она думала. Несколько часов она пыталась выйти на след бывшего шефа полиции, но безуспешно. Он вообще пропал с горизонта: ни адреса, ни телефона. Исчерпав все возможности, она решила

обратиться к единственному человеку в Орфеа, которому доверяла, — к своему соседу Коди, и отправилась к нему в книжный магазин, находившийся поблизости от редакции «Орфеа кроникл».

— Хоть бы кошка какая сегодня забежала, что ли, — вздохнул Коди, увидев ее.

Ясно: услышал, как открылась дверь, и надеялся увидеть покупателя, поняла Анна.

— Надеюсь, хоть Четвертого июля на фейерверк народ подвалит, — продолжал Коди. — Июнь вообще кошмарный был.

Анна взяла с рекламной стойки какой-то роман:

— Хороший?

— Ничего.

— Тогда беру.

— Анна, ты вовсе не обязана...

— Мне читать нечего. Как раз кстати.

— Но ты же не за этим пришла, я так думаю.

— Не *только* за этим, — улыбнулась она, протягивая ему бумажку в пятьдесят долларов. — Можешь мне рассказать про убийство четырех человек в 1994 году?

Он нахмурился:

— Давненько я ничего не слыхал об этой истории. Что тебя интересует?

— Просто любопытно, какая тогда атмосфера была в городе.

— Ужасная, — ответил Коди. — Люди, естественно, были в шоке. Сама понимаешь, целую семью прикончили, с маленьким мальчиком. И Меган. На редкость милая была девушка, ее тут все обожали.

— Ты хорошо ее знал?

— Еще бы мне ее не знать, она у меня в магазине работала. Книги тогда улетали как горячие пирожки, причем в основном благодаря ей. Сама посудит, молодая красивая продавщица, увлеченная, блестящая, просто прелесть! Со всего Лонг-Айленда народ приезжал ради нее. Такой ужас! Такая несправедливость! Для меня это был страшный удар. В какой-то момент я даже думал все бросить и уехать отсюда. Но куда? У меня все связи здесь. Знаешь, Анна, что хуже всего? Люди сразу поняли: Меган умерла, потому что узнала убийцу Гордонов. Значит, он здешний. Кто-то, кого мы знаем. С кем встречаемся в супермаркете, на пляже или даже в книжной лавке. Когда убийцу нашли, к несчастью, выяснилось, что мы не ошиблись.

— Кто он такой?

— Тед Тенненбаум, вполне симпатичный человек, приветливый, из хорошей семьи. Активный, неравнодушный. По профессии ресторатор. Член добровольной пожарной охраны. Помогал организовывать первый фестиваль.

Коди вздохнул:

— Не хочется обо всем этом говорить, слишком больно.

— Прости, Коди. Только один вопрос, последний: тебе что-то говорит имя Кирк Харви?

— Да, он раньше был шефом полиции. Как раз перед Гулливером.

— И куда он делся? Я пытаюсь его разыскать.

Коди как-то странно посмотрел на нее.

— Он почти сразу исчез, — ответил он, отсчитывая сдачу и засовывая книгу в бумажный пакет. — И больше о нем никто ничего не слышал.

— А почему, что случилось?

— Никто не знает. Просто в один прекрасный день, осенью 1994 года, взял и пропал.

— То есть в том же году, когда случилось убийство?

— Да, через три месяца. Потому и помню. Странное выдалось лето. Жители по большей части постарались забыть, что тогда случилось.

С этими словами он взял ключи и сунул в карман мобильник, лежавший на стойке.

— Уходишь? — спросила Анна.

— Да, раз все равно никого нет, пойду немножко поработаю с волонтерами в Большом театре. Кстати, тебя что-то давно не видно.

— Знаю, просто сейчас работы выше головы. Хочешь, подвезу? Как раз собиралась в Большой театр, расспросить волонтеров насчет Стефани.

— С удовольствием.

Большой театр находился рядом с кафе «Афина», то есть в конце Мейн-стрит, почти напротив курортного комплекса.

Вход в общественные здания в Орфеа не охранялся, как и во всех мирных городах, и Анна с Коди просто толкнули входную дверь и оказались в театре. Миновали вестибюль, потом прошли через зрительный зал по центральному проходу, меж рядов красных бархатных кресел.

— Представь, каково здесь будет через месяц, сколько народу, — с гордостью сказал Коди. — И все благодаря волонтерам.

Он одним прыжком взлетел по лестенке, ведущей на сцену, Анна поднялась за ним. Откинув занавес, они попали за кулисы и, пройдя по лабиринту коридоров, оказались у двери, за которой гудел рой сновавших

туда-сюда волонтеров: одни занимались билетами, другие решали вопросы логистики. В одной из комнат готовили афиши для расклейки и вычитывали буклеты перед отправкой в типографию. В мастерской еще одна команда сооружала деревянные каркасы декораций.

Анна успела переговорить со всеми волонтерами. Большинство из них накануне не приходили в Большой театр, потому что участвовали в операции по поиску Стефани; они окружили ее, спрашивали, как продвигается расследование.

— Не так быстро, как мне бы хотелось, — призналась она. — Но, насколько я знаю, она часто приходила в Большой театр. Сама с ней несколько раз пересекалась.

— Да, — подтвердил низенький господин, занимавшийся билетами, — она писала статьи про волонтеров. А тебя она не расспрашивала, Анна?

— Нет.

Ей самой это даже в голову не пришло.

— Меня тоже, — заметил другой мужчина, недавно поселившийся в Орфеа.

— Наверняка потому, что вы новенькие, — предположил кто-то.

— Да, верно, — подхватил еще один волонтер. — Вас же в 1994 году здесь не было.

— В 1994 году? — удивилась Анна. — Стефани говорила с вами про девяносто четвертый год?

— Ага. Ее в основном интересовал самый первый театральный фестиваль.

— И что она хотела знать?

На этот вопрос Анна получила ворох самых разных ответов, но один всплывал регулярно: Стефани почти всех расспрашивала о пожарном, находившемся в театре во время открытия фестиваля. Она собирала свидетельства волонтеров, словно пытаясь во всех подробностях восстановить программу того вечера.

В конце концов Анна направилась к Коди, в клетушку, служившую ему кабинетом. Он сидел за каким-то столом, перед ним стоял старый компьютер, а вокруг громоздились целые горы бумаг.

— Ну что, Анна, перестала отвлекать моих волонтеров? — пошутил он.

— Коди, ты, случайно, не помнишь, кто был тот пожарный, что дежурил на открытии фестиваля 1994 года? Он еще живет в Орфеа?

Коди вытаращил глаза:

— Не помню ли я? Господи, Анна, сегодня правда какой-то день

призраков. Это был Тед Тенненбаум, тот самый, что убил четырех человек в девяносто четвертом. А найти ты его не найдешь, потому что его нет в живых.

Анна Каннер

Осенью 2013 года добродушная атмосфера, царившая в полиции Орфеа в момент моего появления, продержалась от силы пару дней. Вскоре началась притирка, первые трудности. Для начала всплыла организационная деталь: встал вопрос, как быть с туалетами. В той части помещения, что была отведена полицейским, туалеты находились на каждом этаже, но все мужские, с рядами писсуаров и кабинок.

— Надо просто сделать один туалет женским, — сказал кто-то из полицейских.

— Да, но тогда придется ходить писать на другой этаж, не удобно, — возразил другой.

— Можно считать, что туалеты смешанные, — предложила я, чтобы не усугублять ситуацию. — Если, конечно, это никого не смущает.

— А мне неловко писать, когда в кабинке за спиной делает свои дела женщина, — отозвался еще один мой новый коллега, поднимая руку, как школьник.

— Заедает у тебя, что ли? — хихикнул кто-то.

Все дружно расхохотались.

Оказалось, что возле приемной, прямо рядом с окошком, есть мужской и женский туалет. Мы решили, что я буду пользоваться гостевым женским туалетом. Всякий раз, захотев в туалет, я должна была спускаться в приемную, но меня это вполне устраивало. До тех пор, пока я однажды не заметила, что полицейский в приемной, хихикая, подсчитывает мои походы.

— Что-то она больно часто писает, — шепнул он коллеге, высунувшись в окошко. — Уже третий раз сегодня.

— Может, у нее месячные, — ответил тот.

— Или пальчиком работает, мечтает о Гулливере.

Оба прыснули.

— А тебе надо, чтобы она о тебе мечтала, что ли? Она же с прибабахом, не видишь?

Другой проблемой смешанного личного состава стала раздевалка. Во всем здании была только одна большая раздевалка, с душами и шкафчиками; здесь полицейские могли переодеться перед началом и после

конца смены. В результате моего появления доступ в раздевалку для всего мужского населения оказался закрыт, притом что я об этом вовсе не просила. Шеф полиции Гулливер повесил на дверях, под гравированной металлической табличкой раздевалка, бумажку с надписью «женская». «Раздевалки для мужчин и женщин должны быть отдельные, так полагается, — объяснил Гулливер ошарашенным полицейским. — Мэр Браун требует, чтобы Анне было где переодеться. Стало быть, отныне, господа хорошие, вы будете переодеваться у себя в кабинете». Все дружно заворчали; я сказала, что лучше сама буду переодеваться в кабинете, но Гулливер не согласился: «Того гляди, парни застанут тебя в трусах, мне только этих историй не хватало для полного счастья. — И добавил с сальным смешком: — И вообще, штаны держи застегнутыми на все пуговицы, смекаешь, что к чему?» В конце концов был найден компромисс: мы решили, что я буду переодеваться дома и приезжать на службу прямо в форме. Все остались довольны.

Но на завтра, не успела я выйти из машины на служебной парковке, как Гулливер вызвал меня к себе в кабинет.

— Анна, я не хочу, чтобы ты разъезжала в форме на личной машине.

— Но на работе мне негде переодеться, — сказала я.

— Знаю. Поэтому хочу предоставить в твое распоряжение одну из наших немаркированных машин. Когда ты в форме, едь на ней.

Так я оказалась обладательницей служебного авто — черного внедорожника с тонированными стеклами и скрытыми маячками над лобовым стеклом и за решеткой радиатора.

Но я не знала, что в автопарке полиции Орфеа всего две такие машины. Одну шеф Гулливер забрал в свое личное пользование, и вторая, стоявшая на парковке, была вождленным сокровищем для всех моих коллег. И теперь это сокровище выделили мне, что, естественно, вызвало всеобщее раздражение.

— Почему ей привилегии? — возмутились коллеги на стихийном собрании в комнате отдыха. — Не успела явиться, а уже на особом положении.

— Выбирайте, парни, — сказала я, когда они ввалились ко мне. — Хотите, берите себе машину и отдайте мне раздевалку. Меня это вполне устроит.

— Да чего ты тут ломаешься, просто переодевайся в кабинете! — возразил кто-то. — Боишься, что ли? Мы тебя не изнасилуем.

Из-за этой машины случился мой первый невольный конфликт с Монтейном. Он уже давно на нее нацелился, а я ее увела у него из-под

носа.

— Она должна была быть моя, — ныл он у Гулливера. — Я помощник или что? Ты меня на посмешище выставил!

Но Гулливер объяснил ему причину отказа:

— Слушай, Джаспер, я понимаю, ситуация непростая. Для всех и для меня первого. Поверь, я бы без этой дамы прекрасно обошелся. Женщины всегда создают напряжение в команде. Вечно что-то кому-то доказывают. Я уж не говорю про то, что, когда она забеременеет, нам придется выходить на сверхурочные, чтобы ее заменять!

Неприятности шли одна за другой. После проблем логистики под вопросом оказались мои знания и навыки. Я занимала пост второго помощника шефа полиции, созданный специально для меня. Официальная версия сводилась к тому, что Орфеа растет и развивается, у городской полиции прибавилось работы, ее штат вырос и появление в руководстве третьего человека позволит немного разгрузить Гулливера и его помощника Джаспера Монтейна.

Первым делом меня спросили:

— Зачем им понадобилось создавать для тебя специальный пост? Потому что ты женщина?

— Нет, — возразила я. — Они сначала создали пост, а потом стали искать, кто его займет.

Потом все обеспокоились:

— А если тебе придется драться, как мужику? Ты ведь женщина, одна в патрульной машине. Ты можешь задержать какого-нибудь парня в одиночку?

— А ты можешь? — в свой черед спросила я.

— Конечно.

— Так почему я не смогу?

Наконец меня попытались оценить:

— У тебя есть опыт оперативной работы?

— У меня опыт работы на улицах Нью-Йорка.

— Это разные вещи, — возражали мне. — Ты в Нью-Йорке чем занималась?

— Была переговорщиком в группе чрезвычайных ситуаций. Выезжать приходилось постоянно. Захваты заложников, семейные драмы, угрозы убийства.

Но коллеги пожимали плечами и твердили:

— Нет, это совершенно разные вещи.

* * *

Первый месяц я работала в паре с Льюисом Эрбаном, пожилым потрепанным полицейским; он собирался в отставку, и я должна была занять его место. Я быстро привыкла к ночному патрулированию на пляже и в городском парке, к протоколам ДТП, к выездам на потасовки после закрытия баров.

Но если в оперативной работе я быстро показала себя и как старший по званию, и как участник операций, то бытовые отношения складывались с трудом: пошатнулась сложившаяся к тому времени иерархия. Долгие годы Рон Гулливер и Монтейн были неким двуглавым начальством: два волка во главе стада. В октябре следующего года Гулливер выходил в отставку, и считалось, что его место займет Монтейн. К тому же именно Монтейн фактически заправлял всем в местной полиции, Гулливер лишь делал вид, что отдает приказы. Гулливер был человек, в сущности, симпатичный, но плохой руководитель; Монтейн вертел им, как хотел, и уже давно возглавил командную цепочку. Но теперь все изменилось: после моего вступления в должность второго помощника мы командовали троим.

Одного этого факта было вполне достаточно, чтобы Монтейн развернул широкую кампанию по моей дискредитации. Остальным полицейским он дал понять, что со мной лучше особо не сближаться. Ссориться с Монтейном никому не хотелось, и коллеги из всех сил старались избегать любых внеслужебных отношений со мной. Я знала, что в раздевалке, когда парни после дежурства договаривались сходить выпить пива, он их предупреждал:

— Не вздумайте позвать эту дуру. Если не хотите ближайшие десять лет чистить в отделении сортиры.

И полицейские хором заверяли его в своей верности:

— Нет, конечно!

Из-за этих интриг Монтейна мне было нелегко прижиться в Орфеа. Коллеги после службы видеть меня не желали. Если я приглашала их с женами на ужин, они либо сразу отвечали отказом, либо отказывались в последнюю минуту, а то и просто не приходили. Сейчас и не сосчитать, сколько раз я по воскресеньям сидела одна у стола, накрытого на восемьдесят человек, перед горами еды. Круг общения у меня был очень ограниченный: иногда я куда-нибудь ходила с женой мэра Шарлоттой Браун. Особенно мне нравилось кафе «Афина» на Мейн-стрит, я немного сблизилась с его владелицей, Сильвией Тенненбаум, мы порой болтали, но

подругами нас назвать было трудно. Чаще всего я заходила к соседу, Коди Иллинойсу. Когда мне бывало скучно, я шла к нему в книжный магазин; время от времени ему помогала. К тому же Коди возглавлял ассоциацию волонтеров театрального фестиваля, и к лету я вступила в нее: теперь, по крайней мере, один вечер в неделю у меня был занят, мы готовили театральный фестиваль, который открывался в конце июля.

Как только мне начинало казаться, что дела на работе идут получше, Монтейн снова принимался за дело. Теперь он перешел на новый уровень, копался в моем прошлом и награждал меня прозвищами с подтекстом, вроде «Анна-гашетка» или «Убивица». Потом заявил коллегам: «Вы, парни, поосторожней, Анна, чуть что, стреляет. — И, заржав как ненормальный, добавил: — Анна, а народ знает, почему ты уехала из Нью-Йорка?»

Однажды утром я обнаружила на двери своего кабинета вырезку из старой газеты. Заголовок гласил:

МАНХЭТТЕН: ПОЛИЦИЯ УБИЛА ЗАЛОЖНИКА В ЮВЕЛИРНОМ МАГАЗИНЕ

Я влетела в кабинет Гулливера и ткнула ему в лицо этот клочок газеты:

— Это вы ему сказали, шеф? Это вы все рассказали Монтейну?

— Я здесь ни при чем, — отнекивался он.

— Тогда объясните, откуда он знает!

— Это лежит в твоём личном деле. Наверно, как-то оно попало ему в руки.

Решив от меня избавиться, Монтейн подстраивал так, чтобы меня отправляли на самые скучные и неблагодарные вызовы. Когда я в одиночку несла патрульную службу в городе или окрестностях, со мной нередко связывались по радио: «Каннер, говорит диспетчер. Срочный вызов». Я мчалась по указанному адресу с сиреной и маячками, а по приезде выяснялось, что случилась суцкая ерунда.

Дикие гуси перекрыли 17-е шоссе? Это ко мне.

Кот не может слезть с дерева? Это ко мне.

Пожилая дама впала в старческий маразм, постоянно слышит подозрительные шорохи и звонит по три раза за ночь? Это тоже ко мне.

Я даже удостоилась фотографии в «Орфеа кроникл», в статье о сбежавших из загона коровах. На снимке я, перемазанная с головы до ног, смешно тащу корову за хвост, тщетно пытаюсь вернуть ее на пастбище. И подпись: «Полиция в действии».

После статьи на мне, само собой, оттоптались все коллеги в меру

своего юмора; одну вырезку из газеты я нашла под дворниками служебной машины, неизвестная рука написала на ней черным фломастером: «Две коровы в Орфеа». В довершение всех бед именно на тех выходных ко мне решили приехать из Нью-Йорка родители.

— Так вот зачем ты здесь? — вопрошал отец, тыча мне в нос номер «Орфеа кроникл». — Пустила свой брак коту под хвост, чтобы возиться с коровами?

— Папа, мы с тобой что, уже ссоримся?

— Нет, но, по-моему, ты могла бы стать неплохим адвокатом.

— Знаю, папа. Ты мне уже лет пятнадцать об этом твердишь.

— Уму непостижимо, столько времени изучать право, чтобы стать копом в каком-то городишке! Какая чушь!

— Я люблю свою работу, это важнее всего, разве нет?

— Я собираюсь сделать Марка компаньоном, — наконец сообщил он.

— Господи, папа, — вздохнула я, — ты что, жить не можешь без моего бывшего мужа?

— Знаешь, он классный парень.

— Папа, не начинай! — взмолилась я.

— Он готов тебя простить. Вы могли бы сойтись снова, ты бы поступила к нам в адвокатскую контору...

— Я горжусь тем, что я коп, папа.

Джесси Розенберг

Вторник, 1 июля 2014 года

25 дней до открытия фестиваля

Стефани пропала уже неделю назад.

В округе все только об этом и говорили. Кто-то пребывал в уверенности, что она сама все подстроила, но таких было немного. Большинство считали, что с ней случилось несчастье, и тревожились: кто станет следующей жертвой? Мать семейства, отправившаяся в магазин? Девушка по дороге с пляжа?

В то утро, 1 июля, мы с Дерекком и Анной завтракали в кафе «Афина». Анна рассказала нам о загадочном исчезновении Кирка Харви; ни я, ни Дерек в свое время ничего об этом не знали. Стало быть, он исчез после того, как убийство было раскрыто.

— Я заезжала в архив «Орфеа кроникл», — сказала Анна. — Копалась в статьях девяносто четвертого года о первом фестивале. И смотрите, что я

нашла...

Она положила перед нами ксерокопию статьи; заголовок гласил:

ВЕЛИКИЙ КРИТИК ОСТРОВСКИ ДЕЛИТСЯ СВОИМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ ОТ ФЕСТИВАЛЯ

Я быстро проглядел начало статьи. Знаменитый нью-йоркский критик Мита Островски высказывал свое мнение о программе первого фестиваля. Вдруг мой взгляд зацепился за одну фразу.

— Послушай-ка, — сказал я Дереку. — Журналист спрашивает у Островски, что его приятно и неприятно поразило на фестивале. Островски отвечает: «Безусловно, приятной неожиданностью — думаю, все со мной согласятся — стала великолепная постановка „Дяди Вани“ с блистательной Шарлоттой Кэрелл в роли Елены. А неприятной — конечно же нелепый монолог Кирка Харви. Катастрофа от первого до последнего слова. Включать подобное ничтожество в программу — значит унижать фестиваль. Я бы даже сказал, это значит оскорблять зрителей».

— Он сказал «Кирка Харви»? — недоуменно переспросил Дерек.

— Он сказал «Кирка Харви», — подтвердила гордая своей находкой Анна.

— Это еще что за ребус? — удивился я. — Шеф полиции Орфеа принимал участие в фестивале?

— Больше того, — добавил Дерек, — Харви расследовал убийства 1994 года. То есть он связан и с убийствами, и с фестивалем.

— Может, Стефани потому его и разыскивала? — задумался я. — Нам непременно надо его откопать.

В поисках Кирка Харви нам мог помочь Льюис Эрбан — полицейский, на чье место Анна приехала в Орфеа. Он всю жизнь проработал в местной полиции, а значит, не мог не знать Харви.

Мы с Анной и Дерекотом отправились к нему домой и застали его в пышном цветнике перед домом. При виде Анны его лицо просияло ласковой улыбкой.

— Анна, вот так радость! — воскликнул он. — Ты первая из коллег, кто надумал меня навестить.

— Мы к тебе по делу, — с ходу призналась Анна. — Со мной сотрудники полиции штата. Нам бы хотелось поговорить с тобой о Кирке Харви.

Мы устроились на кухне. Льюис Эрбан, пожелавший непременно

угостить нас кофе, рассказал, что не имеет ни малейшего представления о том, что случилось с Кирком Харви.

— Он что, умер? — спросила Анна.

— Понятия не имею, но вряд ли. Сколько ему сейчас? От силы лет пятьдесят пять.

— Значит, он исчез в октябре 1994 года, сразу после того, как было раскрыто убийство мэра и его семьи, так? — продолжила Анна.

— Да. Почти сразу. Оставил очень странное заявление об уходе по собственному желанию. Мы так и не поняли, почему и отчего.

— А расследования не было?

— Практически нет, — несколько смущенно ответил Льюис, уткнувшись в чашку.

— Как же так? — Анна даже подскочила. — У вас куда-то девается шеф полиции, и никто не пытается выяснить, что стряслось?

— По правде сказать, его все ненавидели, — ответил Эрбан. — К тому моменту, как Харви исчез, он в полиции уже ничего не значил. Власть взял в свои руки его помощник, Рон Гулливер. Ни один полицейский не желал иметь с ним дело. Мы его на дух не выносили. И прозвали его «шеф-одиночка».

— Шеф-одиночка? — удивилась Анна.

— Именно так. Харви все презирали.

— Почему же его назначили начальником? — вступил в разговор Дерек.

— Потому что поначалу мы его очень любили. Он обаятельный был и очень умный. К тому же хороший руководитель. Страстный театрал. Знаете, чем он занимался на досуге? Писал пьесы! Отпуск всегда проводил в Нью-Йорке, ходил там на все спектакли. Одну свою пьесу даже поставил со студенческой труппой университета Олбани, она имела некоторый успех. О нем написали в тамошней газете и все такое. И подружку себе прелестную нашел, прямо куколку, студентку из труппы. В общем, все при нем, по полной программе.

— И что было потом? — спросил Дерек.

— Его слава не продлилась и года, — объяснил Льюис Эрбан. — Окрыленный успехом, он написал новую пьесу. Все уши нам про жужжал, говорил, что это будет шедевр. Когда в Орфеа организовали театральный фестиваль, он буквально землю носом рыл, чтобы его пьесу сыграли на открытии. Но мэр Гордон ему отказал. Сказал, что пьеса плохая. Они все время ссорились по этому поводу.

— Но ведь его пьесу все-таки сыграли на фестивале, разве нет? Я

видел в архиве «Орфеа кроникл» критическую статью про нее.

— Он читал монолог собственного сочинения. Это был полный провал.

— Я вот о чем, — уточнил Дерек. — Каким образом Кирку Харви все-таки удалось принять участие в фестивале, если мэр был против?

— Так ведь Гордона уколошили как раз в тот вечер, когда открылся фестиваль! Бразды правления принял его тогдашний заместитель Алан Браун, и Кирк Харви сумел протащить свою пьесу в программу. Не знаю, почему Браун согласился. Наверно, у него были дела поважнее.

— Значит, Кирк Харви выступал только потому, что Гордон погиб, — подытожил я.

— Именно так, капитан. Каждый вечер выступал в Большом театре после основного спектакля. Это было полное фиаско. Вы себе не представляете, до чего жалкое зрелище. Выставил себя на посмешище перед всеми. В общем, для него это стало началом конца: репутация погорела, подружка его бросила, все пошло прахом.

— Но разве полицейские из-за пьесы возненавидели Харви?

— Нет, — ответил Льюис Эрбан, — во всяком случае, не только. За несколько месяцев до фестиваля Харви нам объявил, что у его отца рак и он лежит в больнице в Олбани. Сказал, что возьмет отпуск за свой счет, чтобы ухаживать за ним, пока тот лечится. Мы все ему страшно сочувствовали. Бедный Кирк, у него умирает отец. Пытались собрать ему денег взамен жалованья, устраивали всякие мероприятия, даже вычли для него из своих отпускных, чтобы он не оставался без средств на время своих отлучек. Он был наш шеф, мы его ценили.

— И что произошло?

— Правда выплыла наружу. Его отец был жив-здоров, а Харви просто выдумал эту историю, чтобы ездить в Олбани ставить свою пресловутую пьесу. С этого момента никто про него и слышать не хотел, а тем более ему подчиняться. Он оправдывался, говорил, что запутался в собственной лжи и ему даже в голову не могло прийти, что мы скинемся ему в помощь. Нас это бесило еще больше, ведь это значило, что мозги у него устроены не так, как у нас. С того дня мы его больше не считали шефом.

— Когда это случилось?

— Все раскрылось в июле месяце девяносто четвертого года.

— Как же полиция с октября по июль управлялась без шефа?

— Де-факто шефом стал Рон Гулливер. У парней он пользовался авторитетом, все обошлось хорошо. Происходило все неофициально, но никто ничего не заметил, потому что вскоре убили мэра, а Брауну, который

занял его место, пришлось в следующие месяцы разгрести более важные дела.

— Но мы же регулярно общались с Кирком Харви, когда расследовали убийство, — возразил Дерек.

— А кто еще из наших с вами сотрудничал? — спросил Эрбан.

— Никто, — согласился Дерек.

— Вам не показалось странным, что вы работаете только с Кирком Харви?

— Мне это тогда не пришло в голову.

— Вы не подумайте, мы все тоже были при деле, — уточнил Эрбан. — Убийство все-таки, четыре трупа. Ко всем сообщениям от населения, ко всем запросам полиции штата относились очень серьезно. Но, помимо этого, Харви вел собственное расследование, у себя в углу. Он совершенно помешался на этом деле.

— Значит, было и досье?

— Конечно. Харви его собрал. Оно должно лежать в архиве.

— Там ничего нет, — сказала Анна. — Пустая коробка.

— Может, в его кабинете в подвале? — предположил Эрбан.

— Что за кабинет в подвале? — спросила Анна.

— В июле девяносто четвертого, когда раскрылось вранье про рак у отца, все ребята явились в кабинет к Харви, чтобы потребовать объяснений. Его на месте не было. Мы стали там рыться и поняли, что он не столько работал, сколько писал свою пьесу: там всюду были разные рукописи, планы. Тогда мы решили навести порядок и выкинули в шредер все, что не относилось к работе; надо сказать, там мало что осталось. Потом мы выдернули из розетки его компьютер, взяли письменный стол и стул и перетащили все в подвальную комнату. Такой чулан без окон, он не проветривался, и туда сваливали всякие ненужные вещи. С того дня Харви, являясь на службу, сразу спускался в свой новый кабинет. Мы думали, он в подвале и недели не протянет, а он все-таки три месяца просидел, но в октябре девяносто четвертого пропал с концами.

Мы с минуту помолчали, переваривая сцену бунта, описанную Эрбаном. Потом я произнес:

— Значит, в один прекрасный день он исчез.

— Да, капитан. Помню, как сейчас, потому что накануне ему позарез понадобилось со мной поговорить.

* * *

Орфеа, конец октября 1994 года

Войдя в туалет, Льюис Эрбан столкнулся с Кирком Харви. Тот мыл руки.

— Льюис, мне надо с тобой поговорить.

Эрбан сперва сделал вид, что не слышит. Но Харви пристально смотрел на него, и он пробормотал:

— Кирк, я не хочу, чтобы нас засекли...

— Послушай, Льюис, я знаю, что опростоволосился...

— Да блин, Кирк, что на тебя нашло? Мы же ради тебя все скинулись из отпускных.

— Я вас ни о чем не просил! — возразил Харви. — Я взял отпуск за свой счет. Ни к кому не прикапывался. Вы сами во все это влезли.

— То есть мы еще и виноваты?

— Слушай, Льюис, ты вправе меня ненавидеть. Но мне нужна твоя помощь.

— Даже не заикайся. Если ребята узнают, что я с тобой разговариваю, меня тоже отправят в подвал.

— Тогда давай встретимся в городе. Буду ждать тебя вечером, около восьми, на парковке у причала. Я тебе все расскажу. Это очень важно. Это касается Теда Тенненбаума.

* * *

— Теда Тенненбаума? — переспросил я.

— Да, капитан, — кивнул Льюис. — Естественно, я никуда не пошел. Если бы меня увидели с Харви, я бы стал прокаженным. Это был наш последний разговор. На завтра, придя на службу, я узнал, что Рон Гулливер обнаружил у себя на столе заявление за его подписью. Он извещал, что уехал и никогда больше не вернется в Орфеа.

— И как вы к этому отнеслись? — спросил Дерек.

— Подумал: и слава богу. Честно говоря, так было лучше для всех.

Когда мы вышли из дома Льюиса Эрбана, Анна сказала:

— Стефани в Большом театре расспрашивала волонтеров, выясняла, где именно находился Тед Тенненбаум в тот вечер, когда произошло убийство.

— О, черт, — выдохнул Дерек. И добавил, словно уточняя: — Ведь Тед Тенненбаум был...

— Убийцей тех четверых, я знаю, — перебила Анна.

А Дерек добавил:

— По крайней мере, мы так двадцать лет считали. Что же такое нашел про него Кирк Харви и почему ничего не сказал нам?

В тот же день мы получили от криминалистов анализ содержимого компьютера Стефани. На жестком диске оказался один-единственный вордовский документ, защищенный паролем, который тамошние специалисты без труда сумели взломать.

Мы открыли его и все втроем прилипли к компьютеру.

— Это текст, наверно, статья, — сказал Дерек.

— Скорее книга, — заметила Анна.

Она была права. Мы прочли документ и обнаружили, что Стефани посвятила этому делу целую книгу. Приведу здесь ее начало:

Стефани Мейлер НЕВИНОВНЫЙ

Объявление затерялось между рекламой сапожника и анонсом китайского ресторана, предлагавшего шведский стол меньше чем за 20 долларов.

ХОТИТЕ НАПИСАТЬ КНИГУ, КОТОРАЯ ВАС
ПРОСЛАВИТ?

ЛИТЕРАТОР ИЩЕТ ЧЕСТОЛЮБИВОГО
ПИСАТЕЛЯ ДЛЯ СЕРЬЕЗНОЙ РАБОТЫ.
РЕКОМЕНДАЦИИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫ.

Сначала я не восприняла это всерьез. Но все равно решила из любопытства набрать указанный номер. Мне ответил мужчина, по голосу я его не узнала. И поняла, кто он, только на следующий день, когда мы встретились с ним в кафе в Сохо.

— Вы? — удивилась я, увидев его.

Казалось, он был удивлен не меньше меня. Объяснил, что ему нужен человек, чтобы написать книгу, которая давно занимает все его мысли.

— Я уже двадцать лет даю это объявление, Стефани, — сказал он. — Но все, кто на него за эти годы откликнулся, оказались один другого хуже.

— Но зачем вам искать кого-то, кто напишет книгу вместо вас?

— Не вместо меня. Для меня. Я вам даю сюжет, а вы будете моим пером.

— Почему бы вам не написать ее самому?

— Мне? Это невозможно! Вы только представьте, что скажут люди... Короче, я оплачиваю все ваши расходы, пока вы пишете. А потом вам не о чем будет беспокоиться.

— Почему? — спросила я.

— Потому что благодаря этой книге вы станете богатой и знаменитой писательницей, а у меня будет спокойнее на душе. Я наконец получу ответы на вопросы, которые преследуют меня двадцать лет. И буду счастлив оттого, что эта книга существует. Если вы найдете ключ к разгадке, получится отличный детектив. Читатели будут в восторге.

Книга, надо признать, получилась захватывающая. Стефани рассказывала, как она устроилась в «Орфеа кроникл», чтобы под этим прикрытием спокойно расследовать убийство четырех человек в 1994 году.

Однако грань между документальным повествованием и вымыслом уловить было сложно. Если она описывает только реальные факты, тогда кто тот таинственный заказчик, что попросил ее написать книгу? И зачем он это сделал? Имени его она не называла, но из ее слов вроде бы следовало, что она с ним знакома и что в день убийства он находился в Большом театре.

— Возможно, поэтому мне и не дает покоя это происшествие. Я был в зале, смотрел спектакль. Очень посредственную постановку «Дяди Вани». А настоящая, захватывающая трагедия разворачивалась в это время всего в нескольких улицах от меня, в квартале Пенфилд. С того вечера я постоянно задаюсь вопросом, что там могло произойти, и постоянно говорю себе, что из этой истории получился бы обалденный детектив.

— Но, насколько я знаю, убийцу нашли. Им был некий Тед Тенненбаум, ресторатор из Орфеа.

— Знаю, Стефани. И знаю, что все улики подтверждают его вину. Но полной уверенности у меня нет. В тот вечер он дежурил в театре как пожарный. А я без чего-то семь вышел на улицу размять ноги и видел, как мимо проехал фургон. Оpoznать его было легко, у него наклейка на заднем стекле. Позже я понял из газет, что это машина Теда Тенненбаума. Проблема в том, что за рулем был не он.

— Что еще за история с фургоном? — спросила Анна.

— Фургон Теда Тенненбаума был одной из главных улик, из-за фургона его и задержали, — объяснил Дерек. — Один из свидетелей официально подтвердил, что машина эта стояла перед домом мэра непосредственно перед убийством.

— Стало быть, фургон его, но за рулем был не он? — задумалась Анна.

— Ну, так утверждает этот человек, — произнес я. — Потому-то Стефани и подошла ко мне со словами, что мы промахнулись с преступником.

— Значит, кто-то все эти годы сомневался в том, что он виновен, но ничего нам не сказал? — удивился Дерек.

Для всех нас троих было очевидно одно: если бы Стефани исчезла по доброй воле, она бы никогда не уехала без компьютера.

К несчастью, наша уверенность подтвердилась. На следующее утро, в среду 2 июля, одна дама, орнитолог-любитель, прогуливалась на заре возле Оленьего озера; она заметила, что вдали, в зарослях кувшинок и тростника, плавает какой-то тук. Ей стало любопытно, она достала бинокль. Долго вглядывалась в озеро и наконец поняла, что видит человеческое тело.

Дерек Скотт

Август 1994 года. Расследование наше топталось на месте: ни подозреваемого, ни мотива преступления. Если Гордон в самом деле собирался бежать с семьей из Орфеа, то куда и почему? Неясно. Мы не нашли ни единой зацепки, никаких следов. Ничто в поведении Лесли или Джозефа не настораживало близких, их выписки с банковских счетов были вполне обычными.

За неимением мотива убийства нам нужны были конкретные факты, позволяющие выйти на след преступника. Благодаря экспертам-баллистам мы знали, что все жертвы были застрелены из пистолета марки «Беретта»; судя по меткости стрельбы, убийца владел им хорошо. Но мы буквально тонули в реестрах оружия и списках членов ассоциаций любителей стрельбы.

Тем не менее у нас в руках был важный элемент, способный изменить ход расследования: пресловутый автомобиль, который Лина Беллами видела на улице незадолго до убийства. К несчастью, никаких деталей у нее в памяти не осталось. Ей лишь смутно помнился черный фургон с большим рисунком на заднем стекле.

Мы с Джесси часами сидели с ней, показывая картинки всех возможных и невозможных машин.

— Может, примерно в этом роде? — спрашивали мы.

Она внимательно рассматривала череду фотографий и отвечала:

— Трудно сказать, не знаю.

— Вы говорите «фургон»; вы имеете в виду вэн или скорее пикап?

— А какая между ними разница? Знаете, чем больше машин вы мне показываете, тем больше у меня в голове все путается.

Несмотря на все добрые намерения Лины Беллами, мы ходили по кругу. И время играло против нас. Майор Маккенна жутко на нас давил:

— Ну, парни? Скажите наконец, что у вас что-то есть, — непрерывно спрашивал он.

— Ничего, майор. Головоломка какая-то.

— Черт, пора уже сдвигаться с мертвой точки. Неужто я в вас ошибся? Такое крупное дело, весь отдел так и ждет, что вы сядете в лужу. Знаете, что про вас говорят у кофейного автомата? Что вы дилетанты. Сами прослывете идиотами, меня выставите идиотом, и у всех будут неприятности. Мне надо, чтобы вы в лепешку разбились, а нашли зацепку. Четверо убитых средь бела дня, не могли же все следы сквозь землю провалиться.

Мы ушли в расследование с головой. Работали без выходных, по двадцать часов в сутки. Ничем другим не занимались вообще. Я фактически жил у Джесси с Наташей. Теперь у них в ванной стояли три зубные щетки.

Ход следствия переломила Лина Беллами.

Однажды вечером, спустя десять дней после убийства, муж вечером повез ее ужинать на Мейн-стрит. С той страшной ночи 30 июля Лина не

выходила из дому. Она была встревожена, подавлена. Не разрешала детям играть в парке напротив дома. Предпочитала увозить их подальше, хоть им и приходилось по сорок пять минут сидеть в машине. Собиралась даже переехать. Терренс, ее муж, всячески старался ее отвлечь и в конце концов убедил посидеть где-нибудь вдвоем. Ему хотелось сходить в новый ресторан на Мейн-стрит, рядом с Большим театром. Все вокруг только и говорили, что про кафе «Афина» — модное заведение, открывшееся как раз к фестивалю. Столики брали с бою: наконец-то в Орфеа по явился ресторан, достойный этого имени.

Вечер стоял теплый. Терренс оставил машину на парковке у причала, и они неспешно прошли до ресторана. Место было чудесное, на террасе горели свечи, вокруг множество цветов. На застекленном фасаде ресторана были нарисованы линии и точки: на первый взгляд они выглядели каким-то индейским узором, а при ближайшем рассмотрении складывались в сову.

Взглянув на фасад, Лина Беллами в ужасе задрожала:

— Тот самый рисунок!

— Какой рисунок? — спросил муж.

— Который я видела сзади на фургоне.

Терренс Беллами немедленно позвонил нам с Джесси из телефона-автомата, и мы примчались в Орфеа. Супругов Беллами мы нашли на парковке курортного комплекса, они сидели в машине. Лина рыдала. К тому же, пока мы ехали, перед кафе «Афина» появился пресловутый черный фургон: на его заднем стекле в самом деле красовался тот же логотип, что на фасаде. За рулем был мужчина внушительных размеров, супруги Беллами видели, как он входил в заведение. Его личность мы установили по номерам машины: это был Тед Тенненбаум, владелец кафе «Афина».

Мы решили не спешить с арестом Тенненбаума и для начала тайно навести о нем справки. Вскоре стало ясно, что он вполне соответствует имеющимся у нас сведениям об убийце: год назад Тенненбаум обзавелся ручным огнестрельным оружием — правда, не «береттой» — и регулярно тренировался в местном тире, владелец которого считал его далеко не бездарным стрелком.

Мы выяснили, что Тенненбаум происходил из зажиточной семьи, жившей в Манхэттене: этакий папенькин сынок, вспыльчивый, любитель распускать руки. Из-за своей драчливости он был отчислен из Стэнфордского университета и даже отсидел несколько месяцев в тюрьме. Что не помешало ему впоследствии приобрести оружие. В Орфеа он

поселился несколько лет назад и, судя по всему, вел себя тихо. Работал в отеле «Палас дю Лак», потом завел собственное дело — кафе «Афина». Причем именно из-за своего ресторана сильно повздорил с мэром.

Уверенный, что заведение будет иметь бешеный успех, Тенненбаум купил идеально расположенное здание на Мейн-стрит; прежний владелец запрашивал за него такую цену, что распугал всех покупателей. Оставалась, однако, изрядная проблема: согласно кадастровому назначению здания, ресторан на этом месте открывать было нельзя. Тенненбаум не сомневался, что мэрия легко выдаст ему разрешение, но мэр считал иначе. Он решительно воспротивился проекту кафе «Афина». Тенненбаум собирался открыть фешенебельное заведение наподобие манхэттенских, а Гордон не видел в этом никакой пользы для Орфеа и запретил любые отклонения от кадастра. По словам служащих мэрии, мужчины неоднократно ссорились.

Мы обнаружили еще один факт. Однажды ночью, в феврале, здание сгорело дотла. Для Тенненбаума это была удача: необходимость заново отстраивать здание позволяла изменить его назначение. Про этот эпизод нам рассказал шеф полиции Харви.

— То есть вы хотите сказать, что Тенненбаум благодаря этому пожару смог открыть свой ресторан.

— Совершенно верно.

— Полагаю, это был поджог.

— Разумеется. Но никаких доказательств того, что его устроил Тенненбаум, мы не нашли. Так или иначе, пожар случился как нельзя вовремя: у Тенненбаума оставалось время закончить работы и открыть «Афину» прямо к началу фестиваля. С тех пор народу там хоть отбавляй. Он не мог себе позволить никаких проволочек со стройкой.

Именно этот момент и оказался решающим. Несколько свидетелей утверждали, что Гордон неявно грозил Тенненбауму затянуть работы. В частности, помощник шефа Рон Гулливер рассказал, что однажды мужчины чуть не подрались прямо на улице и ему пришлось вмешаться.

— Почему нам никто не сказал об этом конфликте с Тенненбаумом? — удивился я.

— Потому что дело было в марте, — ответил Гулливер. — У меня уже из головы вылетело. Знаете, политики по любому поводу горячатся. У меня тонны таких историй. Достаточно сходить на заседание муниципального совета: так и норовят сойтись врукопашную. Это же не значит, что они в итоге друг друга перестреляют.

Но для нас с Джесси этого было более чем достаточно. Досье получалось железобетонное: у Тенненбаума был мотив убить мэра, он был

опытным стрелком, а его фургон, стоявший перед домом Гордонов за несколько минут до бойни, был официально опознан. Двенадцатого августа 1994 года, на рассвете, Тед Тенненбаум был арестован у себя дома по подозрению в убийстве Джозефа, Лесли и Артура Гордонов, а также Меган Пейделин.

Мы вернулись в окружное отделение полиции штата с победой и под восхищенными взглядами коллег и майора Маккенны препроводили Тенненбаума в камеру.

Но ликовали мы недолго, всего несколько часов. За это время Тед связался с Робинем Старром, крупным нью-йоркским адвокатом, и тот примчался из Манхэттена, как только сестра Тенненбаума перевела ему 100 тысяч долларов аванса.

В комнате для допросов Старр на глазах у раздосадованного майора буквально размазал нас по стенке; коллеги наблюдали за происходящим через зеркало без амальгамы и помиралы со смеху.

— Много я повидал на своем веку бездарных копов, — гремел Робин Старр, — но эти двое всех перещеголяли. Ну-ка повторите свою сказку, сержант Скотт!

— Вам бы стоило померить спесь, — возразил я. — Мы знаем, что у вашего клиента в последние месяцы были трения с мэром по поводу перестройки кафе «Афина».

Старр с любопытством взглянул на меня:

— Но по-моему, работы завершены, так в чем проблема, сержант?

— Строительство «Афины» не терпело отлагательства, а Гордон, по моим сведениям, угрожал вашему клиенту остановить работы. После очередной ссоры Тед Тенненбаум убил мэра, всю его семью и эту несчастную женщину, оказавшуюся во время пробежки у дома Гордона. Вам наверняка известно, мэтр Старр, что ваш клиент — опытный стрелок.

— Вы меня просто сразили, сержант, — иронически поддакнул Старр. — Какая упоительная галиматья!

Тенненбаум сидел молча, предоставив говорить адвокату, и пока это неплохо работало.

— У вас все, других рассказней нет? — продолжал Старр. — А теперь позвольте, я вам отвечу. Мой клиент не мог быть дома у Гордона 30 июля в 19 часов по той простой причине, что он был дежурным пожарным в Большом театре. Спросите любого, кто был в тот вечер за кулисами, вам все скажут, что видели Теда.

— В тот вечер была изрядная суматоха, — возразил я. — Тед вполне

мог отлучиться. От театра до дома мэра на машине всего несколько минут.

— А, ну конечно! Вы, стало быть, полагаете, что мой клиент побыстрому сиганул в свой фургон, заскочил на минуточку к мэру, укокошил всех, кто оказался у него на пути, и преспокойно вернулся на свое место, в Большой театр.

Я решил выложить главный козырь. Так сказать, сделать контрольный выстрел. Намеренно выдержав паузу, я сказал:

— Фургон вашего клиента стоял перед домом Гордонов за несколько минут до убийства, его официально опознали. Именно поэтому ваш клиент находится здесь, и именно поэтому выйдет он отсюда лишь затем, чтобы отправиться в федеральную тюрьму, где будет ждать суда.

Старр сурово уставился на меня. Я было решил, что попал в точку. Но он захлопал в ладоши:

— Браво, сержант! Спасибо, давно я так не смеялся. Значит, весь ваш карточный домик держится на этой абракадабре с фургоном? Который ваша свидетельница десять дней не могла опознать, а теперь вдруг опамятовалась?

— Откуда вы знаете? — возмутился я.

— Просто я, в отличие от вас, работаю, — взорвался Старр. — А вам полезно было бы знать, что ни один судья не сочтет доказательством подобную чушь! У вас нет никаких реальных улик. Стыдитесь, сержант, ваше расследование достойно бойскаута. Если вам нечего добавить, позвольте нам с моим клиентом откланяться.

Дверь комнаты открылась. Майор испепелил нас взглядом, пропустил Старра и Тенненбаума, а когда они удалились, влетел в комнату и в бешенстве так пнул стул, что тот отлетел к стене. Я никогда не видел его в таком гневе.

— Значит, это и есть ваше хваленое расследование? — заорал он. — Я вас просил ускориться, а не заниматься черт-те чем!

Мы с Джесси, не проронив ни слова, опустили глаза, отчего майор только больше разъярился:

— Ну, что вы можете сказать в свое оправдание, а?

— Майор, я убежден, что это сделал Тенненбаум, — произнес я.

— Убеждены, Скотт? И что это за убежденность? Убежденность копа, та, что не дает ни есть, ни спать, пока дело не раскрыто?

— Да, майор.

— Ну так работайте! Вон отсюда оба, и чтобы все расследовали заново!

— 6. Убийство журналистки

Среда, 2 июля — вторник, 8 июля 2014 года

Джесси Розенберг

Среда, 2 июля 2014 года
24 дня до открытия фестиваля

Целая армада машин экстренных служб и скорой помощи, пожарных фургонov и полицейских автомобилей со всего округа, скопившаяся на 17-м шоссе, перекрыла все подступы к Оленьему озеру. Дорожная полиция всех отправляла в объезд, луга между двумя перелесками были обнесены заграждениями, у которых дежурили сотрудники полиции, оттеснявшие поток любопытных и журналистов.

Мы с Анной и Дерекom, а также шефом Гулливером и кучкой полицейских стояли в нескольких десятках метров оттуда, на пологом склоне, поросшем высокой травой и зарослями ежевики, и молча смотрели на расстилавшуюся перед нами изумительную водную гладь, покрытую разнообразной растительностью. Среди зелени, прямо посреди озера, отчетливо виднелось белесое пятно. В кувшинках запуталось человеческое тело.

Издали невозможно было понять, Стефани это или нет. Мы ждали водолазов из полиции штата. А пока беспомощно созерцали неподвижный водный простор, не говоря ни слова.

На противоположном берегу вязли в грязи полицейские: пытались подойти к озеру.

— А что, этот район не прочесывали? — спросил я Гул ливера.

— Досюда мы не добрались. Место труднодоступное. И к берегу не подойдешь, грязь да тростник...

Вдали слышались сирены. Прибыло подкрепление. Затем появился мэр Браун в сопровождении Монтейна: тот заехал за ним в мэрию и доставил сюда. Наконец примчались подразделения полиции штата, и все пришло в движение: полицейские и пожарные тащили надувные лодки, за ними шли водолазы с тяжелыми ящиками оборудования.

— Что происходит в этом городе? — пробормотал мэр, подходя к нам и оглядывая пышные заросли кувшинок.

Водолазы облачились в костюмы, надувные лодки были спущены на

воду. Мы с Гулливером сели в одну из них и понеслись по озеру, за нами двинулась вторая лодка, с водолазами. Лягушки и водяные птицы разом смолкли, и, когда мы заглушили лодочные моторы, настала невыносимая тишина. Лодки, двигаясь по инерции, смяли ковер цветущих кувшинок и вскоре подплыли к телу. Водолазы соскользнули в воду и исчезли в облаке пузырьков. Я перебрался на нос лодки и перегнулся через борт, всматриваясь в высвобожденное водолазами тело. Когда им наконец удалось его перевернуть, я невольно отшатнулся. Представшее мне лицо, обезображенное водой, безусловно, принадлежало Стефани Мейлер.

Известие о том, что тело Стефани Мейлер обнаружено в Оленьем озере, быстро разнеслось по окрестностям. У полицейских заграждений толпились зеваки. Прибыла едва ли не вся местная пресса. Обочина 17-го шоссе превратилась в подобие шумной ярмарки.

Тело доставили на берег, и судмедэксперт, доктор Ранджит Сингх, приступил к осмотру. Вскоре он, подозревая нас с Анной и Дерекком, мэра Брауна и Гулливера, доложил первые свои выводы:

— Полагаю, Стефани Мейлер была задушена.

Браун закрыл лицо руками.

— Подождем результатов вскрытия, — продолжал судмедэксперт, — тогда мы будем точно знать, что произошло. Пока я обнаружил обширные гематомы на шее и признаки сильного цианоза. У нее также имеются царапины на руках и лице, кожа на локтях и коленях содрана.

— Как же ее раньше не заметили? — спросил Гулливер.

— Утопленники всплывают не сразу. Судя по состоянию трупа, смерть наступила восемь-девять дней назад. Во всяком случае, больше недели.

— То есть мы возвращаемся к той ночи, когда она пропала, — сказал Дерек. — Значит, Стефани похитили и убили.

— Боже! — прошептал потрясенный Браун, хватаясь за голову. — Как это возможно? Кто мог такое сделать с бедной девушкой?

— Именно это нам и предстоит выяснить, — ответил Дерек. — Ситуация очень серьезная, господин мэр. В округе, а может, и в самом городе орудует убийца. Его мотивы нам пока неизвестны, нельзя исключать, что он нанесет новый удар. Пока мы его не задержали, следует соблюдать предельную осторожность. Ввести на время повышенные меры безопасности, привлечь в помощь полицию штата.

— Повышенные меры безопасности? — забеспокоился Браун. — Даже не думайте, вы же всех перепугаете! Поймите, Орфеа — курортный город. Если пойдут слухи, что здесь бродит убийца, весь летний сезон пойдет

насмарку! Вы отдаете себе отчет, что это для нас значит?

Мэр повернулся к Гулливеру и Анне:

— Сколько времени вы сможете не допускать утечки информации?

— Все и так уже в курсе, Алан, — ответил Гулливер. — Слух разлетелся по всему округу. Ступайте сами посмотрите: там, наверху, уже целый парк аттракционов!

Внезапно наш разговор прервали крики: на склоне показались Мейлеры-старшие. «Стефани!» — в ужасе кричала Труды Мейлер; за ней бежал муж. Увидев, что они спускаются, мы с Дерекком бросились к ним: их надо было задержать, они не должны были видеть тело дочери, лежащее на берегу в мешке для трупов.

— Вам не надо на это смотреть, миссис Мейлер, — прошептал я прижавшейся ко мне Труды. Она кричала и плакала. Мы отвели Денниса и Труды Мейлер в полицейский фургон, там их ждала штатный психолог.

Надо было делать заявление для прессы. Я с удовольствием предоставил это мэру. Гулливер, не упуская случая покрасоваться перед камерами, взялся его сопровождать.

Оба поднялись по склону к заграждениям, за которыми нетерпеливо топтались журналисты со всей округи. Здесь были все каналы местного телевидения, фотографы, корреспонденты газет и журналов. Брауна и Гулливера немедленно окружил целый лес протянутых микрофонов и объективов. Первым, перекрывая голоса коллег, прозвучал вопрос Майкла Берда:

— Стефани Мейлер действительно убита?

Повисла леденящая тишина.

— Нужно дождаться результатов расследования, — ответил Браун. — Большая просьба не спешить с выводами. Со временем вам будет представлено официальное коммюнике.

— Но чье тело обнаружено в озере, Стефани Мейлер? — снова спросил Майкл.

— Больше я ничего вам сказать не могу.

— Мы все видели, что прибыли ее родители, господин мэр, — настаивал Майкл.

— Да, скорее всего, это Стефани Мейлер, — неохотно признал прижатый к стенке Браун. — Родители ее пока официально не опознали.

Все сразу загалдели, журналисты наперебой задавали свои вопросы. Из общего шума снова вырвался голос Майкла:

— Значит, Стефани убита, — заключил он. — И не надо говорить, что

пожар в ее квартире — простое совпадение. Что происходит в Орфеа? Что вы скрываете от населения, господин мэр?

Браун не терял присутствия духа.

— Я понимаю вашу заинтересованность, — спокойно ответил он, — но сейчас главное — не мешать работать следствию. На данном этапе я воздержусь от комментариев, чтобы не затруднять работу полиции.

Майкл, явно взволнованный, не отступал.

— Господин мэр, — крикнул он, — собираетесь ли вы проводить празднества по случаю Четвертого июля, когда весь город в трауре?

Вопрос застал Брауна врасплох, но на ответ ему понадобилась лишь доля секунды:

— Пока я принимаю решение отменить фейерверк Четвертого июля.

По толпе журналистов и зевак прокатился ропот.

Со своей стороны, мы с Анной и Дерекком осматривали берега озера, пытаюсь понять, как Стефани могла сюда попасть. Дерек считал, что убийство не было преднамеренным:

— По-моему, любой мало-мальски расчетливый убийца привязал бы к телу Стефани груз, чтобы быть уверенным, что оно со временем не всплывет. Тот, кто это сделал, не собирался убивать ее здесь и таким образом.

Берега Оленьего озера были по большей части недоступны для пешеходов: их покрывали плотные, словно стена, заросли гигантского тростника. Именно это и превращало их в орнитологический рай — здесь, в девственном лесу, гнездились и обитали в полном покое десятки видов птиц. В других местах к озеру подступал густой сосновый бор, тянувшийся вдоль 17-го шоссе до самого океана.

Сперва нам показалось, что подойти к озеру можно только на том берегу, куда мы приехали. Но, внимательно изучив местность, мы заметили, что высокая трава со стороны леса недавно примята. Добрались мы туда с огромным трудом: почва была зыбкая и болотистая. Перед нами лежал плоский безлесный участок берега, грязь на нем была взрыта. Похоже на следы ног, но точно сказать невозможно.

— Тут что-то произошло, — уверенно проговорил Дерек. — И я не думаю, что Стефани шла тем же путем, что и мы. Склон чересчур крутой. По-моему, попасть на этот берег можно только одним способом...

— Через лес? — подсказала Анна.

— Точно.

Мы с группой полицейских из Орфеа стали прочесывать прилегающий

лес и обнаружили сломанные ветки. Здесь кто-то прошел. На кусте висел клочок ткани.

— Возможно, лоскут майки, в которой Стефани была в понедельник, — сказал я Анне с Дерекком, натягивая латексную перчатку и беря лоскут.

Судя по тому, что я видел в озере, на Стефани была только одна туфля. На правой ноге. Левую туфлю мы нашли в лесу, она зацепилась за корень.

— Значит, по лесу она бежала, — заключил Дерек, — спасалась от кого-то. Иначе бы остановилась и надела туфлю.

— И преследователь нагнал ее у озера и утопил, — добавила Анна.

— Да, Анна, наверняка ты права, — кивнул Дерек. — Но ведь не от пляжа же она сюда прибежала?

Отсюда до пляжа было больше пяти миль.

Двигаясь по лесу по ее следу, мы вышли на дорогу. Примерно в двухстах метрах от полицейских ограждений.

— Видимо, она вошла здесь, — сказал Дерек.

Поблизости мы заметили на обочине следы покрышек. Значит, преследователь был на машине.

* * *

В это время в Нью-Йорке

Мита Островски сидел в своем кабинете в редакции «Нью-Йорк литерари ревью» и наблюдал в окно за белкой, скакавшей по газону в сквере. Он давал телефонное интервью — на почти идеальном французском — какому-то мутному парижскому журналу интеллектуальной направленности, их интересовало его мнение касательно восприятия европейской литературы в Соединенных Штатах.

— Ну конечно! — жизнерадостно воскликнул Островски. — Если я на сегодняшний день один из самых влиятельных критиков в мире, то лишь потому, что в последние тридцать лет не ведаю снисхождения. Незыблемая дисциплина ума — вот мой секрет. Главное, не любить. Любовь — это слабость!

— Но некоторые злые языки утверждают, что все критики — несостоявшиеся писатели, — заметила заокеанская журналистка.

— Вздор, моя дорогая, — усмехнулся Островски. — Я никогда,

подчеркиваю, никогда не встречал критика, который бы мечтал писать сам. Критики выше этого. Литература — искусство вторичное. Что такое писать? Писать — это составлять слова так, чтобы получались фразы. Этому можно научить даже мартышку!

— Какова же тогда роль критики?

— Устанавливать истину. Давать возможность массам отделять хорошее от ничтожного. Видите ли, только крохотная часть населения способна разобраться сама, что в самом деле хорошо, а что нет. А поскольку сейчас, к несчастью, все непременно желают судить обо всем на свете и, бывает, возносят до небес полное ничтожество, мы, критики, призваны навести какой-никакой порядок в этом балагане. Мы — полиция интеллектуальной истины. Вот и все.

Завершив интервью, Островски посидел в задумчивости. Как красиво он говорил! Как нетривиально! Какая блестящая аналогия: мартышка — писатель! В нескольких словах он описал закат человечества. Какое счастье, что мысль его столь быстра, а мозг работает на все сто!

В дверь его неприбранного кабинета без стука вошла усталая секретарша.

— Черт возьми, стучать надо, когда входите! — заорал Островски. — Вы что, не понимаете, чей это кабинет?

Он ненавидел эту женщину, она казалась ему унылой.

— Сегодняшняя почта, — сказала она, не удостоив его замечание ответом. И положила на стопку книг, ожидающих прочтения, единственное письмо.

— И это все? — разочарованно спросил Островски.

— Все, — ответила секретарша, выходя и закрывая за собой дверь.

Как мало теперь приходит писем, просто беда! Работая в «Нью-Йорк таймс», он получал их целыми мешками. Восторженные читатели не пропускали ни одной его критической статьи, ни одной заметки. Но так было прежде, в незапамятные времена, в те золотые деньки, когда он был всемогущ. Сегодня ему больше не писали, его перестали узнавать на улице, зрители в театре больше не перешептывались, когда он проходил мимо, писатели не поджидали его у дома, чтобы вручить свою книгу, и не набрасывались на воскресное литературное приложение в надежде прочесть на нее рецензию. Сколько успешных карьер зиждилось на его статьях, сколько имен он уничтожил убийственными фразами! Он возносил на небеса, он повергал в прах. Но то было раньше. Теперь его уже почти никто не боялся. За его статьями следили только читатели «Нью-Йорк литерари ревью» — весьма почтенного, конечно, но с несравнимо меньшей

аудиторией.

В тот день, прямо с утра, у Островски возникло какое-то предчувствие. Должно было случиться нечто важное, нечто такое, что снова приведет его к успеху. Он понял, что это то самое письмо. Важное письмо. Инстинкт никогда его не обманывал: он мог понять, хороша книга или плоха, просто подержав ее в руках. Но что такое в этом письме? Ему не хотелось чересчур поспешно его вскрывать. И почему письмо, а не телефонный звонок? Он напряженно размышлял. Может, какой-то продюсер решил снять о нем фильм? Он еще повертел письмо в руках — какой шикарный конверт! Сердце у него колотилось. Наконец он разорвал его, осторожно достал вложенный листок и сразу взглянул на подпись: «Алан Браун, мэр Орфеа».

Дорогой мистер Островски,

С радостью приглашаем Вас на 21-й национальный театральный фестиваль, который состоится в этом году в Орфеа, штат Нью-Йорк. Принимать на фестивале критика со столь блестящей репутацией — огромная честь для нас. Двадцать лет назад Вы осыпали нас своим присутствием на самом первом фестивале, и мы с огромной радостью отпраздновали бы его двадцатилетний юбилей с Вами. Разумеется, все издержки, связанные с Вашим пребыванием в городе, мы берем на себя и постараемся устроить Вас как можно лучше.

Письмо заканчивалось обычными пышными изъявлениями почтения. К нему была приложена программа фестиваля и проспект городской туристической конторы.

Чертово письмо, какое разочарование! Чертово неважное, ничтожное письмо от ничтожного мэра какого-то ничтожного захолустного городишки! Почему его не зовут на более престижные мероприятия? Он выбросил конверт в корзину.

Чтобы отвлечься, он решил написать очередной критический обзор. Взял, как обычно, последний рейтинг книжных продаж в Нью-Йорке, ткнул пальцем в верхнюю строчку таблицы и настроил убийственный текст о беспомощном романе, которого в глаза не видел. Его труды прервал звоночек компьютера: на почту упало письмо. Островски поднял глаза на экран. Писал Стивен Бергдорф, главный редактор. Интересно, что вдруг

понадобилось Бергдорфу. Тот и раньше пытался ему звонить, но он был занят, давал интервью. Островски открыл письмо:

Мита, поскольку на мои звонки Вы ответить не соизволили, извещаю Вас письменно: с настоящего момента Вы больше не работаете в «Нью-Йорк литерари ревью». Стивен Бергдорф.

Островски слетел с кресла, бросился вон из кабинета и, проскочив коридор, рывком открыл дверь главного редактора. Тот сидел за письменным столом.

— Так поступить со мной! — заорал он.

— Надо же, Островски, — невозмутимо произнес Бергдорф. — А я уже два дня все пытаюсь вам дозвониться.

— Как вы смеете меня увольнять, Стивен? Вы в своем уме? Нью-Йорк вас линчует! Разъяренная толпа протащит вас по Манхэттену до Таймс-сквер и вздернет на фонарь, слышите? А я ничего не смогу для вас сделать. Я буду говорить им: «Довольно! Оставьте этого несчастного человека, он не ведал, что творил!» — а они мне ответят в бешенстве: «Только смерть может смыть оскорбление, нанесенное великому Островски!»

Бергдорф раздумчиво посмотрел на штатного критика.

— Вы, кажется, угрожаете меня убить, Островски?

— Отнюдь нет! — возразил Островски. — Наоборот, спасаю вам жизнь, пока еще не поздно. Народ Нью-Йорка любит Островски!

— Ох, старина, перестаньте молоть чушь! Жителям Нью-Йорка до вас дела не больше, чем до прошлогоднего снега. Они вообще не знают, кто вы такой. Вы безнадежно устарели.

— Я был самым грозным критиком все последние тридцать лет!

— Вот именно, пора найти кого-то другого.

— Читатели меня обожают! Я...

— «Бог, но больше смог», — перебил его главный редактор. — Я знаю ваш девиз, Островски. Но прежде всего вы старик. Хватит. Пора уступить место новому поколению. Мне очень жаль.

— Актеры, узнав, что я в театре, ходили в мокрых штанах!

— О да, но так было раньше, в эпоху телеграфа и дирижаблей!

Островски еле удержался, чтобы не съездить ему по морде. Опускаться до оплеух не хотелось. Он развернулся и вышел, не попрощавшись, — хуже оскорбления он не знал. Вернулся к себе в кабинет, велел секретарше принести коробку, сгрузил в нее самые дорогие сердцу вещи, взял ее под

мышку и выбежал вон. Такого унижения он не переживал никогда.

* * *

Орфеа бурлил. Жители были взбудоражены — кто из-за обнаруженного трупа Стефани, кто из-за решения мэра отменить фейерверк на Четвертое июля. Пока мы с Дерексом продолжали обследовать берега Оленьего озера, Анну вызвали на подмогу к мэрии, там намечался митинг. У здания собралась кучка демонстрантов из числа городских торговцев: они требовали не отменять фейерверк, размахивали плакатами и громко жаловались.

— Если в пятницу вечером не будет фейерверка, мне впору закрывать лавку, — негодовал лысый коротышка, державший палатку мексиканской еды. — Для меня это главный вечер сезона.

— А я вложил кучу денег, снял помещение возле набережной, персонал нанял, — вторил ему другой. — Может, мэрия возместит мне расходы, если фейерверк отменят?

— Малышку Мейлер, конечно, жалко, это ужасно, но какое отношение это имеет к национальному празднику? Каждый год к нам приезжают тысячи людей, полюбоваться фейерверком на набережной. Заранее приезжают, ходят по магазинам на Мейн-стрит, потом ужинают в городских ресторанах. Если не будет фейерверка, никто не придет!

Митинг был мирный, и Анна решила подняться на третий этаж, в кабинет Брауна. Мэр стоял у окна. Он поздоровался с ней, не сводя глаз с демонстрантов.

— Радости политики, — вздохнул он. — Это убийство всколыхнуло весь город, и теперь я прослышу бессердечным, если не отменю празднества, а если отменю — безумцем, уничтожающим торговлю.

Они с минуту помолчали. Анна попыталась немного его приободрить:

— Люди очень вас любят, Алан...

— К несчастью, Анна, я вполне могу провалиться на выборах в сентябре. Орфеа уже не тот город, что прежде, жители требуют перемен. Надо выпить кофе. Хочешь кофе?

— С удовольствием, — ответила она.

Анна думала, что мэр попросит секретаршу принести две чашки, но он потащил ее в коридор, в конце которого стоял автомат с горячими напитками. Опустил в машину монетку, и черноватая жидкость потекла в

картонный стаканчик.

Браун был весьма импозантным мужчиной — бархатистый взгляд, актерская внешность; одет всегда с иголки, седеющая шевелюра уложена волосок к волоску. Первый стаканчик наполнился, он протянул его Анне и повторил операцию.

— А это так важно, что вас могут не переизбрать? — спросила Анна, пригубив отвратительную жижу.

— Анна, знаешь, что мне в тебе понравилось, когда мы с тобой прошлым летом первый раз встретились на набережной?

— Нет...

— У нас у обоих высокие идеалы, общие устремления и взгляды на общество. Ты могла бы сделать головокружительную карьеру в полиции Нью-Йорка. А я давно мог бы поддаться на зов политических сирен и выдвинуться в сенат или в конгресс. Но нас с тобой это, в сущности, не интересует, потому что в Орфеа мы можем реализовать то, что никогда бы не осуществили в Нью-Йорке, Вашингтоне или Лос-Анджелесе, — идею справедливого города, с настоящей общественной жизнью, без особого неравенства. Когда в девяносто втором году Гордон предложил мне стать его заместителем, все надо было начинать с нуля. Этот город был как чистый лист. Мне более или менее удалось выстроить его в соответствии с моими убеждениями. Я всегда старался думать о *справедливости*, о том, как будет лучше для блага нашего сообщества. С тех пор как я стал мэром, люди больше зарабатывают, их жизнь улучшилась благодаря отличной сфере услуг, более высоким социальным выплатам, причем все это было сделано без повышения налогов.

— Тогда почему вы считаете, что жители Орфеа могут вас в этом году не переизбрать?

— Потому что прошло время, и они все забыли. С первого моего мандата сменилось почти целое поколение. Сегодня у них иные ожидания, да и требования тоже, ведь все это уже считается нормой. К тому же Орфеа процветает, а это разжигает аппетиты: куча мелких честолюбцев, жаждущих урвать хоть капельку власти, спят и видят, как бы пробраться в мэрию. Ближайшие выборы могут стать концом для города. Его испортит жажда власти, эгоистическое желание править любой ценой, которыми будет движим мой преемник.

— Ваш преемник? И кто он?

— Пока не знаю. Но рояль в кустах найдется, вот увидишь. До конца месяца еще можно выдвигать свои кандидатуры на пост мэра.

Самообладание у Брауна было поразительное. В этом Анна убедилась, когда под вечер отправилась с ним в Саг-Харбор, к родителям Стефани.

Атмосфера у дома Мейлеров, обнесенного полицейскими заграждениями, была очень напряженной. На улице стояла плотная толпа. Кто просто пришел поглазеть на суматоху, кто хотел выразить поддержку семье. Многие держали в руках зажженные свечи. У фонаря возник импровизированный алтарь с горой цветов, записок и мягких игрушек. Кто-то пел, кто-то молился, кто-то фотографировал. Туда же съехалось множество журналистов со всего округа, тротуар был частично заставлен фургонами местных телеканалов. Заметив мэра, журналисты окружили его и стали спрашивать об отмене фейерверка Четвертого июля. Анна хотела отстранить их, позволить мэру пройти, не отвечая на вопросы, но он ее удержал. Ему хотелось сделать заявление для прессы. От подавленного человека, которого она только что видела в кабинете, не осталось и следа: он снова был на коне и излучал уверенность в себе.

— Я знаю, что беспокоит коммерсантов нашего города, — громко произнес он. — Я прекрасно их понимаю и отдаю себе полный отчет в том, что отмена празднеств по случаю Четвертого июля может поставить под угрозу и без того шаткую местную экономику. Я провел консультации со своей администрацией и принял решение не отменять фейерверк, а посвятить его памяти Стефани Мейлер.

Довольный произведенным эффектом, мэр не стал отвечать на другие вопросы и двинулся дальше.

В тот вечер Анна, доставив Брауна домой, задержалась на парковке причала у океана. Было восемь часов. Упоительное тепло струилось через опущенные стекла в кабину машины. Ей не хотелось сидеть дома одной, но еще больше не хотелось идти в ресторан в полном одиночестве.

Она позвонила своей подруге Лорен, но та была в Нью-Йорке.

— Тебя, Анна, не поймешь, — сказала Лорен. — Когда тебя зовешь поужинать, ты каждый раз отказываешься под любым предлогом, а стоит мне уехать в Нью-Йорк, как ты мне предлагаешь сходить в ресторан?

Преширяться Анне не хотелось. Она нажала на отбой и пошла купить себе еды навынос в какой-нибудь палатке на набережной. Потом поехала на службу, к себе в кабинет, и стала ужинать, изучая магнитную доску с документами расследования на стене. Глядя на имя «Кирк Харви», написанное на доске, она вдруг вспомнила рассказ, услышанный накануне от Льюиса Эрбана — про насильственное переселение бывшего шефа полиции в подвал. В подвале действительно было помещение, служившее

чуланом. Она решила немедленно спуститься туда. У двери ее охватило странное чувство, ей чуть не стало дурно: она представила себе, как двадцать лет назад на этом месте стоял Кирк Харви.

Лампочка перегорела, ей пришлось освещать дорогу фонариком. Все помещение было завалено стульями, шкафами, колченогими столами и коробками. Она расчистила себе проход через это мебельное кладбище и наконец добралась до деревянного, покрытого лаком письменного стола, заваленного всякими предметами; среди них под слоем пыли виднелась металлическая табличка с гравированной надписью: «Шеф полиции К. Харви». Это был его стол. Она стала выдвигать ящики. Три были пусты, а четвертый не поддавался. В нем была замочная скважина, он запирался на ключ. Она сходила в соседнюю мастерскую, попросила монтировку. Замок легко поддался, и ящик открылся, издав сухой щелчок. Внутри лежал единственный листок бумаги. На нем было написано от руки:

ЧЕРНАЯ НОЧЬ

Анна Каннер

Больше всего на свете я люблю ночное патрулирование в Орфеа.

Больше всего на свете люблю тихие, спокойные улицы, купающиеся в теплой летней мгле, когда темно-синее небо усыпано звездами. Медленно катить по мирно спящим кварталам, мимо закрытых ставней. Повстречать бессонного прохожего или счастливую пару, проводящую ночь на террасе и дружески машущую вам рукой.

Больше всего на свете люблю улицы в центре, когда зимней ночью вдруг начинает идти снег и земля быстро покрывается пышным белым налетом. Когда ты одна не спишь, когда еще не закружились снегоуборщики и ты первая оставляешь след на нетронутом снегу. Выйти из машины, пешком обойти сквер, слышать, как снег скрипит под ногами, и с наслаждением наполнить легкие сухим бодрящим морозцем.

Больше всего люблю встретить на рассвете лису, трусящую по главной улице.

Больше всего люблю восход над побережьем, в любое время года. Смотреть, как на чернильно-синем горизонте вдруг проклевывается розовая точка, как она наливается рыжим светом, а потом огненный шар медленно поднимается над волнами.

Я переехала в Орфеа через несколько месяцев после того, как

подписала все бумаги о разводе.

Замуж я выскочила поспешно, за человека, исполненного всяческих достоинств, но не своего. Наверно, я так поспешила с браком из-за отца.

Мы с отцом всегда были в очень близких и тесных отношениях. С самого моего раннего детства мы с ним были одним целым. Я хотела делать то же, что и он. Повторяла все, что говорил он. Шла за ним, куда бы он ни направлялся.

Отец любит теннис. Я тоже играла в теннис, в одном с ним клубе. По воскресеньям мы с ним часто разыгрывали матчи, и чем старше я становилась, тем жестче делались наши поединки.

Отец обожает играть в скрэбл. По странной случайности я тоже обожаю эту игру. Много лет мы с ним на зимних каникулах отправлялись кататься на лыжах в Уистлер, в Британскую Колумбию. Каждый вечер после ужина мы садились в холле отеля и сражались в скрэбл, тщательно записывая все партии — кто выиграл и с каким количеством очков.

Мой отец — адвокат, окончил Гарвард, и я, само собой, без лишних вопросов поехала в Гарвард изучать право. Мне всегда казалось, что прямо с рождения я только этого и хотела.

Отец мной очень гордился, всегда и во всем. В теннисе, в скрэбле, в Гарварде. В любых обстоятельствах. Ему никогда не надоедало слушать потоки похвал, которые расточали в мой адрес. Больше всего на свете он любил, чтобы ему говорили, какая я умная и красивая. Я видела, с какой гордостью он перехватывал обращенные на меня взгляды, когда я где-нибудь появлялась — на вечеринке, куда мы приходили вместе, на теннисном корте, в холле нашей гостиницы в Уистлере. И в то же время он на дух не переносил всех моих парней. С шестнадцати-семнадцати лет у меня начались романы, но ни один мальчик в глазах отца не был для меня достаточно хорош, достаточно красив или достаточно умен.

— Ну, Анна, — говорил он, — могла бы найти себе кого-нибудь лучше!

— Он мне очень нравится, папа, это все-таки главное, нет?

— Ты что, можешь представить себя замужем за этим типом?

— Папа, мне семнадцать лет! Я пока не собираюсь замуж!

Чем дольше длилась связь, тем мощнее становилась отцовская кампания обструкции. Вел он ее подспудно, не в лоб. Пользуясь любой возможностью, он каким-нибудь невинным замечанием, подмеченной деталью, брошенным вскользь сообщением медленно, но верно разрушал образ очередного возлюбленного. И в конце концов я неизбежно с ним расставалась — в уверенности, что сама хотела разрыва; по крайней мере,

мне хотелось так считать. Но хуже всего было то, что, когда появлялся новый, отец неизменно говорил: «Предыдущий у тебя был просто чудесный парень — жаль, между прочим, что вы расстались, — а что ты в этом нашла, я вообще не понимаю». И я каждый раз попадалась. Неужели я в самом деле была такой простофилей, позволяла отцу без моего ведома управлять моими отношениями? Не знаю; скорее всего, я уходила от них не по каким-то конкретным причинам, а потому, что не решалась любить кого-то, кого не любит отец. Для меня было немыслимо оставаться с человеком, который не нравится отцу.

Окончив Гарвард, я сдала экзамен на адвоката в Нью-Йорке и стала работать в отцовском бюро. Продолжалось это год, за который я обнаружила, что правосудие с его возвышенными принципами — это лишь машина, неспешная и затратная, плодящая вороха бумаг и крючкотворство, из чрева которой даже победители, по сути, не могли вырваться без потерь. Вскоре я пришла к мысли, что куда успешнее смогу служить правосудию на его начальной стадии и принесу больше пользы на улице, чем в комнатах для свиданий с заключенными. Я подала документы в школу полиции — к величайшему огорчению родителей, особенно отца: он был очень недоволен моим уходом из конторы, но надеялся, что это не отречение, а мимолетная прихоть и я брошу учебу на полпути. Через год я сдала выпускные экзамены с отличными результатами, снискав единодушные похвалы наставников, и поступила инспектором в отдел уголовных расследований 55-го участка в Нью-Йорке.

И немедленно влюбилась в эту работу — главным образом, из-за множества мелких ежедневных побед, позволивших мне осознать, что хороший коп способен многое поправить в бурном хаосе жизни.

Мое место в отцовском бюро предложили адвокату по имени Марк; он был на несколько лет старше меня и уже довольно опытный.

Первый раз я услышала имя Марка за семейным ужином. Отец восхищался им. «Блестящий молодой человек, одаренный, красавец мужчина, — говорил он. — Все при нем. Даже в теннис играет». А потом вдруг произнес слова, которые я услышала от него впервые в жизни: «Он тебе понравится, ни капли не сомневаюсь. Мне бы хотелось вас познакомиться».

Мне в тот период жизни очень хотелось с кем-нибудь познакомиться. Но из всех моих знакомств ничего серьезного не выходило. С тех пор как я пошла работать в полицию, все мои связи обрывались после первого же ужина или первого выхода «в свет»: узнав, что я коп, да еще из уголовки, все страшно возбуждались и начинали засыпать меня вопросами. Сама того

не желая, я привлекала всеобщее внимание, все лучи света сходились на мне. И зачастую мой роман завершался на фразе вроде: «С тобой очень тяжело, Анна, всем интересна только ты, а я как будто не существую. Кажется, мне нужен кто-то другой, кто оставит мне больше места».

Наконец однажды, зайдя как-то под вечер в контору проведать отца, я встретила пресловутого Марка и с радостью обнаружила, что он подобными комплексами не страдает: врожденное обаяние притягивало к нему все взгляды, он легко вписывался в любой разговор. Знал все обо всем, почти все умел, а если не умел, то умел восхищаться чужим умением. Я смотрела на него так, как никогда ни на кого не смотрела прежде — быть может, потому, что в глазах отца читалось упоение. Он обожал Марка. Тот был его любимчиком, они даже стали вместе играть в теннис. Отец говорил о нем не иначе как с придыханием.

Марк пригласил меня выпить кофе. Ток между нами пробежал немедленно. Идеальная алхимия, бешеный подъем. Третий кофе он принес мне в постель. Ни он, ни я ничего не говорили отцу, и однажды вечером, за ужином, он сказал:

— Как бы я хотел, чтобы у нас все было серьезно, по-настоящему...

— Но что?.. — с опаской спросила я.

— Я знаю, как тебя обожает отец, Анна. Он слишком высоко задрал планку. Не знаю, насколько он меня ценит.

Когда я передала слова Марка отцу, тот стал обожать его еще сильнее, даром что это было невозможно. Пригласил к себе в кабинет, откупорил бутылку шампанского.

Марк описал мне эту сцену, и я хохотала до слез. Схватила стакан, подняла его и, подражая отцовскому голосу и жестам, провозгласила: «За мужчину, который трахает мою дочь!»

Так начался наш с Марком страстный роман, переросший в самую настоящую привязанность в лучшем смысле слова. Первое серьезное испытание мы прошли, когда отправились на ужин к моим родителям. И я впервые за последние пятнадцать лет увидела, что отец сияет, что он приветлив и предупредителен по отношению к моему спутнику. Всех предыдущих он отметал с порога, а этот приводил его в экстаз.

— Какой парень! Какой парень! — твердил мне отец по телефону на следующий день.

— Просто потрясающий! — слышался на заднем плане голос матери.

— Ты уж постарайся, чтобы он не сбежал, как все прочие, — не постеснялся добавить отец.

— Да, ценный кадр, — сказала мать.

Момент, когда мы с Марком собирались пройти второе испытание — отпраздновать годовщину наших отношений, — совпал с традиционными лыжными каникулами в Британской Колумбии. Отец предложил отправиться в Уистлер всем вместе, и Марк охотно согласился.

— Если ты выживешь после пяти вечеров с отцом и особенно после матчей по скрэбблу, тебе впору давать медаль.

Он не только выжил, но еще и трижды выиграл. В довершение всего на лыжах он катался как бог, а в последний вечер, когда мы ужинали в ресторане и посетителю за соседним столиком стало плохо с сердцем, именно Марк вызвал скорую, а пока та ехала, оказывал больному первую помощь.

Мужчину спасли и доставили в больницу. Когда спасатели выносили его на носилках, врач, приехавший с ними, с восхищением пожал Марку руку: «Вы спасли человеку жизнь, вы настоящий герой». Ему аплодировал весь ресторан, а владелец отеля не позволил нам заплатить за ужин.

Эту историю отец рассказывал полтора года спустя, на нашей свадьбе, объясняя приглашенным, какой Марк исключительный человек. А я сидела в белом платье и сияла, не сводя с мужа глаз.

Нашему браку суждено было продержаться меньше года.

Джесси Розенберг

Четверг, 3 июля 2014 года

23 дня до открытия фестиваля

Первая полоса «Орфеа кроникл»:

УБИЙСТВО СТЕФАНИ МЕЙЛЕР СВЯЗАНО С ТЕАТРАЛЬНЫМ ФЕСТИВАЛЕМ?

Весь город взволнован убийством Стефани Мейлер, молодой журналистки «Орфеа кроникл», чье тело было обнаружено в Оленьем озере. Горожане в тревоге, городским властям в начале летнего сезона приходится нелегко. Неужели среди нас бродит убийца?

Записка с упоминанием театрального фестиваля в Орфеа, найденная в машине Стефани, наводит на мысль, что она заплатила жизнью за журналистское

расследование убийства в 1994 году мэра Гордона, основателя фестиваля, и его семьи.

Газету нам с Дерекком показала Анна, когда мы встретились утром в окружном отделении полиции штата. Мы ждали доктора Ранджита Сингха, судмедэксперта: он должен был представить первые результаты вскрытия тела Стефани.

— Этого еще не хватало! — рассердился Дерек.

— Это я, дурак, сказал Майклу про записку, — произнес я.

— Я его встретила в кафе «Афина» перед тем, как сюда приехать. По-моему, он сильно переживает из-за смерти Стефани. Сказал, что чувствует себя немного виноватым. Что слышно от криминалистов?

— Следы автомобильных покрышек на обочине 17-го шоссе, к сожалению, не поддаются анализу. Зато туфля точно принадлежит Стефани, а лоскут ткани — от футболки, которая была на ней. Еще они нашли след ее туфли на обочине.

— Это подтверждает, что в лес она зашла именно в этом месте, — подытожила Анна.

Наш разговор прервало появление доктора Сингха.

— Спасибо, что так быстро все сделали, — сказал ему Дерек.

— Хотел, чтобы вам было с чем работать до выходных Четвертого июля, — ответил тот.

Доктор Сингх, щеголеватый обходительный мужчина, водрузил на нос очки и зачитал нам основные пункты заключения:

— Я отметил несколько не вполне обычных деталей, — сразу приступил он к делу. — Стефани Мейлер умерла от утопления. Я обнаружил большое количество воды в легких и в желудке, а также тину в трахее. Присутствуют выраженные признаки цианоза и дыхательной недостаточности; это означает, что она боролась или, в данном случае, отбивалась. Имеются гематомы на затылке в форме отпечатка широкой ладони: по-видимому, ее крепко держали за шею и погружали головой в воду. Помимо следов тины в трахее, следы тины обнаружены на губах и зубах, а также на концах волос; это свидетельствует о том, что ее голову удерживали в воде на небольшой глубине.

— Есть ли следы насилия перед утоплением? — спросил Дерек.

— Следы сильных ударов отсутствуют, я имею в виду, что Стефани не забили до смерти и не избивали. Следов сексуального насилия также нет. Полагаю, что Стефани убегала от убийцы, и он ее настиг.

— Он? — переспросил Дерек. — По-твоему, это мужчина?

— Учитывая, какая нужна сила, чтобы удержать человека под водой, да, я бы скорее предположил, что это мужчина. Но могла быть и достаточно сильная женщина, почему нет.

— Значит, она бежала по лесу? — вмешалась Анна.

Сингх кивнул:

— Я обнаружил также множественные ушибы и царапины на лице и руках от соприкосновения с ветками. Имеются повреждения на стопе босой ноги. Очевидно, она со всех ног бежала через лес и содрала кожу на ступне о сухие ветки и камни. Присутствуют также следы земли под ногтями. Полагаю, что она, вероятнее всего, упала на берегу, и убийце оставалось лишь погрузить ее головой в воду.

— Следовательно, преступление непредумышленное, — сказал я. — Тот, кто это сделал, не собирался ее убивать.

— Как раз собирался об этом сказать, — подхватил доктор Сингх и показал нам фото плеч, локтей, кистей и коленей Стефани крупным планом.

На них были видны красноватые грязные раны.

— Вроде бы ссадины, — пробормотала Анна.

— Именно так, — подтвердил Сингх. — Более или менее поверхностные повреждения кожи, в которых я обнаружил фрагменты асфальта и гравия.

— Асфальта? — переспросил Дерек. — Что-то я не совсем понимаю, док.

— Смотрите, — пояснил Сингх, — судя по расположению ран, она катилась кувырком по асфальту. Возможно, это означает, что Стефани сама выпрыгнула на ходу из машины и побежала в лес.

Заключение Сингха вскоре было подтверждено двумя важными свидетельствами. Первым стал рассказ подростка, находившегося на отдыхе с родителями: по вечерам он встречался с компанией приятелей на пляже, вблизи которого мы обнаружили машину Стефани. Допрашивала его Анна, которой позвонили родители мальчика. Их встревожила шумиха в прессе, и они связались с полицией, полагая, что их сын, возможно, видел что-то важное. Они были правы.

Согласно заключению доктора Сингха, смерть Стефани произошла в ночь с понедельника на вторник, то есть в ночь, когда она пропала. Подросток рассказал, что как раз 23 июня отошел в сторонку от остальной компании, чтобы спокойно поговорить по телефону со своей подругой, оставшейся в Нью-Йорке.

— Я сел на какой-то камень, оттуда была хорошо видна парковка, — рассказывал мальчик. — Там никого не было, я точно помню. А потом вдруг я увидел, что по тропинке из леса вышла молодая женщина. Подождала немножко, до половины одиннадцатого. Это я знаю, потому что как раз кончил разговаривать. Я в телефоне проверял. В эту минуту на парковку въехала машина. Девушку я видел в свете фар, потому и помню, что она была в белой футболке. Стекло со стороны пассажирского сиденья опустилось, девушка перекинулась парой слов с человеком за рулем, потом села рядом с ним. Машина сразу уехала. Это та самая девушка, которая умерла?..

— Я проверю, — ответила Анна, чтобы не пугать его напрасно. — Ты не мог бы описать машину? Может, ты заметил какую-нибудь деталь и она тебе запомнилась? Может, видел номер? Хотя бы часть? Или название штата?

— Нет, простите.

— А кто был за рулем, мужчина или женщина?

— Не могу сказать. Слишком темно было, и все так быстро случилось. Да я особо и внимания не обратил. Если бы я знал...

— Ты мне уже очень, очень помог. Значит, ты подтверждаешь, что девушка села в машину добровольно?

— Да, совершенно! Она ее ждала, это точно.

Мальчик был последним, кто видел Стефани живой. К его показаниям добавилось свидетельство одного коммивояжера из Хиксвилла, который явился в окружное отделение полиции штата. По его словам, в понедельник 26 июня он приезжал в Орфеа к клиентам.

— Из города я выехал около половины одиннадцатого, двигался по 17-му шоссе в сторону автострады. Проезжая мимо Оленьего озера, я увидел на обочине машину с работающим мотором, обе дверцы были открыты. Мне, естественно, стало любопытно, я притормозил, подумал, может, кому помощь нужна. Бывает такое.

— В котором часу это было?

— Около 22.50. Во всяком случае, одиннадцати еще не было, это точно.

— Значит, вы притормозили, и?..

— Ну да, притормозил, странно мне показалось, что эта машина тут стоит. Огляделся и увидел, что по склону кто-то поднимается, какой-то силуэт. Я подумал, что, наверно, кому-то срочно приспичило. Не стал дальше разбираться, решил, что если бы этому человеку нужна была помощь, он бы подал знак. Поехал своей дорогой, вернулся домой и

выкинул это все из головы. Вот только сейчас услышал в новостях, что на берегу Оленьего озера в понедельник вечером произошло убийство, связал это с тем, что видел, и подумал, что это может быть важно.

— Вы видели этого человека? Это был мужчина? Или женщина?

— По силуэту больше похоже на мужчину. Но темно слишком было.

— А машина какая?

Судя по тому немногому, что описал свидетель, речь шла о той же машине, какую четвертью часа раньше видел подросток на пляже. Вернувшись в кабинет Анны, мы связали воедино все детали и восстановили хронологию последнего вечера в жизни Стефани Мейлер.

— В восемнадцать часов она приезжает в «Кодиак», — сказал я. — Кого-то ждет — видимо, убийцу, — но тот не показывается, а тайком следит за ней в ресторане. В двадцать два часа Стефани выходит из «Кодиака». Вероятный убийца звонит ей из ресторанного таксофона и назначает встречу на пляже. Стефани встревожена и звонит полицейскому, Шону, но тот не отвечает. Тогда она направляется на место встречи. В двадцать два тридцать убийца заезжает за ней на машине. Она соглашается в нее сесть. Значит, она ему более или менее доверяет или, возможно, с ним знакома.

Анна прочертила красным маркером на громадной карте района, висящей на стене, предположительный маршрут автомобиля: отъехав от пляжа, должен был свернуть на Оушен-роуд, затем на 17-е шоссе на северо-восток, вдоль озера. От пляжа до Оленьего озера было пять миль, то есть четверть часа на машине.

— Около двадцати двух сорока пяти, — продолжал я, — Стефани, понимая, что ей грозит опасность, выпрыгивает из машины и бежит по лесу; убийца нагоняет ее и топит. Он забирает у нее ключи от дома и едет туда, вероятно, в тот же вечер, в понедельник. Не найдя ничего там, проникает в редакцию и выносит компьютер Стефани, но и там его ждет облом. Стефани была слишком осторожна. Чтобы выиграть время, он в полночь отправляет эсэмэску Майклу Берду, зная, что тот главный редактор газеты; он все еще надеется завладеть результатами расследования Стефани. Когда он понимает, что полиция штата подозревает исчезновение человека при невыясненных обстоятельствах, все ускоряется. Убийца возвращается в квартиру Стефани, но тут появляюсь я. Он меня вырубает, а на следующую ночь приходит снова и поджигает дом, надеясь уничтожить так и не найденную документацию.

Первый раз с тех пор, как началось это дело, у нас что-то прояснилось. Наши тиски начали сжиматься. Однако обитатели города пребывали на

границы массового психоза, и первая полоса сегодняшней «Орфеа кроникл» подливала масла в огонь. До конца я это осознал, когда Анне позвонил Коди:

— Ты читала газету? Убийство Стефани связано с фестивалем. Я сегодня в пять вечера собираю волонтеров в кафе «Афина», мы думаем объявить забастовку. Мы не чувствуем себя в безопасности. Возможно, фестиваль в этом году не состоится.

* * *

В это время в Нью-Йорке

Стивен Бергдорф с женой возвращались домой пешком.

— Я знаю, у журнала сложности, — ласково сказала ему жена, — но почему бы тебе все-таки не уйти в отпуск? Ты же знаешь, это пойдет на пользу нам всем.

— По-моему, с точки зрения финансов, сейчас не время для сумасбродных путешествий, — резко одернул ее Стивен.

— Сумасбродных? — возразила жена. — Моя сестра одолжит нам трейлер. Поедем по стране. Никаких особых расходов не потребует. Доедем до Йеллоустонского национального парка. Дети мечтают побывать в Йеллоустоне.

— В Йеллоустоне? Там слишком опасно, медведи и все такое.

— Господи, Стивен, да что на тебя нашло? — рассердилась жена. — В последнее время только и делаешь, что ворчишь.

Они подошли к дому, и Стивен вздрогнул от неожиданности: их поджидала Элис.

— Здравствуйте, мистер Бергдорф, — сказала она.

— Элис, какой приятный сюрприз! — пробормотал он.

— Я принесла все нужные документы, вам осталось только подписать.

— Ну, разумеется, — отозвался Бергдорф; актер из него был никудышный.

— Документы срочные. Поскольку после обеда вас не было в офисе, я решила, что завезу их вам на подпись домой.

— Очень любезно с вашей стороны, — поблагодарил Стивен, глупо улыбаясь жене.

Элис протянула ему папку со всякими письмами. Он проглядел первое

письмо, держа папку так, чтобы супруга ничего не видела, — рекламная рассылка. Изобразив на лице интерес, он взглянул на следующее письмо. Это был листок, на котором Элис написала:

*Наказание за то, что целый день не давал о себе
знать: 1000 долларов.*

Снизу был приколот скрепкой уже заполненный чек на ее имя из его чековой книжки. Книжку она у него изъяла.

— Вы уверены, что это корректная сумма? — дрожащим голосом спросил Бергдорф. — По-моему, дороговато.

— Цена справедливая, мистер Бергдорф. За качество надо платить.

— Ну, тогда подписываю, — еле выдавил он.

Подписав чек на 1000 долларов, он закрыл папку и протянул ее Элис. Попрощался с кривой улыбкой и ринулся вместе с женой в дверь. Через несколько минут он уже звонил ей из туалета, пустив воду из крана.

— Элис, ты рехнулась? — прошептал он, примостившись между унитазом и раковиной.

— Где тебя носило? Исчезаешь, и ни слуху ни духу?

— Мне надо было кое-куда смотаться, — промямлил Бергдорф, — а потом я заехал к жене на работу.

— Смотаться? Это еще куда?

— Мне велели никому не говорить.

— Если ты немедленно все не расскажешь, я сейчас заявлюсь к тебе и все расскажу твоей жене.

— Ладно, ладно, — взмолился Стивен. — В Орфея я ездил. Послушай, Элис, Стефани убили...

— Что?! И ты туда ездил, трижды кретин! Боже, ну почему ты такой кретин? Что мне с тобой делать, дурак ты безмозглый?

Элис в бешенстве бросила трубку. Прыгнула в такси и отправилась в Манхэттен, в конец Пятой авеню, где расположены шикарные бутики. У нее есть тысяча долларов на карманные расходы, и она ни в чем себе не будет отказывать.

Элис вышла из такси неподалеку от застекленной башни, где находился офис «Канала 14», влиятельной частной телестудии. В конференц-зале на 53-м этаже генеральный директор Джерри Райс проводил совещание руководства канала:

— Как вы знаете, наш рейтинг с начала лета сильно понизился, я бы

даже сказал, катастрофически рухнул. Потому я вас и собрал. Мы должны срочно что-то предпринять.

— Где главная проблема? — спросил кто-то из креативщиков.

— Проблема с нашей восемнадцатичасовой программой. Нас заткнул за пояс «Смотри!».

Канал «Смотри!» был прямым конкурентом «Канала 14»: примерно та же аудитория, равный рейтинг, сходный контент. Каналы вели ожесточенную борьбу за рекордные рекламные бюджеты на самые популярные передачи.

— «Смотри!» крутит дико успешное реалити-шоу, — пояснил директор по маркетингу.

— В чем там фишка? — спросил Джерри Райс.

— Вообще-то ни в чем. Показывают трех сестер. Как они обедают, ходят по магазинам, на гимнастику, ссорятся, мирятся. Их типичный день.

— И где они работают?

— Нигде не работают, — отозвался программный директор. — Им за то и платят, что они ни фиги не делают.

— Такое мы сами можем сделать, даже лучше! — заявил Джерри. — Нужно еще более бытовое реалити-шоу.

— Но целевая аудитория реалити-шоу — люди скорее бедные и малообразованные, — заметил шеф-редактор. — Они включают телевизор, чтобы им дали мечту.

— Вот именно, — ответил Джерри, — нам нужна идея, как обратить зрителя к самому себе, к его стремлениям. Реалити-шоу, влекущее его вперед! К осени мы могли бы представить новую концепцию. Надо нанести решающий удар! У меня уже есть слоган: «Канал 14. Ваша мечта — в вас самих!»

Предложение было принято на ура.

— О, звучит круто! — одобрил директор по маркетингу.

— Я хочу, чтобы к осени у нас была ломовая передача. Чтобы все на ушах стояли! Чтобы мы к сентябрю запустили гениальную концепцию и вся аудитория была нашей! Даю вам ровно десять дней: в понедельник четырнадцатого июля мне нужны предложения по главной программе осени.

Джерри распустил собравшихся. Когда все стали расходиться, у него запищал телефон. Звонила его жена, Синтия. Он снял трубку.

— Джерри, — с упреком сказала Синтия, — я уже не первый час не могу тебе дозвониться.

— Прости, у меня было совещание. Ты же знаешь, у нас сейчас

напряженка, готовим программы к следующему сезону. Что случилось?

— Дакота сегодня вернулась в одиннадцать утра. И опять пьяная.

Джерри беспомощно вздохнул:

— Синтия, ну я-то что могу поделать?

— В конце концов, эта наша дочь, Джерри! Ты же слышал, что сказал доктор Лерн: ее надо увозить из Нью-Йорка.

— Увезить из Нью-Йорка! Как будто это что-то изменит.

— Джерри, не будь ты таким фаталистом! Ей всего девятнадцать. И ей нужна помощь.

— Как будто мы не пытаемся ей помочь...

— Ты себе не представляешь, каково ей сейчас, Джерри!

— Зато я прекрасно себе представляю, что моя девятнадцатилетняя дочь — наркоманка! — взорвался он, но успел понизить голос на последней фразе, чтобы никто не услышал.

— Давай не по телефону, — предложила Синтия, чтобы его успокоить. — Ты где?

— Как ты думаешь, где я могу быть?

— Вот я и спрашиваю. Сеанс у доктора Лерна в семнадцать ноль-ноль, — напомнила Синтия. — Ты что, забыл?

У Джерри глаза полезли на лоб: совсем вылетело из головы! Он пулей вылетел из кабинета и помчался к лифту.

Каким-то чудом в кабинете доктора Лерна на Мэдисон-авеню он оказался вовремя. Полгода назад Джерри согласился ходить на еженедельные сеансы семейной терапии вместе с женой Синтией и дочерью Дакотой, девятнадцати лет.

Райсы устроились втроем на диване; доктор Лерн, как всегда, восседал напротив, в кресле.

— Ну, — поинтересовался доктор, — что случилось за время после нашего последнего сеанса?

— Вы хотите сказать, за две недели, — фыркнула Дакота, — папочка ведь на прошлой неделе забыл явиться?..

— Уж прости, пожалуйста, я работаю! Оплачиваю безумные семейные расходы! — огрызнулся Джерри.

— Ох, Джерри, очень тебя прошу, не начинай! — взмолилась жена.

— Я сказал просто «нашего последнего сеанса», — заметил терапевт бесстрастным тоном.

Синтия попыталась направить разговор в более конструктивное русло:

— Я сказала Джерри, что ему надо больше времени проводить с Дакотой.

— И что вы об этом думаете, Джерри? — спросил доктор Лерн.

— Думаю, что летом с этим будет сложно: нам надо полностью проработать концепцию передачи. Конкуренция — штука жесткая, мы во что бы то ни стало должны к осени запустить новую программу.

— Джерри, — раздраженно сказала Синтия, — кто-то же может тебя заменить? У тебя вечно ни для кого нет времени, одна работа!

— Мне надо кормить семью и психиатра, — бесцеремонно отозвался Джерри.

Доктор Лерн и бровью не повел.

— Ты вообще думаешь только о своей говенной работе, папа! — воскликнула Дакота.

— Потрудись не прибегать к подобной лексике, — одернул дочь Джерри.

— Джерри, — обратился к нему терапевт, — как вы думаете, что Дакота пытается вам сказать в подобной форме?

— Что благодаря этой «говенной работе» ей оплачивают телефон, шмотки, ее долбаную машину и то, что она пихает себе в нос!

— Дакота, ты это пытаешься сказать отцу?

— Не-а. Я собаку хочу, — ответила Дакота.

— Час от часу не легче, — взвыл Джерри. — Сперва тебе нужен компьютер, теперь еще и собака...

— Не говори мне больше про этот компьютер! — вскрикнула Дакота. — Никогда больше про него не говори!

— Вы купили компьютер по просьбе Дакоты? — продолжал свои расспросы Лерн.

— Да, она так любила писать, — объяснила Синтия Райс.

— Тогда почему бы не завести ей собаку?

— Потому что она безответственная, — ответил Джерри.

— Откуда ты знаешь, ты же мне не даешь попробовать! — возразила Дакота.

— Вижу, как ты обращаешься с собой, мне вполне достаточно! — парировал отец.

— Джерри! — вскрикнула Синтия.

— И вообще она хочет собаку, потому что ее подружка Нейла завела собаку, — с умным видом объяснил Джерри.

— Она Лейла, а не Нейла! Ты даже не знаешь, как зовут мою лучшую подругу!

— Эта девица — твоя лучшая подруга? Она собаку назвала Марихуаной.

— Ну и что, Марихуана очень милая! — возразила Дакота. — Ей всего два месяца, а она уже просится на улицу!

— Черт, да не в том же проблема! — рассердился Джерри.

— В чем же тогда проблема? — спросил доктор Лерн.

— Проблема в том, что эта Лейла плохо влияет на мою дочь. Когда они вместе, они всякий раз черт-те чем занимаются. Если хотите знать мое мнение, все случилось не из-за компьютера, а из-за этой Лейлы!

— Проблема в тебе, папа! — закричала Дакота. — В том, что ты совсем дурак и ничего не понимаешь!

Она вскочила с дивана и выбежала из кабинета. Сеанс продолжался от силы четверть часа.

* * *

В 17.15 мы с Анной и Дерекком приехали в кафе «Афина» в Орфеа. Нашли столик в углу и незаметно устроились там. Зал был битком набит волонтерами и любопытными, сбежавшимися поглазеть на странное сборище. Коди, близко к сердцу принимавший свои обязанности главы волонтеров, стоял на стуле и чеканил слова, а толпа хором их подхватывала.

— Мы в опасности! — кричал Коди.

— Да, в опасности! — отозвались внимавшие ему волонтеры.

— Мэр Браун скрывает от нас правду о смерти Стефани Мейлер. Знаете, почему ее убили?

— Почему? — проблеял хор.

— Из-за театрального фестиваля!

— Фестиваля! — возопили волонтеры.

— Зачем мы тратим свое время? Чтобы нас всех перебили?

— Нееееет! — взвыла толпа.

Официант принес нам кофе и меню. Я не первый раз видел его в ресторане. Это был явный потомок индейцев, с длинными волосами, тронутыми сединой. Мне запало в память его имя: его звали Массачусетс.

Волонтеры поочередно брали слово. Многих встревожила заметка в «Орфеа кроникл», они боялись стать следующими жертвами убийцы. Мэр, находившийся здесь же, выслушивал упреки каждого и пытался своими ответами урезонить волонтеров и успокоить их.

— Никакого серийного убийцы в Орфеа нет, — отчеканил он.

— Как же нет убийцы, если Стефани Мейлер убили, — заметил какой-

то коротышка.

— Послушайте, случилась трагедия, это верно. Но никакого отношения ни к вам, ни к фестивалю она не имеет. Вам не о чем беспокоиться.

Коди, снова взобравшись на стул, обратился к мэру:

— Господин мэр, мы не позволим себя убивать ради театрального фестиваля!

— В сотый раз повторяю, — возразил Браун, — это дело, каким бы ужасным оно ни было, не имеет к фестивалю ни малейшего отношения! Это полный абсурд! Вы отдаете себе отчет, что без вас фестиваль не состоится?

— То есть вас только это и заботит, господин мэр? — возмутился Коди. — Только ваш дурацкий фестиваль, а не безопасность ваших сограждан?

— Я просто предупреждаю вас о последствиях неразумного решения. Если театральный фестиваль не состоится, город не оправится от такого удара.

— Это знак! — закричала вдруг одна женщина.

— Какой знак? — беспокойно спросил молодой человек.

— Это *Черная ночь*! — вопила женщина.

Мы с Дерекком и Анной изумленно переглянулись. По всему кафе при этих словах прокатился гул жалобных, встревоженных голосов. Коди прилагал все силы, чтобы вновь завладеть аудиторией, и, когда наконец воцарилась тишина, предложил перейти к голосованию.

— Кто за то, чтобы объявить общую забастовку до тех пор, пока убийца Стефани не будет арестован?

Поднялся лес рук. Почти все волонтеры отказались работать дальше.

— Общая забастовка объявлена, — провозгласил Коди. — Она продлится до тех пор, пока убийца Стефани Мейлер не будет арестован и нам не будет обеспечена безопасность.

Собрание закончилось, толпа шумно повалила из ресторана под теплые лучи вечернего солнца. Дерек поспешил за женщиной, которая говорила про «Черную ночь».

— Простите, что такое «Черная ночь»? — спросил он.

Она со страхом уставилась на него:

— Вы не здешний?

— Нет. Я из полиции штата.

Он показал ей жетон, и женщина еле слышно сказала:

— Черная ночь — это самое ужасное, что может произойти.

Воплощение величайшей беды. Однажды она уже случилась и скоро повторится.

— Боюсь, я вас не понимаю.

— Значит, вы ничего не знаете? Про лето 1994 года, лето Черной ночи?

— Вы имеете в виду четыре убийства?

Она испуганно кивнула:

— Эти убийства и были Черной ночью! И этим летом она повторится! Уезжайте отсюда подальше, уезжайте, пока беда не настигла вас и не обрушилась на город. Этот фестиваль проклят!

Она поспешно направилась к выходу и смешалась с последними выходящими волонтерами. Кафе «Афина» опустело, и Дерек вернулся к нам за столик. Кроме нас, в ресторане остался только Браун.

— Похоже, женщина изрядно напугана всей этой историей с «Черной ночью», — сказал я ему.

Он пожал плечами:

— Не обращайтесь внимания, капитан. «Черная ночь» — всего лишь смехотворная легенда. Эта женщина мелет вздор.

Браун тоже удалился. Массачусетс немедленно подошел к нашему столику, долить нам кофе, хотя мы едва пригубили свои чашки. Я понял, что он искал предлог с нами поговорить.

— Мэр сказал вам неправду, — шепнул он. — «Черная ночь» — не просто городская легенда. У нас многие в нее верят и видят в ней предсказание. В 1994 году оно уже сбылось.

— Предсказание чего? — спросил Дерек.

— Того, что однажды из-за некоей пьесы весь город на целую ночь погрузится в хаос — в ту самую Черную ночь.

— И в девяносто четвертом так и случилось? — поинтересовался я.

— Помню, сразу после того, как мэр Гордон объявил, что организует театральный фестиваль, в городе стали твориться странные вещи.

— Какие вещи? — спросил Дерек.

Ответить Массачусетс не успел: в этот момент дверь открылась, и вошла владелица кафе «Афина». Я сразу ее узнал. Это была Сильвия Тенненбаум, сестра Теда Тенненбаума. Тогда ей было лет сорок, значит, сейчас под шестьдесят, но с виду она нисколько не изменилась: все та же дама себе на уме, с которой я сталкивался в ходе расследования. Увидев нас, она не сумела скрыть замешательства, но тут же напустила на себя непроницаемый вид.

— Мне сказали, что вы снова в нашем городе, — произнесла она ледяным тоном.

— Добрый день, Сильвия, — ответил я. — Не знал, что теперь ресторан принадлежит вам.

— Кому-то же надо было им заниматься после того, как вы убили брата.

— Мы вашего брата не убивали, — возразил Дерек.

— Вам здесь не рады, — отчеканила она в ответ. — Платите и уходите.

— Хорошо, — сказал я. — Мы приехали не для того, чтобы вам докучать.

Я попросил счет. Через минуту Массачусетс положил перед нами кассовый чек, на котором приписал внизу шариковой ручкой:

Поинтересуйтесь, что случилось в ночь с 11 на 12 февраля 1994 года.

* * *

— Я как-то не соотнесла Сильвию с Тедом Тенненбаумом, — сказала Анна, когда мы вышли из кафе «Афина». — Что случилось с ее братом?

Об этом нам с Дерекком говорить не хотелось. Повисла пауза, и Дерек решил сменить тему:

— Давайте для начала разберемся с этой «Черной ночью» и припиской Массачусетса.

Кто наверняка мог нам в этом помочь, так это Майкл Берд; мы отправились в редакцию «Орфеа кроникл». Когда мы появились в кабинете Майкла, он спросил:

— Вы из-за передовицы пришли?

— Нет, — ответил я, — но раз уж вы сами про нее заговорили, так скажите на милость, зачем вы это сделали? Я рассказал вам о записке в машине Стефани просто по-дружески! А вовсе не для того, чтобы вы это выносили на первую полосу газеты.

— Стефани была очень храбрая женщина, таких журналистов, как она, еще поискать! — ответил Майкл. — Я не позволю, чтобы ее смерть оказалась напрасной: о ее работе должны знать все!

— Совершенно верно, Майкл. И лучший способ отдать дань ее памяти — завершить расследование. А не сеять в городе панику, вываливая на всеобщее обозрение все обстоятельства дела.

— Простите, Джесси, — произнес Майкл. — У меня такое чувство,

словно я не сумел защитить Стефани. Я бы многое отдал, чтобы открутить все назад. Да еще повелся на эту чертову эсэмэску. Ведь я же сам неделю назад вам говорил, что беспокоиться не о чем.

— Вы не могли знать, Майкл. Не терзайте себя понапрасну, тем более что в тот момент ее все равно уже не было в живых. Вы уже ничего не могли сделать, и никто не мог.

Майкл в отчаянии рухнул на стул.

— Но вы можете помочь нам найти того, кто это сделал, — добавил я.

— Что угодно сделаю, Джесси, я в полном вашем распоряжении.

— Стефани интересовалась одним выражением, «Черная ночь». Мы не понимаем, что оно значит.

Он усмехнулся:

— Я видел эти два слова в записке, которую вы мне показывали, и мне тоже стало любопытно. Так что я покопался в архиве газеты.

Он вынул из ящика стола папку и протянул нам. Там были собраны статьи за период с осени 1993-го до лета 1994 года, в них шла речь о тревожных и загадочных надписях. Сперва они появились на стене почты: «Скоро настанет Черная ночь». Потом распространились по всему городу.

Однажды ночью, в ноябре 1993 года, листки с надписью «Близится Черная ночь» были обнаружены под дворниками сотен машин.

А в декабре 1993 года, как-то утром, все обитатели города, проснувшись, нашли у себя под дверью листок: «Готовьтесь, наступает Черная ночь».

В январе 1994 года на дверях мэрии появилась надпись краской. Был запущен обратный отсчет: «Через полгода настанет Черная ночь».

В феврале 1994 года, после поджога используемого не по назначению здания на Мейн-стрит, пожарные обнаружили на стенах еще одну надпись: «Черная ночь вскоре наступит».

Так продолжалось до начала июня 1994 года, когда настал черед Большого театра. Вандалы написали на фасаде: «Скоро начнется театральный фестиваль. И Черная ночь».

— Значит, «Черная ночь» действительно связана с театральным фестивалем, — подытожил Дерек.

— Полиции так и не удалось найти того, кто скрывался за этими угрозами, — добавил Майкл.

— Анна обнаружила эту надпись в архиве, на месте досье полицейского расследования убийств 1994 года, а еще в ящике стола Кирка Харви.

Быть может, Кирк Харви что-то знал? И это что-то стало причиной его

загадочного исчезновения? Еще нас интересовало, что могло произойти в Орфеа в ночь с 11 на 12 февраля 1994 года. Порывшись в архиве, мы нашли в номере газеты от 13 февраля статью о поджоге здания на Мейн-стрит, принадлежавшего Теду Тенненбауму, который, вопреки решению мэра Гордона, хотел открыть в нем ресторан.

Мы с Дерекком знали об этом эпизоде, еще когда расследовали убийства. Но для Анны эта информация стала откровением.

— Это было до кафе «Афина», — объяснил Дерек. — Как раз пожар и позволил изменить назначение здания и превратить его в ресторан.

— Поджог устроил сам Тед Тенненбаум? — спросила она.

— Точно мы так и не выяснили, — ответил Дерек. — Но про эту историю знали все. Должна быть какая-то другая причина, почему официант «Афины» хотел, чтобы мы присмотрелись ко всему этому поближе.

Вдруг он нахмурился и стал сравнивать статью о пожаре с одной из статей про Черную ночь:

— Твою ж налево, Джесси!

— Что ты такое нашел? — спросил я.

— Послушай-ка. Это из статьи про надписи с «Черной ночью»:

Спустя два дня после пожара, уничтожившего здание на Мейн-стрит, пожарные, разбирая обломки, обнаружили на стене надпись: Черная ночь вскоре наступит.

— Значит, «Черная ночь» как-то связана с Тедом Тенненбаумом?

— А если вся эта история про «Черную ночь» — правда? — задумалась Анна. — А если городу действительно суждено было на целую ночь погрузиться в хаос из-за какой-то пьесы? А если 26 июля, в день открытия фестиваля, снова произойдет убийство или бойня, подобная той, что случилась в девяносто четвертом? А если убийство Стефани было всего лишь прелюдией к чему-то гораздо более серьезному и этого надо ждать в ближайшее время?

Дерек Скотт

В тот вечер, в середине августа 1994 года, мы с Джесси, пережив унижение от адвоката Теда Тенненбаума, покатали в Куинс. Нас туда позвали Дарла с Наташей, решившие во что бы то ни стало нас отвлечь.

Они дали нам адрес в Риго-парке. Приехав, мы увидели какой-то домишко в строительных лесах. Вывеска на нем была завешена тканью, а перед ним поджидали сияющие Дарла с Наташей.

— Это мы где? — поинтересовался я.

— У нашего будущего ресторана, — улыбнулась Дарла.

Мы с Джесси пришли в восторг и тут же забыли и про Орфея, и про убийства, и про Теда Тенненбаума. Их ресторанные планы вот-вот осуществляются! Наконец-то часы изнурительной работы принесут плоды, они смогут уйти из «Голубой лагуны» и воплотить свою мечту в жизнь.

— Когда думаете открыться? — спросил Джесси.

— До конца года, — ответила Наташа. — Еще внутренняя отделка осталась.

Мы знали, что их заведение будет иметь бешеный успех. Очередь за свободным столиком растянется на весь квартал!

— И как будет называться ваш ресторан? — спросил Джесси.

— Вот потому-то мы вас и позвали, — сказала Дарла. — Только что вывеску повесили. Название мы давно придумали и решили, что, если откроем ее загодя, вся округа будет о ней судачить.

— А это не дурная примета — открыть вывеску ресторана раньше его самого? — поддразнил я их.

— Не болтай глупости, Дерек, — со смехом ответила Наташа.

Она достала из заначки бутылку водки и четыре стопки, налила их до краев и раздала нам. Дарла ухватила за веревочку, приделанную к закрывающему вывеску полотну, и на счет «три!» они дружно рванули ее. Ткань спланировала в воздухе, как парашют, и нам предстало сияющее в ночи название ресторана:

МАЛЕНЬКАЯ РОССИЯ

Мы подняли стопки за «Маленькую Россию», потом выпили еще, потом пошли все осматривать. Дарла с Наташей показали нам планы, чтобы мы могли представить себе, как все будет выглядеть внутри. Внизу было тесное помещение, там они собирались устроить офис. По лестнице можно было подняться на крышу; там мы и провели большую часть жаркой летней ночи — пили водку при свечах, ужинали приготовленной девушками снедью и любовались на очертания Манхэттена вдали.

Я смотрел на сидевших в обнимку Джесси с Наташей. Такая красивая пара, такой счастливый у них вид... Не приходилось сомневаться, что их не разлучит ничто и никогда. Глядя на них, мне страшно захотелось пережить

нечто подобное. Дарла сидела рядом. Я пристально посмотрел ей в глаза, она слегка погладила меня по руке, и я ее поцеловал.

Наутро мы вернулись к делам. Вели наружное наблюдение за кафе «Афина» и маялись с похмелья.

— Ну, — спросил Джесси, — переспал с Дарлой?

Я только улыбнулся. Он расхохотался. Вообще-то нам было не до смеха: все расследование надо было начинать сначала.

Мы по-прежнему не сомневались, что незадолго до убийства Лина Беллами видела на улице фургон Теда Тенненбаума. Логотип кафе «Афина» нельзя было спутать ни с чем: Тенненбаум для того и наклеил его на заднее стекло машины, чтобы все узнавали его заведение. Но у нас было слово Лины против слова Теда. Нужно было добыть что-то еще.

Мы ходили по кругу. В мэрии нам сказали, что Гордон был в бешенстве из-за пожара в доме Теда Тенненбаума. Мэр был уверен, что тот сам совершил поджог. Но у Теда явно был дар заметать следы. Оставалась единственная надежда: опровергнуть его алиби, доказать, что в вечер убийства он на какое-то время покидал здание Большого театра. Дежурство его продолжалось с 17.00 до 23.00, то есть шесть часов. Доехать до дома мэра и обратно можно было минут за двадцать. Всего каких-то двадцать минут. Мы опросили всех волонтеров, которые были за кулисами в вечер открытия фестиваля: все утверждали, что в тот вечер видели Теда, причем не один раз. Но вопрос заключался в том, находился он в Большом театре все 6 часов или 5 часов 40 минут? Ответ на этот вопрос менял все. Но никто ничего не знал. Его видели то возле гримерок, то у декораций, то в буфете, куда он заскочил за сэндвичем. Его видели повсюду и нигде.

Расследование буксовало, и мы уже было совсем потеряли надежду. Но однажды утром нам позвонила какая-то банковская служащая из Хиксвилла. Ее звонок переломил ход расследования.

Джесси Розенберг

Пятница, 4 июля — суббота, 6 июля 2014 года
22 дня до открытия фестиваля

Дерек с Дарлой каждый год на Четвертое июля устраивали в саду большой праздник с барбекю. Они пригласили нас с Анной. Я отклонил приглашение, сослался на то, что меня якобы звали в другое место. Национальный праздник я провел в одиночестве, на кухне, безуспешно

пытаясь изобразить соус для гамбургеров, секретом которого когда-то владела Наташа. Все мои попытки закончились неудачей. Все время чего-то не хватало, и я не мог понять, чего именно. Когда-то Наташа придумала этот соус для сэндвичей с ростбифом, а я предложил класть его и в гамбургеры тоже. Получилось невероятно вкусно. Но ни один из доброго десятка гамбургеров, изготовленных мною в тот день, не был похож на те, что делала Наташа.

Анна, со своей стороны, отправилась на традиционное семейное празднество к родителям, в Вустер, шикарный пригород неподалеку от Нью-Йорка. Она уже подъезжала, когда раздался панический звонок сестры:

— Анна, ты где?

— Почти приехала. Что случилось?

— Барбекю устраивает новый сосед папы с мамой.

— А, кто-то наконец купил дом по соседству?

— Ага, — ответила сестра. — Анна, ты в жизни не угадаешь, кто именно! Марк! Марк, твой бывший муж.

Анна в смятении резко нажала на тормоз. Из телефона доносился голос сестры: «Анна? Анна, ты тут?» По воле случая она остановилась ровно у того самого дома. Она всегда считала его симпатичным, но теперь он ей казался ужасно безвкусным. Она взгляделась в развешанные над окнами смехотворные национальные флаги. Ну чисто Белый дом. Марк всегда из кожи вон лез, чтобы понравиться ее родителям. Анна никак не могла решить, то ли ей остаться, то ли сбежать, и решила немного посидеть в машине. На соседнем газоне резвились дети, сидели счастливые родители. Больше всего на свете ей хотелось создать семью. Она завидовала подругам, удачно вышедшим замуж. Завидовала счастливым матерям.

В стекло машины кто-то постучал, Анна вздрогнула. Это была мать.

— Анна, умоляю, не позорь нас, и пойдём, пожалуйста. Все знают, что ты здесь.

— Почему ты меня не предупредила? — резко спросила Анна. — Я бы не неслась бог знает куда.

— Вот потому и не сказала.

— Вы что, с ума сошли, отмечать Четвертое июля у моего бывшего мужа?

— Мы отмечаем Четвертое июля с нашим соседом, — возразила мать.

— Ой, не передергивай, ради бога!

Гости понемногу скапливались на газоне, глазели на странную сцену.

С ними стоял и Марк, с любимым своим видом побитой собаки.

— Это все из-за меня, — произнес он. — Не надо было мне вас приглашать, не предупредив Анну. Придется все отменить.

— Никто ничего отменять не будет, Марк! — рассердилась мать Анны. — Ты не обязан обо всем докладывать моей дочери!

Анна услышала, как кто-то прошептал:

— Бедняга Марк, так унижаться, а ведь он так щедро нас принимает...

На Анну устремились негодующие взоры. Ей не хотелось давать Марку повод настроить против нее ее собственную семью. Она вышла из машины и присоединилась к гостям. Праздновали в дальней части сада, у бассейна.

Марк с отцом Анны, нарядившись в одинаковые фартуки, хлопотали вокруг гриля. Все восторгались новым домом Марка и отличным вкусом его гамбургеров. Анна взяла бутылку белого вина и уселась в уголке, дав себе слово держаться корректно и не устраивать скандалов.

В нескольких десятках миль оттуда, в Манхэттене, Мита Островски сидел у себя в квартире на Сентрал-Парк-Уэст и грустно смотрел в окно кабинета. Сперва он было решил, что его увольнение из «Нью-Йорк литерари ревью» — попросту каприз Бергдорфа и тот на следующий же день позовет его обратно, скажет, какой он незаменимый и неповторимый. Но Бергдорф не позвонил. Зайдя в редакцию, Островски обнаружил, что из его кабинета вынесли всю мебель, а книги сгрузили в коробки. К Бергдорфу его не пустила секретарша. Он пытался ему звонить, но напрасно. Что теперь с ним будет?

В комнату вошла домработница, поставила перед ним чашку чаю.

— Я уж пойду, мистер Островски, — тихо сказала она. — К сыну еду на праздники.

— И вы совершенно правы, Эрика, — отвечал критик.

— Могу я что-то для вас сделать, прежде чем уйду?

— Не будете ли вы столь любезны взять подушку и меня придушить?

— Нет, мистер Островски, этого я не могу.

— В таком случае можете идти, — вздохнул Островски.

По другую сторону парка, на Пятой авеню, Джерри и Синтия собирались в гости к друзьям, праздновать День независимости.

Дакота осталась дома, сославшись на головную боль. Родители не стали возражать: пусть лучше сидит дома. Когда они уходили, она смотрела телевизор в гостиной. Прошло несколько часов; она устала, ей было

одинок в необъятной квартире. В конце концов она свернула косяк и, прихватив бутылку водки из отцовского бара — она знала, где он прячет ключ, — устроилась на кухне у вытяжки, покурить и выпить. Покончив с косяком, она, слегка пьяная и под кайфом, пошла к себе в комнату, достала школьный альбом, нашла нужную страницу и вернулась на кухню. Свернула второй джойнт, отхлебнула еще водки и погладила кончиками пальцев фотографию одной из учениц. Тары Скалини.

Произнесла вслух ее имя. *Тара*. Захохотала, потом расплакалась. И зашла в истерических рыданиях. Повалилась на пол, молча глотая слезы, и лежала, пока у нее не зазвонил телефон. Лейла.

— Привет, Лейл, — отозвалась Дакота, сняв трубку.

— Что-то голос у тебя хреновый, Дакота. Ты ревешь, что ли?

— Угу.

Красивая, юная, почти еще ребенок, она лежала на полу, и ее пышные волосы ореолом рассыпались вокруг тонкого лица.

— Хочешь, приходи ко мне? — предложила Лейла.

— Я родакам обещала, что буду дома. Но мне ужасно хочется, чтобы ты ко мне сюда пришла. Не хочу быть совсем одна.

— Сейчас такси поймаю и буду, — обещала Лейла.

Дакота нажала на отбой и вытащила из кармана пластиковый пакетик с белесым порошком. Кетамин. Вытряхнула его в стакан, развела водкой и залпом выпила.

Опустошенную на три четверти бутылку водки Джерри обнаружил только назавтра, в субботу утром. Перерыв кухонное помойное ведро и обнаружив два окурка, он уже собирался вытряхнуть дочь из постели, но Синтия уговорила его подождать, пока та встанет сама. Не успела Дакота выползти из комнаты, как он потребовал объяснений.

— Ты обманула наше доверие, и не в первый раз! — вопил он, потрясая бутылкой и окурками.

— Ой, да не нуди, ты как будто сам никогда молодым не был, — ответила Дакота.

Она вернулась к себе и снова улеглась. Родители немедленно двинулись за ней.

— Ты отдаешь себе отчет, что высосала почти всю бутылку водки и курила марихуану в нашем доме? — в бешенстве вопрошал отец.

— Зачем ты сама себя разрушаешь? — спрашивала Синтия, изо всех сил стараясь не давить на дочь.

— А вам-то что за дело? — отозвалась Дакота. — Вы по-любому

будете рады, когда меня не станет!

— Дакота! Как ты можешь так говорить? — оскорбилась мать.

— В раковине два стакана, кто здесь был? — потребовал отчета Джерри Райс. — В гости зовешь невесть кого?

— Друзей зову, в чем проблема?

— Проблема в том, что ты куришь марихуану!

— Спокуха, всего-то один косяк.

— Не держи меня за идиота, я знаю, что ты принимаешь всякую дрянь! Кто был с тобой? Опять эта паршивка Нейла?

— Она ЛЕЙЛА, папа, а не НЕЙЛА! И она не паршивка! Хватит считать, что, раз у тебя бабло, ты лучше всех!

— Ты на это бабло живешь! — заорал Джерри.

— Дорогая, — Синтия попыталась разрядить обстановку, — мы с папой беспокоимся. Мы считаем, что тебе нужно лечиться от зависимости.

— Я уже хожу к доктору Лерну.

— Мы думаем о специализированном центре.

— Терапия? Нет уж, второй раз я терапию проходить не буду! Валите из моей комнаты!

Она схватила плюшевую игрушку, никак не вязавшуюся с обстановкой комнаты, и запустила в сторону двери, чтобы прогнать родителей.

— Будешь делать то, что тебе говорят, — ответил Джерри, твердо решив не давать ей спуска.

— Я не поеду, слышите? Не поеду! Я вас ненавижу!

Она вскочила и захлопнула дверь, чтобы ее оставили в покое. Потом в слезах позвонила Лейле.

— Что стряслось, Дакота? — встревожилась Лейла, услышав ее рыдания.

— Родаки хотят меня отправить в специализированный центр.

— Чего? На детокс? И когда?

— Понятия не имею. Хотят в понедельник говорить с психом. Не поеду! Не поеду, слышишь? Вечером свалю. Видеть больше не могу этих мудаков. Как только они уснут, сделаю ноги.

В то же утро в Вустере Анна, ночевавшая у родителей, отбивалась от матери: та за завтраком набросилась на нее с расспросами.

— Мама, — взмолилась наконец Анна, — у меня голова трещит после вчерашнего. Дай мне, пожалуйста, спокойно выпить кофе.

— Ах вот как, ты напилась! — в отчаянии возопила мать. — Ты что же, теперь пьешь?

— Когда меня все достают, да, мама, пью.

— Если бы ты не ушла от Марка, мы бы сейчас жили рядом, — вздохнула мать.

— Значит, слава богу, что мы больше не вместе.

— У вас с Марком в самом деле все кончено?

— Мама, мы развелись год назад!

— Ох, дорогая, ты же знаешь, нынче это ничего не значит: люди живут вместе, потом женятся, потом трижды разводятся и в итоге сходятся опять.

Анна в ответ только вздохнула, взяла свой кофе и встала из-за стола.

— С того трагического дня у ювелирного Сабара ты сама не своя, Анна, — сказала мать. — По-моему, эта служба в полиции сломала тебе жизнь.

— Я отняла у человека жизнь, мама. И я никак не могу это изменить.

— Ты что же, наказание себе придумала — жить в этой дыре?

— Я знаю, мама, тебе не такую дочь хотелось иметь. Но что бы ты ни считала, в Орфеа мне хорошо.

— Я думала, ты станешь в этом городе шефом полиции, — не отставала мать. — Что произошло?

Анна молча ушла на террасу, чтобы хоть немного посидеть в тишине.

Анна Каннер

Я хорошо помню то весеннее утро 2014 года, за несколько недель до всей этой истории с исчезновением Стефани. Стояли первые погожие дни. Было уже жарко, несмотря на ранний час. Я вышла на крыльцо взять выпуск «Орфеа кроникл» — его приносили каждое утро — и, удобно устроившись в кресле, собиралась прочесть его за чашкой кофе. В этот момент по улице проходил мой сосед Коди. Поздоровавшись со мной, он сказал:

— Bravo, Анна!

— По какому случаю bravo?

— По случаю статьи.

Я скорей развернула газету и в ужасе увидела на первой полосе свое огромное фото. Над ним красовался заголовок:

СТАНЕТ ЛИ ЭТА ЖЕНЩИНА СЛЕДУЮЩИМ
ШЕФОМ ПОЛИЦИИ?

По слухам, осенью, после того как нынешний шеф

полиции Рон Гулливер выйдет в отставку, его место займет не первый помощник, Джаспер Монтейн, но второй помощник, Анна Каннер, прибывшая в Орфеа в прошлом сентябре.

Меня охватила паника. Кто сообщил об этом в «Орфеа кроникл»? А главное, как к этому отнесутся коллеги и сам Монтейн? Я бросилась на службу. Меня тут же обступили полицейские: «Это правда, Анна? Ты сядешь на место Гулливера?» Не говоря ни слова, я ринулась в кабинет Гулливера — быть может, успею предотвратить катастрофу. Слишком поздно. Дверь оказалась заперта, из-за нее доносился крик Монтейна:

— Это еще что за шутки, шеф? Вы это читали? Это правда? Анна станет шефом полиции после вас?

Гулливер, казалось, был изумлен не меньше.

— Перестань верить всему, что пишут в газете, Монтейн, — одернул он помощника. — Это все чушь собачья! В жизни ничего смешнее не слышал. Анна — шеф полиции? Сейчас умру от смеха. Она сюда только приехала! Да и парни сроду не согласятся подчиняться женщине!

— Ну вы же назначили ее помощником, — возразил Монтейн.

— Вторым помощником, — уточнил Гулливер. — А знаешь, кто был вторым помощником до нее? Никто. А знаешь почему? Потому что такой должности вообще нет. Ее изобрел мэр, потому что желает идти в ногу со временем и везде пропихивает баб. Чтоб ему провалиться с его говенным равноправием! Но мы-то с тобой прекрасно знаем, что это все фигня.

— Это что же, значит, когда я стану шефом, мне придется назначить ее помощником? — забеспокоился Монтейн.

— Джаспер, — успокоил его Гулливер, — когда ты станешь шефом, ты назначишь того, кого захочешь. Эта должность второго помощника — чистая проформа. Ты же знаешь, Браун ко мне с ножом к горлу пристал, чтобы я взял Анну, и у меня руки связаны. Но когда я уйду, а ты станешь шефом, можешь уволить ее на все четыре стороны. Не беспокойся, я ей прочищу мозги, вот увидишь. Я ей покажу, кто здесь главный.

Через несколько минут меня вызвали к Гулливеру. Усадив меня напротив, он приподнял лежавший на столе выпуск «Орфеа кроникл» и бесцветным голосом произнес:

— Хочу дать тебе совет, Анна. По-дружески. Веди себя тихо, совсем тихо. Как мышка.

Я попыталась защищаться:

— Шеф, я понятия не имею, откуда взялась эта статья...

Но Гулливер не дал мне закончить фразу.

— Анна, скажу без обиняков, — властно произнес он. — Тебя назначили вторым помощником только потому, что ты женщина. Так что прекращай беситься и не считай, что тебя взяли за какие-то великие заслуги. Ты здесь по одной-единственной причине: потому что Браун с его долбаными революционными идеями хотел, чтоб в полиции у нас непременно была женщина. Он меня достал всей этой хренью про гендерное равенство, дискриминацию и черт знает что еще. Он адски на меня давил. Сама знаешь, как тут все устроено: мне не хотелось вести с ним подковерную войну за год до отставки и тем более не хотелось, чтобы он срезал нам субсидии. Короче, он во что бы то ни стало хотел женщину, а ты была единственной кандидаткой. Вот я тебя и взял. И нечего устраивать тут бардак. Ты всего лишь квота, Анна. Ты — квота, и больше ничего!

Наслушавшись попреков Гулливера, я поехала патрулировать город: у меня не было ни малейшего желания отвечать на приставания сослуживцев. Машину я поставила за большим дорожным щитом на 17-м шоссе — с момента переезда в Орфеа я пряталась там всякий раз, когда нужно было подумать в тишине и покое.

Поглядывая одним глазом на редкие в этот утренний час машины, я ответила на сообщение Лорен: она подыскала мне идеального мужчину и жаждала устроить ужин, дабы мне его представить. Я отказалась, и она опять завела свою шарманку: «Анна, если так будет продолжаться, ты состаришься в одиночестве». Мы обменялись еще парой сообщений. Я пожаловалась на Гулливера, Лорен предложила мне вернуться в Нью-Йорк. Но туда мне не хотелось совсем. Если не считать рабочих неприятностей, мне очень нравилось в Хэмптонах. Хорошо было жить в Орфеа — мирном, уютном городке на берегу океана, в окружении дикой природы. Бесконечные песчаные пляжи, дремучие леса, усыпанные кувшинками пруды, извилистые морские заливы с их изобилием фауны — каких только волшебных уголков не было в окрестностях города! Летом здесь было чудесно и жарко; зимой — морозно, но солнечно.

Я знала, что здесь смогу наконец найти свое счастье.

Джесси Розенберг

Понедельник, 7 июля 2014 года
19 дней до открытия фестиваля

Первая полоса «Орфеа кроникл» от понедельника, 7 июля 2014 года:

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ БРОШЕН НА ПРОИЗВОЛ СУДЬБЫ

Что, если театральный фестиваль в Орфеа опускает прощальный занавес? Двадцать лет он был средоточием летней жизни города, но, похоже, в этом году оказался под большим вопросом. Впервые в истории мероприятия волонтеры проголосовали за бессрочную забастовку; причиной стали опасения за свою безопасность. В последнее время у всех на устах один-единственный вопрос: состоится ли фестиваль без волонтеров?

Анна провела все воскресенье, пытаясь отыскать следы Кирка Харви. Ей удалось найти его отца, Корнелиуса Харви: тот жил в доме престарелых в Покипси, в трех часах пути от Орфеа. Она связалась с директором учреждения, он нас ожидал.

— Ты вчера работала, Анна? — удивился я. Мы с ней ехали в дом престарелых. — Я думал, ты на выходных у родителей.

Она пожала плечами:

— Празднества прошли по сокращенной программе. Слава богу, можно было отвлечься работой. А где Дерек?

— Сидит в окружном отделении, изучает досье 1994 года. Не дает ему покоя мысль, что мы, возможно, что-то упустили.

— Что между вами тогда произошло, Джесси? Судя по твоим рассказам, выходит, что вы были лучшими друзьями, не разлей вода.

— Мы и сейчас лучшие друзья, — заверил я.

— Но в том году что-то между вами сломалось...

— Да. Не уверен, что готов об этом говорить.

Она молча кивнула и сменила тему:

— А ты что делал на праздниках, Джесси?

— Дома сидел.

— Один?

— Один. Делал себе гамбургеры с Наташиным соусом, — ответил я и сам улыбнулся ненужному уточнению.

— Кто такая Наташа?

— Моя невеста.

— Ты помолвлен?

— Это давняя история. Теперь я служака-холостяк.

Она рассмеялась:

— Я тоже. С тех пор как развелась, подружки предсказывают, что я так и помру в одиночестве.

— Это плохо! — посочувствовал я.

— Да, ничего хорошего. Надеюсь, кого-нибудь найду. А у вас с Наташей почему не сложилось?

— Жизнь иногда выкидывает странные штуки, Анна.

В глазах Анны я увидел понимание. Она ничего не сказала, только молча кивнула.

Дом престарелых «Дубы» располагался на окраине Покипси, в небольшом здании с цветниками на балконах. В холле посетителей встречала кучка стариков в инвалидных колясках.

— Гости! Гости! — закричал при виде нас один из них, с шахматной доской на коленях.

— Вы к нам в гости приехали? — спросил беззубый старичок, похожий на черепаху.

— Мы приехали к Корнелиусу Харви, — вежливо ответила Анна.

— А почему не ко мне? — спросила дрожащим голосом худая как щепка пожилая дама.

— А ко мне дети уже два месяца не приезжают, — добавил шахматист.

Мы представились в регистратуре, и через несколько минут к нам вышел директор заведения, маленький толстячок в насквозь пропотевшем костюме. С любопытством взглянув на Анну в форме, он обменялся с нами крепким рукопожатием. Рука у него была мокрая и липкая.

— Что вам нужно от Корнелиуса Харви? — спросил он.

— Мы разыскиваем его сына в рамках уголовного дела.

— Сынуля что-то натворил?

— Нам просто надо с ним поговорить.

Директор провел нас по коридорам в гостиную, где сидели несколько пансионеров. Кто играл в карты, кто читал, а кто просто смотрел в одну точку.

— Корнелиус, к вам пришли, — позвал директор.

Высокий худой старик со встрепанной седой шевелюрой, облаченный в толстый халат, поднялся с кресла и с любопытством уставился на нас.

— Полиция Орфеа? — удивленно спросил он, подходя к нам и разглядывая черную униформу Анны. — Что случилось?

— Мистер Харви, нам очень надо связаться с вашим сыном Кирком, — ответила Анна.

— С Кирки? Зачем он вам?

— Пойдемте присядем, мистер Харви, — предложила Анна.

Мы расположились вчетвером в углу, где стоял диван и два кресла. Вокруг сгрудились любопытные старики.

— Что вы хотите от моего Кирки? — с тревогой спросил Корнелиус.

По тому, как он это сказал, стало ясно, что одно наше сомнение отпадает: Кирк Харви жив и здоров.

— Мы заново расследуем одно дело, — объяснила Анна. — В 1994 году ваш сын занимался расследованием убийства четырех человек, случившегося в Орфеа. У нас есть все основания полагать, что тот же убийца несколько дней назад напал на одну молодую женщину. Нам непременно нужно поговорить с Кирком, чтобы распутать это дело. Вы с ним общаетесь?

— Да, конечно. Мы часто созваниваемся.

— Он приезжает сюда?

— О нет! Он живет слишком далеко.

— Где он живет?

— В Калифорнии. Работает над пьесой, она будет иметь огромный успех! Знаете, он великий режиссер. Он прославится. Он будет знаменит! Когда наконец его пьесу сыграют, я надену великолепный костюм и пойду ему рукоплескать. Хотите взглянуть на костюм? Он у меня в комнате.

— Нет, большое спасибо, — ответила Анна. — Скажите, мистер Харви, как мы можем связаться с вашим сыном?

— Я могу вам дать его телефон. Надо оставить сообщение, и он вам перезвонит.

Он вынул из кармана записную книжку и продиктовал Анне номер.

— Как давно Харви живет в Калифорнии? — спросил я.

— Не помню. Давно. Лет двадцать, наверно.

— Значит, уехав из Орфеа, он сразу отправился в Калифорнию?

— Да, сразу.

— Почему он в одночасье все бросил?

— Из-за «Черной ночи», конечно. — Корнелиус ответил так, словно это разумелось само собой.

— «Черной ночи»? А что такое эта пресловутая «Черная ночь», мистер Харви?

— Он все раскрыл, — произнес Корнелиус, не отвечая на вопрос. — Он нашел, кто убил четырех человек в 1994 году, и ему пришлось уехать.

— Значит, он знал, что это был не Тед Тенненбаум? Но почему он его не задержал?

— Только Кирки может дать вам ответ. И если увидите его, передайте,

пожалуйста, что папа его крепко обнимает.

Когда мы вышли из дома престарелых, Анна немедленно набрала номер, который нам дал Корнелиус Харви.

— Бар «Белуга», здравствуйте, — ответил женский голос на другом конце провода.

— Здравствуйте, — ответила Анна, справившись с изумлением, — я бы хотела поговорить с Кирком Харви.

— Оставьте мне сообщение, он вам перезвонит.

Анна оставила свое имя и номер телефона, подчеркнув, что речь идет о деле чрезвычайной важности. Когда она нажала на отбой, мы наскоро поискали бар «Белуга» в интернете: заведение находилось в Лос-Анджелесе, в квартале Медовуд. Название показалось мне знакомым. И вдруг я вспомнил. Я тут же позвонил Дереку и попросил проверить выписки с банковской карты Стефани.

— Правильно помнишь, — подтвердил он, порывшись в документах. — Судя по статье расходов, Стефани трижды была в «Белуге», когда ездила в июне в Лос-Анджелес.

— Так вот почему она бывала в Лос-Анджелесе! — воскликнул я. — Она вышла на след Кирка Харви и ездила к нему.

* * *

Нью-Йорк, в тот же день

В квартире Райсов царило смятение, Синтия не находила себе места. Дакота пропала уже два дня назад. Полиция была в курсе и активно занималась поисками. Джерри с Синтией объездили весь город, обошли всех ее друзей — и все напрасно. Теперь они метались по квартире в ожидании новостей, но новостей не было. Оба были на взводе.

— Вернется, куда денется. Как деньги понадобятся на свою дрянь, так и вернется, — в сердцах произнес Джерри.

— Джерри, я тебя не узнаю! Она наша дочь! И вы всегда отлично ладили! Помнишь? Когда она была маленькая, я даже завидовала вашей близости.

— Знаю, знаю, — ответил Джерри, только чтобы жена успокоилась.

Что дочь исчезла, они заметили только в воскресенье, и то не сразу. Они считали, что она спит, и не входили к ней в комнату до самого обеда.

— Надо было зайти пораньше, — корила себя Синтия.

— И что бы это изменило? К тому же нам велено уважать ее «личное пространство», меня об этом специально просили на сеансе семейной терапии. Мы всего лишь применили этот гребаный принцип доверия твоего гребаного доктора Лерна!

— Не передергивай, Джерри! На сеансе речь об этом зашла потому, что Дакота пожаловалась, что ты роешься в ее вещах и ищешь наркоту. Доктор Лерн сказал, что ее комната должна быть ее личным пространством и нам надо его уважать, строить отношения на принципе доверия. Он не говорил, что нам нельзя зайти посмотреть, все ли хорошо с нашей дочерью!

— По всему было похоже, что она просто заспалась. Мне хотелось исходить из презумпции невиновности.

— Мобильник по-прежнему выключен! — всхлипнула Синтия, в очередной раз попытавшись набрать номер дочери. — Я позвоню доктору Лерну.

В эту минуту зазвонил городской телефон. Джерри бросился к нему.

— Мистер Райс? Полиция Нью-Йорка. Мы нашли вашу дочь. Не волнуйтесь, с ней все хорошо. Патруль подобрал ее на улице, она спала и была явно пьяна. Ее отвезли в Маунт-Синай^[3] на обследование.

В это время в редакции «Нью-Йорк литерари ревью» заместитель главного редактора Скип Нейлан ворвался как ураган в кабинет Стивена Бергдорфа.

— Ты уволил Островски? — закричал Скип. — Ты что, совсем спятил? И что это за убожество ты хочешь залепить в ближайший номер? Откуда свалилась эта Элис Филмор? Ее текст ни в какие ворота не лезет, и не говори мне, что собираешься печатать подобную дрянь!

— Элис — очень способная журналистка. Я в нее очень верю. Ты ее знаешь, она раньше отвечала на письма.

Скип Нейлан схватился за голову.

— На письма? — в отчаянии повторил он. — Ты вышвырнул Миту Островски и взял на его место секретаршу, пишущую дерьмовые статьи? Ты что куришь, Стивен?

— Островски уже не тянет. Пишет бессмысленные гадости. А Элис на редкость талантливая девушка! — возразил Бергдорф. — Я пока еще главный в этом журнале, твою мать, или кто?

— Талантливая? О да, до усрачки! — завопил Скип и вылетел, хлопнув дверью.

Не успел он выйти, как дверца платяного шкафа резко распахнулась, и

из него появилась Элис. Стивен бросился запирать дверь кабинета.

— Только не сейчас, Элис, — взмолился он, зная, что она наверняка устроит ему сцену.

— Нет, ты слышал, Стиви? Ты слышал, как он говорит про меня ужасные вещи, и даже не пытался меня защитить!

— Я же тебя защищал. Сказал, что у тебя прекрасная статья.

— Прекрати быть мокрой курицей, Стиви. Я хочу, чтобы ты выгнал и его тоже!

— Не смейся, Скипа я не уволю. Ты уже добилась увольнения Стефани, получила шкуру Островски, ты что, собралась всех сотрудников мне разогнать?

Элис испепелила его взглядом и потребовала подарок.

Стивен с тяжелым сердцем повиновался. Обошел любимые Элис люксовые магазины на Пятой авеню и откопал в галантерейном бутике очень изящную дамскую сумочку. Он знал, что Элис хотелось модель именно в таком духе. Взял сумочку, протянул продавщице кредитку. Но карта не прошла: недостаточно средств. Он попробовал другую — то же самое. И третью. Он запаниковал, на лбу выступил пот. На дворе всего 7 июля, а у него все лимиты исчерпаны, счет пуст. За неимением другого выхода он решил использовать карту журнала. Она прошла. У него оставался только один счет — деньги, отложенные на отпуск. Надо было любой ценой убедить жену отказаться от идеи ехать в Йеллоустон.

Купив подарок, он немного побродил по улицам. Небо хмурилось, собиралась гроза. Первые капли теплого грязного дождя намочили ему рубашку и волосы. Ему было все равно. Он шагал и чувствовал, что ему конец. Потом зашел в «Макдоналдс», взял кофе и выпил за сальным столиком. Он был в отчаянии.

* * *

Вернувшись в Орфеа, мы с Анной заехали в Большой театр. На обратном пути из Покипси мы позвонили Коди: нам нужны были любые документы, относящиеся к первому театральному фестивалю. Особенно нас интересовала пьеса, которую сыграл Кирк Харви и которую Гордон хотел запретить.

Анна провела меня через все здание за кулисы. Коди ждал нас в своем кабинете; он извлек из архива коробку, где были свалены в беспорядке

всякие мелочи.

— Что вы, собственно, ищете? — спросил Коди.

— Любые существенные сведения о первом фестивале. Название труппы, которая сыграла первый спектакль, что это была за пьеса Кирка Харви...

— Кирка Харви? Он играл какую-то нелепицу под названием «Я, Кирк Харви». Монолог читал, совершенно неинтересный. А открылся фестиваль спектаклем «Дядя Ваня». Вот программа, держите.

Он выудил и протянул мне старую пожелтевшую брошюру:

— Можете оставить себе, у меня есть еще.

Потом еще порылся в коробке и достал оттуда небольшую книжечку.

— Надо же, совсем забыл, что была такая книжка. Это Гордон придумал. Может, вам пригодится.

Я взял книжку и прочитал заглавие:

Стивен Бергдорф
ИСТОРИЯ ТЕАТРАЛЬНОГО ФЕСТИВАЛЯ В
ОРФЕА

— Что это за книга? — спросил я Коди.

— Стивен Бергдорф? — изумилась Анна, увидев имя автора.

И Коди рассказал нам об одном эпизоде, случившемся за два месяца до убийств.

* * *

Орфеа, май 1994 года

Коди сидел в своем кабинетике в магазине, обложившись бланками заказов. В дверь робко заглянула Меган Пейделин:

— Прости, что отрываю, Коди, но там мэр пришел, хочет с тобой поговорить.

Коди немедленно встал из-за стола и вышел из подсобки. Интересно, что от него понадобилось мэру. Тот по какой-то непонятной причине с марта не появлялся в книжном магазине; Коди никак не мог взять в толк почему. Мэр как будто изо всех сил его избегал. Кто-то даже видел, как он покупал книги в магазине Ист-Хэмптона.

Гордон стоял у прилавка и нервно теребил в руках какую-то брошюрку.

— Господин мэр! — воскликнул Коди.

— Добрый день, Коди.

Они обменялись сердечным рукопожатием.

— Какое счастье, что в Орфеа такой прекрасный книжный магазин, — произнес Гордон, созерцая стеллажи.

— Все в порядке, господин мэр? — поинтересовался Коди. — Мне показалось, что с недавних пор вы меня избегаете.

— Я вас избегаю? — изумился Гордон. — Какая, однако, странная мысль! Знаете, я просто потрясен тем, как здешние люди любят читать. Вечно с книгой в руках. Я тут на днях ужинал в ресторане, и — вы не поверите! — за соседним столиком сидела молодая пара, и каждый уткнулся носом в свою книжку! Я подумал, что люди совсем сошли с ума. Черт возьми, поговорили бы хоть, что ли, вместо того чтобы нырять в свои книжки! Да и купальщики, когда идут на пляж, тащат с собой целую пачку хороших романов. Прямо наркотик какой-то!

Коди позабавил рассказ мэра. Какой он все-таки милый и симпатичный. Само добродушие. Он решил, что напрасно напридумывал себе каких-то глупостей. Но мэр явился не просто так.

— Хотел вас спросить, Коди, — продолжал Гордон. — Как вы знаете, тридцатого июля у нас открывается первый театральный фестиваль...

— Ну конечно, знаю, — восторженно ответил Коди. — Я уже заказал разные издания «Дяди Вани», буду предлагать покупателям.

— Прекрасная мысль! — одобрил мэр. — Но я вот о чем хотел вас попросить. Стивен Бергдорф, главный редактор «Орфеа кроникл», написал небольшую книжечку про театральный фестиваль. Как вы думаете, вы сможете пустить ее в продажу? Взгляните, я вам принес экземпляр.

Он протянул Коди брошюрку. На обложке красовалось фото мэра на фоне Большого театра, а над ним — заглавие.

— «История фестиваля», — вслух прочел Коди и удивленно спросил: — Но ведь фестиваль будет проводиться в первый раз, разве нет? Не рано ли посвящать ему целую книгу?

— Знаете, о нем уже так много можно рассказать, — заверил его мэр и произнес на прощанье: — Готовьтесь к приятным сюрпризам!

Коди не очень понимал, кому может быть интересна такая книжка, но не хотел ссориться с мэром и согласился взять ее на продажу в свой магазин. Когда Гордон удалился, снова появилась Меган Пейделин:

— Что он хотел?

— Чтобы мы сделали рекламу брошюре, которую он издал.

Меган, облегченно вздохнув, полистала книжечку.

— Выглядит неплохо, — рассудила она. — Знаешь, в округе не так уж мало людей, которые печатают книги за свой счет. Надо бы отвести им уголок, пусть выставляют свои творения на продажу.

— Уголок? Но у нас и так книги ставить некуда. И потом, это никому не интересно, — возразил Коди. — Кто же станет покупать книжку собственного соседа?

— Давай отведем под них чулан в глубине, — настаивала Меган. — Там только покрасить, и будет как новенький. Сделаем отдел местных писателей. Вот увидишь, авторы — хорошие клиенты для книжных магазинов. Съедутся со всей округи поглядеть на собственную книжку на полке, а заодно и другие купят.

Коди подумал, что это очень неплохая идея. К тому же ему хотелось доставить Гордону удовольствие: он прекрасно чувствовал, что с ним что-то неладно, и ему это не нравилось.

— Что ж, Меган, если хочешь, давай попробуем, — согласился он. — Попытка не пытка. Если ничего не выйдет, так хоть чулан в порядок приведем. Во всяком случае, благодаря Гордону выяснилось, что Стивен Бергдорф на досуге пишет книжки.

* * *

— Стивен Бергдорф — бывший главный редактор «Орфеа кроникл»? — удивилась Анна. — Ты знал, Джесси?

Я пожал плечами: понятия не имел. Пересекались ли мы с ним в свое время? Я его совершенно не помнил.

— Вы его знаете? — спросил Коди, удивленный нашей реакцией.

— Он главный редактор «Нью-Йорк литерари ревью», где работала Стефани Мейлер, — объяснила Анна.

Как я мог не запомнить Стивена Бергдорфа? Мы навели справки и выяснили, что Бергдорф уволился с поста главного редактора «Орфеа кроникл» на следующий день после четырех убийств, а его место занял Майкл Берд. Странное совпадение. А если Бергдорф, уехав, увез в собой вопросы, которые и по сей день не дают ему покоя? А если он и был заказчиком книги, которую писала Стефани? Она говорила, что этот человек не мог написать ее от своего имени. Ничего странного, что бывший

главный редактор местной газеты не мог двадцать лет спустя снова совать нос в это дело. Нужно было немедленно ехать в Нью-Йорк, переговорить с Бергдорфом. Мы решили отправиться туда завтра, с раннего утра.

Но неожиданности на этом не закончились. В тот же день поздно вечером у Анны зазвонил мобильный телефон. На экране высветился номер бара «Белуга».

— Помощник шефа полиции Каннер? — спросил мужской голос. — Говорит Кирк Харви.

Дерек Скотт

Понедельник, 22 августа 1994 года. С момента убийства прошло три недели.

Мы с Джесси ехали в Хиксвилл, город на Лонг-Айленде между Нью-Йорком и Орфеа. Женщина, связавшаяся с нами, работала в маленьком отделении «Бэнк оф Лонг-Айленд».

— Она нам назначила встречу в кафе в центре города, — объяснил я Джесси по дороге. — Ее начальник не в курсе, что она нам звонила.

— Но это связано с Гордоном?

— Скорее всего.

Несмотря на ранний час, Джесси поедал горячий сэндвич с мясом и каким-то коричневым соусом. Соус пах божественно.

— Хочешь попробовать? — Джесси, жуя, протянул мне сэндвич. — Язык проглотишь.

Я откусил. Давно мне не попадалась такая вкуснотища.

— Соус какой-то невероятный. Не знаю, как Наташа его делает. Я его называю Наташин соус.

— Чего? Наташа тебе перед отъездом успела соорудить такой сэндвич?

— Ага, — ответил Джесси. — Встала в четыре утра, наготовила на пробу всяких блюд для ресторана. Дарла должна скоро зайти. У меня глаза разбежались: оладьи, вафли, оливье... Целый полк накормить можно. Я ей сказал, чтобы подавала эти сэндвичи в «Маленькой России». Народ за них драться будет.

— И картошечки фри побольше, — мечтательно сказал я. — Картошки фри на гарнир много не бывает.

Служащую «Бэнк оф Лонг-Айленд» звали Мейси Уорвик. Она ждала нас в безлюдном кафе, нервно помешивая ложечкой капучино.

— Я на выходных ездила в Хэмптоны и видела в газете фото расстрелянной семьи. Мне показалось, что я знаю этого господина, а потом

я поняла, что он клиент нашего банка.

Она подвинула нам картонную папку с банковскими документами.

— Я не сразу выяснила его имя, мне понадобилось какое-то время. Газету я с собой не захватила, а фамилию не запомнила. Пришлось влезть в банковскую систему и искать транзакции. В последние месяцы он приходил иногда по несколько раз за неделю.

Мы с Джесси слушали и одновременно просматривали принесенные Мейси Уорвик выписки со счетов. Клиент каждый раз клал на счет, открытый в «Бэнк оф Лонг-Айленд», 20 тысяч долларов наличными.

— Джозеф Гордон по несколько раз в неделю приезжал в ваше отделение, чтобы положить двадцать тысяч долларов? — удивился Джесси.

— Да, — кивнула Мейси. — Двадцать тысяч долларов — максимальная сумма, за которую клиент не обязан отчитываться.

Из документов явствовало, что этот маневр производился с марта месяца.

— Я правильно понял: вы ни разу не спрашивали у мистера Гордона объяснений по поводу этих денег? — спросил я.

— Ни разу. К тому же наш начальник не любит, когда задают лишние вопросы. Говорит, если клиенты от нас уйдут, то пойдут в другое место. Вроде бы дирекция банка собирается закрывать некоторые отделения.

— Значит, деньги до сих пор лежат на счету в вашем банке?

— Ну да, если угодно, в нашем банке, но я не рискнула посмотреть, на какой счет переводились деньги. Это другой счет, он тоже открыт на имя мистера Гордона, но в нашем отделении в Бозмене, в Монтане.

Мы с Джесси не верили своим глазам. В банковских документах, обнаруженных дома у Гордонов, значились только личные счета в банке в Хэмптонах. Что это еще за тайный счет в Бозмене, где-то на задворках Монтаны?

Мы немедленно запросили сведения у полиции штата Монтана. То, что они обнаружили, заставило нас с Джесси немедленно вылететь через Чикаго в аэропорт Бозмен-Йеллоустон. Наташа снабдила нас сэндвичами своего имени, дабы скрасить путешествие.

Джозеф Гордон с апреля снимал в Бозмене домик. Это выяснилось благодаря автоматическим перечислениям с его загадочного банковского счета, открытого в Монтане. Мы нашли агента по недвижимости, и он отвел нас к жуткому одноэтажному дощатому сараю на пересечении двух улиц.

— Да, это он, Джозеф Гордон, — подтвердил агент, когда мы показали ему фото мэра. — В Бозмен он приезжал один раз, в апреле. Один. Приехал

на машине из самого штата Нью-Йорк. Машина была набита какими-то коробками. Даже дом не посмотрел, сразу сказал, что берет. Сказал: «От такой цены не отказываются».

— Вы уверены, что видели именно этого человека? — спросил я.

— Да. Он мне как-то не внушал доверия, и я незаметно сфотографировал и его, и номер машины, на случай, если вдруг что. Смотрите!

Агент достал из папки снимок. На нем красовался Гордон собственной персоной, выгружающий коробки из синего автомобиля с откидным верхом.

— Он говорил, почему хочет сюда переехать?

— Не то чтобы особо распространялся, но однажды сказал что-то вроде: «Тут у вас, конечно, красот особых нет, но по крайней мере здесь меня никто искать не будет».

— И когда он собирался переезжать?

— Дом он снимал с апреля, но, когда приедет окончательно, точно не знал. Да мне и без разницы, за дом платят, а прочее — не мое дело.

— Можно взять это фото, приобщить к делу? — спросил я агента.

— Ради бога, сержант.

Счет открыт в марте, дом снят в апреле. Гордон готовился к бегству заранее. В тот вечер, когда его убили, он должен был уехать из Орфеа вместе с семьей. Оставался один вопрос: откуда об этом мог узнать убийца?

И еще надо было понять, откуда взялись деньги. Ибо теперь нам было яснее ясного: между его убийством и огромными суммами наличных, которые он перевел в Монтану — в общей сложности около 500 тысяч долларов, — существует какая-то связь.

Первой нашей мыслью было проверить, не эти ли деньги связывали Теда Тенненбаума с мэром. Нам пришлось чуть ли не вывернуться наизнанку, чтобы убедить майора запросить у помощника прокурора ордер, дающий нам право на доступ к сведениям о банковских счетах Тенненбаума.

— Вы же знаете, если опять сядете в лужу, то с таким адвокатом, как Старр, вам не миновать дисциплинарной комиссии, если не суда за превышение полномочий, — предупредил майор. — И на вашей карьере, скажу вам прямо, будет поставлен крест.

Все это мы прекрасно знали. Что не помешало нам констатировать: мэр стал получать эти загадочные суммы ровно в тот момент, когда начались работы по реконструкции кафе «Афина». А если Гордон вымогал у Тенненбаума деньги за то, чтобы работы не стопорились и ресторан

открылся вовремя, к фестивалю?

Помощник прокурора, выслушав наши доводы, счел их вполне убедительными и выдал ордер. Вот так мы и обнаружили, что с февраля по июль 1994 года Тед Тенненбаум снял с унаследованного от отца счета в банке в Манхэттене 500 тысяч долларов.

Джесси Розенберг

Вторник, 8 июля 2014 года

18 дней до открытия фестиваля

В то утро, когда мы ехали на машине в Нью-Йорк, к Стивену Бергдорфу, Анна рассказала нам с Дерекком про свой телефонный разговор с Кирком Харви.

— Он отказывается говорить что бы то ни было по телефону. Назначил мне встречу в баре «Белуга» завтра, в среду, в восемнадцать ноль-ноль.

— В Лос-Анджелесе? — поперхнулся я. — Он что, шутит?

— Нет, судя по всему, шутить он вовсе не собирается, — сказала Анна. — Я уже посмотрела расписание рейсов. Можешь вылететь завтра в десять утра из Кеннеди, Джесси.

— Это почему именно Джесси? — возмутился я.

— Ехать должна полиция штата, — объяснила Анна, — а у Дерекка дети.

— Ладно, пусть будет Лос-Анджелес, — вздохнул я.

Мы не стали предупреждать Стивена Бергдорфа о нашем визите: эффект неожиданности никогда не помешает. Мы нашли его в редакции «Нью-Йорк литерари ревью». В кабинете царил беспорядок.

— Ох, я знаю про Стефани, ужасная новость! — сказал он с порога. — Вы уже вышли на след?

— Возможно. И, возможно, он ведет к вам, — пошел в атаку Дерек. Я отметил, что за двадцать лет, проведенных за письменным столом, его хватка ничуть не ослабла.

— Ко мне? — побледнел Бергдорф.

— Стефани устроилась на работу в «Орфеа кроникл», чтобы вести тайное расследование убийства четырех человек в 1994 году. Она писала об этом книгу.

— Прямо руками разведешь. Я ничего не знал, — заверил нас Бергдорф.

— Неужели? — удивился Дерек. — Нам известно, что мысль писать книгу подсказал ей кто-то, кто в вечер убийства был в Орфеа. Точнее, в Большом театре. Где вы были в момент убийства, мистер Бергдорф? Уверен, вы это помните.

— В Большом театре, верно. Как и все жители Орфеа в тот вечер! А со Стефани я на эту тему ни словом не перемолвился, я не придавал этому происшествию совершенно никакого значения.

— Вы были главным редактором «Орфеа кроникл», и вы неожиданно ушли со своего поста сразу после убийства. Не говоря уж о книге, которую вы написали о фестивале, том самом фестивале, которым так интересовалась Стефани. Слишком много совпадений, вы не находите? Мистер Бергдорф, это вы поручили Стефани Мейлер написать о расследовании убийства четырех человек в Орфеа?

— Нет, клянусь! Это какой-то абсурд. Зачем мне это делать?

— Когда вы последний раз были в Орфеа?

— Я туда ездил на выходные в мае прошлого года, по приглашению мэрии. С 1994 года ноги моей там не было. У меня в Орфеа не осталось никаких связей: я переехал в Нью-Йорк, встретил здесь свою жену и по-прежнему работал журналистом.

— Почему вы уехали из Орфеа сразу после убийства?

— Как раз из-за мэра, из-за Гордона.

И Бергдорф рассказал, что случилось двадцать лет назад:

— Понимаете, Джозеф Гордон был человек довольно посредственный, и в личном плане, и в профессиональном. Бизнесмен-неудачник: все его фирмы прогорели, и он в итоге пустился в политику. Должность мэра привлекала его главным образом сопутствующей зарплатой.

— Как же его избрали?

— У него был прекрасно подвешен язык, и на первый взгляд он производил хорошее впечатление. Вполне был способен продать снег эскимосам, только вот поставить этот снег не мог, понимаете, что я хочу сказать? К моменту муниципальных выборов 1990 года экономика в Орфеа была не в лучшем виде, в городе царило уныние. Гордон говорил людям то, что они хотели услышать, вот его и избрали. Но поскольку политик из него был так себе, на него скоро стали поглядывать косо.

— Вы говорите, посредственный, — уточнил я, — но ведь именно Гордон основал театральный фестиваль, который заставил говорить о городе?

— Это не Гордон основал театральный фестиваль, капитан, а его тогдашний зам Алан Браун. Вскоре после избрания Гордон понял, что ему

нужна помощь в управлении Орфеа. Алан Браун, местный уроженец, тогда только что получил диплом юриста. Он согласился стать заместителем мэра: это все-таки значительный пост для молодого парня, вчерашнего студента. Вскоре выяснилось, что у Брауна незаурядный ум. Он сделал все возможное, чтобы город развивался. И у него получилось. Потом ему, конечно, сильно помогли благополучные годы, наставшие после избрания президента Клинтона, но Браун и сам расставил нужные вехи. У него было множество идей: он привлек целый поток туристов, потом придумал празднования Четвертого июля с ежегодным фейерверком, помогал открывать новые торговые точки, реконструировал главную улицу.

— И после смерти Гордона оказался в кресле мэра, так? — спросил я.

— Не совсем, капитан. После убийства Гордона он временно исполнял обязанности мэра от силы месяца: на сентябрь 1994 года все равно были назначены муниципальные выборы, Браун и раньше собирался на них выдвигаться. Его избрали почти единогласно.

— Вернемся к Гордону, — предложил Дерек. — У него были враги?

— Четкой политической линии у него не было, так что он все время кого-нибудь да раздражал.

— Например, Теда Тенненбаума?

— Да не особо. Да, они слегка повздорили из-за переделки здания в ресторан, но не настолько, чтобы убивать человека со всем семейством.

— Неужели? — спросил я.

— Конечно, я ни минуты не верил, что из-за такого пустяка он мог это сделать!

— Почему вы тогда никому ничего не сказали?

— А кому? Полиции? Как вы себе это представляете: я вваливаюсь в уголовный отдел и требую пересмотреть дело? Я считал, что у полиции наверняка есть веские доказательства. То есть я хочу сказать: он же, бедняга, все-таки умер. Да мне и наплевать было, честно говоря. В Орфеа я все равно уже больше не жил. Следил за всей этой историей со стороны. Короче, вернемся к тому, о чем я говорил. Желание юного Алана Брауна перестроить город стало сущей манной небесной для местных мелких предпринимателей: реконструкция мэрии, реконструкция ресторанов, строительство городской библиотеки и прочих новых зданий. В общем, это официальная версия. Потому что Гордон на публику твердил, что хочет дать жителям работу, а втайне требовал от них завышать стоимость услуг в обмен на контракты.

— Гордон брал взятки? — изумленно воскликнул Дерек.

— Ну да!

— А почему, пока шло расследование, все молчали? — удивилась Анна.

— А что вы хотите? — возразил Бергдорф. — Чтобы люди доносили на самих себя? Они ведь тоже были виновны, не только мэр. Это ж почти как признаться в убийстве Кеннеди.

— А вы как об этом узнали?

— Договора заключались публично. Пока шли работы, вы могли узнать, сколько платит мэрия разным фирмам. А фирмы, которые привлекались к строительству, тоже должны были представлять финансовые отчеты в мэрию: та хотела убедиться, что работы будут выполнены в срок. В начале 1994 года мне удалось добыть бухгалтерский баланс этих фирм, и я сравнил его с теми суммами, что выплачивались мэрией официально. В большинстве случаев итоговые платежи мэрии были ниже, чем в подписанном с ней контракте.

— И никто этого не заметил? — поинтересовался Дерек.

— Думаю, что для мэрии составлялась одна фактура, а для бухгалтерии — другая, и никто, кроме меня, не додумался проверить, сходятся ли суммы.

— И вы ничего не сказали?

— Хотел. Я подготовил статью для «Орфеа кроникл» и пошел с ней к Гордону. Чтобы он объяснился. Знаете, что он мне ответил?

* * *

*Мэрия Орфеа, кабинет мэра Гордона,
15 февраля 1994 года*

Гордон внимательно прочел принесенную Бергдорфом статью. В комнате стояла полная тишина. Мэр казался спокойным, Бергдорф, наоборот, нервничал. Наконец Гордон положил текст на стол, поднял взгляд на журналиста и произнес почти шутливым тоном:

— Дорогой Стивен, то, о чем вы мне тут сообщаете, очень серьезно. Значит, в высшем эшелоне власти Орфеа коррупция?

— Да, господин мэр.

— Чертовская буча поднимется. У вас, конечно, имеются доказательства, копии договоров и счетов?

— Да, господин мэр, — подтвердил Бергдорф.

— Как вы добросовестно работаете! — воскликнул Гордон. — Знаете, дорогой Стивен, прямо обалденное совпадение, что вы ко мне зашли: я как раз хотел с вами поговорить об одном большом проекте. Вам, конечно, известно, что через несколько месяцев мы будем праздновать открытие нашего первого театрального фестиваля?

— Разумеется, — ответил Бергдорф, не совсем понимая, куда мэ́р клонит.

— Так вот, мне бы хотелось, чтобы вы написали книгу об этом фестивале, брошюру. Вы бы в ней рассказали о том, как готовился фестиваль, о его закулисной стороне. Добавили бы несколько фото. Она бы вышла как раз к открытию. Приятный сувенир для зрителей, они его сразу раскупят. Сколько вы хотите за такую заказную работу, Стивен?

— Не... не знаю, господин мэ́р. Я никогда такого не делал.

— По-моему, это стоит в районе ста тысяч долларов, — изрек мэ́р.

— Вы... вы собираетесь мне заплатить за эту книжку сто тысяч долларов? — еле выговорил Стивен.

— Да, по-моему, для такого пера, как ваше, это вполне нормальная цена. Но статья про муниципальные счета в «Орфеа кроникл» в таком случае, естественно, невозможна. Ведь счета будут рассматривать под лупой, люди не поймут, если я вам отвалю подобную сумму. В общем, вы меня поняли...

* * *

— И вы эту книгу написали! — воскликнул я, сразу вспомнив про книжку, которую мы с Анной откопали у Коди. — Он вам дал взятку, и вы поддались...

— Ну уж нет, капитан! — оскорбился Стивен. — Не бросайтесь громкими словами, ради бога! Не отказываться же мне от такого предложения, сами посудите. У меня бы завелись деньжата, я бы мог себе дом купить. К несчастью, денег я так и не увидел, потому что этого дебила Гордона убили раньше. Он сказал, что заплатит после выхода книги, чтобы я, получив сто тысяч, опять что-нибудь против него не написал. Через день после смерти Гордона я ходил к Алану Брауну, который стал и. о. мэ́ра. Никаких договоров мы с Гордоном не подписывали, и мне не хотелось, чтобы наше соглашение оказалось похоронено. Я думал, что у Брауна у самого рыльце в пушку, но оказалось, что он вообще ничего не знал. И так

перепугался, что потребовал от меня немедленно уйти из газеты, иначе он сообщит в полицию. Сказал, что не потерпит продажного журналиста в «Орфеа кроникл». Пришлось уходить. Так этот зануда Майкл Берд и стал главным редактором, даром что писать не умеет!

* * *

В Орфеа Шарлотте Браун, жене мэра, наконец удалось вытащить супруга из кабинета и сводить пообедать на террасе кафе «Афина». Ей казалось, что он стал страшно нервным и дерганым. Почти не спал, ел кое-как, с исхудавшего лица не сходило озабоченное выражение. Она решила, что обед на солнышке ему очень не повредит.

Мысль оказалась весьма удачной. Алан сначала упирался и говорил, что у него нет времени на обеда, но в конце концов поддался на уговоры, и передышка явно пошла ему на пользу. Но пауза оказалась короткой: лежавший на столе телефон Алана завибрировал, а увидев высветившееся на экране имя, он встревожился и отошел в сторонку поговорить.

О чем шел разговор, Шарлотте не было слышно, но до нее долетело несколько слов на повышенных тонах, а в жестах мужа читалось сильное раздражение. Вдруг она услышала, как он произносит почти умоляющим голосом: «Не надо так, я что-нибудь придумаю»; потом нажал на отбой и в бешенстве вернулся к столу. Официант как раз принес десерты.

— Мне пора в мэрию, — с досадой заявил Алан.

— Уже? — огорчилась Шарлотта. — Съешь хотя бы десерт, Алан. Неужто это не подождет пятнадцать минут?

— У меня все хреново, Шарлотта. Звонил импресарио труппы, которая должна играть на открытии фестиваля. Говорит, узнал про забастовку. Актеры боятся за свою безопасность и отказываются играть. Спектакля нет. Это катастрофа.

Мэр немедленно ушел. Он не заметил женщину, сидевшую к нему спиной с самого начала обеда и не упускавшую ни слова из их разговора. Та дождалась, пока Шарлотта Браун тоже уйдет, и взяла свой телефон.

— Майкл Берд? Это Сильвия Тенненбаум. У меня имеются некоторые сведения о мэре, они могут быть вам интересны. Можете зайти в кафе «Афина»?

* * *

В ответ на мой вопрос, где он находился в тот вечер, когда пропала Стефани Мейлер, Стивен Бергдорф оскорбленно бросил: «На вернисаже, капитан, можете проверить». Этим мы и занялись в кабинете Анны, вернувшись в Орфеа.

Галерея, организовавшая мероприятие, подтвердила, что Бергдорф у них был, но уточнила, что вернисаж закончился в 19.00.

— Если он в семь выехал из Манхэттена, то к десяти вполне мог быть уже в Орфеа, — заметила Анна.

— Думаешь, он мог напасть на Стефани? — спросил я.

— Бергдорф знал все закоулки в здании редакции «Орфеа кроникл». Знал, как туда проникнуть и украсть компьютер. Знал, что главный редактор — Майкл Берд, и послал ему эсэмэску с телефона Стефани. И потом, судя по всему, он боялся, что в Орфеа его не все еще забыли, потому и передумал встречаться со Стефани в «Кодиаке» и назначил ей встречу на пляже. Хотела бы я знать, почему мы его сейчас не повязали.

— Потому что это все догадки, Анна, — вмешался Дерек. — Никакой конкретики. Любой адвокат тебя уделает за пять минут. У нас против него никаких фактов. Пусть бы он даже сидел дома в одиночестве, мы ничего доказать не можем. К тому же, судя по его дерьмовому алиби, он даже не знает, в котором часу была убита Стефани.

Тут Дерек был прав. Тем не менее я прилепил фото Бергдорфа на магнитную доску.

— А по-моему, Джесси, Бергдорф скорее заказчик книги Стефани, — предположила Анна.

Она сняла с доски странички с текстом, найденным в компьютере:

— Когда Стефани спрашивает заказчика, почему бы ему самому не написать эту книгу, тот отвечает: «Мне? Невозможно! Что скажут люди?» То есть этот человек был заведомо не способен писать, настолько, что доверил эту задачу другому.

Тогда я прочитал другой отрывок:

— «Я без чего-то семь вышел на улицу размять ноги и видел, как мимо проехал фургон. Позже я понял из газет, что это машина Теда Тенненбаума. Проблема в том, что за рулем был не он». А Бергдорф как раз сказал, что сомневается в вине Тенненбаума. И в Большом театре он в тот вечер был.

— Дорого бы я дала, чтобы выяснить, кто был за рулем фургона, — сказала Анна.

— А мне вот интересно, — отозвался Дерек, — почему Браун ни слова не сказал про продажность Гордона? Знай мы об этом в свое время, вели бы расследование иначе. А главное: если деньги, которые Гордон перевел в Монтану, были откатами предпринимателей, то куда делись те, что снял со счета Тенненбаум? Он так и не смог ничего объяснить.

Повисла долгая пауза. Мы с Дерекком сидели в задумчивости, и Анна спросила:

— Как умер Тед Тенненбаум?

— В ходе задержания, — мрачно ответил я.

А Дерек просто сменил тему, намекая Анне, что нам не хочется об этом говорить:

— Надо пойти перекусить, мы же не обедали. Я приглашаю.

* * *

Браун вернулся домой необычно рано. Ему нужно было спокойно обдумать, как себя вести, если придется отменять театральный фестиваль. Он сосредоточенно ходил взад-вперед по гостиной, а Шарлотта, его жена, наблюдала за ним со стороны. Его нервозность чувствовалась даже на расстоянии. Наконец она подошла к нему и попыталась урезонить:

— Алан, дорогой, — сказала она, нежно погладив его по голове, — а вдруг это знак, что пора отказаться от этого фестиваля? Ты в таком состоянии...

— Как ты можешь так говорить? Ты же сама была актрисой... Ты знаешь, что это такое! Мне нужна твоя поддержка.

— Но я не могу отделаться от мысли, что, быть может, это судьба. Да и вообще от этого фестиваля уже давно одни убытки.

— Фестиваль должен состояться, Шарлотта! От него зависит жизнь города.

— Но чем ты заменишь основную пьесу?

— Понятия не имею, — вздохнул он. — Меня все засмеют.

— Все образуется, Алан, вот увидишь.

— Каким образом? — спросил он.

Она не знала, каким образом. Она произнесла эту фразу, только чтобы его подбодрить.

— Я... попробую использовать старые связи в театральном мире! — попыталась она найти решение.

— Связи? Дорогая, ты прекрасна, но ты двадцать лет не выходила на сцену. Какие уж тут связи...

Он обнял жену за талию и положил голову ей на плечо.

— Это катастрофа. На фестиваль никто не хочет ехать. Ни актеры, ни пресса, ни критики. Мы разослали десятки приглашений, никто не ответил. Я написал даже Мите Островски.

— Мите Островски? Из «Нью-Йорк таймс»?

— Уже не из «Нью-Йорк таймс». Он теперь работает в «Нью-Йорк литерари ревью». Все лучше, чем ничего. Но он тоже не ответил. До открытия меньше трех недель, а фестиваль на грани краха. Прямо хоть театр поджигай, чтобы...

— Не говори глупости, Алан, — оборвала его жена.

В этот момент раздался звонок в дверь.

— Гляди-ка, вот и он, — пошутила Шарлотта.

— Ты кого-нибудь ждешь? — Алану было не до смеха.

— Нет.

Он встал и пошел открывать. За дверью стоял Майкл Берд.

— Добрый день, Майкл.

— Здравствуйте, господин мэр. Простите за вторжение, я тщетно пытался вам дозвониться, у вас выключен телефон.

— Мне надо было спокойно подумать. Что случилось?

— Мне бы хотелось получить от вас комментарий относительно слухов, господин мэр.

— Каких слухов?

— Таких, что у вас нет главной пьесы для театрального фестиваля.

— Кто вам сказал?

— Я журналист.

— Значит, вы должны знать цену слухам, Майкл, — рассердился Браун.

— Согласен, господин мэр. Именно по этой причине я взял на себя труд позвонить агенту труппы, и он мне подтвердил, что спектакль отменен. Сказал, что актеры больше не чувствуют себя в безопасности в Орфеа.

— Смешно, — ответил Алан совершенно спокойно. — На вашем месте я бы это не печатал...

— Да? Это почему?

— Потому что... вас засмеют!

— Меня? Засмеют?

— Вот именно. Вы что себе думаете, Майкл? Я сразу же нашел замену

труппе, которая предполагалась изначально, раз она нас подвела.

— Правда? А почему вы об этом до сих пор не объявили?

— Потому что... Потому что это великий спектакль, — не задумываясь, ответил мэр. — Совершенно уникальный! Он наделает такого шума, что зрители сбегутся отовсюду. Я хочу объявить о нем по-настоящему, во весь голос, а не в каком-нибудь скороспелом коммюнике, которого никто и не заметит.

— И когда вы объявите о своем великом спектакле? — поинтересовался Майкл.

— В эту пятницу, — наобум ответил Браун. — Да, именно так. В пятницу, одиннадцатого июля, я соберу в мэрии пресс-конференцию. Поверьте, то, о чем я объявлю, будет для всех полным сюрпризом!

— Что ж, спасибо за информацию, господин мэр. Я дам ее в завтрашнем номере. — Майкл хотел проверить, не блефует ли мэр.

— Пожалуйста, будьте так добры, — ответил Алан, очень стараясь сохранять дружеский тон.

Майкл кивнул и повернулся было уходить. Но Алан не преминул добавить:

— Не забывайте, Майкл, что ваша газета получает от мэрии субсидии и за помещение вы не платите.

— Что вы хотите сказать, господин мэр?

— Что собака не кусает руку, которая ее кормит.

— Это угроза, господин мэр?

— Я бы никогда не позволил себе вам угрожать. Просто дружеский совет, вот и все.

Майкл удалился, кивнув на прощанье. Алан закрыл за ним дверь и в ярости сжал кулаки. Сзади на его плечо легла рука: Шарлотта. Она все слышала и смотрела на него с тревогой:

— Великий спектакль? О чем ты собрался объявить, дорогой?

— Если б я знал. У меня есть два дня. Если за два дня не случится чуда, объявлю о своей отставке.

— 5. Черная ночь

Среда, 9 июля — четверг, 10 июля 2014 года

Джесси Розенберг

Среда, 9 июля 2014 года, Лос-Анджелес
17 дней до открытия фестиваля

С первой полосы «Орфеа кроникл» от 9 июля 2014 года:

ЗАГАДОЧНАЯ ПЬЕСА НА ОТКРЫТИИ ТЕАТРАЛЬНОГО ФЕСТИВАЛЯ

Изменения в программе: в пятницу мэр города объявит, какой спектакль сыграют на открытии. По его словам, эта постановка обещает сделать двадцать первый фестиваль одним из самых запоминающихся за всю его историю.

Я отложил газету: самолет шел на посадку в Лос-Анджелесе. Сегодняшний номер «Орфеа кроникл» дала мне Анна, когда утром мы встретились с ней и Дерекком, чтобы в последний раз уточнить ситуацию.

— Держи, — сказала она, протягивая газету, — будет что почитать в дороге.

— Мэр либо гений, либо в дерьме по уши, — улыбнулся я, пробежав глазами первую полосу и засовывая газету в сумку.

— Склоняюсь ко второй гипотезе, — засмеялась Анна.

В Калифорнии был час дня. Я вылетел из Нью-Йорка поздним утром, но благодаря магии часовых поясов у меня, несмотря на шесть с половиной часов перелета, еще оставалось время до встречи с Кирком Харви. Я хотел провести это время с пользой и разобраться, зачем сюда приезжала Стефани. Обратный рейс был завтра после полудня, в моем распоряжении были всего сутки.

Согласно правилам, я поставил в известность о своем приезде дорожную полицию Калифорнии, тамошний аналог полиции штата. В аэропорту меня встретил полицейский, отзывавшийся на имя Круз; на время моего пребывания здесь он был направлен в мое распоряжение. Я

попросил сержанта Круза отвезти меня прямо в отель, где, судя по кредитной карте, останавливалась Стефани. Это был симпатичный «Бест Вестерн» неподалеку от бара «Белуга». Номера недешевые; в деньгах она явно не нуждалась. Кто-то ей платил. Но кто? Таинственный заказчик?

Я показал администратору на ресепшне фото Стефани, и он сразу ее узнал.

— Да, я ее хорошо помню.

— Вам запомнилось в ней что-нибудь особенное? — спросил я.

— Красивая молодая женщина, хорошо одета, как не запомнить, — ответил администратор. — Но меня особенно поразило другое: я первый раз в жизни видел живого писателя.

— Она сама так представилась?

— Да, сказала, что пишет детектив по мотивам одной реальной истории и приезжает сюда, чтобы найти ответы на свои вопросы.

Значит, Стефани в самом деле писала книгу. После увольнения из «Нью-Йорк литерари ревью» она решила осуществить свою мечту и стать писателем, но какой ценой?

Я не забронировал себе гостиницу заранее и удобства ради снял на одну ночь номер в «Бест Вестерн». Потом сержант Круз отвел меня в «Белугу». Я вошел туда ровно в 17.00. Девушка за стойкой, вытиравшая стаканы, поняла по моему поведению, что я кого-то ищу. Имя Кирка Харви вызвало у нее веселую улыбку.

— Вы актер?

— Нет.

Она пожалала плечами, словно не поверила.

— Видите, на той стороне улицы школа. Спуститесь в подвал, в актальный зал.

Я отправился в школу. Не найдя входа в подвал, я обратился к сторожу, подметавшему внутренний двор:

— Простите, где мне найти Кирка Харви?

Тот расхохотался:

— Еще один!

— Еще один кто? — спросил я.

— Ну вы ж актер?

— Нет. Почему все считают, что я актер?

Тот прямо покатился со смеху:

— Ща поймете. Видите, вон там железная дверь? Спускайтесь вниз, там увидите объявление. Не ошибетесь. Удачи!

Оставив его веселиться дальше, я последовал его указаниям. За дверь оказалась лестница, я спустился по ней и увидел тяжелую дверь, на которую была грубо наклеена скотчем громадная афиша:

ЗДЕСЬ ИДЕТ РЕПЕТИЦИЯ ПЬЕСЫ ВЕКА
«ЧЕРНАЯ НОЧЬ»

АКТЕРАМ: ПРОСЬБА ПРЕДСТАВЛЯТЬСЯ
МЭТРУ КИРКУ ХАРВИ В КОНЦЕ РЕПЕТИЦИИ.
ПОДАРКИ ПРИВЕТСТВУЮТСЯ.

*Соблюдайте тишину!
Разговаривать запрещено!*

Сердце у меня заколотилось. Я сфотографировал афишу на телефон и немедленно отослал фото Анне и Дереку. И только собирался повернуть дверную ручку, как дверь резко распахнулась. Мне пришлось отскочить, чтобы не получить по физиономии. Мимо меня пробежал на лестницу рыдающий мужчина, и я услышал, как он в бешенстве клянется сам себе: «Да никогда! Никому и никогда не позволю с собой так обращаться!»

Дверь осталась открытой, и я осторожно пробрался в темное помещение. Это был обычный школьный актовый зал, довольно большой, с высоким потолком. Ряды стульев перед маленькой сценой, залитой жарким слепящим светом прожекторов. На сцене были двое: пухлая дама и низенький господин.

Перед ними толпилась изрядная группа людей, все благоговейно внимали происходящему на сцене. В углу стоял столик с кофе, напитками, пончиками и печеньем. Я заметил полуголового человека, который, спешно дожевывая булку, натягивал на себя форму полицейского. Явно кто-то из актеров переодевается. Я подошел к нему и шепнул:

— Простите, что здесь происходит?

— Что значит «что здесь происходит»? Репетиция «Черной ночи», конечно!

— А что такое «Черная ночь»? — спросил я, недоверчиво хмыкнув.

— Пьеса. Мэтр Харви работает над ней двадцать лет. Двадцать лет репетиций! Легенда гласит, что когда пьеса будет готова, ее ждет невиданный успех.

— И когда она будет готова?

— Этого никто не знает. Пока он все еще репетирует первую сцену.

Двадцать лет на одну только первую сцену! Представляете, какого уровня будет спектакль?

Люди вокруг сердито обернулись на нас, давая понять, что разговаривать нельзя. Я подошел поближе к своему собеседнику и шепнул ему на ухо:

— Кто все эти люди?

— Актеры. Все хотят попробовать себя, получить роль в спектакле.

— В нем так много ролей? — спросил я, прикидывая на глаз количество народу.

— Нет, просто текучка большая. Из-за мэтра. Он такой требовательный...

— А где сам мэтр?

— Там, в первом ряду.

Он знаком показал мне, что разговор окончен, надо молчать. Я пробрался через толпу. Похоже, спектакль начался, тишина требовалась по ходу действия. Подойдя поближе к сцене, я увидел, что на ней лежит человек, изображающий мертвеца. К телу, на которое взирал господин в полицейской форме, приблизилась женщина.

Несколько минут царило молчание. Вдруг кто-то из собравшихся восторженно воскликнул:

— Это шедевр!

— Заткнись! — ответили ему.

Снова стало тихо. Потом включилась звукозапись, прозвучала ремарка:

Ужасное утро. Льет дождь. Движение на загородном шоссе перекрыто, возникла гигантская пробка. Отчаявшиеся водители яростно сигналият. По обочине дороги, вдоль неподвижно стоящих машин, идет молодая женщина. Подходит к заграждениям и обращается к постовому полицейскому.

Молодая женщина: Что случилось?

Полицейский: Человек погиб. Разбился на мотоцикле.

— Стоп! — заорал гнусавый голос. — Свет! Свет!

Резко включился свет. К сцене подошел какой-то мужчина в жеваном костюме, с всклокоченными волосами и с листками в руках, — Кирк Харви, постаревший на двадцать лет по сравнению с тем, каким я его видел последний раз.

— Нет, нет, нет! — ревел он, обращаясь к низенькому господину. — Что это за интонации? Убедительнее, старина! Ну, еще разок.

Низенький господин в слишком длинной форме выпятил грудь и завопил:

— *Человек погиб!*

— Да нет же, дубина стоеросовая! — взвился Кирк. — Надо просто: «Человек погиб». Что вы гавкаете, как пес? Вы же сообщаете о смерти человека, а не стадо сгоняете к пастуху. Подпустите драматизма, черт вас раздери! Зритель должен содрогнуться в кресле.

— Простите, мэтр Кирк, — заныл коротышка. — Дайте мне еще раз попробовать, ну пожалуйста!

— Ладно, но последний. Иначе вылетите ко всем чертям!

Я воспользовался паузой и подошел к Кирку Харви.

— Здравствуйте, Кирк. Я Джесси Розенберг и...

— Я что, должен вас знать, кретин? Если хотите роль, подходите после репетиции, но вам уже ничего не светит! Попрошайка!

— Я капитан Розенберг, полиция штата Нью-Йорк, — повторил я. — Мы с вами двадцать лет назад, в 1994 году, расследовали убийство четырех человек.

Его лицо внезапно прояснилось

— Ах да! Ну конечно! Леонберг! Ты совсем не изменился.

— *Розенберг.*

— Слушай, Леонберг, ты страшно не вовремя. Мешаешь мне вести репетицию. Каким ветром тебя занесло?

— Вы говорили с помощником шефа полиции Орфеа Анной Каннер. Это она меня прислала. И поскольку вы сами назначили встречу на пять часов...

— А сейчас сколько?

— Пять часов.

— Скажите пожалуйста, какая точность, ты внучок Эйхмана, что ли? Всегда делаешь то, что велят? А если я тебе велю: возьми револьвер и стреляй в моих актеров, ты будешь стрелять?

— Э-э... нет. Кирк, мне надо с вами поговорить, это важно.

— Ха, вы только послушайте его! «Важно, важно!»! Вот что я тебе скажу, мой мальчик: важно — это вот эта сцена. То, что происходит здесь и сейчас!

Повернувшись к сцене, он протянул к ней руки:

— Смотри, Леонберг!

— *Розенберг.*

— Что ты видишь?

— Помост, больше ничего.

— Закрой глаза и смотри внимательно. Здесь только что произошло убийство, но об этом еще никто не знает. Сейчас утро. Лето, но холодно. Нас поливает ледяным дождем. Чувствуется напряженность, автомобилисты вне себя, машины стоят, полиция перекрыла дорогу. В воздухе мерзкий запах выхлопов, потому что эти недоумки торчат тут добрый час, но не считают нужным выключить моторы. Моторы заглушите, придурки! И вдруг — бамс! Идет эта женщина, появляется из тумана. Спрашивает полицейского: «Что случилось?», а коп отвечает: «Человек погиб...» И сцена катится как по рельсам! Зритель подавлен. Свет! Свет! Да выключите, наконец, этот гребаный свет!

Свет в зале погас, настала благоговейная тишина; освещенной осталась только сцена.

— Валяйте, толстуха! — крикнул Харви актрисе, игравшей женщину.

Действие началось. Женщина двинулась вдоль сцены, подошла к полицейскому и произнесла свою реплику:

— Что случилось?

— Человек погиб! — надсадно завопил низенький господин в слишком длинной форме.

Харви одобрительно кивнул, и сцена пошла дальше.

Актриса изобразила на лице любопытство и хотела подойти к трупу. Но видимо, с перепугу не заметила руку человека, игравшего мертвеца, и наступила на нее.

— Ай! — взвыл мертвец. — Она мне руку отдала!

— Стоп! — заорал Харви. — Свет! Свет, черт подери!

В зале снова вспыхнул свет. Харви прыгнул на сцену. Человек, игравший мертвеца, растирал себе руку.

— Куда ты прешься, жирная корова! — кричал Харви. — Под ноги надо смотреть, дура набитая!

— Я не жирная корова, и я не дура! — разрыдалась актриса.

— А кто же ты, интересно знать? Если по-честному? Погляди на себя, какое брюхо отрастила!

— Я ухожу! — завопила женщина. — Я не позволю так со мной обращаться!

Она хотела спуститься со сцены, но в растрепанных чувствах опять наступила на мертвеца. Тот взвыл еще громче.

— Вот именно, — крикнул Харви, — вали отсюда, мерзкая корова!

Бедняжка в слезах растолкала собравшихся, протиснулась к двери и

выбежала вон. С лестницы доносились ее удаляющиеся крики. Харви со злости запустил в дверь своим лакированным ботинком. Потом обернулся, обвел взглядом молча взирающую на него толпу актеров и перестал сдерживать гнев:

— Вы все бездари! Ничего не понимаете! Уходите все! Вон отсюда! Убирайтесь! На сегодня репетиция закончена!

Актеры покорно двинулись на выход. Когда последний из них ушел, Харви запер дверь изнутри и сполз по ней на пол, испустив долгий отчаянный хрип:

— У меня никогда не получится! НИКОГДА!

Я остался в зале и теперь в некотором смущении подошел к нему.

— Кирк, — тихонько позвал я.

— Зови меня просто маэстро.

Я дружески протянул ему руку, он встал и вытер глаза рукавом черного костюма.

— Ты, случайно, не хочешь стать актером? — спросил Харви.

— Нет, спасибо, маэстро. Но мне надо задать вам несколько вопросов, если вы уделите мне пару минут.

Он повел меня выпить пива в «Белугу». Верный сержант Круз устроился за соседним столиком и от нечего делать решал кроссворды.

— Стефани Мейлер? — переспросил Харви. — Да, мы с ней здесь встречались. Она хотела со мной поговорить. Книгу писала об убийствах 1994 года. Что с ней?

— Умерла. Ее убили.

— Черт...

— Думаю, ее убили из-за того, что ей удалось обнаружить в связи с убийствами 1994 года. Что вы ей сказали?

— Что вы наверняка ошиблись с преступником.

— Значит, это вы вбили ей в голову эту мысль? Но почему вы нам ничего не сказали, когда мы вели расследование?

— Потому что я это понял задним числом.

— Вы поэтому и сбежали из Орфеа?

— Не могу тебе пока ничего сказать, Леонберг. Еще не время.

— Что значит «еще не время»?

— Потом поймешь.

— Маэстро, я четыре тысячи километров проехал, чтобы с вами повидаться.

— Не надо было тебе приезжать. Я не могу рисковать пьесой.

— Пьесой? Что значит «Черная ночь»? Это как-то связано с

событиями девяносто четвертого года? Что произошло вечером 30 июля 1994 года? Кто убил мэра и его семью? Почему вы сбежали? Что вы делаете в этом школьном подвале?

— Я тебя сейчас отвезу в одно место, и ты поймешь.

Сержант Круз отвез нас с Кирком Харви на патрульной машине на вершину одного из холмов в Голливуд-Хиллз. Перед нами простирался город.

— Зачем мы сюда приехали? — наконец спросил я.

— Думаешь, ты знаешь Лос-Анджелес, Леонберг?

— Немножко...

— Ты художник?

— Не то чтобы.

— Пффф! Значит, ты, как все *прочие*, знаешь только то, что блестит: «Шато-Мармон», «Найс Гай», Родео-драйв и Беверли-Хиллз.

— Я из простой семьи из Куинса.

— Не важно, откуда ты, люди судят тебя по тому, куда ты идешь. Что тебе суждено, Леонберг? Что для тебя искусство? На что ты готов, чтобы служить ему?

— Куда вы клоните, Кирк? Вы вещаете словно глава секты.

— Я уже двадцать лет строю эту пьесу! В ней важно каждое слово, каждая актерская пауза. Это шедевр, слышишь? Но тебе не дано понять, не дано прозреть. Твоей вины в этом нет, Леонберг, просто ты рожден идиотом.

— Может, хотя бы сейчас обойдемся без оскорблений?

Он не ответил и вновь устремил взор на бесконечные просторы Лос-Анджелеса.

— В путь! — воскликнул он вдруг. — Я покажу тебе! Я покажу тебе другой народ Лос-Анджелеса, тот, кого обманул мираж славы. Я покажу тебе город разбитой мечты, город ангелов с сожженными крыльями.

Следуя его подсказкам, сержант Круз привез нас к забегаловке с гамбургерами. Харви отправил меня внутрь, одного, чтобы я взял еды на всех. Я пошел, не вполне понимая, что все это значит. Подойдя к стойке, я узнал низенького господина в слишком длинном костюме полицейского, того самого, которого видел два часа назад.

— Добро пожаловать в «Ин-Н-Аут», что желаете заказать? — спросил он.

— Я вас только что видел, — ответил я. — Вы были на репетиции «Черной ночи»?

— Да.
— Кончилось это плохо.
— Это часто так кончается. Мэтр Харви очень требовательный.
— По-моему, он прежде всего псих ненормальный.
— Не говорите так. Он такой, какой есть. У него великие планы.
— Поставить «Черную ночь»?
— Да.
— Но что это такое?
— Это могут понять только посвященные.
— Посвященные во что?
— Я сам точно не знаю.
— Кто-то мне говорил про легенду, — не отставал я.
— Да, что «Черная ночь» будет величайшей пьесой всех времен!
Лицо его внезапно озарилось, его охватил восторг.
— Вы не могли бы дать мне почитать эту пьесу? — спросил я.
— Ее текста ни у кого нет. Есть только текст первой сцены.
— Но почему вы позволяете, чтобы с вами так обращались?
— Посмотрите на меня. Я сюда переехал тридцать лет назад. Тридцать лет я пытаюсь пробиться в актеры. Сейчас мне пятьдесят, я зарабатываю семь долларов в час, у меня нет ни пенсии, ни страховки. Снимаю каморку. Семьи у меня тоже нет. У меня ничего нет. «Черная ночь» — моя единственная надежда пробиться. Что желаете заказать?

Спустя несколько минут я вернулся к машине, груженный пакетом с гамбургерами и картошкой фри.

— Ну? — спросил он.
— Видел одного из ваших актеров.
— Знаю. Дражайший сержант Круз, а теперь поезжайте, пожалуйста, по бульвару Вествуд. Там есть модный бар под названием «Фламинго», мимо не проедете. Зайду выпью стаканчик.

Круз кивнул и повез нас дальше. Харви был несносен, но в харизме ему не откажешь. Выходя из машины у «Фламинго», я узнал одного из парковщиков: это был тот самый актер, с которым мы разговаривали у стола с кофе и пончиками. Когда мы проходили мимо, он как раз сел в шикарную машину только что приехавших клиентов.

— Занимайте столик, — сказал я Харви, — я подойду попозже.

И вскочил в машину, на пассажирское сиденье.

— Что вы делаете? — встревожился парковщик.

— Вы меня помните? — спросил я, показывая полицейский жетон. —

Мы с вами говорили на репетиции «Черной ночи».

— Помню.

Он тронулся с места и направился к большой парковке под открытым небом.

— Что такое «Черная ночь»? — спросил я.

— То, о чем говорит весь Лос-Анджелес. Те, кто примет в ней участие...

— Будут иметь невероятный успех. Я знаю. Что вы можете мне сказать такого, чего я еще не знаю?

— Про что?

Мне пришел в голову вопрос, который надо было задать еще служащему «Ин-Н-Аут»:

— Как вы думаете, Кирк Харви способен убить человека?

— Естественно, — не задумываясь, ответил тот. — Вы же его видели. Станете ему перечить, он вас прихлопнет как муху.

— Он уже прибегал к насилию?

— Вы же видели, как он орет, уже все понятно, правда?

Он запарковал машину и, выйдя из нее, направился к коллеге, который сидел за пластиковым садовым столиком и выдавал ключи от машин клиентам, вслушиваясь в радиовызовы, доносившиеся из ресторана. Тот протянул парковщику очередные ключи и указал, какую машину подавать.

— Что «Черная ночь» значит для вас? — спросил я парковщика напоследок.

— Что все поправимо, — произнес он, как будто это разумелось само собой.

Сел в черный БМВ и уехал, оставив мне больше вопросов, чем ответов.

Я дошел до «Фламинго» — он находился всего в квартале оттуда. Толкнув дверь заведения, я немедленно узнал администратора на входе: это он играл роль мертвеца. Он сопровождал меня к столику Кирка, тот уже потягивал мартини. Подошла официантка, принесла мне меню. Та самая актриса.

— Ну? — спросил Харви.

— Кто все эти люди?

— Они из множества тех, кто ждал славы и до сих пор ее ждет. Общество каждый день шлет нам месседж: слава или смерть. Они будут ждать славы, пока не подохнут, ведь в итоге эти крайности сходятся.

Тогда я спросил его без обиняков:

— Кирк, это вы убили мэра и его семейство?

Он расхохотался, залпом проглотил martini и взглянул на часы:

— Пора. Мне надо на работу. Подвези меня, Леонберг!

Сержант Круз доставил нас в Бербанк, северный пригород Лос-Анджелеса. По адресу, который назвал ему Харви, оказалась деревня из трейлеров.

— Станция Вылезайка, — вежливо сказал Харви. — Рад был тебя повидать, Леонберг.

— Вы здесь работаете? — спросил я.

— Здесь я живу. Мне надо переодеться в рабочий комбинезон.

— А кем вы работаете?

— Ночным уборщиком на студии «Юниверсал». Я такой же, как все эти люди, которых ты сегодня видел, Леонберг: меня сожрали собственные мечты. Считаю себя великим режиссером, но чищу сортиры великим режиссерам.

Итак, бывший шеф полиции Орфеа, став режиссером, прозябал в нищете в пригороде Лос-Анджелеса.

Кирк вышел из машины. Я тоже вышел, чтобы достать из багажника сумку и дать ему мою визитку.

— Очень бы хотелось встретиться с вами и завтра. Надо как-то распутывать это дело, — сказал я, роясь в своих вещах.

Кирк заметил номер «Орфеа кроникл»:

— Можно взять у тебя газету? Отвлекусь немножко в перерыве, вспомню прошлое.

— Пожалуйста. — Я протянул ему газету.

Он развернул ее и бросил взгляд на первую полосу:

ЗАГАДОЧНАЯ ПЬЕСА НА ОТКРЫТИИ ТЕАТРАЛЬНОГО ФЕСТИВАЛЯ

— Ох ты черт! — воскликнул Кирк.

— Что случилось?

— Что это за загадочная пьеса?

— Не имею понятия... Честно говоря, не знаю, знает ли это сам мэр.

— А если это знак? Знак, которого я ждал двадцать лет!

— Знак чего?

Кирк с безумными глазами схватил меня за плечи:

— Леонберг! Я хочу показать «Черную ночь» на фестивале в Орфеа!

— Что? Фестиваль через две недели. Вы репетируете двадцать лет и не продвинулись дальше первой сцены.

— Ты не понимаешь...

— Чего не понимаю?

— Леонберг, я хочу, чтобы меня включили в программу фестиваля в Орфеа. Я хочу поставить «Черную ночь». И ты получишь ответ на все свои вопросы.

— Об убийстве мэра?

— Да, ты узнаешь все. Если вы дадите мне сыграть «Черную ночь», ты узнаешь все! В вечер премьеры откроется вся правда об этом деле!

Я немедленно позвонил Анне и объяснил ситуацию:

— Харви говорит, что, если мы дадим ему сыграть пьесу, он откроет, кто убил Гордона.

— Что?! То есть он все знает?

— Он так говорит.

— Не блефует?

— Как ни странно, по-моему, нет. Он весь вечер отказывался отвечать на мои вопросы и уже уходил, но увидел первую полосу «Орфеа кроникл». Среагировал мгновенно: предложил открыть правду, если мы дадим ему сыграть его пресловутую пьесу.

— Или это он убил мэра с семейством, свихнулся и решил явиться с повинной, — сказала Анна.

— Это мне даже в голову не пришло.

— Скажи Харви, что мы согласны, — решила Анна. — Он получит то, чего хочет, я все устрою.

— Правда?

— Правда. Привези его сюда. В худшем случае арестуем его, он будет в нашей юрисдикции. Заговорит, никуда не денется.

— Отлично, — одобрил я. — Сейчас только один вопрос ему задам. Я вернулся к Кирку, ждавшему меня у своего трейлера:

— У меня на связи помощник шефа полиции Орфеа. Она подтверждает, что все в порядке.

— За лоха-то меня не держите! — завопил Харви. — С каких пор полиция составляет программу фестиваля? Я хочу собственноручное письмо от мэра Орфеа. Здесь условия диктую я.

* * *

Из-за разницы во времени на восточном побережье было уже 23.00. Но

Анне ничего не оставалось, как отправиться к Брауну домой.

Подойдя к его дому, она увидела, что на первом этаже горит свет. Кажется, ей повезло и мэр еще не лег спать.

Алан Браун в самом деле не спал. Он ходил взад-вперед по комнате, служившей ему кабинетом, и перечитывал речь, в которой объявит сотрудникам мэрии о своей отставке. Он так и не нашел, чем заменить спектакль на открытии фестиваля. Все прочие труппы были любительские, весьма посредственные, они не могли собрать полный зал Большого театра Орфеа. Мысль о том, что зал будет на три четверти пуст, была невыносима ему лично и грозила финансовыми неприятностями. Решено: завтра утром, в четверг, он соберет служащих мэрии и объявит об уходе с поста. В пятницу, как и предусмотрено, выступит перед журналистами, и новость станет официальной.

Он задыхался. Ему не хватало воздуха. Речь свою он репетировал вслух и потому не хотел открывать окно, чтобы не услышала Шарлотта: ее спальня находилась как раз у него над головой. Не выдержав, он распахнул створки большого окна, выходившего в сад; комната наполнилась теплым ночным воздухом. Запах роз успокоил его. Он стал читать снова, на сей раз шепотом:

— Дамы и господа, я собрал вас сегодня с тяжелым сердцем. Сообщаю вам, что фестиваль в Орфеа не состоится. Вы знаете, как важно для меня это мероприятие, как в личном, так и политическом плане. Я не сумел превратить фестиваль в ключевое событие, способное оживить позолоту на гербе нашего города. Я потерпел неудачу в главном проекте нынешнего срока своих полномочий. Поэтому вынужден с глубоким волнением вам сообщить, что ухожу с поста мэра города Орфеа. Я хотел, чтобы вы узнали об этом первыми. Полагаюсь на вашу сдержанность: новость не должна распространиться до пресс-конференции в пятницу.

Он чувствовал едва ли не облегчение. Он слишком уповал на себя, на Орфеа, на этот фестиваль. Этот проект он запускал, еще когда был заместителем мэра. Представлял себе, как сделает его одним из главных культурных событий штата, а затем и всей страны. Театральным «Сандэнсом».^[4] Но все это обернулось великолепным провалом.

В эту секунду раздался звонок в дверь. Кого это принесло в подобный час? Он направился к входу. Шум разбудил Шарлотту, она уже спускалась по лестнице, на ходу натягивая халат. Он посмотрел в глазок и увидел Анну в форме.

— Алан, очень прошу прощения, что беспокою вас в такое время, — сказала она. — Я бы никогда не пришла, если бы это не было так важно.

Через несколько минут они сидели на кухне у Браунов, и Шарлотта, заваривавшая чай, остолбенела, услышав имя.

— Кирк Харви? — переспросила она.

— Чего он хочет, полоумный? — спросил Алан, не скрывая раздражения.

— Он поставил спектакль и хочет сыграть его на фестивале в Орфеа. Взамен он...

Анна не успела закончить фразу. Алан вскочил со стула, его бледное лицо вдруг порозовело.

— Спектакль? Ну конечно! Как ты думаешь, он сможет собирать зал Большого театра несколько вечеров подряд?

— Вроде бы это пьеса века, — ответила Анна и показала фото афиши, прилепленной на двери репетиционного зала.

— Пьеса века! — повторил Браун. Он был готов на все, чтобы спасти свою шкуру.

— За возможность сыграть пьесу Харви поделится с нами ценной информацией об убийствах 1994 года и, возможно, об убийстве Стефани Мейлер.

— Дорогой, — ласково произнесла Шарлотта Браун, — а ты не думаешь, что...

— Я думаю, что это дар небес! — ликовал Алан.

— Он выдвигает свои требования, — предупредила Анна, разворачивая листок со своими заметками. — Хочет, чтобы ему выделили номер в лучшей гостинице города, возместили все расходы и немедленно предоставили в его распоряжение Большой театр, для репетиций. Хочет собственноручно написанный и подписанный вами договор. Поэтому я и позволила себе прийти в такое время.

— А гонорара не просит? — удивился мэр.

— Вроде нет.

— Аминь! Ничего не имею против. Давай мне свой листок, я подпишу. И скорей предупреди Харви, что он будет первым именем на афише фестиваля! Пусть завтра же самым ранним рейсом вылетает в Нью-Йорк, можешь отправить ему сообщение? Он во что бы то ни стало должен стоять рядом со мной в пятницу утром на пресс-конференции.

— Хорошо, — кивнула Анна, — я ему передам.

Браун схватил ручку, дописал внизу листка несколько слов, подтверждая свое согласие, и расписался.

— Вот, Анна. Теперь твой ход.

Анна ушла, но, когда Алан закрыл за ней дверь, не сразу спустилась с

крыльца. И слышала разговор мэра с женой.

— Ты с ума сошел, полагаться на Харви! — сказала Шарлотта.

— Дорогая, но это же неслыханная удача!

— Он вернется сюда, в Орфеа! Ты понимаешь, что это значит?

— Это значит, что он спасет мою карьеру, — ответил Браун.

* * *

Наконец у меня зазвонил телефон.

— Джесси, мэр согласен, — сказала Анна. — Он подписал требования Харви. Хочет, чтобы вы были в Орфеа в пятницу утром на пресс-конференции.

Я передал ее слова Харви, и тот немедленно возбудился:

— О черт, да! Да! — заорал он. — Пресс-конференция и все такое! Я могу взглянуть на подписанное письмо? Хочу убедиться, что вы не пудрите мне мозги.

— Все в порядке, — заверил я Харви. — Письмо у Анны.

— Так пусть пошлет факс! — воскликнул он.

— Факс? Харви, у кого еще сейчас остались факсы?

— Сами разбирайтесь, я звезда!

Терпение у меня было на пределе, но я старался держать себя в руках. Кирк мог обладать решающей информацией. В полиции Орфеа был факс, и Анна предложила послать письмо в кабинет сержанта Круза, там тоже должен был быть факс.

Спустя полчаса Харви, стоя в кабинете отдела дорожной полиции Калифорнии, гордо читал и перечитывал факс.

— Чудесно! — воскликнул он. — «Черная ночь» наконец увидит свет рампы!

— Харви, — произнес я, — вы получили гарантии того, что вашу пьесу сыграют в Орфеа. Теперь вы наконец можете сказать, что вам известно об убийстве четырех человек в 1994 году?

— Вы все узнаете в вечер премьеры, Леонберг!

— Премьера двадцать шестого июля, мы не можем столько ждать. От вас зависит ход полицейского расследования.

— До двадцать шестого числа не скажу ни слова.

Внутри у меня все кипело.

— Харви, я требую, что вы сказали все, и немедленно. Или я выкину

вашу пьесу из программы.

Он презрительно воззрился на меня:

— Закрой рот, Леонхрен! Ты осмеливаешься мне угрожать? Я великий режиссер! Если захочу, ты у меня ботинки будешь лизать!

Это было уже слишком. Я вспыхнул, схватил Харви за шиворот и припер к стене.

— Говорите! — заорал я. — Говорите, или я вам все зубы вышибу! Я хочу знать, что вам известно! Кто убил семью Гордонов?

Харви звал на помощь, прибежал сержант Круз и растащил нас.

— Я подам в суд на этого человека! — заявил Харви.

— Из-за вас погибли невинные люди, Харви! Пока вы не заговорите, я вас не выпущу.

Сержант Круз вывел меня из комнаты, чтобы я утомился, и я в бешенстве бросился на улицу. Поймал такси, добрался до деревни трейлеров, где жил Кирк Харви. Спросил, где его прицеп, высадил дверь ногой и стал обшаривать все внутри. Если ответ содержится в пьесе Кирка, нужно просто ее найти. Мне все время попадались какие-то бесполезные бумаги, но потом я обнаружил в глубине ящика картонную папку с логотипом полиции Орфеа. Внутри лежали полицейские фотографии тел семейства Гордонов и Меган Пейделин. То самое досье расследования 1994 года, которое исчезло из архива.

И тут я услышал крик. Это был Кирк Харви.

— Ты что тут делаешь, Леонберг? — орал он. — Вон отсюда немедленно!

Я накинулся на него, мы сцепились в клубах пыли. Я несколько раз ударил его в живот и по лицу.

— Погибли люди, Харви! Понимаете? Я потерял в этом деле самое дорогое, что у меня было! А вы двадцать лет держали язык за зубами? Так говорите сейчас!

Последним ударом я сбил его с ног и стал лупить ботинком под ребра.

— Кто стоит за этим делом?

— Не знаю! — простонал Харви. — Я ничего не знаю! Я сам себе уже двадцать лет задаю этот вопрос.

Обитатели трейлеров вызвали полицию, примчалось несколько патрулей с воющими сиренами. Полицейские бросились ко мне, прижали к капоту машины и без церемоний надели наручники.

Я смотрел на Харви, дрожащего, скорчившегося на земле. Что на меня нашло? Зачем я его избил? Я не узнавал сам себя. Нервы на пределе. Это расследование меня доконало. Демоны прошлого снова подняли голову.

Дерек Скотт

Последние дни августа 1994 года. С момента убийства прошел месяц. Петля на горле Теда Тенненбаума сжималась: к нашим с Джесси прежним подозрениям теперь добавилось предположение, что мэр шантажировал его остановкой работ в кафе «Афина».

Несмотря на то что списания средств со счета Тенненбаума и зачисления мэра Гордона совпадали и по суммам, и по датам, считать их доказательствами было нельзя. Мы хотели допросить Тенненбаума относительно этих денег, но так, чтобы не оступиться. Поэтому мы официально вызвали его повесткой в окружное отделение полиции штата. Как мы и ожидали, он явился со своим адвокатом Робинот Старром.

— Считаете, мэр Гордон взял меня за яйца? — засмеялся Тенненбаум. — Большого бреда не могли придумать, сержант?

— Мистер Тенненбаум, — возразил я, — за один и тот же период одна и та же сумма, плюс-минус несколько тысяч долларов, была списана с вашего счета и зачислена на счет мэра.

— Видите ли, сержант, каждый день миллионы американцев, сами того не ведая, совершают аналогичные операции, — заметил Робин Старр.

— На что пошли эти деньги, мистер Тенненбаум? — спросил Джесси. — Это все-таки не пустяки, полмиллиона долларов. И нам известно, что работы в ресторане оплачивались не из них, это другой счет, и мы получили к нему доступ.

— Доступ вы получили только благодаря доброй воле моего клиента, — напомнил нам Старр. — На что мистер Тенненбаум тратит свои деньги, никого не касается.

— Почему бы вам просто не сказать, как вы потратили эту сумму, мистер Тенненбаум, раз вам нечего скрывать?

— Люблю ходить по ресторанам, вкусно обедать, люблю жить на широкую ногу. И никому не собираюсь давать отчет, — заявил Тенненбаум.

— У вас сохранились чеки, подтверждающие ваши слова?

— А если я содержал подружек направо и налево? — с насмешкой отозвался он. — Девушки такого сорта чеков не выписывают. Довольно шуток, господа, эти деньги абсолютно легальны, я их унаследовал от отца. И делаю с ними, что хочу.

Тут с Тенненбаумом спорить было трудно, и мы понимали, что больше ничего из него не вытянем.

Майор Маккенна указал нам с Джесси, что в нашем распоряжении целый ворох улик против Тенненбаума, но не хватает главной, такой, чтобы

его добила: «До сих пор Тенненбауму не надо было опровергать доказательства. Вы не можете доказать, что его фургон стоял на улице, не можете доказать факт шантажа. Найдите что-нибудь такое, чтобы Тенненбауму пришлось доказывать обратное».

Мы заново пересмотрели все расследование с самого начала: наверняка где-то есть изъян, надо только его найти. Мы сидели в Наташиной гостиной, совершенно преобразившейся в ходе расследования, и снова и снова рассматривали варианты. Все следы вели к Тенненбауму.

Обедали мы то в «Афине», то в «Маленькой России». Замыслы Дарлы и Наташи осуществлялись полным ходом. Обе целыми днями хлопотали у плиты, опробовали разные рецепты и потом записывали их в большую красную книгу для будущего меню. Лучше всех устроились мы с Джесси: всякий раз, когда мы являлись к ним домой, хоть днем, хоть ночью, на кухне что-нибудь происходило. Впрочем, однажды случился небольшой дипломатический казус. Я упомянул те самые Наташины сэндвичи:

— Успокойте меня, пожалуйста, скажите, что вы собираетесь включить в меню те невероятные сэндвичи с мясом на гриле.

— Ты их пробовал? — возмутилась Дарла.

Я понял, что прокололся. Наташа попыталась поправить дело:

— Когда они на той неделе летали в Монтану, я давала сэндвичи Джесси, чтобы он перекусил в самолете.

— Мы же договаривались, что все будем давать им на пробу вместе, вдвоем, и смотреть на реакцию, — сетовала Дарла.

— Прости, — извинилась Наташа, — мне их стало жалко: рейс на рассвете, лететь через всю страну.

Я думал, что инцидент исчерпан. Но несколько дней спустя, когда мы с Дарлой были одни, она снова о нем заговорила:

— Знаешь, Дерек, я в себя прийти не могу. Как Наташа могла так поступить?

— Ты опять про эти несчастные сэндвичи? — спросил я.

— Ну да. Для тебя это, наверно, пустяки, но, когда между партнерами нет доверия, дело не пойдет.

— По-моему, ты слегка преувеличиваешь, Дарла.

— Ты за кого, Дерек? За меня или за нее?

Думаю, Дарла немножко завидовала Наташе, хотя сама не была обделена ни в чем. Но по-моему, Наташе рано или поздно начинали завидовать все девушки: она была умнее, естественнее, красивее. Когда она входила в комнату, все смотрели только на нее.

Что до расследования, то мы с Джесси сосредоточились на поиске доказательств. Особенно нас интересовал один факт: отсутствовал ли Тенненбаум в Большом театре хотя бы двадцать минут. Он уверял, что никуда не выходил. Значит, мы должны были доказать, что он лжет. Тут у нас еще оставалось пространство для маневра. Волонтеров мы опросили всех, но не смогли поговорить с труппой, которая играла на открытии: ведь Тенненбаума мы стали подозревать после окончания фестиваля.

Труппа была из университета Олбани и, к несчастью, за это время распалась. Большинство участвовавших в ней студентов окончили университет и разъехались по всей стране. Чтобы выгадать время, мы с Джесси решили сосредоточиться на тех, кто еще жил в штате Нью-Йорк, и поделили работу пополам.

Джекпот сорвал Джесси. Он поехал допрашивать Базза Ленарда, режиссера труппы, оставшегося в университете Олбани.

Стоило Джесси упомянуть Теда Тенненбаума, как Базз Ленард взорвался:

— Не заметил ли я чего-то необычного в поведении пожарного, который дежурил на премьере? Еще бы не заметить, ему было пофиг. Около семи в одной гримерке случилось ЧП, фен загорелся. А этого типа где-то носило, пришлось мне выкручиваться самому. Хорошо еще, огнетушитель был.

— Значит, вы утверждаете, что в девятнадцать ноль-ноль пожарный на месте отсутствовал?

— Да, утверждаю. На мои крики тогда прибежали другие актеры, из соседней гримерки. Они вам подтвердят. А пожарному вашему я высказал все, что про него думаю, когда он волшебным образом материализовался ровно в девятнадцать тридцать.

— Значит, пожарного не было на месте полчаса? — еще раз уточнил Джесси.

— Именно так, — подтвердил Базз Ленард.

Джесси Розенберг

Четверг, 10 июля 2014 года

16 дней до открытия фестиваля

Ночь я провел в камере, на рассвете меня выпустили и отвели в какой-то кабинет. На столе лежала снятая телефонная трубка. На том конце провода ждал майор Маккенна.

— Джесси, — заорал он, — ты совсем спятил! Ты зачем избил этого бедолагу, да еще и прицеп ему разнес?

— Простите, майор. Он говорил, что у него важная информация об убийствах 1994 года.

— Мне плевать на твои извинения, Джесси! Ты слетел с катушек, этому нет оправдания. Или ты вообще не в том психическом состоянии, чтобы дальше заниматься этим делом.

— Я возьму себя в руки, майор. Обещаю.

Майор тяжело вздохнул. Потом голос его внезапно смягчился:

— Послушай, Джесси. Я даже не представляю, каково тебе сейчас заново переживать все, что случилось в девяносто четвертом. Но тебе нельзя терять над собой контроль. Мне пришлось задействовать все связи, чтобы вытащить тебя оттуда.

— Спасибо, майор.

— Этот Харви не станет подавать в суд, если ты обещаешь впредь не подходить к нему близко.

— Отлично, майор.

— А теперь ищи ближайший нью-йоркский рейс и немедленно возвращайся. Тебе еще дело закрывать.

Пока я летел из Калифорнии в Орфеа, Анна с Дерекком отправились к Баззу Ленарду, постановщику спектакля, которым открывался фестиваль. Теперь он жил в Нью-Джерси, преподавал в школе актерское мастерство.

По дороге Дерек в общих чертах обрисовал Анне ситуацию:

— В 1994 году против Тенненбаума было две главных улики: денежные переводы, но теперь мы знаем, что они шли не от него, и его отсутствие на месте в момент, когда за кулисами Большого театра начался пожар. Причем решающее значение имел тот факт, что он мог отлучиться. Одна тогдашняя свидетельница, Лина Беллами, которая жила в нескольких домах от Гордонов, утверждала, что в момент выстрелов видела на улице фургон Тенненбаума, а Тед утверждал, что все время был в театре, дежурил там как пожарный. То есть слово Беллами против слова Тенненбаума. Но тут Базз Ленард, режиссер, заявил, что перед началом спектакля в одной из гримерок загорелся фен, а Тенненбаума не могли найти.

— То есть Тенненбаума не было в Большом театре, потому что он сел в свой фургон и поехал расстреливать мэра Гордона с семейством, — подытожила Анна.

— Именно.

Баззу Ленарду стукнуло шестьдесят, он облысел. Принимал он их в

гостиной, где красовалась под стеклом афиша спектакля 1994 года.

— «Дядя Ваня», которого мы в том году сыграли на фестивале в Орфеа, запомнился всем. Не забывайте, мы были всего лишь университетской труппой. Фестиваль делал первые шаги, мэрия Орфеа и не надеялась привлечь к участию профессионалов. Но мы показали публике блестящий спектакль. Все десять вечеров подряд в Большом театре яблоку негде было упасть, критики были в восторге. Настоящий триумф. Все считали, что после такого успеха наши актеры сделают карьеру.

Базз Ленард буквально светился, видно было, что воспоминания о тех временах доставляют ему удовольствие. Убийство четырех человек было для него каким-то пустяком, не имевшим особого значения.

— И как? — с любопытством спросил Дерек. — Другие члены труппы тоже сделали карьеру в театре, как и вы?

— Нет, никто не пошел по этой части. Осуждать я их не могу, театральная жизнь очень непростая. Уж я-то знаю: метил на Бродвей, а приземлился в частной школе в пригороде. Но одна из студенток могла стать настоящей звездой — Шарлотта Кэрелл, она играла роль Елены, жены профессора Серебрякова. Играла просто невероятно, все только на нее и смотрели. Такое простодушие, такая отрешенность... Она была лучше всех. В ней была непритворная сила. Если честно, именно ей мы обязаны успехом спектакля на фестивале. Мы все мизинца ее не стоили.

— Почему она не стала актрисой?

— Для нее это было не важно. Она заканчивала университет, училась на ветеринара. До меня доходили слухи, что она открыла ветеринарную клинику в Орфеа.

— Погодите, — вдруг сообразила Анна, — Шарлотта, про которую вы говорите, — это же Шарлотта Браун, жена мэра Орфеа?

— Ну да, совершенно верно, — кивнул Базз Ленард. — Благодаря спектаклю они и познакомились. Любовь с первого взгляда. Великолепная пара. Я был у них на свадьбе, но со временем мы перестали общаться. Жаль.

— Значит, в девяносто четвертом году прелестной подружкой Кирка Харви была Шарлотта, будущая жена мэра? — подхватил Дерек.

— Да, конечно, сержант. Вы не знали?

— Понятия не имел, — отозвался Дерек.

— Знаете, этот Кирк Харви был круглый идиот: кичливый коп и паршивый актер. Хотел быть драматургом и режиссером, но таланта у него не было ни на грош.

— Но, говорят, его первая пьеса все-таки имела некоторый успех.

— Она имела успех по одной-единственной причине: в ней играла Шарлотта. Она ее и спасла. Сама по себе пьеса была бездарная. Но Шарлотта могла вам читать со сцены телефонный справочник, и вы падали в обморок — до чего прекрасно! Вообще я никогда не понимал, как ее угораздило связаться с таким типом, как Харви. Какая-то необъяснимая загадка жизни. Кто из нас не встречал невероятных, возвышенных девушек, которые влюблялись в тупых уродов? Короче, этот дебил даже не сумел ее удержать.

— Они долго были вместе?

— По-моему, около года, — ответил, подумав, Базз Ленард. — Харви бегал по лучшим нью-йоркским театрам, Шарлотта тоже. Так и познакомились. Она сыграла в этой его пресловутой первой пьесе, и успех окрылил Харви. Дело было весной 1993 года. Я помню, потому что мы как раз начинали готовить «Дядю Ваню». А тот раздухарился, решил, что он гений, и тоже написал пьесу. Когда заговорили о том, что в Орфеа будет театральный фестиваль, он не сомневался, что для главного спектакля возьмут его пьесу. Но пьеса была вообще никакая, я читал. Параллельно я предложил оргкомитету фестиваля нашего «Дядю Ваню», и после нескольких прослушиваний выбрали нас.

— Харви, наверно, страшно бесился!

— О да! Говорил, что я его предал, что без него мне бы и в голову не пришло предлагать спектакль на фестиваль. Что было чистой правдой. Но его пьесу не стали бы играть в любом случае. Лично мэр воспротивился.

— Мэр Гордон?

— Да. Он однажды попросил меня зайти к нему в кабинет, и я слышал обрывок разговора. Где-то в середине июня. Я пришел заранее, ждал под дверью. Вдруг дверь открылась — Гордон выгнал Харви. Сказал: «У вас не пьеса, а черт знает что, Харви. Я никогда не позволю играть ее в моем городе! Только через мой труп! Вы позорите Орфеа». И на глазах у всех порвал текст пьесы, который ему дал Харви.

— Гордон так и сказал «только через мой труп»? — переспросил Дерек.

— Этими самыми словами, — подтвердил Базз Ленард. — Поэтому, когда его убили, вся труппа задавалась вопросом, не замешан ли тут Харви. В довершение всего на следующий день после смерти мэра Харви прорвался на сцену Большого театра — во втором отделении, после нашего спектакля. Читал какой-то кошмарный монолог.

— Кто ему позволил? — поинтересовался Дерек.

— Он просто воспользовался неразберихой после этих четырех

убийств. Всем направо и налево рассказывал, что договорился с Гордоном, и организаторы его пустили.

— Почему вы никогда не говорили полиции о разговоре мэра с Кирком Харви?

— А зачем? — поморщился Базз. — Было бы его слово против моего. Да и плохо я представляю, чтобы этот тип мог расстрелять целую семью, честно говоря. Он был такое ничтожество, просто смешно. Когда кончался «Дядя Ваня», зрители вставали и начинали выходить из зала, а он кидался на сцену и орал: «Внимание! Спектакль не окончен! А теперь слушайте „Я, Кирк Харви“, автор и исполнитель — знаменитый Кирк Харви!»

Анна невольно прыснула:

— Вы шутите?

— Какие уж тут шутки, — отозвался Базз Ленард. — Тут же заводил свой монолог, до сих пор помню начало: «Я, Кирк Харви, человек без пьесы!» Что он дальше завывал, я забыл, но помню, мы все выскакивали из-за кулис в зал, на балкон, посмотреть, как он глотку дерет. До самого конца продержался. Зрителей уже никого, а он невозмутимо продолжает перед уборщиками да рабочими сцены. Дочитывал, спускался со сцены и удалялся; никто не обращал на него никакого внимания. Бывало, уборщики заканчивали работу быстрее и последний, уходя, прерывал декламацию Харви прямо посреди фразы. Говорил: «Хватит уже, мистер Харви, мы закрываем зал, пора уходить». И свет сразу гасили. А куда Харви там унижался в одиночку, Алан Браун приходил к нам на балкон и ухаживал за Шарлоттой, сидевшей с ним рядом. Простите, а почему вас это все интересует? Вы мне сказали по телефону, что хотите спросить про один инцидент?

— Совершенно верно, мистер Ленард, — ответил Дерек. — Нас в первую очередь интересует фен, который загорелся в одной из примерок перед началом «Дяди Вани».

— А, да, помню. Ко мне тогда приезжал инспектор полиции, спрашивал, не было ли чего необычного в поведении дежурного пожарного.

— Это был мой тогдашний коллега Джесси Розенберг, — уточнил Дерек.

— Да, верно. Его звали Розенберг. Я сказал, что пожарный, по-моему, нервничал, а главное, фен загорелся около семи часов вечера, а пожарный, как ни странно, куда-то пропал. К счастью, кто-то из актеров отыскал огнетушитель и успел справиться с огнем, пока вся примерка не загорелась. Могла бы быть настоящая катастрофа.

— В тогдашнем рапорте написано, что пожарный появился только около девятнадцати тридцати, — сказал Дерек.

— Да, насколько я помню. Но если вы читали мои показания, зачем вы приехали? Двадцать лет прошло... Думаете, я за это время еще что-то вспомнил?

— В рапорте сказано, что вы находились в коридоре, увидели, что из-под двери гримерки идет дым, и стали звать дежурного пожарного, но его нигде не было.

— Точно, — подтвердил Базз Ленард. — Я открыл дверь, увидел этот фен, он дымился, и на нем уже был огонь. Все очень быстро случилось.

— Это я прекрасно понимаю, — сказал Дерек. — Но, когда я перечитывал ваши показания, меня поразило другое: почему человек, находившийся в гримерке, сам не среагировал на начинающийся пожар.

— Потому что в гримерке никого не было, — вдруг сообразил Базз. — Она была пустая.

— Но фен был включен?

— Да, — в смятении подтвердил Базз Ленард. — Не понимаю, почему я не обратил внимания на эту деталь... Я так заикнулся на пожаре...

— Бывает, что-то лежит прямо перед глазами, а никто не видит, — произнесла Анна, припомнив мрачную фразу, произнесенную Стефани.

— Скажите, Базз, чья это была гримерка? — продолжал Дерек.

— Шарлотты Браун, — не задумываясь, ответил режиссер.

— Почему вы так уверены?

— Потому что тот неисправный фен был ее. Я хорошо помню. Она еще говорила, что если слишком долго им пользоваться, он нагревается и начинает дымить.

— И она его специально перегрела? — удивился Дерек. — Зачем?

— Нет-нет, — сказал Базз Ленард, собираясь с мыслями. — В тот вечер просто электричество вырубилось. Пробки не выдержали напряжения. Было около семи. Это я запомнил, потому что паниковал: до начала спектакля всего час, а электрики никак не могут справиться с пробками. Это продолжалось довольно долго, но в конце концов свет дали, а вскоре после этого как раз и случился пожар.

— Значит, Шарлотта вышла из гримерки, пока не было света, — заключила Анна. — Фен был в розетке и включился в ее отсутствие.

— Но если ее не было в гримерке, то где она была? — задумался Дерек. — Где-то в театре?

— Если бы она была за кулисами, то точно прибежала бы на всю эту бучу вокруг пожара, — заметил Базз Ленард. — Такой крик стоял,

суматоха! Но, насколько я помню, она ко мне подошла минимум через полчаса, пожаловалась, что ее фен пропал. Это я могу утверждать наверняка: я был в ужасе, занавес вот-вот поднимется, а мы не готовы. Уже официальная часть началась, мы не могли себе позволить никаких задержек. Шарлотта заявила ко мне в гримерку и сказала, что кто-то взял ее фен. Я тогда страшно разозлился: «Сгорел твой фен, он на помойке! Ты почему до сих пор не причесана? А туфли почему мокрые?» Помню, она была в мокрых сценических туфлях. Как будто по щиколотку в воде ходила. За полчаса до выхода на сцену! Кошмар!

— У нее промокли туфли? — переспросил Дерек.

— Ну да. Я все эти подробности прекрасно помню, потому что тогда боялся, что мы спектакль запорем. Пробки вылетели, пожар еле потушили, главная героиня не готова, да еще и нарисовалась в мокрых туфлях. Хорошенький триумф нас ждет!

— Но дальше спектакль шел нормально?

— Абсолютно.

— Когда вы узнали, что мэра Гордона и его семью убили?

— В антракте ходили какие-то слухи, но мы не особо обратили внимание. Я хотел, чтобы актеры полностью сосредоточились на пьесе. Во втором акте оказалось, что несколько человек ушли из зала, в том числе мэр Браун. Его я заметил, он сидел в первом ряду.

— В какой момент исчез мэр?

— Вот этого сказать не могу. Но у меня есть кассета с записью спектакля, может, она вам чем-то поможет?

Базз Ленард подошел к книжному шкафу, порылся в куче какого-то барахла и вытащил старую кассету VHS.

— Мы записали премьеру на видео, на память. Качество так себе, техника тогда была не такая, как сейчас, но атмосферу, наверно, почувствуете. Только верните мне ее, пожалуйста, она мне дорога.

— Разумеется, — заверил его Дерек. — Спасибо, мистер Ленард, вы нам очень помогли.

Когда они выходили из дома Базза Ленарда, вид у Дерекы был очень озабоченный.

— Что стряслось, Дерек? — спросила Анна, садясь в машину.

— Странная эта история с туфлями. Помню, в вечер убийства у Гордона прорвало трубу автополива, газон перед домом был затоплен.

— Думаешь, Шарлотта как-то в этом замешана?

— Мы теперь знаем, что ее не было в Большом театре в момент

убийства. Если она выходила на полчаса, времени дойти до квартала Пенфилд и вернуться у нее было с лихвой, причем все считали, что она в примерке. Я все думаю про ту фразу Стефани Мейлер: что-то было у нас перед глазами, а мы не увидели. А если в тот вечер, пока мы оцепляли квартал Пенфилд и перекрывали все окрестные дороги, убийца стоял на сцене Большого театра, на глазах у сотен зрителей, служивших ему алиби?

— Дерек, по-твоему, эта кассета поможет нам в чем-то разобраться?

— Надеюсь, Анна. Если там видно публику, возможно, мы заметим какую-нибудь мелочь, которая от нас ускользнула. Честно говоря, когда мы вели расследование, нас не слишком интересовало, что происходило во время спектакля. Сейчас мы возвращаемся к этому только из-за Стефани Мейлер.

* * *

В этот самый момент Алан Браун в своем кабинете в мэрии раздраженно слушал своего заместителя Питера Фрогга.

— Так ваш фестивальный джокер — это Кирк Харви? — недоумевал тот. — Бывший шеф полиции? Может, вам напомнить, как он выступал со своим «Я, Кирк Харви»?

— Не стоит, Питер. Но его новая пьеса, похоже, блестящая.

— Да откуда вы знаете? Вы же ее в глаза не видели! Обещать в прессе «сенсационный спектакль» — чистейшее безумие!

— А что мне было делать? Майкл меня подставил, надо было как-то выкручиваться. Питер, мы с тобой работаем уже двадцать лет, я хоть раз давал тебе повод во мне сомневаться?

Дверь кабинета приоткрылась, в щель робко просунулась голова секретарши.

— Я же просил меня не беспокоить! — рявкнул Браун.

— Знаю, господин мэр. Но у вас неожиданный посетитель: Мита Островски, великий критик.

— Этого еще не хватало! — ужаснулся Питер Фрогг.

Через пару минут Островски, лучезарно улыбаясь, сидел в кресле напротив мэра. Как хорошо, что он уехал из Нью-Йорка в этот прелестный городок, здесь его ценят по заслугам. Однако первый же вопрос мэра его изрядно задел:

— Не совсем понял, мистер Островски, что вы делаете в Орфеа?

— Как? Я был очарован вашим радушным приглашением и прибыл на ваш знаменитый театральный фестиваль.

— А вам известно, что фестиваль начнется только через две недели?

— Конечно.

— Тогда зачем?

— Что зачем?

— Зачем вы приехали? — Мэр начал терять терпение.

— Как зачем я приехал? Выражайтесь яснее, старина, что вы из меня душу тянете?

Питер Фрогг, видя, что патрон злится, вмешался в разговор:

— Мэр хочет знать, каковы причины вашего, так сказать, преждевременного визита в Орфеа.

— Причины моего визита? Но вы же сами меня позвали. А когда я наконец приезжаю, полный дружества и радости, вы меня спрашиваете, что я здесь делаю? Я правильно понимаю, что у вас легкое обострение нарциссизма? Как хотите, могу вернуться в Нью-Йорк. И всем расскажу, что на плодородной земле Орфеа пышно расцветает наглость и демагогия!

Внезапно Брауну пришла в голову мысль.

— Никуда не уезжайте, мистер Островски! Кажется, вы-то мне и нужны.

— Ах, вот видите, как я вовремя!

— Завтра, в пятницу, у меня пресс-конференция, я должен объявить, каким спектаклем откроется фестиваль. Это будет предпреьера пьесы мирового масштаба. Мне нужно, чтобы вы были рядом и подтвердили, что это самая невероятная пьеса, какую вам приходилось видеть за всю вашу жизнь.

Островски в изумлении воззрился на мэра:

— Вы хотите, чтобы я беззастенчиво лгал журналистам и расхваливал пьесу, которую в глаза не видел?

— Именно так, — подтвердил мэр. — Взамен я с сегодняшнего вечера поселю вас в люксе «Палас дю Лак», будете там жить до конца фестиваля.

— По рукам, старина! — в восторге воскликнул Островски. — За номер люкс обещаю превознести ее до небес!

Когда Островски ушел, Браун поручил Питеру Фроггу поселить критика в гостиницу.

— Люкс в «Паласе» на три недели? — ошалел тот. — Алан, вы шутите? Это же целое состояние.

— Не бери в голову, Питер. Найдем, как свести концы с концами. Если фестиваль пройдет успешно, меня выберут снова и горожанам будет без

разницы, уложились мы в смету или нет. В крайнем случае сократим расходы на следующий год.

* * *

В Нью-Йорке, в квартире Райсов, Дакота лежала на кровати и молча плакала, глядя в потолок спальни. Ее наконец выписали из Маунт-Синая, и она вернулась домой.

Она не помнила, что делала после субботнего побега из дома. Кажется, была на какой-то вечеринке с Лейлой, нагрузилась там кетамином и алкоголем, потом где-то бродила, места незнакомые, какой-то клуб, чья-то квартира, целовалась с каким-то мальчиком, и с девочкой тоже. Помнила, что оказалась на крыше дома с бутылкой водки, выпила ее всю, подошла к краю и стала смотреть на людную улицу внизу, чувствуя, как ее неумолимо влечет пустота. Хотела спрыгнуть. Посмотреть, что будет. Но не спрыгнула. Может, потому она и напивалась. Чтобы набраться храбрости и однажды это сделать. Исчезнуть. Успокоиться. Полицейские разбудили ее на какой-то улочке, она спала, одежда на ней превратилась в лохмотья. Судя по заключению гинеколога в больнице, ее не изнасиловали.

Она не сводила глаз с потолка. Крупная слеза поползла по щеке к складкам губ. Как она могла до такого докатиться? Когда-то она хорошо училась, была одаренной, честолюбивой девочкой, ее все любили. Все при ней. Легкая жизнь, никаких подводных камней, родители во всем ее поддерживали. Получала все, что захочет. А потом появилась Тара Скалини и случилась трагедия. С тех пор она себя ненавидела. Ей хотелось себя уничтожить. Сдохнуть наконец раз и навсегда. Хотелось расцарапать себя до крови, чтобы было больно, чтобы все увидели рубцы и поняли, как она себя ненавидит и как страдает.

Джерри, ее отец, стоял под дверью и слушал. Из спальни не доносилось даже дыхания. Он приоткрыл дверь. Она тут же закрыла глаза и притворилась спящей. Он неслышно подошел по толстому ковру к кровати, увидел ее опущенные веки и вышел из комнаты. На другом конце огромной квартиры, на кухне, его ждала Синтия. Она сидела у стойки на барном стуле.

— Ну что?

— Спит.

Он налил себе воды и облокотился на стойку, напротив жены.

— Что будем делать? — горько спросила Синтия.

— Не знаю, — вздохнул Джерри. — Иногда мне кажется, что уже ничего не поделаешь. Безнадежно.

— Джерри, я тебя не узнаю. Ее же могли изнасиловать! Когда ты так говоришь, мне кажется, что ты отказался от собственной дочери.

— Синтия, мы перепробовали всякие индивидуальные терапии, семейные терапии, бегали по гуру, гипнотизерам, по всем врачам, какие есть, по всем! Она дважды проходила курс детоксикации, оба раза это кончалось катастрофой. Я не узнаю свою дочь. Что ты хочешь, чтобы я сказал?

— Но ты же не пытался, Джерри!

— Ты про что?

— Да, ты отправлял ее ко всем врачам, какие есть, иногда даже сам с ней ездил, но ты сам не пытался ей помочь!

— Но что я могу сделать такого, чего не могут врачи?

— Что еще ты можешь сделать? Но ты же ее отец, черт возьми! И когда-то у вас все было иначе. Ты забыл, как вы всегда были заодно?

— Ты прекрасно знаешь, что с тех пор случилось, Синтия!

— Знаю, Джерри! Вот именно: ты должен вернуть ее к жизни. Только ты можешь это сделать.

— А эту умершую девочку? — вспыхнул Джерри. — Ее тоже можно вернуть к жизни?

— Хватит, Джерри! Прошлого не вернуть. Ни тебе, ни мне, никому. Пожалуйста, увези отсюда Дакоту, спаси ее. Нью-Йорк ее убивает.

— Куда я ее увезу?

— Туда, где мы были счастливы. Увези ее в Орфеа. Дакоте нужен отец. А не родители, которые целый день орут друг на друга.

— Орут, потому что...

Джерри повысил голос, и жена тут же нежно приложила к его губам палец, чтобы он замолчал.

— Спаси нашу дочь, Джерри. Только ты можешь это сделать. Ей надо уехать из Нью-Йорка, увези ее подальше от ее призраков. Уезжай, Джерри, умоляю. Уезжай и верни ее мне. Я хочу снова иметь мужа, снова иметь дочь. Я хочу снова иметь семью.

Она разрыдалась. Джерри с решительным видом кивнул, она убрала палец с его губ, и он твердым шагом направился к комнате дочери. Резко распахнул дверь и раздернул шторы.

— Эй, ты чего делаешь? — Дакота негодуя села в кровати.

— То, что должен был сделать уже давно.

Он выдвинул один ящик, потом другой и стал бесцеремонно в них шарить. Дакота соскочила с постели.

— Прекрати! Папа, прекрати! Доктор Лерн сказал...

Она хотела заслонить собой ящик, но Джерри с силой отстранил ее. Она удивилась.

— Доктор Лерн сказал, что тебе пора прекращать себя гробить! — гаркнул Джерри, доставая из ящика пакетик с белым порошком.

— Не трогай! — закричала она.

— Это что такое? Опять твой долбаный кетамин?

Не дожидаясь ответа, он направился в ванную, смежную со спальней.

— Кончай! Перестань! — Дакота пыталась выхватить у отца пакетик, но тот был сильнее и удерживал ее на расстоянии.

— Ты чего добиваешься? — спросил он, поднимая крышку унитаза. — Сдохнуть хочешь? В тюрьму сесть?

— Не надо! — взмолилась она и расплакалась то ли от злости, то ли от горя.

Он вытряхнул порошок в унитаз и немедленно спустил воду на глазах беспомощной дочери.

— Да, ты прав, сдохнуть хочу, чтобы больше тебя не видеть! — вопила Дакота.

Отец грустно посмотрел на нее и на удивление спокойно произнес:

— Собирайся, мы завтра рано утром уезжаем.

— Что? Что значит «мы уезжаем»? Я никуда не еду, — заявила она.

— Тебя никто не спрашивает.

— Можно узнать, куда мы едем?

— В Орфеа.

— В Орфеа? Какая муха тебя укусила? Ноги моей там больше не будет! И вообще, представь себе, я уже все обдумала, у меня есть план. У одного приятеля Лейлы есть дом в Монтоке, и...

— Про Монток забудь. Твои планы изменились.

— Что? — взвыла Дакота. — Нет, ты не можешь со мной так поступить! Я уже не ребенок, я буду делать что хочу!

— Нет, ты не будешь делать что хочешь. Я и так слишком долго тебе позволял делать все, что ты хочешь.

— Уходи отсюда, оставь меня в покое!

— Дакота, я тебя не узнаю...

— Я взрослая, я уже не маленькая девочка, которая ела хлопья и учила с тобой алфавит!

— Ты моя девочка, тебе девятнадцать, и ты будешь делать то, что я

говорю. А я говорю: собирайся.

— А мама?

— Только мы с тобой, Дакота.

— Чего это я с тобой поеду? Я хочу сперва поговорить с доктором Лерном.

— Нет, никаких разговоров, ни с Лерном, ни с кем. Пора положить всему этому предел.

— Ты не можешь со мной так поступить! Ты не можешь меня заставить ехать с тобой!

— Могу. Я твой отец, я тебе приказываю.

— Ненавижу! Ненавижу тебя, слышишь?

— Знаю, Дакота, прекрасно знаю, можешь не повторять. А теперь складывай чемодан. Завтра с раннего утра мы уезжаем, — повторил Джерри не терпящим возражений тоном.

Он решительным шагом вышел из комнаты, налил себе виски и проглотил в пару глотков, глядя в огромное окно, как роскошная ночь накрывает Нью-Йорк.

В это время Стивен Бергдорф возвращался домой. От него разило потом и сексом. Жене он сказал, что отправился куда-то на вернисаж за счет журнала, а на самом деле ходил с Элис по магазинам. Он снова поддался ее безумной страсти к транжирству, она обещала потом ему дать и сдержала слово. В ее квартирке на Сотой улице он набросился на нее, как бешеная горилла, а потом она потребовала от него романтический уикенд.

— Уедем завтра, Стиви, проведем пару дней вдвоем.

— Это невозможно, — сокрушенно ответил Стивен, натягивая трусы. У него не осталось ни гроша, и на нем висела семья.

— Вечно с тобой все невозможно, Стиви! — заныла Элис голосом капризной маленькой девочки. — Почему бы нам не съездить в Орфеа? Такой милый городок, мы там прошлой весной с тобой были.

Как он объяснит эту поездку? В прошлом году он отговорился приглашением на фестиваль.

— А что прикажешь сказать моей жене?

Элис бросила на него яростный взгляд и заорала, запустив ему в физиономию подушкой:

— Жене, жене! Я тебе запрещаю говорить о жене в моем присутствии!

Элис прогнала его, и он вернулся домой.

На кухне жена и дети заканчивали ужинать. Жена ласково ему улыбнулась. Он не осмелился ее поцеловать: от него разило сексом.

— Мама сказала, мы на каникулы поедem в Йеллоустонский парк! — объявил старший сын.

— А еще мы будем спать в трейлере! — восторженно завопил младший.

— Маме, прежде чем обещать, надо было поговорить со мной, — только и сказал Стивен.

— Да ладно, Стив, поедem в августе, — сказала жена. — Скажи «да». С отпуском я все уладила. А сестра готова дать нам трейлер.

— Да вы с ума все посходили! — взвился Стивен. — В парк, где кишмя кишат эти жуткие гризли! Ты статистику видела? Что ни год, в парке десятки раненых! А одну женщину вообще затоптал бизон! Я уж не говорю про пум, волков и горячие источники.

— Стив, ты преувеличиваешь! — возразила жена.

— Преувеличиваю?! На вот, послушай!

Он вытащил из кармана статью, которую днем распечатал, и стал читать вслух:

За период с 1870 года в серных источниках Йеллоустона погибли 22 человека. Прошлой весной двадцатилетний юноша, несмотря на предостерегающие надписи, прыгнул в кипящий серный водоем и погиб на месте. В силу погодных условий спасатели смогли приступить к извлечению тела лишь на следующий день после несчастного случая. Однако они обнаружили только пластиковые сандалии. Тело полностью растворилось в серной кислоте. От него ничего не осталось.

— Надо быть полным идиотом, чтобы прыгать в серный источник! — подала голос дочь.

— Умница, дорогая, — поддержала ее жена Стивена.

— Мама, мы в Йеллоустоне умрем? — заволновался младший.

— Нет, — рассердилась мать.

— Да! — заорал Стивен и, сказав, что ему надо принять душ, отправился в ванную.

Он пустил воду и без сил рухнул на унитаз. Что он скажет детям? Что папа растратил все семейные сбережения, потому что не способен обуздать свою похоть?

Он уже уволил Стефани Мейлер, хотя та была одаренной,

многообещающей журналисткой; он выгнал бедного Миту Островски, который никому не мешал и к тому же был ведущим критиком. Кто следующий? Быть может, он сам — когда обнаружится, что он связался со своей подчиненной вдвое моложе себя и покупал ей подарки за счет журнала.

Элис была ненасытна, он не знал, как положить конец этой адской спирали. Бросить ее? Она грозила, что обвинит его в насилии. Ему хотелось, чтобы все кончилось, немедленно, сейчас. У него в первый раз возникло желание, чтобы Элис умерла. Ему даже пришло в голову, что жизнь несправедлива: если бы убили ее, а не Стефани, все бы стало так просто!

Звякнул телефон: пришло письмо. Он машинально взглянул на экран, и лицо его вдруг просияло. Имейл от мэрии Орфеа. Вот так совпадение! После прошлогодней статьи о фестивале его включили в рассылку мэрии. Он поскорей открыл письмо: приглашение в мэрию Орфеа на пресс-конференцию, намеченную на завтра, на 11 часов. На ней мэр «раскроет название потрясающей пьесы, которая будет показана на открытии театрального фестиваля перед ее мировой премьерой».

Он немедленно послал сообщение Элис: завтра с раннего утра они едут в Орфеа. Сердце у него колотилось. Он ее убьет.

Ему и в голову не могло прийти, что однажды он будет готов хладнокровно убить человека. Но ситуация чрезвычайная. Только так он сможет от нее избавиться.

Стивен Бергдорф

Мы с Трейси, моей женой, всегда строго ограничивали для детей доступ к интернету: его можно использовать для учебы и самообразования, но о том, чтобы заниматься там черт-те чем, не могло быть и речи. В частности, мы запретили им регистрироваться на форумах и в соцсетях. Слишком много развелось жутких историй о педофилах, выдающих себя за детишек-ровесников.

Но весной 2013 года нашей старшей дочери исполнилось десять лет, и она потребовала, чтобы мы разрешили ей зарегистрироваться в фейсбуке.

— Зачем? — спросил я.

— Все мои подружки в фейсбуке!

— Это не причина. Ты прекрасно знаешь, что мы с мамой не одобряем подобные сайты. Интернет придумали не для этих глупостей.

На что десятилетняя дочь ответствовала:

— Метрополитен-музей в фейсбуке, и МоМА тоже, и *National Geographic*, и санкт-петербургский «Русский балет». Все в фейсбуке, кроме меня! В этом доме живут как амиши!

Трейси решила, что наша дочь права: ведь она далеко опережает сверстников в умственном развитии, и ей важно общаться с детьми своего возраста, чтобы не оказаться в школе в полной изоляции.

Но я все-таки сомневался. Я читал множество статей про опасности, которым подвергаются подростки в социальных сетях. Вербальная и визуальная агрессия, всяческие оскорбления, шокирующие картинки... Мы обсудили эту проблему на семейном совете с женой и дочерью. Я зачитал им статью в «Нью-Йорк таймс» про недавнюю трагедию в одной из школ Манхэттена: ученица покончила с собой из-за травли в фейсбуке.

— Слышали про эту историю? Это случилось на прошлой неделе прямо здесь, в Нью-Йорке: «Восемнадцатилетняя девушка, ученица выпускного класса престижной частной школы Хэйфер, покончила с собой дома из-за оскорблений и угроз, которые получала в фейсбуке после того, как кто-то без ее ведома обнародовал письмо, где она признавалась в нетрадиционной сексуальной ориентации». Вы только представьте!

— Папа, я хочу просто коммуницировать с подружками, — сказала дочь.

— Ей всего десять, а она уже знает слово «коммуницировать», — подчеркнула Трейси. — По-моему, она вполне созрела, чтобы завести страничку в фейсбуке.

В конце концов я уступил, но при одном условии: я тоже заведу страничку в фейсбуке, чтобы следить за дочерью и быть уверенным, что ее никто не преследует. Дочь согласилась.

Надо признаться, все эти новые технологии давались мне с трудом. Вскоре мне понадобилась помощь в настройке страницы, и я сказал об этом Стефани Мейлер, когда мы с ней пили кофе в комнате отдыха в редакции. «Вы зарегались на фейсбуке, Стивен?» — улыбнулась Стефани и прочитала мне короткую лекцию о том, как лучше настроить страницу.

В тот же день, чуть позже, Элис, положив мне на стол почту, вдруг сказала:

— Вам надо поставить фото профиля.

— Фото моего профиля? Это куда и зачем?

— В вашем профиле в фейсбуке, — засмеялась она. — Вам надо загрузить свое фото. Я вас добавила в друзья.

— Мы с вами связаны в фейсбуке?

— Если вы примете мой запрос на добавление в друзья, то да.

Я тут же принял запрос. Меня позабавил ее поступок. Когда она вышла, я просмотрел ее страницу, ее фотографии, и, признаюсь, мне это понравилось. Про Элис я знал только одно: эта девушка приносит мне почту. А тут я видел ее родню, ее любимые места, любимые книги. Мне открылась ее жизнь. Стефани показала мне, как пользоваться мессенджером, и я решил отправить Элис сообщение:

Вы ездили в отпуск в Мексику?

Она ответила:

Да, прошлой зимой.

Я написал:

Чудесные фотографии.

Она ответила:

Спасибо.

Так началась наша переписка, дурацкая, но, надо признать, весьма затягивающая. Совершенно пустая болтовня, но она меня развлекала.

Вечером, когда я обычно читал или смотрел с женой кино, у меня снова завязался глупый разговор с Элис:

Я: Ты выложила фотографию «Графа Монте-Кристо». Тебе нравится французская литература?

Элис: Обожаю французскую литературу. Я учила французский в университете.

Я: Правда?

Элис: Да. Мечтаю стать писателем. И переехать в Париж.

Я: Ты пишешь?

Элис: Да, сейчас пишу роман.

Я: Дашь мне почитать?

Элис: Возможно, когда закончу. Вы еще на работе?

Я: Нет, дома. Только что поужинал.

Жена оторвалась от книжки и спросила меня с дивана, что я делаю.

— Мне надо закончить статью, — ответил я.
Она снова уткнулась в книгу, а я — в экран:

Элис: А что вы ели?

Я: Пиццу. А ты?

Элис: Как раз собираюсь пойти поужинать.

Я: Куда?

Элис: Сама пока не знаю. Мы с подругами идем.

Я: Тогда хорошего вечера.

Разговор прервался, видимо, она ушла. Но несколько часов спустя, перед тем как пойти спать, я из любопытства последний раз заглянул в фейсбук и увидел, что она ответила:

Элис: Спасибо.

Мне захотелось поговорить еще.

Я: Как прошел вечер?

Элис: Так себе, скучно. Надеюсь, вы провели вечер хорошо.

Я: Почему скучно?

Элис: Мне всегда скучновато с ровесниками. С людьми постарше гораздо интереснее.

— Стивен, ты спать идешь? — позвала жена из спальни.

— Сейчас.

Но я увлекся и просидел за перепиской с Элис до трех часов ночи.

Через несколько дней мы с женой отправились на вернисаж, и в буфете я нос к носу столкнулся с Элис. Она была в коротком платье, на шпильках — просто потрясающая.

— Элис? — удивился я. — Не знал, что ты пойдешь.

— А я знала, что вы придете.

— Откуда?

— Вам в фейсбуке пришло приглашение на мероприятие, и вы ответили, что пойдете.

— Ты это видишь в фейсбуке?

— Да, в фейсбуке всем все видно.

Я усмехнулся:

— Что ты пьешь?

— Мартини.

Я заказал ей еще, а потом взял два бокала вина.

— Вы один пришли или с кем-то? — поинтересовалась Элис.

— С женой. Она меня заждалась, между прочим, пойду к ней.

На лице Элис отразилось разочарование.

— Что ж, тем хуже для меня.

Вечером, вернувшись с вернисажа, я обнаружил в мессенджере сообщение:

Мне бы так хотелось выпить с вами вина наедине.

После долгих колебаний я ответил:

Завтра, в 16 часов, в баре «Плазы»?

Сам не знаю, почему мне взбрело в голову предложить ей выпить, да еще в «Плазе». Выпить — наверно, потому, что меня влекло к Элис и мне льстила мысль, что я могу понравиться юной двадцатипятилетней женщине. А в «Плазе» — точно потому, что это последнее место в Нью-Йорке, куда я бы пошел выпить: совершенно не в моем вкусе и находится в противоположном конце города. Значит, я мог не опасаться, что когонибудь встречу. Не то чтобы я думал, что между нами с Элис что-то произойдет, но мне не хотелось, чтобы люди так думали. В 16 часов в «Плазе» я могу быть абсолютно спокоен.

Подходя к бару, я чувствовал одновременно и тревогу, и радостное возбуждение. Она уже ждала, удобно устроившись в кресле. Я спросил, чего она хочет, и она ответила: «Вас, Стивен».

Час спустя я, вдрызг пьяный от шампанского, занимался с ней любовью в номере «Плазы». Ощущение было невероятное, безумное. По моему, с женой я никогда не переживал ничего подобного.

Домой я вернулся в десять часов вечера, взвинченный, с колотящимся сердцем, потрясенный тем, что только что пережил. Перед глазами стояло ее тело, в которое я врвался, крепкие груди, которые я сжимал, кожа, которая льнула к моим рукам. Я был возбужден, как подросток. До этого я никогда не обманывал жену. У меня и мысли не было, что я могу ей изменить. Я всегда сурово порицал друзей и коллег, у которых случались внебрачные связи. Но, увлекая Элис в гостиничный номер, я об этом даже

не вспомнил. А вышел оттуда с одной-единственной мыслью: еще. Мне было так хорошо, что я не видел в измене жене ничего дурного. Даже не думал, что совершил какой-то проступок. Я просто-напросто жил полной жизнью.

Жена налетела на меня прямо с порога:

— Где ты был, Стивен? Я так волновалась!

— Прости, крайне срочное дело в журнале, думал, раньше освобожусь.

— Но я же тебе оставила целый десяток сообщений, мог бы хоть позвонить, — с упреком сказала она. — Я уже собиралась звонить в полицию.

Я направился на кухню и полез в холодильник. Страшно хотелось есть. Нашел тарелку с какими-то остатками, разогрел и проглотил прямо у стойки. Жена суетилась между столом и раковиной, убирала небольших размеров свинарник, оставленный детьми. Я по-прежнему не чувствовал себя виноватым. Мне было хорошо.

На следующее утро Элис, войдя с почтой в кабинет, с задорным видом произнесла:

— Добрый день, мистер Бергдорф.

— Элис, — прошептал я, — нам обязательно надо встретиться еще раз.

— Мне тоже хочется, Стивен. Сегодня, у меня?

Она записала мне адрес на бумажке и положила сверху на стопку писем.

— Буду дома после шести. Приходи, когда хочешь.

День я провел в невероятном возбуждении. Когда наконец пробило шесть, я взял такси и поехал на Сотую улицу, где она жила. Вышел из машины за два квартала купить цветы в супермаркете. Дом был узкий и обшарпанный. Домофон сломан, но дверь не заперта. Я поднялся пешком на третий этаж, потом двинулся по тесному коридору в поисках квартиры. На табличке у звонка было два имени, я сперва не обратил на это внимания, потом забеспокоился, что в квартире есть кто-то еще. Когда полуголая Элис открыла мне дверь, я понял, что никого нет.

— Ты живешь не одна? — все-таки спросил я, боясь, как бы меня не увидели.

— Плевать, ее все равно дома нет, — ответила Элис, схватила меня за руку и втощила внутрь, захлопнув дверь ногой.

В ее комнате я оставался допоздна. И назавтра все повторилось. И

послезавтра. Я думал только о ней, хотел только ее. Элис, всегда и везде.

Через неделю она предложила мне встретиться в баре «Плазы», как в первый раз. Мысль показалась мне потрясающей: я забронировал номер и предупредил жену, что мне надо съездить в Вашингтон и я там переночую. Она ни о чем не подозревала, и мне казалось, что все чрезвычайно просто.

В баре мы упились шампанским гран крю, а поужинали в «Палм-Корт». Мне хотелось произвести на нее впечатление, сам не знаю почему. Возможно, подействовала «Плаза». Или просто я почувствовал себя свободнее. С женой я только и слышал: экономия, экономия, экономия. Вечно приходилось следить: это на продукты, это на развлечения, это на прочие покупки. Любые, самые мелкие траты надо было сперва обсудить. В придачу летом мы всегда ездили в отпуск в одно и то же место — на озеро Шамплейн. Там находился дощатый домик, принадлежавший родственникам жены, и жили мы там вместе с семейством свояченицы. Я не раз предлагал отправиться куда-нибудь еще, но жена всегда говорила: «Детям там нравится. Они играют с кузенами. Туда можно поехать на машине, и за гостиницу платить не надо. К чему эти ненужные траты?»

В «Плазе» я уже чувствовал себя почти как дома. Ужиная вдвоем с двадцатипятилетней девушкой, я думал о том, что жена не умеет жить.

— Стиви, ты меня слушаешь? — спросила Элис, разделявая омара.

— Я только тебя и слушаю.

Сомелье наполнил наши бокалы вином, стоившим сумасшедших денег. Мы допили бутылку, и я тут же заказал вторую.

— Знаешь, что мне в тебе нравится, Стиви? — сказала Элис. — Ты настоящий мужчина, с яйцами, ответственный, при деньгах. Я уже видеть не могу этих прыщавых юнцов, которые считают каждый доллар и водят меня в пиццерию. А ты умеешь трахаться, умеешь жить, с тобой я счастлива. Вот увидишь, как я тебя отблагодарю.

Элис не только делала меня счастливым. Она возвышала меня в собственных глазах. Рядом с ней я чувствовал себя сильным. Водя ее по магазинам, балуя ее, я ощущал себя мужчиной. Мне казалось, что я наконец стал таким мужчиной, каким всегда хотел быть.

О деньгах я мог особо не волноваться: у меня были небольшие сбережения, счет, о котором я не говорил жене и на который мне возмещали редакционные расходы. Я его раньше не трогал, и с годами там скопилось несколько тысяч долларов.

* * *

Вскоре все стали говорить, что я изменился. Вид стал увереннее, счастливее, меня замечали. Я занялся спортом, похудел и под этим предлогом решил немного обновить гардероб в компании Элис.

— Когда ты успел это все закупить? — спросила жена, заметив мою новую одежду.

— У нас рядом с редакцией магазин. Мне правда было нужно, с меня штаны падают, смешно ведь.

Она поморщилась:

— Ты как будто молодиться.

— Мне еще пятидесяти нет, я же пока не старик, верно?

Жена ничего не понимала. А у меня никогда не было такой любви. Да, именно любви. Я настолько привязался к Элис, что вскоре стал подумывать развестись с женой. Свое будущее я видел только с Элис. Она вскружила мне голову. Я даже представлял себе, как мы будем жить в крохотной квартирке, если вдруг придется. Но жена ни о чем не догадывалась, и я решил не торопить события: зачем создавать себе сложности, когда и так все идет как по маслу? Лучше потрачу силы, а главное, деньги на Элис. Наш образ жизни обходился мне дорого, но мне было плевать. Вернее, не хотелось обращать на это внимание. Мне так нравилось доставлять ей удовольствие. Для этого мне пришлось завести еще одну кредитку, с лимитом побольше; кроме того, я устроил так, что наши ужины частично оплачивались за счет журнала. Никаких проблем не возникало — одни решения.

В начале мая 2013 года я получил на адрес журнала письмо из мэрии Орфеа. Мне предлагали провести выходные в Хэмптонах за их счет, а взамен просили поместить в ближайшем номере статью об их театральном фестивале. Номер должен был выйти в июне, как раз вовремя, чтобы привлечь зрителей. В мэрии явно опасались, что на фестиваль никто не приедет, они даже обещали купить три полосы рекламы в нашем журнале.

Я уже какое-то время раздумывал, что бы такое особенное устроить для Элис. Мечтал отвезти ее куда-нибудь на романтический уикенд. До сих пор я плохо себе представлял, как это сделать, имея на руках жену и детей, но приглашение меняло ситуацию.

Когда я объявил жене, что мне надо ехать на уикенд в Орфеа писать статью, она стала просить взять ее с собой.

— Это слишком сложно, — ответил я.

— Сложно? Я попрошу сестру посидеть с детьми. Мы с тобой уже сто лет не проводили выходные вместе, вдвоем.

Я чуть было не ответил, что как раз собираюсь провести уикенд

вдвоем, только не с ней. Но вместо этого пустился в путаные объяснения:

— Ты же знаешь, очень трудно совмещать работу и личную жизнь. Все в редакции начнут чесать языками, я уж не говорю о бухгалтерии, там такого не любят, из-за каждого обеда всю душу вытянут.

— Я оплачу свою долю, — заверила жена. — Ну, Стивен, не будь ты таким упрямым, в конце-то концов!

— Нет, невозможно. Я не могу все устраивать так, как мне хочется. Не усложняй, Трейси.

— Не усложняй? Это я усложняю? Стивен, такой случай для нас побыть вдвоем, провести пару дней в хорошей гостинице.

— Видишь ли, ничего веселого меня там не ждет. Просто командировка. Можно подумать, я прямо на седьмом небе.

— Тогда зачем тебе непременно ехать самому? Ты всегда говорил, что ноги твоей больше не будет в Орфеа. Пошли кого-нибудь вместо себя. В конце концов, ты же главный редактор.

— Именно потому, что я главный редактор, я и должен ехать.

— Знаешь, Стивен, ты в последнее время на себя не похож: не разговариваешь со мной, не прикасаешься ко мне, я тебя вообще почти не вижу, и детей ты совсем забросил. Даже когда ты с нами, тебя как будто нет. Что происходит, Стивен?

Мы спорили довольно долго. Самое странное, что теперь наши споры оставляли меня равнодушным. Мне было наплевать, что думает жена, довольна она или нет. Я говорил с позиции силы: если она недовольна, пускай уходит. Меня ждала другая жизнь, жизнь с молодой женщиной, в которую я был безумно влюблен. Мне нередко случалось думать о жене: «Если эта дура опять будет меня доставать, разведусь».

На следующий день, сказав жене, что еду в Питтсбург брать интервью у крупного писателя, я забронировал номер в «Плазе», к которой прямо-таки пристрастился, и пригласил Элис поужинать со мной в «Палм-Корт» и провести вместе ночь. Заодно я сообщил приятную новость: мы едем на уикенд в Орфеа. Вечер прошел великолепно.

Но на следующий день, когда я уходил из гостиницы, администратор заявил, что моя кредитка не проходит, недостаточно средств. Внутри у меня все сжалось, по спине заструился холодный пот. К счастью, Элис уже уехала в редакцию и не видела моего позора. Я немедленно позвонил в банк и потребовал объяснений. Сотрудник на другом конце провода сообщил:

— Лимит вашей карты — десять тысяч долларов, мистер Бергдорф, и он исчерпан.

— Но я заводил у вас еще одну карту.

— Да, карту *Platinum* с лимитом двадцать пять тысяч долларов. Он тоже исчерпан.

— Так пополните карту с текущего счета.

— На нем минус пятнадцать тысяч долларов.

Меня охватила паника.

— Вы хотите сказать, что я вам задолжал сорок пять тысяч долларов?

— Если быть совсем точным, 58 480 долларов, мистер Бергдорф. Потому что были еще десять тысяч на другой вашей кредитной карте плюс положенные проценты.

— Почему вы меня раньше не предупредили? — зарычал я.

— Управление вашими счетами не входит в наши обязанности, мистер Бергдорф, — невозмутимо ответил служащий.

Я обозвал его кретином и подумал, что жена никогда бы не допустила, чтобы я попал в подобную ситуацию. Именно она следила за нашим бюджетом. Я решил отложить решение проблемы на потом: ничто не должно испортить наш с Элис уикенд. А поскольку тот тип из банка сказал, что я имею право открыть новую кредитную карту, я немедленно согласился.

Тем не менее мне следовало внимательнее следить за своими расходами. А главное, надо было оплатить ночь в «Плазе», что я и сделал, используя карту журнала. Это была первая из долгой череды ошибок, которые мне предстояло совершить.

Часть вторая

На поверхность

— 4. Секреты

Пятница, 11 июля — воскресенье, 13 июля 2014 года

Джесси Розенберг

Пятница, 11 июля 2014 года
15 дней до открытия фестиваля

Мы с Анной пили кофе на набережной Орфеа и ждали Дерека.

— Значит, в итоге ты оставил Кирка Харви в Калифорнии? — спросила Анна после того, как я ей рассказал, что произошло в Лос-Анджелесе.

— Этот негодяй лжет, — сказал я.

Наконец появился Дерек. Вид у него был озабоченный.

— Майор Маккенна жутко на тебя зол, — сказал он мне. — Ты на грани увольнения после того, что сотворил с Харви. Тебе ни в коем случае нельзя к нему приближаться.

— Знаю, — ответил я. — У меня это в любом случае не получится, Кирк Харви в Лос-Анджелесе.

— Нас хочет видеть мэр, — произнесла Анна. — По-моему, нам сейчас будут мылить шею.

Судя по тому, какой взгляд бросил на меня Браун, когда мы вошли к нему в кабинет, Анна была права.

— Мне сообщили, как вы обошлись с беднягой Кирком Харви, капитан. Ваше поведение недостойно звания полицейского.

— Этот тип хотел нас всех обвести вокруг пальца, у него вообще нет никаких сведений относительно расследования 1994 года.

— Он не заговорил под пыткой, вы поэтому знаете? — иронически бросил мэр.

— Господин мэр, я сорвался и прошу меня простить, но...

— Вы мне противны, Розенберг, — прервал меня мэр. — Я вас предупредил. Если хоть волос упадет с головы этого человека, я вас уничтожу.

В этот момент помощница Брауна сообщила по громкой связи, что прибыл Кирк Харви.

— Вы его все-таки вызвали? — изумился я.

— Его пьеса выше всяких похвал, — возразил мэр.

— Но ведь он жулик! — вскричал я.

Дверь кабинета внезапно открылась, и появился Кирк Харви. Увидев меня, он тут же завопил:

— Этот человек не имеет права находиться здесь в моем присутствии! Он меня избил без всякой причины!

— Кирк, тебе нечего бояться этого человека, — успокоил его мэр. — Ты под моей защитой. Капитан Розенберг и его коллеги как раз уходят.

Мэр попросил нас удалиться. Мы вышли, чтобы не усугублять ситуацию.

Сразу после нашего ухода в кабинет мэра прибыл и Мита Островски. Войдя, он смерил взглядом Харви и представился:

— Мита Островски, самый знаменитый и грозный критик в этой стране.

— А, так я тебя знаю! — Кирк испепелил его взглядом. — Змея! Ядовитое земноводное! Двадцать лет назад ты меня опустил ниже плинтуса!

— Да уж, я твою мерзкую бездарную пьеску до смерти не забуду! Каждый вечер после «Дяди Вани» на фестивале уши вяли! От твоего кошмарного спектакля ослепли даже те немногие, кто его видел!

— Придержи язык, я написал величайшую пьесу столетия!

— Как ты смеешь сам себя превозносить? — взвился Островски. — Только *Критик* может решать, что хорошо, а что плохо. Только я способен судить, чего стоит твоя пьеса. И суд мой будет беспощаден!

— И вы скажете, что это потрясающая пьеса! — Браун, багровый от ярости, встал между спорщиками. — Вам напомнить, о чем мы договорились, Островски?

— Но вы мне говорили про изумительную пьесу, Алан! — возразил Островски. — А не про чушь собачью за подписью Кирка Харви!

— Кто тебя сюда звал, ехидна бешеная? — возмутился Харви.

— Ты как со мной разговариваешь? — оскорбился Островски, прикрывая рот руками. — Я тебя одним пальцем раздавлю!

— А ну прекратите балаган, оба! — рявкнул Браун. — Вы и перед журналистами будете выделываться?

От крика мэра задрожали стены. Сразу настала мертвая тишина. Островски и Харви с виноватым видом уставились на собственные ботинки. Мэр поправил пиджак и, стараясь говорить спокойно, обратился к Кирку:

— Где остальная труппа?

— Актеров пока нет, — отозвался Харви.

— То есть как это «пока нет»?

— Я проведу кастинг здесь, в Орфеа, — пояснил Харви.

— Что значит «проведешь кастинг здесь»? — вытаращил глаза Браун. — Премьера через две недели!

— Не волнуйся, Алан, — успокоил его Харви. — За выходные все подготовлю. В понедельник прослушивание, первая репетиция — в четверг.

— В четверг? — задохнулся Браун. — И ты за девять дней собираешься поставить пьесу, которая должна стать жемчужиной фестиваля?

— Времени более чем достаточно. Я репетировал эту пьесу двадцать лет. Положись на меня, Алан, эта пьеса наделает такого шума, что о твоём говенном фестивале заговорят по всей стране.

— У тебя с годами вообще чердак уехал, Кирк! — вне себя завопил Браун. — Все отменяется! Неудачу я переживу, унижение — нет!

Островски захихикал, а Харви вытащил из кармана мятый листок, развернул и помахал перед носом у мэра:

— Ты обязательство подписал, сучий сын! Дашь мне сыграть, никуда не денешься!

В этот момент в межкомнатную дверь просунулась сотрудница мэрии:

— Господин мэр, пресс-центр битком набит журналистами, они в нетерпении. Все ждут обещанного заявления.

Браун вздохнул. Отступить было некуда.

* * *

Стивен Бергдорф вошел в мэрию, представился дежурному администратору и попросил провести его в пресс-центр. Назвал свое имя, спросил, надо ли где-то расписаться, удостоверился, что в здании установлены видеокамеры. Эта пресс-конференция станет его алиби. Сегодня великий день: он убьет Элис.

Уезжая утром из дому, он сделал вид, что просто идет на работу. Предупредил жену, что возьмет машину, потому что едет в пригород на пресс-конференцию. Заехал за Элис, положил ее чемодан в багажник. Она не заметила, что его вещей там нет. Почти сразу задремала и потом всю дорогу спала, прижавшись к нему. Вскоре все смертоносные мысли Стивена улетучились. Она была такая трогательная во сне. Как ему могло

прийти в голову ее убить? В конце концов он даже посмеялся над собой: он ведь понятия не имеет, как убивают людей! Чем дальше они отъезжали, тем сильнее менялось его настроение: ему было хорошо здесь, с ней. Он любил ее, хоть между ними все и разладилось. В дороге он пораскинул мозгами и решил, что сегодня же с ней порвет. Они пойдут гулять на побережье, он ей объяснит, что дальше так продолжаться не может, что им надо расстаться, и она поймет. Ведь если он сам чувствовал, что между ними все не так, как раньше, то Элис наверняка чувствовала то же самое. Они взрослые люди. Расстанутся друзьями. Вернутся к вечеру в Нью-Йорк, и все будет в порядке. Ах, как он ждал этого вечера! Как ему хотелось вернуться к спокойной, размеренной семейной жизни! Он жаждал только одного: снова провести отпуск в домике на берегу озера Шамплейн, и пусть жена, как всегда, занимается его расходами, она такая старательная.

Элис проснулась, когда они подъезжали к Орфеа.

— Выспалась? — ласково спросил Стивен.

— Не совсем, я совершенно разбита. Как я мечтаю отоспаться в отеле! У них такие удобные кровати! Надеюсь, у нас будет тот же номер, что в прошлом году, 312-й. Ты же их попросишь, да, Стиви?

— В отеле? — поперхнулся Стивен.

— Ну да! Мы ведь будем в «Палас дю Лак», я надеюсь? О, Стиви, сжался надо мной, не говори, что ты противный жмот и забронировал какой-то деревенский мотель! Мне непереносима даже мысль о заурядном мотеле.

У Стивена все сжалось внутри. Он съехал на обочину и заглушил мотор.

— Элис, нам надо поговорить, — решительно сказал он.

— Стиви, зайчик, что с тобой? Ты прямо побледнел.

Он набрал побольше воздуха и выпалил:

— Я не собираюсь проводить с тобой выходные. Мы должны расстаться.

Признавшись, он сразу почувствовал громадное облегчение. Она удивленно воззрилась на него и расхохоталась:

— Ох, Стиви, я ведь чуть было не поверила! Боже, ведь ты меня на какую-то долю секунды напугал.

— Я не шучу, Элис, — резко прервал ее Стивен. — Я даже вещей не взял. Я сюда ехал, чтобы с тобой порвать.

Элис повернулась на сиденье и убедилась, что его чемодана в багажнике действительно нет.

— Стивен, что на тебя нашло? И зачем ты сказал, что везешь меня на

уикенд, если хотел со мной порвать?

— Потому что еще вчера вечером я думал, что мы едем на уикенд. Но в конце концов понял, что нашу связь пора прекращать. Она стала токсичной.

— Токсичной? О чем ты, Стиви?

— Элис, все, что тебя интересует, — это твоя книга и мои подарки. Мы даже любовью почти не занимаемся. Ты мной попользовалась, Элис, и хватит.

— Значит, тебя интересует только моя задница, Стивен?

— Элис, я решил, не будем спорить по пустякам. Не надо было вообще сюда приезжать. Мы возвращаемся в Нью-Йорк.

Он тронул машину с места и начал разворачиваться.

— У твоей жены ведь почта `tracy.bergdorf@lightmail.com`, верно? — спокойно спросила Элис и застучала по дисплею телефона.

— Откуда у тебя ее адрес? — вскрикнул Стивен.

— Она имеет право знать, как ты со мной поступил. И все узнают.

— Ты ничего не докажешь!

— Это ты будешь доказывать, что не виноват, Стиви. Тебе прекрасно известно, как это работает. Я пойду в полицию, покажу им нашу переписку в фейсбуке. Как ты меня заарканил, как назначил свидание в «Плазе», а там напоил и изнасиловал в номере. Скажу, что была в твоей власти и до сих пор не осмеливалась об этом говорить, зная, что ты сделал со Стефани Мейлер.

— Что я сделал со Стефани?

— Как ты надругался над ней, а потом выгнал, когда она захотела с тобой порвать!

— Но я ничего подобного не делал!

— Докажи! — злобно закричала Элис. — Я скажу в полиции, что Стефани мне все рассказала: что она от тебя вытерпела, что она тебя боится. Ведь полиция уже приходила к тебе во вторник, Стиви? О, надеюсь, ты еще не в списке подозреваемых?

Стивен оцепенел. В отчаянии он положил голову на руль. Элис снисходительно потрепала его по плечу и шепнула на ушко:

— А теперь, Стиви, ты развернешься и отвезешь меня в «Палас дю Лак». Номер 312-й, не забыл? Я проведу сказочный уикенд, как ты и обещал. А если будешь хорошо себя вести, я тебе позволю спать на кровати, а не на ковре.

Делать было нечего. Стивен поехал в «Палас дю Лак». Денег не оставалось ни гроша, и в качестве гарантии он представил кредитную карту

журнала. Люкс номер 312 стоил 900 долларов за ночь. Элис хотела вздремнуть, он оставил ее в отеле и отправился в мэрию, на пресс-конференцию. Если бухгалтерия будет задавать вопросы, его присутствие на пресс-конференции позволит обосновать использование карты журнала. А главное, он сможет оправдаться в полиции, если они обнаружат тело Элис и станут его допрашивать. Скажет, что приехал на пресс-конференцию — это все могут подтвердить — и не знал, что Элис тоже здесь. Шагая по коридорам мэрии в конференц-зал, он пытался придумать надежный способ ее убить. Пока ему пришло в голову только подсыпать ей крысиного яду в еду. Но для этого его никто не должен был видеть с Элис, а они с ней вместе приехали в «Палас». Он понял, что с самого начала погорел со своим алиби: служащие «Паласа» видели, что они приехали вдвоем.

Из задумчивости его вывел сотрудник мэрии, знаком пригласивший его в битком набитый зал. Журналисты внимательно слушали мэра Брауна, завершавшего вступительное слово:

— В связи с этим я счастлив вам сообщить, что на фестивале в Орфеа состоится предпремьерный показ «Черной ночи», нового спектакля режиссера Кирка Харви.

Мэр сидел за длинным столом, лицом к публике. К своему изумлению, Стивен увидел, что по левую руку от него восседает Мита Островски, а по правую — Кирк Харви, который, когда он его видел в последний раз, занимал должность шефа городской полиции. Теперь он взял слово:

— Я двадцать лет работал над «Черной ночью», и я горжусь тем, что зритель сможет наконец открыть для себя эту жемчужину, с восторгом принятую всеми ведущими критиками страны, в частности, присутствующим здесь легендарным Митой Островски. Пусть он сам нам скажет, что думает об этом произведении.

Островски, предвкушая отдых в «Палас дю Лак» за счет налогоплательщиков Орфеа, с улыбкой кивал под залпами фотовспышек.

— Великая пьеса, друзья, просто великая, — заверил он. — Редкостное совершенство. Как вам известно, я скуп на похвалы. Но здесь другое дело! Новое слово в мировом театре!

Стивен никак не мог понять, какого черта тут делает Островски. Кирк Харви, возбужденный теплым приемом, продолжал:

— Неповторимость пьесы заключается в том, что ее сыграют актеры из местных жителей. Я отказался от величайших актеров Бродвея и Голливуда, чтобы дать шанс горожанам Орфеа.

— Вы хотите сказать, любители? — прервал его Майкл Берд; он тоже

пришел на пресс-конференцию.

— Зачем так грубо! — рассердился Кирк. — Я хочу сказать: истинные актеры!

— Любительская труппа и никому не ведомый режиссер — сильный ход мэра Брауна! — сухо заметил Майкл Берд.

По аудитории прокатились смешки и ропот. Браун, твердо намеренный сохранить лицо, заявил:

— Кирк Харви предлагает невиданный перформанс.

— Перформансы всем давно надоели, — возразил журналист местной радиостанции.

— Громкое заявление оказалось мелким жульничеством, — с сожалением произнес Майкл Берд. — По-моему, ничего сенсационного в этой пьесе нет. Просто мэр пытается любой ценой спасти свой фестиваль, а главное, свои выборы осенью. Кого вы обманываете?

И тогда Кирк воскликнул:

— Это небывалая пьеса, потому что в ней содержатся скандальные разоблачения! Многие детали убийства четырех человек в 1994 году остались в тени. Дав мне возможность показать пьесу, мистер Браун позволит сорвать покров тайны с этих событий и открыть всю правду.

Собравшиеся обратились в слух.

— Да, мы с Кирком заключили договор, — подтвердил Браун, который сперва собирался умолчать об этих подробностях, но теперь видел в них убедительный аргумент для журналистов. — Я даю возможность Кирку показать спектакль, а взамен он поделится с полицией всей имеющейся в его распоряжении информацией.

— В вечер открытия фестиваля, — уточнил Кирк. — Раньше я не раскрою ничего. Не может быть и речи о том, чтобы мне запретили показать мой шедевр, как только я все расскажу полиции.

— В вечер открытия, — повторил Браун. — Надеюсь, в зрителях недостатка не будет. Приходите поддержать пьесу, которая позволит восстановить истину.

После его слов настало изумленное молчание. Потом журналисты, осознав, что получили в свое распоряжение ценнейшую информацию, дружно повскакали с мест и загалдели.

* * *

Анна раздобыла телевизор и видеоплеер для кассет VHS и поставила в своем кабинете.

— Мы взяли у Базза Ленарда видеозапись спектакля 1994 года, — объяснила она мне. — Хотим ее посмотреть, вдруг что-нибудь такое заметим.

— Как съездили к Ленарду, с пользой? — спросил я.

— Еще с какой! — с воодушевлением ответил Дерек. — Во-первых, он рассказал о стычке между Кирком Харви и Гордоном. Харви хотел сыграть свою пьесу на фестивале, а Гордон ему заявил: «Вы свою пьесу играть будете только через мой труп». А потом Гордона убили, и Харви смог показать свою пьесу.

— Думаешь, это он убил мэра? — заинтересовался я.

В этом Дерек сомневался.

— Не знаю. По-моему, убивать мэра, всю его семью и бедную женщину на пробежке из-за какой-то пьесы — это чересчур.

— Харви был шефом полиции, — заметила Анна. — Меган не могла его не узнать, когда он выходил от Гордонов, и у него не было другого выхода, кроме как убить и ее. Все сходится.

— И что? — возразил Дерек. — Двадцать шестого июля, перед началом спектакля, Харви выйдет к микрофону и объявит публике: «Дамы и господа, это я всех замочил»?

Представив себе эту сцену, я расхохотался:

— Вообще-то Кирк Харви настолько спятил, что вполне может выкинуть такой фокус.

Дерек рассматривал магнитную доску, на которую мы по ходу расследования добавляли все новые сведения.

— Мы теперь знаем, что деньги у мэра появились благодаря взяткам местных предпринимателей, а не от Теда Тенненбаума. Но в то же время мне бы хотелось знать, зачем Тенненбаум снимал такие крупные суммы, если не для мэра.

— Между прочим, — подхватил я, — остается открытым вопрос с его фургоном на улице примерно в момент убийства. Машина была его, свидетельница помнила точно. Базз Ленард подтвердил свои тогдашние слова о том, что Тед Тенненбаум отлучался из театра, когда произошло убийство?

— Да, Джесси, подтвердил. К тому же, похоже, он не один загадочно исчезал на полчаса. Представь себе, Шарлотта, актриса труппы и подружка Кирка Харви...

— Та самая замечательная подружка, которая его бросила?

— Та самая. Так вот, Базз Ленард уверяет, что ее не было в театре с девятнадцати до девятнадцати тридцати. То есть как раз в момент убийства. И вернулась она в мокрых туфлях.

— Ты хочешь сказать, в мокрых, как газон Гордона из-за прорванной трубы? — спросил я.

— Точно, — улыбнулся Дерек, довольный, что я помню эту деталь. — Но ты погоди, это еще не все: эта самая Шарлотта бросила Харви и ушла к Алану Брауну. Великая любовь, в итоге они поженились. Впрочем, они и сейчас женаты.

— Ничего себе! — присвистнул я.

Я присмотрелся к документам, которые мы нашли на складе у Стефани и налепили на стену. Билет на самолет до Лос-Анджелеса с надписью «Найти Кирка Харви». Это мы сделали. Но сказал ли ей Харви больше, чем нам? Мой взгляд упал на вырезку из тогдашней статьи в «Орфеа кроникл»: на обведенной красным фломастером фотографии на первой полосе мы с Дерекком стояли перед домом Гордона и смотрели на простыню, которой было покрыто тело Меган Пейделин, а прямо за нами стояли Кирк Харви и Алан Браун. Они смотрели друг на друга; возможно, разговаривали. Я присмотрелся к руке Алана Брауна. Он как будто показывал цифру 3. Может, это знак кому-то? Харви? Под фотографией красной ручкой почерком Стефани было решительно написано: «То, чего никто не увидел».

— Ты чего там? — спросил Дерек.

— Что общего между Кирком Харви и Аланом Брауном? — спросил я.

— Шарлотта Браун, — ответил он.

— Шарлотта Браун, — кивнул я. — Я знаю, все эксперты тогда утверждали, что убийца — мужчина, но, может, они ошиблись? Может, убийца — женщина? И именно этого мы не увидели в 1994 году?

Потом мы стали внимательно просматривать видео спектакля. Изображение было не очень четкое, в кадр попадала только сцена. Публики не было видно совсем. Но запись начиналась уже с официальной части. Вот заместитель мэра Алан Браун со смущенным видом поднимается на сцену и подходит к микрофону. Перескок. Брауну явно жарко. Поколебавшись, он вынимает из кармана и разворачивает листок: по-видимому, срочно набрасывал какие-то заметки, сидя в зале.

Дамы и господа, я буду говорить вместо мэра Гордона, который сегодня вечером отсутствует. Признаюсь, я полагал, что он здесь, и, к сожалению, не успел подготовить настоящую речь. Поэтому ограничусь

тем, что просто скажу: добро пожаловать всем...

— Стоп! — закричала вдруг Анна Дереку, чтобы он поставил кассету на паузу. — Смотрите!

Картинка застыла. Перед нами стоял на сцене Алан Браун, один, с листком в руках. Анна залезла на стул и сняла со стены картинку, которую мы тоже нашли на складе. Та самая сцена: Браун у микрофона, в руках листок, который Стефани обвела красным фломастером.

— Это переснято с видео, — сказала Анна.

— Значит, Стефани это видео видела, — пробормотал я. — Кто ей его дал?

— Стефани умерла, и все равно она на шаг впереди, — вздохнул Дерек. — Но почему она обвела листок?

Мы стали слушать речь дальше, но ничего интересного в ней не было. Почему Стефани обвела листок — из-за речи Брауна или из-за того, что было написано на этом клочке бумаги?

* * *

Островски шагал по Бендам-роуд. У него никак не получалось дозвониться Стефани: абонент все время был недоступен. Может, у нее телефон изменился? Почему она не отвечает? Он решил зайти к ней домой. Еще раз уточнил адрес в кожаной записной книжке, с которой никогда не расставался, сверился с номерами домов, добрался наконец до нужного здания и в ужасе застыл на месте: здание, в котором явно случился пожар, было обнесено полицейскими заграждениями.

Заметив патруль, медленно ехавший по улице, он сделал знак полицейскому. Помощник шефа полиции Монтейн остановил машину и опустил стекло:

— Вы что-то хотели спросить, сэр?

— Что здесь произошло?

— Пожар. А что?

— Я ищу одну женщину, она здесь живет. Ее зовут Стефани Мейлер.

— Стефани Мейлер? Но ее убили. Вы не местный?

Островски остолбенел. Монтейн снова поднял стекло и поехал дальше, по направлению к Мейн-стрит. Вдруг по радиосвязи объявили, что на парковке у причала ссорится какая-то пара. Это было совсем рядом. Он

сказал диспетчеру, что немедленно выезжает на место, включил маячок и сирену и через минуту уже был на парковке, посреди которой стоял черный «порше» с открытыми дверцами. Какая-то девушка бежала к пирсу, а за ней вяло трусил высокий тип, годившийся ей в отцы. Монтейн включил сирену на полную мощность. В небо взмыла туча чаек, пара застыла на месте. На лице девушки отразился веселый интерес.

— Ну спасибо, Дакота! — чертыхнулся Джерри Райс. — Только копов не хватало! Хорошенькое начало!

— Полиция Орфеа, не двигаться! — приказал Монтейн. — Нам поступил звонок о супружеской ссоре.

— О супружеской ссоре? — изумленно переспросил мужчина. — Час от часу не легче! Это моя дочь!

— Он твой отец? — спросил Монтейн у девушки.

— К несчастью, да, господин полицейский.

— Откуда вы приехали?

— Из Манхэттена, — ответил Джерри.

Монтейн проверил удостоверения личности и спросил Дакоту:

— А почему ты бежала как не знаю кто?

— Хотела убежать.

— От чего убежать?

— От жизни, господин полицейский.

— Отец совершил над тобой насилие? — допрашивал Монтейн.

— Я? Насилие? — воскликнул Джерри.

— Будьте добры помолчать, — сухо велел ему Монтейн. — Я разговариваю не с вами.

Он отвел Дакоту в сторону и повторил вопрос. Девушка расплакалась.

— Нет, конечно нет, отец меня пальцем не трогал, — проговорила она, всхлипывая.

— Тогда почему ты в таком состоянии?

— Я уже год в таком состоянии.

— Почему?

— Ой, слишком долго объяснять.

Монтейн не стал настаивать и отпустил их.

— Своих детей воспитывайте! — рявкнул Джерри Райс, захлопывая дверцу. Машина с ревом рванула с места и вылетела с парковки. Через несколько минут они с Дакотой подъезжали к «Палас дю Лак», где он забронировал номер люкс. Длинная вереница носильщиков доставила их в 308-й номер.

В соседнем, 310-м номере сидел на кровати Островски, только что вернувшийся из города. Он держал в руках фотографию в рамке. На фото светилось улыбкой лицо Меган Пейделин. Он долго смотрел на нее, потом прошептал: «Я найду того, кто это сделал. Обещаю тебе». И поцеловал разделявшее их стекло.

В 312-м номере Элис принимала ванну, а Стивен Бергдорф с горящими глазами погрузился в размышления: эта история с обменом спектакля на полицейские откровения — совершенно уникальный факт в истории культуры. Инстинкт говорил ему, что надо задержаться в Орфеа. Не только из журналистского интереса. Он надеялся, что несколько лишних дней дадут ему возможность уладить отношения с Элис. Он вышел на террасу, чтобы спокойно позвонить в редакцию своему заместителю Скипу Нейлану.

— Меня несколько дней не будет, тут дело века, — объяснил он Скипу и пересказал, что случилось на его глазах. — Бывший шеф полиции, а ныне режиссер сыграет спектакль в обмен на сведения об уголовном преступлении, которое случилось двадцать лет назад и которые все считали раскрытым. Я сделаю репортаж изнутри, статью будут рвать из рук, продажи увеличим втрое.

— Оставайся, сколько нужно, — ответил Слип. — Думаешь, это серьезно?

— Серьезно? Ты даже представить себе не можешь. Это грандиозно!

Затем Бергдорф позвонил жене и объяснил, что его несколько дней не будет — по тем же причинам, какие он только что изложил Скипу. Помолчав, Трейси с тревогой спросила:

— Стивен, что происходит?

— Какой-то странный спектакль, дорогая, я же тебе объяснил. Для журнала это огромная удача, подписка сейчас совсем упала, как ты знаешь.

— Нет, я хочу сказать, что происходит с тобой? Что-то не в порядке, я же вижу. Ты сам не свой. Звонили из банка, говорят, у тебя на счету ничего нет.

— У меня на счету? — задохнулся он.

— Да, на твоём банковском счету, — повторила она.

Она говорила слишком спокойно, значит, не знала, что на их семейном сберегательном счету тоже пусто. Но теперь это только вопрос времени, рано или поздно она обнаружит и это. Он постарался взять себя в руки.

— Да, знаю, я даже звонил в банк. Это их ошибка, неверно провели транзакции. Все хорошо.

— Делай, что тебе нужно в Орфеа, Стивен. Надеюсь, потом дела пойдут получше.

— Гораздо лучше, Трейси. Обещаю.

Он нажал на отбой. Эта пьеса была просто подарком небес: он сможет спокойно все уладить с Элис. Конечно, он вел себя слишком грубо. А главное, некрасиво: заводить такой разговор в машине! Теперь у него есть время все ей объяснить, она поймет. И убивать ее в итоге не придется. Все уладится.

Стивен Бергдорф

В мае 2013 года мы с Элис провели в Орфеа совершенно замечательный уикенд, подвигнувший меня попутно на панегирическую статью для журнала под заглавием «Величайший из маленьких театральных фестивалей»; я в ней призывал читателей все бросить и скорей мчаться туда.

В августе мне пришлось покинуть Элис и отправляться на наш традиционный семейный отдых, в говенный сарай на озере Шамплейн. Три часа мы с вопящими детьми и надутой женой тряслись в машине по пробкам ради того, чтобы, открыв дверь, с ужасом обнаружить: в дом через камин пробралась белка, а выйти не сумела. Попортила она сущую ерунду, погрызла ножки стульев и телевизионные кабели, замарала ковер и в конце концов сдохла от голода в гостиной. Но вонь от трупика стояла нестерпимая.

Отдых начался с трехчасовой генеральной уборки.

— Лучше бы мы поехали в твой «райский городок»! — чертыхнулась жена, утирая пот со лба: она как ненормальная оттирала загаженный ковер.

Она еще злилась на меня за тот уикенд в Орфеа. И я начинал задаваться вопросом, уж не догадывается ли она о чем-нибудь. Конечно, я уверял себя, что ради Элис готов развестись, но на самом деле меня вполне устраивало нынешнее положение вещей: я был с Элис и не забивал себе голову всякими пакостями, связанными с разводом. Иногда мне приходило в голову, что я трус. Но, в сущности, такой же трус, как все мужчины. Господь потому и дал нам яйца, что у нас их изначально не было.

Отпуск показался мне адом. Мне не хватало Элис. Каждый день я уходил на долгую «пробежку», чтобы позвонить ей. Бежал в лес, останавливался минут через пятнадцать, садился на бревно у реки, звонил ей и разговаривал всякий раз по часу и больше. Мог бы говорить и еще, но пора было возвращаться домой: никто бы не поверил, что я способен

заниматься физическими упражнениями больше полутора часов.

К счастью, в журнале в самом деле случилось срочное дело, и мне пришлось возвращаться в Нью-Йорк на автобусе на день раньше остального семейства. В моем распоряжении была целая ночь с Элис, на свободе. Я провел эту ночь у нее дома. Мы поужинали пиццей в постели и четырежды занимались любовью. В конце концов она уснула. Была почти полночь, мне захотелось пить. Облачившись только в короткую майку и трусы, я пошел на кухню налить себе воды. И, к своему ужасу, столкнулся нос к носу с соседкой Элис, которой оказалась одна из моих журналисток — Стефани Мейлер.

— Стефани? — еле выговорил я.

— Мистер Бергдорф? — Она удивилась не меньше моего.

Еле сдерживая смех, она оглядела мой комичный костюм.

— Так это ты соседка? — спросил я.

— Так это вы друг сердечный, которого я слышу за стенкой?

Я страшно смутился, лицо залила краска.

— Не бойтесь, мистер Бергдорф, я никому ничего не скажу, — пообещала она, выходя из кухни. — Ваши дела никого не касаются.

Стефани Мейлер была классная. Когда мы на следующий день встретились в редакции, она вела себя так, словно ничего не было. И больше никогда, ни при каких обстоятельствах об этом не упоминала. Но Элис я устроил выговор за то, что она меня не предупредила.

— Могла бы все-таки сказать, что снимаешь квартиру со Стефани! — негодовал я, закрыв дверь кабинета, чтобы никто нас не услышал.

— И что бы изменилось?

— Я бы к тебе не ходил. Представляешь, если про нас с тобой кто-нибудь узнает?

— Ну и что? Ты меня стыдишься?

— Нет, но я твой начальник. У меня могут быть большие неприятности.

— Вечно ты драматизируешь, Стиви.

— Нет, я не драматизирую! — вспыхнул я. — Кстати, к тебе я больше не приду, хватит ребячиться. Будем встречаться в другом месте. Где — я решу.

Именно в эту минуту, на шестом месяце нашей связи, все и пошатнулось. Оказалось, что Элис способна приходить в настоящее бешенство.

— Ты больше не хочешь ко мне приходить? Это еще что такое? Ты за кого себя принимаешь, Стиви? Думаешь, ты будешь решать, что и как?

Мы первый раз поссорились. На прощание она сказала:

— Ты меня разочаровал, Стиви. Не оправдал ожиданий. И яйца у тебя крошечные и жалкие, как у всех мужиков твоего сорта.

Она удалилась и решила прямо с завтрашнего дня взять остававшиеся у нее две недели отпуска.

Десять дней от нее не было никаких вестей, на мои звонки она не отвечала. Меня страшно задел этот случай, я впал в жуткую тоску. А главное, я понял, что с самого начала ошибался: мне казалось, что Элис ради меня готова на все, готова удовлетворить любое мое желание, но все было ровно наоборот. Я думал, что она принадлежит мне, а на самом деле я принадлежал ей. С первого же дня она полностью подчинила себе наши отношения.

Жена заметила, что со мной творится что-то неладное.

— Что случилось, дорогой? У тебя такой озабоченный вид.

— Пустяки, это по работе.

На самом деле я ужасно грустил, что потерял Элис, и в то же время очень боялся, что она подложит мне свинью и расскажет о нашей связи жене и коллегам по журналу. Еще месяц назад я петушился, готов был все бросить ради нее, а теперь чуть не наложил в штаны: надо мной нависла опасность потерять и семью, и работу, остаться вообще без всего. Жена изо всех сил пыталась понять, что стряслось, держалась ласково и нежно, и чем добрее она была, тем больше я убеждался, что не хочу ее терять.

В конце концов я не выдержал и решил после работы отправиться к Элис. Не знаю, что мною двигало: желание услышать от нее, что она про нас никому не расскажет, или потребность увидеть ее снова. В семь вечера я позвонил в домофон. Никто не ответил, ее явно не было дома. Я решил дожидаться ее на ступеньках, у входной двери. Я просидел три часа, не сдвигаясь с места. Напротив было маленькое кафе, можно было подождать там, но я слишком боялся ее пропустить. Наконец она появилась. Я заметил на тротуаре ее фигуру — в кожаных штанах, на каблуках. Она была великолепна. Потом я заметил, что она не одна: рядом шла Стефани Мейлер. Они куда-то ходили вместе.

Они подошли ближе, я встал. Стефани вежливо поздоровалась со мной и, не задерживаясь, вошла в дом, оставив нас с Элис наедине.

— Что тебе нужно? — ледяным тоном спросила Элис.

— Попросить прощения.

— Это так ты просишь прощения?

Не знаю, что на меня нашло, но я встал перед ней на колени прямо на тротуаре. И она произнесла своим сладким голосом, от которого я всегда

таял:

— О, Стиви, ты такой милый!

Подняла меня и томно поцеловала. Потом привела к себе, в свою комнату, и велела заняться с ней любовью. Прямо в разгар страсти она сказала, царапая мне плечи ногтями:

— Я люблю тебя, Стиви, ты знаешь, но прощение надо заслужить. Завтра в пять часов приходи в «Плазу» с хорошим подарком. Мои вкусы ты знаешь, и не жадничай.

Я обещал. И назавтра, в пять вечера, когда мы пили в баре «Плазы» шампанское гран крю, подарил ей бриллиантовый браслет, за который заплатил со счета, который мы с женой открыли для детей. Я знал, что жена никогда не станет проверять этот счет и у меня будет время восполнить недостачу так, чтобы она не заметила.

— Неплохо, Стиви, — снисходительно сказала Элис, надевая браслет на запястье, — ты наконец понял, как надо вести себя со мной.

Она залпом допила бокал шампанского и встала.

— Ты куда? — спросил я.

— Встречаюсь с друзьями. Увидимся завтра утром в офисе.

— Но я думал, мы проведем вместе ночь, — невольно простонал я. — Я уже номер снял.

— Что ж, хорошо тебе выспаться, Стиви.

Она ушла. А я провел вечер в номере, потому что отменять бронь было уже поздно. Обжирался гамбургерами и смотрел телевизор.

Элис с самого начала задавала тон. Я попросту не хотел себе в этом признаться. Так началось мое долгое нисхождение в ад. Теперь я чувствовал себя пленником Элис. Погоду определяла она. Если я начинал вилять, она грозила все рассказать и меня уничтожить. Поставить в известность не только журнал и мою жену, но и полицию. Сказать, что ее принудил к сексуальным отношениям изворотливый тиран-работодатель. Иногда она несколько дней бывала изысканно нежна, и я, теряя последние силы, уже не мог по-настоящему ее ненавидеть. А главное, она вознаграждала меня — но только от случая к случаю — невероятными сеансами секса, которых я отчаянно ждал; из-за них у меня сформировалась кошмарная зависимость от нее.

Наконец, в сентябре 2013 года, я понял, что Элис двигали не только денежные интересы. Конечно, я тратил на подарки целое состояние, обзавелся четвертой кредитной картой и опустошил на добрую четверть семейный сберегательный счет, но она вполне могла соблазнить кого-нибудь побогаче и получать от него в сто раз больше. По-настоящему ее

интересовала писательская карьера, и она считала, что я могу ей помочь. У нее была навязчивая идея стать новым модным нью-йоркским литератором, и она преисполнилась решимости устранить любого, кто мог составить ей конкуренцию. Мне особенно врезался в память один случай. Это было утром 14 сентября 2013 года. Она позвонила, когда мы с женой и детьми ходили по магазинам. Я отошел в сторонку, принял звонок, и в телефоне раздался ее крик:

— Ты поставил ее на обложку? Мерзавец!

— Элис, ты о чем?

Речь шла о последнем, осеннем номере «Нью-Йорк литерари ревью». Стефани Мейлер написала отличный текст, и я его анонсировал на обложке. Элис только что это обнаружила.

— Но, Элис, ты с ума сошла? Стефани написала потрясающую статью!

— Мне срать на твои оправдания, Стиви! Тебе это дорого обойдется! Я хочу тебя видеть, ты где?

Мы договорились, что я встречу с ней в кафе возле ее дома. Опасаясь ее гнева, я принес ей красивый платок дорогой французской марки. Она влетела, вне себя от злости, и швырнула подарок мне в лицо. Я никогда не видел ее в такой ярости.

— Ты занимаешься ее карьерой, ставишь ее на обложку, а я? Я так и буду жалкой нелепой секретаршей, почту приносить?

— Но, Элис, опомнись, ты же не пишешь статьи!

— Пишу! Веду писательский блог, ты мне сам говорил, что очень хороший. Почему ты не печатаешь фрагменты оттуда в нашем журнале?

— Элис, я...

Она оборвала меня гневным жестом и приказала, рассекая воздух платком, словно объезжала лошадь:

— Хватит пререкаться! Ты что, решил произвести на меня впечатление своей жалкой тряпкой? За проститутку меня держишь? Думаешь, меня можно купить?

— Элис, что ты от меня хочешь? — взмолился я.

— Я хочу, чтобы ты выставил эту дуру Стефани вон! Хочу, чтобы ты ее уволил, и немедленно!

Она встала, давая понять, что разговор окончен. Я хотел ласково взять ее за руку, удержать, но она впиалась в мою ладонь ногтями.

— Скажи спасибо, что глаза тебе не выцарапала, Стиви. И слушай хорошенько: в понедельник с утра Стефани Мейлер будет уволена, понял? Иначе прямо в понедельник все узнают, что я от тебя вытерпела.

Вспоминая сегодня этот разговор, я сознаю, что мог тогда не уступить. Не уволь я Стефани, Элис заявила бы в полицию, выдала меня и жене, и всем встречным и поперечным. Мне бы пришлось расплачиваться за свои поступки. Я мог бы взять на себя ответственность, но для этого я был слишком труслив. Поэтому в понедельник я, сославшись на финансовые проблемы, уволил Стефани Мейлер из «Нью-Йорк литерари ревью». Перед тем как уйти, она в слезах зашла ко мне в кабинет с коробкой личных вещей в руках.

— Не понимаю, за что вы так со мной, Стивен. Я пахала на вас день и ночь.

— Мне очень жаль, Стефани. Проклятая конъюнктура, пришлось сильно сокращать бюджет.

— Неправда, — сказала она. — Я знаю, что Элис вами манипулирует. Не волнуйтесь, я никому ничего не скажу. Можете спать спокойно, я вас не выдам.

После ухода Стефани Элис успокоилась и теперь изо всех сил трудилась над своим романом. Говорила, что ей пришла в голову гениальная идея и книга получится отличная.

Так прошло три месяца, наступил декабрь 2013 года. Рождественские праздники обошлись мне в 1500 долларов за кулон для Элис и 150 долларов за оригинальную бижутерию для жены, которая, со своей стороны, сделала нам сюрприз: подарила всей семье недельный отдых на солнышке. Объявила она об этом в пятницу вечером и, сияя, показала туристические проспекты: «Вечно мы считаем каждую копейку, ничего себе не позволяем. Я с Пасхи откладывала со своей зарплаты, чтобы мы провели Новый год на Карибах». Карибами она называла Ямайку — отель «все включено» для более чем среднего класса, корчащего из себя аристократию, с большим нечистым бассейном и отвратительным шведским столом. Однако влажная жара побережья Ямайки пошла мне на пользу: я спасался под пальмами от обжигающего солнца, потягивал третьесортные коктейли вдаль от Элис и всех неприятностей, и мне было хорошо. Первый раз за очень долгое время можно было успокоиться и ни о чем не думать. Я понял, что хочу уехать из Нью-Йорка, начать жизнь сначала, с нуля, не совершать больше пагубных ошибок. Я даже заговорил об этом с женой:

— Тебе никогда не хочется уехать из Нью-Йорка?

— Что? Почему ты хочешь уехать из Нью-Йорка? Разве нам там не хорошо?

— Хорошо, но ты же понимаешь, что я имею в виду.
— Именно что не понимаю.
— Мы могли бы жить в небольшом городке, не тратить время на давку в общественном транспорте...
— Что опять за блажь, Стивен?
— Это не блажь, просто в голову пришло, захотелось с тобой поделиться.

Но жена, как истинная обительница Нью-Йорка, не представляла себе жизни в другом месте, и моя идея сбежать и начать все сначала была вскоре забыта.

* * *

Прошло полгода.

К июню 2014 года детский сберегательный счет был пуст. Я перехватил звонок из банка: нас предупреждали, что держать пустой сберегательный счет нельзя, и я перевел на него денег, чтобы не забивать себе голову хотя бы этим. Мне во что бы то ни стало надо было найти способ его пополнить и тем самым не дать себя загнать в финансовую яму. Пора было положить всему этому конец. Я перестал спать, а когда наконец проваливался в сон, меня мучили невыносимые кошмары. Эта история подтачивала меня изнутри.

Элис дописала свой роман. Попросила меня его прочесть и высказаться абсолютно честно: «Как в постели: жестко, но прямо». Я с трудом дочитал ее книгу, пропуская большие куски, — она хотела знать мое мнение как можно скорее, а мнение у меня, к несчастью, сложилось однозначное. Ее текст был беспомощен и бездарен. Но сказать ей об этом прямо я не мог. Сидя в модном ресторане в Сохо, мы чокнулись шампанским за ее грядущий громкий успех.

— Я так счастлива, что тебе понравилось, Стиви, — ликовала она. — Ты же не потому так говоришь, что не хочешь меня обидеть?

— Нет, мне правда понравилось. Как ты можешь сомневаться?

— Просто я его предложила трем литературным агентам, а они мне отказали.

— А, пусть это тебя не смущает. Если бы ты знала, сколько книжек были поначалу отвергнуты и агентами, и издателями!

— Вот именно. И я хочу, чтобы ты мне помог ее продвигать и дал ее

почитать Мите Островски.

— Островски, критику? — с тревогой спросил я.

— Ну естественно. Он мог бы написать рецензию в ближайший номер нашего журнала. К его мнению все прислушиваются. Он может сделать из книги бестселлер еще до публикации, если ее похвалит. Ко мне сбегутся все агенты и издатели и станут молить принять их предложения.

— Не уверен, что это хорошая мысль. Островски может написать очень жестко, даже зло.

— Но ты же его начальник, в конце концов! Просто потребууй, чтобы он написал хорошую рецензию.

— Ты прекрасно знаешь, что так не делают, Элис. Каждый волен...

— Хватит опять читать мне мораль, Стиви. Я требую, чтобы Островски написал восторженную статью про мою книгу, и он это сделает. Ты найдешь способ его заставить.

В этот момент подошел официант с нашими лобстерами, но она жестом отправила его обратно на кухню.

— Я уже не хочу есть, вечер получился ужасный. Хочу домой.

Следующие десять дней она все время требовала подарков, за которые мне уже было нечем платить, а если я отказывался, мучила меня всеми возможными способами. В конце концов, чтобы ее успокоить, я обещал, что Островски прочтет ее книгу и напишет хвалебную статью.

Я отдал текст Островски, тот обещал прочитать. Через две недели, не имея от него никаких вестей, я поинтересовался, заглянул ли он в роман. Он ответил, что прочел его до конца. Элис потребовала, чтобы я вызвал его к себе и выслушал отчет от него лично. Мы назначили встречу на 30 июня. Перед приходом Островски Элис спряталась в шкафу. Критик высказался как нельзя более резко:

— Скажите, Стивен, я вас чем-то невольно обидел? — спросил он с порога, усаживаясь в кресло. — Если так, прошу прощения.

— Нет, — удивился я. — Что за странный вопрос?

— Просто если вы заставляете меня такое читать, значит, вы на меня сердиты! А теперь еще вынуждаете тратить время на разговоры про это. Но я все-таки понял, почему вы так настаивали, чтобы я прочел эту гадость.

— Да? И почему? — с некоторым беспокойством спросил я.

— Потому что вы сами написали эту книгу и хотите знать, чего она стоит. Мечтаете стать писателем, Стивен, верно?

— Нет, автор этой книги не я, — заверил я его.

Но Островски не поверил:

— Стивен, скажу вам как друг, потому что не хочу, чтобы вы питали

ложные надежды: вы бездарны. Это отстой! Отстой, отстой, отстой! Я бы даже так сказал: ваша книга — идеальное воплощение отстоя. Мартышка и та написала бы лучше. Окажите услугу человечеству, бросьте это дело, очень вас прошу. Может, попробуете рисовать? Или играть на гобое?

Он удалился. Не успела за ним закрыться дверь кабинета, как Элис вылетела из шкафа.

— Элис, он сам не понимает, что говорит, — попытался я ее утихомирить.

— Я хочу, чтобы ты его прогнал!

— Чтобы я его прогнал? Но я не могу уволить Островски. Читатели его обожают.

— Ты его уволишь, Стиви!

— Ну уж нет, Элис, этого я не могу! Ты соображаешь, что говоришь? Уволить Островски?

Она угрожающе наставила на меня палец:

— Ты у меня в аду гореть будешь, Стиви. Я тебя разорю и засажу в тюрьму. Ты почему не слушаешься? Придется тебя наказать!

Островски я уволить не мог. Но Элис заставила меня позвонить ему при ней по громкой связи. К моему великому облегчению, тот не ответил. Я решил потянуть с этим делом в надежде, что гнев Элис уляжется. Но спустя два дня, 2 июля, она как фурия влетела ко мне в кабинет:

— Ты не уволил Островски! Ты с ума сошел? Ты смеешь мне перечить?

— Я же при тебе пытался ему звонить, он с тех пор не перезванивал.

— Так попробуй еще раз! Он у себя в кабинете, я с ним только что столкнулась.

Я позвонил ему по прямой линии, но он опять не брал трубку. В конце концов звонок переключился на секретаршу, и та сообщила, что он дает телефонное интервью какой-то французской газете.

Элис, багровая от гнева, жестом согнала меня со стула и уселась за мой компьютер.

— Элис, ты что делаешь? — заволновался я, увидев, что она открывает мою почту.

— То, что ты давно должен был сделать, слизняк.

Она создала новое письмо и написала:

Мита, поскольку на мои звонки Вы ответить не соизволили, извещаю Вас письменно: с настоящего момента Вы больше не работаете в «Нью-Йорк

литерари ревью». Стивен Бергдорф.

Кликнула на «отправить» и с победным видом вышла из кабинета.

В этот момент я подумал, что так дальше продолжаться не может. Я терял контроль над журналом и над собственной жизнью. Я был в долгах с ног до головы, все кредитные карты были пусты и семейный сберегательный счет тоже.

Джесси Розенберг

Суббота, 12 июля 2014 года

14 дней до открытия фестиваля

На выходных мы решили отдохнуть. Нам нужно было немного отвлечься, перевести дух. Нам с Дерекком приходилось держать себя в руках: слишком многое окажется под угрозой, если Кирк Харви заставит нас сорваться.

Я вторую субботу подряд провел на кухне, возился с соусом и гамбургерами.

Дерек набирался сил в кругу семьи.

Что же до Анны, то она никак не могла отключиться от нашего дела. По-моему, ее больше всего потрясли слова Базза Ленарда про Шарлотту Браун. Где та пропадала во время открытия фестиваля 1994 года? И почему? Что она скрывала? Брауны, и Алан, и Шарлотта, очень поддержали Анну после ее переезда в Орфеа. Она потеряла счет их приглашениям на ужин, предложениям погулять или прокатиться на катере. Она часто ужинала вдвоем с Шарлоттой, чаще всего в кафе «Афина»; они часами сидели там и болтали. Анна пожаловалась ей на свои трения с Гулливером, Шарлотта рассказала, как переехала в Орфеа. Она тогда только что окончила университет. Нашла себе место у какого-то ворчливого ветеринара, который мало того что превратил ее в секретаршу, но еще и, похотывая, хватал за задницу. Анна никак не могла себе представить, чтобы Шарлотта проникла к кому-то в дом и перебила всю семью.

Накануне, просмотрев видео, мы позвонили Баззу Ленарду и задали ему два важных вопроса: была ли у кого-то из актеров машина и кто имел копию видеозаписи спектакля?

Насчет машины он высказался однозначно: вся труппа приехала вместе, на автобусе. Машины не было ни у кого. Что же касается видеокассеты, то жителям Орфеа в разных точках города было продано

шестьсот ее экземпляров. «Кассеты лежали во всех магазинах в центре, в бакалейных лавках, на заправках. Люди покупали их как сувениры. С осени девяносто четвертого года и до следующего лета разошлось все».

Из этого следовали две вещи. Для Стефани не составляло труда раздобыть кассету из вторых рук, она имелась даже в городской библиотеке. А главное, в вечер убийства Шарлотта Браун без машины могла за время своей получасовой отлучки добраться из Большого театра только до точки, находившейся в пятнадцати минутах ходьбы, не дальше. Мы с Дерекком и Анной решили, что если бы она поймала одно из редких городских такси и попросила отвезти ее в квартал Пенфилд, водитель после трагических событий наверняка бы объявился.

В то утро Анна, выйдя на пробежку, решила засечь, за какое время можно пройти от театра до дома Гордона, а потом вернуться. Пешком получалось почти 45 минут. Шарлотта отсутствовала около получаса. Но как широко можно толковать слово «около»? Бегом можно было обернуться за 25 минут. Хороший бегун справился бы и за двадцать, а человек в неподходящей обуви — скорее за тридцать. Значит, теоретически это было возможно. У Шарлотты Браун было время добежать до Гордонов, убить их, а потом вернуться в театр.

Пока Анна раздумывала, сидя на скамейке в парке напротив бывшего дома Гордонов, ей позвонил Майкл Берд. Голос у него был встревоженный:

— Анна, можешь сейчас подойти в редакцию? Случилась очень странная вещь.

Сидя в своем кабинете в «Орфеа кроникл», Майкл рассказал Анне о неожиданном визитере:

— К нам заявился Мита Островски, знаменитый литературный критик. Хотел знать, что случилось со Стефани. Когда я сказал, что ее убили, разорался: «Почему мне никто не сообщил?»

— Он как-то связан со Стефани? — спросила Анна.

— Понятия не имею. Потому тебе и позвонил. Он меня прямо засыпал вопросами, все хотел знать. Да как она умерла, да почему, да какие версии рассматривает полиция.

— Что ты ему ответил?

— Только повторял то, что и так всем известно и о чем писали в газетах.

— И что потом?

— Потом он у меня попросил старые номера газеты, где говорилось про ее исчезновение. Я ему дал из нераспроданных остатков. Он пожелал

неприменно за них заплатить. И сразу ушел.

— Куда ушел?

— Сказал, что будет изучать их в отеле. У него номер в «Палас дю Лак».

Анна забежала домой, наскоро приняла душ и отправилась в «Палас дю Лак». Островски она нашла в баре отеля: там он назначил ей встречу, когда она позвонила ему в номер.

— Со Стефани я познакомился в «Нью-Йорк литерари ревью», — объяснил он. — Потрясающая женщина, огромный талант. Обещала вырасти в большого писателя.

— Откуда вам было известно, что она поселилась в Орфеа?

— После того как ее уволили, мы продолжали общаться. Созванивались иногда.

— Вас не удивило, что она стала работать в маленьком городке в Хэмптонах?

— Сейчас, вернувшись в Орфеа, я понимаю, что это был очень правильный выбор: она говорила, что хочет писать, и городок очень к этому располагает, полный покой...

— Про полный покой — это вы слегка преувеличиваете, — возразила Анна. — Если не ошибаюсь, вы не первый раз сюда приезжаете, мистер Островски?

— Ваши сведения верны, юная миссис офицер. Я приезжал сюда двадцать лет назад на первый фестиваль. Не могу сказать, что программа в целом произвела на меня неизгладимое впечатление, но город мне понравился.

— И с 1994 года вы на фестиваль больше не ездили?

— Нет, ни разу, — подтвердил он.

— Тогда почему вы вдруг вернулись двадцать лет спустя?

— Получил любезное приглашение от мэра Брауна и подумал: «Почему бы нет?»

— Вас с 1994 года не приглашали?

— Приглашали. Но в этом году мне захотелось приехать.

Анна чувствовала, что Островски чего-то недоговаривает.

— Мистер Островски, может, не стоит держать меня за круглую дуру? Я знаю, что вы сегодня были в редакции «Орфеа кроникл», что вы расспрашивали главного редактора про Стефани. По его словам, вы были не в себе. Что происходит?

— Что происходит? — возмутился он. — Происходит то, что убита молодая женщина, которую я безмерно уважал! Так что уж простите, не

сдержался, когда мне рассказали об этой трагедии.

Голос у него срывался. Анна почувствовала, что он на пределе.

— Вы не знали, что случилось со Стефани? В редакции «Нью-Йорк литерари ревью» никто об этом не говорил? Обычно такие слухи распространяются очень быстро, у кофемашины, например.

— Возможно, — сдавленным голосом отозвался Островски, — но я не мог об этом знать, потому что меня уволили из журнала. Выставили! Унизили! Обошлись со мной как с пылью под ногами! Не успел этот мерзавец Бергдорф меня уволить, как меня на следующий же день выгнали вон, свалили мои вещи в коробки, меня не пускают в редакцию, не отвечают на мои звонки. Со мной, великим Островски, обошлись как с последним ничтожеством! И вообразите, миссис офицер, во всей этой стране только один человек по-прежнему был со мной приветлив, и этим человеком была Стефани Мейлер. Я сидел в Нью-Йорке на грани депрессии, никак не мог ей дозвониться и решил съездить к ней в Орфеа. Мне показалось, что приглашение от мэра — очень удачное совпадение, быть может, знак судьбы. Я приезжаю, все равно не могу с ней связаться, решаю сходить к ней домой, а там какой-то служитель правопорядка сообщает, что ее убили. Утопили в грязном озере, бросили ее тело на растерзание насекомым, червям, хищным птицам и пиявкам. Вот почему я в такой печали и в таком гневе, миссис офицер.

Повисло молчание. Он высморкался, смахнул слезу и глубоко вздохнул, стараясь взять себя в руки.

— Мне очень жаль, что ваша подруга умерла, — наконец произнесла Анна.

— Спасибо, что разделяете мою боль.

— Вы говорите, вас уволил Стивен Бергдорф?

— Да, Стивен Бергдорф. Главный редактор «Нью-Йорк литерари ревью».

— То есть он сначала уволил Стефани, потом вас?

— Да, — подтвердил Островски. — Думаете, здесь есть какая-то связь?

— Не знаю.

После разговора с Островски Анна пошла перекусить в кафе «Афина». Когда она садилась за столик, кто-то ее окликнул:

— Вам очень идет штатское, Анна.

Анна обернулась. На нее с улыбкой смотрела Сильвия Тенненбаум, явно в хорошем настроении.

— Я не знала про твоего брата, — сказала Анна. — Только сейчас

выяснила, что с ним случилось.

— Что это меняет? — спросила Сильвия. — Ты стала иначе ко мне относиться?

— Я хотела сказать, что мне очень жаль. Для тебя это, наверное, было ужасно. Ты мне очень симпатична, и я тебе сочувствую. Вот и все.

Сильвия погрузилась в размышления:

— Спасибо. Можно я к тебе пристроюсь, пообедаем вместе? Я угощаю.

Они уселись за столик на террасе, поодаль от других посетителей.

— Меня все долго считали сестрой чудовища, — призналась Сильвия. — Местным очень хотелось, чтобы я уехала. Продала бы по дешевке его ресторан и выкатилась отсюда.

— Твой брат, он был какой?

— Золотое сердце. Открытый, щедрый. Но слишком вспыльчивый и драчливый. Это его и сгубило. Он всю жизнь себе испортил из-за кулаков. Еще со школы. Стоило ему повздорить с другим мальчишкой, тут же лез в драку. Его отовсюду выгоняли. Дела у отца шли прекрасно, он нас записывал в лучшие частные школы Манхэттена, мы там жили. Брата исключили из всех школ, в итоге ему наняли домашнего учителя. Потом его приняли в Стэнфорд, но через год отчислили за драку с преподавателем. Подумать только, с преподавателем! Брат вернулся в Нью-Йорк, нашел работу. На восемь месяцев, потом он сцепился с коллегой, и его уволили. У нас был летний дом в Риджспорте, неподалеку отсюда, и брат перебрался туда. Нашел место управляющего в ресторане. Ему это страшно нравилось, ресторан процветал, но он там связался с дурной компанией. После работы ходил в бар с сомнительной репутацией. Его задерживали то за пьянство, то за травку. А потом случилась жуткая драка на парковке. Теду дали полгода тюрьмы. Выйдя на свободу, он решил вернуться в Хэмптоны, а не в Риджспорт. Хотел подвести черту под прошлым. Говорил, что начнет все сначала. Так он и приехал в Орфеа. Найти работу с тюремным прошлым, пусть и коротким, было очень сложно, но в конце концов владелец «Палас дю Лак» взял его носильщиком. Он был образцовым работником, быстро поднялся по служебной лестнице. Стал охранником, потом замдиректора. Включился в общественную жизнь, сделался пожарником-волонтером. Все было как нельзя лучше.

Сильвия замолчала. Анна, чувствуя, что ей не очень хочется рассказывать дальше, решила ее подтолкнуть.

— А потом что? — ласково спросила она.

— У Теда была деловая жилка, — снова заговорила Сильвия. — В гостинице он часто слышал жалобы клиентов, что в Орфеа невозможно найти настоящий ресторан. Ему захотелось открыть собственное дело. Отец к тому времени умер, оставив нам довольно большое наследство, и Теду удалось выкупить заброшенное здание в центре города, идеально расположенное: он хотел его перестроить и превратить в кафе. К несчастью, вскоре все пошло наперекосяк.

— Ты имеешь в виду пожар? — спросила Анна.

— Ты в курсе?

— Да. Мне говорили, что у твоего брата были очень напряженные отношения с мэром, с Гордоном. Тот отказывался менять целевое назначение здания, и Тед якобы устроил пожар, чтобы легче было получить разрешение на строительство. Но и на этом трудности с мэром не закончились...

— Знаешь, Анна, я тоже все это слышала. Тем не менее могу тебя заверить, что брат здание не поджигал. Да, он был холерик, но вовсе не мелкий жулик. Он был порядочным человеком, у него были свои ценности. Да, в самом деле, стычки между братом и Гордоном продолжались и после пожара. Я знаю, многие видели, как они кричали друг на друга прямо посреди улицы. Но если я тебе скажу, из-за чего они ссорились, ты не поверишь.

* * *

Орфеа, Мейн-стрит

21 февраля 1994 года

Спустя две недели после пожара

Подойдя к зданию будущего кафе «Афина», Тед Тенненбаум обнаружил, что на улице его поджидает Гордон — вышагивает взад-вперед по тротуару, чтобы согреться.

— Тед, как я вижу, вы самовольничаете, — заявил он вместо приветствия.

Тенненбаум не сразу понял, в чем дело:

— Я вас не совсем понимаю, господин мэр. Что случилось?

Гордон вынул из кармана пальто листок:

— Я вам дал список фирм для строительных работ, вы ни в одну из

них не обратились.

— Это верно, — ответил Тед Тенненбаум. — Я запросил смету и отобрал тех, у кого цены были ниже. Не вижу, в чем проблема.

Гордон слегка повысил голос:

— Тед, прекратите препираться. Если хотите начинать работы, советую вам обратиться к этим фирмам, у них квалификация гораздо выше.

— Я веду дела с местными фирмами, чья компетенция не вызывает сомнений. Я что, не могу делать так, как я хочу?

Гордон потерял терпение.

— Я вам запрещаю работать с этими фирмами! — закричал он.

— Запрещаете? Мне?

— Запрещаю. И буду блокировать работы столько времени, сколько потребуется, любыми средствами.

Несколько прохожих, привлеченных громким спором, остановились послушать. Тед, подойдя к мэру вплотную, закричал:

— Можно узнать, какого хрена вам надо, Гордон?!

— Извольте говорить «господин мэр», — произнес Гордон, упираясь пальцем ему в грудь, словно ставил точку в своем замечании.

Глаза у Теда налились кровью, он схватил было мэра за шиворот, но сразу отпустил. Тот смерил его взглядом:

— Что, Тенненбаум, решили меня попугать? Нет уж, ведите себя прилично, нечего тут цирк устраивать!

В этот момент к ним подъехала полицейская машина, из нее, хватаясь за револьвер, выскочил помощник шефа полиции Гулливер:

— Господин мэр, с вами все в порядке?

— Все хорошо, Гулливер, благодарю вас.

* * *

— Вот из-за этого они и ссорились, — подытожила Сильвия, сидя с Анной на террасе кафе «Афина». — Из-за списка строительных фирм.

— Верю, — отозвалась Анна.

— Правда? — Сильвия, казалось, даже удивилась.

— Правда. Мэр брал откаты с фирм, которым давал заказы. Думаю, строительство «Афины» требовало довольно значительных денег, и Гордон хотел получить свой кусок пирога. И что было дальше?

— Тед согласился. Он знал, что мэр найдет способ затормозить работы

и доставить ему кучу неприятностей. Все уладилось, кафе «Афина» открылось за неделю до начала фестиваля. Все шло хорошо. Покуда Гордона не убили. Брат не убивал мэра, в этом я уверена.

— Сильвия, тебе что-то говорят слова «Черная ночь»?

— «Черная ночь»? — задумалась Сильвия. — Где-то мне это попадалось.

Она заметила на соседнем столике забытый кем-то номер «Орфеа кроникл» и потянулась за ним.

— Ну да, вот. — Она показала на первую полосу газеты. — Так называется пьеса, которую в итоге сыграют на открытии фестиваля.

— Твой брат был как-то связан с бывшим шефом полиции Кирком Харви? — спросила Анна.

— Насколько я знаю, нет. Почему ты спрашиваешь?

— Потому что загадочные надписи «Черная ночь» появлялись в городе весь год перед первым фестивалем. И такую же надпись нашли на пепелище будущего кафе «Афина» в феврале девяносто четвертого. Ты не знала?

— Нет, не знала. Не забывай, я сюда переехала уже после трагедии, и то не сразу. Я тогда жила в Манхэттене, была замужем, занималась фирмой отца. А когда брат умер, я унаследовала кафе и решила его не продавать. Он так им дорожил. Наняла управляющего, а потом развелась и решила продать компанию отца. Мне хотелось чего-то нового. Окончательно я сюда переехала в 1998 году. Просто я хочу сказать, что знаю не всю эту историю. Например, ничего не слышала про эту «Черную ночь», о которой ты говоришь. Как она связана с пожаром, понятия не имею, зато я знаю, кто поджег дом.

— Кто? — спросила Анна, затаив дыхание.

— Я уже говорила, что Тед в Риджспорте связался с дурной компанией. Там был один тип, Джеремайя Фолд, мелкий бандит, вымогатель и подонок, он вечно к Теду цеплялся. Джеремайя иногда появлялся тут с какими-то странными девицами и зажигал в «Паласе». Прикатывал с полными карманами купюр на громадном мотоцикле, с грохотом, специально глушитель снимал. Шумный, грубый, часто обдолбанный. Устраивал попойки с оргиями, швырял стодолларовые купюры официантам. Владельцу отеля это не нравилось, но он боялся связываться с Джеремайей и пускал его в свое заведение. Однажды Тед решил вмешаться, он тогда еще работал в отеле. Хотел таким образом отблагодарить владельца «Паласа», который дал ему шанс. Когда Джеремайя уехал из отеля, Тед погнался за ним на машине и в конце

концов прижал его к обочине, заставил объясниться и сказал, что в «Паласе» ему больше не рады. Но у Джеремайи за спиной сидела девица, он попытался ударить Теда, чтобы выпендриться перед ней, и Тед ему как следует набил морду. Джеремайя был страшно унижен. Через какое-то время заявился к Теду домой с парой здоровенных парней, и те его поколотили. А потом Джеремайя узнал, что Тед собирается открывать кафе «Афина», и потребовал, чтобы тот с ним «делился»: платил комиссионные за спокойную работу строительных фирм, а потом, когда ресторан откроется, процент с доходов. Пронюхал, что дело прибыльное.

— И как повел себя Тед? — поинтересовалась Анна.

— Сначала он отказывался платить. И однажды вечером, в феврале, «Афина» сгорела дотла.

— Джеремайя Фолд отомстил?

— Ага. В ту ночь Тед явился ко мне в три часа ночи. Вот тогда я и узнала, что происходит.

* * *

*Ночь с 11 на 12 февраля 1994 года,
квартира Сильвии Тенненбаум в Манхэттене*

Сильвию разбудил телефонный звонок. На будильнике было 2.45. Звонил портье снизу: приехал ее брат, срочное дело.

Она впустила его, и когда двери лифта открылись, перед ней предстал бледный как смерть Тед. Он еле стоял на ногах. Она усадила его в гостиной и напоила чаем.

— Кафе «Афина» сгорело. У меня там было все. План работ, все мои бумаги, месяцы труда — все превратилось в дым.

— У архитекторов есть копии? — Сильвия старалась успокоить брата.

— Нет, ты не понимаешь! Все очень серьезно.

Тед достал из кармана мятый листок бумаги. Анонимную записку, которую он нашел под дворником машины, когда выскочил из дому после звонка о бушующем пожаре:

В следующий раз сгорит твой дом.

— Ты хочешь сказать, это поджог? — ужаснулась Сильвия.

Тед кивнул.

— Кто это сделал? — закричала Сильвия.

— Джеремайя Фолд.

— Кто?

Брат рассказал ей все. Как запретил Джеремайе Фолду появляться в «Паласе», как они подрались и к каким последствиям это привело теперь.

— Джеремайя хочет денег, — объяснил Тед. — Много денег.

— Надо сообщить в полицию, — стала умолять его Сильвия.

— Пока невозможно: я знаю Джеремайю, он кому-то заплатил за поджог. Полиция на него если и выйдет, то не сразу. Для меня это кончится лишь одним — суровым наказанием. Он абсолютный псих и готов на все. Будет только хуже: в лучшем случае он спалит все, что у меня есть, в худшем — один из нас будет убит.

— Думаешь, если заплатить, он оставит тебя в покое? — побледнев, спросила Сильвия.

— Не сомневаюсь, — сказал Тед. — Бабло он обожает.

— Так заплати ему пока, — взмолилась сестра. — У нас денег девать некуда. Заплати, у тебя тогда будет время разрядить ситуацию и сообщить в полицию, пока он не взял тебя за горло.

— Наверно, ты права, — согласился Тед.

* * *

— В общем, брат решил платить, по крайней мере пока, чтобы все улеглось, — продолжала Сильвия. — Он очень дорожил рестораном: это была его гордость, его личный успех. Он нанял строителей, указанных Гордоном, и регулярно переводил Джеремайе Фолду крупные суммы, чтобы тот не срывал работы. Поэтому кафе и открылось вовремя.

Анна задумалась. Значит, Тед Тенненбаум с февраля по июль 1994 года переводил деньги не Гордону, а Джеремайе Фолду.

— Ты полиции тогда рассказывала про все это? — спросила она Сильвию.

— Нет, — вздохнула та.

— Почему?

— Брата стали подозревать в этих убийствах. Потом он вдруг пропал и в конце концов погиб, когда уходил от полиции. Мне не хотелось навешивать на него еще и это. Но одно я точно знаю: если бы его не убили,

я бы выяснила у него все, что не давало мне покоя.

* * *

Пока Анна с Сильвией Тенненбаум сидели в кафе «Афина» на Мейн-стрит, Элис таскала Стивена Бергдорфа по магазинам.

— Надо было брать с собой вещи, а не дурить. Теперь все приходится покупать! — пилила она его в ответ на все возражения.

Перед дверью в бельевую лавку он вдруг встал столбом на тротуаре.

— У тебя все необходимое с собой, — заметил он. — Незачем сюда заходить.

— Подарок мне, подарок тебе, — потребовала Элис, вталкивая его внутрь.

Они чуть-чуть разминулись с Кирком Харви. Тот прошел мимо магазина и остановился у кирпичной стены. Вытащил из сумки банку с клеем и кисть и наклеил только что отпечатанное объявление.

КАСТИНГ

на роли в знаменитейшем спектакле

ЧЕРНАЯ НОЧЬ

Гениальный и прославленный режиссер
ИЩЕТ:

АКТЕРОВ — С ОПЫТОМ И БЕЗ ОПЫТА

Мировой успех обеспечен!

Слава гарантирована всем!

Невероятные гонорары!

*Прслушивание в понедельник, 14 июля, в 10.00
в Большом театре Орфеа*

ВНИМАНИЕ!

РОЛЕЙ НА ВСЕХ НЕ ХВАТИТ!!!

Подарки и подношения принимаются и даже

приветствуются!

В нескольких сотнях метров оттуда на объявление наткнулись Джерри и Дакота Райс, прогуливавшиеся по Мейн-стрит.

— Прислушивание на роли в спектакле, — прочел Джерри. — Давай попробуем? Ты, когда была поменьше, мечтала стать актрисой.

— Уж точно не в дебильной пьесе, — отозвалась Дакота.

— Попытка не пытка, там видно будет, — ответил Джерри, изо всех сил стараясь изобразить восторг.

— Тут написано, что прислушивание в понедельник, — заныла Дакота. — Мы сколько будем торчать в этой жопе мира?

— Понятия не имею, Дакота, — рассердился Джерри. — Сколько нужно. И не начинай, пожалуйста, мы только что приехали. Ты чем-то другим собиралась заниматься? Может, в университет поступать? Ах нет, совсем забыл, ты же никуда не записалась.

Дакота надулась и двинулась вперед, не дожидаясь отца. Они оказались перед книжной лавкой Коди. Дакота вошла и замороженно уставилась на стеллажи. Заметила на столе словарь, схватила его и стала листать. Цепочки слов, одно определение влекло за собой другое. Она почувствовала, что за спиной стоит отец, и сказала:

— Я так давно не видела словарей.

Схватив словарь, она начала рыться в романах. К ней подошел Коди:

— Ты ищешь что-то конкретное?

— Хороший роман, — ответила Дакота. — Я уже сто лет ничего не читала.

Он заметил у нее под мышкой словарь и улыбнулся:

— Но вот это не роман.

— Это гораздо лучше. Я его возьму. Не припомню, когда в последний раз держала в руках бумажный словарь. Обычно я пишу только на компьютере, и ошибки правит текстовый редактор.

— Ну и времена, — вздохнул Коди.

Она кивнула:

— Когда я была маленькая, я участвовала в конкурсах правописания, где слова по буквам произносят. Меня отец тренировал. Мы все время читали слова по буквам, мама просто с ума сходила. Когда-то я часами могла читать словарь и запоминать, как пишутся самые сложные слова. Попробуйте, спросите какое-нибудь слово.

Она протянула словарь Коди, глядевшему на нее с веселым интересом. Тот взял, раскрыл его наудачу, пробежал глазами страницу и спросил:

— Голосистолический.

— Ну, это легко: г-о-л-о-с-и-с-т-о-л-и-ч-е-с-к-и-й.

Тот озорно улыбнулся:

— Ты и вправду читала словарь?

— Ой, целыми днями.

Она засмеялась и внезапно словно осветилась изнутри.

— Ты откуда приехала? — спросил Коди.

— Из Нью-Йорка. Меня зовут Дакота.

— А я Коди.

— Какой у вас магазин замечательный, Коди. Когда-то я хотела стать писателем.

На этих словах она вдруг помрачнела.

— Когда-то? — переспросил Коди. — А что тебе мешает? Тебе, наверно, и двадцати еще нет.

— У меня больше не получается писать.

— Больше? Что ты хочешь сказать?

— Больше не получается, с тех пор как я сделала одну очень страшную вещь.

— Что же ты такое сделала?

— Это слишком страшно, чтобы рассказывать.

— Ты могла бы про это написать, — предложил Коди.

— Знаю, мне психотерапевт все время твердит. Но оно из меня не выходит. Вообще ничего не выходит. Я внутри совсем пустая.

В тот вечер Джерри с Дакотой ужинали в кафе «Афина». Джерри знал, что Дакоте всегда нравилось это заведение, и повел ее туда в надежде сделать ей приятное. Но она весь вечер дулась.

— Зачем мы сюда приперлись? — наконец спросила она, ковыряя вилкой спагетти с морепродуктами.

— Я думал, тебе здесь нравится, — оправдывался отец.

— Я про Орфеа. Зачем ты меня сюда притащил?

— Думал, тебе тут будет лучше.

— Думал, что мне тут будет лучше? Или хотел продемонстрировать, как я тебя достала, и напомнить, что из-за меня ты потерял дом?

— Дакота, что за ужасы ты говоришь!

— Я и так знаю, что испортила тебе жизнь!

— Дакота, хватит без конца есть себя поедом, ты должна двигаться вперед, ты должна поправиться.

— Ты что, не понимаешь? Я никогда не смогу поправить то, что

сделала, папа! Ненавижу этот город, все ненавижу, ненавижу жить!

Она не смогла сдержать слезы и скрылась в туалете, чтобы никто не видел, как она плачет. Вышла оттуда не скоро, минут через двадцать, и попросила отца отвезти ее обратно в «Палас».

Джерри не заметил, что в каждой из двух спален их люкса был мини-бар. Дакота, стараясь не шуметь, открыла дверцу, взяла стакан и достала из холодильничка крошечную бутылку водки. Отпила несколько глотков. Потом порылась в бельевом ящике и вынула оттуда ампулу кетамина. Лейла говорила, что такая упаковка практичнее, чем порошок, и прятать ее легче.

Дакота отломил кончик ампулы, вылила содержимое в стакан, размешала пальцем и залпом проглотила.

Через несколько минут она почувствовала, как ее охватывает умиротворение. Она стала легче. Счастливее. Она вытянулась на кровати и стала смотреть, как побелка на потолке начинает медленно идти трещинками и под ней проступает чудесная фреска: она узнала дом в Орфеа, и ей захотелось по нему побродить.

* * *

Орфеа, июль 2004 года

За завтраком в летнем домике, который снимали Райсы, царило радостное оживление.

— «Акупунктура», — произнес Джерри с хитрым видом.

Девятилетняя Дакота задрала нос, соорудив озорную мордочку; на лице матери, не сводившей с нее глаз, расцвела восхищенная улыбка. Потом девочка решительно схватила ложку, плававшую в миске с молоком, и, зачерпнув, стала доставать из него хлопья в форме букв, медленно проговаривая:

— А-к-у-п-у-н-к-т-у-р-а.

Одновременно она выкладывала соответствующую букровку на тарелку рядом. Потом, довольная, оглядела результат.

— Bravo, дорогая! — восхитился отец.

Мать со смехом захлопала в ладоши:

— Как ты это делаешь?

— Не знаю, мам. У меня как будто фотография слова в голове, и

обычно она правильная.

— Давай еще раз попробуем, — предложил Джерри. — Инкарвиллея.

Дакота закатила глаза, вызвав взрыв веселья у родителей, и попыталась выложить буквы слова. Не хватало только одного «л».

— Почти угадала! — поздравил ее отец.

— По крайней мере, узнала новое слово, — философски заметила Дакота. — Теперь больше не ошибусь. А можно я пойду в бассейн?

— Иди надевай купальник, — улыбнулась мать.

Девочка с радостным криком выскочила из-за стола и скрылась в коридоре. Джерри проводил ее нежным взглядом, а Синтия, воспользовавшись минутой покоя, уселась к мужу на колени.

— Спасибо, любимый, ты гениальный муж и отец.

— Тебе спасибо, ты совершенно невероятная.

— Даже представить себе не могла, что можно быть такой счастливой. — Сильвия смотрела на него сияющими любовью глазами.

— Я тоже. Нам так повезло, — подхватил Джерри.

Джесси Розенберг

Воскресенье, 13 июля 2014 года

13 дней до открытия фестиваля

В то воскресенье Дерек и Дарла пригласили нас с Анной к себе искупаться в их бассейне. Мы первый раз собирались вместе просто так, а не ради расследования. А я вообще впервые за очень долгое время проводил вечер у Дерека дома.

Главная цель приглашения состояла в том, чтобы мы расслабились, попивая пиво. Но Дарла на минуту отлучилась, дети возились в воде, и мы не удержались и снова заговорили о деле.

Анна пересказала нам свой разговор с Сильвией Тенненбаум. Потом пояснила, что на Теда давил, с одной стороны, мэр Гордон, который навязывал ему строительные фирмы по своему выбору, а с другой — Джеремайя Фолд, местный криминальный авторитет, которому взбрело в голову его шантажировать.

— «Черная ночь» может быть как-то связана с Джеремайей Фолдом. Это он поджег кафе «Афина» в феврале девяносто четвертого, чтобы надавить на Теда и заставить его платить.

— Может, «Черная ночь» — это название преступной банды? — предположил я.

— Надо проверить эту версию, Джесси, — отозвалась Анна. — Я не успела заскочить на службу и нарыть побольше про этого Джеремайю Фолда. Знаю только то, что поджог убедил Теда заплатить.

— Значит, все перечисления, которые мы тогда обнаружили на счетах Тенненбаума, на самом деле предназначались этому Джеремайе? — догадался Дерек.

— Да, — кивнула Анна. — Тенненбаум хотел быть уверенным, что Джеремайя даст ему спокойно завершить работы и «Афина» откроется к фестивалю. А поскольку мы теперь знаем, что Гордон брал откаты со строительных фирм, становится понятно, откуда у него в это время взялись деньги. Он наверняка потребовал комиссионные с фирм, занятых на строительстве кафе «Афина», сказал, что эти заказы они получили только благодаря ему.

— А если Гордон и Джеремайя Фолд были как-то связаны? — произнес Дерек. — Могли быть у мэра связи среди местного криминала?

— Вы в свое время не рассматривали такой вариант? — спросила Анна.

— Нет, — ответил Дерек. — Мы думали, что мэр — просто продажный политик. Нам и в голову не приходило, что он может собирать дань на всех уровнях.

— Предположим, что «Черная ночь» — название преступной группировки, — продолжала Анна. — А что, если эти надписи, появлявшиеся на стенах Орфеа за несколько месяцев до убийств, предвещали убийство мэра? Убийца оставил подпись, все это видели и знали, но никто не заметил?

— То, чего никто не увидел! — воскликнул Дерек. — То, что было у нас перед глазами, а мы не заметили! Что скажешь, Джесси?

— В таком случае это должно означать, что Кирк Харви расследовал дела этой группировки, — подумав, ответил я. — И что он все знал. Наверно, поэтому и забрал с собой досье.

— Вот этим нам и надо заняться завтра в первую очередь, — предложила Анна.

— Меня одно смущает, — заметил Дерек. — Почему Тед Тенненбаум ни слова нам не сказал о том, что у него вымогает деньги этот Джеремайя Фолд? Мы же его спрашивали про списания со счета.

— Боялся последствий? — задумалась Анна.

Дерек поморщился:

— Может, и так. Но если мы прохлопали эту историю с Джеремайей Фолдом, значит, могли прохлопать и что-то еще. Надо бы заново

пересмотреть весь контекст этой истории, выяснить, что писали тогда местные газеты.

— Я могу попросить Майкла Берда подготовить нам все архивные материалы об этих убийствах, какие у него есть.

— Хорошая мысль, — одобрил Дерек.

Вечером мы остались на ужин. Дерек, как всегда по воскресеньям, заказал пиццу. Когда мы все рассаживались на кухне, Анна заметила фотографию на стене: Дарла, Дерек, Наташа и я стояли перед «Маленькой Россией», закрытой строительными лесами.

— Что это за «Маленькая Россия»? — простодушно спросила Анна.

— Ресторан, который так и не открылся, — ответила Дарла.

— Ты любишь готовить? — поинтересовалась Анна.

— Когда-то только этим и жила.

— А кто эта девушка с тобой, Джесси? — Анна указала на Наташу.

— Наташа, — ответил я.

— Твоя тогдашняя невеста?

— Да, — кивнул я.

— Ты мне так и не сказал, что между вами произошло...

Дарла, поняв по нескончаемым вопросам Анны, что та ничего не знает, произнесла, покачав головой:

— Господи, Джесси, значит, ты ничего ей не рассказывал?

* * *

В «Палас дю Лак» Стивен Бергдорф и Элис устроились на шезлонгах у бассейна. День выдался на редкость жаркий, среди купальщиков, освежавшихся в воде, барахтался Мита Островски. Окончательно размокнув, он выбрался из воды и направился к своему шезлонгу обсыхать. И с ужасом обнаружил, что ровно на соседнем шезлонге расположился Стивен Бергдорф, натирающий кремом для загара спину какого-то юного создания, явно не жены.

— Стивен! — воскликнул Островски.

— Мита? — поперхнулся Бергдорф, увидев перед собой фигуру критика. — Что вы тут делаете?

Он, конечно, видел Островски на пресс-конференции, но никак не предполагал, что тот может поселиться в «Паласе».

— Позвольте и вам задать тот же вопрос, Стивен. Я уезжаю из Нью-Йорка, хочу пожить спокойно, а тут опять вы!

— Я приехал разузнать про загадочный спектакль, который тут будут играть.

— Я здесь был раньше вас, Стивен, так что возвращайтесь в Нью-Йорк и вообще валите отсюда.

— Мы ездим, куда хотим, у нас демократия, — сухо ответила Элис.

Островски узнал ее: она работала в журнале.

— Ну и ну, Стивен, — присвистнул он, — вижу, вы отлично сочетаете работу с удовольствием. Ваша жена, наверно, очень довольна.

Он собрал свои вещи и в ярости удалился. Стивен побежал за ним:

— Подождите, Мита...

— Не волнуйтесь, Стивен, — пожал плечами Островски, — я ничего не скажу Трейси.

— Я не о том. Я хотел сказать, что виноват перед вами. Мне очень жаль, что я с вами так обошелся. Я... я в тот момент был не в себе. Простите, пожалуйста.

Островски показалось, что Бергдорф говорит искренне. Извинения тронули его.

— Спасибо, Стивен.

— Вот уж не за что, Мита. Вас сюда прислал «Нью-Йорк таймс»?

— О боги, нет, конечно, я теперь безработный. Кому нужен старомодный критик?

— Вы великий критик, Мита, вас любая газета с руками оторвет.

Островски пожал плечами, потом вздохнул:

— Может, в этом-то и проблема.

— Это почему?

— Со вчерашнего дня меня преследует одна мысль: мне хочется пойти на прослушивание для участия в «Черной ночи».

— А что вам мешает?

— Но это же невозможно! Я литературный и театральный критик! Значит, я не могу ни писать, ни играть сам!

— Мита, я вас что-то не понимаю...

— Стивен, да напрягите же мозги, ради бога! И скажите, с какого перепугу театральный критик станет играть в спектакле? Вы можете себе представить, чтобы литературные критики писали романы, а писатели — рецензии? Можете вообразить, чтобы Дон Делилло писал рецензию для «Нью-Йоркера» про новую пьесу Дэвида Мэмета? А Поллок критиковал последнюю выставку Ротко в «Нью-Йорк таймс»? Чтобы Джефф Кунс

громил в «Вашингтон пост» последнюю работу Дэмьена Хёрста? Вы можете вообразить Спилберга, который в рецензии на последний фильм Копполы напишет в «Лос-Анджелес таймс»: «Не ходите на это говно, это жесть кромешная»? Поднимется страшный скандал, все будут кричать о необъективности, и совершенно правильно: нельзя критиковать тот вид искусства, которым занимаешься сам.

Бергдорф, уловив наконец ход мысли Островски, позволил себе заметить:

— Формально вы больше не критик, Мита, ведь я вас уволил.

Лицо Островски просияло: Бергдорф был прав. Бывший критик немедленно поднялся к себе в номер и достал номера «Орфеа кроникл», посвященные исчезновению Стефани Мейлер.

А если в книге судеб написано, что мне суждено оказаться по другую сторону стены? — думал Островски. А если Бергдорф, уволив его, вернул ему свободу? А если все это время он, сам того не ведая, был творцом?

Он вырезал нужные статьи и разложил их на кровати. С ночного столика на него смотрела фотография Меган Пейделин.

Вернувшись к бассейну, Стивен с упреком сказал Элис:

— Не цепляйся к Островски, он тебе ничего не сделал.

— А почему нет? Ты видел, с каким презрением он на меня смотрит? Как будто я проститутка. В следующий раз скажу ему, что это я его уволила.

— Не смей никому говорить, что это ты потребовала его уволить! — рассердился Стивен.

— Но это же правда, Стиви!

— Ну да, из-за тебя я по уши в дерьме.

— Из-за меня? — оскорбилась Элис.

— Да, из-за тебя и твоих идиотских подарков! Мне звонили домой из банка, и жена скоро обнаружит, что у меня проблемы с баблом, это только вопрос времени.

— У тебя проблемы с деньгами, Стивен?

— Естественно! — вне себя рявкнул Бергдорф. — Ты не видишь, сколько мы тратим? У меня на счетах пусто, я в долгах, как последний мудака!

Элис грустно взглянула на него.

— Ты мне никогда не говорил, — упрекнула она его.

— Что не говорил?

— Что подарки, которые ты мне дарил, тебе не по средствам.

— А что бы это изменило?

— Все! — вспыхнула Элис. — Это бы все изменило! Мы были бы осмотрительнее. Не разъезжали бы по «Паласам»! Ну, Стиви, как же так... Я думала, ты завсегдатай в «Плазе», видела, что ты все покупаешь и покупаешь, мне казалось, что у тебя есть деньги. Мне даже в голову не приходило, что ты живешь в кредит. Почему ты мне не сказал?

— Потому что мне было стыдно.

— Стыдно? Чего ты стыдился? Стиви, я все-таки не проститутка и не мерзавка. Я с тобой не для того, чтобы получать подарки или доставлять тебе неприятности.

— Тогда почему ты со мной?

— Да потому что я тебя люблю! — закричала Элис.

Она смотрела на Стивена в упор, по щеке у нее катилась слеза.

— Ты меня не любишь? — всхлипывая, продолжала она. — Ты на меня злишься, да? Потому что ты из-за меня в дерьме?

— Я тебе вчера уже говорил в машине, Элис, наверно, нам обоим стоит подумать, взять паузу, — осторожно предложил Стивен.

— Нет, не уходи от меня!

— Я хочу сказать...

— Уйди от жены! — взмолилась Элис. — Если ты меня любишь, уйди от жены. Только не бросай меня. У меня есть только ты, Стивен. Никого, кроме тебя. Если ты уйдешь, у меня никого не останется.

Она рыдала в голос, тушь размазалась по щекам. Все вокруг смотрели на них. Стивен поспешил ее успокоить:

— Элис, ты же знаешь, как я тебя люблю.

— Нет, не знаю! Скажи мне! Покажи, как ты меня любишь! Не надо уезжать прямо завтра, останемся здесь еще на несколько дней, напоследок. Почему бы тебе не сказать в журнале, что мы пойдем на прослушивание и подготовим статью о пьесе изнутри? Репортаж из-за кулис спектакля, о котором все будут говорить! Тогда тебе оплатят расходы. Пожалуйста! Хоть на пару дней.

— Хорошо, Элис, — обещал ей Стивен. — Останемся еще на понедельник и вторник, сходим на прослушивание. И напишем вместе статью для журнала.

* * *

После ужина, дома у Дерека и Дарлы.

На город опустилась ночь. Анна с Дерекком убрали со стола. Дарла курила на улице, у бассейна. Я подсел к ней. Жаркий воздух наполнился трелями сверчков.

— Ты только взгляни на меня, Джесси, — саркастически произнесла Дарла. — Собиралась свой ресторан открывать, а теперь заказываю пиццу по воскресеньям.

Я чувствовал, что она расстроена, и попытался ее подбодрить:

— Пицца — это просто традиция.

— Нет, Джесси. И ты это знаешь. Я устала. Устала от этой жизни, от ненавистной работы. Знаешь, что я себе говорю, когда прохожу мимо какого-нибудь ресторана? «Он мог бы быть моим». А вместо этого горбачусь сиделкой. И Дерек ненавидит свою работу. Двадцать лет ненавидит. А в последнюю неделю, когда вместе с тобой снова занимается расследованием, опять на коне, сияет и глядит именинником.

— Это его призвание, Дарла. Дерек — потрясающий детектив.

— Джесси, он больше не может быть копом. Тем более после всего, что случилось.

— Тогда пусть выйдет в отставку и займется чем-то другим! На пенсию он заработал.

— Мы за дом еще не все выплатили.

— Так продайте его! Дети через пару лет все равно разъедутся по университетам. Найдите спокойный угол, подальше от этих городских джунглей.

— И что мы там будем делать? — безнадежным голосом спросила Дарла.

— Жить, — ответил я.

Она молча смотрела в одну точку. На ее лице плясали отблески бассейна.

— Пошли, — наконец сказал я. — Хочу тебе кое-что показать.

— Что именно?

— Проект, над которым я работаю.

— Какой проект?

— Ради которого я скоро уйду из полиции. Я не хотел тебе говорить, пока не все готово. Пошли.

Мы сели в машину, оставив Дерека с Анной дома. Двинулись в сторону Куинса, потом свернули на Риго-парк. Когда машина остановилась на нужной улочке, Дарла поняла. Она вышла из машины и оглядела домик:

— Ты взял его в аренду?

— Да. Там была какая-то галантерейная лавка, она закрылась. Я перекупил аренду по дешевке. Скоро начну работы.

Она смотрела на вывеску, завешенную тканью.

— Только не говори, что...

— Вот именно, — ответил я. — Постой тут секунду.

Я вошел внутрь и зажег вывеску. Нашел лестницу, вынес ее наружу, дотянулся до парусины и сорвал ее. И в ночи засияли буквы:

МАЛЕНЬКАЯ РОССИЯ

Дарла не говорила ни слова. Мне стало не по себе.

— Смотри, у меня сохранилась ваша красная книга со всеми рецептами, — показал я ей драгоценный сборник, который вынес вместе с лестницей.

Дарла по-прежнему не произносила ни звука. Я снова попытался ее расшевелить:

— Правда, кулинар из меня тот еще. Я буду делать гамбургеры. Больше ничего не умею. Гамбургеры с Наташиным соусом. Может, ты бы помогла мне, Дарла? Открыли бы ресторан вместе. Это выглядит странновато, знаю, но...

— Странновато? — воскликнула она. — Это безумие, вот это что такое! Ты спятил, Джесси! Зачем ты это сделал?

— Чтобы все поправить, — тихо сказал я.

— Джесси, нельзя здесь ничего поправить! — в голос зарыдала она. — Слышишь? Того, что случилось, не поправит никто!

И в слезах кинулась бежать в ночь.

— 3. Прослушивание

Понедельник, 14 июля — среда, 16 июля 2014 года

Джесси Розенберг

Понедельник, 14 июля 2014 года
12 дней до открытия фестиваля

В то утро мы с Дерекком сидели в уголке ресторана «Палас дю Лак», наблюдая издали за Кирком Харви. Тот только что пришел на завтрак.

В зале появился Островски, заметил его и уселся за его столик.

— К сожалению, кто-то уйдет обиженным, нынче утром отобранны будут не все, — сказал Харви.

— Прости, Кирк, что?

— Я не с тобой разговариваю, Островски! Я обращаюсь к оладьям, они не пройдут отбор. И овсянка не пройдет. Картошка тоже останется за бортом.

— Кирк, это всего лишь завтрак.

— Нет, дубина ты стоеросовая! Это гораздо больше, чем завтрак! Я должен подготовиться и отобрать лучших актеров Орфеа!

К их столику подошел официант, принять заказ. Островски спросил кофе и яйцо всмятку. Официант повернулся к Кирку, но тот лишь молча воззрился на него. Тогда официант спросил:

— А вам что принести?

— Кем этот тип себя вообразил? — заорал Кирк. — Я вам запрещаю ко мне обращаться! Я не кто-нибудь, я великий режиссер! По какому праву всякая мелкая сошка со мной фамильярничает?

— Простите, сэр, мне очень жаль. — Официант был явно растерян и расстроен.

— Позовите директора! — потребовал Харви. — Со мной имеет право говорить только директор отеля.

Разговоры в ресторане смолкли, ошарашенные посетители уставились на Кирка. К столику уже спешил директор.

— Великий Кирк Харви желает яиц по-королевски и черной икры, — отчеканил Харви.

— Великий Кирк Харви желает яиц по-королевски и черной икры, — повторил директор подчиненному.

Официант записал заказ, и в зале снова воцарился покой.

У меня зазвонил телефон. Анна ждала нас у себя в кабинете. Когда я сказал, где мы с Дерекком находимся, она велела нам скорей уходить:

— Вам нельзя там быть. Если дойдет до мэра, у нас у всех будут проблемы.

— Этот Харви — ходячий анекдот, а все его принимают всерьез, — пожаловался я.

— Тем более надо сосредоточиться на расследовании, — заключила Анна.

Она была права. Мы вышли из ресторана и отправились к ней наводить справки о Джеремайе Фолде. Оказалось, что он разбился на мотоцикле 16 июля 1994 года, то есть за две недели до убийства Гордона.

К нашему величайшему изумлению, Джеремайя ни разу не привлекался к суду. Все, что было в его деле, — это расследование, начатое АТО, Федеральным бюро по контролю за продажей алкогольных напитков, табачных изделий и оружия; но и оно, судя по всему, ни к чему не привело. Мы связались с полицией Риджспорта, чтобы разузнать побольше, но сотрудник, с которым мы разговаривали, ничем не смог нам помочь. «У нас на Фолда ничего нет», — уверенно сказал он. Значит, гибель Фолда не вызвала подозрений.

— Джеремайя Фолд погиб до убийства Гордонов, значит, он не мог быть замешан в этом преступлении, — сказал Дерек.

— А я проверил по картотеке ФБР, — добавил я. — Преступная группировка под названием «Черная ночь» там не числится. Значит, наше дело не связано ни с какими-то притязаниями, ни с организованной преступностью.

Так или иначе, мы могли с чистой совестью отказаться от версии с Джеремайей Фолдом. Оставалось найти заказчика книги Стефани.

Дерек притащил коробки с газетами.

— Объявление, после которого Стефани Мейлер встретила с заказчиком книги, наверняка было напечатано в газете, — пояснил он нам с Анной. — В разговоре, который она описывает, заказчик упоминает, что давал его двадцать лет подряд.

И он прочел вслух отрывок из текста Стефани:

Объявление затерялось между рекламой сапожника и анонсом китайского ресторана, предлагавшего шведский стол меньше чем за 20 долларов.

ХОТИТЕ НАПИСАТЬ КНИГУ, КОТОРАЯ ВАС
ПРОСЛАВИТ?

ЛИТЕРАТОР ИЩЕТ ЧЕСТОЛЮБИВОГО
ПИСАТЕЛЯ ДЛЯ СЕРЬЕЗНОЙ РАБОТЫ.
РЕКОМЕНДАЦИИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫ.

— То есть эта публикация наверняка повторялась, — продолжал Дерек. — Стефани, кажется, была подписана только на одну газету: на ежемесячник филологического факультета университета Нотр-Дам, который она окончила. Вот, нам подобрали все номера за последний год.

— Она могла прочитать объявление случайно, — возразила Анна. — Кто-то мог оставить газету в кафе, или на сиденье в метро, или в приемной у врача.

— Может, и так, — ответил Дерек, — а может, и нет. Если найдем объявление, установим и заказчика. Узнаем наконец, кто был за рулем фургона Теда Тенненбаума.

В Большом театре собралась изрядная толпа, все хотели пройти прослушивание. Дело шло удручающе медленно. Кирк Харви сидел за столом на сцене и приглашал кандидатов попарно. Они должны были произнести реплику из первой сцены пьесы, написанную на каком-то жалком листочке; претендентам на роли приходилось передавать его друг другу.

Ужасное утро. Льет дождь. Движение на загородном шоссе перекрыто, возникла гигантская пробка. Отчаявшиеся водители яростно сигналият. По обочине дороги, вдоль неподвижно стоящих машин, идет молодая женщина. Подходит к заграждениям и обращается к постовому полицейскому.

Молодая женщина: Что случилось?

Полицейский: Человек погиб. Разбился на мотоцикле.

Претенденты бестолково толпились у сцены, ожидая от Кирка Харви указания подняться. Тот выкрикивал противоречивые команды: сперва надо было взбираться по правой лесенке, потом по левой, то надо было здороваться до подъема на сцену, то, поднявшись, ни в коем случае не здороваться, иначе Кирк заставлял повторить всю процедуру подъема с

самого начала. Затем актеры должны были разыграть сцену. Приговор звучал немедленно: Харви кричал «Бездарь!», и это означало, что кандидат должен немедленно скрыться с глаз маэстро.

Некоторые возражали:

- Как вы можете судить о людях по одной строчке?
- Не стойте над душой, вон отсюда! Режиссер здесь я.
- Можно еще раз попробовать? — попросил несчастный претендент.
- Нельзя! — рявкнул Харви.
- Но мы столько часов ждем, а всего-то одну строчку читаем.
- Слава — это не для вас, ваше место на обочине жизни! А теперь катитесь отсюда, чтобы глаза мои вас больше не видели!

Дакота валялась на диване в гостиной 308-го номера люкс «Палас дю Лак». Отец устанавливал на письменном столе ноутбук и одновременно разговаривал с дочерью.

— Может, все-таки пойдем на это прослушивание к спектаклю? — предложил Джерри. — Занялись бы чем-то с тобой вдвоем.

— Пффф! Театр — говно, — отозвалась Дакота.

— Зачем ты говоришь такие вещи! А как же чудесная пьеса, которую ты написала? Ее должна была играть школьная труппа!

— Но так и не сыграла, — напомнила Дакота. — С тех пор мне на театр наплевать.

— Подумать только, а в детстве ты была такая любознательная! — с сожалением сказал Джерри. — Что за проклятое поколение, только и сидите в телефонах да соцсетях! Читать не читаете, ничего вам не интересно, только обед свой фотографируете. Ну и времена!

— Чья бы корова мычала, нотации он мне будет читать, — возразила Дакота. — Это твои тухлые передачи превращают людей в мудаков!

— Дакота, не груби, пожалуйста.

— В общем, обойдемся как-нибудь без твоей пьесы. Если нас возьмут, мы отсюда до августа не выберемся.

— Тогда что ты хочешь делать?

— Ничего, — скривилась Дакота.

— На пляж хочешь?

— Нет. Мы когда в Нью-Йорк вернемся?

— Не знаю, Дакота, — рассердился Джерри. — Я правда не хочу с тобой ссориться, но не могла бы ты хоть немножко постараться? Мне, представь себе, тоже есть чем заняться, вместо того чтобы тут сидеть. У «Канала 14» нет яркой передачи на осень, и...

— Так давай свалим, — перебила его Дакота. — Возвращайся и делай все, что тебе нужно.

— Нет. Я договорился, что буду руководить отсюда. Между прочим, у меня сейчас начинается видеоконференция.

— Ну конечно, вечно тебя вызывают, вечно одна работа! Больше тебя вообще ничего не интересует.

— Дакота, тут дел на десять минут! Я же всегда готов побыть с тобой, согласись. Дай мне ровно десять минут, потом будем делать все, что ты хочешь.

— Я ничего не хочу, — пробурчала Дакота, встала и закрылась в своей комнате.

Джерри вздохнул и включил камеру на компьютере: пора было начинать рабочий сеанс видеосвязи с сотрудниками.

За 250 километров оттуда, в самом центре Манхэттена, участники совещания, набившись в конференц-зал на 53-м этаже небоскреба «Канала 14», болтали в ожидании начала.

— А где патрон? — спросил кто-то.

— В Хэмптонах.

— Ничего себе, прохлаждается, пока мы тут пашем как лошади! Мы горбатимся, а он знай денежки гребет.

— У него, кажется, какие-то неприятности с дочкой, — сказала женщина, дружившая с ассистенткой Джерри. — То ли ширяется, то ли что-то вроде.

— Богатые детки все такие. Чем меньше забот, тем больше с ними проблем.

Внезапно связь установилась, все замолчали. На настенном экране появилось лицо шефа. Все повернулись к нему и поздоровались.

Первым взял слово креативный директор:

— Джерри, по-моему, мы на верном пути. Мы подготовили проект, сразу получивший одобрение на всех уровнях: реалити-шоу о жизни семьи толстяков, которые безуспешно пытаются сбросить вес. Идея придется по вкусу любой аудитории, тут каждый найдет что-то для себя: можно отождествлять себя с ними, можно переживать за них, а можно и смеяться над ними. Мы провели фокус-группы. Судя по результатам, тема сработает.

— О, годится! — обрадовался Джерри.

Креативный директор передал слово менеджеру проекта:

— Мы подумали, что у семейства толстяков может быть коуч, красавчик-тренер, сплошные мускулы, жесткий и злой. Но со временем

выяснится, что он сам раньше был толстяком и сумел спустить свои жиры. Эдакий неоднозначный персонаж, публика таких любит.

— Кроме того, он привнесет конфликтное начало, чтобы серии были не похожи одна на другую, — уточнил креативный директор. — Мы уже придумали две-три ударных сцены. Например, понурый толстяк, плача, лопает шоколадное мороженое, а коуч слушает его нытье и одновременно отжимается и делает упражнения на пресс, чтобы стать еще красивее и мускулистее.

— По-моему, очень хорошая идея, — отозвался Джерри, — только не переборщите: насколько я вижу, выходит слишком много пафоса и мало конфликта. А зритель предпочитает конфликт. От сплошного нытья он заскучает.

— Такой поворот мы тоже предусмотрели, — обрадовался креативный директор, снова перехватывая микрофон. — Чтобы было больше конфликта, мы придумали такой вариант: поселим в одном доме отдыха два семейства. Одно будет суперспортивное: родители и дети, сильные, здоровые, едят одни вареные овощи, ничего жирного. Другое — наши толстяки, валяются целый день перед телевизором и жрут пиццу. Два разных образа жизни, острый антагонизм. Спортсмены говорят толстякам: «Эй, парни, пошли с нами на гимнастику, потом пойдем есть тапиоку!» А толстяки шлют их куда подальше: «Нет уж, спасибо, лучше мы поваляемся на диване, будем объедаться начос с сыром и запивать газировкой!»

Присутствующие единодушно одобрили идею. Но тут слово взял директор юридического отдела:

— Есть одна загвоздка: если мы будем заставлять толстяков по-свински обжираться, у них может случиться диабет, и нам же придется оплачивать им лечение.

Джерри жестом отмахнулся от этой проблемы:

— Подготовьте такой договор, чтобы у них ни единой лазейки не было.

Сотрудники юридического отдела немедленно бросились записывать. Теперь настал черед директора по маркетингу:

— Марка чипсов «Грасситос» отнеслась к проекту с энтузиазмом и выразила намерение его поддержать. Они готовы взять на себя часть расходов, но при условии, что в нескольких сериях прозвучит идея, что чипсы помогают сбросить вес. Хотят отмыть репутацию после скандала с ядовитыми яблоками.

— С ядовитыми яблоками? Это еще что? — спросил Джерри.

— Несколько лет назад «Грасситос» обвинили в том, что из-за их

продукции дети в школьных столовых толстеют, и они спонсировали бесплатную раздачу яблок в самых бедных школах в окрестностях Нью-Йорка. Но фрукты оказались набиты пестицидами, и дети заболели раком. Четыреста больных детишек чью угодно репутацию похоронят.

— Ох ты, ничего себе, — огорчился Джерри.

— Ну, им еще повезло, — уточнил директор по маркетингу. — Детки оказались из самых бедных кварталов, у родителей, по счастью, не было денег на судебное разбирательство. Некоторые из этих ребятишек и врачей-то в глаза не видели.

— «Грасситос» просит, чтобы мускулистые герои тоже ели чипсы. Надо, чтобы у зрителя возникла связь между мускулами и чипсами. Еще они бы хотели, чтобы коуч или спортивное семейство были латиносами. Для них это очень важный рынок, они хотят его расширять. У них уже и слоган готов: *Латинос любит «Грасситос»*.

— Отлично, мне нравится, — сказал Джерри, — но надо сперва выяснить, сколько они хотят вложить и имеет ли нам смысл с ними связываться.

— А мускулистые латиносы тоже годятся? — спросил директор по маркетингу.

— Да-да, конечно, — подтвердил Джерри.

— Нам нужны латиносы! — гаркнул креативный директор. — Кто-нибудь записывает?

Уткнувшись в экран в своем номере люкс в «Палас дю Лак», Джерри не заметил, что Дакота вышла из комнаты и стоит у него за спиной. Она поглядела на него, убедилась, что он целиком поглощен своим совещанием, и пошла прочь из номера. Побродила по коридору, не зная, куда себя деть. За дверью 310-го номера Островски готовился к прослушиванию, читал монологи из классических пьес. Из номера 312, где жили Бергдорф и Элис, доносились звуки бурного соития, и она хмыкнула. В конце концов она решила уехать из отеля. Потребовала у парковщика отцовский «порше» и отправилась в Орфеа. Свернула на Оушен-роуд, двинулась вдоль вереницы домов в сторону пляжа. Сердце у нее колотилось. Вскоре показался их бывший летний дом, где они когда-то были так счастливы вместе. Она остановилась у крыльца и долго смотрела на кованую надпись: райский сад.

Слезы не заставили себя ждать. Она разрыдалась, уткнувшись головой в руль.

* * *

— Джесси! — улыбнулся Майкл Берд, когда я появился в дверях его кабинета. — Чему обязан удовольствием вас видеть?

Пока Анна с Дерекком у нее кабинете копались в газетах университета Нотр-Дам, я отправился в редакцию «Орфеа кроникл», раздобыть статьи тех лет об убийстве.

— Мне нужен архив газеты, — сказал я Майклу. — Могу я попросить вас помочь, не оповещая об этом читателей завтрашнего выпуска?

— Разумеется, Джесси, — обещал он. — До сих пор не могу себе простить, что злоупотребил вашим доверием. Это непрофессионально. Знаете, у меня все время прокручивается в голове одна и та же пленка: могли я защитить Стефани?

В его глазах стояла печаль. Он неотрывно смотрел на письменный стол Стефани, прямо напротив. На столе все осталось, как было при ней.

— Вы ничего не могли сделать, Майкл, — попытался я его подбодрить.

Он пожал плечами и отвел меня в подвал, в архив.

Майкл оказался ценным помощником: он отбирал со мной нужные номера «Орфеа кроникл», искал полезные статьи и ксерокопировал их. Заодно я спросил его насчет Джеремайи Фолда: Майкл знал в окрестностях всех и вся.

— Джеремайя Фолд? — переспросил он. — Первый раз слышу. Это кто такой?

— Мелкий преступный авторитет из Риджспорта, — пояснил я. — Вымогал деньги у Теда Тенненбаума, угрожая сорвать открытие кафе «Афина».

Майкл был ошарашен:

— На Тенненбаума наехал рэкетир?

— Да. В 1994 году полиция штата это пропустила.

Благодаря Майклу я смог также навести справки о «Черной ночи»: он связался с другими местными изданиями, в частности с ежедневной «Риджспорт ивнинг стар», и спросил, не завалялась ли у них в архиве какая-нибудь статья с ключевыми словами «Черная ночь». Но у них ничего не оказалось. Все, что было связано с этим названием, относилось к Орфеа периода с осени 1993-го до лета 1994 года.

— А какая связь между пьесой Харви и этими событиями? — спросил Майкл. До сих пор эта параллель ему в голову не приходила.

— Хотел бы я знать. Особенно теперь, когда выяснилось, что «Черная ночь» относится только к Орфеа.

Я оттащил все архивные ксерокопии из «Орфеа кроникл» к Анне в кабинет и углубился в них. Читал, вырезал, подчеркивал, отбрасывал в корзину, раскладывал по стопкам. Анна с Дерексом по-прежнему прочесывали выпуски университетской газеты. Кабинет Анны сильно походил на сортировочный центр. Вдруг Дерекс воскликнул: «Бинго!» Объявление нашлось. На 21-й странице осеннего номера за 2013 год, между рекламой сапожника и анонсом китайского ресторана, предлагавшего шведский стол меньше чем за 20 долларов, имелся следующий текст:

ХОТИТЕ НАПИСАТЬ КНИГУ, КОТОРАЯ ВАС
ПРОСЛАВИТ?

ЛИТЕРАТОР ИЩЕТ ЧЕСТОЛЮБИВОГО
ПИСАТЕЛЯ ДЛЯ СЕРЬЕЗНОЙ РАБОТЫ.
РЕКОМЕНДАЦИИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫ.

Оставалось только связаться с сотрудником газеты, ответственным за размещение рекламы и объявлений.

* * *

Дакота по-прежнему сидела в машине у ворот «Райского сада». Отец даже не позвонил. Ей пришло в голову, что он тоже ее ненавидит, как и все. Из-за того, что случилось с домом. Из-за того, как она поступила с Тарой Скалини. Она себе никогда не простит.

Она снова расплакалась. У нее так все болело внутри, ей казалось, что лучше не будет никогда. Жить не хотелось. Почти ослепнув от слез, она стала шарить в сумке в поисках ампулы кетамина. Надо было как-то поднять настроение. И тут среди всякой мелочи ей подвернулась пластиковая коробочка, которую ей дала подружка Лейла. Героин, его надо было нюхать. Дакота еще ни разу не пробовала. Она насыпала на приборном щитке линию белого порошка и, скрючившись, потянулась к ней носом.

В доме жена сказала Джеральду Скалини, что у ворот уже долго стоит какая-то машина, и он решил вызвать полицию.

В Большом театре появился Браун. Мэр решил прийти под конец прослушивания, взглянуть, как движется дело. На его глазах Кирк унижал и отвергал одного кандидата за другим, а потом, решив выгнать всех, заорал:

— На сегодня все! Приходите завтра и постарайтесь, бога ради, играть получше!

— Сколько тебе надо актеров? — спросил Браун, поднявшись на сцену и подходя к Кирку.

— Восемь. Примерно. Видишь ли, у меня нет точного числа ролей.

— Примерно? — изумился Браун. — У тебя нет списка персонажей?

— Примерно, — повторил Харви.

— И скольких ты сегодня отобрал?

— Ноль.

Мэр тяжело вздохнул.

— Кирк, — напомнил он ему перед уходом, — тебе остался день, чтобы собрать труппу. Ты должен ускориться во что бы то ни стало. Иначе мы не закончим никогда.

У ворот «Райского сада» стояло несколько полицейских машин. На заднем сиденье патрульной машины Монтейна плакала Дакота. Руки у нее были скованы наручниками за спиной. У открытой дверцы стоял Монтейн и задавал ей вопросы:

— Ты зачем сюда приперлась? Клиента ждешь? Торгуешь здесь этим дерьмом?

— Нет, честное слово, — рыдала Дакота в полуобморочном состоянии.

— Ты даже толком отвечать не можешь, до того обдолбалась! И попробуй только наблевать мне на сиденье, ясно? Героинщица хренова!

— Дайте мне поговорить с папой, пожалуйста, — умоляла Дакота.

— Ну конечно, а еще чего тебе надо? Того, что мы нашли в машине, для судьи вполне достаточно. Готовься в камере отдыхать, красотка.

Близился вечер. В тихом квартале, где жили Брауны, Шарлотта, недавно вернувшаяся из ветеринарной клиники, с мечтательным видом сидела на крыльце. Из Большого театра вернулся муж и уселся рядом. Вид у него был измотанный. Она ласково погладила его по голове:

— Как идет прослушивание?

— Ужасно.

Она закурила.

- Алан...
- Да?
- Мне хочется туда пойти.
- Кому, как не тебе, — ободряюще улыбнулся он.
- Не знаю... я же двадцать лет не выходила на сцену.
- Ты будешь иметь бешеный успех, не сомневаюсь.
- Вместо ответа Шарлотта только тяжело вздохнула.
- Что случилось? — спросил Алан, чувствуя, что что-то не так.
- Мне иногда кажется, что лучше сидеть тихо, а главное, держаться подальше от Харви.
- Чего ты боишься?
- Ты сам прекрасно знаешь, Алан.

В нескольких милях оттуда, в «Палас дю Лак», Джерри Райс не находил себе места: Дакота пропала. Он искал ее по всему отелю, в баре, в бассейне, в фитнес-зале — все напрасно. Телефон у нее не отвечал, записки она не оставила. В конце концов он обратился к охране гостиницы. На записи камер слежения было видно, как Дакота вышла из номера, побродила по коридору, потом спустилась на ресепшн, спросила машину и уехала. Начальник охраны, не зная, что еще предпринять, предложил сообщить в полицию. Джерри предпочитал обойтись без этого, боялся навлечь на дочь неприятности. Внезапно у него зазвонил мобильный телефон. Он поспешил принять вызов:

- Дакота?
- Джерри Райс? — ответил суровый мужской голос. — Говорит помощник шефа полиции Орфеа Джаспер Монтейн.
- Полиция? Что случилось?
- Ваша дочь Дакота задержана и находится в участке. При задержании у нее обнаружены наркотики, завтра она предстанет перед судом. Ночь она проведет в камере.

Джерри Райс

Летом 1994 года я был молодым директором одной нью-йоркской радиостанции, зарабатывал мало и только что женился на Синтии, девушке, в которую был влюблен со школьной скамьи. Она единственная в меня верила.

Надо было видеть нас в то время: мы оттягивались по полной. Нам было под тридцать, мы любили друг друга и были свободны как ветер.

Самым ценным моим имуществом был подержанный «корвет», на котором мы на выходных разъезжали по всей стране, из города в город; останавливались в мотелях и пансионах.

Синтия работала в администрации маленького театрिका. Она всегда знала, где что идет, и мы каждую неделю ходили на Бродвей задаром, по контрамаркам. Жизнь мы вели скудную, но нам хватало за глаза. Мы были счастливы.

В 1994 году мы с Синтией поженились. Свадьба состоялась в январе, и мы решили отложить медовый месяц до лета. Поскольку бюджет наш был весьма ограничен, мы могли выбирать лишь места в пределах досягаемости «корвета». Синтия разузнала, что в Орфеа готовится новый театральный фестиваль. В театральных кругах о нем отзывались хорошо, ждали приезда именитых журналистов, что служило знаком качества. Я, со своей стороны, нашел там восхитительный семейный пансион — деревянный дом в двух шагах от океана, утопающий в гортензиях. Сомнений не оставалось: десять дней, которые мы собирались там провести, запомнятся надолго. Они и запомнились, во всех отношениях. По возвращении в Нью-Йорк Синтия обнаружила, что беременна. В апреле 1995 года родилась наша единственная и любимая дочь, Дакота.

Дакота принесла в нашу жизнь огромное счастье, однако я до сих пор не уверен, что мы были готовы так быстро завести ребенка. Следующие месяцы прошли так же, как у всех молодых родителей, чью жизнь перевернуло вверх дном вторжение маленького существа. Отныне в мире, в котором прежде хватало двухместного «корвета», нужно было все умножать на три. Пришлось продать машину и купить другую, побольше, сменить квартиру, чтобы иметь лишнюю комнату, оплатить роды, пеленки-распашонки, соски-переноски, люльки и прочие бирюльки. Короче, пришлось выкручиваться.

В довершение всего Синтию по возвращении из декрета уволили из театра. Что до меня, то радиостанцию перекупила крупная компания, и я, наслушавшись разговоров о реструктурировании и опасаясь потерять место, вынужден был согласиться за те же деньги иметь гораздо меньше эфирного времени, зато гораздо больше ответственности и администрирования. Наши дни представляли собой самую настоящую гонку на выживание: работа, семья, Синтия, ищущая работу и не знающая, что делать с Дакотой, и я, приходивший вечерами домой как выжатый лимон. Наша семейная жизнь переживала тяжелейшее испытание. И когда настало лето, я предложил в конце июля съездить на несколько дней в наш

маленький пансион в Орфеа, перевести дух. И чудо Орфеа сработало снова.

Так было все следующие годы. Что бы ни происходило в нью-йоркской суете, какие бы бытовые трудности нас ни поджидали, городок Орфеа излечивал все.

Синтия нашла место в Нью-Джерси, в часе езды на поезде. Каждый день она по три часа тряслась в общественном транспорте, путалась в ежедневниках и календариках, водила малышку в ясли, потом в школу, бегала за продуктами, ходила на бесконечные собрания, устраивала все и везде, на работе, дома, с утра до вечера и с вечера до утра. Мы едва общались, порой и вовсе не виделись. Но раз в году наступал восстановительный цикл: как только мы приезжали в Орфеа, все дрызги, все непонимание, весь стресс и беготня исчезали как по волшебству. Город дарил нам катарсис. Воздух здесь казался чище, небо голубее, жизнь спокойнее. Дети у хозяйки пансиона были уже взрослые, она отлично ладила с Дакотой и, если у нас возникало желание сходить на фестивальные спектакли, охотно сидела с ней.

После отпуска мы всегда возвращались в Нью-Йорк счастливые, отдохнувшие, безмятежные. Готовые снова нестись вскачь по жизни.

* * *

Я никогда не отличался особым честолюбием и, не будь Синтии и Дакоты, вряд ли поднялся бы по служебной лестнице. Но, возвращаясь из года в год в Орфеа и чувствуя, как там хорошо, я захотел давать им больше. У меня возникло желание иметь что-то получше маленького семейного пансиона, проводить в Хэмптонах не неделю в году, а больше. Я не хотел, чтобы Синтия по три часа моталась в общественном транспорте, едва сводя концы с концами, хотел, чтобы Дакота училась в частной школе и получила самое лучшее образование. Именно ради них я стал работать как вол, следить за вакансиями, требовать повышения жалованья. Ради них я согласился уйти из эфира на более ответственные посты, не приносящие удовлетворения, зато приносящие больше денег. Я стал двигаться вверх, хватаясь за любые возможности, приходил в кабинет первым и уходил последним. За три года я из директора радиостанции сделался руководителем департамента по производству телесериалов всех каналов холдинга.

Зарплата моя удвоилась, потом утроилась, и качество нашей жизни возросло соответственно. Синтия смогла уйти с работы и заниматься Дакотой, еще совсем маленькой. Часть времени она на общественных началах работала в театре. Наш отпуск в Орфеа стал длиннее: сперва мы проводили там три недели, потом целый месяц, потом все лето, снимали каждый раз все более шикарный дом; сперва домработница приходила раз в неделю, потом два раза, потом каждый день, убирала, заправляла постели, готовила еду и подбирала с пола все, что мы набросали.

Жизнь была прекрасна. Лишь одно отличало ее от моей мечты: во времена недельного отпуска в пансионе я полностью отключался от работы. Новые полномочия не позволяли отлучаться больше чем на несколько дней подряд: пока Синтия с Дакотой два месяца валялись у бассейна, не ведая ни забот, ни хлопот, мне приходилось регулярно ездить в Нью-Йорк, улаживать текущие дела и разбираться с бумагами. Синтия огорчалась, что я не могу побыть с ними подольше, но все равно все шло хорошо. На что нам было жаловаться?

Мое восхождение продолжалось. Может, даже помимо моей воли, не знаю. Жалованье, и без того астрономическое, росло как на дрожжах, а с ним и нагрузка. Медиахолдинги перекупали и поглощали друг друга, образуя всемогущие концерны. Каждый раз, оказываясь в очередном большом кабинете стеклянного небоскреба, я мог оценить свой профессиональный рост по размерам кабинета и высоте этажа. Я поднимался все выше, и жалованье поднималось вслед за мной. Я получал в десять, в сто раз больше. За десять лет я превратился из директора маленькой радиостанции в генерального директора «Канала 14», самого популярного и самого рентабельного в стране. Я управлял им с последнего, 53-го этажа стеклянной башни и получал 9 миллионов долларов в год, включая бонусы. То есть 750 тысяч долларов в месяц. Я зарабатывал гораздо больше денег, чем мог потратить за всю жизнь.

Я смог дать Синтии и Дакоте все, что хотел. Одежду от лучших брендов, спортивные машины, сказочную квартиру, частную школу, волшебный отдых. Пусть себе злится неприветливая нью-йоркская зима: мы летели частным самолетом на недельку в Сен-Бартелеми зарядиться и поправить здоровье. А в Орфеа я построил за немыслимые деньги дом нашей мечты, на берегу океана, и окрестил его «Райский сад», повесив кованую табличку на воротах.

Все стало легко и просто. До невероятия. Но за все приходилось платить, и не только деньгами: от меня требовалось еще больше вкладываться в работу. Чем больше я хотел дать своим обожаемым

женщинам, тем больше должен был отдавать «Каналу 14» — времени, энергии, внимания.

Синтия с Дакотой проводили все лето и все теплые выходные в нашем доме в Хэмптонах. Я приезжал к ним так часто, как только мог. Я устроил себе там кабинет, откуда мог заниматься текущими делами и даже устраивать конференции по телефону.

Но чем легче становилась наша жизнь, тем ощутимее она усложнялась. Сильвия хотела, чтобы я больше времени уделял ей и семье, а не думал все время о работе, но без моей работы у нас не было бы и дома. Змея кусала себя за хвост. Наш отпуск превращался в череду упреков и сцен:

— Зачем все это, если ты приезжаешь и запираешься у себя в кабинете?

— Но мы же вместе...

— Нет, Джерри, ты здесь, но тебя нет.

И на пляже то же самое, и в ресторане. Иногда, уходя на пробежку, я добегал до домика, где когда-то был семейный пансион. Теперь хозяйка умерла, и он был заколочен. Я смотрел на милый дощатый домик и мечтал о нашем прежнем отдыхе, таком скромном, коротком, но таком чудесном. Мне бы так хотелось вернуться в то время. Но как — я не знал.

Если вы меня спросите, я скажу, что все это сделал ради жены и дочери.

Если вы спросите Синтию или Дакоту, они ответят, что все это я сделал ради себя, ради своего эго, ради своей одержимости работой.

Но какая разница, кто виноват; важно, что со временем магия Орфеа действовать перестала. Наша любовь, наша семья больше здесь не возрождались, не становились крепче. Наоборот, отдых в Орфеа вносил еще больший разлад.

А потом все рухнуло.

Весной 2013 года произошли события, из-за которых нам пришлось продать дом в Орфеа.

Джесси Розенберг

Вторник, 15 июля 2014 года

11 дней до открытия фестиваля

Объявление, обнаруженное в газете университета Нотр-Дам, не позволило нам найти человека, который его поместил. У сотрудницы редакции, отвечавшей за рекламу, не было о нем никаких сведений: объявление было зарегистрировано в приемной и оплачено наличными. Абсолютная загадка. Зато сотрудница нашла в архиве то же объявление, данное ровно год назад. И еще год назад. Оно появлялось в каждом осеннем выпуске.

— Что такое особенное происходит осенью? — спросил я.

— Самый популярный выпуск, все возвращаются с каникул, — объяснила сотрудница.

У Дерекса возникла гипотеза: осенью появляются новые студенты, а значит, потенциальные кандидаты, способные написать столь желанную для заказчика книгу.

— На его месте, — заявил Дерекс, — я бы не ограничивался одним изданием, давал бы объявление и в другие газеты.

Мы позвонили в редакции еще нескольких изданий, выходивших на филфаках нью-йоркских университетов, и проверили это предположение. Оказалось, что аналогичное объявление появлялось в каждом осеннем номере уже много лет. Но тот, кто его давал, не оставил никаких следов.

Мы знали про него только то, что это был мужчина, что он находился в 1994 году в Орфеа, что он обладал информацией, позволяющей считать Тенненбаума невиновным в убийстве, что он полагал ситуацию весьма серьезной и хотел изложить ее в книге, но не мог написать эту книгу сам. Последнее было самым странным. Дерекс стал размышлять вслух:

— Кто хотел бы писать, но не может писать? До такой степени, что безуспешно ищет кого-нибудь вместо себя и годами дает объявления в студенческие издания?

Анна написала черным фломастером на магнитной доске фразу, достойную загадки фиванского сфинкса:

Я хочу писать, но не могу писать. Кто я?

За неимением лучшего нам оставалось снова копаться в статьях «Орфеа кроникл»; мы прошерстили уже большую их часть, но без особого успеха. Вдруг Дерекс завопил и обвел красным абзац в одной из статей. Вид у него был недоверчивый, и нам стало интересно.

— Нашел что-то? — спросила Анна.

— Послушайте-ка, — произнес он с сомнением в голосе, держа в руках ксерокопию. — Статья вышла в «Орфеа кроникл» 2 августа 1994

года. И в ней написано: «Источник в полиции сообщает, что в деле появился третий свидетель. Его показания могут оказаться решающими для полиции, которая на данный момент не обладает почти никакими сведениями».

— Это еще что такое? — удивился я. — Третий свидетель? У нас было два свидетеля, жители квартала.

— А то я сам не знаю, Джесси. — Дерек, казалось, был удивлен не меньше.

Анна немедленно связалась с Майклом Бердом. Про свидетеля он ничего не знал, но напомнил, что с момента убийства прошло всего три дня и по городу ходили самые невероятные слухи. Спросить у автора публикации, к сожалению, уже невозможно, он умер десять лет назад, но Майкл уточнил, что «источник в полиции» — это наверняка шеф Гулливер, который всегда любил болтать языком.

Гулливера на месте не было. Вернувшись, он зашел к нам в кабинет Анны. Я объяснил, что мы обнаружили упоминание третьего свидетеля, и он тут же назвал его имя:

— А, это Марти Коннорс. Он тогда работал на заправке возле Пенфилд-кресент.

— Почему мы о нем ни разу не слышали?

— Потому что мы проверили его свидетельство, это ерунда.

— Мы бы предпочли судить сами, — заметил я.

— Знаете, тогда таких свидетелей были десятки. Мы все досконально проверяли, прежде чем передавать вам. Люди звонили бог знает с какими пустяками: ощущали чье-то присутствие, слышали странный шум, видели летающую тарелку. Всякие такие глупости. Приходилось сильно фильтровать, иначе мы бы вас завалили с головой. Но работали мы со всей тщательностью.

— Не сомневаюсь. Вы его сами допрашивали?

— Нет. Забыл, кто именно.

Уже на пороге кабинета Гулливер вдруг остановился и произнес:

— Однорукий.

Мы втроем уставились на него.

— Вы о чем, шеф? — спросил я.

— У вас тут на доске написано: «Хочу писать, но не могу писать. Кто я?» Ответ: однорукий.

— Спасибо, шеф.

Мы позвонили на заправку, про которую говорил Гулливер. Она была

на месте. И, на наше счастье, Марти Коннорс по-прежнему там работал, как и двадцать лет назад.

— Марти — ночной заправщик, — сообщила нам служащая, снявшая трубку. — Он выходит на смену в двадцать три ноль-ноль.

— А сегодня вечером он работает?

— Да. Если хотите, я могу ему передать, что вы звонили.

— Нет, спасибо большое. Я сам заеду.

* * *

Тот, кому нужно попасть из Манхэттена в Хэмптоны как можно быстрее, летит по воздуху. С вертолетной площадки на южной оконечности острова можно добраться из Нью-Йорка в любой город Лонг-Айленда за двадцать минут.

Джерри Райс сидел в машине на парковке аэродрома Орфеа и ждал. Из задумчивости его вывел мощный рев мотора. Задрав голову, он увидел приближающийся вертолет и вышел из машины. Вертолет сел на бетонную площадку в нескольких десятках метров от него. Когда мотор отключился и лопасти замерли, боковая дверца открылась, и оттуда появилась Синтия, а за ней их адвокат Бенджамин Графф. Они направились к сетке, отделявшей площадку от парковки, и Синтия, рыдая, бросилась в объятия мужа.

Обнимая жену, Джерри дружески пожал руку адвокату.

— Бенджамин, Дакоте грозит тюрьма? — спросил он.

— Сколько наркотика у нее нашли?

— Не знаю.

— Сейчас же едем в полицию, — сказал адвокат, — надо подготовиться к суду. В принципе я бы не стал волноваться, но у нее уже была судимость по делу Тары Скалини. Если судья начнет вникать, он до нее докопается и может принять во внимание. Тогда Дакоте не позавидуешь.

Джерри трясло. Ноги не держали, и он попросил Бенджамина сесть за руль. Через четверть часа они входили в полицию Орфеа. Их провели в комнату для допросов, куда вскоре доставили Дакоту в наручниках. Увидев родителей, она разрыдалась. Полицейский снял с нее наручники, и она бросилась в объятия матери. «Девочка моя!» — Синтия изо всех сил прижала дочь к себе.

Когда полицейские вышли, они расселись вокруг пластикового стола.

Бенджамин Графф достал из портфеля папку и блокнот и немедленно приступил к работе:

— Дакота, мне надо совершенно точно знать, что ты сказала полицейским. А главное, упоминала ли ты про Тару.

* * *

В Большом театре продолжалось прослушивание. На сцене рядом с Кирком Харви сидел Браун, пытаясь хоть как-то ускорить кастинг. Но Кирк, отвергая кандидатов одного за другим, твердил:

— Они бездари. У меня тут спектакль века, а я вижу каких-то богом обиженных придурков.

— Ну постарайся, Кирк! — умолял мэр.

Харви вызвал на сцену следующую пару. Вопреки его указаниям, перед ним предстали двое мужчин: Рон Гулливер и Мита Островски.

— А вы какого черта приперлись?

— Я на прослушивание пришел! — взвыл Островски.

— Я тоже! — гаркнул Гулливер.

— По-моему, я ясно сказал: один мужчина, одна женщина. Катитесь отсюда оба.

— Я первый пришел! — возразил Островски.

— А я сегодня на службе, мне некогда ждать, имею право пройти без очереди.

— Рон? — удивился Браун. — Но вы же не можете играть в спектакле!

— Это почему? — заартачился Гулливер. — Возьму отгул. Такой шанс бывает раз в жизни, я имею право попробовать. В конце концов, играл же в 1994 году шеф Харви.

— Ладно, дам вам шанс, — отрезал Кирк. — Но один из вас будет женщиной.

Он потребовал принести парик, поиски которого задержали процесс на добрых двадцать минут. Наконец какой-то волонтер, знавший театр вдоль и поперек, откопал за кулисами и приволок длинную блондинистую шевелюру. Островски натянул ее на голову. Вооружившись листочком с записью первой сцены, он слушал, как Харви читает ремарку:

Ужасное утро. Льет дождь. Движение на загородном шоссе перекрыто, возникла гигантская

пробка. Отчаявшиеся водители яростно сигналият. По обочине дороги, вдоль неподвижно стоящих машин, идет молодая женщина. Подходит к заграждениям и обращается к постовому полицейскому.

Островски подошел к Гулливеру, изображая походку на каблуках:

Островски (*визжит как полоумный*): Что случилось?

Гулливер (*в три раза громче*): Человек погиб. Разбился на мотоцикле.

Они были ужасны. Но Кирк Харви, вскочив со стула, захолопал и закричал:

— Вы оба приняты!

— Ты уверен? — шепнул ему Браун. — На них же смотреть невозможно.

— Абсолютно уверен! — ликовал Харви.

— Были претенденты гораздо лучше, а ты их отправил восвояси.

— Алан, я тебе говорю, что уверен на все сто!

И крикнул публике и другим кандидатам:

— Вот два моих первых актера!

Островски и Гулливер спустились со сцены под аплодисменты остальных кандидатов. Их немедленно ослепил вспышками фотограф «Орфеа кроникл» и схватил за руку какой-то журналист, жаждущий записать их впечатления. Островски сиял. «За меня дерутся режиссеры, — думал он, — меня осаждают журналисты, вот я и знаменитый актер! О милая слава, как давно я тебя ждал, и ты наконец пришла!»

Перед Большим театром Элис ждала Стивена в машине, стоявшей с включенным двигателем. Они уже собрались возвращаться в Нью-Йорк, но он решил по пути заскочить на прослушивание, чтобы дополнить статью, которая должна была оправдать его уикенд в Орфеа.

— Я на пять минут, — обещал он недовольной Элис.

Ровно через пять минут он уже выходил из театра. Ну вот, с Элис покончено. Они все обговорили, она в конце концов поняла, что им надо расстаться, и обещала не устраивать скандалов. Но когда Стивен уже подходил к машине, позвонил его заместитель Скип Нейлан. Голос у него был какой-то странный:

— Ты в котором часу сегодня возвращаешься, Стивен? Мне с тобой надо поговорить, это очень важно.

Стивен сразу понял по его тону, что что-то стряслось, и предпочел солгать:

— Не знаю, зависит от прослушивания. Тут такие интересные вещи происходят. А что?

— Стивен, ко мне приходила бухгалтерша. Показала выписки с кредитной карты журнала на твое имя: там какие-то очень странные операции. Всякие покупки, главным образом в шикарных бутиках.

— В шикарных бутиках? — Стивен изобразил крайнюю степень изумления. — Может, кто-то подделал мою карту? Говорят, в Китае...

— Стивен, карту использовали в Манхэттене, а не в Китае. Там еще ночевки в «Плазе», немислимые ресторанные счета...

— Ничего себе! — Стивен продолжал делать круглые глаза.

— Стивен, ты имеешь к этому какое-то отношение?

— Я? Разумеется, нет, Скип. Ты что, считаешь, что я на такое способен?

— Нет, конечно. Но там еще счет за номер в «Палас дю Лак», в Орфеа. А это точно ты.

Стивен весь дрожал, но изо всех сил старался говорить спокойно.

— А вот это какая-то ерунда, — произнес он. — Хорошо, что ты предупредил. Кредиткой я пользовался только в непредвиденных случаях. Мэрия мне обещала, что за номер они заплатят. Наверно, там что-то перепутали. Я с ними разберусь.

— Тем лучше, — сказал Скип, — ты меня немножко успокоил. Не скрою, я чуть было не поверил...

— Ты можешь меня вообразить за ужином в «Плазе»? — расхохотался Стивен.

— И впрямь с трудом, — развеселился Скип. — Короче, хорошая новость в том, что нам, возможно, ничего платить не придется, банк говорит, они должны были заметить мошенничество. По их словам, такое уже случалось: какие-то негодяи узнают номер кредитки и делают копию.

— Ну вот видишь, я же тебе говорил! — воскликнул Стивен, снова чувствуя себя на коне.

— Когда вернешься сегодня, зайди, пожалуйста, в полицию и подай жалобу. Это банк требует, чтобы возместить расходы. Сумма большая, они хотят найти жулика. Сильно подозревают, что он из Нью-Йорка.

Бергдорфа снова охватила паника: банк опознает его в два счета. В некоторых магазинах продавщицы уже называли его по имени. Сегодня ему

нельзя возвращаться в Нью-Йорк, сперва надо найти выход.

— Как только вернусь, в ту же секунду подам жалобу, — обещал он Скипу. — Но главное происходит здесь: пьеса до того невероятная, уровень претендентов настолько высок, а процесс постановки настолько ни на что не похож, что я решил внедриться туда сам. Пройду прослушивание и буду писать статью здесь. Увижу пьесу изнутри. Получится что-то невероятное. Поверь моему чутью, Слип, для журнала это большая удача. Это верная Пулитцеровская премия!

Пулитцеровская премия. Ее Стивен попытался впарить и жене.

— Но сколько ты еще будешь там сидеть? — встревожилась она.

Он чувствовал, что Трейси наживку не проглотила. Пришлось выдвигать тяжелую артиллерию:

— Сколько буду сидеть, не знаю. Но главное, что за мое сидение журнал платит мне сверхурочные. А с учетом того, сколько я работаю, это же манна небесная! В общем, как только вернусь, мы поедем в Йеллоустон!

— Значит, все-таки едем? — обрадовалась Трейси.

— Ну конечно! — ответил муж. — Я так рад!

Стивен нажал на отбой и открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья.

— Нам нельзя уезжать, — серьезно сказал он.

— Это почему? — спросила Элис.

Он внезапно понял, что и ей не может сказать правду. Попытался улыбнуться и объявил:

— В журнале хотят, чтобы ты приняла участие в прослушивании и написала статью про эту пьесу изнутри. Большую статью, даже твое фото на обложку поставят.

— О, Стиви, это же невероятно! Моя первая статья!

Она смачно его поцеловала, и оба ринулись в театр. Ждать своей очереди пришлось несколько часов. Когда их наконец вызвали на сцену, Харви успел отвергнуть всех предыдущих кандидатов, и сидевший рядом с ним Браун всячески уговаривал его взять кого-нибудь. Игра Элис и Стивена его не вдохновила, но он решил их оставить, чтобы Алан наконец перестал ныть.

— С Гулливером и Островски выходит четверо из восьми, — произнес мэр, слегка успокоившись. — Половина есть.

* * *

День клонился к вечеру, когда после бесконечного ожидания Дакота Райс наконец вошла в главный зал судебных заседаний Дворца правосудия Орфеа и предстала перед судьей Эйбом Куперстайном.

На подгибающихся ногах, измученная проведенной в камере ночью, с красными от слез глазами, она, в сопровождении полицейского, приблизилась к судье.

— Переходим к делу № 23450, муниципалитет Орфеа против мисс Дакоты Райс, — объявил судья Куперстайн, заглянув в лежащий перед ним протокол. — Мисс Райс, здесь написано, что вчера под вечер вы были задержаны за рулем автомобиля в момент, когда пихали в нос героин. Это правда?

Дакота бросила испуганный взгляд на адвоката Бенджамина Граффа. Тот кивком велел ей отвечать так, как они все вместе договорились.

— Да, ваша честь, — ответила она сдавленным от рыданий голосом.

— Могу я спросить, мисс Райс, почему такая милая девушка, как вы, употребляет наркотики?

— Я совершила очень большую ошибку, ваша честь. У меня очень трудный период в жизни. Но я делаю все, чтобы он закончился. Посещаю психиатра в Нью-Йорке.

— Значит, наркотики вы употребляете не в первый раз?

— Нет, ваша честь.

— То есть вы употребляете их регулярно?

— Нет, ваша честь. Я бы так не сказала.

— Тем не менее полиция обнаружила при вас довольно большое количество наркотика.

Дакота опустила голову. Джерри и Синтия Райс сидели как на иголках: если судье хоть что-нибудь известно относительно Тары Скалини, дочь сильно рискует.

— Чем вы сейчас занимаетесь в жизни? — спросил Куперстайн.

— В данный момент особо ничем, — призналась Дакота.

— А почему?

Дакота расплакалась. Ей хотелось рассказать ему все, рассказать про Тару. Она заслуживала тюрьмы. Ей никак не удавалось взять себя в руки и ответить на вопрос, и Куперстайн заговорил снова:

— Признаюсь, мисс Райс, один момент в полицейском протоколе меня просто поразил.

На миг повисла пауза. У Джерри и Синтии сердце буквально выскакивало из груди: судье все известно. Значит, верная тюрьма. Но Куперстайн спросил:

— Почему вы нюхали наркотик, стоя перед этим домом? Я имею в виду, любой другой человек уехал бы в лес, на пляж, в какое-то укромное место, верно? А вы ставите машину у ворот чужого дома. Прямо посреди улицы. Неудивительно, что жильцы вызвали полицию. Ведь это странно, признайтесь?

Джерри с Синтией еле сдерживались, напряжение было невыносимо.

— Это наш бывший летний дом, — объяснила Дакота. — Родителям пришлось его продать, из-за меня.

— Из-за вас? — заинтересовался судья.

Джерри хотелось вскочить, или закричать, или еще что-нибудь выкинуть, только чтобы прервать заседание. Но вместо него заговорил Бенджамин Графф. Воспользовавшись замешательством Дакоты, он ответил за нее:

— Ваша честь, моя клиентка хочет только одного: искупить вину и примириться с жизнью. Ее вчерашнее поведение — крик о помощи, это же очевидно. Она поставила машину у дома, потому что знала, что там ее найдут. Знала, что отцу придет в голову поехать туда за ней. Дакота с отцом приехали в Орфеа, чтобы наладить отношения и начать новую жизнь.

Судья Куперстайн перевел глаза с Дакоты на адвоката, потом снова обратился к девушке:

— Это правда, юная мисс?

— Да, — пробормотала она.

Судью ее ответ явно удовлетворил. Джерри украдкой облегченно выдохнул: выдумка Бенджамина Граффа прошла на ура.

— Думаю, вы заслуживаете того, чтобы дать вам еще один шанс, — постановил Куперстайн. — Но имейте в виду: вы не должны упустить эту возможность. Ваш отец здесь?

Джерри вскочил:

— Я здесь, ваша честь. Джерри Райс, отец Дакоты.

— Мистер Райс, вас это тоже касается. Ведь, как я понимаю, вы приехали сюда с дочерью налаживать отношения.

— Совершенно верно, ваша честь.

— Что вы с дочерью собирались делать в Орфеа?

Вопрос застал Джерри врасплох. Судья, заметив его замешательство, спросил:

— Вы же не станете говорить, что приехали только ради того, чтобы у вашей дочери душа болела на бортике гостиничного бассейна?

— Нет, ваша честь. Мы... мы хотели сходить вместе на прослушивание, у вас набирают актеров для спектакля. Когда Дакота была

маленькая, она всегда говорила, что хочет стать актрисой. Она даже пьесу написала три года назад.

Судья с минуту подумал. Взглянул на Джерри, потом на Дакоту и объявил:

— Очень хорошо. Мисс Райс, я отсрочиваю исполнение вашего наказания с условием, что вы вместе с отцом будете участвовать в спектакле.

Джерри и Синтия облегченно переглянулись.

— Спасибо, ваша честь, — улыбнулась Дакота. — Я вас не подведу.

— Очень надеюсь, мисс Райс. Поясню, чтобы все было ясно до конца: если вы не выполните это условие или если вас снова задержат с наркотиками, милосердию места не будет. Ваше дело перейдет в ведение правосудия штата. Если говорить прямо, это означает, что в случае рецидива вы сразу отправитесь на несколько лет в тюрьму.

Дакота обещала и бросилась в объятия родителей. Они вернулись в свой номер в «Палас дю Лак». Измученная Дакота уснула, едва усевшись на диван. Джерри увел Синтию на террасу, чтобы спокойно поговорить.

— Может, останешься с нами? Пожили бы здесь всей семьей.

— Ты слышал, что сказал судья, Джерри: только ты и Дакота.

— Тебе ничто не мешает остаться с нами...

Синтия покачала головой:

— Нет, ты не понимаешь. Я не могу жить всей семьей, потому что сейчас мне кажется, что мы больше не семья. Я... у меня нет сил, Джерри. Я вымоталась. Ты годами перекладываешь все семейные проблемы на меня. Да, ты платишь в нашей жизни за все, Джерри, и я тебе искренне признательна, не думай, что я такая уж неблагодарная. Но когда ты последний раз что-то сделал для семьи, кроме того, что давал деньги? Все эти годы я должна была со всем справляться одна, обеспечивать порядок в нашей семье. Ты только ходил на работу. И ты ни разу, ни единого разу не спросил, каково мне, Джерри. Как я выкручиваюсь. Джерри, ты ни разу не спросил, счастлива ли я. Ты считал, что счастье — это Сен-Бартелеми или квартира с видом на Центральный парк, что они автоматически обеспечивают счастье. Ты ни разу не задал мне этого чертова вопроса, Джерри.

— А ты? — возразил Джерри. — Ты хоть раз меня спросила, счастлива ли я? Тебе когда-нибудь приходило в голову, что если вы с Дакотой так ненавидите мою чертову работу, то и я тоже могу ее ненавидеть?

— Что тебе мешало уйти?

— Но, Синтия, я все это делал только ради того, чтобы у вас была

райская жизнь. Которой вы, в сущности, не хотите.

— Да ну, Джерри, правда? Может, ты еще скажешь, что предпочел бы семейный пансион нашему дому на берегу океана?

— Возможно, — пробормотал Джерри.

— Не верю!

С минуту Синтия молча смотрела на мужа. Потом произнесла сдавленным голосом:

— Мне нужно, чтобы ты спас нашу семью, Джерри. Ты слышал, что сказал судья: в следующий раз Дакота отправится в тюрьму. Ты уверен, что следующего раза не будет, Джерри? Как ты защитишь дочь от нее самой и не дашь ей в итоге оказаться в тюрьме?

— Синтия, я...

Она не дала ему договорить:

— Джерри, я возвращаюсь в Нью-Йорк. Ты останешься здесь. У тебя есть миссия: вернуть к жизни нашу дочь. Это ультиматум. Спаси Дакоту. Спаси ее, иначе я от тебя уйду. Я не могу так больше жить.

* * *

— Вон она, Джесси, — сказал Дерек, указывая на обшарпанную автозаправку в самом конце Пенфилд-роуд.

Я свернул туда и припарковался у освещенного магазинчика. На часах было 23.15. У колонок ни души, место выглядело безлюдным.

На улице, несмотря на поздний час, стояла удушливая жара. В магазине кондиционер гнал ледяной воздух. Мы миновали ряды журналов, напитков и чипсов и оказались у стойки, за которой, скрытый витриной с шоколадными батончиками, сидел перед телевизором седой мужчина. Он поздоровался, не отрывая взгляд от экрана, и спросил:

— Которая колонка?

— Я не по поводу бензина, — отозвался я, показывая полицейский жетон.

Он немедленно выключил телевизор и встал:

— В чем дело?

— Вы Марти Коннорс?

— Да, он самый. Что случилось?

— Мистер Коннорс, мы расследуем убийство мэра Гордона.

— Гордона? Но его убили двадцать лет назад.

— По моим сведениям, вы были свидетелем чего-то необычного в тот вечер.

— Да, верно. Но я тогда же все рассказал полиции, и они сказали, что это ерунда.

— Мне нужно знать, что именно вы видели.

— Черную машину, она мчалась на бешеной скорости. Со стороны Пенфилд-роуд, направлялась к Саттон-стрит. Прямым ходом. Летела как полоумная. Я у насоса был, успел заметить.

— Вы опознали модель?

— Конечно. Фургон, «Форд Е-150», с каким-то странным рисунком сзади.

Мы с Дерекком переглянулись: у Тенненбаума был как раз «Форд Е-150».

— Вы видели, кто был за рулем? — спросил я.

— Вот это нет. Я тогда подумал, что это молодежь дурит.

— В какое время это было?

— Около семи вечера, но во сколько точно, понятия не имею. Может, ровно в семь, может, в семь десять. Знаете, это все за долю секунды случилось, я не особо обратил внимание. Потом я узнал, что стряслось с мэром, и подумал, а вдруг это как-то связано. И пошел в полицию.

— С кем вы разговаривали? Вы не помните имени полицейского?

— Конечно помню. Меня пришел допрашивать сам шеф полиции. Кирк Харви.

— И что?

— Я ему рассказал то же, что и вам, он ответил, что к расследованию это не имеет никакого отношения.

В 1994 году Лина Беллами видела фургон Теда Тенненбаума у дома мэра. Ее свидетельство подтверждалось словами Марти Коннора, опознавшего ту же машину, двигавшуюся со стороны Пенфилд-роуд. Но почему Кирк Харви скрыл это от нас?

Выйдя из магазина при заправке, мы немного задержались на парковке. Дерек развернул карту города, и мы проследили путь фургона со слов Марти Коннора.

— Фургон ехал по Саттон-стрит, — сказал Дерек, ведя по карте пальцем, — а Саттон-стрит выходит на Мейн-стрит.

— Как ты помнишь, в вечер открытия фестиваля движение на Мейн-стрит было перекрыто, но в конце оставили проезд к Большому театру для спецтранспорта.

— Спецтранспорта? Ты хочешь сказать, что волонтер-пожарник, дежуривший в тот вечер, должен был иметь разрешение на проезд или на парковку?

В свое время мы уже задавались вопросом, видел ли кто-нибудь, как Тенненбаум проезжает пропускной пункт на Мейн-стрит, позволяющий попасть в Большой театр. Но, судя по опросам волонтеров и полицейских, сменявших друг друга в этой точке, там царил такой бардак, что никто ничего не видел. Фестиваль пал жертвой собственного успеха: на Мейн-стрит было черно от народа, все парковки были забиты. Постовые не справлялись. Вскоре толпа перестала обращать внимание на указатели — люди парковались где попало, шли там, где еще оставалось место, вытаптывая газоны и травяные бордюры. Так что выяснить, что и в какое время происходило на пропускном пункте, оказалось решительно невозможно.

— Значит, Тенненбаум проехал по Саттон-стрит и вернулся в Большой театр. Именно так, как мы предполагали, — сказал Дерек.

— Но почему Харви нам ничего не сказал? Это свидетельство позволило бы нам задержать Тенненбаума гораздо раньше. Может, Харви хотел, чтобы тот выпутался?

Внезапно в дверях магазина появился Марти Коннорс и устремился к нам:

— Как хорошо, что вы еще здесь. Я тут вспомнил одну вещь: я тогда рассказывал про фургон еще одному человеку.

— Какому человеку? — спросил Дерек.

— Забыл, как его звали. Помню только, что он был не местный. После убийства он целый год регулярно появлялся в Орфеа. Говорил, что ведет собственное расследование.

Джесси Розенберг

Среда, 16 июля 2014 года

10 дней до открытия фестиваля

Первая полоса «Орфеа кроникл»:

**«ЧЕРНАЯ НОЧЬ»: ПЕРВЫЕ РОЛИ
РАСПРЕДЕЛЕННЫ**

Сегодня должно завершиться прослушивание, на

которое, к великой радости городских торговцев, съехалось невероятное количество кандидатов со всего округа. Первым кандидатом, удостоенным роли, оказался не кто иной, как знаменитый критик Мита Островски (на фото). По его словам, это пьеса-куколка, в которой «тот, кого все считали гусеницей, окажется величественной бабочкой».

Мы с Анной и Дерекком приехали в Большой театр прямо к началу третьего дня прослушивания. В зале еще никого не было, только Харви стоял на сцене. Увидев нас, он закричал:

— Вы не имеете права здесь находиться!

Не удостоив его ответом, я кинулся к нему и схватил за шиворот:

— Что вы от нас скрываете, Харви?

Я выволок его за кулисы, подальше от посторонних глаз.

— Вы уже тогда знали, что именно фургон Тенненбаума стоял у дома Гордонов. Но сознательно не дали хода свидетельству заправщика. Что вам известно об этом деле?

— Я ничего не скажу! — завопил Харви. — Как ты смеешь так надо мной издеваться, макака говноедская?

Я вытащил револьвер и упер ствол ему в живот.

— Джесси, ты что делаешь? — заволновалась Анна.

— Спокойно, Леонберг, — стал торговаться Харви. — Что ты хочешь знать? Разрешаю тебе задать один вопрос.

— Я хочу знать, что такое «Черная ночь».

— «Черная ночь» — это моя пьеса, — ответил Харви. — Ты совсем дурак?

— «Черная ночь» 1994 года, — уточнил я. — Что значит эта долбаная «Черная ночь»?

— В 1994 году это тоже была моя пьеса. Ну, не та же самая пьеса. Мне из-за этого кретина Гордона пришлось все переписывать. Но название я сохранил, оно мне очень нравится. «Черная ночь». Броско, правда?

— Не держите нас за идиотов, — взбесился я. — С этой «Черной ночью» были связаны определенные события, и вы как бывший шеф полиции прекрасно это знаете: по всему городу появлялись загадочные надписи, потом случился пожар в будущем кафе «Афина» и этот обратный отсчет, закончившийся смертью Гордона.

— Да ты совсем тупой, Леонберг! — вне себя воскликнул Харви. — Это же был я! Это был способ привлечь к пьесе внимание! Начиная все эти

инсценировки, я был уверен, что мою «Черную ночь» сыграют на открытии фестиваля. Я думал, что если люди свяжут эти загадочные надписи с афишей пьесы, интерес к ней вырастет в десятки раз.

— Это вы подожгли здание будущего кафе «Афина»? — спросил Дерек.

— Нет, конечно, ничего я не поджигал! Меня вызвали на пожар, я там оставался полночи, пока пожарные не потушили огонь. Улучил минуту, когда всем было не до меня, зашел на пожарище и написал на стенах «Черная ночь». Раз уж подфартило! Пожарные на рассвете увидели, поднялся шум. А обратный отсчет относился не к смерти Гордона, а к дате открытия фестиваля, лох ты недоделанный! Я был совершенно уверен, что пьеса будет стоять на афише первой и что 30 июля 1994 года ознаменуется пришествием «Черной ночи», сенсационной пьесы великого маэстро Кирка Харви.

— То есть это все было лишь дурацкой рекламной кампанией?

— «Дурацкой», «дурацкой», — обиделся Харви, — не такой уж дурацкой, Леонберг, если двадцать лет прошло, а ты до сих пор ее вспоминаешь!

В этот момент из зала донесся шум. Начали собираться кандидаты. Я отпустил Харви.

— Ты нас здесь не видел, Кирк, — предупредил Дерек. — Иначе будешь иметь дело с нами.

Харви не ответил. Поправил рубашку и вернулся на сцену, а мы незаметно выскользнули через запасной выход.

В зале стартовал третий день прослушивания. Первым на сцену вышел не кто иной, как Сэмюел Пейделин, решивший заклясть призраки прошлого и отдать дань памяти убитой жене. Харви немедленно его взял, сославшись на то, что ему его жалко:

— О, бедный мой друг! Если б ты только знал! Я подбирал твою жену с тротуара, ее так изрешетили... Там дырочка, тут дырочка!

— Знаю, я там тоже был, — ответил Сэмюел Пейделин.

Потом, к изумлению Харви, на сцену поднялась Шарлотта Браун. Он был растроган. Он так давно представлял себе эту минуту. Хотел обойтись с ней жестко, унизить ее перед всеми, как она унизила его, когда предпочла ему Брауна. Хотел сказать, что она недостойна роли в его пьесе, но не смог. Одного взгляда было достаточно, чтобы ощутить исходящий от нее магнетизм. Она была прирожденной актрисой.

— Ты совсем не изменилась, — только и произнес он.

— Спасибо, Кирк. Ты тоже, — улыбнулась она.

Он пожал плечами:

— Пффф! Я теперь полоумный старик. Тебе хочется снова выйти на подмости?

— Кажется, да.

— Ты принята, — просто сказал он. И записал ее имя.

* * *

Тот факт, что Кирк Харви раздул всю эту историю с «Черной ночью» на ровном месте, только укрепил нас во мнении, что он полоумный. Пускай сыграет свою пьесу, выставит себя на посмешище, а заодно и Брауна.

Браун нас очень занимал. Почему Стефани прилепила у себя на складе фото, где он произносит речь на открытии фестиваля 1994 года?

Сидя в кабинете Анны, мы еще раз пересмотрели этот фрагмент видеозаписи. Речь у Брауна была неинтересная. Что там могло быть еще? Дерек предложил отправить кассету на экспертизу, пусть попытаются изучить этот эпизод. Потом он встал и оглядел магнитную доску. Стер с нее надпись «Черная ночь»: тайна раскрыта, никакого интереса для расследования она не представляет.

— Подумать только, это всего лишь название пьесы, которую хотел показать Харви, — вздохнула Анна. — А мы-то гипотез нагромодили!

— Иногда ответ лежит прямо перед глазами, — произнес Дерек, повторив пророческую фразу Стефани, не выходявшую у нас троих из головы.

Он вдруг задумался.

— Ты чего? — спросил я.

Он повернулся к Анне:

— Анна, помнишь, когда мы в прошлый четверг ездили к Баззу Ленарду, он сказал, что Кирк Харви читал монолог под названием «Я, Кирк Харви»?

— Да, конечно.

— А почему он читал монолог, а не «Черную ночь»?

Хороший вопрос. В этот момент у меня зазвонил телефон. Говорил Марти Коннорс, заправщик.

— Я его нашел, — произнес его голос в динамике.

— Кого его? — спросил я.

— Того типа, который вел свое расследование после убийств. Только

что увидел его фото в сегодняшней «Орфеа кроникл». Он будет играть в спектакле. Его зовут Мита Островски.

* * *

В Большом театре после недолгого разброда и пары истерик Кирка Харви на сцену поднялись Джерри и Дакота Райс: пришла их очередь прослушиваться.

Харви смерил взглядом Джерри и ледяным тоном отчеканил:

— Как тебя зовут и откуда ты?

— Джерри Райс, из Нью-Йорка. Нас судья Куперстайн...

— Ты приехал из Нью-Йорка, чтобы сыграть в спектакле? — перебил его Харви.

— Мне нужно побыть с дочерью, Дакотой, пережить вместе какой-то новый опыт.

— Зачем?

— Затем, что, по-моему, я ее теряю и хотел бы обрести снова.

Повисла пауза. Харви еще раз оглядел стоявшего перед ним мужчину и вынес решение:

— Мне это нравится. Папа принят. Посмотрим, чего стоит дочь. Выйди, пожалуйста, на свет.

Дакота послушно встала в круг света. Харви внезапно пробила дрожь: от нее исходила невероятная сила. Она бросила на него такой тяжелый взгляд, что он невольно отвел глаза. Харви взял со стола листок с записью сцены и поднялся, чтобы дать его Дакоте, но та отказалась:

— Не надо, я эту сцену слышу добрых три часа, уже выучила.

Она закрыла глаза и с минуту постояла молча. Остальные претенденты глядели на нее из зала, затаив дыхание, поддавшись исходившему от нее магнетизму. Харви, тоже во власти ее чар, не произносил ни звука.

Дакота открыла глаза и прочитала нараспев:

Ужасное утро. Льет дождь. Движение на загородном шоссе перекрыто, возникла гигантская пробка. Отчаявшиеся водители яростно сигналият. По обочине дороги, вдоль неподвижно стоящих машин, идет молодая женщина. Подходит к заграждениям и обращается к постовому полицейскому.

Она сделала несколько быстрых шагов по сцене, подняла воображаемый воротник пальто и, огибая воображаемые лужи, доскакала до Харви, словно спасаясь от дождевых струй.

— *Что случилось?* — спросила она.

Харви молча смотрел на нее. Она повторила:

— Так что, мистер полицейский? Что тут происходит?

Харви спохватился и подал ей реплику:

— *Человек погиб. Разбился на мотоцикле.*

Он еще с минуту смотрел на Дакоту, а потом торжествующе воскликнул:

— У нас есть восьмой, последний актер! Завтра с самого утра можно начинать репетиции.

В зале раздались аплодисменты. Браун вздохнул с облегчением.

— Ты потрясающая, — сказал Кирк Дакоте. — Ты когда-нибудь училась актерскому мастерству?

— Нет, мистер Харви, никогда.

— Ты сыграешь главную роль!

Они смотрели друг на друга с каким-то невероятным напряжением. И Харви спросил:

— Ты убила человека, дитя мое?

Та побледнела и, дрожа, пролепетала в панике:

— От... откуда вы знаете?

— У тебя в глазах написано. Первый раз вижу такую мрачную душу. Завораживающее зрелище.

Перепуганная Дакота не сдержала слез.

— Не бойся, дорогая, — ласково сказал Харви. — Ты станешь звездой первой величины.

* * *

Была почти половина одиннадцатого вечера. Анна сидела в машине у кафе «Афина» и следила за тем, что происходит внутри. Островски оплатил счет. Когда он встал из-за стола, она схватила радиопередатчик:

— Островски выходит.

Мы с Дерекком, выйдя из засады на террасе, перехватили критика, как только он переступил порог ресторана.

— Мистер Островски, — произнес я, указывая на стоявшую перед

нами полицейскую машину, — мы бы хотели задать вам несколько вопросов, если вы согласитесь проехать с нами.

Десять минут спустя Островски уже сидел в кабинете Анны и пил кофе.

— Верно, — признал он, — это дело меня страшно интересовало. Уж сколько я ездил по театральным фестивалям, но чтобы в вечер открытия случилось массовое убийство, такого не было никогда. Как любому сколько-нибудь любопытному человеку, мне захотелось докопаться до разгадки этой истории.

— По словам заправщика, — сказал Дерек, — вы несколько раз бывали в Орфеа в год после убийства. Но дело к тому времени было уже закрыто.

— Насколько я знал, убийца умер, не успев дать признательные показания, хотя его вина в глазах полиции не подлежала сомнению. Признаюсь, меня тогда это зацепило. Без признания вины я успокоиться не мог.

Мы с Дерексом незаметно переглянулись.

— Поэтому я время от времени заезжал в Орфеа, пользуясь тем, что регулярно отдыхал в таком дивном месте, как Хэмптоны. Задавал вопросы разным людям.

— А кто вам сказал, что заправщик что-то видел?

— Это чистая случайность. Я однажды остановился залить бак, и мы поболтали. Он рассказал мне о том, что видел. И добавил, что поставил в известность полицию, но его свидетельство сочли пустяком. А мое любопытство со временем иссякло.

— Это все? — спросил я.

— Это все, капитан. Искренне сожалею, что больше ничем не могу вам помочь.

Я поблагодарил Островски за сотрудничество и предложил подвезти его, куда ему удобно.

— Вы очень любезны, капитан, но мне хочется немного пройтись. Такая дивная ночь!

Он встал и откланялся. Но на пороге обернулся и сказал:

— Критик.

— Простите, не понял?

— Эта ваша детская загадка, там, на доске, — горделиво ответил Островски. — Я уже давно на нее смотрю. И сейчас догадался. «Кто хочет писать, но не может писать?» Ответ: критик.

Он кивнул на прощание и удалился.

— Это он! — закричал я Анне с Дерекком, до которых дошло не сразу. — Человек, который хочет писать, но не может и который находился в Большом театре в вечер убийства, — это Островски! Это он заказал Стефани книгу!

Спустя несколько секунд Островски сидел в комнате для допросов и вел с нами куда менее приятный разговор.

— Нам все известно, Островски! — гремел Дерек. — Вы уже двадцать лет каждую осень даете объявление в газеты филологических факультетов округа Нью-Йорк, ищете того, кто бы написал книгу про убийство в Орфеа.

— Зачем вы давали объявление? — спросил я. — Пора рассказать все.

Островский посмотрел на меня так, словно я не понимал очевидных вещей:

— Ну знаете, капитан... Как вы себе это представляете? Чтобы великий критик унизился до детектива? Представляете, что скажут люди?

— А в чем проблема?

— Да в том, что есть жанры более уважаемые и менее уважаемые. На почетном месте всегда заумный роман, за ним — роман интеллектуальный, потом исторический, потом просто роман, и уже потом, совсем под конец, прямо перед розовым дамским романом, — детектив.

— Это шутка? — рассердился Дерек. — Издеваетесь над нами, да?

— Да нет же, тысяча чертей! Нет! Проблема именно в этом. С того вечера, когда произошло убийство, я заложник гениального детективного сюжета, но написать роман не могу.

* * *

Орфеа, 30 июля 1994 года
Вечер убийства

Когда спектакль «Дядя Ваня» закончился, Островски вышел из зала. Постановка неплохая, актеры играли хорошо. Уже в антракте он заметил, что публика в его ряду чем-то взволнована. Не все зрители досидели до конца. Причину беспокойства он понял, когда вышел в фойе Большого театра: здесь все бурлило, говорили о том, что только что были убиты четыре человека.

С высоты театрального крыльца он окинул взглядом толпу,

нескончаемым потоком двигавшуюся в одном направлении — к кварталу Пенфилд. Все хотели взглянуть, что там случилось.

В воздухе чувствовалась взвинченность, почти исступление. Все новые люди вливались в человеческий поток, напомнивший Островски море крыс из «Гамельнского крысолова». Достоинство критика не позволяло ему бежать туда, куда стремились все. Он не любил все модное, насмехался над популярностью и ненавидел любые коллективные восторги. Но атмосфера завораживала, и ему тоже захотелось отдаться течению. Он понял, что в нем проснулось любопытство. И в свой черед бросился в человеческую реку, которая текла по Мейн-стрит, принимая в себя ручьи из прилегающих к ней проулков, и упиралась в мирный жилой квартал. Островски шел быстро и вскоре добрался до Пенфилд-кресент. Повсюду стояли полицейские машины. На стенах домов плясали синие и красные блики маячков. Островски протолкался сквозь толпу, сгрудившуюся у полицейских заграждений. Стояла душная ночь тропического лета. Люди вокруг были взбудораженные, нервные, встревоженные, любопытные. Говорили, что это дом мэра. И что убили не только его, но и жену с сыном.

Островски долго стоял на Пенфилд-кресент, не в силах оторваться от открывшегося ему зрелища, и думал о том, что настоящий спектакль был разыгран не в Большом театре, а здесь. Но кто напал на мэра? Почему? Его снедало любопытство. В голове роилась тысяча разных гипотез.

Вернувшись в «Палас дю Лак», он пошел в бар. Время было позднее, но возбуждение не давало ему уснуть. Что случилось? Почему его так взволновало обычное происшествие? Внезапно он понял. Попросил принести бумагу и ручку. Первый раз в жизни у него в голове был готовый сюжет. Захватывающая интрига: пока весь город празднует открытие театрального фестиваля, происходит ужасное убийство. Словно по волшебству: публика смотрит влево, а все происходит справа. Островски даже написал заглавными буквами: ПРЕСТИДИЖИТАЦИЯ. Какое название! Завтра же, прямо с утра, он сбегает в местную книжную лавку и купит все детективы, какие там есть. И тут его вдруг осенило. До него дошла страшная вещь: если он напишет книгу, все скажут, что это низкий жанр, какой-то детектив. Его репутация будет подорвана навсегда.

* * *

— Поэтому я так и не смог написать эту книгу, — подытожил

Островски двадцать лет спустя, сидя в комнате для допросов. — Я мечтал о ней, она не выходила у меня из головы. Я хотел прочитать эту историю, но написать ее сам не мог. Только не детектив. Слишком большой риск.

— И вы решили кого-нибудь нанять?

— Да. Просить какого-нибудь известного писателя мне было нельзя. Только подумайте, как бы он мог меня шантажировать, угрожая открыть всем мою тайную страсть к детективам. Я подумал, что менее рискованно нанять студента. Так мне и подвернулась Стефани. Я знал ее еще по «Нью-Йорк литерари ревью», откуда этот кретин Стивен Бергдорф ее уволил. У Стефани было блестящее перо, чистый беспримесный дар. Она согласилась написать книгу, сказала, что уже много лет подыскивает хороший сюжет. Мы стали друг для друга подарком судьбы.

— Вы регулярно связывались со Стефани?

— Вначале да. Она часто приезжала в Нью-Йорк, мы встречались в кафе неподалеку от редакции. Она рассказывала, что ей удалось выяснить. Иногда читала мне отрывки. Но бывало и так, что она на какое-то время с головой уходила в поиски и не давала о себе знать. Поэтому я не особо беспокоился, когда на прошлой неделе не смог ей дозвониться. Я ей дал карт-бланш и тридцать тысяч долларов наличными на расходы. Все деньги и славу я оставлял ей, мне просто хотелось узнать развязку этой истории.

— Потому что вы считали, что убийца не Тед Тенненбаум, а кто-то другой?

— Совершенно верно. Я внимательно следил за развитием событий и знал, что, по свидетельству очевидца, его фургон стоял у дома мэра. А по описанию этого фургона понял, что видел его у Большого театра в вечер убийства, незадолго до семи вечера. В театр я пришел заранее, а внутри можно было сдохнуть от духоты. Я вышел покурить и, чтобы не стоять посреди толпы, отошел на соседнюю улицу. Там такой тупичок, где служебный вход в театр. И я видел, как проехала черная машина. Я обратил на нее внимание, потому что на заднем стекле у нее странный рисунок. Тот самый фургон Тенненбаума, о котором все потом заговорили.

— Но в тот день вы видели, кто сидел за рулем, и это был не Тед Тенненбаум?

— Совершенно верно, — сказал Островски.

— Кто же тогда был за рулем, мистер Островски? — спросил Дерек.

— Шарлотта Браун, жена мэра, — ответил он. — За рулем фургона Тенненбаума была она.

— 2. Репетиции

Четверг, 17 июля — суббота, 19 июля 2014 года

Джесси Розенберг

Четверг, 17 июля 2014 года
9 дней до открытия фестиваля

Ветеринарная клиника Шарлотты Браун находилась в промышленной зоне Орфеа, неподалеку от двух крупных торговых центров. Как обычно, она въехала на еще пустую парковку в 7.30 утра и поставила машину на закрепленное за ней место прямо у кабинета. Вышла со стаканчиком кофе в руках, явно в хорошем настроении. И настолько погруженная в свои мысли, что, хотя я стоял в паре метров, заметила меня, только когда я ее окликнул.

— Добрый день, миссис Браун, — представился я, — капитан Розенберг, полиция штата.

Она вздрогнула, подняла на меня глаза и сказала с улыбкой:

— Вы меня напугали. Да, я знаю, кто вы такой.

Тут она заметила за моей спиной Анну, прислонившуюся к патрульной машине.

— Анна? — удивилась Шарлотта и вдруг испугалась: — О боже! Неужели Алан...

— Успокойтесь, миссис Браун, с вашим мужем все в полном порядке, — сказал я. — Но нам надо задать вам несколько вопросов.

Анна открыла заднюю дверь машины.

— Я не понимаю, — пролепетала Шарлотта.

— Скоро поймете, — заверил ее я.

Мы отвезли Шарлотту в полицию, разрешили ей позвонить секретарше и отменить на сегодня прием, а также адвокату, как полагается по закону. Вместо адвоката она позвонила мужу, и тот немедленно примчался. Но Алан Браун не имел права присутствовать при допросе жены, хоть и был мэром города. Он попытался устроить скандал, но Гулливер привел его в чувство:

— Алан, скажите спасибо, что они допросят Шарлотту здесь, быстро и незаметно, а не потащат ее в окружное отделение полиции штата.

Шарлотта сидела с чашкой кофе в комнате для допросов и явно очень нервничала.

— Миссис Браун, — начал я, — вечером в субботу, 30 июля 1994 года, вы уехали из Большого театра около девятнадцати часов на машине, принадлежавшей Теду Тенненбауму. Вас официально опознал свидетель. Несколько минут спустя эту машину видели перед домом Гордона, именно тогда, когда он и его семья были убиты.

Шарлотта Браун опустила глаза.

— Я Гордонов не убивала, — сразу отчеканила она.

— Тогда что же произошло в тот вечер?

Шарлотта с минуту сидела молча, с отрешенным видом. Потом прошептала:

— Я знала, что этот день настанет. Знала, что не смогу до конца дней хранить секрет.

— Какой секрет, миссис Браун? — спросил я. — Что вы скрываете уже двадцать лет?

Поколебавшись, Шарлотта тихо заговорила:

— Я действительно взяла фургон Теда Тенненбаума в вечер открытия фестиваля. Я видела, что он стоит у служебного входа. Его трудно не заметить, с этой его совой на заднем стекле. Я знала, что это его машина, потому что все предыдущие дни мы с некоторыми актерами ходили в кафе «Афина» и Тед потом отвозил нас в гостиницу. Так что, когда у меня возникла необходимость ненадолго отлучиться как раз около семи, я сразу решила ею воспользоваться. Чтобы выиграть время. В Орфеа ни у кого из труппы не было машины. Естественно, я собиралась спросить у него разрешения. Пошла к нему в пожарную комнатушку, рядом с гримерками. Но его не было на месте. Я обежала все кулисы, но его не нашла. Что-то случилось с пробками, я подумала, что он с ними возится. У него в комнатке я увидела ключи, они лежали на столе, на самом виду. Времени у меня оставалось в обрез. Через полчаса начиналась официальная часть, и Базз, режиссер, не хотел, чтобы мы выходили из Большого театра. Ну, я и взяла ключи. Думала, никто не заметит. Все равно Тенненбаум дежурил на спектакле, значит, никуда не уедет. Я тайком вышла из театра через служебный вход и поехала на его машине.

— Но что за срочность? Почему вам непременно понадобилось отлучиться за полчаса до официальной части?

— Мне обязательно надо было поговорить с мэром, с Гордоном. Я заезжала к ним домой за несколько минут до того, как их всех убили.

* * *

Орфеа, 30 июля 1994 года, 18.50
Вечер убийства

Шарлотта завела фургон Тенненбаума, выехала из тупика на Мейн-стрит и в изумлении обнаружила, что там царит неопиcуемая суматоха. Все было запружено людьми, движение перекрыто. Утром, когда их труппа приехала, все было тихо и пустынно, а теперь по улице двигалась плотная толпа.

Волонтер, регулировавший движение на перекрестке, разбирался с какими-то плутовавшими семействами. Он отодвинул заграждение, пропуская Шарлотту, и знаком показал, что двигаться можно только по коридору, отведенному для машин оперативных служб. Она повиновалась: другого выхода все равно не было. Орфеа она не знала, ориентировалась только по туристической схеме города, отпечатанной к фестивалю. Пенфилд-кресент на ней не значилась, зато она увидела квартал Пенфилд и решила ехать туда, а потом спросить дорогу у прохожих. Добралась до Саттон-стрит и выехала по ней на Пенфилд-роуд, за которой начинался одноименный жилой квартал. Но попала в настоящий лабиринт, улочки расходились во все стороны. Шарлотта сворачивала то на одну, то на другую, в какой-то момент даже заблудилась. Пустынные улицы казались призрачными — ни единого прохожего. Время поджимало, надо было торопиться. Наконец она снова выехала на Пенфилд-роуд, центральную улицу квартала, и помчалась по ней. Кто-то же должен ей попасться. И тут она заметила молодую женщину в спортивном костюме, занимавшуюся гимнастикой в маленьком парке. Шарлотта резко затормозила на обочине, выскочила из машины и побежала по газону.

— Простите, я совершенно заблудилась. Мне нужно попасть на Пенфилд-кресент.

— Вы на ней стоите, — улыбнулась женщина. — Вот эта улица, гибнет парк. Какой номер дома вам нужен?

— Я даже номера не знаю, — призналась Шарлотта. — Я ищу дом мистера Гордона.

— А, он вон там. — И женщина указала на симпатичный дом за парком, на другой стороне улицы.

Шарлотта поблагодарила ее и снова села за руль. Развернулась на Пенфилд-кресент и подкатила к дому мэра, оставив машину на улице с включенным двигателем. На часах было 19.04. Надо спешить, времени мало. Она подбежала к двери Гордонов и нажала на звонок. Тишина. Она позвонила еще раз и приложила ухо к двери. Кажется, внутри какой-то

шум. Она стала стучать в дверь кулаком, крича: «Кто-нибудь дома?» Никто не ответил. Спускаясь с крыльца, она заметила, что задернутые шторы на одном из окон тихонько шевелятся, а из-за них выглядывает мальчик. Он тут же задернул штору. «Эй, подожди!» — позвала она и кинулась по газону к окну. Но на газоне оказался потоп: ноги Шарлотты ушли в воду. Стоя под окном, она еще раз позвала мальчика. Безуспешно. Дольше оставаться она не могла, надо было возвращаться в театр. Она на цыпочках выбралась по газону на тротуар. Тридцать три несчастья! Сценические туфли промокли насквозь. Она вскочила в фургон и на полной скорости понеслась обратно. На часах было уже 19.09. Скорей!

* * *

— Значит, вы покинули Пенфилд-кресент прямо перед появлением убийцы? — спросил я Шарлотту.

— Да, капитан, — кивнула она. — Задержись я еще на минуту, он бы и меня убил.

— Возможно, он был уже там, — предположил Дерек. — Ждал, когда вы уйдете.

— Возможно, — ответила Шарлотта.

— Вы ничего не заметили? — спросил я.

— Нет, совсем ничего. Мне надо было поскорей вернуться в Большой театр. На Мейн-стрит было столько народу, не протолкнуться, я уж думала, что не успею к началу спектакля. Быстрее было дойти пешком, но я не могла бросить фургон Тенненбаума. В итоге я добралась до театра в девятнадцать тридцать, уже шла официальная часть. Вернула на место ключи от машины и бросилась в свою гримерку.

— А Тенненбаум вас не видел?

— Нет, к тому же я и потом ничего ему не сказала. И без того моя отлучка кончилась весьма печально: Гордона я так и не видела, а Базз, режиссер, обнаружил, что меня нет на месте, потому что загорелся мой фен. Правда, отругать он меня не успел: пора было начинать, он скорее обрадовался, что я на месте, а спектакль имел огромный успех. Больше мы к этому не возвращались.

— Шарлотта, — задал я наконец вопрос, интересовавший нас всех, — зачем вам понадобилось повидать мэра?

— Мне надо было забрать пьесу Харви, «Черную ночь».

* * *

Стивен Бергдорф и Элис молча завтракали на террасе кафе «Афина». Элис глядела волком. Стивен боялся поднять на нее глаза и сидел, уткнувшись в тарелку с жареной картошкой.

— Нет, это уму непостижимо, заставить меня ночевать в этой жалкой гостинице! — произнесла она наконец.

Лишившись кредитной карты журнала, Стивен был вынужден снять номер в захудалом мотеле в нескольких милях от Орфеа.

— Ты же мне говорила, что равнодушна к роскоши, — возразил Стивен.

— Но не до такой же степени, Стиви! Я все-таки не селянка!

Пора было идти, Стивен оплатил счет. Когда они переходили Мейн-стрит к Большому театру, Элис снова заняла:

— Не понимаю, Стиви, какого черта мы здесь торчим.

— Ты на обложку «Нью-Йорк литерари ревью» хочешь или нет? Так включись хоть немножко. Нам надо написать статью про этот спектакль.

— Да кому нужна эта нелепая пьеса! А нельзя написать статью про что-нибудь другое, такое, для чего необязательно жить в клоповнике, и попасть на обложку?

Когда Стивен с Элис поднимались по ступенькам, Джерри с Дакотой выходили из автомобиля, припаркованного у театра, а Гулливер подъезжал наконец к театру на патрульной машине.

Сэмюел Пейделин и Островски уже сидели в зале и глядели на сцену, на которой красовался сияющий Кирк Харви. Это был великий день.

* * *

В полиции Орфеа Шарлотта Браун рассказывала нам, как и почему Кирк Харви в 1994 году поручил ей забрать текст «Черной ночи» у мэра:

— Он меня каждый день доставал по этому поводу. Утверждал, что пьеса у Гордона и тот не хочет ее отдавать. В день открытия фестиваля явился ко мне в примерку и опять пристал с ножом к горлу.

— Харви тогда еще был вашим парнем, верно? — спросил я.

— И да и нет, капитан. Я уже ушла к Алану и порвала с Харви, но он не желал меня отпускать. Устроил мне настоящий ад.

* * *

Орфея, 30 июля 1994 года, 10.10
За девять часов до убийства

Войдя в гримерку, Шарлотта вздрогнула: на диване развалился Кирк Харви в полицейской форме.

— Кирк, что ты тут делаешь?

— Если ты уйдешь, Шарлотта, я покончу с собой.

— Ой, прекрати этот цирк, пожалуйста!

— Этот цирк? — вскричал Харви.

Он соскочил с дивана, выхватил револьвер и засунул дуло себе в рот.

— Кирк, боже правый, перестань! — в ужасе воскликнула Шарлотта.

Он сунул револьвер обратно в кобуру.

— Как видишь, я не шучу.

— Вижу, Кирк. Но между нами все кончено, смирись с этим наконец.

— Чем этот Алан Браун лучше меня?

— Всем.

Он со вздохом сел.

— Кирк, сегодня фестиваль открывается, тебе разве не надо на службу? У вас там, наверно, дел по горло.

— Не хотел тебе говорить, Шарлотта, но на работе у меня все плохо. Просто очень плохо. Мне нужна моральная поддержка. Ты не можешь бросить меня сейчас.

— Кирк, все кончено. Точка.

— Шарлотта, у меня вся жизнь идет под откос. Сегодня вечером я должен был блистать со своей пьесой. Я бы дал тебе главную роль! Если бы эта скотина Джозеф Гордон позволил ее сыграть...

— Кирк, твоя пьеса не слишком хороша.

— Ты что, и вправду хочешь меня доконать?

— Нет, я пытаюсь открыть тебе глаза. Перепиши пьесу, улучши ее, и ты наверняка покажешь ее на будущий год.

— И ты согласишься на главную роль? — с надеждой спросил Харви.

— Конечно, — солгала Шарлотта, только чтобы он ушел из гримерки.

— Тогда помоги мне! — взмолился Харви, падая на колени. — Помоги мне, Шарлотта, иначе я с ума сойду!

— Чем тебе помочь?

— Текст моей пьесы у Гордона, он отказывается ее отдавать. Помоги

мне ее забрать.

— Как это твоя пьеса у Гордона? Ты не оставил себе копии?

— Ну, примерно две недели назад у меня вышло недоразумение с парнями на службе. И они в наказание разгромили мой кабинет. Уничтожили все мои тексты. У меня все было там, Шарлотта. От «Черной ночи» ничего не осталось. Только копия, которая у Гордона. Если он ее не вернет, я за себя не отвечаю!

Шарлотта смотрела на отчаявшегося, несчастного человека у своих ног. Когда-то она его любила. И знала, сколько сил он отдал этой пьесе.

— Кирк, — сказала она, — если я добуду пьесу у Гордона, ты обещаешь оставить нас с Аланом в покое?

— О, Шарлотта, даю честное слово!

— Где Гордон живет? Завтра схожу к нему.

— На Пенфилд-кресент. Но ты должна сходить к нему сегодня.

— Кирк, это невозможно, мы будем репетировать по крайней мере до половины седьмого.

— Шарлотта, умоляю. Если чуть-чуть повезет, я попробую после вашего спектакля попасть на сцену и почитаю пьесу. Люди останутся послушать, не сомневаюсь. Я зайду к тебе в антракте и заберу пьесу. Обещай, что сходишь к Гордону сегодня же.

Шарлотта вздохнула. Харви внушал ей жалость. Она знала, что он живет только фестивалем.

— Обещаю, Кирк. Зайди в антракте, около девяти. Пьеса будет у меня.

* * *

В комнате для допросов Дерек прервал рассказ Шарлотты:

— Значит, Харви хотел читать именно «Черную ночь»?

— Да, — кивнула она. — А что?

— Но Базз Ленард нам говорил про монолог «Я, Кирк Харви».

— Да нет, — объяснила Шарлотта. — Ведь Гордона убили, и Кирк так и не получил назад свою пьесу. И на следующий день разыграл какую-то бессвязную импровизацию под названием «Я, Кирк Харви», она начиналась словами «Я, Кирк Харви, человек без пьесы».

— А, без пьесы — потому что у него не осталось экземпляров «Черной ночи», — понял Дерек.

Значит, бурная сцена между Кирком Харви и Гордоном, которую

наблюдал Базз Ленард в 1994 году, действительно касалась «Черной ночи». Именно ее текст порвал мэра. Но почему Кирк считал, что у Гордона есть еще один экземпляр текста? Шарлотта не имела об этом никакого представления.

— Почему вы тогда никому не сказали, что были за рулем фургона? — спросил я.

— Потому что про фургон Тенненбаума заговорили уже после фестиваля и я не сразу об этом узнала. Я ненадолго вернулась в Алабаму, а потом несколько месяцев стажировалась у одного ветеринара в Питтсбурге. В Орфеа я вернулась только через полгода, поселилась здесь с Аланом, и только тогда мне рассказали, что произошло. Тенненбаума же в любом случае уличили. Ведь это он их убил, да?

Мы промолчали.

— А Харви? Он с вами об этом говорил? — снова спросил я.

— Нет. После фестиваля Харви не подавал о себе никаких вестей. А в январе 1995 года, когда я переехала в Орфеа, мне сообщили, что он загадочным образом исчез. Никто не знал почему.

— Думаю, Харви уехал, потому что считал убийцей вас, Шарлотта.

— Что? — удивилась она. — Он думал, что я встретилась с мэром, тот отказался отдавать пьесу и я в наказание всех поубивала?

— Не могу ничего утверждать, — ответил я, — но знаю одно: Островски, критик, видел, как вы уезжали из Большого театра на фургоне Тенненбаума непосредственно перед убийством. Вчера вечером он нам все рассказал. Узнав, что Тенненбаума обвиняют именно из-за этого фургона, он пошел к Харви и сообщил, что видел вас. Дело было в октябре 1994 года. Думаю, Кирк был так потрясен, что счел за лучшее исчезнуть.

Значит, Шарлотта Браун была ни при чем. Из полиции она немедленно отправилась в театр. Мы об этом узнали от Майкла Берда: он сидел там и пересказал нам эту сцену.

Когда Шарлотта появилась в зале, Харви радостно воскликнул:

— Вот и Шарлотта! Какой прекрасный день. Роль трупа мы уже отдали Джерри, а роль полицейского — Островски.

Шарлотта молча направилась к нему.

— С тобой все в порядке? — спросил Харви. — У тебя какой-то странный вид.

Она смерила его взглядом и тихо спросила:

— Ты сбежал из Орфеа из-за меня, Кирк?

Он не ответил.

— Ты знал, что за рулем фургона Тенненбаума была я, и решил, что это я всех поубивала?

— Не важно, что я думаю, Шарлотта. Важно, что я знаю. Я обещал твоему мужу: если он даст мне сыграть пьесу, он узнает все.

— Кирк, погибла молодая женщина. И убил ее наверняка тот же человек, что расстрелял семью Гордонов. Мы не можем дожидаться двадцать шестого июля, ты должен все рассказать сейчас.

— Когда откроется фестиваль, вы в тот же вечер все узнаете, — повторил Харви.

— Но это же безумие, Кирк! Почему ты так себя ведешь? Люди умерли, ты можешь понять?

— Да, умерли, и я вместе с ними! — крикнул Харви.

Повисло долгое молчание. Все взоры были устремлены на Кирка и Шарлотту.

— Так что же, до субботы полиция должна сидеть сложа руки и ждать, когда кончится спектакль и ты согласишься рассказать, что тебе известно? — в отчаянии воскликнула Шарлотта. В ее голосе слышались слезы.

Харви удивленно посмотрел на нее:

— Когда кончится спектакль? Нет, это будет скорее ближе к середине.

— К середине? Середине чего? Кирк, я уже вообще ничего не понимаю! — Шарлотта была вне себя.

Кирк мрачно взглянул на нее и произнес:

— Я сказал, что вы все узнаете на премьере, Шарлотта. Это значит, что ответ содержится в пьесе. «Черная ночь» проливает свет на это дело. Вам все объяснят актеры, а не я.

Дерек Скотт

Самое начало сентября 1994 года.

С момента убийства прошел месяц, и теперь у нас с Джесси не оставалось сомнений в виновности Теда Тенненбаума. Расследование было почти завершено.

Тенненбаум убил Гордона, потому что мэр вымогал у него взятку за возможность продолжать работы в кафе «Афина». Денежные суммы, снятые и положенные на счет у того и другого, совпадали, свидетель утверждал, что Тед уходил с дежурства в Большом театре как раз в момент убийства, его фургон видели у дома мэра. Не говоря уж о том, что он, по нашим данным, был отличным стрелком.

Любой другой коп давно бы уже отправил Тенненбаума в камеру предварительного заключения и предоставил судебной системе довершить работу. Фактов в поддержку обвинения в преднамеренном убийстве и для начала судебного разбирательства было в избытке, но именно в этом и заключалась проблема: зная Тенненбаума и его дьявола адвоката, мы опасались, что они убедят присяжных в наличии разумного сомнения, которое толкуется в пользу обвиняемого. И Тенненбаума оправдают.

Поэтому мы не хотели торопиться с его арестом. Майор, наблюдая наши успехи, был теперь на нашей стороне, и мы решили немного подождать. Время работало на нас. Тенненбаум рано или поздно забудет осторожность и совершит ошибку. От терпения зависела наша с Джесси репутация. Коллеги и начальство следили за каждым нашим шагом, и мы это знали. Нам хотелось быть молодыми неутомимыми копами, отправившими за решетку убийцу четырех человек, а не дилетантами, опозоренными оправданием виновного с последующей компенсацией ему материального и морального ущерба со стороны государства.

К тому же в расследовании был еще один недоработанный момент: орудие убийства. «Беретта» со сбитым серийным номером. Оружие бандита. Именно это нас и интересовало: откуда у выходца из почтенной манхэттенской семьи подобное оружие?

В поисках ответа на этот вопрос мы втайне прочесывали Хэмптоны. Особенно нас занимал пресловутый злачный бар в Риджспорте, у которого Тенненбаума несколько лет назад повязали за драку. Мы целыми днями торчали у этого заведения в надежде, что там появится Тенненбаум. Но результатом этой инициативы оказался вызов с утра пораньше в кабинет майора Маккенны. Кроме самого Маккенны, там сидел какой-то тип, который с порога нас облаял:

— Специальный агент Грейс, АТО. Значит, это вы те два мудака, что срывают федеральное расследование?

— Добрый день, мистер Любезность, — представился я. — Я сержант Дерек Скотт, а это...

— Я знаю, кто вы такие, клоуны! — оборвал меня Грейс.

Майор объяснил нам ситуацию более тактично:

— АТО заметило ваше присутствие у одного бара в Риджспорте, за которым они уже наблюдают.

— Мы арендовали дом напротив бара. Мы там все последние месяцы сидим.

— Мистер специальный агент, можно узнать, что вам известно про этот бар? — спросил Джесси.

— Мы на него вышли после того, как один тип, задержанный за ограбление банка на Лонг-Айленде, пошел на сделку со следствием в обмен на сокращение срока. Он рассказал, что купил оружие в этом баре. В ходе расследования мы поняли, что, возможно, там перепродают ворованное армейское вооружение. Причем ворованное изнутри, если вы понимаете, о чем я. То есть в этом замешаны военные. Поэтому не обижайтесь, но больше я ничего сказать не могу. Дело весьма щекотливое.

— Но вы хотя бы можете сказать, о какого рода вооружении идет речь? — снова спросил Джесси.

— О пистолетах «беретта» со сбитыми серийными номерами.

Джесси победоносно взглянул на меня: похоже, мы вот-вот забьем решающий гол. Убийца обзавелся орудием преступления именно в этом баре.

Джесси Розенберг

Пятница, 18 июля 2014 года
8 дней до открытия фестиваля

Слова Кирка Харви, сказанные накануне в Большом театре — что имя настоящего убийцы 1994 года станет известно по ходу пьесы, — взбудоражили всю округу. Особенно Орфеа, город так и бурлил. По мне, так Кирк блефовал. Ничего не знал и просто набивал себе цену.

Но одна вещь не давала нам покоя — «Черная ночь». Все знали, что Гордон порвал текст пьесы, так откуда у него еще один экземпляр? В поисках ответа на этот вопрос мы с Анной и Дерекком плыли на пароме, связывающем Порт-Джефферсон в Хэмптонах с Бриджпортом в штате Коннектикут. Мы направлялись в Нью-Хейвен расспросить брата мэра, Эрнеста Гордона, профессора биологии в Йельском университете. После убийства мэра и его семьи он унаследовал все их имущество. Именно он в свое время разбирал дела брата; возможно, ему где-то попадалась пьеса. Он был нашей последней надеждой.

Теперь Эрнесту Гордону, старшему брату Джозефа, было уже за семьдесят. Он принял нас на кухне, предложил кофе и печенье. Там же находилась и его жена. Она явно нервничала.

— По телефону вы сказали, что открылись какие-то новые обстоятельства убийства брата и его семьи? — спросил Эрнест Гордон.

Его жене решительно не сиделось на месте.

— В самом деле, мистер Гордон, — ответил я. — Честно говоря, в

последнее время мы обнаружили ряд фактов, заставляющих предполагать, что двадцать лет назад мы могли ошибаться относительно Теда Тенненбаума.

— Вы хотите сказать, что убийца не он?

— Именно это я и имею в виду. Мистер Гордон, вы не припомните, у вашего брата не хранилась пьеса? Под названием «Черная ночь».

— У брата дома было столько всяких бумажек, что-то невообразимое, — вздохнул Эрнест Гордон. — Я пытался было их разбирать, но утонул. И в результате почти всё выбросил.

— У меня сложилось впечатление, что эта пьеса была для него почему-то важна. Он явно не хотел возвращать ее автору. Это наводит на мысль, что он мог хранить ее в безопасном месте. И не самом очевидном. Там, где никто не станет ее искать.

Эрнест Гордон уставился на нас. Повисла гнетущая тишина. Наконец заговорила его жена:

— Эрни, надо все рассказать. Это может быть очень серьезно.

Гордон-старший вздохнул:

— После смерти брата со мной связался нотариус. Оказывается, Джозеф составил завещание. Меня это удивило, потому что, кроме дома, особого имущества у него не было. Но в завещании значилась банковская ячейка.

— Мы тогда ничего не знали про эту банковскую ячейку, — удивился Дерек.

— Я не стал сообщать про нее в полицию, — признался Эрнест Гордон.

— Но почему?

— Потому что в сейфе были наличные деньги. Много денег. На них мы могли отправить троих детей в университет. И я решил забрать деньги и никому про них не рассказывать.

— Взятки, которые Гордон не успел перевести в Монтану, — догадался Дерек.

— А что еще было в сейфе? — спросил я.

— Какие-то бумаги, капитан. Но, признаюсь, я даже не посмотрел, что это.

— Черт, — ругнулся Дерек, — вы же небось все выбросили!

— Сказать по правде, я не стал сообщать в банк о смерти брата, — сказал Эрнест Гордон. — Нотариусу я дал денег на оплату аренды ячейки до моей смерти. У меня были сильные подозрения, что находившиеся там деньги довольно грязные, и решил, что самый верный способ сохранить в

тайне существование ячейки — это поменьше иметь с ней дело. Подумал, что если начну писать в банк, просить аннулировать аренду...

— Что это был за банк, мистер Гордон? — перебил его Дерек.

— Я все верну, обещаю, — заверил Гордон.

— Нам плевать на эти деньги, мы не собираемся морочить вам голову по этому поводу. Но нам совершенно необходимо взглянуть на бумаги, которые ваш брат прятал в этом сейфе.

* * *

Спустя несколько часов мы с Анной и Дерекком входили в хранилище маленького частного банка в Манхэттене. Служащий открыл нам ячейку и достал оттуда коробку. Мы поскорей ее открыли.

Внутри оказалась переплетенная стопка бумаги с надписью на обложке:

Кирк Харви
ЧЕРНАЯ НОЧЬ

— Ничего себе! — изумилась Анна. — Почему Гордон хранил текст в банковском сейфе?

— И как эта пьеса связана с убийствами? — задумался Дерек.

Еще в коробке лежали банковские документы. Дерек пролистнул их, и на его лице отразилось любопытство.

— Ты что там нашел, Дерек? — спросил я.

— Это выписки со счетов, с крупными зачислениями. Видимо, откаты. Списания тоже есть. Думаю, это те деньги, которые Гордон отправлял в Монтану перед бегством.

— Мы же и так знаем, что Гордон коррупционер. — Я не понимал, почему он так потрясен.

И тогда он сказал:

— Счет открыт на имя Джозефа Гордона и Алана Брауна.

Значит, Браун тоже замазан. Но сюрпризы на этом не кончились. Из банка мы отправились в окружное отделение полиции штата за экспертным заключением по поводу видеозаписи речи Алана Брауна на открытии фестиваля.

Эксперты по изображению обнаружили на видео крошечный момент, когда в свете театральных прожекторов на оборотной стороне листка, который держал в руках Алан Браун, был виден на просвет текст. Заключение было расплывчатым:

Судя по нескольким словам, которые удалось разобрать, произнесенный оратором текст соответствует тому, что написано на листке.

Когда я взглянул на увеличенный фрагмент, у меня отвисла челюсть.

— В чем дело, Джесси? — спросил Дерек. — Ты же только что сказал, что текст на листке соответствует речи Брауна. И что?

— Дело в том, — ответил я, показывая ему картинку, — что текст отпечатан на машинке. Алан Браун утверждал, что в вечер убийства произнес импровизированную речь. Но это неправда. Он написал ее заранее. Он знал, что Гордон не придет, и все подготовил.

Джесси Розенберг

Суббота, 19 июля 2014 года

7 дней до открытия фестиваля

Банковские документы, обнаруженные в сейфе Гордона, были подлинными. Счет, на который переводились коррупционные деньги, был открыт Гордоном и Брауном. Вместе. Браун собственноручно подписал договор.

На рассвете мы, соблюдая все меры секретности, позвонили в дверь Алана и Шарлотты Браун и доставили обоих на допрос в окружное отделение полиции штата. Шарлотта не могла не знать, что Алан не избежал эпидемии коррупции, разъедавшей Орфеа в 1994 году.

Несмотря на все наши старания увезти Браунов незаметно, какая-то соседка, глазевшая с утра пораньше в окно своей кухни, увидела, как их сажают в две машины полиции штата. Информация разлетелась по окрестным домам с возрастающей по экспоненте скоростью электронных сообщений. Особо недоверчивые даже звонили в дверь к Браунам; среди них был и Майкл Берд, желавший проверить достоверность слухов. Вскоре ударная волна докатилась до всех местных изданий: мэр Орфеа и его жена, скорее всего, задержаны полицией. Заместитель мэра Питер Фрогг заперся у себя дома и не отвечал на лавину телефонных звонков. Гулливер охотно

отвечал всем, но сам ничего не знал. Постепенно назревал скандал.

Когда Кирк Харви незадолго до начала репетиций появился в Большом театре, его встретила целая толпа нетерпеливых журналистов. Все ждали его.

— Кирк Харви, существует ли связь между вашей пьесой и арестом Шарлотты Браун?

Харви на минуту задумался, потом ответил:

— Приходите смотреть пьесу. В ней все сказано.

Журналисты пришли в еще большее возбуждение, и довольный Харви улыбнулся. О «Черной ночи» заговорили все.

* * *

В окружном отделении полиции штата мы допрашивали Алана и Шарлотту в разных комнатах. Первой раскололась Шарлотта: Анна показала ей банковские выписки, найденные в сейфе Гордона. При виде документов Шарлотта побледнела.

— Чтобы Алан брал взятки? — возмутилась она. — Он бы никогда в жизни не сделал ничего подобного! Человека честнее я не знаю!

— Доказательства налицо, Шарлотта, — произнесла Анна. — Узнаёшь его подпись?

— Да, не спорю, подпись действительно его, но есть какое-то другое объяснение. Ни секунды не сомневаюсь. Что он говорит?

— Пока все отрицает, — ответила Анна. — Если он нам не поможет, мы тоже ничем не сможем ему помочь. Он будет передан прокурору и заключен под стражу.

Шарлотта разрыдалась:

— О, Анна, клянусь, я ничего про все это не знаю!..

— Шарлотта, ты нам в прошлый раз все рассказала? — спросила Анна, сочувственно накрыв ее руку своей.

— Одну деталь я опустила, Анна, — призналась Шарлотта, с трудом переводя дыхание. — Алан знал, что Гордоны готовятся сбежать.

— Знал? — удивилась Анна.

— Да, он знал, что в ночь открытия фестиваля они тайком уедут из города.

* * *

Орфея, 30 июля 1994 года, 11.30
За восемь часов до убийства

На сцене Большого театра Базз Ленард давал последние указания окружившим его актерам. Ему хотелось довести до блеска несколько эпизодов. Шарлотта, пользуясь тем, что не была занята в одной из сцен, побежала в туалет. В фойе она столкнулась с Аланом и, сияя, бросилась к нему в объятия. Он увлек ее подальше от посторонних глаз, и они страстно поцеловались.

— Ты пришел посмотреть на меня? — лукаво спросила она.

Ее глаза так и сияли. Но его, казалось, что-то беспокоило.

— Все идет хорошо? — спросил он.

— Просто отлично, Алан.

— От этого полоумного Харви никаких вестей?

— От него как раз есть новость, и скорее хорошая: он сказал, что готов оставить меня в покое. Не грозить больше самоубийством и не устраивать сцен. Отныне он станет держаться корректно. А хочет он только одного: чтобы я помогла вернуть текст его пьесы.

— Это еще что за шантаж? — возмутился Алан.

— Нет, Ал, я сама хочу ему помочь. Он столько трудился над своей пьесой. Вроде бы сохранился только один ее экземпляр, и он у Гордона. Ты можешь его попросить ее вернуть? Или пусть отдаст тебе, а мы передадим Кирку?

Алан немедленно встал на дыбы:

— Шарлотта, забудь про эту историю с пьесой.

— Почему?

— Потому что я тебя об этом прошу. Пусть Харви катится ко всем чертям.

— Алан, почему ты так противишься? Я тебя не узнаю. Согласна, Харви странный. Но ведь может он получить обратно свой текст? Знаешь, сколько труда в него вложено?

— Послушай, Шарлотта, я уважаю Харви как копа и как режиссера, но забудь про его пьесу. Забудь про Гордона.

— Алан, ну окажи мне эту услугу, — не отступалась она. — Ты не знаешь, что такое все время видеть Кирка, который грозит разнести себе башку.

— Так пусть разнесет наконец! — Терпение у Брауна явно лопнуло.

— Не знала, что ты такой мудака, Алан, — обиделась Шарлотта. — Я в тебе ошиблась.

Она повернулась и направилась в зал. Он схватил ее за руку:

— Подожди, Шарлотта. Прости, мне правда очень жаль. Я бы с удовольствием помог Кирку, но это невозможно.

— Да почему?

Поколебавшись, Алан признался:

— Потому что Гордон вот-вот покинет Орфеа. Навсегда.

— Что? Сегодня вечером?

— Да, Шарлотта. Семья Гордонов собирается исчезнуть.

* * *

— Что заставило Гордонов уехать? — спросила Шарлотту Анна спустя двадцать лет после этой сцены.

— Не знаю, — ответила та. — Да я и не хотела знать. Мэр всегда казался мне странным типом. Я хотела только одного — забрать текст пьесы и вернуть его Харви. Но за весь день мне так и не удалось отлучиться из театра. Базз Ленард непременно хотел прогнать отдельные сцены, потом устроил последнюю читку, потом беседовал с каждым из нас по отдельности. Он очень нервничал, что не удастся передать смысл пьесы. Только под самый конец дня у меня выдалась свободная минутка, чтобы съездить к мэру, и я бросилась к нему домой. Даже не зная, в городе они или уже уехали. Я только знала, что это последняя возможность забрать текст.

— А потом? — спросила Анна.

— Когда я узнала, что Гордонов убили, я хотела все рассказать полиции, но Алан меня отговорил. Сказал, что у него могут быть большие неприятности. И у меня тоже, потому что я была возле их дома за мгновение до убийства. Когда я сказала Алану, что меня видела женщина, занимавшаяся гимнастикой в парке, он пришел в ужас: «Она тоже убита. Все, кто что-то видел, убиты. По-моему, тебе лучше никому ничего не говорить».

Потом Анна пошла в соседнюю комнату к Алану. Она не стала рассказывать про свой разговор с Шарлоттой и сказала только:

— Алан, вы знали, что мэр не придет на церемонию открытия. Ваша якобы импровизированная речь была напечатана на машинке.

Он понурился:

— Уверяю тебя, к смерти семейства Гордонов я отношения не имею.

Анна выложила на стол банковские документы.

— Алан, в 1992 году вы с Джозефом Гордоном открыли совместный счет, на который за два года было переведено больше полумиллиона долларов. Это были откаты за проведение работ по реконструкции публичных зданий в Орфеа.

— Где вы это нашли? — спросил Алан.

— В сейфе, принадлежащем Джозефу Гордону.

— Анна, клянусь, я не замешан в коррупции.

— Тогда объясните вот это все, Алан! Потому что пока вы все отрицаете, и это свидетельствует против вас.

Отбросив последние колебания, Браун наконец заговорил:

— В начале 1994 года я обнаружил, что Гордон берет взятки.

— Как обнаружили?

— Мне поступил анонимный звонок. Дело было в конце февраля. Говорила женщина. Она посоветовала мне изучить бухгалтерию фирм, привлеченных мэрией к строительным работам, и сравнить их внутренние ведомости с теми, что поступали в мэрию. Между ними была весьма существенная разница. Все фирмы систематически завышали стоимость работ; кто-то в мэрии прибирал разницу к себе в карман. Кто-то, от кого зависело окончательное решение при распределении контрактов, то есть либо Гордон, либо я. И я знал, что это не я.

— И как вы поступили?

— Я немедленно отправился к Гордону и потребовал объяснений. Признаюсь, тогда я еще сомневался. Но вот к чему я совсем не был готов, это к тому, что он перейдет в контратаку.

* * *

*Орфеа, 25 февраля 1994 года
Кабинет мэра*

Гордон быстро просмотрел документы, которые принес Алан Браун. Тот сидел напротив и, смущенный отсутствием реакции Гордона, спросил:

— Джозеф, успокойте меня. Вы же не замешаны в коррупционном скандале? Вы не требовали денег в обмен на контракты?

Гордон выдвинул ящик стола и, вытащив оттуда какие-то бумаги, протянул их Алану.

— Алан, мы с вами два мелкотравчатых негодяя, — произнес он с сожалением в голосе.

— Это что такое? — спросил Алан, листая документы. — И почему на этой выписке значится мое имя?

— Потому что счет мы открывали вместе, два года назад. Помните?

— Мы открывали счет для мэрии, Джозеф! Вы говорили, что это облегчит ведение отчетности, особенно в части отчетов об издержках. Но здесь я вижу личный счет, никак не связанный с мэрией.

— Надо было читать внимательно, прежде чем подписывать.

— Но, Джозеф, я вам доверял! Вы меня подставили? О боже... Я вам даже паспорт свой давал, чтобы заверить подпись в банке...

— Да, и я вам благодарен за сотрудничество. Это означает, что, если упаду я, упадете и вы, Алан. Эти деньги принадлежат нам обоим. Не пытайтесь изображать из себя правосудие, не пытайтесь сообщить в полицию и не суйте свой нос в этот счет. Все делалось от имени нас обоих. Так что, если вы не намерены делить со мной камеру в федеральной тюрьме по обвинению в коррупции, вам лучше забыть про эту историю.

— Но рано или поздно все раскроется, Джозеф! Хотя бы потому, что все городские предприниматели знают, что вы берете взятки!

— Кончайте стенать как чайка, Браун. Все фирмачи замазаны точно так же, как вы. Они ничего не скажут, потому что тоже виновны. Можете быть спокойны. И потом, это продолжается не первый день, и все довольны: фирмы обеспечены работой, они не будут ставить на кон свое благополучие только ради того, чтобы поиграть в рыцарей без страха и упрека.

— Джозеф, вы не понимаете. Кто-то в курсе ваших махинаций и готов заговорить. Я получил анонимный звонок. Благодаря ему я все и обнаружил.

В глазах Гордона первый раз мелькнула паника.

— Что? Кто?

— Не знаю, Джозеф. Я же сказал, звонок был анонимный.

В комнате для допросов Алан молча смотрел на Анну.

— Я был замазан с ног до головы, Анна, — произнес он. — Я знал, что не смогу доказать свою непричастность к общей коррупции. Счет был открыт на мое имя. Гордон был сущий дьявол, он все предусмотрел. Иногда он казался вялым, рохлей, но на самом деле всегда знал, что делает. Я был в его власти.

— Что произошло потом?

— Из-за этой истории с анонимным звонком Гордон начал нервничать. Он был уверен, что все будут держать язык за зубами, и не предвидел такого поворота. Из этого я сделал вывод, что все прогнило еще сильнее, чем я предполагал, и он рискует очень многим. Следующие месяцы были очень трудными. Наши отношения стали токсичными, но приходилось сохранять лицо. Не тот человек был Гордон, чтобы сидеть сложа руки, и я подозревал, что он ищет выход из положения. И действительно, однажды вечером, в апреле, он назначил мне встречу на парковке у причала. Сказал, что скоро уедет из города. «Куда, Джозеф?» — спросил я. «Не важно». — «Но когда?» — «Как только разберусь с этим бардаком». Прошло еще два месяца, мне они показались вечностью. В конце июня 1994 года он снова вызвал меня на парковку и сказал, что уедет в конце лета. «После фестиваля я объявлю, что не буду выдвигаться на выборах в сентябре. И сразу же уйду в отставку». — «Почему бы вам не уехать раньше? Зачем ждать еще два месяца?» — «С марта я постепенно снимаю деньги со счета. Перевожу понемногу, чтобы не вызывать подозрений. В таком ритме к концу лета счет будет пуст. Идеальный тайминг. Тогда мы с вами закроем счет. Его больше не будет. И никто никогда вас не побеспокоит. Город станет вашим. Вы же всегда этого хотели, разве нет?» — «А до тех пор? Ведь это дело может вскрыться и утопить нас в любой момент. Даже если вы закроете счет, все равно где-то следы транзакций сохранятся. Нельзя взять и все стереть, как губкой, Джозеф!» — «Не надо истерик, Алан. Я обо всем позаботился. Как всегда».

— Гордон сказал: «Я обо всем позаботился»? — переспросила Анна.

— Да, это его подлинные слова. Никогда не забуду, с каким лицом он их произнес, — ледяным, жутким. Надо же, я столько времени провел рядом с ним и так и не понял, что Джозеф Гордон не из тех, кто позволит встать у него на пути.

Анна, записывая, кивнула. Потом подняла глаза на Брауна и спросила:

— Но если Гордон собирался уезжать после фестиваля, почему он изменил свои планы и решил сбежать в вечер открытия?

Алан поморщился.

— Это вам Шарлотта сказала, да? Кроме нее, некому, об этом знала только она. Чем меньше времени оставалось до фестиваля, тем труднее мне было выносить, что Гордон, никак не участвовавший ни в его создании, ни в организации, присваивает себе все заслуги. Все, что он совершил, это опять набил себе карманы, раздавая разрешения на установку передвижных киосков на Мейн-стрит. Меня это достало. Он настолько потерял стыд, что заказал брошюрку во славу себя. Все его поздравляли, что ж за наглость такая! Накануне фестиваля я пошел к нему в кабинет и потребовал, чтобы к завтрашнему утру его здесь не было. Я не хотел, чтобы он пожинал все лавры от этого мероприятия, произносил речь на открытии. Он рассчитывал уехать из Орфеа спокойно, осыпанный почестями, оставив по себе нетленную память как о крупном политике. Но ведь все сделал я! Для меня это было неприемлемо. Я хотел, чтобы Гордон сбежал, как побитая собака, чтобы он жалким образом дезертировал. В общем, я потребовал, чтобы в ночь на 29 июля он исчез. Но он отказался. Утром 30 июля 1994 года я обнаружил, что он специально, чтобы меня позлить, расхаживает по Мейн-стрит и делает вид, будто проверяет, все ли в порядке. Я сказал, что немедленно поеду к нему и все расскажу его жене. Вскочил в машину и понесся на Пенфилд-кресент. В ту самую минуту, когда его жена Лесли, приветливо улыбаясь, открывала мне дверь, я услышал, что вслед за мной на полной скорости примчался Гордон. Лесли была уже в курсе. Сидя у них на кухне, я сказал: «Если вы до вечера не уедете из Орфеа, я всем расскажу, прямо со сцены Большого театра, что Джозеф Гордон — коррупционер. Все вывалю, ничего не утаю! За себя я не боюсь. Сегодня ваш последний шанс скрыться». Джозеф и Лесли поняли, что я не блефую. Я действительно готов был сорваться. Они обещали, что самое позднее вечером исчезнут из города. Выйдя от них, я отправился в Большой театр. Время шло к обеду. Я встретил Шарлотту, которая вбила себе в голову, что должна забрать у Гордона один документ, эту долбаную пьесу, которую написал Харви. Она так упрямылась, что мне пришлось ей рассказать, что в ближайшие часы Гордон скроется из города.

— Значит, только вы с Шарлоттой знали, что Гордоны в тот же день уедут? — спросила Анна.

— Да, только мы двое. В этом я уверен. Зная Гордона, вряд ли можно предположить, что он кому-то что-то сказал. Он терпеть не мог неожиданностей, привык все держать под контролем. Потому-то я никак не могу понять, кто мог убить его прямо дома. Кто мог знать, что он там? Официально ему положено было в это время быть в Большом театре вместе со мной, пожимать гостям руки. В программе так и было написано: «19.00–

19.30: официальный прием в фойе Большого театра с участием мэра Джозефа Гордона».

— А что случилось с банковским счетом? — спросила Анна.

— Так и остался открытым. В налоговую о нем не заявляли, и его словно бы не существовало. Я к нему не притрагивался, мне казалось, что это лучший способ похоронить всю эту историю. Там наверняка еще оставалось немало денег.

— А пресловутый анонимный звонок? Вы в конце концов выяснили, кто звонил?

— Нет, Анна, так и не выяснил.

* * *

В тот вечер Анна пригласила нас с Дерекком к себе домой на ужин.

Мы оросили трапезу несколькими бутылками отличного бордо, и, когда после кофе попивали ликер в гостиной, Анна предложила:

— Если хотите, можете переночевать здесь. В гостевой комнате довольно удобная кровать. Новая зубная щетка каждому из вас найдется, а футболку себе подберете какую угодно: у меня от бывшего мужа осталась целая куча, я их зачем-то храню.

— Прекрасная мысль, — решил Дерек. — Расскажем друг другу про нашу жизнь. Анна про своего бывшего, я про свои административные кошмары, а Джесси — про свой проект ресторана.

— Ты собираешься открывать ресторан, Джесси? — спросила Анна.

— Не слушай его, Анна, он, бедняжка, просто перепил.

Дерек заметил на журнальном столике текст «Черной ночи», Анна взяла ее домой почитать.

— Ты вообще когда-нибудь отдыхаешь? — сказал он, беря в руки пьесу.

Все сразу посерьезнели.

— Не понимаю, почему эта пьеса представляла для Гордона такую ценность, — сказала Анна.

— Настолько, чтобы хранить ее в банковском сейфе, — подхватил Дерек.

— Вместе с банковскими документами, обличающими Брауна, — добавил я. — Может, он хранил эту пьесу как гарантию защиты от кого-то?

— Думаешь, от Кирка Харви? — спросила Анна.

— Не знаю, — ответил я. — В любом случае сам по себе текст пьесы особого интереса не представляет. И Браун утверждает, что Гордон при нем никогда ее не упоминал.

— Можно ли верить Алану Брауну? — усомнился Дерек. — Учитывая, сколько всего он от нас скрыл...

— Ему вроде незачем врать, — заметил я. — К тому же мы с самого начала знали, что в момент убийства он находился в фойе Большого театра, приветствовал десятки гостей.

Мы с Дерексом оба прочли пьесу Харви, но, видимо, слишком устали и так и не поняли, что такого в ней нашла Анна.

— А может, это как-то связано с подчеркнутыми словами? — предположила она.

— Подчеркнутыми словами? — удивился я. — Ты о чем?

— В тексте десятков слов подчеркнуты карандашом.

— Я думал, это пометки Харви, — сказал Дерек. — Может, он какие-то поправки хотел внести.

— Нет, по-моему, тут что-то другое, — ответила Анна.

Мы сгрудились у стола. Дерек взял текст, а Анна записывала слова, которые он произносил. У нас получилась какая-то тарабарщина:

*Дороге желаю еще ревет его мелочи авеню йогурта
яблочный фыркнула он летнего давай.*

— И что это может значить? — в недоумении спросил я.

— Может, код какой-то? — предположил Дерек.

Анна склонилась над листком.

Ей явно пришла в голову какая-то мысль. И она переписала фразу так:

*Дороге Желая Еще Ревет Его Мелочи Авеню
Йогурта Яблочный
Фыркнула Он Летнего Давай.*

ДЖЕРЕМАЙЯ ФОЛД

Дерек Скотт

Середина сентября 1994 года. С момента убийства прошло полтора месяца.

Если сведения спецаргента Грейса из АТО подтвердятся, то мы, считай,

обнаружили источник происхождения оружия, из которого было совершено убийство: бар в Риджспорте, где можно было из-под прилавка обзавестись армейской «береттой» со сбитым серийным номером.

По просьбе АТО мы с Джесси в качестве жеста доброй воли немедленно сняли наружное наблюдение в Риджспорте. Теперь нам оставалось только ждать, чтобы АТО решило наконец произвести обыск, и мы занимались другими делами. Наше терпение и дипломатичность принесли плоды: однажды под вечер, в середине сентября, спецгент Грейс позвал нас принять участие в гигантской облаве, которую они собирались устроить в баре. В ходе облавы было изъято оружие и военное снаряжение, в том числе «беретты» последней модели из украденной партии. Кроме того, они задержали капрала-пехотинца, который откликнулся на имя Зигги и бестолковость которого заставляла предполагать, что он скорее пешка, чем мозговой центр торговли оружием.

В этом деле у каждого был свой интерес: АТО вместе с военной полицией, включившейся в дело, считали, что Зигги не мог добывать оружие в одиночку. А нам надо было выяснить, кому он продавал свои «беретты». В итоге мы пришли к взаимовыгодному соглашению: АТО даст нам допросить Зигги, а мы заставим капрала пойти на сделку со следствием — в обмен на сокращение срока он выдаст АТО имена сообщников. Все остались довольны.

Мы выложили перед Зигги стопку фотографий, среди которых было фото Теда Тенненбаума.

— Зигги, у нас к тебе большая просьба, окажи нам помощь, — сказал Джесси.

— Да я и в лицо-то никого не запомнил, правда.

Тогда Джесси шлепнул перед Зигги фото электрического стула и спокойно сказал:

— Если не будешь говорить, тебя ждет вот это.

— За что?! — задохнулся Зигги.

— Из одного из твоих пистолетов были убиты четыре человека. В их убийстве обвинят тебя.

— Но я же не виноват! — взвыл Зигги.

— Это ты судье будешь рассказывать, Зигушечка моя. Если только память к тебе не вернется, — объяснил Джесси.

— Покажите фотки еще раз, — взмолился капрал. — Я не разглядел.

— Может, хочешь сесть поближе к окну, где светлее? — предложил Джесси.

— Да, мне просто темно было, — закивал Зигги.

— О, конечно, главное — это правильное освещение.

Капрал подвинулся к окну и стал внимательно рассматривать каждое фото.

— Вот этому я ствол продал, — уверенно сказал он.

И протянул нам снимок Теда Тенненбаума.

— Точно помнишь? — спросил я.

— На все сто.

— И когда ты продал ему ствол?

— В феврале. Я его и раньше в баре видел, только давно, несколько лет назад. Он хотел ствол. Наличие было при нем. Я ему продал «беретту» и патроны. Больше я его не видел.

Мы с Джесси торжествующе переглянулись: наконец-то Тед Тенненбаум попался.

— 1. *Dies irae*: День гнева

Понедельник, 21 июля — пятница, 25 июля 2014 года

Джесси Розенберг

Понедельник, 21 июля 2014 года
5 дней до открытия фестиваля

Орфеа бурлил. Весть о том, что во время спектакля будет раскрыто имя убийцы, оставшегося безнаказанным, разлетелась по округе с быстротой молнии. За выходные в город съехались толпы журналистов. Целые орды падких на сенсацию туристов присоединились к местным жителям, которых тоже снедало любопытство. Забитую народом Мейн-стрит с бою брали уличные торговцы, снабжавшие публику напитками, едой и даже футболками с принтом «я был в орфеа. я знаю, что случилось в 1994 году». Вокруг Большого театра, вход в который был перекрыт полицией, царила невыносимая толчея; десятки телевизионщиков, выстроившись в ряд, регулярно выходили в прямой эфир:

— Кто убил семейство Гордонов, женщину на пробежке и журналистку, которая приблизилась к разгадке? Мы получим ответ через пять дней здесь, в Орфеа, штат Нью-Йорк...

— Через пять дней одна из самых невероятных пьес, когда-либо представленных на подмостках, раскроет нам все тайны...

— По улицам мирного городка в Хэмптонах бродит убийца, и пьеса назовет его имя...

— Здесь, в Орфеа, реальность превосходит любой вымысел. Городские власти объявили, что в день открытия фестиваля город будет оцеплен. Ожидается подкрепление из соседних населенных пунктов. Большой театр, где в настоящий момент идут репетиции спектакля, круглосуточно охраняется...

Городская полиция работала на износ. В довершение всего Гулливер был занят на репетициях, и руководство осуществлял Монтейн. Ему помогали прибывшие на место силы местной полиции и полиции штата.

К общей фантазмагорической атмосфере добавлялись политические волнения: после того как были обнародованы последние данные, Сильвия Тенненбаум требовала официально оправдать брата. Она организовала

комитет поддержки, позировавший перед телекамерами с плакатами «Теду — справедливый суд!». Кроме того, Сильвия требовала отставки мэра и досрочных муниципальных выборов, на которых собиралась выдвинуть свою кандидатуру. Стоило кому-то из журналистов обратить на нее внимание, как она начинала кричать:

— Полиция допрашивала Брауна по делу об убийствах 1994 года! Он утратил наше доверие!

Но Браун как истинный политикан отнюдь не собирался покидать свой пост. Царившее повсюду возбуждение играло ему на руку: Орфеа, как никогда, требовался лидер. Несмотря на все вопросы, возникшие в связи с его вызовом в полицию, Браун еще далеко не исчерпал кредит доверия, и горожане, озабоченные сложившейся ситуацией, не желали в момент кризиса остаться без мэра. А городские торговцы и вовсе были на седьмом небе: рестораны и гостиницы переполнены, в сувенирных магазинах не успевали реагировать на ажиотажный спрос, все предвкушали рекордные прибыли во время фестиваля.

Но одного обстоятельства не знал никто. В окутанном тайной Большом театре, куда больше не пускали никого, кроме труппы, пьеса Кирка Харви трещала по всем швам. Ни о каких невероятных разоблачениях, столь желанных публике, не было и речи. Мы узнали об этом от Майкла Берда, нашего бесценного помощника. Майкл, пользовавшийся доверием Кирка Харви, был единственным человеком со стороны, который имел доступ в Большой театр. Харви выдал ему специальную аккредитацию в обмен на обещание не рассказывать до премьеры о содержании пьесы. «Нам непременно нужен журналист, однажды он сможет засвидетельствовать, что произошло в Орфеа», — заявил Кирк. Так что мы поручили Майклу быть нашими глазами в зале, снимать для нас на видео ход репетиций. В то утро он позвал нас к себе домой, посмотреть отснятые накануне эпизоды.

Он жил с семьей за пределами Орфеа, в прелестном доме на пути в Бриджхэмптон.

— А что, зарплаты главного редактора местной газеты хватает, чтобы за все это платить? — спросил Дерек у Анны, когда мы подходили к дому.

— Отец его жены — человек весьма состоятельный, — пояснила та. — Клайв Дэвис, может, слышали про такого? Несколько лет назад выдвигался в мэрию Нью-Йорка.

Встретила нас жена Майкла. Очень красивая блондинка лет под сорок, то есть сильно моложе мужа. Она предложила нам кофе и провела в гостиную, где Майкл возился с телекабелями, подключал их к компьютеру.

— Спасибо, что пришли, — произнес он. Вид у него был

огорошенный.

— Что случилось, Майкл? — спросил я.

— По-моему, Кирк окончательно рехнулся.

Он включил компьютер, и перед нами на телеэкране предстала сцена Большого театра. Сэмюел Пейделин изображал труп, а Джерри — полицейского. Харви, с какой-то переплетенной брошюрой в руках, наблюдал за ними.

— Хорошо! — Харви возник на экране. — Перевоплотитесь в своего героя! Сэмюел, ты мертвяк мертвяком. А ты, Джерри, гордый полицейский!

Харви открыл брошюру и стал читать:

Ужасное утро. Льет дождь. Движение на загородном шоссе перекрыто, возникла гигантская пробка.

— Что это у него за бумажки? — спросил я Майкла.

— Пьеса целиком. Вроде бы в ней все написано. Я попытался заглянуть, но Харви не выпускает ее из рук. Говорит, содержание настолько важное, что сцены он будет цедить по капле. Даже если актеры не успеют выучить текст к открытию фестиваля и им придется читать с листа.

Харви: Отчаявшиеся водители яростно сигналият.

Элис и Стивен изображали застрявших в пробке нетерпеливых водителей.

Вдруг появилась Дакота.

Харви: По обочине дороги, вдоль неподвижно стоящих машин, идет молодая женщина. Подходит к заграждениям и обращается к постовому полицейскому.

Дакота (женщина): Что случилось?

Джерри (полицейский): Человек погиб. Разбился на мотоцикле.

Дакота: На мотоцикле?

Джерри: Да, врезался в дерево на полной скорости. Мокрое место осталось.

— Никак не съедут с первой сцены, — сказала Анна.

— Погодите, — предупредил Берд, — самая красота впереди.

Харви на экране внезапно заорал:

— А теперь — Пляска Смерти!

Все актеры хором закричали: «Пляска смерти! Пляска смерти!», и на сцену выскочили Островски и Рон Гулливвер в трусах.

— Это что за балаган? — ужаснулся Дерек.

Островски с Гулливвером подбежали к рампе. Гулливвер держал в руках чучело какого-то зверя. С минуту смотрел на него, потом взмолился:

— Росомаха, росомаха, конец близко, спаси нас от страха! — и в обнимку с ней нелепо закувыркался по сцене.

Островски, раскинув руки, обвел взором пустые ряды и возопил:

— *Dies irae, dies illa, Solvet saeculum in favilla!*

У меня глаза полезли на лоб.

— Теперь еще и латынь?

— Карикатура какая-то, — сказал Дерек.

— Латинские фразы взяты из какого-то средневекового текста про Апокалипсис, — пояснил нам Майкл, успевший навести справки. — Там говорится о Судном дне.

И он прочел нам перевод этого фрагмента:

— «День гнева, тот день повергнет мир во прах»!

— Звучит угрожающе, — заметила Анна.

— Как и надписи, которые Харви в 1994 году понаписал по всему городу, — напомнил Дерек. — Может, Судный день и есть «Черная ночь»?

— А меня другое поражает, — сказал я. — Спектакль ведь точно не будет готов вовремя. Харви пытается всех надуть. Зачем? Что он такое задумал?

Допросить Харви мы не могли, он находился под защитой майора Маккенны, мэра и полиции Орфеа. Единственной нашей зацепкой был Джеремайя Фолд. Мы спросили про него у Майкла Берда, но это имя ничего ему не говорило.

— Как ты думаешь, это не может быть не «Джеремайя Фолд», а еще какое-то слово? — спросил я у Анны.

— Сомневаюсь, Джесси. Я вчера целый день читала и перечитывала эту «Черную ночь». Перепробовала все возможные комбинации, но больше ничего подходящего не выходит.

Почему кто-то скрыл код в тексте «Черной ночи»? И кто это сделал? Кирк Харви? Что ему было известно на самом деле? Что за игру он вел с нами и со всем городом?

В этот момент у Анны зазвонил телефон. Это был Монтейн:

— Анна, мы тебя обыскались. Срочно приезжай, ночью ограбили твой

кабинет.

Когда мы примчались, все коллеги Анны толпились на пороге ее кабинета, созерцая осколки стекла на полу и сорванные жалюзи и пытаюсь понять, что произошло. Ответ, впрочем, лежал на поверхности. Здание было одноэтажное, все кабинеты находились в его задней части и выходили окнами на полоску газона, обнесенную деревянным заборчиком. Камеры слежения были только на парковке и у главного входа. Незваному гостю явно не составило труда перешагнуть забор; по газону он подошел к окну кабинета. Потом содрал жалюзи, выбил стекло, чтобы открыть окно, и проник в помещение. Вторжение заметил один полицейский, который хотел положить Анне на стол почту.

Другой полицейский заходил к ней накануне под вечер, все было в порядке. Значит, это случилось ночью.

— Как так вышло, что никто ничего не заметил? — спросил я.

— Если все патрулируют одновременно, на месте никого нет, — сказала Анна. — Такое иногда бывает.

— А шум? — недоумевал Дерек. — Ведь, чтобы сорвать жалюзи, надо устроить жуткий грохот. Неужто никто ничего не слышал?

Но здание полиции окружали только офисы и городские склады. Единственными свидетелями могли стать разве что пожарные из соседней казармы. Но когда кто-то из полицейских сообщил, что около часа ночи случилось крупное ДТП, на которое выехали все патрули и пожарные из казармы, мы поняли, что руки у незваного гостя были развязаны.

— Он где-то прятался, — поняла Анна, — ждал подходящего момента. Причем ждал, наверно, даже несколько дней.

Просмотр записей с внутренних камер наблюдения показал, что в здание никто не заходил. Одна камера находилась в коридоре и была направлена прямо на дверь кабинета Анны. Дверь не открывалась. Тот, кто проник в кабинет, там и оставался. Значит, нацелился именно в это помещение.

— Ничего не понимаю. Тут и красть-то нечего, к тому же все на месте, — сказала Анна.

— Красть нечего, зато посмотреть есть на что, — ответил я, указывая на магнитную доску и стены, завешанные документами по нашему делу. — Человек, который сюда проник, хотел знать, как движется расследование. И получил доступ к работе Стефани и нашей.

— Наш убийца рискует, — произнес Дерек. — Начинает паниковать. Подставляется. Анна, кому известно, что твой кабинет здесь?

Анна пожала плечами:

— Всем. Я имею в виду, это же не секрет. Даже когда люди приходят подать жалобу, они идут по коридору и видят мой кабинет. Мое имя написано на двери.

Дерек отозвал нас в сторонку и очень серьезно прошептал:

— Тот, кто сюда проник, рисковал не зря. Он прекрасно знал, что находится у тебя в кабинете. Это кто-то здешний.

— О господи, — сказала Анна, — думаешь, это коп?

— Если бы это был коп, Анна, он мог бы просто зайти в кабинет в твоё отсутствие, — заметил я.

— И попался бы, — возразил Дерек. — Его бы записала камера в коридоре. Если он считает, что за ним следят, для него главное — не совершать ошибок. Зато, взламывая окно, он заметал следы. Возможно, в полиции завелся крот.

Значит, работать здесь теперь небезопасно. Но куда идти? У меня в окружном отделении полиции штата уже не было своего кабинета, а Дерек работал в опен-спейсе. Нам нужно было место, где нас никто не станет искать. И тогда мне на ум пришел архивный зал «Орфеа кроникл»: туда мы могли приходиться незаметно, прямо через служебный вход редакции.

Майкл Берд с радостью устроил нас в архиве.

— Никто не узнает, что вы здесь, — заверил он. — Журналисты никогда не спускаются в подвал. Я вам дам и ключ от архива, и дубликат, тогда входить сможете только вы. И ключ от служебного входа. Приходите, когда хотите, хоть днем, хоть ночью.

Спустя несколько часов мы втайне от всех в точности восстановили нашу стену с расследованием.

* * *

В тот вечер Анна собиралась поужинать с Лорен и Полом. Они на недельку приехали в свой дом в Саутхэмптоне и договорились встретиться с ней в кафе «Афина», взамен провального вечера 26 июня.

Анна заехала домой переодеться и внезапно вспомнила свой разговор с Коди о книге, которую Бергдорф написал про театральный фестиваль. Коди тогда сказал, что весной 1994 года решил отвести закуток в магазине для местных авторов. А если Харви тоже выставил свою пьесу на продажу? Прежде чем отправиться на ужин, она на минутку заскочила к Коди домой.

Он сидел на крыльце и потягивал виски, наслаждаясь теплыми сумерками.

— Да, Анна, мы отвели местным авторам комнатку в глубине магазина. Мрачноватый такой чулан. Мы из него сделали еще один зал, назвали его «Читка». Какой был успех! Мне такой и во сне не снился: туристы так и набросились на местные рассказы. Впрочем, отдел и сейчас существует. В том же помещении. Но я с тех пор снес одну стену и соединил его с магазином. А почему тебя это интересует?

— Просто любопытно. — Анна предпочла уклониться от прямого ответа. — Подумала, вдруг ты помнишь писателей, которые тогда принесли свои тексты.

— Да их целая толпа набежала, — развеселился Коди. — Не переоценивай мою память. Но кажется, в начале лета 1994 года в «Орфеа кроникл» была про это статья. Наверняка у меня в магазине осталась копия, хочешь, схожу? Может, что-то тебе будет полезно.

— Нет, Коди, спасибо огромное. Не стоит трудиться из-за такой ерунды. Завтра зайду в магазин.

— Ты уверена?

— Абсолютно. Спасибо!

Анна поехала встречаться с Лорен и Полем, но, оказавшись на Мейн-стрит, решила завернуть в редакцию «Орфеа кроникл». Ужин немножко подождет, ничего с ним не будет. Она обошла здание, вошла в заднюю дверь и оказалась в архиве. Села за компьютер с поисковиком и по ключевым словам «Коди Иллинойс», «книжный магазин» и «местные авторы» без труда нашла статью, датированную концом июня 1994 года.

В КНИЖНОМ МАГАЗИНЕ ОРФЕА ЧЕСТВУЮТ ПИСАТЕЛЕЙ ИЗ ХЭМПТОНОВ

Две недели назад в книжном магазине Орфеа появилось небольшое помещение, специально отведенное для местных авторов. Эта инициатива имеет огромный успех у писателей, они спешат заявить о себе и представить свои сочинения. Книг так много, что владелец магазина Коди Иллинойс вынужден брать лишь по одному экземпляру каждого произведения, чтобы всем хватило места.

Рядом была помещена фотография Коди, гордо позирующего в дверном проеме бывшей подсобки, над входом в которую красовалась

резная деревянная вывеска «Наши авторы». За его спиной можно было разглядеть комнатку, стены которой сверху донизу были заставлены книгами и рукописями. Анна взяла лупу и стала внимательно разглядывать каждую обложку. Прямо в середине фотографии она заметила переплетенную брошюру, на которой было написано крупными буквами:

Кирк Харви
ЧЕРНАЯ НОЧЬ

Наконец-то она поняла, где Гордон раздобыл пьесу. В магазине Коди.

* * *

Островски возвращался в «Палас дю Лак» с ночной прогулки в парке. Было тепло. В лобби отеля навстречу критику устремился администратор:

— Мистер Островски, у вас на двери уже несколько дней висит табличка «Не беспокоить». Я хотел удостовериться, что все хорошо.

— Да, я нарочно ее не снимаю, — ответил Островски. — Я целиком поглощен творческим процессом. Меня ни в коем случае нельзя отвлекать. Искусство непостижимо!

— Разумеется, мистер Островски. Не желаете ли поменять банные полотенца? Не нужны ли вам косметические средства?

— Нет, друг мой. От души благодарю вас за внимание.

Островски поднялся в номер. Ему очень нравилось быть артистом. Он чувствовал себя на своем месте. словно обрел наконец свою истинную кожу. Открывая дверь, он повторял про себя: *Dies irae... dies irae...* Включил свет. Вся стена в номере была увешана статьями об исчезновении Стефани. Он долго изучал их. Добавил еще несколько. Потом сел к письменному столу, усыпанному листками с заметками, и посмотрел на царящее над ними фото Меган Пейделин. Поцеловал стекло рамки и произнес: «Я теперь писатель, дорогая». Взял ручку и написал: «*Dies irae*, День гнева».

За несколько километров оттуда, в номере «Мотеля 17», где теперь обитали Элис и Стивен, назревала бурная ссора. Элис хотела уехать.

— Я хочу в Нью-Йорк, хоть с тобой, хоть без тебя. Мне надоела эта вонючая гостиница и эта паршивая жизнь. Ты неудачник, Стиви. Я с самого

начала это знала.

— Ну и уходи, Элис! — отозвался Стивен, не отрываясь от ноутбука: ему надо было кровь из носа сдать первую статью для сайта журнала.

Элис разозлилась, что он так легко ее отпускает:

— Почему ты не хочешь ехать в Нью-Йорк?

— Хочу выяснить все про эту пьесу. Это уникальное произведение.

— Врешь, Стиви! Пьеса — говно! Ты что, считаешь, что Островски в трусах — это театр?

— Уходи, Элис.

— Я возьму твою машину.

— Нет! Поедешь на автобусе! Выкрутишься как-нибудь сама!

— Как ты смеешь разговаривать со мной в таком тоне, Стиви! Я не животное! Что это на тебя нашло? Надо же, еще недавно носился со мной, как с царицей.

— Элис, послушай. У меня полон рот неприятностей. Из-за истории с кредиткой я могу вылететь из журнала.

— У тебя одно бабло на уме, Стиви! Ты ничего не понимаешь в любви!

— Совершенно верно.

— Я все расскажу, Стиви. Если ты позволишь мне одной уехать в Нью-Йорк, я всю правду про тебя расскажу Скипу Нейлану. Про то, как ты обращаешься с женщинами. Про насилие, которое ты надо мной учинял.

Стивен даже не повернулся. Элис, заметив на столе рядом с ним ключи от машины, решила схватить их и удрать. С криком «Я тебя уничтожу, Стивен!» она кинулась к ключам, но выскочить за дверь не успела: Стивен схватил ее за волосы и втянул обратно. Она взывала от боли. Он швырнул ее об стену, потом набросился на нее и вlepил ей увесистую пощечину.

— Никуда ты не уедешь! — заорал он. — Затащила меня в дерьмо, вот и сиди в нем тоже!

Она в ужасе смотрела на него и плакала. А он вдруг осторожно взял ее лицо в ладони, умильно шепча:

— Прости, Элис. Прости, я сам не понимаю, что делаю. Эта история меня с ума сведет. Я найду тебе гостиницу получше, обещаю. Я все улажу. Прости, любовь моя.

В это же время мимо жуткой парковки «Мотеля 17» в сторону океана катил «порше». За рулем сидела Дакота. Отцу она сказала, что идет в гостиничный фитнес-зал, а в результате сбежала на его машине. Она сама не знала, соврала ли сознательно или ноги помимо воли понесли ее не туда.

Она свернула на Оушен-роуд. Паломничество завершилось у бывшего родительского дома, «Райского сада». Она взглянула на звонок на воротах. Вместо таблички «Семья Райс» теперь было написано: «Семья Скалини». Она пошла вдоль живой изгороди, заглядывая сквозь листву во двор. Увидела свет. Потом нашла узкий проход. Перешагнула низкий заборчик и пролезла через изгородь. Ветки слегка царапали ей лицо. Она ступила на газон и дошла до бассейна. Никого. Она тихо плакала.

Потом достала из сумки пластиковую бутылку со смесью водки с кетамином и залпом выпила. Легла в шезлонг возле бассейна и, закрыв глаза, под мирный плеск воды стала думать о Таре Скалини.

Дакота Райс

Первый раз я увидела Тару Скалини в марте 2004 года. Мне было девять лет. Мы обе вышли в финал конкурса правописания в Нью-Йорке. И сразу подружились. В тот день ни она, ни я не хотели выигрывать. Мы шли вровень и по очереди намеренно делали ошибку в буквах слова, которое называл нам судья. Он повторял каждой из нас: «Если вы верно назовете все буквы слова, то выиграете конкурс!»

Но так продолжалось бесконечно. Мы битый час ходили по кругу, пока наконец судья не признал победительницами обеих. *Ex aequo*.

Так началась наша восхитительная дружба. Мы стали неразлучны. Ходили друг к другу в гости при первой возможности.

Отец Тары Джеральд Скалини работал в каком-то инвестиционном фонде. Семья жила в громадной квартире с видом на Центральный парк. И жила потрясающе — с личным шофером и поваром, с домом в Хэмптонах.

Мой отец в то время еще не руководил «Каналом 14», у него таких средств не было. Мы ни в чем не нуждались, но до образа жизни Скалини нам было как до Луны. В девять лет мне казалось, что Джеральд Скалини очень с нами любезен. Он любил приглашать нас в гости, посылал за мной шофера, чтобы я приехала поиграть с Тарой. Летом, когда мы были в Орфеа, он звал нас на обед в их дом в Ист-Хэмптоне.

Но хоть я и была маленькой, мне довольно скоро стало ясно, что все приглашения Джеральда Скалини продиктованы не щедростью, а снисходительностью. Он любил покрасоваться перед другими.

Пригласив нас в свою двухэтажную 600-метровую квартиру возле Центрального парка, он обожал потом зайти к нам и сказать: «Как вы мило обставили квартирку». Высшим наслаждением для него было позвать нас в свое невероятное поместье в Ист-Хэмптоне, а потом явиться выпить кофе в

скромный домик, который мои родители снимали в Орфеа, и заметить: «Прелесть что за сарайчик».

Думаю, родители ходили в гости к Скалини, главным образом чтобы доставить мне удовольствие. Мы с Тарой обожали друг друга. Мы были похожи во всем: отличницы, с большими литературными способностями, обе читали запоем и мечтали стать писателями. Мы целыми днями сочиняли всякие истории и записывали их то на листочках, то на семейном компьютере.

Прошло четыре года. Весной 2008-го нам с Тарой исполнилось тринадцать лет. Мой отец за это время сделал головокружительную карьеру. Он занимал один важный пост за другим, о нем заговорили в специализированной прессе, наконец он возглавил «Канал 14». Наша жизнь быстро менялась. Теперь мы тоже жили у Центрального парка, родители строили летний дом в Орфеа, а я, к величайшему своему счастью, поступила в престижную частную школу Хэйфер, в которую ходила Тара.

По-моему, Джеральд Скалини почувствовал в лице моего отца какую-то угрозу себе. Не знаю, что такое он говорил у них на кухне, но вскоре мне стало казаться, что Тара ведет себя со мной не так, как раньше.

Я уже давно говорила Таре, что мечтаю о ноутбуке. Я мечтала, чтобы у меня был свой компьютер, чтобы я могла писать у себя в комнате и никому не показывать свои тексты. Но родители отказывались мне его покупать. Говорили, что у нас в малой гостиной стоит компьютер — да, теперь у нас была большая гостиная и малая гостиная — и я могу пользоваться им сколько угодно.

— Но мне хочется писать у себя в комнате.

— В гостиной ничем не хуже, — отвечали неумолимые родители.

Весной Таре подарили ноутбук. Ту самую модель, которую хотела я. По-моему, она никогда о нем не просила. И вот теперь хвасталась в школе своей новой игрушкой.

Я изо всех сил старалась не обращать на это внимания. Все мои мысли были заняты более важным делом: в школе устроили конкурс сочинений, и я хотела представить свой текст. И Тара тоже, мы вместе работали в школьной библиотеке. Она на своем ноутбуке, а мне приходилось писать в тетради, а вечером все переписывать на компьютере в малой гостиной.

Тара говорила, что родители считают ее сочинение потрясающим. Они даже просили какого-то своего друга, известного в Нью-Йорке писателя, прочитать его и чуть-чуть помочь дочери. Когда я дописала свое, то прежде чем представить его на конкурс, дала прочесть ей. Она сказала «неплохо»,

причем таким тоном, что мне сразу вспомнился ее отец. Когда же ее текст был готов, она отказалась мне его показывать: «Не хочу, чтобы ты списывала».

В начале июня 2008 года в актовом зале школы состоялась церемония, на которой было торжественно объявлено имя лауреата конкурса. К моему великому удивлению, первый приз достался мне.

Неделю спустя Тара пожаловалась в классе, что у нее украли компьютер. У нас у всех были индивидуальные шкафчики в коридоре, закрывавшиеся на кодовый замок, и директор школы приказал обыскать сумки и шкафчики всех учеников нашего класса. Когда пришла моя очередь открыть шкафчик перед директором и его заместителем, я в ужасе увидела внутри компьютер Тары.

Был невероятный скандал. Меня вызывали к директору, с родителями. Напрасно я клялась, что я ни при чем, доказательства были налицо. Потом нас вызвали еще раз, вместе с семейством Скалини; те заявили, что потрясены. Я снова пыталась возразить, говорила, что не виновата, и снова напрасно: меня вызвали на дисциплинарный совет, на неделю исключили из школы и приговорили к общественно полезным работам.

Хуже всего, что от меня отвернулись друзья: они перестали мне верить. Теперь меня окрестили «воровкой». Тара направо и налево рассказывала, что давно меня простила. Что, если бы я ее попросила, она бы дала мне свой компьютер. Я знала, что она врет. Кроме меня, код от моего шкафчика знал только один человек. И это была Тара.

Мне было очень одиноко. И очень плохо. Но этот эпизод не столько ослабил меня, сколько заставил писать еще больше. Моим убежищем стали слова. Я часто уходила одна в школьную библиотеку и писала.

А через несколько месяцев удача отвернулась от семейства Скалини.

Страшный финансовый кризис октября 2008 года напрямую затронул Джеральда Скалини. Он потерял большую часть своего состояния.

Джесси Розенберг

Вторник, 22 июля 2014 года
4 дня до открытия фестиваля

В то утро, когда мы с Дерекком пришли в архив «Орфеа кроникл»,

Анна встретила нас торжествующей улыбкой. Я с любопытством взглянул на нее и протянул стаканчик с кофе, который для нее захватил:

— Ты, похоже, нашла на след.

Анна с загадочным видом кивнула и показала нам статью про книжный магазин Коди, датированную 15 июня 1994 года.

— Посмотрите на фото. В глубине, справа, на полке видно обложку «Черной ночи». То есть Гордон, скорее всего, раздобыл текст в книжном магазине.

— Стало быть, — подытожил Дерек, — в начале июня Гордон рвет пьесу Кирка на мелкие кусочки. А потом покупает ту же самую пьесу в книжной лавке. Зачем?

— Этого я не знаю, — ответила Анна. — Зато я поняла, каким образом пьеса, которую сейчас ставит Кирк Харви в Большом театре, связана с Джеремайей Фолдом. Вчера вечером, возвращаясь с ужина, я заехала на работу и полночи копалась в базе. У Джеремайи Фолда есть сын, он родился прямо перед его гибелью. Я нашла имя его матери, ее зовут Вирджиния Паркер.

— И?.. — спросил Дерек. — Нам это имя должно что-то говорить?

— Нет, но я ей звонила. И она мне рассказала, как погиб Джеремайя.

— Попал в аварию, — напомнил Дерек, не понимая, куда клонит Анна. — Это мы и так знаем.

— Он разбился на мотоцикле, — уточнила Анна. — Врезался на мотоцикле в дерево.

— Ты имеешь в виду, точно так же, как в начале пьесы Харви? — спросил я.

— Вот именно, Джесси.

— Надо немедленно допросить Кирка Харви, — сказал я. — Мы заставим его выложить все, что он знает.

— Майор тебе пальцем не даст пошевелить, Джесси, — заметил Дерек. — Если ты хоть близко подойдешь к Харви, тебя немедленно уволят, а дело у нас отберут. Попробуем действовать постепенно. А для начала постараемся понять, почему в полиции Риджспорта даже не сохранилось дело об аварии. Мы же у них спрашивали.

— Потому что ДТП со смертельным исходом находятся в ведении дорожной полиции штата Нью-Йорк, — ответила Анна.

— Тогда надо немедленно звонить в дорожную полицию, пусть пришлют копию протокола.

Анна протянула нам стопку бумаги:

— Уже сделано, господа хорошие. Вот протокол.

Мы с Дерекком немедленно погрузились в чтение. ДТП произошло в ночь с 15 на 16 июля 1994 года. Полицейский протокол был весьма лаконичным:

Мистер Фолд не справился с управлением мотоцикла. На нем не было шлема. Свидетели видели, как он около полуночи выехал из клуба «Ридж». Его тело случайно обнаружил водитель машины около 7 часов утра. Он был без сознания, но жив. Скончался в больнице.

К делу были приложены фотографии: в неглубоком овраге лежала грудка металла и разлетевшиеся ошметки мотоцикла. Еще в протоколе было указано, что копия дела была направлена спецагенту Грейсу по его просьбе.

— Спецагент Грейс — это тот самый, что позволил нам выйти на Теда Тенненбаума, задержал человека, который продал ему оружие преступления, — объяснил Анне Дерек.

— Надо обязательно с ним связаться, — сказал я. — Он точно в отставке, ему тогда было лет пятьдесят.

— А пока мы должны расспросить эту Вирджинию Паркер, тогдашнюю сожительницу Джеремайи Фолда, — предложил Дерек. — Может, она нам расскажет что-нибудь еще.

— Она дома и ждет нас, — объявила Анна; решительно, она успела предусмотреть все. — В путь!

Вирджиния Паркер жила в маленьком обшарпанном доме на въезде в Риджспорт. Было видно, что когда-то она была красива, но в свои пятьдесят сильно подурнела.

— Джеремайя был подонок, — сказала она, когда мы расселись у нее в гостиной. — Все, что он сделал в жизни хорошего, это мальчуган. Наш сын честный парень, работает в садоводческой фирме, его очень ценят.

— Как вы познакомились с Джеремайей? — спросил я.

Она ответила не сразу. Закурила сигарету, сделала глубокую затяжку. У нее были длинные тонкие пальцы с острыми кроваво-красными ногтями. Наконец она выпустила длинное белое облако и сказала:

— Я была певицей в «Ридже». Тогда это был модный клуб, сейчас он захирел. Мисс Паркер. Такое у меня было сценическое имя. Я и сейчас там иногда пою. А в те годы я там была вроде звезды. Все мужчины были у моих ног. А Джеремайя был совладельцем клуба. Довольно красивый

парень. Он мне поначалу нравился, такой крепкий орешек. И опасный, меня это привлекало. Вот когда я забеременела от него, тут-то и поняла, кто такой на самом деле Джеремайя.

* * *

Риджспорт, июнь 1993 года
18.00

Вирджиния, измученная непрерывными приступами тошноты, лежала на диване. В дверь постучали. Она подумала, что Джеремайя, беспокоясь о ее состоянии, заехал ее проведать. Двадцать минут назад она звонила в клуб и оставила ему сообщение, что сегодня вечером петь не сможет.

— Заходи, открыто, — крикнула она.

Гость вошел. Это был не Джеремайя, а Костико, его подручный. Настоящий шкаф, руки как гири. Она его ненавидела и боялась.

— Что тебе тут надо, Костико? — спросила Вирджиния. — Джеремайи нет.

— А то я не знаю. Он меня и послал. Ты должна ехать в клуб.

— Не могу, меня весь день наизнанку выворачивает.

— Живо, Вирджиния. Твое мнение никого не интересует.

— Ты посмотри на меня, Костико. Я не в том состоянии, чтобы петь.

— А ну, пошевеливайся! Клиенты приходят в клуб, чтобы ты им пела.

Если Джеремайя имеет тебя в зад, это еще не причина отлынивать.

— Как видишь, он меня имеет не только в зад, — отозвалась Вирджиния.

— Заткнись и собирайся! — приказал Костико. — Жду тебя в машине.

* * *

— И вы поехали? — спросила Анна.

— Естественно. У меня не было выбора. Моя беременность была сущим адом. Мне приходилось петь в клубе до самых родов.

— Джеремайя вас бил?

— Нет, хуже. В том-то и была вся мерзость Джеремайи. Он себя считал не преступником, а «предпринимателем». А своего подручного

Костико — «компаньоном». Подсобка в глубине здания, где он проворачивал свои махинации, именовалась «офис». Джеремайя думал, что он хитрее всех. Говорил, что не оставляет следов, поэтому никакой суд до него не доберется. Он не вел бухгалтерии, имел разрешение на ношение оружия и никогда не отдавал письменных приказов. Все его вымогательства, вся мелкая торговля наркотиками и оружием шла через «сервисную службу». Так он называл кучку шестерок, которые были целиком в его власти. В основном это были отцы семейства, на которых имелся компромат, способный сломать им жизнь, — например, фотографии с проститутками в нежелательных позах. В обмен на его молчание шестерки должны были оказывать ему услуги. Он посылал их к людям, у которых вымогал деньги, или с партией наркотиков к наркодилерам, а потом — забрать его куш. Всем этим занимались добропорядочные люди, которых никто бы не заподозрил. Джеремайя никогда не выходил из тени. Потом эти шестерки приходили в клуб под видом клиентов и оставляли бармену конверт для Джеремайи. Никаких прямых контактов. Джеремайя использовал клуб для отмывания своих грязных денег. Но и тут он действовал по всем правилам искусства: деньги шли обратно в клуб. Все растворялось в клубной отчетности, а поскольку «Ридж» пользовался бешеным успехом, концов было не найти. Причем Джеремайя платил со всего этого изрядные налоги. Попробуй его тронь: он мог зажигать сколько угодно, все деньги значились в декларации. Я знаю, что полиция пыталась завести на него дело, но так ничего и не нашла. Утопить его могли только шестерки, но они знали, что их ждет, если они его выдадут: в лучшем случае вся их общественная и профессиональная жизнь полетит под откос. Не говоря уж о том, что им самим грозила тюрьма за соучастие в преступлениях. К тому же упрямец он наказывал, возвращал на путь истинный. Опять-таки не оставляя следов.

* * *

Риджспорт, 1993 год
Подсобка клуба «Ридж»

Джеремайя налил воды в большой таз, и тут дверь «офиса» отворилась. Он поднял глаза. Костико втолкнул в комнату тщедушного человечка в костюме и при галстукке.

— Здравствуй-здравствуй, Эверетт! — радушно приветствовал его Джеремайя. — Рад тебя видеть.

— Добрый день, Джеремайя, — ответил человек, дрожа как осиновый лист.

Эверетт был образцовым отцом семейства, которого Костико заснял на видео с малолетней проституткой.

— Ну, Эверетт, — ласково произнес Джеремайя, — говорят, ты больше не хочешь работать в моей фирме?

— Послушай, Джеремайя, я больше не могу так рисковать. Это безумие. Если меня сцапают, я сяду в тюрьму надолго.

— Вряд ли тебе дадут сильно больше, чем за твои игры с пятнадцатилетней девчонкой, — заметил Джеремайя.

— Я был уверен, что она совершеннолетняя, — вяло защищался Эверетт.

— Слушай сюда, Эверетт. Ты просто мелкий говнюк и трахаешь маленьких девочек. Ты будешь работать на меня столько, сколько я скажу, если не хочешь оказаться в тюрьме с пацанами, которые обстригают тебе хрен бритвой.

Прежде чем Эверетт успел ответить, Костико с силой схватил его, согнул вдвое и погрузил головой в таз с ледяной водой. Секунд двадцать он удерживал его голову в воде, потом отпустил. Эверетт судорожно хватал ртом воздух.

— Ты пашешь на меня, Эверетт, понял? — шепнул ему Джеремайя.

Костико снова погрузил голову несчастного в воду. Пытка продолжалась до тех пор, пока Эверетт не пообещал верно служить хозяину.

* * *

— Джеремайя топил людей? — переспросил я. Рассказ Вирджинии сразу напомнил мне, каким способом была убита Стефани.

— Да, капитан, — кивнула Вирджиния. — Они с Костико специализировались на этой симуляции утопления. Их мишенью всегда были обычные парни, впечатлительные и податливые, с которых семь шкур можно было драть. Но когда я видела, как какой-нибудь бедолага выходит из «офиса» в слезах и с мокрой головой, я знала, что там произошло. Говорю вам, Джеремайя уничтожал людей изнутри, он никогда не оставлял

внешних следов.

— А Джеремайя никого таким образом не убивал?

— Вполне возможно. Он был способен на все. Я знаю, что некоторые люди исчезли бесследно. Может, их утопили? Или сожгли? Похоронили заживо? Скармили свиньям? Понятия не имею. Джеремайя ничего не боялся, он боялся только тюрьмы. Потому и был такой осторожный.

— Что было потом?

— В январе 1994 года я родила. Между нами с Джеремайей все осталось по-прежнему. Про свадьбу или про то, чтобы жить вместе, не было и речи. Но он давал мне деньги на ребенка. Причем никакой вульгарной наличности. Выписывал мне чеки или перечислял деньги на счет. Официально. Это продолжалось до июля месяца. До самой его смерти.

— А что произошло в тот вечер, когда он погиб?

— По-моему, Джеремайя так боялся тюрьмы из-за своей клаустрофобии. Говорил, что для него невыносима сама мысль о том, чтобы сидеть взаперти. Ездил он почти всегда не на машине, а на громадном мотоцикле, никогда не надевал шлем. Каждый вечер проделывал один и тот же путь: около полуночи, редко позже, выезжал из клуба и ехал по тридцать четвертому шоссе, оно идет по прямой почти до его дома. Всегда несся как полоумный. Считал себя свободным, непобедимым. Чаще всего он был пьян. Я всегда думала, что когда-нибудь он убьется на своем мотике. Но мне и в голову не могло прийти, что он расхреначит себе башку в одиночестве и сдохнет на обочине, как собака, после долгих часов агонии. Врачи в больнице сказали, что, если бы его нашли раньше, он бы, может, и выкрутился. В жизни не испытывала такого облегчения, как когда мне сказали, что он умер.

— Вам что-нибудь говорит имя Джозеф Гордон? — спросил я. — Он до июля 1994 года был мэром Орфеа.

— Джозеф Гордон? — повторила Вирджиния. — Нет, ничего не говорит, капитан, а почему вы спрашиваете?

— Он был коррупционером, я подумал, вдруг он был связан с Джеремайей.

— Знаете, я никогда не совала нос в его дела. Меньше знаешь — крепче спишь.

— Что вы делали после смерти Джеремайи?

— То единственное, что умела делать, — продолжала петь в «Ридже». Мне хорошо платили. Этот кретин Костико по-прежнему там.

— Занимается теми же делами?

— Занимается клубом. Делишки Джеремайи прекратились после его смерти. Костико далеко до ума и размаха Джеремайи. Все работники подворовывают, он один ничего не замечает. Даже в тюрьму попадал за какие-то мелкие спекуляции.

От Вирджинии Паркер мы отправились в клуб «Ридж». Заведение открывалось под вечер, но внутри какие-то работники, не особо усердствуя, занимались уборкой. Клуб находился в подвале, как в старину. По одной лишь вывеске можно было понять, почему это место в 1994 году было модным, а в 2014-м устарело. У стойки мы заметили здоровяка лет шестидесяти, из тех крепышей, что дурно стареют. Он принимал ящики с алкоголем.

— Кто вас пустил? — разозлился он, увидев нас. — Мы открываемся в шесть вечера.

— Вип-посетители, цыпочки, — ответил Дерек, показывая полицейский жетон. — Это вы Костико?

Мы сразу поняли, что не ошиблись: тот припустил с места, как заяц. Промчался через зал и кинулся в коридор, ведущий к пожарному выходу. Бегал он быстро. Мы с Анной бросились его догонять, а Дерек кинулся к главной лестнице. Костико, перепрыгнув несколько узких ступенек, выскочил через дверь наружу и исчез в ослепительном свете дня.

Когда мы с Анной в свой черед оказались на улице, Дерек уже обездвигил толстого Костико на парковке и застегивал на нем наручники.

— Ну ты даешь, Дерек, — сказал я, — все твои рефлексy на месте!

Он улыбнулся счастливой улыбкой:

— Снова побыть опером полезно для здоровья, Джесси.

Костико звали Коста Суареш. Отсидел он за торговлю наркотиками, а удирать бросился как раз из-за пухлого пакетика с кокаином, оказавшегося у него в кармане. Судя по количеству, он явно продолжал им приторговывать. Но нас интересовало не это. Мы хотели допросить его как следует, пользуясь тем, что застали его врасплох. Допрос проходил прямо в клубе. Там была подсобка с табличкой на дверях: офис. Комната была именно такой, как ее описывала Вирджиния, — холодной, без окон. С раковиной в углу, под которой стоял старый медный таз.

Допрос вел Дерек.

— Нам плевать, чем ты торгуешь у себя в клубе, Костико. У нас к тебе вопросы по поводу Джеремайи Фолда.

— Со мной уже двадцать лет никто про него не говорил, — удивился

Костико.

— Тем не менее ты хранишь о нем память, — отозвался Дерек. — Значит, это здесь вы занимались своими мерзостями?

— Это Джеремайя был любитель всяких глупостей. По мне, так я бы предпочел добрые старые кулаки.

И Костико продемонстрировал нам свои толстые пальцы в тяжелых металлических перстнях с шипами. Да уж, умом он не блистал. Но ему хватило здравого смысла, чтобы понять: лучше рассказать нам все, что мы хотим знать, чем оказаться в полиции за хранение наркотиков. Выяснилось, что Костико никогда не слышал про мэра Гордона:

— Гордон? Мэр? Мне это имя вообще ничего не говорит.

Поскольку Костико утверждал, что у него плохая память на имена, мы показали ему фото мэра. Но он его не узнал:

— Этот парень сюда ни разу не заглядывал, точно. Я лиц не забываю. Уж поверьте, если б я его когда встретил, узнал бы сразу.

— Значит, он никак не связан с Джеремайей Фолдом?

— Точно нет. Я тогда в курсе всего был. Джеремайя сам никогда ничего не делал. Пускай про меня тогда все за спиной говорили, что я кретин, Джеремайя мне доверял.

— Мог ли Джозеф Гордон быть одной из ваших шестерок, если не имел с вами дела напрямую?

— Нет, невозможно. Я б его лицо запомнил. Говорю ж, у меня память как у слона. Потому Джеремайя меня и ценил: он никогда не оставлял письменных следов. Вообще никаких. Но я и так все запоминал, все приказы, лица, цифры. Да и вообще Орфеа была не нашей территорией.

— Тем не менее вы вымогали деньги у Теда Тенненбаума, владельца кафе «Афина».

Услышав это имя, Костико явно удивился.

— Тед Тенненбаум был крепкий орешек, — кивнул он. — Джеремайя обычно с такими не связывался. Он был человек осторожный. Брался только за парней, которые от одного моего вида прудили в штаны. Но с Тенненбаумом было другое, там личное. Этот чувак поколотил его на глазах у девки, и Джеремайя хотел отомстить. Мы тогда отлупили Тенненбаума у него дома, но Джеремайе этого было мало, он решил содрать с него денег. Но такой случай был один, Джеремайя оставался на своей территории. Риджспорт он держал под контролем, тут он знал всех и вся.

— Может, вы помните, кто именно поджег будущий ресторан Теда Тенненбаума?

— Ну, вы уж слишком многого хотите. Конечно, это был кто-то из шестерок. Эти парни все и делали. Мы никогда и нигде прямо не светились. Разве что вопрос какой надо было решить. А так за все мелочи отвечали они. Забирали наркотик, передавали дилерам, приносили бабло Джеремайе. Мы только приказы отдавали.

— Где вы находили этих людей?

— Они все по бабам ходили. Был такой мутный мотель на шестнадцатом шоссе, там половину номеров снимали шлюхи для работы. Про него всем в округе было известно. Я знал и хозяина, и шлюх, у нас был договор. Мы их не трогаем, а взамен спокойно пользуемся одним номером. Когда Джеремайе нужны были новые шестерки, он посылал трудиться передком несовершеннолетнюю девочку. Я ему нашел красотку. Она безошибочно клиентов выбирала. Впечатлительных отцов семейства. Приводила клиента в номер, говорила: «Я еще несовершеннолетняя, учусь в школе, тебя это возбуждает?» Тот отвечал «да», и она требовала от него всяких непристойностей. А я прятался где-нибудь в номере с камерой, обычно за занавеской. В подходящий момент выскакивал с криком: «Сюрприз!» — и наставлял на парня камеру. Вы себе не представляете, какие рожи у них были! Оборжаться можно. Очень мне это дело нравилось. Девице я приказывал выйти и смотрел на голого дрожащего уродца. Сперва грозил котлету из него сделать, потом говорил, что мы можем договориться. Брал его штаны и доставал кошелек. Смотрел его кредитки, водительские права, фото жены и детей. Забирал все и объяснял: либо он работает на нас, либо я передаю запись его жене и начальству. Назначал им завтра встречу в клубе. И все следующие дни они по утрам и вечерам видели, что я на посту у их дома. Парни были в ужасе. Бегали у нас как миленькие.

— Значит, у вас был список всей этой подвластной вам публики?

— Нет. Они считали, что все осталось у меня, но я быстро избавлялся от их бумажников. И камера всегда была без пленки, чтобы никто нас не обвинил. Джеремайя говорил, что главное — не оставлять улики. У меня была небольшая собственная сеть парней, которых я привлекал к делу по очереди, чтобы не вызвать подозрений. В общем, одно могу сказать точно: этот ваш Гордон никогда не имел дела с Джеремайей, ни прямо, ни косвенно.

* * *

В тот день репетиция шла из рук вон плохо. Элис сидела с похоронной физиономией, Дакота вообще походила на труп.

— Да что с вами такое? — вышел из себя Кирк Харви. — У нас премьера через четыре дня, а вы ползаете как сонные мухи. А ну, соберитесь! Иначе я новых актеров наберу!

Он хотел еще раз прогнать первую сцену, но у Дакоты не получалось.

— Что с тобой, Дакота? — спросил Харви.

— Не знаю, Кирк. Ничего не выходит.

Она разрыдалась. Вид у нее был мученический.

— Что за ад сегодня! — рявкнул Харви, перелистывая страницы пьесы. — Ладно, тогда начнем вторую сцену. Это твоя главная сцена, Шарлотта. Надеюсь, хоть ты в форме.

Шарлотта Браун, ждавшая своей очереди в первом ряду, поднялась на сцену.

— Я готова, — уверенно сказала она. — Что за сцена?

— Сцена в баре, — пояснил Харви. — Ты играешь певицу.

Установили новые декорации: несколько стульев, красный занавес на заднике. Джерри играл посетителя, сидел у сцены и посасывал коктейль. Сэмюел Пейделин на сей раз изображал владельца бара: стоял поодаль и наблюдал за певицей.

Раздались звуки пианино.

— Очень хорошо, — одобрил Харви. — Декорация годится. Надо будет только отработать, чтобы ее меняли побыстрее. Итак, Шарлотта, тебе поставят микрофон на стойке, ты выходишь и поешь. Поешь как богиня, клиенты бара сходят по тебе с ума.

— Ладно, — кивнула Шарлотта. — А что мне надо петь?

— Вот твой текст, — сказал Харви, протягивая ей листок.

Шарлотта прочитала, и глаза у нее полезли на лоб.

— «Я гетера, я сплю с замом мэра»? — закричала она. — Это песня у тебя такая?

— Да, такая.

— Я это петь не буду. Ты совсем офонарел?

— Тогда я тебя выгоню, дурица! — отозвался Харви.

— Я тебе запрещаю разговаривать со мной в таком тоне! Ты нам всем мстишь, да? Это и есть твоя пресловутая великая пьеса? Сводишь счеты с прошлым, желчью плюешься? Отыгрываешься за все свои обиды на Островски, на Гулливера, на меня?

— Не понимаю, о чем ты, Шарлотта!

— Не понимаешь, да? Про «Танец с росомхой» не понимаешь? Про

«Гетеру, сплю с замом мэра»?

— Если ты недовольна, Шарлотта, можешь проваливать!

Про скандал нам рассказал Майкл Берд, когда мы с Анной и Дерекком возвращались из Риджспорта. Мы встретились с ним в архиве «Орфеа кроникл».

— Шарлотта пыталась убедить труппу отказаться от «Черной ночи», — сказал Майкл. — Дело кончилось голосованием, все остальные актеры захотели остаться.

— А сама Шарлотта? — спросила Анна.

— Тоже остается. Кирк согласился убрать фразу про гетеру зама мэра.

— Нет, это невозможно, — сказал Дерек. — Что это, что «Пляска смерти»... Можно подумать, Кирк соорудил эту пьесу только для того, чтобы отомстить всем, кто его тогда унижил.

Но Майкл показал нам вторую сцену пьесы, которую он незаметно заснял чуть раньше. Шарлотта играла певицу, в которую влюблены все клиенты.

— Это уже не совпадение! — воскликнул Дерек. — Это клуб «Ридж»!

— Клуб «Ридж»? — переспросил Майкл.

— Клуб, которым владел Джеремайя Фолд.

Авария, потом клуб. Это был не вымысел и не случайность. К тому же, как мы видели, мертвеца в первой сцене и хозяина бара во второй играл один и тот же актер.

— Вторая сцена — ретроспекция, — шепнул мне Дерек. — Этот персонаж — Джеремайя Фолд.

— Значит, ключ к расследованию в самом деле содержится в пьесе? — пробормотал Майкл.

— Майкл, — сказал я, — я не знаю, что происходит, но, главное, не спускайте с Харви глаз.

Мы хотели поговорить с Коди насчет текста «Черной ночи», который продавался у него в магазине в 1994 году. Анна никак не могла ему дозвониться, и мы поехали в книжную лавку. Но продавщица сказала, что патрон сегодня вообще не появлялся.

Это было очень странно. Анна предложила заехать к нему домой. Когда мы подъезжали, она сразу заметила, что его машина на месте. Значит, Коди у себя. Однако дверь он не открывал, несмотря на настойчивые звонки. Анна нажала на дверную ручку — не заперто. В этот момент у меня возникло впечатление дежавю.

Мы вошли. В доме стояла мертвая тишина. Везде горел свет, хотя на дворе был солнечный день.

Мы обнаружили его в гостиной.

Головой на журнальном столике, плавающим в луже крови.

Коди убили.

Дерек Скотт

Конец ноября 1994 года. С момента убийства прошло четыре месяца.

Джесси никого не хотел видеть.

Я каждый день заходил к нему, долго стучал в дверь, умолял мне открыть. Напрасно. Иногда я часами стоял под дверью. Но ничего не мог поделать.

Однажды он все-таки позволил мне войти — после того как я стал грозить выломать дверь и начал колотить в нее ногой. На пороге стоял призрак: грязный, с всклокоченными волосами, заросший бородой по уши, с мрачным скорбным взглядом. В квартире царил хаос.

— Что тебе? — раздраженно спросил он.

— Хотел убедиться, что с тобой все в порядке, Джесси.

Он саркастически захохотал:

— Со мной все в порядке, Дерек, все в полнейшем порядке! Мне никогда не было так хорошо.

И выгнал меня.

Два дня спустя ко мне в кабинет зашел майор Маккенна.

— Дерек, тебе надо съездить в пятьдесят четвертый участок, в Куинс. Твой приятель Джесси наломал дров, его сегодня ночью задержала полиция.

— Задержала полиция? Где? Он уже сколько недель из дому не выходит.

— Ну вот, видно, решил отвести душу, расхреначил строящийся ресторан. Какое-то заведение под названием «Маленькая Россия». Тебе это что-то говорит? Короче, найди хозяина и постарайся уладить эту херню. Приведи его в чувство, Дерек. Иначе он больше вообще не сможет работать в полиции.

— Постараюсь, — кивнул я.

Майор Маккенна окинул меня взглядом:

— Паршиво выглядишь, Дерек.

— А мне и есть паршиво.

— К психологу ходил?

Я пожал плечами:

— Я сюда по утрам прихожу как автомат, майор. По-моему, мне не место в полиции. После всего, что случилось.

— Черт подери, Дерек, но ты же герой! Ты ему жизнь спас! Помни, всегда помни: не будь тебя, Джесси сейчас был бы на том свете. Это ты спас ему жизнь!

Джесси Розенберг

Среда, 23 июля 2014 года

3 дня до открытия фестиваля

Город был потрясен. Убит Коди Иллинойс, милый человек, скромный книготорговец.

Ночь выдалась короткой — и для полиции, и для обитателей Орфеа. После известия о втором убийстве к дому Коди сбежались все журналисты и толпы любопытных. Люди были напуганы и в то же время заинтригованы. Сперва Стефани Мейлер, теперь Коди Иллинойс. Уже ходили слухи про серийного убийцу. Горожане организовывали патрульные отряды. В этой тревожной атмосфере главным было не допустить паники. Полиция штата и все силы местной полиции поступили в распоряжение Брауна для обеспечения безопасности в городе.

Мы с Анной и Дерекком полночи провели на ногах, пытаюсь понять, что произошло. На место срочно выехал судмедэксперт, доктор Ранджит Сингх; мы выслушали его первые выводы. Коди скончался от ударов по задней части черепа, нанесенных тяжелой металлической лампой; ее обнаружили рядом с трупом, на ней были следы крови. Кроме того, обращало на себя внимание странное положение тела: Коди как будто стоял на коленях, закрывая руками лицо — словно прятал глаза или пытался их протереть.

— Может, он умолял убийцу? — спросила Анна.

— Не думаю, — ответил доктор Ранджит. — Тогда бы его ударили спереди, а не сзади. И потом, судя по характеру повреждений черепа, убийца находился гораздо выше его.

— Гораздо выше? — заинтересовался Дерек. — Что вы хотите сказать?

Доктор Сингх, подумав, попытался с ходу восстановить сцену убийства:

— Коди открывает убийце. Вероятно, он его знает. Во всяком случае, доверяет ему, потому что следы борьбы отсутствуют. Думаю, он

приглашает его войти и идет впереди него в гостиную. Кто-то как бы пришел в гости. Но тут Коди оборачивается, и его ослепляют. Он закрывает глаза руками и падает на колени. Убийца хватается лампу со стола и изо всех сил бьет жертву по голове. Коди убит на месте, но его бьют еще несколько раз, словно убийца хочет убедиться, что тот в самом деле мертв.

— Погодите, док, — перебил его Дерек. — Что значит «его ослепляют»?

— Полагаю, жертву нейтрализовали с помощью баллончика со слезоточивым газом. Это объясняет следы слез и слизи у него на лице.

— Со слезоточивым газом? — повторила Анна. — Как когда напали на Джесси в квартире Стефани Мейлер?

— Да, — подтвердил доктор Сингх.

— Вы говорите, убийца хотел убедиться в смерти жертвы, — вмешался я, — но при этом явился без оружия и воспользовался лампой? Какой убийца будет так себя вести?

— Так будет вести себя тот, кто не хочет убивать, но не видит другого выхода, — ответил Сингх.

— Замечает следы прошлого? — пробормотал Дерек.

— Думаю, да, — согласился Сингх. — Кто-то в этом городе готов на все, чтобы сохранить свой секрет и помешать вам довести расследование до конца.

Что знал Коди? Как он был связан со всем этим делом? Мы обшарили весь его дом, осмотрели книжный магазин. Тщетно. Мы ничего не нашли.

В то утро город Орфеа, штат Нью-Йорк, а вскоре и все окрестности проснулись под звуки новостных выпусков, извещавших об убийстве Коди. Людей впечатляла не столько смерть какого-то книготорговца, сколько вся цепочка событий. Теперь, когда о деле заговорили все национальные СМИ, Орфеа следовало готовиться к беспрецедентному нашествию любопытных.

Чтобы удержать ситуацию под контролем, было созвано срочное совещание с участием мэра, майора Маккенны от полиции штата, представителей соседних городов, шефа местной полиции Гулливера, его помощника Монтейна, Анны, Дерека и меня.

Первое, что предстояло обсудить, — отменять фестиваль или нет. Уже ночью было принято решение поместить всех членов труппы под охрану полиции.

— Думаю, надо отменять спектакль, — сказал я. — Он только усугубит ситуацию.

— Ваше мнение меня не интересует, капитан, — раздраженно ответил

Браун. — У вас по каким-то неведомым мне причинам зуб на этого славного Харви.

— Этого славного Харви? — иронически заметил я. — Вы о нем так же отзывались двадцать лет назад, когда отбивали у него подружку?

— Капитан Розенберг! — рявкнул мэр. — Ваша наглость и ваш тон недопустимы!

— Джесси, — одернул меня Маккенна, — будь добр, держи свои соображения при себе. Ты полагаешь, что Кирк Харви действительно что-то знает об убийстве?

— Мы думаем, что между его пьесой и этим делом может существовать связь.

— Ты думаешь? Может? — вздохнул майор. — Джесси, у тебя есть конкретные и неопровержимые доказательства?

— Нет, это только предположения, но они весьма правдоподобны.

— Капитан, все говорят, что вы прекрасный детектив, и я вас уважаю, — произнес Браун. — Но мне кажется, что с тех пор, как вы появились в нашем городе, вы только сеете вокруг себя хаос, а дело не движется.

— Убийца начал действовать именно потому, что петля на его горле затягивается.

— О, какое счастье, наконец-то мне объяснили, отчего в Орфеа такой бардак, — съязвил мэр. — Так или иначе, спектакль я отменять не буду.

— Господин мэр, — вмешался Дерек, — по-моему, Харви над вами издевается. Имени убийцы он не назовет.

— Он не назовет, а его пьеса назовет!

— Не играйте словами, господин мэр. Я совершенно убежден, что Харви понятия не имеет, кто убийца. Не стоит подвергать всех опасности и ставить эту пьесу. Не знаю, как отреагирует убийца, если решит, что его имя станет известно.

— Совершенно верно, — сказал Браун. — Происходит нечто невиданное. Вы только посмотрите, сколько снаружи телекамер и любопытных: все взоры прикованы к Орфеа. Вся страна забросила свои видеоигры и идиотские телепрограммы и, затаив дыхание, ждет спектакля! Это потрясающе! То, что происходит здесь и сейчас, попросту не имеет аналогов в истории!

Маккенна повернулся к шефу полиции Гулливеру:

— Каково ваше мнение об этой пьесе, Гулливер? Стоит ли ее играть?

— Я уйду в отставку, — ответил Гулливер.

— Что значит «вы уходите в отставку»? — подскочил Браун.

— Я слагаю с себя полномочия, Алан, и немедленно. Я хочу сыграть в этой пьесе. Она невероятная! И потом, ко мне тоже прикованы все взоры. Я первый раз в жизни наконец реализовал себя. Я существую!

— Помощник шефа полиции Монтейн, назначаю вас исполняющим обязанности шефа полиции, — постановил Браун.

Монтейн расплылся в торжествующей улыбке. Анна изо всех сил старалась сохранить бесстрастное лицо: не время было устраивать сцену. Мэр повернулся к майору Маккенне и спросил:

— А вы что думаете, майор?

— Это ваш город, господин мэр. Значит, решать вам. В любом случае, думаю, что даже если вы все отмените, проблему безопасности это не решит. Журналисты и зеваки так просто отсюда не уедут. Но если вы не отмените представление, придется принять драконовские меры.

Мэр немного подумал, потом уверенно произнес:

— Перекрываем весь город и играем спектакль.

Маккенна перечислил необходимые меры безопасности. Все въезды в город держать под контролем. Движение на Мейн-стрит перекрыть. Труппу поселить в «Палас дю Лак», отель поместить под усиленный полицейский надзор. Доставлять актеров в Большой театр и обратно в отель под специальным конвоем.

Когда совещание наконец закончилось, Анна перехватила Брауна в коридоре:

— Блин, Алан, как вы могли назначить Монтейна на место Гулливера? — с негодованием спросила она. — Вы же меня пригласили в Орфеа, чтобы я возглавила полицию, разве нет?

— Это временно, Анна. Мне надо, чтобы ты сосредоточилась на расследовании.

— Вы на меня злитесь, потому что вас допрашивали по этому делу? Так?

— Могла бы меня предупредить, Анна, а не хватать, как бандита.

— Если бы вы сами рассказали все, что знаете, не оказались бы подозреваемым в этом деле.

— Анна, — рассердился Браун, которому недосуг было препираться, — если это дело будет стоить мне кресла мэра, тебе все равно придется собирать манатки. Докажи, на что ты способна, и поймай того, кто терроризирует весь город.

* * *

«Палас дю Лак» превратился в неприступную крепость. Всех актеров отвели в салон, вход в который охраняла полиция.

Толпа журналистов и любопытных жарилась под полуденным солнцем перед входом в отель в надежде увидеть Харви и актеров. Возбуждение достигло апогея, когда появился микроавтобус в сопровождении полицейских машин: труппу вот-вот повезут в театр на репетицию. Наконец, после долгого ожидания, появились актеры в окружении полицейских. Из-за заграждений раздались приветственные крики, толпа скандировала их имена. Зеваки просили фото и автографы, журналисты хотели заявлений для прессы.

Первым на призывы откликнулся Островски. К нему сразу присоединились все остальные. Те, кто еще опасался играть в «Черной ночи», победили свои страхи, купаясь в восторгах толпы. Они прославились. Вся Америка смотрела по прямой трансляции на актеролюбителей. Это была сенсация.

— Я же вам с самого начала говорил, что вы станете звездами, — сиял от счастья Харви.

В нескольких милях оттуда Джеральд Скалини и его жена, сидя перед телевизором в своем доме на берегу океана, ошеломленно созерцали на экране лицо Дакоты Райс.

В Нью-Йорке Трейси Бергдорф, жена Стивена, включив телевизор по совету коллег, в изумлении смотрела, как ее муж строит из себя голливудскую звезду.

А в Лос-Анджелесе, в баре «Белуга», бывшие актеры Кирка Харви оцепенело глядели на своего вдруг ставшего знаменитым режиссера, чье лицо не сходило со всех экранов на всех телеканалах. Вся страна говорила о «Черной ночи». Они упустили свой шанс.

* * *

Единственная версия, которая пока возникла у нас с Анной и Дерекком, состояла в том, что Коди был связан с Джеремайей Фолдом и его грязными делишками. Мы решили еще раз съездить к Костико в клуб «Ридж» и расспросить его. Но когда мы показали ему фото книготорговца, он поклялся, что никогда его не видел.

— Это еще кто такой?

— Человек, которого сегодня ночью убили, — ответил я.

— О господи, — простонал Костико. — Вы что, будете заявляться ко мне всякий раз, как найдете мертвяка?

— Значит, вы никогда не видели этого человека в клубе? Или в окружении Джеремайи?

— Сказал же, никогда. С чего вы решили, что он с ним как-то связан?

— Очень похоже, что мэр Гордон, которого вы не знаете, обзавелся текстом пьесы под названием «Черная ночь» у этого Коди, которого вы не знаете, а в этой пьесе было закодировано имя Джеремайи Фолда.

— Я что, похож на театрала? — отозвался Костико.

Костико был слишком глуп, чтобы складно лгать, поэтому мы могли поверить ему на слово: он никогда не слышал ни про Гордона, ни про Коди.

Может, Гордон был замешан в торговле наркотиками? А магазин Коди служил ему прикрытием? А если вся эта история с местными писателями затевалась лишь для отвода глаз, а за ней стояла преступная организация? В наших головах роилось множество гипотез, но конкретных фактов опять не хватало.

За неимением лучшего мы решили отправиться в мотель, где Костико, по его словам, заарканивал шестерок. Уже на подъезде мы поняли, что заведение с годами ничуть не изменилось. А когда мы вышли из машины, полицейская форма Анны и бляхи у нас на ремнях вызвали среди фауны на парковке небольшой переполох.

Мы собрали всех проституток в возрасте лет пятидесяти или старше. Среди них была одна, на вид явная бандерша, к тому же ее звали Реджина, Королева; она сказала, что блюдет порядок на этой парковке с середины 1980-х годов.

Реджина пригласила нас пройти в номер, служивший ей кабинетом, чтобы поговорить спокойно, вдали от чужих ушей, а главное, чтобы мы не распугали всех клиентов.

— Что стряслось? — спросила она, усаживая нас на обитый искусственной кожей диван. — Вы, похоже, не из полиции нравов, я вас тут раньше не видела.

— Уголовный отдел, — объяснил я. — Мы не затем приехали, чтобы создавать вам проблемы. У нас есть вопросы по поводу Джеремайи Фолда.

— Джеремайи Фолда? — Вид у Реджины был такой, словно она увидела привидение.

Я кивнул:

— Слова «шестерки Джеремайи Фолда» вам о чем-то говорят?

— Ну конечно, малыш, — ответила она.

— Вам знакомы эти двое мужчин? — спросил я, показывая ей фото Гордона и Коди.

— Ни разу их не видела.

— Мне нужно знать, были ли они связаны с Джеремайей Фолдом.

— С Фолдом? Не знаю.

— Могли они быть его шестерками?

— Все возможно. Честно, не имею ни малейшего понятия. Джеремайя отлавливал шестерок из числа случайных клиентов. Постоянные обычно ходили к одним и тем же девушкам и знали, что Миллу трогать не надо.

— Кто такая Милла? — спросил Дерек. — Девушка, которая служила приманкой?

— Да. Она не одна такая была, но продержалась дольше всех. Два года. До смерти Джеремайи. Всех прочих и на три месяца не хватало.

— Почему?

— Дурь, они все на ней сидели. И теряли товарный вид. Джеремайя от них избавлялся.

— Каким образом?

— Передоз. Полиция ни о чем не подозревала. Тело он где-нибудь оставлял, и копы считали, что просто одной марафетчицей стало меньше.

— А эта Милла, значит, не употребляла?

— Нет. Даже не притрагивалась к этой дряни. Умная была девочка, прекрасно воспитанная, да вот попалась как-то Джеремайе в когти. Он ею дорожил, вроде даже был в нее немножко влюблен. В самом деле красивая была. То есть, я хочу сказать, те девки на улице — они шлюхи. А в ней было что-то большее. Прямо принцесса.

— И как она ловила шестерок?

— Работала на обочине шоссе, приводила их в номер, а там уж Костико сидел в засаде. Вы Костико знаете?

— Да, — сказала Анна, — мы с ним говорили. Но я одного не понимаю, почему ни один из тех, кто попался в ловушку, не протестовал?

— О, надо было видеть Костико двадцать лет назад. Чудовище, сплошные мускулы. И жестокий до ужаса. Иногда совсем слетал с катушек. Насмотрелась я, как он ломал руки-ноги, чтобы заставить себя слушаться. Однажды ворвался домой к одному из шестерок, выволок его из кровати от перепуганной жены и превратил в котлету прямо у нее на глазах. Что парню оставалось делать после этого? Идти жаловаться в полицию, если он сам был мулом, наркокурьером? Оказался бы в тюрьме.

— А вы, значит, закрывали на это глаза?

— Это не моя парковка и не мой мотель, — возразила Реджина. — К тому же Джеремайя нас не трогал. С ним никто не хотел ссориться. Единственный раз я видела, как парень поставил Костико на место, вот смеху было!

— Как это случилось?

— Это был январь 1994-го, как сейчас помню, потому что снегу много намело. Чувак выходит из номера Миллы в чем мать родила, только с ключами от тачки. За ним бежит Костико. Чувак открывает дверцу, хватается за газовый баллончик и брызгает на Костико. Тот визжит, как девчонка. Умора, да и только! Чувак прыгает в машину и смывается. Голяком! По снегу! Ах, какая была сцена!

Реджина рассмеялась.

— Вы говорите, газовый баллончик? — спросил я с любопытством.

— Да, а что?

— Мы ищем одного человека, возможно связанного с Джеремайей Фолдом, он использует баллончик со слезоточивым газом.

— Вот про это, солнце мое, ничего не знаю. Я только его задницу видела, да и то двадцать лет назад.

— Может, какие-нибудь особые приметы?

— Задница очень даже ничего, — улыбнулась Реджина. — Может, Костико помнит. Штаны-то с бумажником у парня остались в номере, вряд ли Костико их не прибрал.

Я не стал настаивать и задал последний вопрос:

— Что стало с Миллой?

— После смерти Джеремайи она исчезла. Тем лучше для нее. Надеюсь, где-то начала новую жизнь.

— Вы не знаете, как ее настоящее имя?

— Откуда мне знать?

Анна почувствовала, что Реджина недоговаривает, и сказала:

— Нам надо поговорить с этой женщиной. Это действительно важно. Кто-то сеет в округе ужас и убивает невинных людей, чтобы сохранить свой секрет. Возможно, этот кто-то связан с Джеремайей Фолдом. Как звали Миллу? Вы должны нам сказать, если знаете.

Реджина обвела нас взглядом, потом встала и, порывшись в коробке с какими-то мелочами, достала старую газетную вырезку и протянула нам:

— Это я в номере Миллы нашла, после ее отъезда.

Это было объявление о розыске пропавшего человека, помещенное в «Нью-Йорк таймс» в 1992 году. У политика и дельца с Манхэттена сбежала дочь, ее нигде не могли найти. Звали ее Миранда Дэвис. С фотографии

смотрело лицо семнадцатилетней девушки. Я сразу ее узнал. Это была Миранда, жена Майкла Берда.

Дакота Райс

Когда я была маленькая, родители всегда меня учили, что не надо поспешно судить о людях, нужно всегда давать им второй шанс. Я изо всех сил старалась простить Тару, я сделала все, чтобы восстановить нашу дружбу.

После биржевого кризиса 2008 года Джеральду Скалини, потерявшему громадные деньги, пришлось отказаться от квартиры с видом на Центральный парк, от своего дома в Хэмптонах и вообще от прежнего образа жизни. По сравнению с большинством американцев семейству Скалини жаловаться было не на что: они перебрались в милую квартиру в Верхнем Ист-Сайде, и Джеральду даже не пришлось забирать Тару из нашей частной школы, а это уже немало. Но их прежняя жизнь с шофером, поваром и уикендами на природе кончилась.

Джеральд Скалини всячески старался пускать пыль в глаза, но мать Тары твердила всем и каждому: «Мы потеряли все. Я теперь рабыня, приходится бегать в прачечную, потом забирать дочь из школы и еще готовить на всех».

Лето 2009 года мы впервые провели в «Райском саду», нашем невероятном доме в Орфеа. Я нисколько не преувеличиваю: дом был действительно невероятный, все в этом месте дышало волшебством. Дом был построен и отделан с большим вкусом. Тем летом я каждое утро завтракала, глядя на океан. И целыми днями читала, а главное, писала. Для меня этот дом был настоящим писательским домом, прямо как в книгах.

Под конец лета мать уговорила меня пригласить Тару пожить несколько дней в Орфеа. Мне совершенно не хотелось ее видеть.

- Бедняжка, так и сидит все лето в Нью-Йорке, — сокрушалась мать.
- Нечего ее жалеть, мама.
- Дорогая, надо уметь делиться. И с друзьями надо быть терпеливой.
- Она меня бесит. Строит из себя всезнайку.
- Может, ей после всего не по себе, она боится. Дружбу надо поддерживать делами.
- Она мне больше не подруга.
- Знаешь, как говорят: друг — это тот, кого хорошо знаешь и все равно любишь. И потом, тебе же нравилось, когда она приглашала тебя к

себе в Ист-Хэмптон.

В конце концов я пригласила Тару. Мама была права: нам обеим стало гораздо легче. Я чувствовала, как возвращается накал нашей прежней дружбы. Мы все вечера напролет валялись на газоне, болтали, спорили. Однажды она в слезах призналась, что специально подстроила кражу компьютера, хотела, чтобы обвинили меня. Сказала, что позавидовала моему сочинению, что это никогда больше не повторится, что она меня любит больше всего на свете. Умоляла простить ее, и я простила. Прошлое было забыто.

После того как мы подружились опять, наши семьи, отдалившиеся друг от друга одновременно с нами, снова сблизилась. Мы даже пригласили Скалини в «Райский сад» на уикенд. Джеральд остался таким же несносным, как был, все время критиковал моих родителей: «Ой, жалко, что вы выбрали эту плитку!» или «Нет, право, здесь я бы сделал совсем иначе!». Мы с Тарой вновь стали неразлучны, ходили друг к другу в гости. И вновь начали писать вместе. Я в это время как раз открыла для себя театр. И полюбила его всей душой, жадно глотала пьесу за пьесой. Мне даже пришла мысль написать свою. Тара говорила, что можно попробовать сочинить ее вместе. Мой отец, работавший на «Канале 14», получал приглашения на все театральные прогоны. Мы постоянно ходили в театр.

Весной 2010 года родители подарили мне ноутбук, о котором я так мечтала. Счастью моему не было предела. Все лето я сидела на террасе нашего дома в Орфеа и писала. Родители даже начали беспокоиться:

— Ты не хочешь пойти на пляж, Дакота? Или погулять по городу?

— Я очень занята, я пишу, — отвечала я.

Я первый раз в жизни писала пьесу. Назвала я ее «Мистер Константин». Сюжет был такой: мистер Константин — одинокий старик, живет в огромном доме в Хэмптонах, его дети ни разу не приезжали его проведать. В один прекрасный день ему надоедает чувствовать себя никому не нужным, и он сообщает детям, что скоро умрет. Те, в надежде унаследовать дом, слетаются к его изголовью и исполняют все его прихоти.

Это была комедия. Я страстно ею увлеклась, писала ее целый год. Родители все время видели меня за компьютером.

— Ты слишком много работаешь! — говорили они.

— Я не работаю, я развлекаюсь.

— Значит, ты слишком много развлекаешься!

Летом 2011 года я дописала «Мистера Константина» и в сентябре, когда начался учебный год, дала его почитать своей учительнице

литературы, которую очень любила. Закончив чтение, она первым делом вызвала меня к себе с родителями.

— Вы читали, что написала ваша дочь? — спросила она их.

— Нет, — ответили они, — она хотела сперва дать прочесть вам. Что-то не так?

— Не так? Да вы шутите! Это потрясающе! Совершенно невероятный текст! По-моему, у вашей дочери талант. Поэтому я и хотела с вами встретиться. Как вы, наверно, знаете, я веду школьным театральным кружком. Каждый год в июне мы ставим пьесу, и мне бы хотелось, чтобы в этом году мы сыграли пьесу Дакоты.

Я не верила своему счастью: мою пьесу поставят на сцене! В школе теперь только про это и говорили. Я была ученицей скорее скромной, но теперь моя популярность выросла до небес.

Репетиции должны были начаться в январе. У меня было несколько месяцев, чтобы окончательно доделать текст. Отныне я занималась только им, все время, включая зимние каникулы. Мне очень хотелось добиться настоящего совершенства. Тара каждый день приходила ко мне домой, и мы закрывались в моей комнате. Я сидела за столом, уткнувшись в дисплей ноутбука, и читала вслух реплики, а Тара лежала на моей кровати, внимательно слушала и высказывала свое мнение.

Все кончилось в последнее воскресенье каникул. На завтра я должна была отдать текст. Тара, как обычно, сидела у меня. Под вечер она сказала, что хочет пить, и я вышла на кухню налить ей воды. Когда я вернулась в комнату, она собиралась уходить:

— Ты уже уходишь?

— Да, я на часы не посмотрела. Мне пора домой.

Мне показалось, что она какая-то странная. Я спросила:

— Все хорошо, Тара?

— Да, все хорошо, — ответила она. — Увидимся завтра в школе.

Я проводила ее до двери. Когда я вернулась к компьютеру, текста на экране не было. Я подумала, что компьютер барахлит, но когда решила открыть документ заново, обнаружила, что он исчез. Тогда я решила, что смотрю не в той папке. Но вскоре убедилась, что его нет нигде. Заглянув в корзину и увидев, что ее только что очистили, я сразу поняла: Тара стерла мою пьесу, и восстановить ее нельзя никаким способом.

Я разрыдалась, у меня случилась истерика. В комнату прибежали родители.

— Успокойся, — сказал отец, — у тебя где-то есть копия?

— Нет! — крикнула я. — Только здесь! У меня ничего не осталось.

— Дакота, я же тебе говорил...

Он уже собирался прочитать мне нотацию, но мать, осознав серьезность ситуации, перебила его:

— Джерри, по-моему, сейчас не время.

Я объяснила родителям, что произошло: как Тара попросила меня принести воды, как я на минуту отлучилась, как она вдруг ушла, а пьеса исчезла. Моя пьеса не могла взять и враз улетучиться. Это могла сделать только Тара.

— Но почему, почему она так поступила? — Мать изо всех сил пыталась понять.

Она позвонила Скалини и объяснила им, что произошло. Те стали защищать дочь, клялись, что она бы никогда так не сделала, и в придачу осудили мать за то, что она бросается бездоказательными обвинениями.

— Джеральд, — говорила мать в трубку, — пьеса не могла стереться сама. Можно мне поговорить с Тарой?

Но Тара не пожелала ни с кем разговаривать.

Моей последней надеждой была распечатка пьесы, которую я давала в сентябре учительнице литературы. Но та не могла ее найти. Отец носил мой ноутбук компьютерщику с «Канала 14», но мастер только развел руками: «Если корзину очистили, она пуста. Вы не сохранили копию документа?»

Моей пьесы больше не существовало. У меня украли год работы. Год работы пущен на ветер. Это было неопишное чувство. Во мне словно что-то погасло.

Родители и учительница предлагали только какие-то глупости: «Попробуй написать пьесу заново, по памяти. Ты же ее наизусть знаешь». Видно, что они никогда не пробовали писать. Невозможно за несколько дней восстановить целый год творчества. Мне предложили написать новую пьесу, для следующего года. Но мне все равно больше не хотелось писать. Я была раздавлена.

Следующие месяцы не оставили во мне вообще никаких воспоминаний, только чувство горечи. И боль в глубине души, от глубочайшей несправедливости. Тара должна была поплатиться за это. Меня даже не интересовало, зачем она это сделала, я просто жаждала удовлетворения. Хотела, чтобы она мучилась так же, как мучаюсь я.

Родители ходили к директору школы, но тот от всего откrestился:

— Насколько я понимаю, все случилось не в стенах школы, я не могу вмешиваться. Вы должны уладить это маленькое недоразумение напрямую

с родителями Тары Скалини.

— Маленькое недоразумение? — разозлилась мать. — Тара угробила год работы моей дочери! Обе они учатся у вас, вы должны принять меры.

— Послушайте, миссис Райс, может, девочкам не стоит больше общаться, а то они вечно друг другу делают гадости. Сперва Дакота крадет у Тары ноутбук...

— Она не крала этот ноутбук! — взвилась мать. — Тара все подстроила!

— Миссис Райс... — вздохнул директор, — разберитесь напрямую с родителями Тары. Так будет лучше.

Родители Тары не желали ничего слушать. Они зубами и когтями защищали дочь и говорили, что я все выдумала.

Прошло еще несколько месяцев.

Все забыли об этом происшествии, а я нет. Глубокая рана, располозовавшая мое сердце, никак не хотела закрываться. Я все время заговаривала об этом, но в конце концов родители сказали, что пора перестать мусолить эту историю, надо двигаться дальше.

В июне театральный кружок сыграл постановку по Джеку Лондону. Я не пошла на спектакль. Весь вечер сидела, запершись в своей комнате, и плакала. Но мать, вместо того чтобы меня утешить, сказала:

— Дакота, уже полгода прошло, надо идти вперед.

Но у меня не получалось. Я часами сидела перед экраном компьютера, не зная, о чем писать. Во мне было пусто. Никаких желаний, никакого вдохновения.

Я жестоко скучала. Мне хотелось внимания родителей, но отец был занят на работе, а матери вечно не было дома. До этого я не сознавала до конца, насколько они занятые люди.

В то лето в «Райском саду» я целыми днями сидела в интернете. Особенно часто заходила в фейсбук. Хоть какое-то лекарство от скуки. Я вдруг поняла, что в последнее время у меня, кроме Тары, почти не осталось подруг. Наверно, я слишком увлеклась своей пьесой. И теперь пыталась в сети наверстать упущенное.

По несколько раз на дню я совала нос на страничку Тары. Мне хотелось знать, что она делает, что видит. С того воскресенья в январе, когда она последний раз приходила ко мне, мы не обменялись ни словом. Тем не менее я шпионила за ней через ее аккаунт в фейсбуке. Мне было отвратительно все, что она выкладывала. Быть может, я так заклинала боль,

которую она мне причинила. Или сама растревляла обиду?

В ноябре 2012 года исполнилось десять месяцев, как мы не разговаривали. Однажды вечером я сидела в своей комнате и болтала с разными людьми в фейсбуке и вдруг получила письмо от Тары. Очень длинное письмо.

Я почти сразу поняла, что письмо любовное.

Тара рассказывала, что страдает уже не первый год. Что не может себе простить, что так со мной поступила. Что с весны ходит к психиатру, который помогает ей разобраться в себе. Писала, что наконец сумела принять себя такой, какая она есть. Признавалась в своей гомосексуальности и в том, что любит меня. И что не раз пыталась мне это сказать, но я ничего не понимала. Объясняла, что в конце концов стала ревновать меня к моей пьесе, потому что лежала на моей кровати, предлагала мне себя, а я глядела только в текст. Говорила, что ей очень трудно выразить свое настоящее «я», просила прощения за свое поведение. Говорила, что хочет все исправить и надеется, что это признание в любви позволит мне понять ее безумный поступок, за который она, по ее словам, ненавидит себя. И сожалела, что из-за слишком сильной, слишком неудобной любви ко мне, в которой так и не осмелилась признаться, слетела с катушек.

В смятении я несколько раз перечитала письмо. Мне было не по себе. Мне не хотелось ее прощать. Наверно, я слишком долго носила в себе гнев, он не мог рассеяться в одну минуту. После недолгого колебания я переслала письмо Тары по мессенджеру всем одноклассникам.

К завтрашнему утру письмо прочла вся школа. С того момента Тара превратилась в «Тару-лесбиянку», со всеми возможными и невозможными уничижительными синонимами к этому слову. Не думаю, что изначально мне хотелось именно такой реакции, но я вдруг поняла, что зрелище Тары, прикованной к позорному столбу, доставляет мне удовольствие. А главное, она призналась, что уничтожила мой текст. Преступница была уличена, жертва немного утешилась. Но все остальные увидели в обнародованном мною письме только одно — сексуальную ориентацию Тары.

В тот же вечер Тара снова написала мне в личку:

Почему ты со мной так?

Я ответила:

Потому что я тебя ненавижу.

По-моему, я тогда действительно чувствовала ненависть. И эта ненависть пожирала меня изнутри. Вскоре Тара стала для всех объектом насмешек и всяческих издевательств, и я, сталкиваясь с ней в школьных коридорах, говорила себе, что так ей и надо. Я не могла отделаться от событий того январского вечера, когда она удалила мой текст. Вечера, когда она украла у меня пьесу.

Именно в это время я близко сошлась с Лейлой. Она училась в параллельном классе. Очень заметная девочка, обаятельная, всегда прекрасно одетая. Однажды она подошла ко мне в кафетерии и сказала, что я поступила просто гениально, обнародовав письмо Тары. Та всегда казалась ей задавакой.

— Ты что в субботу вечером делаешь? — спросила Лейла. — Хочешь, приходи ко мне, побалдеем?

Субботние вечера у Лейлы превратились в обязательный ритуал. У нее собирались несколько девочек из нашей школы, мы запирались в ее комнате, пили алкоголь, который она таскала у отца, курили в ванной и писали Таре оскорбительные сообщения в фейсбуке. «Шлюха, потаскуха, ковырялка». Все шло в дело. Писали, что мы ее ненавидим, обзывали всякими словами. Нам страшно нравилось. «Мы тебя закопаем, лахудра. Падла. Шлюха».

Вот в кого я превратилась. Год назад родители уговаривали меня ходить в гости, найти себе подруг, но я все выходные сидела за компьютером и писала. А теперь бухала в комнате Лейлы и часами напролет оскорбляла Тару. Чем сильнее я на нее нападала, тем ничтожнее она мне казалась. Раньше я ее обожала, а теперь с восторгом ощущала свою власть над ней. Я стала толкать ее в коридоре. Однажды мы с Лейлой затащили ее в туалет и сильно избили. Я ни разу в жизни никого не ударила. Отвесив ей первую пощечину, я было испугалась, что она ответит, станет защищаться, одолеет меня. Но она покорно дала себя избить. Я смотрела, как она плачет, умоляет меня перестать, и чувствовала себя сильной. Мне понравилось. Чувствовать себя властной. Видеть ее жалкой. Наказания возобновлялись при каждом удобном случае. Однажды, когда я ее била, она описалась. А вечером я снова осыпала ее оскорблениями. «Сдохни, падла. Для тебя это лучший выход».

Так продолжалось три месяца.

Однажды утром, в середине февраля, у школы появились полицейские машины. Тара повесилась у себя в комнате.

* * *

Полиция вышла на меня довольно быстро.

Через несколько дней после трагедии, когда я собиралась в школу, к нам домой пришли инспекторы. Мне показали десятки распечатанных страниц сообщений, которые я посылала Таре. Папа известил своего адвоката Бенджамина Граффа. Когда полиция ушла, тот сказал, что мы можем быть спокойны, что доказать связь между моими сообщениями в фейсбуке и самоубийством Тары невозможно. Помню, он произнес что-то вроде:

— К счастью, малышка Скалини не оставила предсмертной записки с объяснением, почему она это сделала, иначе Дакоте пришлось бы очень туго.

— К счастью? — вскричала мать. — Ты понимаешь, что говоришь, Бенджамин? Меня тошнит от вас от всех!

— Я просто стараюсь делать свою работу, — оправдывался Бенджамин Графф, — и не допустить, чтобы Дакота оказалась в тюрьме.

Но записку она оставила. Родители Тары обнаружили ее несколько дней спустя, когда приводили в порядок комнату. Тара подробно объясняла, что ей лучше умереть, чем терпеть ежедневные унижения от меня.

Скалини-старшие подали в суд.

Снова полиция. Только тогда я по-настоящему поняла, что наделала. Я убила Тару. Наручники. Полиция. Допросы.

Когда в дело вступил Бенджамин Графф, он держался уже не так надменно. И даже встревожился. Говорил, что прокурор жаждет показательного процесса, хочет послать жесткий сигнал всем, кто терроризирует своих товарищей в интернете. Согласно официальному запросу о толковании закона, доведение до самоубийства даже может считаться убийством.

— Тебя могут судить как совершеннолетнюю, — напомнил мне Графф. — В этом случае тебе грозит от семи до пятнадцати лет тюрьмы. Если только мы не придем к соглашению с родителями Тары и они не отзовут свой иск.

— К соглашению? — переспросила мать.

— Деньги, — пояснил Графф. — В обмен на которые они откажутся от судебного преследования Дакоты. Тогда суд не состоится.

Отец поручил Граффу связаться с адвокатом Скалини. И Графф передал нам их требования.

— Они хотят ваш дом в Орфеа, — сообщил он родителям.
— Наш дом? — Отец не поверил своим ушам.
— Да, — подтвердил Графф.
— Значит, они его получают, — сказал отец. — Сейчас же позвони их адвокату и скажи, что, если Скалини отзывают иск, я завтра же с раннего утра иду к нотариусу.

Джесси Розенберг

Четверг, 24 июля 2014 года
2 дня до открытия фестиваля

Бывший спецгент Грейс из АТО, а ныне семидесятидвухлетний мирный пенсионер, жил в Портленде, в штате Мэн. Когда я ему позвонил, он выказал живейший интерес к нашему делу и спросил: «Мы можем встретиться? Мне непременно нужно вам кое-что показать».

Чтобы нам не пришлось тащиться в Мэн, мы уговорились съехаться на полпути, в Вустере, в Массачусетсе. Грейс дал нам адрес своего любимого ресторанчика, где нас никто не потревожит. Когда мы прибыли, он уже сидел за столиком перед горкой оладий. Он похудел, постарел, покрылся морщинами, но в целом почти не изменился.

— Розенберг и Скотт, двойной кошмар 1994 года, — улыбнулся Грейс при виде нас. — Я всегда знал, что наши пути пересекутся снова.

Мы уселись напротив. Мне казалось, что я внезапно перенесся в прошлое.

— Так что, вас интересует Джеремайя Фолд? — спросил он.

Я подробно изложил ему ситуацию.

— Я уже сказал вам вчера по телефону, капитан, — отозвался он, — Джеремайя был угорь. Скользкий, быстрый, горячий, неухватный. Настоящее проклятие полицейского.

— Почему им в то время заинтересовалось АТО?

— Честно сказать, интересовал он нас очень косвенно. У нас было свое крупное дело, склады краденого армейского вооружения, которое перепродавали где-то в районе Риджспорта. Мы несколько месяцев копали, пока не поняли, что все происходило в том спортивном баре, где мы с вами пересеклись в 1994 году. Одна из версий, которую мы рассматривали, как раз и была связана с Джеремайей Фолдом: от информаторов нам было известно, что он торгует всем на свете. Что он не наш человек, стало понятно быстро, но я несколько недель за ним наблюдал, и у меня прямо-

таки отвисала челюсть: парень был настоящий маньяк, причем жутко собранный и организованный. В конце концов мы потеряли к нему интерес. Но в одно прекрасное утро, в июле 1994 года, его имя вдруг всплыло снова.

* * *

Риджспорт

Утро 16 июля 1994 года

В семь утра агент Риггс явился сменить спецагента Грейса после ночного дежурства.

— Я сюда добирался по шестнадцатому шоссе, — сказал Риггс, — там жуткое ДТП. Мотоциклист разбился. Сроду не догадаешься, кто именно.

— Мотоциклист? Понятия не имею, — устало отозвался Грейс; у него не было ни малейшего желания играть в загадки.

— Джеремайя Фолд.

Агент Грейс вытаращил глаза:

— Джеремайя Фолд погиб?

— Почти. Полицейские говорят, не выкарабкается. Этот идиот в жутком состоянии, судя по всему, рассекал без шлема.

Грейсу стало любопытно. Джеремайя Фолд был человек очень осторожный и педантичный. Не из тех, кто бьется по дурости. Что-то было не так. Покидая свой наблюдательный пункт, Грейс решил заскочить на 16-е шоссе. Две машины дорожной полиции и эвакуатор были еще на месте.

— Чувак не справился с управлением, — объяснил Грейсу один из полицейских. — Вылетел с дороги и вмазался в дерево. Несколько часов тут подыхал. Скорая говорит, ему песец.

— Думаете, он сам не справился с управлением? Или ему помогли? — спросил Грейс.

— Сам. Тормозного следа на дороге нигде нет. А почему АТО это интересно?

— Этот чувак — местный авторитет. Очень осмотрительный тип. Плохо мне верится, что он сам убился.

— В любом случае не настолько он осмотрительный, чтобы кататься в шлеме, — рассудительно заметил полицейский. — Думаете, с ним свели счеты?

— Не знаю, — ответил Грейс. — Что-то меня тут царапает, а что, не

пойму.

— Если бы этого типа хотели убить, его бы и убили. В смысле, задавили бы или застрелили. А тут чувак сколько часов лежит в канаве и подышает. Нашли бы его раньше, он бы, может, выжил. Не самое удачное убийство.

Грейс кивнул и протянул полицейскому визитку:

— Пришлите мне копию протокола, пожалуйста.

— Конечно, специальный агент Грейс. Можете на меня положиться.

Грейс еще долго осматривал обочину дороги. Дорожная полиция уже уехала, когда его внимание привлек кусок матового пластика и несколько прозрачных осколков, затерявшихся в траве. Он подобрал их. Это был кусочек бампера и осколки фар.

* * *

— Там были только эти осколки, — рассказывал нам Грейс, жуя оладьи. — И ничего больше. А значит, либо кусочки лежали там уже довольно долго, либо кто-то ночью прибрался.

— Кто-то, кто намеренно сбил Джеремайю Фолда? — спросил Дерек.

— Да. Потому и следов торможения не было. Удар, видимо, был страшной силы. Человек за рулем мог потом собрать большую часть обломков, чтобы не осталось следов, и удрать на машине с развороченным капотом, но на ходу. В автосервисе мог сказать, что сбил оленя, потому и машина в таком виде. Никто бы его больше ни о чем не спрашивал.

— Вы рассматривали эту версию? — спросил я.

— Нет, капитан, — ответил Грейс. — Мне потом сказали, что Джеремайя Фолд всегда ездил без шлема, потому что у него была клаустрофобия. Значит, и в его правилах безопасности были исключения. Да и в любом случае эта история не относилась к сфере АТО. У меня и так было работы невпроворот, не хватало еще разбираться с ДТП. Но сомнение у меня осталось.

— Значит, это дело вы не расследовали? — уточнил Дерек.

— Нет. Хотя спустя три месяца, в конце октября 1994 года, со мной связывался шеф полиции Орфеа. Он задавался тем же вопросом, что и я.

— Вас разыскал Кирк Харви? — удивился я.

— Точно, его звали Кирк Харви. Мы с ним немного обсуждали это дело. Он сказал, что перезвонит, но так и не перезвонил. Я решил, что он не

стал разбираться. Со временем я тоже махнул на все это рукой.

— Значит, вы не отдавали на экспертизу осколки фар? — поинтересовался Дерек.

— Нет, но это можете сделать вы. Потому что они у меня сохранились.

В глазах Грейса вспыхнул лукавый огонек. Он вытер рот бумажной салфеткой и протянул нам пластиковый пакет. Внутри лежал большой черный кусок бампера и осколки фар.

— Ваш ход, господа, — с улыбкой сказал он.

Похоже, потраченный на поездку в Массачусетс день того стоил: если Джеремая Фолд был убит, мы, возможно, наконец установим, как он связан со смертью Гордона.

В Большом театре, окруженном толпой и охраняемом не хуже крепости, продолжались тайные репетиции, однако вперед спектакль особо не двигался.

— Больше я вам ничего не могу сказать из соображений безопасности, — объяснял Кирк Харви актерам. — Тексты я вам буду раздавать прямо на премьере, сцену за сценой.

— А «Пляска смерти» останется? — заволновался Гулливер.

— Ну конечно, — ответил Кирк, — это же одна из ударных сцен.

Пока Харви отвечал на вопросы труппы, Элис незаметно выскользнула из зала. Ей хотелось курить. Она направилась к служебному входу, который выходил в тупик, закрытый для прессы и любопытных. Там ее никто не потревожит.

Она села на бордюр и чиркнула зажигалкой. И тут перед ней вырос какой-то человек с официальным бейджем «Пресса» на шее.

— Фрэнк Ваннен, «Нью-Йорк таймс», — представился он.

— Вы как сюда попали? — удивилась Элис.

— Искусство репортера в том, чтобы пролезать туда, куда тебя не пускают. Вы играете в пьесе?

— Элис Филмор, — представилась Элис. — Да, я одна из актрис.

— Кого вы играете?

— Не совсем понятно. Харви, режиссер, про содержание пьесы говорит очень обтекаемо, чтобы информация не просочилась.

Журналист достал блокнот и что-то записал.

— Пишите, что хотите, только не ссылайтесь на меня, пожалуйста, — попросила Элис.

— Не вопрос, Элис. Значит, вы сами не знаете, что откроется в пьесе?

— Знаете, Фрэнк, это пьеса про секрет. А в секрете, в сущности,

важнее то, что он прячет, чем то, что он раскрывает.

— Не понял?

— Вы посмотрите на труппу, Фрэнк. Каждый из актеров что-то скрывает. Харви, истеричный режиссер с неудавшейся личной жизнью, Дакота Райс, которую убивает черная хандра, или Шарлотта Браун, которая как-то замешана в этой истории: ее задержали, потом отпустили, а она все равно хочет участвовать в спектакле. Почему? Про Островски и Гулливера вообще не говорю, эти готовы на любое унижение, лишь бы прикоснуться к славе, о которой грезили всю жизнь. Не забудем о редакторе престижного нью-йоркского литературного журнала, который спит с подчиненной и прячется здесь от жены. Если хотите знать мое мнение, Фрэнк, то вопрос не столько в том, что раскроет эта пьеса, сколько в том, что она скрывает.

Элис повернулась к двери, которую оставила приоткрытой, подложив под нее кусок кирпича.

— Заходите, если хотите, — сказала она журналисту. — На это стоит взглянуть. Только никому не говорите, что я вас впустила.

— Не беспокойтесь, Элис, вас никто не заподозрит. Это всего лишь дверь в театр, ее мне мог открыть кто угодно.

— Это дверь в ад, — поправила его Элис.

* * *

В тот же день, пока мы с Дерекком ездили в Массачусетс, Анна отправилась к Миранде Берд, жене Майкла Берда, в девичестве Миранде Дэвис, служившей приманкой у Джеремайи Фолда и Костико.

У Миранды был свой бутик одежды на главной улице Бриджхэмптона; он назывался «Кейт & Дэни» и располагался вплотную к кафе «Золотая груша». Когда Анна вошла, Миранда была в магазине одна. Она сразу узнала ее и улыбнулась, хоть и не понимала, что Анне от нее нужно.

— Добрый день, Анна, вы ищете Майкла?

— Нет, Миранда, вас. — Анна тепло улыбнулась в ответ и показала ей объявление о пропаже человека, которое держала в руках. Миранда изменилась в лице. — Не волнуйтесь, — успокоила ее Анна, — мне просто нужно с вами поговорить.

— Давайте выйдем на улицу, — предложила мертвенно-бледная Миранда. — Не хочу, чтобы покупатели застали меня в таком состоянии.

Они заперли магазинчик и сели в машину Анны. Проехали немного в

сторону Ист-Хэмптона, потом свернули на грунтовую дорогу и наконец остались одни на опушке леса, за которой начинался цветущий луг. Миранда выскочила из машины, как будто ее тошнило, упала на колени в траву и разрыдалась. Анна присела возле нее и попыталась успокоить. Только через добрых четверть часа Миранда с трудом смогла заговорить.

— Мой муж, дети... они ничего не знают. Не уничтожайте меня, Анна. Умоляю, не уничтожайте меня.

При мысли, что семья узнает ее тайну, она снова зашлась в рыданиях.

— Не беспокойтесь, Миранда, никто ничего не узнает. Но мне очень нужно, чтобы вы рассказали мне про Джеремайю Фолда.

— Джеремайю Фолда? О господи, я так надеялась больше никогда не услышать его имени. Зачем он вам?

— Затем, что он, похоже, так или иначе замешан в убийствах 1994 года.

— Джеремайя?

— Да, я знаю, это может показаться странным, ведь он умер до убийства, и тем не менее его имя всплыло.

— Что вы хотите знать? — спросила Миранда.

— Во-первых, каким образом вы попали в лапы Джеремайе Фолду?

Миранда грустно взглянула на Анну.

— Я родилась 3 января 1975 года, — после долгого молчания начала она. — Но жить начала 16 июля 1994-го. В день, когда я узнала, что Джеремайя Фолд мертв. Я никогда не встречала настолько обаятельных и настолько жестоких людей, как Джеремайя. Редкий подонок. Ничего общего с расхожим представлением о холодном свирепом негодяе — нет, он был гораздо хуже. Настоящее исчадие зла. Я с ним познакомилась в 1992 году, после того как сбежала из родительского дома. Мне тогда было семнадцать, и я ненавидела весь белый свет, сама не знаю почему. Воевала с родителями и однажды вечером слиняла. Дело было летом, на улице благодать. Несколько ночей я провела под открытым небом, а потом меня какие-то случайные парни уговорили жить с ними в сквоте. Община хиппи заняла старый заброшенный дом. Мне очень нравилась эта беззаботная жизнь. К тому же у меня было с собой немножко денег, хватало на еду и на жизнь. Вплоть до того вечера, когда парни из сквота поняли, что у меня есть деньги. Решили меня ограбить, стали меня бить. Я побежала, и на шоссе меня чуть не сшиб какой-то парень на мотоцикле. Без шлема, довольно молодой, очень красивый, в хорошем костюме и шикарных ботинках. Заметил мою перевернутую физиономию и спросил, что случилось. Потом увидел догонявших меня троих парней и раскидал их как

котят. Я решила, что встретила ангела-хранителя. Он посадил меня сзади на мотоцикл и отвез к себе домой, ехал медленно, потому что я была «без шлема, а это опасно». Невероятно предусмотрительный был тип.

* * *

Август 1992 года

— Куда тебя отвезти? — спросил Джеремайя Миранду.

— Мне некуда ехать, — ответила она. — Ты не мог бы меня приютить на пару дней?

Джеремайя отвез Миранду к себе и поселил в гостевой комнате. Сколько недель она не спала на настоящей кровати! На следующий день у них состоялся долгий разговор.

— Миранда, — сказал Джеремайя, — тебе всего семнадцать лет. Я должен отвезти тебя к родителям.

— Пожалуйста, умоляю, дай мне остаться у тебя ненадолго. Я буду вести себя тихо как мышка, обещаю.

В конце концов Джеремайя согласился оставить ее на два дня, потом еще и еще. Разрешал Миранде ездить с ним в клуб, которым владел, но запрещал наливать ей алкоголь. Она непременно хотела отработать жилье, и он взял ее администраторшей в клуб «Ридж». Миранда предпочла бы работать в зале официанткой, но Джеремайя запретил: «Ты по закону не имеешь права подавать алкоголь, Миранда». Этот человек ее покорила. Однажды вечером она попыталась его поцеловать, но он пресек ее порыв: «Миранда, тебе всего семнадцать. У меня могут быть неприятности».

Потом он вдруг стал называть ее странным именем Милла. Она не знала почему, но ей нравилось, что он придумал ей ласковое прозвище. Ей казалось, что они становятся ближе. Потом он попросил оказывать ему услуги. Она должна была передавать какие-то пакеты незнакомцам, ходить в разные рестораны, забирать толстые конверты и приносить их Джеремайе. Однажды она поняла, чем на самом деле занимался Джеремайя: она носила для него наркотики, деньги и бог знает что еще. Она тут же отправилась к нему и сказала в тревоге:

— Я думала, ты честный парень, Джеремайя.

— Я и есть честный парень!

— Люди говорят, ты наркодилер. Я открыла один пакетик...

— А вот это ты зря, Милла.

— Не называй меня Миллой!

Тогда ей показалось, что больше заниматься такими делами не придется. Но уже назавтра он гонял ее как собаку: «Милла! Милла, этот пакет отнесешь такому-то!» Ей стало страшно. Она решила сбежать. Взяла пакет, как он просил, но по указанному адресу не пошла. Выбросила пакет в урну и села на поезд. Ей хотелось вернуться в Нью-Йорк, к родителям. Хотелось оказаться дома, в уюте. На оставшиеся деньги она доехала до дома на такси. И когда таксист высадил ее перед домом родителей, ее сердце затопила волна счастья. Пробыло полночь. Стояла чудесная осенняя ночь. Улица была мирной, пустынной, спящей. И тут она увидела его. Он сидел на крыльце дома. Джеремайя. Он испепелил ее взглядом. Она хотела закричать, убежать, но за ее спиной вырос Костико, подручный Джеремайи. Джеремайя знаком приказал Миранде молчать. Они отвезли ее на машине в «Ридж». Первый раз ее отвели в комнату, которая называлась «офис». Джеремайя хотел знать, где пакет. Миранда плакала и сразу призналась, что выбросила его. Просила прощения, обещала никогда так больше не делать. Джеремайя все время повторял: «Ты от меня не уйдешь, Милла, ясно? Ты принадлежишь мне!» Она плакала, упала на колени в смятении и ужасе. Потом Джеремайя сказал: «Я тебя накажу, но уродовать не буду». Миранда поняла не сразу. Джеремайя схватил ее за волосы, подтащил к тазу с водой и окунул туда головой, надолго. Она думала, что умрет. Когда все кончилось и она, дрожащая, в слезах, лежала на полу, Костико швырнул ей в лицо семейные фотографии ее родителей: «Только попробуй не слушаться и делать глупости, я убью их всех».

* * *

Миранда на миг прервала свой рассказ.

— Простите, мне страшно жаль, что заставляю вас заново все это переживать, — тихо сказала Анна, глядя ее по руке. — И что было потом?

— Это стало началом новой жизни на службе у Джеремайи. Он поселил меня в номере какого-то мерзкого мотеля на обочине шестнадцатого шоссе. Там жили в основном шлюхи.

* * *

Сентябрь 1992 года

— Вот твой новый дом, — сказал Джеремайя Миранде, входя в номер мотеля. — Здесь тебе будет лучше, можешь приходить и уходить, когда хочешь.

Миранда села на кровать.

— Я хочу домой, Джеремайя.

— Разве тебе здесь плохо?

Говорил он очень ласково. Вся гнусность Джеремайи была в этом: то он издевался над Мирандой, то на следующий день водил ее по магазинам и вел себя мило и вежливо, как в первые дни.

— Я хочу уехать, — повторила Миранда.

— Можешь уезжать, если хочешь. Дверь не заперта. Но я бы не хотел, чтобы с твоими родителями что-нибудь случилось.

С этими словами Джеремайя ушел. Миранда долго смотрела на дверь номера. Достаточно было выйти за порог, сесть в автобус и вернуться в Нью-Йорк. Но это было невозможно. Она чувствовала себя в полной власти Джеремайи.

Тот заставил ее снова доставлять пакеты. А потом еще усилил свою власть над ней: вовлек в процесс вербовки шестерок. Однажды он позвал ее в «офис». Она вошла, дрожа, думая, что ее снова будут топить. Но вид у Джеремайи был вполне благодушный.

— Мне нужна новая начальница отдела кадров, — сказал он. — Предыдущая перебрала наркоты.

Сердце у Миранды заколотилось. Что Джеремайя от нее хочет?

— Будешь отлавливать извращенцев, любителей маленьких девочек. Маленькая девочка — это ты. Не бойся, никто тебе ничего не сделает.

План был простой: Миранда поджидает на парковке мотеля, и когда появляется клиент, приводит его к себе в номер. Просит его раздеться, раздевается сама, потом признается, что она несовершеннолетняя. Клиент наверняка ответит, что для него это не проблема, даже наоборот, и в этот момент из укрытия появится Костико и займется всем остальным.

Так и случилось. Миранда согласилась не только потому, что у нее не было выбора, но и потому, что Джеремайя обещал отпустить ее, как только она загонит в ловушку троих шестерок.

Исполнив свою часть договора, Миранда отправилась к Джеремайе и потребовала ее отпустить. Разговор закончился в «офисе», головой в тазу. «Ты преступница, Милла, — говорил он, пока она судорожно хватала ртом воздух. — Ты подцепляешь парней и шантажируешь их! Они все тебя

видели и даже знают твое настоящее имя. Ты никуда не уйдешь, Милла, ты останешься здесь».

Жизнь Миранды превратилась в ад. Она то доставляла пакеты, то служила приманкой на парковке мотеля, а по вечерам сидела за стойкой в «Ридже», клиенты ее очень ценили.

* * *

— Сколько мужчин вы так заловили? — спросила Анна.

— Не знаю. Это продолжалось два года, наверно, несколько десятков. Джеремайя часто пополнял запасы шестерок. Не хотел использовать их слишком долго, боялся, что полиция их вычислит. Он любил заметать следы. Мне было страшно, я была несчастная и подавленная. Я не знала, что со мной будет. Девушки с парковки говорили, что те, кто работал приманкой до меня, все либо умерли от передоза, либо покончили с собой.

— Одна девушка из мотеля рассказала нам, что в январе 1994 года Костико не сумел справиться с шестеркой. Один парень не дался.

— Да, что-то такое помню, — сказала Миранда.

— Нам бы хотелось его найти.

Миранда вытаращила глаза:

— Это было двадцать лет назад, я почти ничего не помню. А как это связано с вашим расследованием?

— Этот человек распылил в Костико слезоточивый газ. А тот, кого мы ищем, как раз большой любитель баллончиков со слезоточивым газом. Мне кажется, это не может быть случайным совпадением. Я должна найти этого человека.

— К сожалению, он мне не сказал, как его зовут, а лицо я, боюсь, уже не вспомню. Двадцать лет прошло.

— По моим сведениям, этот человек удрал нагишом. Может, вы заметили на его теле какой-нибудь отличительный знак? Особую примету?

Миранда закрыла глаза, словно старательно шаря в памяти. И внезапно вспомнила:

— У него была большая татуировка на лопатках. Парящий орел.

Анна немедленно записала.

— Спасибо, Миранда. Ваши сведения могут оказаться очень ценными. У меня есть еще один, последний вопрос.

Она показала Миранде фотографии Гордона, Теда Тенненбаума и Коди

Иллинойса и спросила:

— Кто-нибудь из этих людей был шестеркой?

— Нет, — уверенно ответила Миранда. — И уж точно не Коди! Он был такой чудесный человек.

— Что вы делали после смерти Джеремайи? — спросила Анна.

— Вернулась наконец к родителям, в Нью-Йорк. Окончила школу, поступила в университет. Понемножку восстановилась. А потом, спустя несколько лет, встретила Майкла. Благодаря ему у меня снова появились силы жить. Он невероятный человек.

— Это верно, — кивнула Анна. — Он мне очень нравится.

Женщины вернулись в Бриджхэмптон. Когда Миранда выходила из машины, Анна спросила ее:

— Вы уверены, что все в порядке?

— Совершенно уверена, спасибо.

— Миранда, вам однажды придется обо всем рассказать мужу. Все тайное рано или поздно становится явным.

— Знаю, — грустно кивнула Миранда.

Джесси Розенберг

Пятница, 25 июля 2014 года

Накануне открытия фестиваля

До открытия фестиваля оставались сутки. Мы сильно продвинулись вперед, но до конца расследования было еще далеко. За последние двадцать четыре часа мы выяснили, что Джеремайя Фолд, возможно, умер не случайно, что его могли убить. Куски бампера и осколки фар, которые тогда подобрал спец агент Грейс, находились в руках криминалистов, те подробнейшим образом их изучали.

Благодаря рассказу Миранды Берд, которой мы обещали хранить ее прошлое в глубочайшей тайне, у нас добавилась еще одна улика: татуировка с орлом на лопатках у мужчины. По нашим данным, ни у Теда Тенненбаума, ни у Гордона такой татуировки не было. И у Коди Иллинойса тоже.

Костико, единственный человек, который мог привести нас к владельцу газового баллончика, со вчерашнего дня бесследно исчез. Его не было ни в клубе, ни дома. Тем не менее его машина стояла на месте, дверь была не заперта, а когда мы вошли, оказалось, что у него включен телевизор. Костико как будто куда-то спешно ушел. Или с ним что-то

случилось.

В довершение всего нам пришлось защищать Майкла Берда, которого Браун обвинил в том, что он передал информацию о пьесе в «Нью-Йорк таймс»: утром там появилась статья, которую теперь все обсуждали и в которой о членах труппы и о достоинствах пьесы говорилось в самых нелестных выражениях.

Браун срочно созвал совещание у себя в кабинете. Когда мы приехали, там уже были Монтейн, майор Маккенна и Майкл.

— Может, вы объясните, что это за херня? — ревел Браун в физиономию бедняги Майкла, потрясая выпуском «Нью-Йорк таймс».

— Вас так волнует критика, господин мэр? — вмешался я.

— Меня волнует, что в Большой театр может проникнуть кто угодно, капитан! — рявкнул он. — Слов нет, что такое! Вход в здание охраняют десятки копов, как этот тип сумел просочиться внутрь?

— Теперь за безопасность в городе отвечает Монтейн, — напомнила мэру Анна.

— Мои люди никого не пропустят, — возразил Монтейн.

— Не пропустят они, мать их за ногу! — разозлился Браун.

— Наверняка кто-то изнутри впустил журналиста, — заметил Монтейн. — Может, собрат по профессии? — предположил он, поворачиваясь к Майклу.

— Я здесь ни при чем! — оскорбился Майкл. — Я вообще не понимаю, что я делаю в этом кабинете. Вы что, воображаете, что я открою дверь парню из «Нью-Йорк таймс»? Стану с ним делиться эксклюзивом? Я обещал никому ничего не говорить до открытия фестиваля, и я держу слово! Если кто-то впустил этого мудака из «Нью-Йорк таймс», значит, это сделал актер!

Майор Маккенна попытался всех утихомирить:

— Ну хватит, хватит кидаться друг на друга, этим делу не поможешь. Но надо принять меры, чтобы такое больше не повторилось. С сегодняшнего вечера Большой театр будет считаться полностью закрытой зоной. Все выходы будут перекрыты, на них поставим охрану. Завтра утром зал будет подвергнут тщательному обыску, с собаками, натасканными на взрывчатку. Завтра вечером на входе в здание зрителей следует обыскать и пропустить через металлодетектор. Всех, включая аккредитованных лиц и членов труппы. Распространите информацию: любые сумки, за исключением дамских сумочек, категорически запрещены. Можете быть спокойны, мистер Браун, завтра вечером в Большом театре ничего не случится.

* * *

В «Палас дю Лак», на оцепленном полицией штата этаже, где находились номера актеров, царило невероятное смятение. Экземпляры «Нью-Йорк таймс» переходили из номера в номер, отовсюду неслись крики ярости и отчаяния.

В коридоре Харви и Островски зачитывали вслух пассажи из статьи.

— Меня обзывают маньяком и фантазером! — возмутился Харви. — Тут сказано, что пьеса никуда не годится! Да как они посмели?

— Тут написано, что «Пляска смерти» — это мерзость, — ужасался Островски. — Да за кого он себя принимает, этот журналюга? Безжалостно изничтожить труд честного артиста! Да уж, критиковать, не отрывая зад от кресла, легче легкого! Пусть попробует написать пьесу, увидит, какое это сложнейшее искусство!

Дакота, запершись в ванной, безутешно рыдала. Отец стоял за дверью и пытался ее успокоить. «В главной роли — Дакота Райс, дочь Джерри Райса, главы „Канала 14“, та самая, что в прошлом году довела свою одноклассницу до самоубийства преследованиями в фейсбуке».

В соседнем номере Стивен Бергдорф тоже колотил кулаками в дверь ванной:

— Элис, открой! Это ты говорила с журналистом «Нью-Йорк таймс»? Ты, больше никому! Иначе откуда они могли узнать, что редактор «Нью-Йорк литерари ревью» изменяет жене? Элис, немедленно открой дверь! Ты должна уладить это дело. Мне только что звонила жена, она в истерике, ты должна с ней поговорить, сделай что-нибудь, что угодно, только вытаци меня из этого дерьма, БОГА РАДИ!

Дверь внезапно открылась, и Бергдорф чуть не упал.

— Твоя жена! — заорала Элис в слезах. — Жена? Да пошел ты в жопу со своей женой!

И чем-то запустила ему в лицо с криком:

— Я от тебя беременна, Стивен! Это тоже твоей жене рассказать?

Стивен подобрал упавший предмет. Это был тест на беременность. Он пришел в ужас. Нет, это невозможно! Как он до такого докатился? Это надо было прекращать немедленно. Он должен сделать то, что и собирался, когда ехал сюда. Он должен ее убить.

* * *

Из мэрии мы вернулись в наш новый кабинет, в архив «Орфеа кроникл». Пересмотрели все собранные документы, висевшие на стенах. Вдруг Дерек отлепил от стены статью, на которой Стефани написала красным фломастером: «То, что было у нас перед глазами и чего никто не увидел».

Он произнес вслух:

— Что же было у нас перед глазами и чего мы не увидели? — Взглянул на фото в статье и сказал: — Поехали туда.

Спустя десять минут мы были на Пенфилд-кресент, там, где все начиналось двадцать лет назад, вечером 30 июля 1994 года. Поставили машину на тихой улочке и долго смотрели на бывший дом Гордонов. Судя по фотографии в статье, улица с 1994 года почти не изменилась, разве что на некоторых домах подновили краску.

Новыми владельцами дома Гордонов была симпатичная пара пенсионеров, они купили его в 1997 году.

— Конечно, мы знали, что здесь произошло, — объяснял муж. — Не скрою, мы долго колебались, но уж больно цена была привлекательная. У нас бы никогда не хватило денег купить дом таких размеров за настоящую цену. Нельзя было упустить такой случай.

— Вы не перестраивали ничего внутри, оставили все как было? — спросил я.

— Нет, капитан, — ответил муж. — Мы все переделали на кухне, но комнаты были расположены точно так же, как сейчас.

— Вы позволите нам взглянуть?

— Пожалуйста.

Мы начали с прихожей, следуя за изложением событий в полицейском рапорте.

— Убийца вышибает дверь ногой, — читала Анна. — Сталкивается в коридоре с Лесли Гордон и убивает ее, потом поворачивается вправо, видит вот в этой комнате, в гостиной, сына Гордона и стреляет в него. Потом направляется на кухню, убивает мэра и уходит через входную дверь.

Мы проделали путь от гостиной до кухни, потом от кухни до крыльца. Анна стала читать дальше:

— Выходя из дома, убийца сталкивается с Меган Пейделин, та пытается убежать, но получает две пули в спину. Затем убийца добивает ее выстрелом в голову.

Теперь мы знали, что убийца не приехал на фургоне Теда Тенненбаума, как мы считали раньше: либо он был на другой машине, либо пришел пешком. Анна еще раз оглядела сад и вдруг сказала:

— Нет, что-то не сходится.

— Что не сходится? — спросил я.

— Убийца хочет совершить преступление, пользуясь моментом, когда все ушли на фестиваль. Хочет действовать незаметно, втихую, украдкой. По логике вещей, он должен был бродить вокруг дома, проскользнуть в сад, заглянуть внутрь через окно.

— Может, он и бродил, — предположил Дерек.

Анна нахмурилась:

— Вы мне говорили, что в тот день прорвало шланг автополива. Все, кто ступил на газон, промочили ноги. Если бы убийца, прежде чем высадить дверь, шел через сад, он бы оставил в доме мокрые следы. Но в рапорте ни о каких мокрых следах не говорится. А должно было бы говориться, верно?

— В точку, — кивнул Дерек. — Об этом я не подумал.

— И еще, — продолжала Анна. — Почему убийца входит с крыльца, а не через дверь кухни позади дома? Там застекленная дверь. Просто стекло. Почему не попасть в дом оттуда? Вероятно, потому, что про эту застекленную дверь он не знал. Он действовал быстро, грубо, жестоко. Вышиб дверь и всех перестрелял.

— Согласен, Анна, — сказал я, — но куда ты клонишь?

— Я не думаю, что целью убийцы был мэр, Джесси. Если бы он хотел убить мэра, зачем ему ломиться в дверь, у него были возможности получше.

— И что, по-твоему, это было? Ограбление? Но из вещей ничего не пропало.

— Знаю, — ответила Анна, — но что-то тут не сходится.

Дерек задумчиво смотрел на парк возле дома. Потом направился туда и уселся на газон.

— Шарлотта Браун утверждала, что, когда приехала, Меган Пейделин занималась в парке гимнастикой, — сказал он. — Мы знаем по хронологии событий, что убийца оказался на этой самой улице через минуту после ее отъезда. Значит, Меган была еще в парке. Если убийца выходит из машины, высаживает дверь Гордонов и расстреливает их, то почему Меган убегает в сторону дома? Это же бессмысленно. Она должна была бежать в другую сторону.

— О боже! — воскликнул я.

Только сейчас я понял. Целью убийцы в 1994 году было не семейство Гордонов. Его целью была Меган Пейделин.

Убийца знал ее привычки, он пришел убивать именно ее. Возможно,

он уже напал на нее в парке и она пыталась убежать. Тогда он вышел на улицу и добил ее. Он был уверен, что Гордонов нет дома. Весь город сбежался в Большой театр. Но внезапно он заметил у окна сына Гордонов, которого Шарлотта тоже видела несколькими секундами раньше. И тогда он вышиб дверь дома и уничтожил всех свидетелей.

Вот что было перед глазами детективов с самого начала, вот чего никто не увидел: труп Меган Пейделин перед домом. Целили именно в нее. Гордоны стали побочными жертвами.

Дерек Скотт

Середина сентября 1994 года. С момента убийства прошло полтора месяца. Еще месяц оставался до трагедии, сразившей нас обоих, Джесси и меня.

Тед Тенненбаум попался.

Во второй половине того же дня, когда состоялся допрос капрала Зигги, признавшегося, что продал Тенненбауму «беретту» со сбитым номером, мы отправились в Орфеа его арестовывать. Чтобы точно его не упустить, мы ехали двумя группами полиции штата: первую вел Джесси, она должна была окружить его дом, вторую — я сам, она выдвигалась в «Афину». Но мы остались при пиковом интересе: Тенненбаума дома не было, а менеджер кафе видел его последний раз накануне и сказал, что тот уехал отдохнуть.

— Отдохнуть? Куда это? — удивился я.

— Не знаю. Взял отпуск на несколько дней. В понедельник должен вернуться.

Обыск в доме Тенненбаума ничего не дал. Его кабинета в кафе «Афина» — тоже. Мы не могли спокойно дожидаться, пока он соблаговолит вернуться в Орфеа. По нашим сведениям, билет на самолет он не брал, по крайней мере под своим настоящим именем. Близкие его не видели. Его фургона тоже не было. Мы разработали обширный план поисков: разослали ориентировки по всем аэропортам, пограничным пунктам, номера его машины были известны всем полицейским страны. Его фото висело во всех торговых точках в окрестностях Орфеа и на большинстве автозаправках штата Нью-Йорк.

Мы с Джесси метались между нашим кабинетом в окружном отделении полиции штата, где находился главный штаб операции, и Орфеа, где мы дежурили у дома Тенненбаума, проводя ночи напролет в машине. Мы были уверены, что он прячется где-то поблизости: здешние места он

знал как свои пять пальцев, у него были обширные связи. Мы добились даже разрешения на прослушку телефона его сестры, Сильвии Тенненбаум, жившей в Манхэттене, и телефона кафе. Все впустую. Через три недели прослушку сняли по причине слишком больших расходов. Полицейские, которых майор дал нам в помощь, были направлены для выполнения более важных задач.

— Более важных, чем арест убийцы четырех человек? — спорил я с майором Маккенной.

— Дерек, я тебе дал неограниченные возможности на три недели, — ответил майор. — Эта история может затянуться на месяцы, ты сам знаешь. Надо иметь терпение, рано или поздно он попадетсЯ.

Тед Тенненбаум выскользнул у нас из рук. Похоже, мы его упустили. Мы с Джесси почти не спали: нам хотелось его найти, арестовать и закрыть наконец это дело.

Пока мы занимались своими разысканиями, в «Маленькой России» работы шли полным ходом. Дарла с Наташей считали, что к концу года наверняка ее откроют.

Но с недавних пор между ними начались трения. Источником их стала статья, напечатанная в одной газете в Куинсе. Жителей квартала страшно интересовала вывеска ресторана, прохожие заходили и задавали вопросы, всех покорили обаятельные совладелицы. Вскоре о «Маленькой России» заговорили. Заинтересовался ею и один журналист, попросил разрешения написать статью. Явился с фотографом, тот сделал серию фото: на одном из них Наташа с Дарлой вместе стояли под вывеской. Но через несколько дней, когда статья вышла, девушки в недоумении обнаружили, что газета дала фото одной Наташи в фартуке с логотипом ресторана. Подпись гласила:

Наташа Даррински,
хозяйка «Маленькой России».

Наташа была ни при чем, но Дарлу эта история жестоко задела. Она могла служить прекрасной иллюстрацией того, как Наташины чары действовали на людей. Когда она входила в комнату, все видели только ее.

До сих пор все складывалось как нельзя лучше, но теперь между девушками начались сильные раздоры. Всякий раз, когда их мнения не совпадали, Дарла непременно говорила:

— В любом случае все будет так, как скажешь ты, Наташа. Тебе

решать, госпожа хозяйка!

— Дарла, сколько мне еще извиняться за эту долбаную статью? Я здесь ни при чем. Я и статьи-то не хотела, говорила, что лучше подождать, пока откроется ресторан, будет нам реклама.

— Значит, это я виновата?

— Дарла, я этого не говорила.

По вечерам, когда мы с ними виделись, обе были расстроенные и потухшие. Мы с Джесси чувствовали, что «Маленькая Россия» идет ко дну.

Дарла не хотела участвовать в деле, где Наташа будет ее затмевать.

А Наташа страдала от того, что она — Наташа, девушка, невольно притягивающая к себе все взоры.

Смотреть на это было невыносимо. У них было все, чтобы осуществить чудесный план, о котором они мечтали целых десять лет и ради которого столько работали. Часами пахали в «Голубой лагуне», откладывали на свой проект каждый доллар, долгие годы обдумывали, как обустроить ресторан по своему вкусу, — и вот теперь все рушилось.

Мы с Джесси ни в коем случае не хотели вмешиваться. Наша последняя встреча вчетвером обернулась катастрофой. Мы сидели у Наташи на кухне, пробовали блюда, отобранные наконец для меню «Маленькой России», и я допустил жуткую оплошность. Снова поедая пресловутый сэндвич с говядиной и тем самым особенным соусом, я пришел в восторг и имел несчастье назвать его «Наташиным соусом». Дарла немедленно закатила сцену:

— «Наташин соус»? Ах вот как он называется? Может, ресторан тоже переименуем, пусть называется «У Наташи»?

— Это не Наташин соус, — попыталась успокоить ее та. — И это наш ресторан, наш с тобой, ты прекрасно это знаешь.

— Нет, ничего я прекрасно не знаю, Наташа! Пока я вижу, что я всего лишь служащая у тебя на побегушках, Миссис-Все-Решаю-Я.

И Дарла ушла, хлопнув дверью.

В общем, когда через несколько недель они предложили нам съездить с ними в типографию, выбрать оформление ресторанного меню, мы с Джесси отказались. Не знаю, в самом деле они хотели знать наше мнение или просто видели в нас миротворцев, но ни Джесси, ни я вмешиваться в их дела не хотели.

Дело было в четверг, 13 октября 1994 года. В тот день рухнуло все.

После полудня мы с Джесси сидели у себя в кабинете и жевали сэндвичи. Вдруг у Джесси зазвонил телефон. Говорила Наташа, в слезах.

Звонила она с Лонг-Айленда, из магазина «Охотник и рыболов».

— Мы с Дарлой поссорились в машине по дороге в типографию, — сказала она. — Дарла вдруг затормозила на обочине и высадила меня. Я забыла в машине сумку, у меня нет денег, я заблудилась.

Джесси велел ей никуда не уходить, сейчас он ее заберет. Я решил поехать с ним. Мы забрали бедную заплаканную Наташу. Изо всех сил старались ее утешить, уверяли, что все образуется, но она твердила, что с рестораном покончено, она больше слышать о нем не хочет.

Мы чуть-чуть разминулись с Дарлой: та развернулась и помчалась назад, за подругой. Она проклинала себя за то, что сделала, была готова на все, чтобы та ее простила. Не найдя Наташу, она остановилась у магазина «Охотник и рыболов», стоящего на обочине безлюдного шоссе. Владелец сказал, что видел заплаканную молодую женщину, дал ей телефон позвонить и за ней приехали двое мужчин: «Они только что уехали, буквально минуту назад».

Думаю, случись все на пару секунд раньше, Дарла бы встретилась с нами у охотничьего магазина. И все бы пошло иначе.

Мы везли Наташу домой, когда внезапно в машине запищало радио. Теда Тенненбаума заметили на автозаправке, совсем рядом.

Я схватил микрофон и отозвался на вызов диспетчера. Джесси поставил на крышу маячок и включил сирену.

0. Открытие фестиваля

Суббота, 26 июля 2014 года

Джесси Розенберг

Суббота, 26 июля 2014 года
День открытия фестиваля

День, когда рухнуло все.

Половина шестого вечера. Вскоре откроются двери Большого театра. На Мейн-стрит, оцепленной полицией, темно от людей. Тут царило совершеннейшее безумие. Обладатели билетов толпились среди журналистов, зевак и торговцев сувенирами у заграждений, которые еще окружали театр. Несчастные, которым не досталось заветного пропуска на спектакль, пробирались в толпе с самодельными плакатиками, предлагая за билет бешеные деньги.

Чуть раньше по всем новостным телеканалам транслировали прямое включение: прибытие в Большой театр актеров под строжайшей охраной. У служебного входа каждого из них тщательно обыскали и пропустили через металлодетектор.

У главного входа в театр полиция заканчивала устанавливать рамки металлоискателя. Публика не находила себе места. Меньше чем через два часа начнется первое представление «Черной ночи». Наконец-то будет раскрыто имя преступника, убившего четырех человек в 1994 году.

Мы с Анной и Дерекком сидели в архиве «Орфеа кроникл» и тоже собирались идти в Большой театр. Нам предстояло созерцать смехотворный триумф Кирка Харви. Накануне майор Маккенна еще раз предостерег нас, приказал держаться от него подальше. «Чем цепляться к Харви, — заявил он нам с Дерекком, — лучше бы раскрыли это дело и узнали правду». Это было несправедливо. Мы трудились без устали до последней минуты, но, к сожалению, без особого успеха. За что убили Меган Пейделин? Кто мог иметь достаточно веские причины желать смерти этой ничем не примечательной женщине?

Майкл Берд помогал нам изо всех сил, просидел с нами почти всю ночь. Собрал все, что мог, про Меган, чтобы мы могли восстановить ее биографию. Родилась она в Питтсбурге, училась на филологическом

факультете в одном маленьком университете штата Нью-Йорк. Недолго жила в Нью-Йорке, в 1990 году вместе с мужем, Сэмюелом, переехала в Орфеа. Муж работал инженером на местном заводе, а она вскоре нашла место в книжном магазине Коди.

А что муж, Сэмюел Пейделин, который вдруг вернулся в Орфеа ради того, чтобы сыграть в спектакле? После убийства жены он переехал в Саутхэмптон и женился второй раз.

На первый взгляд Сэмюел Пейделин тоже выглядел ничем не примечательным человеком. Судимостей не имел, участвовал как волонтер в разных ассоциациях. Его новая жена, Келли Пейделин, работала врачом. У них было двое детей, десяти и двенадцати лет.

Могла ли существовать связь между Меган Пейделин и Джеремайей Фолдом? Или даже между Сэмюелом Пейделином и Джеремайей?

Мы позвонили бывшему спецагенту Грейсу, но ему фамилия Пейделин ничего не говорила. Костико допросить было невозможно, его по-прежнему не могли найти. Тогда мы расспросили Вирджинию Паркер, певицу из клуба, мать ребенка Джеремайи Фолда, но она уверяла, что никогда не слышала ни про Сэмюела, ни про Меган Пейделин.

Никто ни с кем не был связан. Просто невероятно. К моменту, когда должны были открыться двери театра, мы уже готовы были предположить, что речь идет о двух разных делах.

— С одной стороны, убийство Меган, с другой — разборки Гордона с Джеремайей, — задумчиво произнес Дерек.

— Не говоря уж о том, что и Гордон, судя по всему, никак не связан с Джеремайей, — заметил я.

— Но в пьесе Харви вроде бы говорится именно о Джеремайе Фолде, — напомнила нам Анна. — Думаю, все как-то связано.

— В общем, если я правильно понимаю, — подытожил Майкл, — все связано, но ничто ни с чем не связано. Эта ваша история — какая-то китайская головоломка.

— Тоже мне новость, — вздохнула Анна. — Да плюс ко всему убийство Стефани. Тот ли это человек или нет?

Дерек собрался с мыслями и попытался прояснить ситуацию:

— Попробуем поставить себя на место убийцы. Если бы я был он, что бы я сегодня делал?

— Либо уехал бы куда подальше, — ответил я, — в Венесуэлу или любую другую страну, которая не экстрадирует преступников. Либо постарался бы сорвать спектакль.

— Сорвать спектакль? — удивился Дерек. — Но зал обшарили с

собаками, и всех, кто хочет туда попасть, обыскивают.

— Думаю, он придет, — сказал я. — По-моему, убийца будет в зале, среди нас.

Мы решили отправиться в Большой театр и наблюдать за зрителями, когда они будут заходить в здание. Может, мы заметим чье-то необычное поведение? Или узнаем кого-то в лицо? А еще нам хотелось знать подробнее, что же замышляет Кирк Харви. Если удастся узнать имя убийцы раньше, чем его произнесет актер, мы вырвемся вперед.

Единственным способом влезть в голову Харви было получить доступ к его записям. Особенно к досье расследования, которое он где-то прятал. Мы послали Майкла Берда в «Палас дю Лак», обыскать номер Харви, пока того нет.

— Если я что и обнаружу, доказательством это все равно служить не сможет, — напомнил нам Майкл.

— Нам нужно не доказательство, нам нужно имя, — сказал Дерек.

— А как я попаду на их этаж? — спросил он. — В отеле полно копов.

— Покажите им свой пропуск на спектакль и скажите, что Кирк Харви послал вас принести какие-то вещи. Я их предупрежу, что вы идете.

Полиция не стала чинить препятствий и пропустила Майкла на этаж, однако директор отеля осторожничал и не хотел давать ему дубликат ключа от номера:

— Мистер Харви оставил совершенно ясные указания. Никто не должен заходить в его номер.

Но Майкл настаивал, объяснял, что Харви сам послал его за тетрадь с заметками, и директор решил отправиться в номер вместе с ним.

В номере царил образцовый порядок. Переступив порог под подозрительным взглядом директора, Майкл не увидел никаких бумаг. Ни книг, ни какого-нибудь исписанного листка. Ничего. Он проверил письменный стол, ящики комода и даже ночной столик. Пусто. Заглянул в ванную.

— Не думаю, что мистер Харви хранит свои тетради в ванной, — раздраженно заметил директор.

— В номере у Харви ничего нет, — сообщил Майкл, когда, пройдя бесконечную процедуру контроля, нашел нас в фойе Большого театра.

На часах было 19.30. Спектакль начнется через полчаса. Нам не удалось обогнать Харви. Придется узнавать имя убийцы из уст актеров, как все зрители. И нас тревожил вопрос, как на это отреагирует убийца, если он в зале.

* * *

19.58. За кулисами театра Харви перед выходом на подмости собрал актеров в коридоре, который вел от гримерок к сцене. Перед ним стояли Шарлотта Браун, Джерри и Дакота Райс, Сэмюел Пейделин, Рон Гулливер, Мита Островски, Стивен Бергдорф и Элис Филмор.

— Друзья, — произнес он, — надеюсь, вы готовы испытать трепет славы и триумфа. Ваша игра в спектакле, абсолютно уникальном в истории театра, потрясет всю Америку.

* * *

20.00.

Свет погас. Шум в зале немедленно стих. Напряженная атмосфера сгустилась настолько, что ее можно было потрогать руками. Вот-вот начнется спектакль. Мы с Дерекком и Анной стояли сзади, у каждой из трех дверей зала.

На сцене появился Браун и произнес вступительную речь. Мне вспомнился кадр из видео с тем же эпизодом, но двадцатилетней давности, тот, который Стефани Мейлер обвела фломастером.

Мэр произнес несколько приличествующих случаю банальностей и завершил свою речь словами:

— Этот фестиваль останется в памяти у всех. Пусть начнется спектакль.

Он спустился со сцены и сел в первом ряду. Занавес поднялся. Публика вздрогнула.

На сцене Сэмюел Пейделин в роли мертвеца, рядом с ним Джерри в полицейской форме. В углу Стивен и Элис, с автомобильным рулем в руках, изображают нетерпеливых водителей. Дакота медленно движется вдоль сцены. Харви читает:

Ужасное утро. Льет дождь. Движение на загородном шоссе перекрыто, возникла гигантская пробка. Отчаявшиеся водители яростно сигналият.

Стивен и Элис, изо всех сил давя на воображаемые клаксоны, яростно

спорят, но в зале этого не слышно. «Элис, ты должна сделать аборт!» — «Ни за что, Стивен! Это твой ребенок, ты должен его признать!»

Харви продолжает:

По обочине дороги, вдоль неподвижно стоящих машин, идет молодая женщина. Подходит к заграждениям и обращается к постовому полицейскому.

Молодая женщина (*Дакота*): Что случилось?

Полицейский (*Джерри*): Человек погиб. Разбился на мотоцикле.

Молодая женщина: На мотоцикле?

Полицейский: Да, врезался в дерево на полной скорости. Мокрое место осталось.

Публика потрясена. Потом Харви вопит: «Пляска смерти!» И все актеры вторят: «Пляска смерти! Пляска смерти!» Выходят Островски и Рон Гулливер в трусах, публика хохочет.

Гулливер прижимает к себе чучело росомахи и декламирует: «Росомаха, росомаха, конец близко, спаси нас от страха!» В обнимку с чучелом падает на пол. Островски, раскинув руки и стараясь не отвлекаться на смешки публики, выбивающие его из роли, провозглашает:

*Dies irae, dies illa,
Solvat saeculum in favilla!*

В этот момент я заметил, что у Харви в руках нет никаких бумажек, и подошел к Дереку:

— Харви сказал, что будет раздавать текст актерам по ходу пьесы, но в руках у него ничего нет.

— И что это значит?

На сцене начинался эпизод в клубе с поющей Шарлоттой, а мы с Дерекком ринулись из зала за кулисы. Примерка Харви была заперта на ключ. Мы вышибли дверь ногой. На столе нам сразу бросилось в глаза полицейское досье, а главное, пресловутая стопка бумаги. Мы бросились листать страницы. Там были первые, уже сыгранные сцены, а после эпизода в баре появлялась молодая женщина, одна, и произносила: «Час истины пробил. Имя убийцы...»

Фраза кончалась многоточием. И больше не было ничего. Пустые

страницы.

— О боже, Джесси, ты был прав! — вскричал Дерек после секундного замешательства. — Харви понятия не имеет, кто убийца! Он ждет, что тот себя выдаст, прервав спектакль.

В эту минуту на сцену выходила Дакота, одна. И возвещала пророческим голосом:

— Час истины пробил.

Мы с Дерекком опрометью бросились вон из гримерки: надо было остановить спектакль, пока не случилось чего-нибудь страшного. Но было поздно. Зал погрузился в непроглядную черноту. В черную ночь. Свет падал только на Дакоту. Когда мы подбегали к сцене, она начинала вторую фразу:

— Имя убийцы...

Раздались два выстрела, и Дакота рухнула на пол.

Толпа взвыла. Мы с Дерекком выхватили револьверы и кинулись на сцену, крича по радиосвязи: «Стрельба! Стрельба!» В зале зажегся свет, вспыхнула паника. Перепуганные зрители всеми силами пытались убежать, началось столпотворение. Мы не видели, кто стрелял. Анна тоже. И нам не под силу было удержать людской поток, рвавшийся наружу через все запасные выходы. Стрелок смешался с толпой. Возможно, он был уже далеко.

Дакота распростерлась на сцене, ее били конвульсии, все вокруг было залито кровью. Джерри, Шарлотта и Харви бросились к ней. Джерри истошно кричал. Я нажимал на раны, останавливая кровотечение, Дерек надрывался по радио: «У нас раненый! Пулевое ранение! Срочно врача на сцену!»

Поток зрителей хлынул на Мейн-стрит. Полиция была не в силах сдержать гигантскую, охваченную паникой толпу. Люди кричали. Все говорили о покушении на убийство.

Стивен и Элис бежали до тех пор, пока не очутились в маленьком пустынном парке. Там они остановились перевести дыхание.

— Да что случилось? — спросила перепуганная Элис.

— Понятия не имею, — ответил Стивен.

Элис обвела взглядом улицу. Никого. Безлюдная пустыня. Они бежали долго. Стивен понял, что момент настал: сейчас или никогда. Элис стояла к

нему спиной. Он подобрал с земли камень и с невероятной силой ударил Элис по голове. Череп у нее раскололся, и она рухнула на землю. Мертвая.

Стивен, в ужасе от собственного поступка, бросил камень и попятился, глядя на неподвижное тело. Его чуть не вырвало. Он в панике огляделся. По-прежнему никого. Его никто не видел. Он оттащил тело Элис в канаву и со всех ног бросился по направлению к «Палас дю Лак».

С Мейн-стрит доносились крики и вой сирен. К Большому театру неслись машины оперативных служб.

Настал полный хаос.

Настала Черная ночь.

Анна Каннер

Пятница, 21 сентября 2012 года. День, когда рухнуло все.

До этого у меня все было хорошо. И в профессиональной жизни, и в личной. Я работала инспектором в уголовном отделе 55-го участка. Марк — адвокатом в бюро моего отца; сеть его клиентов-бизнесменов постоянно росла, а с нею росли и доходы. Мы любили друг друга. Счастливая семья, и в работе, и дома. Счастливые молодожены. Мне даже казалось, что наша семейная жизнь счастливее и полнее, чем у большинства наших знакомых. Я часто себя с ними сравнивала.

По-моему, первая трещина в наших отношениях появилась после моего назначения на новый пост в полиции. Я быстро показала, на что способна как оперативник, и начальство предложило мне перейти в качестве переговорщика в спецподразделение, занимавшееся освобождением заложников. Я блестяще прошла тесты на эту должность.

Марк поначалу не вполне понимал, что означает моя новая деятельность. Вплоть до начала 2012 года, когда меня, вопреки моему желанию, показали по телевизору во время операции по освобождению заложников в одном супермаркете в Куинсе. Я стояла на экране в своей черной форме, облаченная в бронежилет и с пуленепробиваемым шлемом в руках. Эту картину наблюдала вся наша семья и все друзья.

— Я думал, ты переговорщица, — в ужасе сказал Марк, несколько раз прокрутив сцену.

— Так и есть, — заверила его я.

— Судя по твоему костюму, ты скорее участвуешь в боевых действиях, чем что-то обсуждаешь.

— Марк, это группа по освобождению заложников. Такие проблемы

медитацией не решаются.

Он помолчал, явно нервничая. Плеснул себе виски, выкурил несколько сигарет, а потом сообщил:

— Не знаю, смогу ли я пережить, что ты занимаешься такими делами.

— Ты знал, что моя работа связана с риском, когда женился на мне, — напомнила я.

— Нет, когда мы познакомились, ты была инспектором и не занималась этими глупостями.

— Глупостями? Марк, я людям жизнь спасаю.

Напряжение между нами усилилось после того, как какой-то псих в Бруклине в упор расстрелял двоих полицейских, которые пили кофе в припаркованной машине с открытым окном.

Марк тревожился. Когда утром я уходила, говорил: «Надеюсь, вечером я тебя увижу». Так прошло несколько месяцев. Понемногу намеков Марку показалось мало, он стал настойчивее и даже предложил мне переквалифицироваться.

— Почему бы тебе не перейти тоже в адвокатское бюро, Анна? Могла бы помогать мне в запутанных делах.

— Помогать тебе? Ты хочешь сделать из меня помощницу? Думаешь, я не способна вести собственные дела? Могу тебе напомнить, что я дипломированный адвокат, как и ты.

— Не выдумывай, этого я не говорил. Но по-моему, тебе стоит подумать не только о ближайшем будущем, иметь в виду в дальнейшем работу на полставки.

— На полставки? Это почему?

— Анна, когда у нас появятся дети, ты же не будешь бросать их на целый день одних?

Родители Марка были карьеристы и почти не занимались им, когда он был маленький. Свою травму он пытался изжить, работая как проклятый ради того, чтобы иметь возможность в одиночку обеспечить семью и позволить жене сидеть дома.

— Я никогда не буду домохозяйкой, Марк. И это ты тоже знал до свадьбы.

— Но тебе больше не нужно работать, Анна, я зарабатываю достаточно!

— Я люблю свою работу, Марк. Жаль, что тебе это так неприятно.

— Обещай хотя бы подумать.

— Марк, я сказала «нет»! Но не волнуйся, у нас не будет как у твоих родителей.

— Не впутывай в это дело моих родителей, Анна!

Сам он тем не менее впутал в это дело моего отца. Он все ему рассказал. И отец, когда мы с ним однажды оказались вдвоем, заговорил со мной об этом. Дело было в ту самую пресловутую пятницу, 21 сентября. Помню, стояло великолепное бабье лето: Нью-Йорк купался в ослепительных солнечных лучах, на термометре было больше двадцати градусов. В тот день была не моя смена, и мы с отцом обедали на террасе маленького итальянского ресторана, нашего с ним любимого. Заведение находилось довольно далеко от бюро отца, и я подумала, что если он зовет меня туда в будний день, значит, хочет поговорить о чем-то важном.

И действительно, не успели мы сесть за столик, как он сказал:

— Анна, дорогая, я знаю, что у тебя семейные неурядицы.

Я чуть не поперхнулась водой, которую в тот момент пила.

— Можно узнать, кто тебе рассказал, папа?

— Твой муж. Знаешь, он боится за тебя.

— Когда мы познакомились, я уже работала в полиции.

— То есть ты готова всем пожертвовать ради того, чтобы остаться копом?

— Я очень люблю свою работу. Хоть кто-то может относиться к этому с уважением?

— Ты каждый день рискуешь жизнью!

— Папа, в конце концов, я с равным успехом могу попасть под автобус, выйдя из ресторана.

— Не играй словами, Анна. Марк — фантастический парень, не надейся на глупостей.

В тот вечер мы с Марком крупно поссорились.

— Поверить не могу, ты пошел плакаться отцу в жилетку! — в бешенстве кричала я. — Наши семейные дела никого, кроме нас, не касаются!

— Я надеялся, твой отец тебя вразумит. Только он может как-то на тебя повлиять. Но, в сущности, ты только о себе и думаешь, о своем удовольствии. Ты поразительная эгоистка, Анна.

— Я люблю свою работу, Марк! И я хороший полицейский! Неужели так трудно понять?

— А ты, ты можешь понять, что я устал за тебя бояться? Трястись, когда твой телефон начинает трезвонить среди ночи и ты мчишься на срочный вызов?

— Не передергивай. Не так часто это случается.

— Но случается. Ну правда же, Анна, это слишком опасно! Эта работа

не для тебя!

— Откуда ты знаешь, какая работа для меня, а какая нет?

— Знаю, и все.

— Просто удивительно, каким ты иногда бываешь идиотом...

— Твой отец со мной согласен!

— Марк, я выходила замуж не за своего отца! И мне плевать, что он думает!

И тут у меня зазвонил телефон. На дисплее я увидела, что звонит шеф. В подобный час это могло означать только чрезвычайную ситуацию, и Марк сразу это понял.

— Анна, пожалуйста, не отвечай!

— Марк, это шеф.

— У тебя выходной.

— Вот именно, Марк. Если он звонит, значит, это важно.

— Да елки зеленые, ты что, единственный коп в этом городе?

Мгновение я колебалась. Потом приняла вызов.

— Анна, — сказал шеф, — в ювелирном магазине на углу Мэдисон-авеню и Пятьдесят седьмой улицы захвачены заложники. Квартал оцеплен. Нам нужен переговорщик.

— Отлично, — ответила я, записывая адрес на бумажке. — Как называется магазин?

— Ювелирный Сабара.

Я нажала на отбой и схватила сумку с вещами, она всегда стояла у двери в полной готовности. Хотела поцеловать Марка, но он ушел на кухню. Я грустно вздохнула и ушла. Выходя из дому, я увидела в окне наших соседей, они сидели у себя дома в столовой за ужином. Вид у них был счастливый. И мне первый раз пришло в голову, что другие семьи живут, наверно, лучше нас.

Я села в немаркированную машину, включила маячки и умчалась в ночь.

Дерек Скотт

Четверг, 13 октября 1994 года. День, когда рухнуло все.

Мы на полной скорости влетели на автозаправку. Тед Тенненбаум не должен был уйти.

Мы настолько увлеклись погоней, что я забыл про Наташу, которая пристегивалась на заднем сиденье. Джесси показывал мне, куда ехать, следуя полученным по радио указаниям.

Мы свернули на 101-е шоссе, потом на 107-е. За Тенненбаумом уже гнались два полицейских патруля, которые всеми средствами пытались его остановить.

— Давай вперед, потом сверни на девяносто четвертое, — приказал Джесси, — перекроем ему дорогу.

Я еще прибавил скорость, чтобы опередить Тенненбаума, и помчался по 94-му шоссе. Но, когда мы подъезжали к 107-му, нас подрезал черный фургон с логотипом на заднем стекле. Я едва успел его заметить.

Я помчался следом. Он сумел оторваться от патрулей. Я твердо решил его не упускать. Вскоре перед нами показался большой мост через реку Серпент. Мы почти соприкасались бамперами. Мне удалось еще прибавить скорость, я почти поравнялся с ним. Впереди машин не было.

— Попробую прижать его к парапету на мосту.

— Отлично, валяй, — сказал Джесси.

В ту секунду, когда мы въезжали на мост, я резко крутанул руль и ударил сзади в фургон Тенненбаума. Фургон потерял управление и врезался в парапет. Но тот не выдержал удара, и фургон вылетел в пролом. Затормозить я не успел.

Фургон Теда Тенненбаума рухнул в реку. А за ним и наша машина.

Часть третья

Ввысь

1. Наташа

Четверг, 13 октября 1994 года

Джесси Розенберг

Четверг, 13 октября 1994 года

В тот день мы погнались за Тедом Тенненбаумом, Дерек потерял контроль над машиной, и парашют моста разлетелся вдребезги. Я вижу, словно в замедленной съемке, как мы летим в воду. Время как будто вдруг остановилось. Я вижу, как поверхность воды приближается к ветровому стеклу. Мне кажется, что падение длится минут десять. На самом деле все случилось за несколько секунд.

Когда машина в миллиметре от воды, я вспоминаю, что не пристегнулся. От удара влетаю головой в бардачок. Свет меркнет. Перед глазами проходит вся жизнь. Я возвращаюсь в прошлое.

Вижу себя девятилетним мальчиком, в конце 1970-х. После смерти отца мы с матерью переехали в Риго-парк, поближе к бабушке с дедушкой. Матери пришлось работать с утра до ночи, чтобы свести концы с концами. А поскольку она не хотела, чтобы я слишком долго болтался один после уроков, я должен был из школы идти к дедушке и бабушке, жившим на той же улице, где стояла моя начальная школа, и сидеть у них, пока не вернется мать.

Если говорить объективно, дедушка с бабушкой были люди жуткие, но я любил их самой нежной любовью. Никто не видел от них ни доброты, ни ласки, а главное, они были абсолютно не способны всегда держаться в рамках приличий. Любимой фразой дедушки было: «Шайка мелких ублюдков!», а бабушки — «Какое говно!». Они твердили свои ругательства целыми днями напролет, словно два скрюченных попугая.

На улице они бранили детвору и оскорбляли прохожих. Сперва слышалось: «Шайка мелких ублюдков!» Затем вступала бабушка: «Какое говно!»

В магазинах они не давали проходу продавцам. «Шайка мелких ублюдков!» — припечатывал дедушка. «Какое говно!» — добавляла бабушка.

На кассе супермаркета они беззастенчиво лезли без очереди. Если покупатели пытались возражать, дедушка изрекал: «Шайка мелких

ублюдков!» Если те же покупатели молчали из уважения к пожилым людям, дедушка изрекал: «Шайка мелких ублюдков!» А после того, как кассир, отсканировав их покупки, объявлял общую сумму, бабушка отзывалась: «Какое говно!»

Когда на Хеллоуин кому-нибудь из детей приходила в голову злосчастная мысль позвонить к ним и потребовать конфет, дверь с грохотом распахивалась, и дедушка орал: «Шайка мелких ублюдков!» За ним появлялась бабушка с ведром холодной воды и с криком «Какое говно!» окатывала их с ног до головы. Бедные ряженые малыши, мокрые насквозь, бежали в слезах по ледяным улицам осеннего Нью-Йорка, обреченные в лучшем случае на простуду, а в худшем — на воспаление легких.

У бабушки с дедушкой сохранились привычки людей, переживших голод. В ресторане бабушка обычно перекладывала весь хлеб из корзинки к себе в сумку. Дедушка немедленно просил официанта принести еще, и бабушка продолжала заготовки. У вас были дедушка с бабушкой, которым официант в ресторане заявлял: «Если вы попросите еще хлеба, нам придется включить его в счет»? А у меня были. Сцена, разворачивавшаяся дальше, была еще невыносимей. Бабушка беззубым ртом клеймила официанта: «Какое говно!» Дедушка добавлял: «Шайка мелких ублюдков!» — и швырял ему хлеб в лицо.

Беседы матери со своими родителями сводились в основном к фразам типа: «Перестаньте сейчас же!», или «Ведите себя прилично!», или «Не позорьте меня, очень прошу!», или «Ну хоть при Джесси придерживите язык!». Когда мы шли домой, мама часто говорила, что ей стыдно за родителей. Но мне не в чем было их упрекнуть.

После переезда в Риго-парк я, естественно, пошел в другую школу. После нескольких недель учебы на новом месте один мой одноклассник выдал: «Тебя зовут Джесси? Как Джессика!» Не прошло и четверти часа, как мое новое прозвище было у всех на устах. И мне весь день пришлось терпеть шуточки вроде «Джесси — девчонка!» или «Джессика — телка!».

Из школы я вернулся в слезах, униженный и несчастный.

— Ты почему реवेशь? — сухо спросил дедушка, когда я вошел. — Если мужчина плачет — он баба.

— Меня в школе прозвали Джессикой, — пожаловался я.

— Вот видишь, они правы.

Дедушка отвел меня на кухню, где бабушка готовила мне полдник.

- Что это он нюни распустил? — спросила бабушка.
- Его одноклассники дразнят девчонкой, — объяснил дедушка.
- Пффф! Если мужчина плачет — он баба, — заявила бабушка.
- Ну вот! Видишь, все согласны, — сказал мне дедушка.

Я по-прежнему не мог успокоиться, и бабушка с дедушкой стали давать мне добрые советы:

- Поколоти их! — сказала бабушка. — Не давай им спуску!
- Да, побей их всех! — одобрил дедушка, шаря в холодильнике.
- Мне мама не разрешает драться, — стал объяснять я в надежде, что они придумают более достойный ответ. — А вы не можете пойти поговорить с учительницей?

— С учительницей? Какое говно! — отрезала бабушка.

— Шайка мелких ублюдков! — добавил дедушка, извлекая из холодильника копченое мясо.

— Ну-ка, двинь дедушку в пузо, — велела бабушка.

— Да, ну-ка двинь меня в пузо! — в восторге возопил дедушка, выплевывая кусочки холодного мяса, которое он жадно жевал.

Я решительно отказался.

— Не стукнешь — будешь девчонкой! — предупредил дедушка.

— Выбирай: либо стукнешь дедушку, либо будешь девчонкой! — подтвердила бабушка.

Поставленный перед подобным выбором, я ответил, что лучше буду девчонкой, чем сделаю больно дедушке, и весь оставшийся вечер они называли меня «девчонка».

Назавтра, придя к ним после школы, я обнаружил на кухонном столе подарок. На розовой наклейке было написано «Джессике». Я разорвал бумагу. Внутри лежал светлый девчачий парик.

— Будешь теперь носить парик, а мы будем звать тебя Джессикой, — хихикая, объяснила мне бабушка.

— Не хочу быть девчонкой! — сопротивлялся я, пока дедушка напяливал его мне на голову.

— Тогда докажи, что ты не девчонка, — велела бабушка. — Если ты мальчик, то вот тебе задание: достань покупки из багажника и положи в холодильник.

Я бросился к машине. Но когда все было готово и я попросил разрешения снять парик и вновь обрести свое мальчишечье достоинство, бабушка решила, что этого мало. Ей нужно было еще одно доказательство. Я немедленно потребовал новое испытание, снова блестяще с ним справился, но бабушку не убедило и оно. Два дня я наводил порядок в

гараже, наполнял дедушке таблетницу, носил одежду в прачечную (причем платил за нее из своих карманных денег), мыл бесконечную посуду и начищал все ботинки в доме. И понял, что Джессика просто бедная маленькая пленница, бабушкина рабыня.

Избавление пришло после одной сцены в супермаркете, куда мы ездили на дедушкиной машине. Въезжая на парковку, дедушка, тот еще водитель, слегка зацепил бампер выдвигавшейся задним ходом машины. Они с бабушкой вышли оценить нанесенный ущерб, я остался сидеть на заднем сиденье.

— Шайка мелких ублюдков! — заорал дедушка на даму за рулем пострадавшей машины и на ее мужа, осматривавшего кузов.

— Придержите язык, не то я вызову полицию, — рассердилась дама за рулем.

— Какое говно! — вступила бабушка, как всегда, весьма кстати.

Дама разозлилась еще сильнее и накинулась на мужа, который, не говоря ни слова, водил мокрым пальцем по царапине на бампере, проверяя, действительно он поврежден или это просто грязь.

— Роберт, черт тебя побери! — воззвала она к нему. — Скажи наконец что-нибудь!

Несколько любопытных с тележками остановились поглазеть на эту сцену. Пресловутый Роберт глядел на жену и по-прежнему не произносил ни звука.

— Поищите в бардачке, сударыня, — обратился к даме дедушка, — не там ли лежат яйца вашего мужа.

Роберт, выпрямившись, угрожающе сжал кулаки.

— У меня нет яиц? — заорал он. — Это у меня нет яиц?

Увидев, что он вот-вот ударит дедушку, я, в своем парике, немедленно выскочил из машины:

— Не трогайте дедушку!

Роберт в растрепанных чувствах не разглядел, что на мне парик, и удивился:

— А девчонке-то что надо?

Это было уже слишком. Они все когда-нибудь поймут, что я не девчонка?

— Вот твои яйца, получай! — крикнул я во весь свой детский голосок и так удачно засветил ему кулаком, что он рухнул на землю.

Бабушка сцапала меня, швырнула на заднее сиденье нашей машины и загрузилась туда сама, а дедушка, уже за рулем, рванул с парковки. «Шайка мелких ублюдков!», «Какое говно!» доносилось до свидетелей, которые

записали номер дедушкиной машины и вызвали полицию.

Случай этот имел сразу несколько положительных последствий. Одним из них было то, что в моей жизни появились Эфрам и Бекки Дженсон. Это были дедушкины соседи, раньше я их видел только мельком. Я знал, что Бекки иногда ходит за покупками для бабушки, а Эфрам оказывает мелкие услуги дедушке, например, когда замена лампочки требует чудес эквилибристики. Еще я знал, что они бездетны, потому что однажды бабушка у них спросила:

— А детей у вас нет?

— Нет, — ответила Бекки.

— Какое говно! — сочувственно сказала бабушка.

— Не могу с вами не согласиться.

Но по-настоящему моя с ними дружба началась вскоре после случая с яйцами Роберта и нашим поспешным бегством из супермаркета. К бабушке с дедушкой пришла полиция.

— Кто-то умер? — спросил дедушка, когда на пороге выросли двое полицейских.

— Нет, сэр. Зато, судя по всему, вы и маленькая девочка замешаны в инциденте на парковке торгового центра в Риго.

— На парковке торгового центра? — возмущенно переспросил дедушка. — Меня там вообще ни разу в жизни не было!

— Тем не менее машина, оформленная на ваше имя и идентичная той, что стоит у вашего дома, была официально опознана несколькими свидетелями, видевшими, как светловолосая девочка напала на мужчину.

— Здесь нет никаких светловолосых девочек, — заверил его дедушка.

Я не знал, что происходит, и подошел к двери посмотреть, с кем разговаривает дедушка. Все в том же парике на голове.

— А вот и девочка! — воскликнул второй полицейский.

— Я не девочка! — завопил я басом.

— Руки прочь от моей Джессики! — рявкнул дедушка, заслоняя собой дверной проем.

В эту минуту на сцене появился сосед, Эфрам Дженсон. Услышав крики, он тут же прибежал на помощь и показал свой полицейский жетон. Я не уловил, что такое он сказал двоим коллегам, но понял, что Эфрам — какой-то важный полицейский. Стоило ему произнести одну фразу, как те извинились перед дедушкой и ушли.

В тот день бабушка, со времен своей жизни в Одессе побаивавшаяся властей и людей в форме, возвела Эфрама в ранг праведника народов мира. И в благодарность каждую пятницу под вечер готовила им с женой

вкуснейший чизкейк по своему рецепту. Когда я возвращался из школы, чизкейком благоухала вся кухня, но я знал, что мне не достанется ни кусочка. Изготовив и упаковав пирог, бабушка говорила: «Неси им скорей, Джесси. Этот человек — наш Рауль Валленберг!» Я шел к Дженсонам и, вручая им пирог, произносил, как мне было велено: «Дедушка с бабушкой благодарят вас за то, что вы спасли им жизнь».

Поскольку к Дженсонам я ходил каждую неделю, они стали приглашать меня в дом посидеть с ними. Бекки говорила, что чизкейк огромный, а их всего двое, и, несмотря на мои протесты, отрезала мне кусок. Я съедал его у них на кухне со стаканом молока. Они мне очень нравились: Эфрамом я восхищался, а у Бекки находил материнскую любовь, которой мне так не хватало — ведь собственную мать я видел мало. Вскоре Бекки и Эфрам стали предлагать мне съездить на уикенд в Манхэттен погулять или сходить на выставку. Они открывали мне мир за пределами дедушкиного дома. Когда они звонили в дверь и спрашивали бабушку, можно ли мне поехать с ними, меня охватывала огромная радость.

Что же касается беленькой девочки, любительницы лупить кулаком по яйцам, то ее так и не нашли. Джессика исчезла навсегда, мне больше не надо было носить этот жуткий парик. Иногда бабушка забывалась, и Джессика снова всплывала у нее в голове. За семейным обедом, когда за столом собиралось человек двадцать, она вдруг объявляла:

— Джессика умерла на парковке супермаркета.

Обычно после этого все надолго замолкали. Потом какой-нибудь кузен робко спрашивал:

— Кто такая Джессика?

— Наверно, какая-то история времен войны, — шептал ему другой.

После этого все сидели с серьезным видом, комната погружалась в тишину. Про Одессу в доме не говорили никогда.

После истории с яйцами Роберта дедушка счел, что отныне я точно мальчик, и даже храбрый мальчик. В ознаменование этого он однажды под вечер отвел меня в подсобку кошерной мясной лавки, где какой-то старик, уроженец Братиславы, давал уроки бокса. Старик раньше был мясником (магазин перешел к его сыновьям), а теперь на досуге бесплатно обучал внуков друзей кулачному бою. Уроки состояли главным образом в том, что мы лупили по висящим на крюках тушам в ритме его рассказа: он со странным, неведомым акцентом повествовал о финале чемпионата Чехословакии по боксу 1931 года.

Так я выяснил, что каждый вечер в Риго-парке кучка стариканов,

сославшись на желание побыть с внуками, сбегала от домашнего очага в мясную лавку. Кутаясь в пальто, они рассаживались на пластиковых стульях, пили кофе и курили, а стайка слегка испуганных мальчишек колотила по свисающим с потолка кускам мяса. Выбившись из сил, мы садились на пол и слушали истории старика из Братиславы.

Несколько месяцев я ходил по вечерам боксировать в мясную лавку, причем втайне от всех. Говорили, что у меня, похоже, боксерский талант; каждый вечер в холодный зал стекалась поглазеть на меня изрядная орда скверно пахнущих дедушек. Они делились консервами из восточноевропейских стран, мазали их на черный хлеб и подбадривали меня: «Давай, сынок!», «Лупи их! Лупи как следует!». А дедушка, раздуваясь от гордости, всем хвастался: «Это мой внук!»

Дедушка очень не советовал мне рассказывать матери, чем мы теперь занимаемся, и я знал, что он прав. Вместо парика он купил мне новенький спортивный костюм, который я оставлял у них и который бабушка каждый вечер стирала, чтобы на завтра он был чистый.

Все эти месяцы мать ни о чем не подозревала. Вплоть до того апрельского вечера, когда в грязную мясную лавку после целой волны отравлений заявила городская санитарная инспекция и полиция. До сих пор помню отвисшие челюсти инспекторов, когда они вошли в подсобку, провонявшую потом и сигаретным дымом, и на них воззрилась стайка мальчишек в боксерских трусах и кучка курящих, перхающих стариков.

— Вы продаете мясо, по которому мальчики били кулаками? — спросил один из полицейских, не веря своим глазам.

— Таки да, — самым естественным тоном отвечал старик из Братиславы. — Убоине полезно, она от этого нежнее. Имейте в виду: они перед занятиями моют руки.

— Неправда, — прохныкал кто-то из мальчишек, — мы не моем руки!

— Ты больше не член боксерского клуба! — сухо отозвался старик из Братиславы.

— Так это боксерский клуб или мясная лавка? — в недоумении почесал в затылке другой коп.

— Немножечко то, немножечко это, — пояснил старик из Братиславы.

— В помещении даже нет холодильного оборудования! — возмутился контролер из санитарной инспекции, помечая что-то в блокноте.

— На улице холодно, а окна мы не закрываем, — услышал он в ответ.

Полиция позвонила матери. Но она не смогла вырваться с работы и позвонила соседу, Эфраму; тот немедленно приехал и отвез меня домой.

— Я с тобой посижу, пока твоя мама не вернется, — сказал он.

— А ты кто в полиции? — спросил я.

— Инспектор по уголовным делам.

— Ты важный инспектор, да?

— Да. Я капитан.

Я был в восхищении. Потом решил поделиться с ним своей тревогой:

— Надеюсь, у дедушки не будет неприятностей с полицией.

— С полицией не будет, — ответил он с ободряющей улыбкой. — А вот с твоей мамой...

Как и предсказывал Эфрам, мама потом несколько дней кричала на дедушку по телефону: «Папа, ты окончательно спятил!» Говорила, что я мог пораниться, или отравиться, или еще бог знает что. А я был в полном восторге. Дедушка, благословенна будь его память, наставил меня на путь истинный. И тем не ограничился: приобщив меня к боксу, он, словно чародей, сделал так, что в моей жизни появилась Наташа.

Случилось это несколько лет спустя, мне только что исполнилось семнадцать. Я тогда превратил большое подвальное помещение в доме дедушки с бабушкой в тренажерный зал, натащил туда гантелей и повесил мешок с песком. Тренировался я целыми днями напролет. Но однажды, в середине летних каникул, дедушка вдруг заявил: «Вытаскивай из подвала свое говно. Нам нужно место». Я поинтересовался причиной своего изгнания, и дед объяснил, что они безвозмездно принимают у себя какую-то дальнюю кухню из Канады. Безвозмездно, держи карман шире! Наверняка содрали с нее за жилье. В порядке компенсации мне было предложено перебраться в гараж, где я смогу наслаждаться своими гимнастическими занятиями в пыли и масляной вони. Все следующие дни я проклинал старую, жирную, вонючую кухню, укравшую у меня тренажерный зал. Я так и видел ее волосы на подбородке, кустистые брови, желтые зубы, вонючий рот и тряпки советских времен. Хуже того, мне пришлось ее встречать на вокзале Джамейка в Куинсе: из Торонто она ехала поездом.

Дедушка всучил мне картонку с ее именем, написанным кириллицей.

— Я ей не шофер! — злился я. — Может, ты мне еще скажешь фуражку напялить?

— Без плаката ты ее никогда не найдешь!

На вокзал я отправился в ярости и хоть и с картонкой, но поклявшись обойтись без нее.

Однако в вокзальном зале, когда на меня хлынула толпа путешественников и я стал спрашивать у каких-то ополоумевших старух, не они ли та самая проклятая кухня, мне все-таки пришлось прибегнуть к

своей смехотворной картонке.

Как сейчас помню момент, когда я ее увидел. Девушка лет двадцати со смеющимися глазами, чудесными тонкими локонами и ослепительной улыбкой встала передо мной и прочитала мой плакатик.

— Ты его вверх ногами держишь, — сказала она.

— А тебе-то что? — пожал я плечами. — Ты плакатная полиция?

— Ты по-русски не говоришь?

— Нет, — ответил я, переворачивая плакат.

— *Krassavtchik*, — поддразнила меня девушка.

— Ты вообще кто? — спросил я, начиная злиться.

— Я Наташа, — улыбнулась она. — Это мое имя у тебя на картонке написано.

Так Наташа вошла в мою жизнь.

* * *

С того дня, как Наташа поселилась у дедушки с бабушкой, вся наша жизнь перевернулась. Я воображал себе жуткую старуху, а встретил фантастическую, потрясающую девушку, которая приехала учиться в кулинарной школе в Нью-Йорке.

Все наши привычки пошли прахом. Она заняла гостиную, куда давным-давно никто не заходил, и сидела там после лекций, читала или делала домашнее задание. Она валялась на диване с чашкой чаю, зажигала ароматизированные свечи, наполнявшие воздух благоуханием. Мрачная комната превратилась в центр притяжения для всех. Возвращаясь из школы, я находил там Наташу, уткнувшуюся в свои папки; напротив нее сидели в креслах бабушка с дедушкой, пили чай и созерцали ее в полнейшем восхищении.

Если она не сидела в гостиной, значит, готовила на кухне. По дому расплзались неслыханные запахи. На плите все время что-то булькало, холодильник всегда был забит под завязку. Когда Наташа готовила, бабушка с дедушкой, сидя за маленьким столиком и не сводя с нее влюбленных глаз, уписывали за обе щеки блюда, которые она перед ними ставила.

Подвальная комната стала ее спальней; она превратила ее в небольшой уютный дворец в теплых тонах; здесь все время курились благовония. Все выходные она проводила там, читала с утра до ночи. Мне было очень любопытно, что происходит в комнате, я часто спускался в подвал,

подходил к ее двери, но так и не осмелился постучать. В конце концов бабушка, видя, что я слоняюсь по дому, устраивала мне выволочку:

— Чем болтаться без дела, отнеси нашей гостье, — велела она, вручая мне поднос с дымящимся самоваром и еще горячим печеньем. — Приветливее надо быть, ясно тебе?

Я скорей бежал в подвал со своим драгоценным грузом. Бабушка глядела на меня с растроганной улыбкой: я даже не замечал, что на подносе стояли две чашки.

Я стучал. Из-за двери раздавался голос Наташи, велящий мне войти, и сердце у меня начинало биться вдвое быстрее.

— Бабушка тебе сделала чаю, — робко говорил я, приоткрыв дверь.

— Спасибо, *Krassavtchik*, — улыбалась она.

Чаще всего она лежала на кровати и глотала книгу за книгой. Я послушно ставил поднос на журнальный стол у диванчика и несколько нарочито выстраивался рядом.

— Так тыходишь или уходишь? — спрашивала она.

Сердце у меня выскакивало из груди.

— Вхожу.

Я усаживался рядом с ней. Она наливала нам чаю, потом сворачивала косяк, и я не мог оторвать глаз от ее пальцев с накрашенными ногтями, скручивавших папиросную бумагу. Потом она лизала кончик сигареты и заклеивала его.

Ее красота слепила меня, мягкость заставляла таять как воск, а ум покорял. Не было такой темы, на которую она не могла бы поговорить, не было книги, которой бы она не прочитала. Она знала все и обо всем. А главное, к величайшему моему счастью, она, вопреки словам бабушки с бабушкой, вовсе не приходилась мне кузиной — во всяком случае, чтобы найти нашего с ней общего предка, пришлось бы возвращаться в прошлое на доброе столетие.

Шли недели, затем месяцы. Присутствие Наташи привнесло в дедушкин дом невиданное прежде оживление. Она играла с бабушкой в шахматы, вела с ним нескончаемые разговоры о политике и превратилась в настоящий счастливый талисман для кучки стариков из мясной лавки, которые отныне переселились в кафе на Куинс-бульвар и с которыми она общалась по-русски. Она ходила с бабушкой по магазинам, помогала ей по дому. Они вместе возились на кухне, и Наташа оказалась несравненной поварихой.

Часто в доме звучали телефонные разговоры, которые Наташа вела со

своими кухнями — настоящими, — рассеянными по всему земному шару. Иногда она мне говорила: «Мы словно лепестки круглого, роскошного одуванчика; ветер подул, и мы разлетелись по разным уголкам земли». Она часами висела на телефоне — либо в своей комнате, либо в прихожей, либо на кухне, где был длинный провод, болтала на самых разных языках и в любое время дня и ночи, в соответствии с часовыми поясами. У нее была кухня в Париже, кухня в Цюрихе, в Тель-Авиве, в Буэнос-Айресе. Говорила она то по-английски, то по-французски, то на идише, то по-немецки, но чаще всего по-русски.

Ее звонки, наверно, обходились в астрономические суммы, но дедушка и не думал возражать. Наоборот. Нередко он без ее ведома снимал параллельную трубку в соседней комнате и увлеченно слушал разговор. Я устраивался рядом, и он мне тихонько переводил. Так я понял, что она часто рассказывает кухням обо мне, говорит, что я красивый и чудесный, что у меня блестят глаза. «*Krassavtchik* — это значит красивый парень», — как-то объяснил мне дедушка.

А потом наступил Хеллоуин.

В тот вечер, когда первая стайка детей позвонила в дом попросить конфет, а бабушка устремилась к двери с ведром ледяной воды, Наташа громовым голосом пресекла ее порыв:

— Ты что делаешь, бабушка?

— Ничего, — жалобно ответила бабушка и пошла с ведром обратно на кухню.

Наташа, загодя приготовив миски с разноцветными конфетами, вручила их бабушке с дедушкой и отправила их открывать. Счастливые дети с криками восторга нахватали полные руки конфет и скрылись в ночи. А бабушка с дедушкой, глядя им вслед, приветливо кричали:

— Веселого Хеллоуина, ребятишки!

Наташа создавала в Риге-парке настоящий вихрь радости и творчества. Если она не сидела на лекциях и не готовила, то фотографировала квартал или шла в городскую библиотеку. Она все время оставляла бабушке с дедушкой записки, чтобы они знали, где она и что делает. А иногда просто так, вместо «здравствуйте».

Однажды я пришел из школы, и бабушка, увидев меня в дверях, завопила, угрожая тыкая в меня пальцем:

— Ты где была, Джессика?

Когда бабушка очень на меня сердилась, ей случалось звать меня

Джессикой.

— В школе, бабушка. Как всегда.

— Ты не оставил записку!

— Зачем мне оставлять записку?

— Наташа всегда оставляет записку.

— Но вы же знаете, что по будням я всегда в школе! Где мне еще быть?

— Шайка мелких ублюдков! — возвестил дедушка, появляясь в дверях кухни с миской соленых огурцов.

— Какое говно! — отозвалась бабушка.

Одним из главных потрясений, вызванных присутствием Наташи, стало то, что дедушка с бабушкой прекратили ругаться, по крайней мере в ее присутствии. Кроме того, дедушка перестал курить за едой мерзкие сигареты без фильтра, и оказалось, что дедушка с бабушкой вполне могут прилично держаться за столом и вести интересные разговоры. Я первый раз в жизни видел дедушку в новых рубашках («Это Наташа купила, говорит, что мои дырявые»), а бабушку — с заколками на голове («Это Наташа меня причесала. Она говорит, я красивая»).

А меня Наташа приобщила к неведомому — к литературе, к искусству. Она открыла мне целый мир. Мы вместе ходили в книжные магазины, в музеи, в картинные галереи. По воскресеньям мы часто отправлялись на метро в Манхэттен, шли в музей, в Метрополитен, МоМА, Музей естественной истории, Уитни. Или в какой-нибудь пустой обшарпанный кинотеатр смотреть фильм на непонятном языке. Мне было все равно: я смотрел не на экран, я смотрел на нее. Пожирал ее глазами. Эта абсолютно эксцентричная, абсолютно невероятная, абсолютно эротичная юная женщина приводила меня в смятение. Фильмы она проживала всем сердцем: сердилась на актеров, плакала, злилась, опять плакала. А когда зажигался свет, говорила: «Здорово как, правда?» Я отвечал, что ничего не понял. Она смеялась, обещала мне все объяснить. Вела меня в ближайшее кафе, потому что нельзя же оставить меня в неведении, и пересказывала фильм с самого начала. Обычно я не слушал. Я просто смотрел ей в рот. Я перед ней преклонялся.

Потом мы ходили по книжным — в те годы книжные магазины в Нью-Йорке еще процветали, — и Наташа скупала целые стопки книг, а потом мы возвращались в ее комнату у дедушки с бабушкой. Она заставляла меня читать, а сама ложилась рядом, сворачивала косяк и спокойно курила.

Однажды вечером, в декабре, велел мне читать эссе по истории России, потому что я, набравшись храбрости, задал ей вопрос про

отделение бывших советских республик, она положила голову мне на живот и пощупала мой пресс.

— Какой твердый, — сказала она и села. — Как это у тебя получается?

— Сам не знаю, — ответил я. — Люблю заниматься спортом.

Она глубоко затянулась косяком и затушила его в пепельнице.

— Снимай футболку! — вдруг велела она. — Хочу тебя рассмотреть по-настоящему.

Я повиновался, не раздумывая. Удары моего сердца отдавались во всем теле. Я стоял перед ней полуголый, она оглядела в сумерках мое накачанное тело, дотронулась кончиками пальцев до груди и легонько провела ими сверху вниз:

— Честное слово, первый раз вижу такого красавца.

— Меня? Я красивый?

— Ну конечно, дуралей! — рассмеялась она.

— А по-моему, я не очень красивый, — произнес я.

Она улыбнулась своей восхитительной улыбкой и сказала фразу, которая навсегда врезалась мне в память:

— Красивые люди никогда не считают себя красивыми, Джесси.

Она смотрела на меня и улыбалась. Я был заморожен ею — и парализован нерешительностью. В конце концов, взвинченный до предела, я все же решил нарушить молчание и пролепетал:

— А у тебя нет парня?

Она лукаво нахмурилась и ответила:

— Я думала, мой парень — это ты...

Ее лицо приблизилось к моему. Она чуть коснулась губами моих губ, а потом поцеловала — так, как никто не целовал. Ее язык сплетался с моим, и такой вспышки чувственности, такого острого волнения я не ощущал никогда.

Так началась история нашей любви. С того вечера и все последующие годы я не расставался с Наташей.

Она стала опорой моей жизни, средоточием моих мыслей, центром моего внимания и заботы, сердцевинной моей всепоглощающей любви. И ко мне она относилась так же. Я любил и был любим, как немногим дано. Мое место рядом с ней было раем везде — в кино, в метро, в театре, в библиотеке, за столом у бабушки с дедушкой. А ночи стали нашим царством.

Чтобы заработать немного денег, Наташа, помимо учебы, нанялась официанткой в «Кац Дели», любимый ресторан дедушки с бабушкой. Там

она и познакомилась с девушкой по имени Дарла, своей ровесницей: та тоже работала в ресторане.

Я прекрасно окончил школу и был зачислен в Нью-Йоркский университет. Мне нравилось учиться, я давно мечтал стать профессором или адвокатом. Но на университетской скамье до меня наконец дошел смысл одной фразы, которую я часто слышал от бабушки с дедушкой: «Стань кем-нибудь важным». Что значило быть важным? У меня в голове это слово связывалось только с одним человеком — нашим соседом Эфрамом Дженсоном, гордым капитаном полиции. Который все может поправить. Всех защитить. Ни к кому мои бабушка с дедушкой не относились с таким уважением и почтительностью. Мне хотелось стать полицейским. Как он.

Я отучился четыре года, получил свой диплом, и меня приняли в полицейскую академию штата. Окончив ее лучшим в выпуске, я поработал оперативником, быстро получил звание инспектора и перешел в окружное отделение полиции штата, где пройдет вся моя профессиональная жизнь. Помню свой первый день. Я сидел в кабинете майора Маккенны рядом с еще одним молодым человеком, чуть постарше меня.

— Инспектор Джесси Розенберг, лучший в выпуске, думаешь, меня впечатлили твои рекомендации? — гаркнул Маккенна.

— Нет, майор, — ответил я.

— А ты, Дерек Скотт, самый молодой сержант в истории полиции штата, — повернулся он к моему соседу, — думаешь, я потрясен?

— Нет, майор.

Майор оглядел нас обоих.

— Знаете, что про вас говорят в департаменте? Что вы два туза. Что ж, составим из вас пару и поглядим, как вы будете срывать банк.

Мы синхронно кивнули.

— Ладно, — сказал Маккенна. — Найдём вам кабинеты напротив и поручим дела о пропаже котов у бабулек. Поглядим, как вы справитесь.

У Наташи с Дарлой, очень сблизившихся со времени знакомства в «Каце», карьера никак не задавалась. После нескольких не слишком удачных попыток они устроились в «Голубую лагуну», вроде как работать на кухне; но в итоге хозяин отправил их в зал официантками — под тем предлогом, что у него не хватает рабочих рук.

— Вам надо уволиться, — сказал я Наташе однажды вечером. — Он не имеет права так с вами поступать.

— Да ладно, — ответила она, — зато платят хорошо. На расходы

хватает, и можно даже откладывать понемножку. Кстати говоря, у нас с Дарлой идея: мы хотим открыть свой ресторан.

— Гениально! — воскликнул я. — Бешеный успех вам обеспечен! А какой ресторан? А помещение вы уже подобрали?

— Не пори горячку, Джесси, — расхохоталась она. — Еще ничего не готово. Сперва надо отложить денег. И продумать концепцию. Но ведь хорошая мысль, правда?

— Фантастическая!

— Это моя мечта, — улыбнулась она. — Джесси, обещаю, что однажды у нас будет свой ресторан.

— Обещаю.

— Обещай как следует. Скажи, что однажды у нас будет ресторан где-нибудь в тихом местечке. И никакой полиции, никакого Нью-Йорка, только покой и жизнь.

— Обещаю.

2. Скорбь и запустение

Воскресенье, 27 июля — среда, 30 июля 2014 года

Джесси Розенберг

Воскресенье, 27 июля 2014 года

На следующий день после открытия фестиваля

Семь часов утра. Над Орфеа вставало солнце. Город не спал всю ночь.

В центре царило уныние. Мейн-стрит по-прежнему была оцеплена и забита машинами оперативных служб. По ней сновали полицейские, спотыкаясь о кучи всяких предметов, потерянных толпой зрителей среди грандиозной паники, которая последовала за выстрелами в Большом театре.

Поначалу было время действий. До глубокой ночи спецподразделения полиции прочесывали оцепленную зону в поисках того, кто стрелял. Безуспешно. Одновременно надо было обеспечивать безопасность в городе, не допустить, чтобы в суматохе начали грабить магазины. По периметру заграждений были развернуты палатки первой помощи, туда обращались легко раненные, по большей части пострадавшие в толкучке, и люди в шоковом состоянии. Умиравшую Дакоту Райс отправили вертолетом в клинику в Манхэттене.

Новый, только рождавшийся день обещал покой. Надо было понять, что произошло в Большом театре. Кто стрелял? И как он сумел пронести оружие, несмотря на все принятые меры безопасности?

В полиции Орфеа возбуждение и брожение еще не улеглось. Мы с Анной и Дерекком готовились допрашивать всех актеров труппы — непосредственных свидетелей происшедшего. Поддавшись панике, они разбежались по всему городу, найти их и собрать вместе было непростой задачей. Наконец их всех разместили в конференц-зале; кто-то спал прямо на полу, кто-то в ожидании вызова валялся на столе президиума. Не хватало только Джерри Райса, улетевшего на вертолете с Дакотой, и Элис Филмор, которую до сих пор не могли найти.

Первым мы допросили Кирка Харви. Разговор наш принял совершенно неожиданный оборот. Защищать Кирка больше было некому, и мы поначалу обращались с ним без всяких церемоний.

— Что вам известно, сучий вы потрох! — орал Дерек, тряся Харви как

грушу. — Имя, немедленно, иначе все зубы выбью! Имя убийцы! Живо!

— Но я понятия не имею, — хныкал Кирк. — Клянусь!

Дерек в припадке ярости отшвырнул его к стене. Харви рухнул на землю. Я поднял его и усадил на стул.

— А теперь говорите, Кирк, — приказал я. — Вы должны рассказать нам все. Дело зашло слишком далеко.

Кирк скривился, на глазах у него выступили слезы.

— Как Дакота? — спросил он сдавленным голосом.

— Плохо! — крикнул Дерек. — И все из-за вас!

Харви обхватил голову руками.

— Вы должны рассказать нам все, — повторил я жестко, но без агрессии. — Зачем эта пьеса? Что вам известно?

— Моя пьеса — просто жульничество, — прошептал он. — Я понятия не имею, кто убил тех четырех человек.

— Но вы знали, что в тот вечер, 30 июля 1994 года, убийца метил в Меган Пейделин, а не в Гордона?

Он кивнул:

— В октябре девяносто четвертого, когда полиция штата пришла к выводу, что убийцей был Тед Тенненбаум, у меня все-таки оставались сомнения. Ведь Островски мне сказал, что видел за рулем фургона Тенненбаума Шарлотту, и для меня это было необъяснимо. Но я бы не стал копать дальше, если бы через несколько дней мне не позвонили соседи Гордонов. Они обнаружили на створке двери своего гаража два следа от пуль. Следы были неочевидные, они их заметили только потому, что решили покрасить дверь. Я выехал на место, извлек из стены две пули и обратился напрямую к криминалистам полиции штата с просьбой сравнить их с пулями, извлеченными из жертв. Пули оказались из одного оружия. Судя по траектории, стреляли из парка. В тот момент я все и понял: целили в Меган. Убийца стрелял в нее в парке, промахнулся, она побежала по направлению к дому мэра, видимо за помощью, но он ее догнал и пристрелил. А потом убил Гордонов, потому что они были свидетелями преступления.

Я поразился, насколько прозорливым полицейским был Харви.

— Почему нам об этом не было известно? — спросил Дерек.

— Я пытался тогда с вами связаться, но безуспешно, — оправдывался Харви. — Я звонил и тебе, и Розенбергу в отделение полиции штата, но мне сказали, что у вас несчастный случай и вы пока на больничном. Когда я сказал, что это касается четверного убийства, мне объяснили, что дело закрыто. Тогда я поехал к вам домой. У тебя, Дерек, меня выставила вон

какая-то молодая женщина, просила больше не приезжать и оставить тебя в покое, особенно с разговорами об этом деле. Потом я ходил к Джесси, звонил в дверь, но мне никто не открыл!

Мы с Дерекком переглянулись. Как же мы в свое время прокололись с этим делом!

— Что вы делали потом? — спросил Дерек.

— Пффф! Это было хрен знает что. В двух словах: Шарлотту Браун видели за рулем фургона Теда Тенненбаума в момент убийства, но полиция штата официально считала убийцей Тенненбаума, а я был убежден, что вышла ошибка с главной жертвой. В довершение всего я ни с кем не мог об этом поговорить: коллеги из полиции Орфеа меня в упор не видели с тех пор, как я выдумал, что у моего отца рак, и взял отпуск, а двое из полиции штата, которые вели расследование — то есть вы, — были недоступны. Вот уж непруха так непруха. Тогда я попытался распутать дело в одиночку. Поинтересовался, не случилось ли в последнее время в округе других убийств. Убийств не было. Единственная подозрительная смерть — какой-то тип на ровном месте разбился на мотоцикле в Риджспорте. С этим стоило разобраться поподробнее. Я связался с дорожной полицией, расспросил полицейского, занимавшегося ДТП, и узнал, что к нему приходил с вопросами агент из АТО. Тогда я связался с этим агентом АТО, и тот сказал, что погибший мотоциклист — неуловимый криминальный авторитет, и ему кажется, что убится тот не без посторонней помощи. Тут я испугался, что влезу в какие-то грязные мафиозные разборки, и решил поговорить с коллегой, Льюисом Эрбаном. Назначил ему встречу, но Льюис так и не пришел. Я остался совершенно один с делом, с которым не мог справиться. И тогда я решил исчезнуть.

— Потому что вы испугались того, что вам открылось?

— Нет, потому что я был совсем один! Вообще один, понимаете? И меня уже достало это одиночество. Я сказал себе, что, если я пропаду, люди забеспокоятся. Или захотят выяснить, почему я вдруг ушел из полиции. Знаете, где я был первые две недели после своего «исчезновения»? Дома! В своем собственном доме. Но никто не пришел. Даже соседи. Ни-кто. Я торчал в четырех стенах, никуда не выходил, даже в магазин. Ни одного звонка. Единственным, кто ко мне зашел, был отец, он мне принес что-то из еды. Мы с ним несколько часов сидели на диване в гостиной. Молча. Потом он спросил: «И чего мы ждем?» Я ответил: «Кого-нибудь, только не знаю кого». В конце концов я решил уехать на другой конец страны и начать жизнь заново. Сказал себе, что это возможность целиком посвятить себя новой пьесе. А что может быть лучше, чем детективный сюжет о деле,

которое, на мой взгляд, осталось нераскрытым? Однажды ночью, перед тем как окончательно уехать, я тайком пробрался к себе на службу — ключи у меня остались — и забрал досье с расследованием убийства.

— Но почему вы оставили вместо досье записку: «Здесь начинается Черная ночь»? — спросила Анна.

— Потому что я уезжал с мыслью, что однажды, когда распутаю это дело, вернусь в Орфеа и открою людям правду. Расскажу все в форме пьесы, которая будет иметь шумный успех. Орфеа я покидал униженным и отверженным и твердо решил вернуться сюда героем, поставить «Черную ночь».

— Почему вы взяли то же название? — спросила Анна.

— Потому что так я собирался натянуть нос всем, кто меня унижал. «Черной ночи» в изначальном варианте больше не существовало: коллеги-полицейские уничтожили все черновики, все рукописи, которые я бережно хранил в кабинете, — наказали меня за вранье про рак отца. А единственный уцелевший экземпляр, который я отдал в книжный магазин, оказался в руках Гордона.

— Откуда вы об этом узнали? — спросил я.

— Мне сказала как раз Меган Пейделин, она работала в книжном. Она же мне и предложила оставить экземпляр пьесы в отделе местных авторов. Туда иногда заходили голливудские звезды, мало ли, вдруг кто известный прочтет и ему понравится. Но в середине июля, после того как коллеги подложили мне свинью, я хотел забрать текст из магазина, а Меган сказала, что его недавно купил Гордон. Я пошел к нему и попросил вернуть, но он утверждал, что моей пьесы у него нет. Думаю, он хотел мне насолить, ведь он читал пьесу, она ему страшно не понравилась, он ее даже порвал у меня на глазах! Зачем покупать ее в магазине, если не для того, чтобы мне нагадить? В общем, покидая Орфеа, я хотел доказать, что для искусства нет никаких преград. Можете его жечь, охаивать, запрещать, подвергать цензуре — оно все равно воскреснет! Думаете, вы меня уничтожили? Хрен вам, я силен, как никогда. Вот как я себе все представлял. Поручил отцу продать дом и переселился в Калифорнию. На деньги от продажи я мог какое-то время продержаться. Снова погрузился в досье, но все время ходил по кругу. И чем меньше понимал в этом деле, тем больше оно меня занимало.

— То есть вы все это обдумываете целых двадцать лет? — спросил Дерек.

— Да.

— И к чему вы пришли?

— Ни к чему. С одной стороны, разбившийся мотоциклист, с другой — Меган. Вот и все, что у меня есть.

— Думаете, Меган расследовала аварию с Джеремайей Фолдом и за это ее убили?

— Не имею представления. Это я придумал для пьесы. Говорил себе, что выйдет отличная первая сцена. А что, действительно есть какая-то связь между Меган и аварией?

— В том-то и вопрос, — ответил я. — Мы, так же как и вы, уверены, что смерть Меган и смерть Джеремайи Фолда связаны, но между Меган и Джеремайей, похоже, никакой связи нет.

— Вот видите, — вздохнул Кирк, — в самом деле что-то странное.

Теперешний Кирк Харви совершенно не походил на полоумного несносного режиссера, каким он был последние две недели. Зачем было играть эту роль? Зачем эта пьеса без начала и конца? Зачем эти дикие выходы? Когда я задал ему этот вопрос, он удивился, словно речь шла о чем-то самоочевидном:

— Да чтобы жить, Розенберг! Существовать! Чтобы на меня, наконец, посмотрели! Обратили на меня внимание! Я понял, что никогда не раскрою это дело. Я был на дне. Жил в трейлере, без семьи, без друзей. Разве что манил отчаявшихся актеров отблесками недостижимой славы. Что бы со мной случилось дальше? Когда Стефани Мейлер приехала ко мне в Лос-Анджелес, у меня забрезжила надежда закончить пьесу. Я ей рассказал все, что знал, думал, и она поступит так же.

— Значит, Стефани Мейлер знала, что главной жертвой была Меган Пейделин?

— Да. Я же ей об этом и рассказал.

— И что ей было известно?

— Не знаю. Она поняла, что я не знаю, кто убийца, и тут же собралась уходить. Сказала: «Не могу терять время». Я требовал, чтобы она хотя бы поделилась со мной своими сведениями, но она отказалась. Мы слегка повздорили в «Белуге». Я пытался ее удержать, схватился за сумку, и из нее все вылетело на пол. Бумаги, связанные с расследованием, зажигалка, брелок с таким смешным большим желтым шариком. Я помог ей собрать вещи, попытался при этом заглянуть в ее заметки. Но безуспешно. А потом появился ты, любезный Розенберг. Сперва я не собирался ничего тебе рассказывать, меня уже один раз обвели вокруг пальца. А потом подумал, что, быть может, это мой последний шанс вернуться в Орфея и сыграть на открытии фестиваля.

— Без готовой пьесы?

— Мне просто нужна была минута славы. Все остальное не важно. И я ее получил. Обо мне говорили целых две недели. Я был в центре внимания, обо мне писали в газетах, я командовал актерами и делал с ними все, что хотел. Выпустил на сцену великого критика Островски в трусах, заставил его вопить на латыни — ведь он столько гадостей наговорил в 1994 году про мое представление. И с этим гадом Гулливером, так унижавшим меня в девяносто четвертом, проделал то же самое. Его тоже надо было видеть — почти голый, с чучелом росомахи в обнимку. Я отомстил, меня уважали. Я жил полной жизнью.

— Но объясните, Кирк, что вы задумали в конце спектакля? Там же одни пустые страницы.

— За конец я не волновался. Я думал, вы найдете убийцу до открытия фестиваля. Я на вас рассчитывал. Я бы тогда просто объявил его имя, и так уже известное, и пожаловался, что вы все испортили.

— Но мы его не нашли.

— На этот случай я собирался оставить Дакоту на сцене и повторил бы «Пляску смерти». Унижал бы Островски и Гулливера часами. Мог затягивать пьесу до бесконечности, хоть до середины ночи. Я был готов на все.

— Но вас бы сочли кретином, — заметила Анна.

— Не большим, чем Браун. Его фестиваль пошел бы ко дну, люди бы потребовали вернуть деньги за билеты. Он бы потерял лицо, и его бы не выбрали на новый срок.

— То есть все это было для того, чтобы ему напакостить?

— Все это было для того, чтобы не быть одному. Ведь, по сути, «Черная ночь» — это мое бездонное одиночество. Но все, что у меня получилось, — это нагадить людям. А теперь еще и эта чудная девочка Дакота между жизнью и смертью, и все из-за меня.

Мы помолчали. Потом я сказал:

— Кирк, вы были правы от начала до конца. Мы нашли вашу пьесу. Гордон хранил ее в банковском сейфе. А внутри закодировано имя Джеремайи Фолда, погибшего мотоциклиста. Значит, должна быть какая-то связь между Джеремайей, Гордоном и Меган Пейделин. Вы все поняли, Кирк. Все кусочки пазла были у вас в руках. Теперь надо просто собрать их вместе.

— Позвольте мне вам помочь, — попросил Кирк. — Я так хочу все поправить.

Я кивнул:

— При одном условии: вы ведете себя прилично.

— Обещаю, Джесси.

Для начала нам надо было понять, что же произошло накануне вечером в Большом театре.

— Я стоял сбоку от сцены, смотрел на Дакоту, — сказал Кирк. — Рядом были Элис Филмор и Джерри Райс. Вдруг раздались выстрелы, Дакота упала. Мы с Джерри бросились к ней, потом подбежала Шарлотта.

— Вы видели, откуда стреляли? — спросил Дерек. — Из первого ряда? От края сцены?

— Понятия не имею. Свет в зале был выключен, а на нас светили прожекторы. Так или иначе, стреляли со стороны публики, это точно, потому что Дакоту ранили в грудь, а она стояла лицом к залу. Вот чего я не могу понять, это как при таких драконовских мерах безопасности в зал сумели пронести оружие.

В попытке ответить на этот вопрос мы, прежде чем допрашивать других членов труппы, собрались с майором Маккенной, Монтейном и Брауном в конференц-зале, подвести первые итоги.

Пока у нас не имелось никаких примет стрелка. Совсем никаких. Камер в Большом театре не было, опрошенные зрители ничего не видели. Все повторяли одно и то же: в момент выстрелов в зале стояла полная темнота.

— Там была черная ночь, потом раздались два выстрела, девушка рухнула, а потом началась общая паника. Как себя чувствует бедная актриса?

Ничего нового мы не узнали.

Маккенна сообщил, что ни в зале, ни на окрестных улицах оружия не нашли.

— Стрелявший воспользовался паникой, удрал из театра и где-то избавился от оружия.

— Перекрыть выходы было невозможно, — добавил Монтейн, словно оправдываясь. — Люди бы передавали друг друга, могли быть жертвы. Никому в голову не приходило, что опасность кроется внутри, зал был надежно защищен.

Но именно в этом пункте, несмотря на отсутствие фактов, мы довольно серьезно продвинулись вперед.

— Как мог вооруженный человек проникнуть в Большой театр? — спросил я.

— Сам не понимаю, — ответил Маккенна. — Парни на рамках имеют большой опыт весьма важных мероприятий. Они обеспечивают безопасность на международных конференциях, парадах, во время визитов

в Нью-Йорк главы государства. Процедура очень строгая: зал предварительно обыскивают с собаками, натасканными на взрывчатку и огнестрельное оружие, потом ставят под наблюдение. Ночью туда никто не мог пробраться. А потом и публику, и трупку на входе в зал пропускали через металлодетекторы.

Что-то мы явно упустили. Нам надо было понять, как оружие оказалось в зале. Чтобы разобраться, Маккенна позвал офицера полиции штата, ответственного за безопасность зала. Тот слово в слово повторил процедуру, описанную майором.

— Зал обыскали и поставили под наблюдение, — сказал офицер. — Я бы туда президента Соединенных Штатов пропустил.

— А потом все проходили досмотр? — спросил Дерек.

— Все без исключения, — заверил офицер.

— А нас не досматривали, — заметила Анна.

— Полицейских по предъявлении жетона не обыскивали, — согласился офицер.

— И много их было в зале? — поинтересовался я.

— Нет, капитан, горстка копов в штатском, наши парни. Просто перемещались между залом и улицей, проверяли, все ли в порядке.

— Джесси, ты еще скажи, что теперь подозреваешь полицейского, — заволновался Маккенна.

— Я просто хочу понять, вот и все, — ответил я и попросил полицейского самым подробным образом описать процедуру обыска.

Он ради максимальной точности пригласил шефа кинологов, и тот рассказал, как они действовали:

— Мы работали по трем зонам: фойе, зал и кулисы, включая гримерки. Зоны мы всегда осматриваем по очереди, чтобы не путаться друг у друга под ногами. В зале репетировали актеры, поэтому мы начали с кулис и гримерок. Это самый большой кусок, там довольно большое подвальное помещение. Покончив с ним, мы попросили актеров прервать репетицию, пока будем обыскивать зал, чтобы собаки не отвлекались.

— Где были в этот момент актеры? — спросил я.

— За кулисами. Потом их пропустили в зал, но через металлодетектор, чтобы зона оставалась безопасной. То есть они могли без проблем перемещаться между зонами.

Дерек хлопнул себя по лбу:

— Актеров обыскивали в день спектакля, когда они приехали в Большой театр?

— Нет. Но все их сумки в гримерке обнюхали собаки, а потом они

проходили через металлодетектор.

— Но если кто-то из актеров прибыл в Большой театр с оружием, — сказал Дерек, — и держал его при себе во время репетиции, пока вы обыскивали гримерки, он мог, пока вы обыскивали зал, зайти в уже обысканную гримерку и оставить оружие там, ведь гримерка уже считалась безопасной зоной. А потом мог вернуться в зал и без проблем пройти через металлодетектор.

— Да, в таком случае собаки ничего бы не заметили. Обнюхивать актеров мы их не заставляли.

— Значит, вот как пронесли оружие, — сказал я. — Все произошло накануне. О мерах безопасности было объявлено в прессе, у стрелка было время все предусмотреть. Оружие уже было в Большом театре. Стрелку вчера оставалось только забрать его в своей гримерке, перед началом спектакля.

— Значит, стрелял кто-то из актеров? — испуганно спросил Браун.

— Вне всякого сомнения, — кивнул Дерек.

Стрелок был здесь, в соседнем помещении. Прямо у нас перед глазами.

Для начала мы проверили всех актеров на следы пороха, но не обнаружили их ни у кого ни на руках, ни на одежде. Обследовали сценические костюмы, отправили полицейских обыскать их гримерки, номера в гостинице и жилье. Снова напрасно. Впрочем, если человек в момент выстрела был в перчатках или даже в пальто, мы и не могли ничего найти. К тому же у стрелка было время и избавиться от оружия, и переодеться, и принять душ.

Кирк говорил, что в момент выстрелов с ним были Элис и Джерри. С Джерри мы смогли связаться по телефону. Дакота уже несколько часов находилась в операционной, новостей о ней не было. Но он подтвердил, что Элис и Кирк были с ним в тот момент, когда в его дочь стреляли. На свидетельство Джерри Райса мы могли положиться полностью: он никак не был связан с событиями 1994 года, и вряд ли можно было вообразить, что он вздумает напасть на дочь. Это позволяло сразу вычеркнуть из списка подозреваемых Кирка и Элис Филмор.

Затем мы целый день допрашивали остальных актеров. Безуспешно. Никто ничего не видел. На вопрос, где они находились в момент выстрелов, каждый утверждал, что где-то за кулисами, поблизости от Кирка Харви. Но при этом никто не помнил, видел ли кого-то другого. Настоящая головоломка.

Время близилось к вечеру, а мы по-прежнему топтались на месте.

— Как это у вас ничего нет? — рассердился Маккенна, когда мы доложили ему о ситуации.

— Следов пороха ни на ком нет. И никто ничего не видел, — ответил я.

— Но мы же знаем, что, скорее всего, стрелял кто-то из них!

— Понимаю, майор. Но фактов никаких. Ни малейшей зацепки. Они словно покрывают друг друга.

— Вы всех допросили?

— Всех, кроме Элис Филмор.

— А эта где?

— Ее пока не нашли, — ответил Дерек. — Телефон у нее выключен. Стивен Бергдорф говорит, что из театра они вышли вместе и что она была в полнейшей панике. Вроде бы говорила, что возвращается в Нью-Йорк. Но Джерри Райс утверждает, что она вне подозрений. Они с ней и с Харви были вместе в момент выстрелов. Хотите, все-таки свяжемся с департаментом полиции Нью-Йорка?

— Нет, — ответил майор, — если она ни при чем, то не надо. У вас хватает дел с теми, кто при чем.

— Что будем делать с остальной трупой? — спросил я. — Мы их здесь уже двенадцать часов держим.

— Если против них ничего нет, отпускайте. Другого выхода нет. Но скажите им, чтобы не покидали штат Нью-Йорк.

— Про Дакоту что-нибудь известно, майор? — спросила Анна.

— Операция закончилась. Хирурги извлекли две пули и постарались защитить поврежденные органы. Но она потеряла много крови, пришлось ввести ее в искусственную кому. Врачи боятся, что она не доживет до утра.

— Вы не могли бы попросить, чтобы пули отправили на анализ? — спросил я.

— Попрошу, если хочешь. Зачем?

— Выяснить, не из полицейского ли они револьвера.

Повисла долгая пауза. Потом майор поднялся со стула и распустил нас:

— Ступайте отдохните. У вас вид как у мертвецов.

Вернувшись домой, Анна обнаружила неприятный сюрприз. На крыльце сидел Марк, ее бывший муж.

— Марк? Что тебе здесь нужно?

— Мы все смертельно переволновались, Анна. По телевизору только и говорят, что о стрельбе в Большом театре. Ты не отвечала ни на звонки, ни на сообщения.

— Только тебя мне не хватало, Марк. Спасибо, со мной все хорошо. Можешь возвращаться обратно.

— Когда я узнал, что тут произошло, мне вспомнился ювелирный магазин Сабара.

— Ой, только не начинай, пожалуйста!

— Твоя мать говорит то же, что и я!

— Ну так тебе надо было жениться на ней, вы прямо-таки созданы друг для друга.

Марк по-прежнему сидел, давая понять, что уходить не собирается. Измученная Анна рухнула рядом.

— Я думал, ты переехала в Орфеа, чтобы наслаждаться жизнью в городе, где ничего не происходит, — сказал он.

— Так и есть, — ответила Анна.

Он горько усмехнулся:

— Можно подумать, ты тогда поступила в Нью-Йорке в это спецподразделение, только чтобы меня изводить.

— Прекрати строить из себя жертву, Марк. Когда мы познакомились, я уже работала в полиции, ты это прекрасно знал.

— Это правда, — согласился Марк. — И должен сказать, что мне в тебе нравилось и это. Но тебе никогда не приходило в голову хоть на секунду представить себя на моем месте? В один прекрасный день я встречаю невероятную женщину — блистательную, красивую как не знаю что, веселую. И мне даже выпадает счастье стать ее мужем. Но эта великолепная женщина каждый день отправляется на работу в бронжилете. И когда она выходит за порог квартиры со своим полуавтоматическим пистолетом на поясе, я всякий раз спрашиваю себя, увижу ли ее живой. При каждом сигнале сирены, каждой тревоге, каждый раз, когда по телевизору говорят, что где-то стреляют или случилось какое-то ЧП, я спрашиваю себя, не там ли она. А когда раздается звонок в дверь, то кто это? Сосед пришел попросить соли? Или это она забыла ключи? Или, может, это офицер в форме явился мне сказать, что жена погибла при исполнении служебных обязанностей? А какая берет тоска, когда она вечером задерживается! И какая гложет тревога, когда она не перезванивает, хотя я оставил ей уже несколько сообщений! А эти дежурства, из-за которых она ложится спать, когда я встаю, вся жизнь вверх ногами! А ночные вызовы, уходы посреди ночи! И сверхурочные! И работа в выходные! Вот чем была моя жизнь с тобой, Анна.

— Довольно, Марк!

Но он явно не собирался останавливаться:

— Хочу спросить тебя, Анна. Когда ты от меня уходила, ты хоть на миг поставила себя на мое место? Попыталась понять, что я пережил? Когда мы должны были встретиться после работы и поужинать в ресторане, у мадам в последнюю минуту стряслось что-то срочное, я прождал несколько часов и вернулся домой голодным. А сколько раз ты говорила «Еду», но так и не появлялась, потому что дело затягивалось. Ну неужели так трудно было хоть раз, в виде исключения, передать дело кому-нибудь из тысяч полицейских, входящих в этот долбаный департамент полиции, и поужинать со мной? Потому что пока мадам Анна спасала всех на свете, все восемь миллионов обитателей Нью-Йорка, я себя чувствовал пятой спицей в колеснице, мной занимались в последнюю очередь! Полиция украла у меня жену!

— Нет, Марк, — возразила Анна, — это ты меня потерял. Это ты не сумел меня удержать!

— Дай мне еще один шанс, умоляю.

Анна долго колебалась, прежде чем ответить:

— Я встретила другого человека. Очень хорошего человека. По-моему, я влюблена. Прости.

Повисло ледяное молчание. Вид у Марка был раздавленный. Он долго смотрел на нее, потом с горечью произнес:

— Наверно, ты права, Анна. Но не забывай, ты очень изменилась после того, что произошло в ювелирном магазине. И этого могло не быть! В тот вечер я не хотел, чтобы ты туда ехала! Я тебя просил не отвечать на этот чертов звонок, помнишь?

— Помню.

— Если бы ты не поехала в этот магазин, если бы раз в жизни послушала меня, мы бы до сих пор были вместе.

Анна Каннер

Это случилось вечером 21 сентября 2012 года.

Вечер, когда рухнуло все.

Вечер, когда вооруженный налетчик напал на ювелирный магазин Сабара.

Я неслась сломя голову по Манхэттену на своей немаркированной машине. Магазин находился на 57-й улице. Квартал был полностью оцеплен.

Шеф сидел в грузовике, служившем командным пунктом.

— Налетчик один, — пояснил он, когда я подъехала, — и как с цепи

сорвался.

— Один? — удивилась я. — Редкий случай.

— Да. Он, похоже, нервничает. Кажется, захватил владельца магазина и двух его дочек десяти и двенадцати лет, прямо дома, они живут в том же здании. Приволок их в магазин. Видимо, надеялся, что найдут их только завтра. Но мимо проходил пеший патруль, они удивились, увидев внутри свет, и подняли тревогу. Чутье их не подвело.

— Значит, один налетчик и трое заложников?

— Да, — кивнул шеф. — Кто налетчик, непонятно. Знаем только, что мужчина.

— И сколько это продолжается? — спросила я.

— Уже три часа. Ситуация близка к критической. Налетчик требует, чтобы мы не подходили близко, визуального наблюдения нет, штатный переговорщик ничего не может добиться. Даже телефонного разговора. Поэтому я и попросил тебя приехать. Подумал, может, у тебя что-нибудь получится. Прости, что выдернул тебя в выходной.

— Не берите в голову, шеф, это моя работа.

— Твой муж меня скоро возненавидит.

— Обойдется. Как вы хотите действовать?

Особого выбора у нас не было: в отсутствие телефонной связи я должна была установить личный контакт, то есть подойти к магазину. Раньше я такого не делала.

— Я знаю, что у тебя это первый раз, Анна, — сказал шеф. — Если ты не в состоянии, скажи, я более чем пойму.

— Я это сделаю, — заверила я.

— Ты будешь нашими глазами, Анна. К твоему каналу подключены все. В здании напротив сидят снайперы. Если что-то увидишь, скажи. Они сменяют позиции, если нужно.

— Отлично, — сказала я, поправляя бронежилет.

Шеф хотел, чтобы я надела пуленепробиваемый шлем, но я отказалась. В шлеме контакт не установишь. Я ощущала, как приливает адреналин, как колотится сердце. Мне было страшно. Хотелось позвонить Марку, но я удержалась. Мне хотелось просто услышать его голос, а не обидные комментарии.

Я миновала оцепление и двинулась одна по пустынной улице, с мегафоном в руках. Вокруг стояла полная тишина. Я остановилась метрах в десяти от магазина и через рупор объявила о себе.

Через несколько секунд в дверном проеме показался мужчина в черной кожаной куртке, с балаклавой на голове. В руках у него был револьвер, он

держал на мушке одну из девочек — с завязанными глазами и залепленным скотчем ртом.

Он потребовал, чтобы все разошлись и дали ему уйти. Заложницу он держал перед собой и все время двигался, затрудняя работу снайперам. В наушнике я слышала, как шеф дает разрешение открыть огонь, но снайперам не удавалось как следует прицелиться. Налетчик быстро оглядел улицу и окрестности, видимо оценивая варианты бегства, затем скрылся в магазине.

Что-то было не так, но я не сразу это поняла. Почему он показался? Он был один. Зачем подвергать себя риску получить пулю, вместо того чтобы выдвинуть требования по телефону?

Прошло еще минут двадцать, и вдруг дверь ювелирного магазина с шумом распахнулась. Снова появилась девочка с завязанными глазами и кляпом во рту. Она двигалась вслепую, нащупывая ногой землю, до меня доносились ее стоны. Я хотела подойти к ней, но внезапно в дверях показался налетчик в кожаной куртке и балаклаве, с оружием в обеих руках.

Я отшвырнула мегафон и выхватила револьвер.

— Бросай оружие! — приказала я.

Снайперы его пока не видели, его скрывало углубление витрины.

— Анна, что происходит? — спросил шеф по радио.

— Он выходит, — ответила я. — Открывайте огонь, если он в поле видимости.

Снайперы утверждали, что пока его не видят. Я по-прежнему целила в него, направив револьвер ему в голову. Девочка была впереди, в нескольких метрах. Я не понимала, что он задумал. Внезапно он начал размахивать револьверами и сделал резкое движение в мою сторону. Я нажала на курок. Пуля попала ему в голову, он рухнул.

Звук выстрела громом отозвался у меня в ушах. Поле зрения сузилось. Радио стало потрескивать. За моей спиной немедленно появились спецподразделения. Я пришла в себя. Девочку сразу отвели в безопасное место, а я бросилась в магазин следом за цепью вооруженных до зубов полицейских в шлемах. На полу мы обнаружили вторую девочку, связанную, с завязанными глазами и кляпом во рту, но живую и невредимую. Вынесли ее и стали обыскивать помещение в поисках владельца магазина. Его мы обнаружили в кабинете, когда вышибли дверь. Он лежал на полу: руки связаны кабельной стяжкой, рот и глаза заклеены липкой лентой. Я освободила его, он стал корчиться, держась за левую руку. Сначала я решила, что он ранен, но поняла, что у него сердечный

приступ. Немедленно вызвала скорую, и в следующие минуты ювелира повезли в больницу. Девочками занялись врачи.

Перед магазином полицейские суетились вокруг распростертого на асфальте тела. Я подошла к ним. И вдруг услышала удивленный голос коллеги:

— Я что, сплю? У него револьверы прикручены к рукам скотчем.

— Но... это бутафорское оружие, — добавил другой.

Мы стянули балаклаву, скрывавшую лицо: рот его был заклеен толстым слоем скотча.

— Что это значит? — вскрикнула я.

У меня возникло страшное подозрение; я схватила телефон и вбила в поисковик имя ювелира. На дисплее появилось фото, и я еле устояла на ногах.

— Блин, он как две капли воды похож на ювелира, — произнес кто-то из коллег, взглянув на дисплей.

— Это и есть ювелир! — заорала я.

— Если это ювелир, то где налетчик? — спросил кто-то из полицейских.

Вот почему он рискнул выйти и показаться. Чтобы я видела его кожаную куртку и балаклаву. Затем он заставил Сабара их надеть, примотал ему скотчем револьверы к рукам и вынудил выйти, угрожая заняться второй девочкой. Затем бросился в кабинет, заперся там, заклеил себе глаза и рот клейкой лентой, просунул руки в стяжку, чтобы его приняли за ювелира, и с полными карманами драгоценностей отправился в больницу.

Его план увенчался полным успехом: когда мы с крупными силами полиции прибыли в клинику, куда его доставили якобы с сердечным приступом, он загадочным образом исчез из приемного покоя. Двое полицейских, сопровождавших его в машине, рассеянно болтали в коридоре и не имели ни малейшего понятия, куда он делся.

Налетчика так и не опознали и не нашли. Я убила невинного человека. Совершила худшее, что может случиться с офицером спецподразделения, — убила заложника.

Все уверяли меня, что я ни в чем не ошиблась, что они бы действовали точно так же. Но все равно эта сцена раз за разом прокручивалась у меня в голове.

— Он не мог говорить, — твердил мне шеф, — не мог сделать ни единого жеста так, чтобы не угрожать оружием. Он ничего не мог. Он был обречен.

— По-моему, когда он дернулся, он собирался лечь на землю, показывая, что сдается. Если б я выждала еще секунду, он бы успел. И был бы сейчас жив.

— Анна, если бы перед тобой был настоящий налетчик, то за эту секунду ты бы точно получила пулю в голову.

Больше всего меня задевало, что Марк никак не мог ни понять, ни посочувствовать. Не зная, как одолеть мою тоску, он только и делал, что вспоминал тот вечер и твердил:

— Господи, Анна, если бы ты тогда не поехала... У тебя же был выходной! Нечего было отвечать на этот звонок! Но тебе же вечно больше всех надо...

По-моему, он не мог себе простить, что не сумел тогда меня удержать. Он видел, что я расстроена и подавлена, и злился. Меня отправили в отпуск, но я не знала, чем себя занять. Сидела дома, погрузившись в свои черные мысли. У меня ни на что не было сил. Марк пытался меня отвлечь, предлагал пойти гулять, или побегать, или отправиться в музей. Но ему не удавалось подавить снедавший его гнев. Когда мы пили капучино в кафетерии музея Метрополитен, я сказала:

— Каждый раз, когда я закрываю глаза, передо мной встает этот человек с двумя револьверами. Я не вижу, что руки у него замотаны скотчем, вижу только его глаза. И в них страх. Но он не подчиняется. Перед ним девочка с завязанными глазами...

— Анна, давай не здесь, мы все-таки пришли отвлечься. Как ты переключишься, если только про это и говоришь?

— Блин, Марк! — закричала я. — Я в этом живу!

Я не только повысила голос, но и в придачу резко дернулась, опрокинув чашку. За соседними столиками все смотрели на нас. Я устала.

— Сейчас схожу принесу тебе еще, — примирительно сказал Марк.

— Да нет, не стоит... По-моему, мне надо пройтись. Немножко побыть одной. Пойду в парк, увидимся дома.

Задним числом я понимаю: главная проблема Марка была в том, что он не хотел об этом говорить. Но мне не нужно было его мнение, его одобрение; мне просто хотелось, чтобы кто-нибудь меня выслушал, а он пытался делать вид, что ничего не случилось — или что все забыто.

Мне нужно было говорить, говорить свободно. По совету психолога я стала разговаривать с коллегами. Они все отнеслись ко мне очень внимательно: с кем-то я ходила в бар поболтать и выпить, кто-то звал меня к себе домой на ужин. От такого общения мне становилось легче, но, к несчастью, Марк вбил себе в голову, что у меня роман с кем-то из нашего

Знаете ли вы жемчужину под названием Орфеа, скрытую в Хэмптонах? Райский городок, где воздух кажется чище, а жизнь — слаще, чем где бы то ни было? И где каждый год проходит театральный фестиваль, главный спектакль которого всегда отменного качества и с изюминкой? [...]

Город сам по себе заслуживает того, чтобы его увидеть. Его главная улица — истинная сокровищница тишины и покоя. Его кафе и рестораны прекрасны и уютны, магазины так и манят зайти. Все здесь дышит динамикой и удовольствием. [...] Поселитесь по возможности в «Палас дю Лак», великолепнейшей гостинице чуть в стороне от города, на берегу роскошного озера и чарующего леса. Вы почувствуете себя словно в кино. Услужливый персонал, просторные, со вкусом отделанные номера, изысканный ресторан. Единожды оказавшись в этом месте, невозможно его покинуть.

Я взяла несколько дней отпуска на время фестиваля, забронировала номер в «Палас дю Лак» и поехала в Орфеа. В статье все оказалось правдой: я обнаружила рядом с Нью-Йорком волшебный, защищенный мир, где мне бы хотелось жить. Я поддалась чарам его узеньких улочек, его кинотеатра, его книжного магазина. Орфеа показался мне городом мечты, где можно изменить не только обстановку, но и жизнь.

Однажды утром я сидела на скамейке на набережной, любовалась океаном и вдруг увидела вдалеке нечто похожее на взметнувшийся над водой фонтан кита. Мне захотелось поделиться с кем-нибудь этим открытием, и я призвала в свидетели мужчину, совершавшего пробежку.

— Что случилось? — спросил он.

— Кит, там кит!

Красивый мужчина лет пятидесяти. Его явно позабавил мой восторг:

— Их тут часто видят.

— Я здесь раньше никогда не была, — объяснила я.

— Откуда вы приехали?

— Из Нью-Йорка.

— Не то чтобы издалека, — заметил он.

— Да, это близко, и все же так далеко, — ответила я.

Он улыбнулся, и мы немного поболтали. Его звали Алан Браун, он был мэром города. Я в двух словах рассказала ему, что переживаю непростой момент в жизни и хотела бы начать все сначала.

— Анна, — сказал мне Алан, — я хочу вас о чем-то попросить. Не подумайте чего дурного, я женат и не собираюсь к вам приставать. Но вы не хотите сегодня прийти к нам на ужин? Мне бы хотелось с вами кое о чем поговорить.

В тот вечер я ужинала с мэром Брауном и его женой Шарлоттой. Дом у них был очень симпатичный. Красивая пара, она, должно быть, чуть младше его. Она была ветеринаром, открыла маленькую лечебницу, дела в которой шли очень хорошо. Детей у них не было, я не стала задавать лишних вопросов.

Истинную причину приглашения мэр раскрыл только за десертом:

— Анна, мой шеф полиции через год выходит в отставку. Помощником у него довольно глупый парень, он мне не очень нравится. У меня большие планы на этот город, и я хочу, чтобы этот пост занял человек, на которого я могу положиться. Мне кажется, что вы — идеальный кандидат.

Я на минуту задумалась, и мэр добавил:

— Только должен вас предупредить, у нас очень спокойный город. Это не Нью-Йорк...

— Тем лучше, — ответила я. — Мне как раз не хватает покоя.

Назавтра я приняла предложение Брауна. Вот так в один прекрасный сентябрьский день 2013 года я и переехала в Орфеа. В надежде начать жизнь заново. А главное, снова обрести себя.

Джесси Розенберг

Понедельник, 28 июля 2014 года

Спустя два дня после открытия фестиваля

По прошествии полутора суток после фиаско премьерного спектакля театральный фестиваль в Орфеа был официально отменен. СМИ по всей стране бушевали. Особенно жестокие обвинения сыпались на полицию, не сумевшую защитить жителей. После убийства Стефани Мейлер и Коди Иллинойса драма со стрельбой в Большом театре переполнила чашу терпения: какой-то убийца терроризировал Хэмптоны, население волновалось. Отели во всей округе пустели, клиенты один за другим отменяли бронь, отдыхающие отказывались сюда ехать. Повсюду царил паника.

Губернатор штата Нью-Йорк был в бешенстве и изъяснил свое неудовольствие публично. Браун лишился поддержки населения, а майор Маккенна и прокурор получили разнос от начальства. Они решили встретить огонь критики с открытым забралом и дать прямо сегодня утром пресс-конференцию в мэрии. Я считал, что ничего хуже придумать нельзя: на данный момент нам нечего было сказать журналистам, зачем лишний раз подставляться?

В коридорах мэрии мы с Анной и Дерекком до последней минуты пытались их убедить отказаться на время от публичных заявлений, но тщетно.

— Проблема в том, что пока вы журналистам ничего конкретного объявить не можете, — объяснял я.

— Потому что вы не удосужились найти что бы то ни было! — гремел помощник прокурора. — С самого начала этого расследования!

— Нам нужно еще немного времени, — защищался я.

— Времени у вас было более чем достаточно! — возразил помощник прокурора. — А в результате я вижу катастрофу, трупы и обезумевшее население. Вы импотенты, вот что мы заявим прессе!

Я повернулся к майору Маккенне в надежде найти поддержку:

— Майор, вы не можете взваливать всю ответственность на нас. Безопасность театра и города обеспечивали вы и Монтейн.

Майор на это неловкое замечание взвился как ужаленный.

— Это что за наглость, Джесси! — заорал он. — Кто, как не я, покрывал тебя с самого начала этого дела. Мне вчера вечером звонил губернатор, у меня уши в трубочку свернулись от его крика! Он хочет пресс-конференцию, он ее получит.

— Извините, майор.

— Мне плевать на твои извинения, Джесси. Вы с Дерекком открыли этот ящик Пандоры, так извольте закрыть его обратно.

— Майор, вы что, предпочли бы замять это все и не искать правду?

— По-моему, до тебя до сих пор не дошло, какую бурю ты поднял, снова взявшись за это дело, — вздохнул майор. — Скоро полетят головы, и не моя! Почему ты не ушел в отставку, как собирался, а? Почему не занялся своей жизнью, получив все причитающиеся почести?

— Потому что я по жизни коп, майор.

— Или по жизни остолоп. Даю вам с Дерекком время до конца недели, закрывайте дело. Если в понедельник с утра убийца не будет сидеть у меня в кабинете, я тебя уволю из полиции без пенсии, Джесси. И тебя тоже, Дерек. А теперь делайте свое дело и дайте нам делать наше. Нас ждут

журналисты.

Майор с помощником прокурора направились в конференц-зал. Браун, прежде чем последовать за ними, повернулся к Анне и произнес:

— Хочу, чтобы ты знала заранее, Анна: я сейчас официально объявлю, что новым шефом полиции Орфеа будет Монтейн.

Анна побледнела.

— Как? — задохнулась она. — Вы же сказали, что он только вриет, пока я не закончу расследование.

— Учитывая то возбуждение, какое царит в Орфеа, я должен найти официальную замену Гулливеру. И мой выбор пал на Монтейна.

— Вы не можете со мной так поступить, Алан! — У Анны на глазах стояли слезы.

— Разумеется, могу, и именно так и сделаю.

— Вы же обещали, что Гулливера сменю я. Я только поэтому и приехала в Орфеа.

— С тех пор много чего случилось. Извини, Анна.

Я решил вступить за Анну:

— Господин мэр, вы совершаете большую ошибку. Помощник шефа Каннер — один из лучших полицейских, каких я встречал за долгое время.

— И вы туда же, Розенберг! — сухо ответил Браун. — Займитесь лучше расследованием и не лезьте, куда вас не просят.

Мэр развернулся на каблуках и направился в конференц-зал.

* * *

В «Палас дю Лак», как и во всех окрестных гостиницах, царил хаос. Постояльцы в панике разбежались, директор, готовый на все, чтобы остановить исход, умолял их остаться, обещая неслыханные скидки. Но оставаться в Орфеа не хотел никто, кроме Кирка Харви, твердо решившего взять на себя ответственность и помочь распутать это дело: он воспользовался случаем и оставил за собой по сходной цене номер люкс, который мэрия больше не оплачивала. Островски поступил так же и даже выиграл втрое, перебравшись в царский номер за копейки.

Шарлотта Браун, Сэмюел Пейделин и Рон Гулливер еще накануне разошлись по домам.

В 312-м номере Стивен Бергдорф закрывал чемодан на глазах у своей жены Трейси. Она приехала вчера. Попросила подругу посидеть с детьми и

примчалась на автобусе в Хэмптоны, чтобы поддержать мужа. Она готова была простить ему измену, лишь бы все вернулось на круги своя.

— Ты уверен, что можешь уехать? — спросила она.

— Да-да. Полиция говорит, что мне просто нельзя выезжать из штата Нью-Йорк. А город Нью-Йорк находится в штате Нью-Йорк, верно?

— В самом деле, — кивнула Трейси.

— Значит, все хорошо. Поехали. Ужасно хочется домой.

Стивен подхватил чемодан и поволок за собой.

— Какой тяжелый у тебя чемодан, — сказала Трейси. — Сейчас позову носильщика, пусть отнесет его прямо в машину.

— Не надо!

— Почему?

— Я сам отнесу.

— Ну, как хочешь.

Они вышли из номера. В коридоре Трейси Бергдорф внезапно обняла мужа.

— Мне было так страшно, — прошептала она. — Люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, Трейси, милая моя. Мне тебя ужасно не хватало.

— Я тебе все прощаю! — сказала Трейси.

— Ты о чем? — спросил Стивен.

— Об этой девице, что была с тобой. Про нее написали в «Нью-Йорк таймс».

— О господи, ты что, в самом деле поверила? Трейси, ну не было никакой девицы, это все выдумки.

— Правда?

— Ну конечно! Ты же знаешь, мне пришлось уволить Островски. Он решил отомстить и наплел с три короба для «Нью-Йорк таймс».

— Какой негодяй! — рассердилась Трейси.

— Кому ты это говоришь... Бывают же на свете мелочные люди, просто ужас.

Трейси еще раз обняла мужа. Какое облегчение — узнать, что все это неправда!

— Может, задержимся здесь на одну ночь? — предложила она. — Номера так дешево стоят. Побыли бы немножко вдвоем.

— Я хочу домой, — сказал Стивен, — к детям, к моим дорогим зайчикам.

— Ты прав. Не хочешь пообедать?

— Нет, лучше поедем прямо сейчас.

Они погрузились в лифт и пересекли лобби отеля, где суетились отъезжающие. Стивен решительно направился к выходу, стараясь не встречаться глазами с администраторами на ресепшне. Он уезжал не заплатив. Надо было бежать, скорей, пока никто не стал спрашивать его про Элис. Особенно при жене.

Машина ждала его на парковке. Стивен отказался дать парковщику ключи.

— Вам помочь? — спросил кто-то из служащих, протягивая руку к чемодану.

— Нет, не надо, — отказался Стивен, ускоряя шаг. Жена шла за ним.

Он открыл машину и забросил чемодан на заднее сиденье.

— Положи его лучше в багажник, — предложила жена.

— Не желаете ли, чтобы я положил ваш чемодан в багажник? — спросил служащий, сопровождавший их к машине.

— Нет, не надо, — повторил Стивен, усаживаясь за руль. — До свидания и спасибо за все.

Жена села на переднее сиденье, он завел мотор, и они уехали. Выехав за пределы города, Стивен облегченно вздохнул. Пока никто ничего не заметил. И труп Элис в чемодане еще не начал пахнуть. Он тщательно завернул его в пищевую пленку и теперь радовался этой идее.

Трейси включила радио. Она была спокойна и счастлива. Вскоре она уснула.

На улице стояла жуткая жара. Только бы она там не протухла, думал Стивен, крепко вцепившись в руль. Все случилось так быстро, у него не было времени на размышления. Убив Элис и спрятав труп в кустах, он добежал до «Палас дю Лак», взял свою машину и вернулся на место преступления. С трудом поднял тело Элис, бросил его в багажник. Рубашка была вся в крови. Не важно, его никто не видел. Люди толпами бежали из Орфеа, вся полиция была занята в центре города. Он доехал до круглосуточного супермаркета, закупил пищевую пленку в товарном количестве, потом нашел укромное место на опушке леса и тщательно обернул все тело, уже заочневшее и холодное. Он знал, что в Орфеа избавиться от него невозможно. Его надо было вывезти в другое место, причем так, чтобы запах его не выдал. Он надеялся, что эта уловка позволит ему выгадать время.

Вернувшись в «Палас дю Лак» с Элис в багажнике, он натянул забытый в машине старый пуловер, чтобы скрыть рубашку и попасть в номер, не вызвав подозрений. Долго отмывался в душе, потом переоделся в чистое, так чтобы одежда была похожа на ту, в которой он был вечером.

Ему даже удалось немного поспать. Внезапно он подскочил в постели. Надо было избавиться от вещей Элис. Он взял ее чемодан, сложил туда все ее вещи и снова вышел из отеля, надеясь, что никто не заметит его метаний. Но в отеле царил такой переполох, что на него никто не обращал внимания. Он снова сел в машину и разбросал вещи Элис, включая одежду, по мусорным бакам соседних городков; наконец ее пустой чемодан был выброшен на обочину. Сердце у него выпрыгивало из груди, желудок сводило: стоило какому-нибудь полицейскому заметить его странное поведение, остановить машину, потребовать открыть багажник — и все пропало!

Наконец в пять часов утра он вернулся в свой номер в «Палас дю Лак», где не осталось никаких следов Элис. Он вздремнул, но через полчаса его разбудил стук в дверь. Полиция. Ему захотелось выпрыгнуть в окно. Попался! Он открыл, дрожа всем телом, в трусах. Перед ним стояли двое полицейских в форме.

— Мистер Стивен Бергдорф? — спросил один.

— Он самый.

— Простите, что беспокоим вас в такой час, но капитан Розенберг послал нас за всеми актерами труппы. Он хочет задать вам несколько вопросов в связи со вчерашним происшествием в Большом театре.

— Хорошо, с удовольствием, — ответил Стивен, стараясь сохранять спокойствие.

Когда полиция спросила его, видел ли он Элис, он сказал, что потерял ее из виду на выходе из театра. Больше никаких вопросов ему не задавали.

Всю дорогу до Нью-Йорка он думал, что делать с Элис. Когда на горизонте показались очертания небоскребов Манхэттена, его план был готов. Все будет хорошо. Элис не найдет никто и никогда. Оставалось лишь попасть в Йеллоустонский национальный парк.

В нескольких милях оттуда, в клинике Маунт-Синай напротив Центрального парка, Джерри и Синтия Райс сидели у изголовья дочери в палате интенсивной терапии. К ним зашел врач и попытался их ободрить:

— Мистер и миссис Райс, вам надо пойти немного отдохнуть. Пока мы будем держать ее в искусственной коме.

— Но как она? — убитым голосом спросила Синтия.

— Сейчас мы не можем ничего сказать. Операцию она перенесла, это обнадеживает. Но мы пока не знаем, не будет ли физических или неврологических осложнений. Повреждения тканей очень серьезные. Пуля пробила легкое, задета селезенка.

- Доктор, наша дочь проснется? — в тревоге спросил Джерри.
— Не знаю. Мне очень жаль, но не исключено, что она не выживет.

* * *

Мы с Анной и Дерекком ехали на машине по Мейн-стрит, по-прежнему закрытой для публики. Вокруг не было ни души, несмотря на ослепительное солнце. Пустые тротуары, безлюдная набережная. Город казался до странного зыбким, призрачным.

У Большого театра стояли на посту несколько полицейских, уборщики собирали остатки мусора, и среди них — сувениры со стендов торговцев, последние свидетельства случившегося здесь столпотворения.

Анна подобрала футболку с надписью «Я был в Орфеа 26 июля 2014 года».

— Лучше бы меня здесь не было, — сказала она.

— Меня тоже, — вздохнул Дерек.

Мы вошли в здание и направились в безлюдный, тихий зал. На сцене оставалось огромное пятно засохшей крови, медицинские повязки и обертки от стерильных бинтов, брошенные врачами скорой. В голове у меня крутились всего два слова: скорбь и запустение.

Согласно заключению врача, оперировавшего Дакоту, пули вошли в тело сверху вниз, под углом 60 градусов. Эти сведения должны были позволить нам установить, где в зале находился стрелок. Мы попытались восстановить ход событий.

— Итак, Дакота стоит в центре сцены, — напомнил Дерек. — Слева от нее Кирк с Джерри и Элис.

Я встал посреди сцены, на место Дакоты. Анна сказала:

— Не понимаю, как можно из зала, даже из самых высоких последних рядов, выпустить пули сверху вниз под углом шестьдесят градусов.

Она задумчиво ходила вдоль рядов. Я поднял глаза и увидел над головой технические мостки, ведущие к платформе с прожекторами.

— Стреляли оттуда, сверху! — воскликнул я.

Дерек с Анной стали искать, как попасть на мостки, и обнаружили маленькую лесенку, начинающуюся в глубине кулис, возле гримерок. Мостки тянулись вдоль всей сцены, подходили к каждому осветительному прибору. Оказавшись прямо надо мной, Дерек прицелился в меня, сложив из пальцев револьвер. Угол стрельбы полностью совпадал. И расстояние

было небольшое: чтобы поразить мишень, не обязательно было быть снайпером.

— Зал был погружен в темноту, а Дакоте прямо в лицо светили прожекторы. Она не видела ничего, а стрелок видел все. Там не было ни одного волонтера или рабочего сцены, только осветитель. Значит, стрелок мог свободно подняться туда незамеченным, дожидаться удобного момента, выстрелить в Дакоту, а затем сбежать через служебный выход.

— Но чтобы попасть на мостки, нужно пройти через кулисы, — заметила Анна. — А за кулисы могли попасть только те, у кого был допуск. На входе была охрана.

— То есть кто-то из актеров, — сказал Дерек. — И это означает, что у нас пятеро подозреваемых: Стивен Бергдорф, Мита Островски, Рон Гулливер, Сэмюел Пейделин и Шарлотта Браун.

— Шарлотта после выстрелов была возле Дакоты, — возразил я.

— Это не исключает ее из списка подозреваемых, — рассудил Дерек. — Она стреляет с мостков, спускается и помогает Дакоте — отличный план!

В эту минуту у меня зазвонил телефон.

— Черт, — вздохнул я, — что еще ему от меня надо?

Я принял вызов:

— Добрый день, майор. Мы в Большом театре. Нашли место, где стоял стрелок. Это мостки, куда можно попасть только из-за кулис, а значит...

— Джесси, — перебил меня майор, — я тебе затем и звоню. Пришли результаты баллистической экспертизы. Оружие, из которого стреляли в Дакоту Райс, — пистолет «беретта».

— «Беретта»? Но именно из «беретты» были убиты Меган Пейделин и Гордоны! — воскликнул я.

— Мне это тоже пришло в голову, — сказал майор, — и я запросил сравнение. Ты там стоишь, Джесси? Держись крепче: позавчера вечером и в 1994 году стреляли из одного и того же ствола.

Дерек, увидев, что я побледнел, спросил, что случилось.

— Он здесь, среди нас, — ответил я. — В Дакоту стрелял убийца Гордонов и Меган. Убийца двадцать лет разгуливает на свободе.

Теперь краска сошла с лица Дерекса.

— Какое-то проклятие, честное слово, — прошептал он.

Дерек Скотт

Двенадцатое ноября 1994 года. Через месяц после нашей ужасающей

автокатастрофы мне вручали медаль за храбрость. В спортзале окружного отделения полиции, на глазах у набившихся туда полицейских, официальных лиц, журналистов и приглашенных, медаль мне вручал лично глава полиции штата, выехавший на место ради такого случая.

Я стоял на эстраде с рукой на перевязи и не поднимал головы. Мне не нужна была ни эта медаль, ни эта церемония, но майор Маккенна сказал, что, если я откажусь, начальство будет страшно недоволено.

Джесси сидел в глубине зала. На отшибе. Ему отвели место в первом ряду, но он не захотел его занять. На нем не было лица. Я боялся даже смотреть в его сторону.

Шеф полиции произнес длинную речь, потом подошел ко мне и торжественно повесил мне на шею медаль со словами:

— Сержант Дерек Скотт, вручаю вам эту награду за храбрость, проявленную при исполнении должностных обязанностей, и за спасение жизни с риском для вашей собственной. Вы — образец для всех полицейских.

Вручив медаль, шеф полиции отдал мне честь. Фанфары сыграли торжественный марш.

Я стоял неподвижно, глядя в одну точку. Внезапно я увидел, что Джесси плачет, и сам не смог сдержать слезы. Я спустился с эстрады и бросился к потайной двери, ведущей в раздевалки. Сорвал с шеи медаль и в бешенстве швырнул ее на пол. Потом рухнул на скамейку и разрыдался.

Джесси Розенберг

Вторник, 29 июля 2014 года

Спустя три дня после открытия фестиваля

Это был последний резкий поворот в деле.

Орудие преступления 1994 года, не обнаруженное в свое время, вновь выплыло на свет. Пистолет, из которого расстреляли семью Гордонов и Меган Пейделин, был использован, чтобы заставить замолчать Дакоту. Это означало, что Стефани Мейлер с самого начала была права: Тед Тенненбаум не убивал ни Гордонов, ни Меган Пейделин.

В то утро у нас с Дерекком в окружном отделении полиции штата состоялся разговор с майором в присутствии помощника прокурора.

— Я должен известить о ситуации Сильвию Тенненбаум, — сказал майор. — Прокуратура начнет процесс. Я хотел, чтобы вы об этом знали.

— Спасибо, майор, — ответил я. — Мы понимаем.

— Сильвия Тенненбаум может потребовать не только судебного преследования полиции, но и возбуждения дела против вас лично, — пояснил помощник прокурора.

— Виновен Тед Тенненбаум в убийстве или нет, но он затеял с полицией гонку с преследованием. Если бы он повиновался, ничего бы не случилось.

— Но Дерек намеренно врезался в его машину и вытолкнул ее с моста, — осуждающе произнес помощник прокурора.

— Мы пытались его перехватить! — возразил Дерек.

— Были другие способы, — заметил тот.

— Да неужели? — возмутился Дерек. — Какие же? Вы, кажется, эксперт по погоням?

— Мы не собираемся вас обвинять, — заверил майор. — Я пересмотрел дело: все следы вели к Теду Тенненбауму. Фургон Тенненбаума видели возле места преступления за несколько секунд до убийства, мотивом был шантаж со стороны мэра, подкрепленный банковскими транзакциями, Тенненбаум приобрел оружие того же типа, какое было использовано при убийстве, и к тому же тренировался в стрельбе. Это мог быть только он!

— Тем не менее все эти доказательства были с тех пор опровергнуты, — вздохнул я.

— Знаю, Джесси, — сочувственно произнес майор. — Но любой на вашем месте обмишурился бы точно так же. Вы ни в чем не виноваты. К несчастью, боюсь, что Сильвия Тенненбаум не удовлетворится этим объяснением и подаст все возможные иски о возмещении ущерба.

Зато для нашего расследования это означало, что кольцо смыкается. В 1994 году убийца Меган Пейделин устранил вместе с ней и Гордонов, несчастных свидетелей. Из-за того, что мы с Дерекком пошли по ложному следу, считая основной жертвой Гордонов, и получили целый пучок улик против Теда Тенненбаума, настоящий убийца на протяжении двадцати лет спал спокойно. До тех пор, покуда Стефани не стала пересматривать дело по подсказке Островски с его сомнениями: тот видел, что за рулем фургона был не Тенненбаум. Теперь все следы вели к убийце, и он убирал всех, кто мог его разоблачить. Начав с Гордонов, он затем убрал Стефани, за ней Коди, наконец, хотел заткнуть рот Дакоте. Убийца был здесь, на наших глазах, на расстоянии вытянутой руки. Надо было действовать быстро и с умом.

После беседы с майором Маккенной мы, раз уж оказались в окружном отделении полиции штата, решили заодно сделать крюк и заехать к доктору

Ранджиту Сингху: он был не только судмедэкспертом, но и экспертом по психологии личности преступника. Он проштудировал наше досье и попытался помочь нам лучше представить себе тип убийцы.

— Я тщательно изучил всю информацию, — начал доктор Сингх. — Прежде всего, полагаю, что вы имеете дело с лицом мужского пола. Во-первых, с точки зрения статистики: вероятность убийства женщины другой женщиной оценивается примерно в два процента. Но в нашем случае есть и более конкретные детали, например, импульсивность — выбитая дверь у Гордонов, расстрелянная единым духом семья. Потом утопленная в озере Стефани, Коди Иллинойс с раскроенным черепом. Тут скорее мужская форма насилия. К тому же, насколько я вижу в деле, в свое время мои коллеги тоже склонялись к версии мужчины.

— Значит, это не может быть женщина? — спросил я.

— Я ничего не могу исключать, капитан, — ответил доктор Сингх. — Бывали случаи, когда за мужским типом личности скрывался преступник женского пола. Но, на мой взгляд, досье скорее свидетельствует о мужчине. К тому же перед нами любопытный случай. Личность незаурядная. Как правило, так убивает либо психопат, либо закоренелый убийца. Но если бы он был психопатом, не было бы рациональных причин убийства. А в вашем деле убивают по совершенно понятным причинам: чтобы не дать правде выйти наружу. И это, безусловно, не закоренелый преступник, ведь, собираясь убить Меган Пейделин, он поначалу промахивается. Значит, нервничает. В итоге он всаживает в нее несколько пуль, да еще и добивает в голову. То есть он не владеет собой, теряет самоконтроль. А поняв, что Гордоны могли его видеть, расстреливает всю семью. Высаживает дверь, хотя она не заперта, и стреляет куда попало.

— Тем не менее он хороший стрелок, — уточнил Дерек.

— Да, стрелок, безусловно, тренированный. Я бы сказал, что это человек дотошный и, вероятно, тренировался в стрельбе ради такого случая. Но на этапе действий он теряется. Значит, это не хладнокровный убийца, он убивает поневоле.

— Поневоле? — удивился я.

— Да, этот кто-то никогда бы не замыслил убийство и даже осудил бы его с точки зрения общественного порядка, но ему пришлось на него решиться, возможно, ради защиты своей репутации, или статуса, или чтобы избежать тюрьмы.

— Но ведь нужно иметь оружие или обзавестись им, тренироваться в стрельбе, тут нужна целая подготовка.

— Я не говорю, что здесь не было предварительного умысла, —

уточнил свою мысль Сингх. — Я говорю, что Меган ему надо было убрать любой ценой. Не ради какой-то корысти вроде ограбления. Быть может, она что-то про него знала и ему надо было заставить ее молчать. Что касается выбора пистолета, то это оружие как раз для тех, кто не знает, как убить жертву. Пистолет предполагает дистанцию, уверенность в том, что убийство пройдет успешно. Один выстрел — и все кончено. С ножом так не получится, разве что придется жертву потом задушить, но наш убийца на это вряд ли способен. Такое часто наблюдается при суицидах: многие считают, что использовать огнестрельное оружие легче, чем вскрыть себе вены, броситься с крыши и даже принять таблетки, ведь еще неизвестно, как они подействуют.

— Но если Гордонов, Меган Пейделин, Стефани и Коди убил тот же человек, что покушался на Дакоту Райс, тогда почему в случае со Стефани и Коди он прибегнул к другому способу? — спросил Дерек.

— Потому что до сих пор убийца пытался заматать следы, — весьма уверенно объяснил доктор Сингх. — Он просто хотел, чтобы это нельзя было связать с убийствами 1994 года. Особенно после того, как ему двадцать лет удавалось всех дурачить. Повторяю, на мой взгляд, вы имеете дело с человеком, который убивать не любит. Он убил уже шестерых, потому что попал в переделку, но это не хладнокровный убийца и не серийный убийца. Это человек, который пытается спасти свою шкуру ценой чужих. Убийца поневоле.

— Но если он убивает поневоле, почему он до сих пор не сбежал из Орфеа куда подальше?

— Он рассмотрит этот вариант, как только сможет. Он двадцать лет жил, полагая, что никто не раскроет его тайну. Он ослабил бдительность. Возможно, именно поэтому он до сих пор так рисковал, надеясь остаться неузнанным. Значит, прямо сейчас ему удирать нельзя: он себя выдаст. Он постарается выиграть время и найти предлог, чтобы окончательно покинуть наши края, не вызвав подозрений. Новое место работы, какой-нибудь больной родственник. Надо действовать быстро. Вы имеете дело с человеком умным и педантичным. Единственная возможность для вас выйти на него — это выяснить, у кого была веская причина убить Меган Пейделин.

«У кого была веская причина убить Меган Пейделин?» — написал Дерек на магнитной доске, установленной в архиве «Орфеа кроникл», единственном месте, где мы отныне могли относительно спокойно работать. К нам присоединилась Анна. Здесь же сидел Кирк Харви, чьи

выводы 1994 года говорили о поразительном полицейском чутье, а также Майкл Берд: он помогал нам в поисках, не считаясь со временем, его поддержка была для нас очень ценной.

Мы вместе пересмотрели все факты, присутствующие в деле.

— Значит, Тед Тенненбаум никого не убивал, — сказала Анна. — Но по-моему, у вас были доказательства, что в 1994 году он обзавелся оружием убийства?

— Оружие было из ворованных армейских запасов, его продал из-под полы продажный вояка в одном баре в Риджспорте, — объяснил Дерек. — Теоретически можно предположить, что Тед Тенненбаум и убийца в один и тот же промежуток времени обзавелись оружием в одном и том же месте. Наверняка в свое время этот канал был известен любому, кто хотел купить себе пистолет.

— Все-таки какое-то невероятное совпадение, — сказала Анна. — Сперва фургон Тенненбаума на месте преступления, но за рулем не он. Потом оружие убийства, которое якобы куплено там же, где Тенненбаум приобрел себе «беретту». Вам это не кажется странным?

— Простите за вопрос, — вмешался Майкл, — но зачем Теду Тенненбауму незаконно покупать оружие, если он не собирался им пользоваться?

— Тенненбаума шантажировал местный авторитет, Джеремая Фолд, который поджег его ресторан. Ему могло понадобиться оружие для самообороны.

— Джеремая Фолд, тот самый, чье имя было в тексте моей пьесы, которую вы нашли у Гордона? — спросил Харви.

— Точно, — ответил я. — И которого, как нам кажется, вполне целенаправленно задавили.

— Давайте сосредоточимся на Меган. — Дерек похлопал ладонью по написанной на доске фразе: «У кого была веская причина убить Меган Пейделин?»

— Вот именно, — сказал я, — мы можем себе представить, что Джеремая Фолда сбила Меган? И что кто-то, связанный с Джеремайей, тот же Костико, решил отомстить?

— Но мы же установили, что Меган Пейделин и Джеремая Фолд никак не связаны, — напомнил Дерек. — К тому же совсем не похоже, чтобы Меган была способна задавить крестного отца на мотоцикле.

— Кстати, — спросил я, — а где результаты анализа обломков машины, найденных бывшим спецагентом Грейсом?

— Не готовы пока, — с сожалением сказал Дерек. — Надеюсь, завтра

будут новости.

Анна перелистывала досье и вынула оттуда протокол допроса:

— По-моему, я кое-что нашла. Когда мы на прошлой неделе допрашивали Брауна, он сказал, что в 1994 году ему поступил анонимный телефонный звонок. «В начале 1994 года я обнаружил, что Гордон берет взятки». — «Как обнаружили?» — «Мне поступил анонимный звонок. Дело было в конце февраля. Говорила женщина».

— Женщина, — повторил Дерек. — Может, это была Меган Пейделин?

— Почему нет, — сказал я. — Вполне правдоподобная версия.

— И что, Браун убил Меган и Гордонов? — спросил Майкл.

— Нет, — объяснил я, — в момент убийства в 1994 году Алан Браун пожимал руки гостям в фойе Большого театра. Он вне подозрений.

— Но из-за этого самого звонка Гордон решил уехать из Орфеа, — подхватила Анна. — Он начал переводить деньги в Монтану, ездил в Бозмен, искал там дом.

— Значит, у Гордона была весьма веская причина убить Меган Пейделин, да и его тип личности вполне совпадает с тем, о каком нам только что говорил эксперт: человек без склонности к убийствам, но который поневоле становится убийцей, когда оказывается в тупике или вынужден защищать свою честь. Гордон довольно точно подходит под это описание.

— Ты только не забывай, что Гордон тоже жертва, — напомнил я Дереку. — И вот тут что-то не сходится.

— Помню, меня в свое время поразило, что убийца знал привычки Меган Пейделин, — заговорил Кирк. — Знал, что она в одно и то же время выходит на пробежку, что останавливается в маленьком парке на Пенфилд-кресент. Вы мне скажете, что он, наверно, долго за ней следил. Но есть одна деталь, которую убийца не мог выяснить одной только слежкой: то, что Меган не идет на торжества по случаю открытия театрального фестиваля. Кто-то знал, что в квартале будет безлюдно, а Меган окажется в парке одна. Без свидетелей. Это был для него уникальный шанс.

— Значит, кто-то из ее окружения? — спросил Майкл.

Двадцать лет назад мы прежде всего задались вопросом, кто мог знать, что Гордона не будет на открытии фестиваля. Теперь перед нами стоял такой же вопрос: кто мог знать, что Меган в тот день окажется в парке?

Перед нами на магнитной доске висел написанный фломастером список подозреваемых:

*Мита Островски
Рон Гулливер
Стивен Бергдорф
Шарлотта Браун
Сэмюел Пейделин*

— Пойдем методом исключения, — предложил Дерек. — Если считать, что это мужчина, вычеркиваем пока Шарлотту Браун. К тому же она в то время не жила в Орфеа, никак не была связана с Меган Пейделин и уж точно не имела возможности за ней следить, чтобы разузнать ее привычки.

— Исходя из заключений эксперта-психолога, — добавила Анна, — убийца никак не был заинтересован в возобновлении расследования по делу 1994 года. Значит, Островски мы тоже можем исключить. Зачем ему сначала просить Стефани пролить свет на это преступление, а потом ее убивать? К тому же он тоже не жил в Орфеа и никак не связан с Меган Пейделин.

— То есть остаются Рон Гулливер, Стивен Бергдорф и Сэмюел Пейделин, — подытожил я.

— Гулливер ушел в отставку за два месяца до выхода на пенсию, — напомнила Анна и объяснила Кирку и Майклу: — Эксперт предположил, что убийца сбежит под каким-нибудь благовидным предлогом. Может, завтра он нам заявит, что собирается наслаждаться жизнью на пенсии в какой-нибудь стране, откуда не экстрадируют преступников?

— А Стивен Бергдорф? — спросил Дерек. — В 1994 году, сразу после убийства, он переезжает в Нью-Йорк, потом внезапно появляется в Орфеа и жаждет получить роль в пьесе, где якобы раскроют имя преступника.

— А что мы знаем о Сэмюеле Пейделине? — продолжил я. — В ту пору он играл роль безутешного вдовца, мне и в голову не могло прийти, что он может убить жену. Но прежде чем вычеркивать его из списка, надо бы узнать побольше и о нем самом, и о причинах, побудивших его прийти на прослушивание и получить роль в пьесе. Потому что если и есть человек, хорошо знающий привычки Меган и то, что она не пойдет на фестиваль в день открытия, так это именно он.

Майкл Берд уже кое-что разыскал относительно Сэмюела Пейделина и теперь сообщил нам результаты:

— Они были очень симпатичной парой, за ними ничего не водилось, их любили и ценили. Я расспросил кое-кого из их тогдашних соседей, все в один голос говорят, что между ними никогда не было никаких криков,

никаких ссор. Все их описывают как чудесных и явно счастливых людей. Судя по всему, на Сэмюела страшно подействовала смерть жены. Один сосед даже утверждает, что боялся, как бы тот в какой-то момент не покончил с собой. Потом он все же выкарабкался, женился снова.

— Да, — кивнул Кирк, — у меня тогда сложилось такое же впечатление.

— Так или иначе, — сказал я, — не похоже, чтобы у Рона Гулливера, Стивена Бергдорфа или Сэмюела Пейделина были причины желать смерти Меган. То есть мы возвращаемся к нашему первому вопросу. Зачем нужно было ее убивать? Ответить на этот вопрос значит найти убийцу.

Нам надо было узнать подробнее о Меган. И мы решили поехать домой к Сэмюелу Пейделину в надежде выяснить какие-нибудь подробности о его первой жене.

* * *

В Нью-Йорке, в своей квартире в Бруклине, Стивен Бергдорф пытался убедить жену, что им непременно нужно поехать в Йеллоустон.

— Что значит ты не хочешь ехать? — злился он.

— Но, Стивен, ведь полиция запретила тебе покидать штат Нью-Йорк, — сказала Трейси. — Почему бы нам не поехать в дом моих родителей на озере Шамплейн?

— Потому что мы договорились отдохнуть там, и мы с тобой, и дети, слово надо держать.

— Мне что, напомнить, как три недели назад ты и слышать не хотел про Йеллоустон?

— Ну, мне просто хочется доставить удовольствие и детям, и тебе, Трейси. Прости, что прислушиваюсь к вашим пожеланиям.

— Давай съездим в Йеллоустон следующим летом, Стивен. Лучше не нарушать предписаний полиции и не выезжать за пределы штата.

— Да чего ты боишься, Трейси? Думаешь, я убийца, что ли?

— Нет, конечно.

— Тогда объясни, зачем я могу опять понадобиться полиции. Как же с тобой тяжело, честное слово. То ты хочешь, то ты не хочешь. Тогда поезжай к сестре, если тебе угодно, а я останусь дома, потому что от нашего семейного отдыха ты отказываешься.

После недолгих колебаний Трейси согласилась. Она чувствовала, что

ей нужно пережить вместе с мужем что-то необычное, снова наладить с ним отношения.

— Хорошо, дорогой, — ласково сказала она, — давай поедem.

— Замечательно! — завопил Стивен. — Тогда складывай чемоданы. Я сейчас на минутку заскочу в редакцию, сдам статью и улажу пару мелочей, а потом заеду к твоей сестре за трейлером. Завтра прямо на рассвете выезжаем на Средний Запад!

Трейси нахмурилась:

— Зачем так сложно, Стивен? Просто завтра сложим все вещи в машину, заедем вместе к сестре и двинемся дальше.

— Не получится. Если заднее сиденье займут дети, чемоданы положить будет некуда.

— Чемоданы положим в багажник, Стивен. Мы же специально эту машину купили, потому что у нее большой багажник.

— Багажник заело. Не открывается.

— Ох ты, что с ним такое?

— Понятия не имею. Вдруг заело, и все.

— Пойду посмотрю.

— Мне некогда, — заторопился Стивен, — надо ехать в редакцию.

— На машине? С каких пор ты туда еддишь на машине?

— Хочу послушать, как она на ходу, мотор как-то странно стучит.

— Тем более оставь машину мне, Стивен. Отгоню ее в сервис, пусть проверят стук, а заодно и багажник починят.

— Никаких сервисов! — рявкнул Стивен. — Мы в любом случае берем машину с собой, прицепим к трейлеру.

— Стивен, не смей людей, не поволочем же мы машину в Йеллоустон!

— Конечно, поволочем! Так гораздо практичнее. Оставим трейлер в кемпинге и будем ездить по парку и окрестностям на машине. Не таскаться же всюду на этом мастодонте.

— Но, Стивен...

— Никаких «но». Там все так делают.

— Ладно, хорошо, — не стала спорить Трейси.

— Бегу в журнал. Сложи чемоданы и предупреди сестру, что завтра в семь тридцать я заеду. В девять будем уже в пути.

Стивен ушел. Машина была припаркована на улице. Ему показалось, что вонь от тела Элис уже просачивается из багажника. А может, он придумывает? Он отправился в редакцию. Его встретили как героя, но мысли его были заняты другим. С ним заговаривали, он никого не слышал.

Все вокруг кружилось, к горлу подступила тошнота. В привычной обстановке редакции в нем внезапно проснулись эмоции. Он убил человека. И осознал это только сейчас.

Он долго умывался холодной водой в туалете, потом заперся у себя в кабинете со своим замом Скипом Нейланом.

— Ты в порядке, Стивен? — спросил Скип. — Что-то ты неважно выглядишь. Весь в поту и бледный как не знаю что.

— Устал совсем. По-моему, мне надо отдохнуть. Я тебе статью про фестиваль скину на почту, если будут замечания, скажи.

— Ты завтра не придешь? — спросил Скип.

— Нет, я завтра на несколько дней уезжаю с женой и детьми. После всего, что случилось, нам надо немножко побыть вместе.

— Прекрасно понимаю, — заверил его Скип. — А Элис сегодня придет?

Бергдорф с усилием сглотнул:

— Вот об этом я и хотел с тобой поговорить, Скип.

Вид у Стивена был очень серьезный.

— Что случилось? — забеспокоился Скип.

— Это Элис украла мою кредитку. Это все ее козни. Она во всем призналась и ударилась в бега.

— Ничего себе, спятить можно, — отозвался Скип. — Она в последнее время и вправду была какая-то странная. Я сам подам жалобу, и немедленно, не бери в голову еще и это.

Стивен поблагодарил Скипа, потом подписал какие-то накопившиеся бумаги и отослал по имейлу статью. Выйдя в интернет, он заодно наскоро поискал информацию о разложении человеческого тела. Он боялся, как бы его не выдал запах. Надо было продержаться три дня. По его расчетам, выехав завтра, в среду, к субботе они будут уже в Йеллоустоне. И он наконец сможет избавиться от тела так, чтобы его никто никогда не нашел. Он точно знал, что делать.

Он очистил историю браузера, выключил компьютер и ушел. На улице он вытащил из кармана телефон Элис, его он взял с собой. Включил и, зайдя в контакты, послал ее родным и нескольким друзьям, чьи имена он знал, сообщение:

*Мне надо на время исчезнуть, уезжаю
проветриться. Скоро позвоню. Элис*

В ближайшее время никто ее не хватится. Он выбросил телефон в

урну.

Оставалось уладить последнее дело. Он поехал к Элис домой — ключи от квартиры он у нее взял — и собрал подаренные им драгоценности и ценные вещи. Потом отправился в ломбард и все продал. Вот кто частично возместит его долг.

* * *

В Саутхэмптоне мы с Анной и Дерекком сидели в гостиной у Сэмюела Пейделина. Он только что узнал от нас, что убийца в 1994 году охотился за Меган, а не за Гордонами.

— За Меган? — переспросил он, не веря своим ушам. — Что еще за сказки?

Мы внимательно следили за реакцией Сэмюела; пока он, судя по всему, был вполне искренне потрясен.

— Это не сказки, это правда, мистер Пейделин, — сказал Дерек. — Мы в свое время ошиблись насчет главной жертвы. Целью убийцы была именно ваша жена, Гордоны оказались побочными жертвами.

— Но почему Меган?

— Вот это мы и пытаемся понять, — сказал я.

— Бессмыслица какая-то. Меган была сама доброта и приветливость. Ее любили покупатели книжного магазина, с соседями она была всегда внимательна.

— И тем не менее, — отозвался я. — Кому-то она настолько мешала, что он решил ее убить.

Сэмюел не находил слов от изумления.

— Мистер Пейделин, — продолжал Дерек, — я вам задам очень важный вопрос: вам не поступали угрозы? Не приходилось ли вам иметь дело с опасными людьми? Людьми, у которых могло бы возникнуть желание расправиться с вашей женой?

— Да никогда в жизни! — оскорбился Сэмюел. — Плохо же вы нас знаете.

— Вам что-нибудь говорит имя Джеремая Фолд?

— Нет, совсем ничего. Вы у меня уже вчера спрашивали.

— Может быть, Меган была чем-то озабочена незадолго до гибели? Она не делилась с вами своими тревогами?

— Нет-нет. Она любила читать, писать и заниматься бегом.

— Мистер Пейделин, — спросила Анна, — кто мог знать, что вы с Меган не пойдете на торжества по случаю открытия фестиваля? Убийца знал, что в тот вечер ваша жена, как обычно, отправится на пробежку, притом что большинство жителей находились на Мейн-стрит.

Сэмюел Пейделин задумался.

— Все только и говорили, что об этом фестивале, — в конце концов ответил он. — Соседи, люди в магазинах, покупатели в книжной лавке. Все разговоры сводились к одной теме: кто достал билеты на открытие, а кто будет просто в толпе на главной улице. Насколько я знаю, Меган на все вопросы отвечала, что билеты нам купить не удалось, а столпотворение в центре города ее не привлекает. Ну, как обычно говорят люди, которые не празднуют Новый год, а вместо этого пораньше ложатся спать: «Лучше почитаю на террасе, в кои-то веки проведу вечер в тишине и покое». Такая вот ирония судьбы.

Сэмюел казался совершенно обескураженным.

— Вы упомянули, что Меган любила писать, — сказала Анна. — А о чем она писала?

— Так, обо всем и ни о чем. Ей всегда хотелось написать роман, но она говорила, что никак не может найти хороший сюжет. Зато она вела дневник, причем весьма прилежно.

— Вы его сохранили? — спросила Анна.

— Я их сохранил. Там томов пятнадцать по меньшей мере.

Сэмюел Пейделин на минуту вышел и вернулся с пыльной картонной коробкой, судя по всему, лежавшей в подвале. Добрых десятка два тетрадей, все одной и той же фирмы.

Анна взяла одну и открыла: вся тетрадь до последней страницы была исписана тонким убористым почерком. Чтения там было не на один час.

— Можно нам это взять? — спросила она Сэмюела.

— Берите, если хотите. Но не думаю, что вы там найдете что-нибудь интересное.

— Вы их читали?

— Не все, — ответил он. — Частично. После смерти жены мне казалось, что если я буду читать ее мысли, то как будто увижу ее снова. Но я быстро понял, что ей просто было скучно. Сами увидите, как она описывает свои дни, свою жизнь. Жене был скучен наш быт, скучно со мной. Она писала про свою жизнь в книжном магазине, про то, кто какие книги покупает. Стыдно сказать, но я там увидел какую-то манерность. Читать я бросил довольно быстро, не самое приятное было занятие.

Это объясняло, почему он сослал тетради в подвал.

Уходя с коробкой, мы заметили у входа чемоданы.

— Вы уезжаете? — спросил Дерек.

— Жена. Увозит детей к родителям в Коннектикут. Испугалась последних событий в Орфеа. Я к ним, наверно, попозже поеду. Ну, когда мне разрешат покидать Нью-Йорк.

Нам с Дерекком надо было возвращаться в окружное отделение полиции штата к майору.

Маккенна хотел нас видеть с отчетом по ситуации. Анна предложила взять на себя чтение дневников Меган Пейделин.

— Может, поделим работу, не хочешь? — предложил я.

— Нет, я как раз рада, будет чем занять голову. Мне это нужно.

— Очень сочувствую насчет этого назначения.

— Что ж делать, раз так, — отозвалась Анна, всеми силами стараясь держаться в нашем присутствии.

Мы с Дерекком уехали к майору.

Анна, вернувшись в Орфеа, заехала на работу. Все полицейские собрались в зале отдыха, где Монтейн произносил небольшую импровизированную речь по случаю вступления в должность.

Анне не хватило духу остаться. Она решила поехать домой и углубиться в дневники Меган. В дверях она столкнулась с Брауном.

Мгновение она молча смотрела на него, потом спросила:

— Почему вы так со мной поступили, Алан?

— Ты посмотри, Анна, в каком мы говне. Позволю себе напомнить, что отчасти виновата в этом ты. Тебе так хотелось заняться этим расследованием, ну так получай последствия.

— Вы меня наказываете за то, что я делала свою работу? Да, мне пришлось допросить и вас, и вашу жену, потому что это было нужно для расследования. Мы не делали вам поблажек, Алан, и это как раз доказывает, что я хороший коп. Что же до пьесы Харви, то если вы ее называете говном, то позвольте напомнить, что именно вы его сюда притащили. Вы не желаете признавать свои ошибки, Алан. Вы не лучше Гулливера и Монтейна. Видите себя эдаким царем-философом, а на самом деле вы мелкий узколобый самодур.

— Иди домой, Анна. Если тебе не нравится, можешь уходить из полиции.

Анна вернулась домой, кипя от ярости. Едва переступив порог, она рухнула прямо в прихожей и расплакалась. Долго рыдала, сидя прямо на полу, привалившись к комоду. Что делать? И кому позвонить? Лорен? Та

скажет, что предупреждала, что жизнь в Орфеа ей не подойдет. Матери? Та в очередной раз начнет читать ей мораль.

Наконец она проплакалась и успокоилась, и тут ее взгляд упал на коробку с дневниками Меган Пейделин, которую она захватила с собой. Она решила заняться ими. Налила себе вина, устроилась в кресле и начала читать.

Начала она прямо с середины 1993 года и стала изучать последний год жизни Меган, до июля 1994-го.

Поначалу ее одолела страшная скука. Меган описывала свою жизнь подробно и нудно. Анна понимала, что должен был чувствовать муж, читая эти строки.

Однако в записи, датированной 1 января 1994 года, Меган, рассказывая про новогодний бал в отеле «Северная роза» в Бриджхэмптоне, вдруг упомянула, что встретила на нем «мужчину, не местного», и тот ее совершенно покори́л.

Потом Анна дошла до февраля 1994 года. И обнаружила нечто такое, что повергло ее в полное изумление.

Меган Пейделин

Выдержки из дневников

1 января 1994 г.

С Новым меня годом. Вчера мы ездили на новогодний бал в «Северную розу» в Бриджхэмптон. Я встретила мужчину. Он не местный. Я до него никогда ничего похожего не ощущала. Со вчерашнего дня у меня щекочет внизу живота.

25 февраля 1994 г.

Сегодня позвонила в мэрию. Анонимно. Говорила с заместителем мэра Аланом Брауном. Он, по-моему, честный парень. Рассказала ему все про Гордона. Посмотрим, что будет.

Потом сказала Фелисити про звонок. Она раскипятилась. Сказала, что это все обернется против нее. Вообще-то могла мне и не рассказывать, коли так. Гордон — свинья, и все должны это знать.

8 марта 1994 г.

Мы с ним снова виделись. Мы теперь встречаемся каждую неделю. Я с ним так счастлива.

1 апреля 1994 г.

Видела сегодня Гордона, он заходил в книжный магазин. Кроме нас, там никого не было. Я ему вывалила все: что я все знаю и что он преступник. У меня само вырвалось. Я уже два месяца только про это и думаю. Он, конечно, отнекивался. Он должен знать, что из-за него произошло. Я бы с радостью сообщила во все газеты, но Фелисити запретила.

2 апреля 1994 г.

Со вчерашнего дня мне лучше. Фелисити накричала на меня по телефону. Я знаю, что я правильно сделала.

3 апреля 1994 г.

Вчера на пробежке добежала до Пенфилд-кресент. Столкнулась с мэром, он шел домой. Сказала ему: «Стыдитесь того, что вы сделали». Я не боялась. Зато ему было явно очень не по себе. Чувствую себя как глаз, который преследовал Каина. Буду каждый день поджидать его после работы и напоминать о его вине.

7 апреля 1994 г.

Провела с ним изумительный день в Спрингсе. Он меня прямо завораживает. Я его люблю. Сэмюел совершенно ни о чем не подозревает. Все хорошо.

2 мая 1994 г.

Пили кофе с Кейт. Она одна про него знает. Говорит, что мне не стоит ставить под удар свой брак, если это просто увлечение. Или уж тогда решиться и уйти от Сэмюела. Не знаю, хватит ли мне храбрости решиться. Мне и так хорошо.

25 июня 1994 г.

Рассказывать особо нечего. Книжки неплохо продаются. На главной улице скоро откроется новый ресторан. Кафе «Афина». Выглядит симпатично. Открывает его Тед Тенненбаум. Он наш постоянный покупатель. Мне он очень нравится.

1 июля 1994 г.

Гордон, который уже сто лет не показывался в книжном, сегодня вдруг

зашел, и надолго. Устроил какой-то странный балаган. Хотел одну книжку местного писателя, долго торчал в помещении с авторскими книгами. Не очень понимаю, что он там делал. В магазине были покупатели, я не особо смотрела. В конце концов купил пьесу Кирка Харви «Черная ночь». Когда он ушел, я заглянула в отдел местных авторов и заметила, что эта грязная свинья загнула уголок в книге Бергдорфа про фестиваль. Наверняка хочет проверить, продается ли запас, который он нам оставил, и проследить, чтобы ему заплатили его долю. Бойтся, что ли, что его обворуют? А вор на самом деле он сам.

18 июля 1994 г.

К нам в книжный заходил Кирк Харви, хотел забрать свою пьесу. Я сказала, что она продана. Думала, он будет доволен, а он жутко разозлился. Хотел знать, кто ее купил, я сказала, что Гордон. Он даже отказался от 10 долларов, которые ему причитались.

20 июля 1994 г.

Опять заходил Кирк Харви. Говорит, что Гордон утверждает, что пьесу купил не он. Но я же знаю, что он. Так и сказала Кирку еще раз. Я даже это записала. См. запись от 1 июля.

Джесси Розенберг

Среда, 30 июля 2014 года

Спустя четыре дня после открытия фестиваля

В то утро, явившись в архив «Орфеа кроникл», мы с Дерекком увидели, что Анна повесила на стену ксерокопии из дневника Меган Пейделин.

— Тот самый анонимный звонок Алану Брауну в 1994 году с сообщением, что Гордон — коррупционер, в самом деле сделала Меган, — пояснила она. — Насколько я поняла, сама она узнала об этом от некоей Фелисити. Не знаю, что та ей рассказала, но Меган была страшно зла на Гордона. Примерно через два месяца после анонимного звонка, 1 апреля 1994 года, она была в магазине одна, Гордон зашел купить книжку, а она на него набросилась. Сказала, что все знает, обозвала его преступником.

— Она имеет в виду все эти коррупционные дела или что-то другое? — спросил Дерек.

— Мне тоже пришел в голову этот вопрос, — ответила Анна и показала на следующую страницу. — Потому что спустя два дня Меган на

пробежке случайно встречает Гордона у самого его дома и снова налетает на него с обвинениями. В дневнике она пишет: «Я как глаз, который преследовал Каина».

— Каина глаз преследует, потому что он убийца, — заметил я. — Может, мэр кого-то убил?

— Вот и я подумала ровно то же самое, — сказала Анна. — В следующие месяцы, до самой своей смерти, Меган каждый день добегала под вечер до дома Гордона. Поджидала его в парке и, когда видела, бросалась к нему с упреками, напоминала о его проступке.

— То есть у мэра были вполне веские причины убить Меган, — сказал Дерек.

— Готовый обвиняемый, когда бы сам не погиб во время того расстрела, — кивнула Анна.

— А про эту Фелисити что-то известно? — спросил я.

— Фелисити Дэниелс, — ответила Анна, гордо улыбнувшись уголком рта. — Я всего лишь позвонила Сэмюелу Пейделину, и он меня на нее вывел. Живет она теперь в Корама. Она нас ждет. В путь.

Шестидесятилетняя Фелисити Дэниелс работала в торговом центре Корама, в магазине электробытовых товаров. Там мы с ней и встретились. Она дожидалась нас, чтобы уйти на перерыв, и мы уселись в соседнем кафе.

— Вы не против, если я возьму сэндвич? — спросила она. — Иначе у меня не будет времени на ланч.

— Конечно, пожалуйста, — ответила Анна.

Фелисити сделала заказ. Мне она показалась грустной и усталой.

— Вы сказали, что хотите поговорить о Меган?

— Да, миссис Дэниелс, — отозвалась Анна. — Вы, наверно, знаете, что мы заново расследуем дело о ее убийстве и убийстве семьи Гордонов. Меган была вашей подругой, верно?

— Да. Мы познакомились в теннисном клубе и понравились друг другу. Она была младше меня лет на десять, но уровень игры у нас был одинаковый. Не могу сказать, что мы были очень близки, но после игры обычно заходили куда-нибудь выпить и довольно много друг про друга знали.

— Как бы вы ее описали?

— Она была женщина романтическая. Склонная к мечтательности, немножко наивная. Совершенная ромашка.

— Вы давно живете в Корама?

— Больше двадцати лет. Переехала сюда с детьми почти сразу после смерти мужа. Он умер 16 ноября 1993 года, в свой день рождения.

— Вы встречались с Меган в период после вашего переезда до ее гибели?

— Да, она регулярно приезжала в Корам меня проведать. Иногда привозила мне блюда собственного изготовления или хорошую книжку. Честно говоря, я ее ни о чем не просила, она слегка навязывалась. Но это шло от доброты.

— Меган была счастлива?

— Да, все при ней. Очень нравилась мужчинам, они прямо в обморок падали от нее. Злые языки скажут, что книжный магазин в Орфеа тогда процветал только благодаря ей.

— То есть она часто изменяла мужу?

— Я не это имела в виду. К тому же она была не из тех, кто ищет приключений.

— Почему нет?

— Не знаю, — поморщилась Фелисити Дэниелс. — Может, потому, что ей не хватало храбрости. Опасная жизнь не для нее.

— Тем не менее, судя по дневнику Меган, в последние месяцы жизни у нее была связь.

— Неужели? — удивилась Фелисити.

— Да, с мужчиной, которого она встретила 31 декабря 1993 года в отеле «Северная роза» в Бриджхэмптоне. Меган упоминает регулярные свидания с ним до начала июня 1994 года. А потом — ничего. Она вам никогда об этом не говорила?

— Никогда, — твердо ответила Фелисити. — Кто это был?

— Не знаю, — ответила Анна. — Я надеялась, что вы сможете нам что-то о нем рассказать. Меган никогда вам не говорила, что ей угрожают?

— Угрожают? О боже, нет! Послушайте, наверняка есть люди, которые знали ее лучше, чем я. Почему вы меня про все это спрашиваете?

— Потому что в дневнике Меган написано, что в феврале 1994 года вы ей что-то рассказали про мэра Орфеа, Джозефа Гордона, и ее это изрядно взволновало.

— Господи, — прошептала Фелисити, зажав рот рукой.

— О чем вы рассказали? — спросила Анна.

— О Люке, моем муже, — еле слышно ответила Фелисити. — Не надо мне было ей ничего говорить.

— Что случилось с вашим мужем?

— Люк увяз в долгах. У него была фирма по производству

кондиционеров, она прогорела. Ему пришлось уволить всех работников. Он оказался в полном тупике. И месяцами никому ничего не говорил. Я это все обнаружила накануне его смерти. Потом мне пришлось продать дом, чтобы расплатиться по его векселям. Я уехала с детьми из Орфеа и нашла место продавщицы.

— Миссис Дэниелс, как умер ваш муж?

— Покончил с собой. Повесился у себя в комнате в свой день рождения, вечером.

* * *

3 февраля 1994 года

Под вечер того дня Меган заехала к Фелисити в ее съемную меблированную квартиру в Кораме. Привезла ей лазанью и нашла ее в полнейшем отчаянии. Дети ссорились, не желали делать уроки, в гостиной был беспорядок, Фелисити лежала на диване и плакала, не в силах справиться с ситуацией.

Меган взяла дело в свои руки: призвала к порядку детей, помогла им с домашними заданиями, потом отослала в душ, накормила ужином и уложила спать. Затем открыла принесенную с собой бутылку вина и налила Фелисити полный бокал.

Фелисити не с кем было поделиться, и она раскрыла Меган душу:

— Я так больше не могу, Мег. Если бы ты знала, что говорят люди про Люка. Что он трус, повесился у себя в комнате, пока жена и дети готовили ему праздник на первом этаже. Я вижу, как на меня косятся родители других учеников. Не могу больше видеть это снисходительное осуждение, невыносимо.

— Очень сочувствую, — сказала Меган.

Фелисити пожала плечами, налила себе еще вина и залпом выпила. Алкоголь подействовал, и после долгой печальной паузы она наконец сказала:

— Люк всегда был слишком честным. И вот чем это кончилось.

— Что ты хочешь сказать? — спросила Меган.

— Ничего.

— Ну нет, Фелисити. Сказала «а», так уж договаривай!

— Меган, но ты должна мне обещать, что никому не скажешь.

— Конечно, можешь на меня положиться.

— Дела у фирмы Люка в последние годы шли очень хорошо. Вообще у нас все было хорошо. До того самого дня, когда Гордон назначил ему встречу у себя в кабинете. Как раз перед началом работ по ремонту муниципальных зданий. Гордон сказал Люку, что даст ему все заказы по вентиляционным системам в обмен на некоторую сумму денег.

— То есть за взятку? — спросила Меган.

— Да, — кивнула Фелисити. — А Люк отказался. Сказал, что бухгалтерия это заметит, что он рискует потерять все. Гордон угрожал его уничтожить, говорил, что так принято везде в городе. Но Люк не прогнулся. Ну и не получил от города никаких заказов. И следующих тоже не получил. А в наказание за непокорность Гордон его раздавил. Ставил ему палки в колеса, везде ославил, отговаривал людей с ним работать. И вскоре Люк потерял всех клиентов. Но мне ни словом не обмолвился, чтобы меня не волновать. Я обо всем узнала только накануне его смерти. Бухгалтер фирмы пришел ко мне поговорить о неминуемом банкротстве, о сотрудниках в неоплачиваемых отпусках, а я, как последняя дура, вообще была не в курсе. В тот вечер я расспросила Люка, он мне все рассказал. Я ему твердила, что мы будем бороться, а он ответил, что против мэра мы бессильны. Я сказала, что надо подать в суд. Он посмотрел на меня обреченно: «Ты не понимаешь, Фелисити. В этом деле со взятками замешан весь город. Все наши друзья. И твой брат тоже. Ты думаешь, как он получал контракты в последние два года? Если мы их выдадим, они потеряют все. И пойдут в тюрьму. Нельзя ничего говорить, все повязаны по рукам и ногам». А на завтра вечером он повесился.

— О боже, Фелисити! — в ужасе воскликнула Меган. — И все из-за Гордона?

— Только никому не говори, Меган.

— Но все должны узнать, что Гордон — преступник.

— Поклянись, что никому не скажешь, Меган! Все фирмы закроются, руководство пойдет под суд, а служащие останутся без работы...

— Так что, мы позволим мэру безнаказанно продолжать?

— Гордон очень силен. Гораздо сильнее, чем кажется.

— Я его не боюсь!

— Меган, обещай мне, что никому ничего не скажешь. Мне и так тяжело.

* * *

— Но она сказала, — произнесла Анна.

— Да, позвонила анонимно заместителю мэра Брауну и предупредила его. Как же я на нее разозлилась!

— Почему?

— Людям, которых я любила, грозила большая опасность, если бы полиция начала расследование. А я видела, что значит все потерять. Злейшему врагу такого не пожелаю. Меган обещала больше не говорить об этом ни слова. Но прошло два месяца, и вот она мне звонит и говорит, что объяснялась с Гордоном в книжном магазине. Я на нее наорала так, как в жизни ни на кого не орала. Это был наш с Меган последний разговор. С тех пор я с ней ни словом не перемолвилась, слишком на нее злилась. Настоящие друзья чужих секретов не выдают.

— По-моему, она хотела вас защитить, — возразила Анна. — Хотела, чтобы хоть как-то была восстановлена справедливость. Она каждый день поджидала мэра и напоминала, что из-за него ваш муж покончил с собой. Она хотела справедливости для вашего мужа. Вы говорите, Меган была не слишком храбрая? А по-моему, наоборот, очень храбрая. Не побоялась восстать против Гордона. Никто не посмел, а она посмела. Она была храбрее, чем весь город, вместе взятый. И заплатила за это жизнью.

— Вы хотите сказать, что главной жертвой убийцы была Меган? — ошеломленно спросила Фелисити.

— Мы полагаем, что да, — ответил Дерек.

— Но кто мог это сделать? — недоумевала Фелисити. — Гордон? Так он погиб вместе с ней. Это какой-то абсурд.

— Вот это мы и пытаемся понять, — вздохнул Дерек.

— Миссис Дэниелс, — спросила Анна, — вам знакомо имя еще одной подруги Меган, которая могла бы нам о ней рассказать? В дневнике мне встретилось упоминание некоей Кейт.

— Да, Кейт Гранд. Она тоже ходила в наш теннисный клуб. По-моему, она была близкой подругой Меган.

Мы уже выходили из торгового центра Корама, когда Дереку позвонил эксперт дорожной полиции:

— Я сделал анализ тех обломков машины, что ты мне дал.

— И что скажешь?

— Ты угадал. Это кусок правого бампера. Вокруг синяя краска, значит, машина была синяя. А еще я на нем нашел осколки серой краски, то есть, судя по протоколу, который ты мне показывал, того же цвета, что мотоцикл, попавший в аварию 16 июля 1994 года.

— Значит, в мотоцикл кто-то врезался на полной скорости, тот вылетел

с шоссе и разбился?

— Точно, — подтвердил эксперт. — И врезалась в него синяя машина.

* * *

В Нью-Йорке, в Бруклине, семейство Бергдорфов только что погрузилось в трейлер.

— Ура, едем! — завопил Стивен, трогая машину с места.

Его жена Трейси, сидевшая рядом с ним, застегнула ремень безопасности и обернулась к детям, сидевшим сзади:

— Все хорошо, мои милые?

— Да, мама, — ответила дочь.

— А почему у нас машина сзади?

— Потому что так удобнее! — ответил Стивен.

— Удобнее? — возразила Трейси. — Какое удобство, багажник-то не открывается.

— Чтобы осматривать самый прекрасный национальный парк в мире, багажник не нужен. Разве что ты надумаешь детей туда засунуть, — хихикнул он.

— Папа засунет нас в багажник? — забеспокоилась дочка.

— Никого в багажник засовывать не будут, — успокоила ее мать.

Трейлер покатил в сторону Манхэттенского моста.

— А мы когда приедем в Йеллоустон? — спросил сын.

— Очень-очень скоро, — заверил его Стивен.

— Надо все-таки и страну немножко посмотреть! — рассердилась Трейси. И добавила, обращаясь к сыну: — Ты еще много раз уснешь и проснешься, дорогой. Потерпи.

— Вы совершаете рейс трансамериканским экспрессом! — предупредил Стивен. — Еще никто так быстро не доезжал из Нью-Йорка в Йеллоустон!

— Ура, мы поедem быстро-быстро! — радостно воскликнул мальчик.

— Нет, мы не поедem быстро-быстро! — потеряв терпение, закричала Трейси.

Они проехали Манхэттен и, миновав тоннель Холланда, оказались в Нью-Джерси, а потом двинулись по 78-й автостраде на запад.

В клинике Маунт-Синай Синтия Райс пулей вылетела из палаты

Дакоты и стала звать медсестру:

— Позовите врача! — кричала Синтия. — Она открыла глаза! Моя дочь открыла глаза!

* * *

Мы сидели в архиве и с помощью Кирка и Майкла рассматривали возможные сценарии аварии, в которую попал Джеремайя.

— По словам эксперта и судя по направлению удара, — объяснял Дерек, — машина, вероятнее всего, поравнялась с мотоциклом и вытолкнула его с дороги на обочину.

— Значит, Джеремайю Фолда в самом деле убили, — сказал Майкл.

— Можно сказать и так, — уточнила Анна. — Бросили на обочине, не посмотрев, жив он или мертв. Убийца — совершеннейший дилетант.

— Убийца поневоле! — воскликнул Дерек. — Тот же самый тип, к какому доктор Сингх отнес нашего убийцу. Не хочет убивать, но приходится.

— Наверняка многим хотелось убить Джеремайю Фолда, — заметил я.

— А если имя Джеремайи Фолда, зашифрованное в «Черной ночи», было приказом его убить? — предположил Кирк.

Дерек ткнул пальцем в фотографию гаража Гордонов из полицейского досье. На ней была красная машина с открытым багажником и лежащими в нем чемоданами:

— У Гордона машина была красная.

— Странно, — сказал Кирк Харви, — а мне помнится, что он ездил как раз на синей машине с откидным верхом.

При этих словах меня вдруг поразило одно воспоминание. Я бросился к досье 1994 года.

— Мы же тогда это видели! — вскричал я. — Я же помню фото Гордона и его машины.

Я лихорадочно листал отчеты, снимки, протоколы допроса свидетелей, банковские выписки. И наконец нашел его. Фото, сделанное украдкой агентом по недвижимости в Монтане: Гордон выгружает коробки из багажника синего автомобиля с откидным верхом перед домом, который он снял в Бозмене.

— Агент по недвижимости в Монтане не доверял Гордону, — вспомнил Дерек. — И сфотографировал его у машины так, чтобы было

видно номера и его лицо.

— Значит, мэр в самом деле ездил на синей машине, — произнес Майкл.

Кирк подошел к фото гаража Гордонов и стал внимательно рассматривать машину.

— Взгляните на заднее стекло, — сказал он, тыча в фотографию пальцем, — там имя дилера. Вдруг он до сих пор существует?

Мы проверили, он действительно существовал. Дилерский центр со станцией техобслуживания последние сорок лет находился на улице Монток. Мы немедленно отправились туда. Владелец принял нас в грязном, захламленном кабинете.

— Что от меня понадобилось полиции? — любезно спросил он.

— Мы ищем информацию об одной машине, купленной у вас, вероятно, в 1994 году.

— В девяносто четвертом году? — усмехнулся он. — Тут я вам вряд ли смогу помочь. Сами видите, какой тут беспорядок.

— Взгляните сначала на модель, — предложил Дерек и показал ему фото.

Владелец центра бросил быстрый взгляд на фотографию.

— Я таких целую кучу продал. А имени покупателя вы не знаете?

— Джозеф Гордон, мэр Орфеа.

Тот побледнел.

— Да уж, эту сделку я всю жизнь буду помнить, — произнес он враз посерьезневшим тоном. — Купил чувак машину, а через две недели его убили вместе со всей семьей.

— Значит, он ее купил в середине июля? — спросил я.

— Да, примерно тогда. Я приехал открывать станцию, а он уже ждал под дверью. Вид у парня был такой, словно он всю ночь не спал. От него разило алкоголем. Машина у него справа была совершенно разворочена. Он сказал, что сбил оленя и хочет ее поменять. Хотел новую, причем немедленно. У меня было три красных «доджа», он взял один без разговоров. Заплатил наличными. Сказал, что сел за руль пьяный, повредил здание какого-то учреждения и из-за этого его могут не выбрать на новый срок в сентябре. Дал мне пять тысяч сверху, чтобы умаслить и чтобы я немедленно откатил его тачку в металлолом. Уехал на новой машине, и все были довольны.

— Вам это не показалось странным?

— И да и нет. Я с такими историями все время сталкиваюсь. Знаете, в чем секрет моих коммерческих успехов и долгожительства?

— Нет, в чем?

— Умею держать язык за зубами, и все в округе это знают.

У Гордона были все причины убить Меган, но убил он Джеремайю Фолда, с которым никак не был связан. Зачем?

Когда мы с Дерекком в тот вечер уезжали из Орфеа, голова у нас гудела от вопросов. Весь обратный путь мы ехали молча, погружившись в свои мысли. Когда я остановился у его дома, он не вышел из машины. Так и остался сидеть на своем месте.

— Что с тобой? — спросил я.

— С тех пор как я снова веду с тобой следствие, Джесси, для меня словно началась новая жизнь. Я давно не был так счастлив и не дышал полной грудью. Но от призраков прошлого так просто не уйти. Последние две недели стоит мне ночью закрыть глаза, как я снова оказываюсь в той машине с тобой и с Наташей.

— Машину с тем же успехом мог вести я. Ты не виноват ни в чем из того, что случилось.

— Ты или она, Джесси! Мне пришлось выбирать между тобой и ею.

— Ты спас мне жизнь, Дерек.

— И одновременно лишил жизни ее, Джесси. Посмотри на себя, двадцать лет прошло, а ты по-прежнему одинок и носишь траур.

— Дерек, ты здесь ни при чем.

— Что бы ты сделал на моем месте, Джесси? А? Я все время задаю себе этот вопрос.

Я промолчал. Мы молча выкурили еще по сигарете, потом братски обнялись, и Дерек пошел домой.

Мне не хотелось сразу возвращаться к себе. Мне хотелось еще раз встретиться с ней. Я поехал на кладбище. В этот час оно было уже закрыто. Я без труда перелез через невысокую ограду и медленно двинулся по мирным аллеям. Погулял среди могил, плотный газон скрадывал звук шагов. Вокруг было тихо и красиво. Я зашел к мирно спящим дедушке с бабушкой, потом подошел к ее могиле. Сел и долго сидел рядом. Вдруг за моей спиной послышались шаги. Это была Дарла.

— Как ты догадалась, что я буду здесь? — спросил я.

— Не ты один перелезаешь через ограду, чтобы повидаться с ней, — улыбнулась она.

Я тоже улыбнулся. Потом сказал:

— Прости за эту историю с рестораном, Дарла. Дурацкая была идея.

— Нет, Джесси, идея замечательная. Это ты прости, что я так

отреагировала.

Она села рядом.

— Зачем, зачем я посадил ее к нам в машину в тот день, — с горечью сказал я. — Это все из-за меня.

— А я что, Джесси? Зачем я ее высадила из машины? Этой нашей дурацкой ссоры вообще не должно было быть.

— В общем, мы все чувствуем себя виноватыми, — прошептал я.

Дарла кивнула.

— Мне иногда кажется, что она здесь, со мной, — продолжал я. — Возвращаюсь вечером домой и ловлю себя на надежде, что она там.

— Ох, Джесси... ее нам всем не хватает. Каждый день. Но ты должен идти вперед. Хватит жить прошлым.

— Не знаю, смогу ли я когда-нибудь заделать эту трещину во мне, Дарла.

— Жизнь сама ее заделает, Джесси.

Дарла положила голову мне на плечо. Мы долго сидели рядом, глядя на надгробный камень.

НАТАША ДАРРИНСКИ

02/04/1968–13/10/1994

Дерек Скотт

Тринадцатое октября 1994 года.

Наша машина разносит в пыль ограждение моста и падает в реку. В момент удара все происходит очень быстро. Я рефлекторно отстегиваюсь и открываю окно со своей стороны, как учили в школе полиции. Наташа на заднем сиденье кричит от ужаса. Джесси, забывший пристегнуться, врезался головой в бардачок и лежит без сознания.

За несколько секунд машину заливают вода. Я ору Наташе, чтобы отстегивалась и вылезала в окно. Понимаю, что ремень безопасности заело. Перегибаюсь к ней, пытаюсь помочь. Перерезать ремень нечем, нужно выдрать его из крепления. Я тяну как ненормальный. Не поддается. Вода нам уже по плечи.

— Займись Джесси! — кричит Наташа. — Я сама!

Я колеблюсь, она снова кричит:

— Дерек! Тащи Джесси!

Вода доходит до подбородка. Я вылезаю через окно из кабины, подхватываю Джесси. Мне удается выволочь его наружу.

Теперь мы погружаемся, машина идет ко дну, я задерживаю дыхание, насколько могу, заглядываю в окно. Наташа под водой, отстегнуться ей так и не удалось. Машина взяла ее в плен. Мне не хватает воздуха. Тяжелое тело Джесси тянет меня на глубину. Мы с Наташей в последний раз смотрим друг на друга. Ее глаза за стеклом я не забуду никогда.

Отчаяние придает мне сил, я, захлебываясь, все же выныриваю с Джесси на поверхность. С трудом доплываю до берега. Подъезжают полицейские патрули, я вижу, как полицейские сбегают по берегу к реке. Добираюсь до них, оставляю им безжизненное тело Джесси. Хочу вернуться за Наташей, снова плыву на середину реки. Не могу толком определить, в каком точно месте затонула машина. Ничего не видно, вода грязная. Я растерян и подавлен. Вдали слышны сирены. Я снова и снова пытаюсь нырять. Вижу перед собой глаза Наташи, ее взгляд, который будет преследовать меня всю жизнь.

И еще этот неотступный вопрос: если бы я не занялся Джесси, как она просила, а еще раз попытался оторвать этот ремень от крепления, может, мне удалось бы ее спасти?

3. Размен

Четверг, 31 июля — пятница, 1 августа 1994 года

Джесси Розенберг

Четверг, 31 июля 2014 года

Спустя пять дней после открытия фестиваля

Нам оставалось три дня, чтобы раскрыть дело. Время поджимало, и тем не менее Анна в то утро назначила нам встречу в кафе «Афина».

— Вот уж некстати сейчас валандаться с завтраком! — чертыхался Дерек на пути в Орфеа.

— Не знаю, чего она хочет, — сказал я.

— Она ничего больше не сказала?

— Нет.

— Да еще и в кафе «Афина»? Вообще последнее место, куда мне охота идти, по нынешним-то временам.

Я улыбнулся.

— Ты чего? — спросил Дерек.

— Ты не в духе.

— Нет, я в духе!

— Дерек, я тебя знаю как облупленного. Ты чертовски не в духе.

— Ладно, ладно, ты давай рули быстрее, интересно, что там Анна замышляет, — поторопил меня он.

Он включил маячки, чтобы я еще прибавил скорость. Я расхохотался.

Когда мы наконец добрались до кафе «Афина», Анна уже сидела за столиком в глубине зала. Чашки кофе тоже уже нас ждали.

— Ну наконец-то! — нетерпеливо бросила она, как будто мы задержались.

— Что случилось? — спросил я.

— Я все время про это думала.

— Про что?

— Про Меган. Мэр хотел от нее избавиться, это яснее ясного. Она слишком много знала. Возможно, Гордон надеялся все-таки остаться в Орфеа, не сбегать в Монтану. Я пыталась дозвониться до этой Кейт Гранд, подруги Меган. Она в отпуске. Я ей оставила сообщение в гостинице, жду ее звонка. Но не важно: нет никакого сомнения, что мэр хотел уничтожить

Меган, и он это сделал.

— Только вот убил он Джеремайю Фолда, а не Меган, — напомнил Дерек, пытаясь понять, куда Анна клонит.

— Он устроил размен, — произнесла Анна. — Он убил Джеремайю Фолда вместо другого человека. А этот другой убил за него Меган. Они махнулись убийствами. А кто был заинтересован в убийстве Джеремайи Фолда? Тед Тенненбаум, которому осточертел рэкет с его стороны.

— Но мы же только что установили, что Тед Тенненбаум ни в чем не виноват, — рассердился Дерек. — Прокуратура уже запустила процедуру реабилитации.

Но Анну не так просто было сбить с толку:

— Меган в своем дневнике пишет, что 1 июля 1994 года Гордон, который давно обходил книжный магазин за километр, тем не менее купил там пьесу, причем пьесу, которую, как мы знаем, уже читал и терпеть не мог. Значит, этот текст выбрал не он, а заказчик убийства Джеремайи Фолда, который с помощью простого кода записал в ней имя жертвы.

— Зачем такие сложности? Они могли просто встретиться.

— Может, затем, что они не были знакомы. Или не хотели, чтобы кто-нибудь видел их вместе. Не хотели, чтобы до них добралась полиция. Вы же знаете, что Тед Тенненбаум с мэром ненавидели друг друга, значит, это стопроцентное алиби. Никто бы их не заподозрил в сговоре.

— Пусть даже ты права, Анна, — сдался Дерек, — но как мэр мог опознать текст, где содержался код?

— Он просматривал разные книги. — Анна уже обдумала ответ на этот вопрос. — Или, например, загнул в ней уголок, чтобы ее отметить.

— Загнул уголок? Ты хочешь сказать, как Гордон в книжке Стивена Бергдорфа? — спросил я, вспомнив, что Меган упомянула об этом в дневнике.

— Вот именно, — ответила Анна.

— Значит, надо кровь из носа добыть эту книгу, — решил я.

Анна кивнула:

— Вот поэтому я вас сюда и позвала.

В эту минуту дверь кафе открылась, и на пороге появилась Сильвия Тенненбаум.

— Что это значит? — спросила она Анну, бросив на нас с Дерекком злобный взгляд. — Ты мне не сказала, что они тоже будут.

— Сильвия, — ласково ответила Анна, — нам надо поговорить.

— Говорить тут не о чем, — сухо отозвалась Сильвия Тенненбаум. — Мой адвокат подает иск против полиции штата.

— Сильвия, — продолжала Анна, — по-моему, твой брат замешан в убийстве Меган и семейства Гордонов. И думаю, доказательство находится у тебя дома.

Сильвия не поверила своим ушам.

— Анна, теперь и ты туда же? — возмутилась она.

— Сильвия, мы можем поговорить спокойно? Я хотела тебе кое-что показать.

Растерянная Сильвия согласилась сесть к нам за стол. Анна коротко изложила ей ситуацию и показала выписки из дневника Меган Пейделин.

— Я знаю, что ты переехала в дом брата, Сильвия. Если Тед действительно в этом замешан, книга может находиться там. Нам очень нужно ее найти.

— Я много чего перестроила, — еле слышно прошептала Сильвия, — но его библиотеку не трогала.

— Можно мы ее посмотрим? — спросила Анна. — Если книга найдется, мы получим ответ на вопрос, который мучает нас всех.

Сильвия колебалась недолго. Выкурив на тротуаре сигарету, она согласилась. Мы поехали к ней. Мы с Дерекком впервые за двадцать лет снова оказались в доме Тенненбаума, который тогда обыскивали и ничего не нашли. Тем не менее доказательство лежало у нас на глазах. И мы его не увидели. Книжка о фестивале. С загнутым уголком обложки. Она чинно стояла на полке среди книг великих американских писателей. Все это время она стояла на месте.

Нашла ее Анна. Мы сгрудились вокруг нее, а она медленно листала страницы с подчеркнутыми фломастером словами. Как и в пьесе Кирка Харви, обнаруженной у мэра, первые буквы подчеркнутых слов образовывали имя:

МЕГАН ПЕЙДЕЛИН

* * *

В нью-йоркском медицинском центре Маунт-Синай Дакота, проснувшись накануне, шла на поправку не по дням, а по часам. Врач, явившись ее осмотреть, обнаружил, что она поедает принесенный отцом гамбургер.

— Тише, тише, — с улыбкой сказал он, — вы хотя бы прожевывайте.

— Я ужасно голодная! — отозвалась Дакота с набитым ртом.
— Очень рад видеть вас в таком настроении.
— Спасибо, доктор. Это, наверное, вам я обязана тем, что выжила.

Врач пожал плечами:

— Вы никому не обязаны, кроме себя самой, Дакота. Вы боец. Вы хотели жить.

Она опустила глаза. Врач проверил повязку на ее груди. На коже виднелось с десятков точек от швов.

— Не волнуйтесь, — сказал врач, — мы, разумеется, сделаем пластическую операцию и уберем шрам.

— Нет, не надо, — прошептала Дакота. — Это будет мое искупление.

В двух тысячах километров оттуда трейлер семейства Бергдорф, двигаясь по 94-й автостраде, уже проехал штат Висконсин. Неподалеку от Миннеаполиса Стивен остановился на автозаправке залить полный бак.

Дети бегали вокруг машины, чтобы размять ноги. Трейси тоже вылезла и подошла к мужу.

— Давай заедем в Миннеаполис, — предложила она.

— Ну уж нет, — рассердился Стивен, — опять ты хочешь изменить всю программу!

— Какую программу? Мне просто хочется по ходу поездки показать детям пару-тройку городов. Вчера ты отказался задержаться в Чикаго, теперь не хочешь заезжать в Миннеаполис. Куда мы так несемся, Стивен, почему нигде не останавливаемся?

— Мы несемся в Йеллоустонский парк, дорогая! Если мы будем останавливаться у каждого столба, то вообще никуда не доедем.

— Ты спешишь?

— Нет, но мы собирались в Йеллоустон, а не в Чикаго, и не в Миннеаполис, и не знаю в какую еще деревню. Мне не терпится увидеть уникальную природу парка. И дети очень расстроятся, если мы будем медлить.

Ровно в этот момент дети подбежали к родителям с криком:

— Папа, мама, машина воняет! — крикнула старшая, зажимая нос.

Стивен в ужасе бросился к машине. В самом деле, из багажника начал сочиться жуткий запах.

— Скунс! — воскликнул он. — Только этого не хватало, мы задавили скунса! Ах ты ж мать твою за ногу!

— Не выражайся, Стивен, — упрекнула его Трейси. — Ничего страшного.

— Мать твою за ногу! — радостно подхватил сын.
— Сейчас схлопочешь! — вне себя крикнула мать.
— Так, все в трейлер! — велел Стивен, возвращая на место наконечник шланга, хотя бак был еще не полон. — Дети, к машине не подходить, ясно? Там могут быть бог весть какие болезни. Эта вонь не выветривается много дней. Еще сильнее будет вонять. Фу, какая вонь, прямо трупный запах! Проклятый скунс!

* * *

В Орфеа мы отправились в книжную лавку Коди, чтобы по дневнику Меган восстановить события 1 июля 1994 года. Майклу и Кирку мы предложили поехать с нами: они могли помочь нам во всем разобраться.

Анна встала за прилавок, как будто она Меган. Мы с Кирком и Майклом изображали покупателей. Дерек встал у стенда с книгами местных писателей, который находился слегка на отшибе. Анна захватила с собой статью из «Орфеа кроникл» от конца июня 1994 года, которую обнаружила накануне гибели Коди. Она всмотрелась в фото Коди перед стендом и сказала:

— В то время стенд находился в чулане, за перегородкой. Коди даже называл его «помещением местных авторов». Стену Коди снес уже потом, чтобы расширить пространство.

— Значит, из-за прилавка не было видно, что происходит в том отделе, — произнес Дерек.

— Именно, — ответила Анна. — Никто не должен был видеть, кто там что затевает в этом отделе 1 июля 1994 года. Но Меган следила за каждым шагом мэра. Она наверняка с подозрением отнеслась к его визиту, ведь он в последние месяцы вообще не заходил в книжный магазин, и не упускала его из виду. Потому и заметила его уловку.

— Значит, в тот день Тенненбаум и Гордон тайно, в этом бывшем чулане, записали имена людей, от которых хотели избавиться, — сказал Кирк Харви.

— Два смертных приговора, — прошептал Майкл.

— Вот почему убили Коди, — сказала Анна. — Он наверняка сталкивался с убийцей в книжном магазине и в конце концов вычислил его. Возможно, убийца испугался, что Меган еще тогда рассказала Коди про странную сцену, которую ей довелось наблюдать.

Мне показалось, что это очень убедительная гипотеза. Но Дерек еще сомневался:

— И что следует из твоей теории, Анна? — спросил он.

— Размен состоялся первого июля. Джеремайя убит шестнадцатого июля. Гордон две недели следил за ним, изучал его привычки. Выяснил, что тот каждый вечер возвращается из клуба одной и той же дорогой. Наконец он начинает действовать. Но он неумеха, не может убивать хладнокровно. Сбивает Джеремайю и бросает его на обочине, хотя тот еще жив. Собирает все, что может, удирает, паникует, на завтра избавляется от машины, причем рискует — ведь дилер мог его выдать. Это импровизация от начала до конца. Гордон убивает Джеремайю только потому, что хочет убрать Меган, пока та его не выдала и не погубила. Он убийца поневоле.

Мы с минуту помолчали.

— Ладно, — сказал Дерек. — Будем исходить из того, что это похоже на правду и Гордон убил Джеремайю Фолда. А что с Меган?

— Тед Тенненбаум ходил шпионить за ней в книжный магазин, — продолжала Анна. — Она упоминает в дневнике, что он был постоянным покупателем. Видимо, в какой-то из визитов он услышал, что она не пойдет на открытие фестиваля, и решил убить ее во время пробежки, пока весь город будет толпиться на Мейн-стрит. Без свидетелей.

— В твоей версии есть одно большое «но», — напомнил Дерек. — Тед Тенненбаум не убивал Меган Пейделин. Не говоря уж о том, что он утонул в реке во время нашей погони, а оружие так и не было найдено, пока оно снова не всплыло в прошлую субботу прямо в Большом театре.

— Значит, есть кто-то третий, — рассудила Анна. — Тенненбаум передал приказ про убийство Джеремайи Фолда, но его интересы здесь совпали с чьими-то еще. И этот человек сегодня замечает следы.

— Парень с газовым баллончиком и татуировкой с орлом, — предположил я.

— А у него какой мотив? — спросил Кирк.

— Его бумажник остался в номере, и Костико по этому бумажнику его находит. Момент более чем неприятный. Только представьте: Костико наверняка в ярости, что его унизили на парковке, на глазах у всех проституток. Ему хочется отомстить парню, превратить его в шестерку, угрожая его родне. Но человека с татуировкой голыми руками не возьмешь, он знает: чтобы обрести свободу, ему нужно убрать не Костико, а Джеремайю Фолда.

Надо было во что бы то ни стало найти Костико. Но мы потеряли его след. Объявления о розыске ничего не дали. Коллеги из полиции штата

опросили его окружение, но никто не мог понять, куда он испарился — без денег, без телефона, без каких-либо вещей.

— Думаю, труп ваш Костико, — сказал Кирк. — Как Стефани, как Коди, как все, кто мог вывести на убийцу.

— Значит, исчезновение Костико доказывает его связь с убийцей. И это тот самый мужчина с татуировкой орла, которого мы ищем.

— Маловато данных, чтобы его найти, — произнес Майкл. — Что еще о нем известно?

— Что он ходил в книжный магазин, — сказал Дерек.

— Что он живет в Орфеа, — добавил я. — По крайней мере, тогда жил.

— Что он связан с Тедом Тенненбаумом, — подсказала Анна.

— Если он был так же связан с Тенненбаумом, как Тенненбаум с мэром, — возразил Кирк, — то надо хватать всех подряд. В то время в Орфеа все друг друга знали.

— А еще он был в субботу вечером в Большом театре, — напомнил я. — Вот по этой детали мы его и вычислим. Мы говорили про актера. Это мог быть кто-то, кто имел туда пропуск.

— Тогда давайте снова посмотреть список, — предложила Анна, беря лист бумаги.

Она записала имена всех актеров труппы:

Шарлотта Браун

Дакота Райс

Элис Филмор

Стивен Бергдорф

Джерри Райс

Рон Гулливер

Мита Островски

Сэмюел Пейделин

— Добавь и меня тоже, и Кирка, — сказал Майкл. — Мы тоже там были. Хотя лично у меня никакой татуировки с орлом нет.

Он задрал футболку и продемонстрировал нам спину.

— У меня тоже нет татуировки! — заорал Кирк и решительно содрал с себя рубашку.

— Мы уже вычеркнули из списка подозреваемых Шарлотту, потому что ищем мужчину, — продолжал Дерек. — А также Элис и Джерри Райса.

Список сократился до четырех имен:

*Мита Островски
Рон Гулливер
Сэмюел Пейделин
Стивен Бергдорф*

— Островски тоже можно вычеркивать, — предложила Анна. — С Орфеа его ничто не связывало, он приезжал только на фестиваль.

Я кивнул:

— Тем более что мы его наблюдали в трусах, и ни у него, ни у Гулливера никакой татуировки с орлом на спине не было.

— То есть остаются всего двое, — сказал Дерек. — Сэмюел Пейделин и Стивен Бергдорф.

Петля затягивалась неумолимо. В тот же день, под вечер, с Анной связалась Кейт Гранд, подруга Меган. Звонила она из гостиницы в Северной Каролине.

— Я читала дневник Меган, — объяснила Анна, — и обнаружила, что в начале 1994 года у нее была любовная связь. Она пишет, что рассказывала о ней вам. Вы что-то об этом помните?

— Да, у Меган в самом деле был страстный роман. Самого мужчину я никогда не видела, но прекрасно помню, как все это кончилось: плохо.

— То есть?

— Ее муж, Сэмюел, все узнал и задал ей жуткую взбучку. Она тогда прибежала ко мне в ночной рубашке, с пятнами на щеках, разбитыми губами. Я ее оставила ночевать.

— Сэмюел Пейделин бил Меган?

— Во всяком случае, в тот день бил. Она сказала, что испугалась, что он ее убьет. Я ей советовала подать жалобу в полицию, но она не стала. Бросила любовника и вернулась к мужу.

— Сэмюел заставил ее порвать отношения и остаться с ним?

— Возможно. После этой истории она от меня отдалилась. Говорила, что Сэмюел не хочет, чтобы мы с ней общались.

— И она послушалась?

— Да.

— Миссис Гранд, простите за несколько неожиданный вопрос. Как вы думаете, мог Сэмюел Пейделин убить жену?

Кейт Гранд помолчала, потом ответила:

— Я всегда удивлялась, что полиция не занялась его страховкой.

— Страховкой? — переспросила Анна.

— За месяц до смерти жены Сэмюел застраховал свою и ее жизнь на

большую сумму. В общей сложности на миллион долларов. Я это знаю, потому что страховкой занимался мой муж. Он страховой брокер.

— И Сэмюел Пейделин получил эти деньги?

— Разумеется. Как вы думаете, на что он купил свой дом с Саутхэмптоне?

Дерек Скотт

Начало декабря 1994 года, окружное отделение полиции штата.

Майор Маккенна в своем кабинете прочел мое заявление.

— Ты просишь перевести тебя на другую работу, Дерек? И куда ты хочешь?

— Например, отправьте меня в отдел административных правонарушений, — подсказал я.

— На кабинетную работу? — Майор не верил своим ушам.

— Я больше не хочу быть оперативником.

— Но, Дерек, ты один из лучших копов, каких я знаю! Не ломай себе карьеру под горячую руку.

— Карьеру? — взвился я. — Да какую еще карьеру, майор?

— Слушай, Дерек, — сочувственно сказал майор, — я понимаю, что ты в себя прийти не можешь. Почему бы тебе не сходить к психологу? Или не взять отпуск на несколько недель?

— Я не могу больше сидеть в отпуске, майор, у меня перед глазами все время крутятся одни и те же картины.

— Дерек, я не могу тебя перевести в административный отдел, это же черт знает что.

С минуту мы с майором смотрели друг на друга, потом я сказал:

— Вы правы, майор. Забудьте мое заявление о переводе.

— А, Дерек, вот так-то лучше!

— Я ухожу из полиции.

— Ну нет, только не это! Слушай, ладно, пусть будет административный отдел. Но на время. Потом вернешься в уголовку.

Майор думал, что я через несколько недель заскучаю, передумаю и попрошусь обратно.

Когда я выходил из кабинета, он спросил:

— Как там Джесси?

— Не хочет никого видеть, майор.

Джесси сидел дома и разбирал вещи Наташи.

Раньше он и представить себе не мог, что проживет без нее хотя бы день. И теперь, оказавшись перед бездонной пустотой, не в силах ее заполнить, он то принимался выбрасывать все подряд, то, наоборот, собирал любые мелочи. Какая-то часть его «я» хотела поскорей перевернуть страницу, все выкинуть, все забыть; в такие минуты он лихорадочно швырял в коробки любые связанные с ней предметы и готовился вынести их на помойку. Но стоило на миг остановиться, присмотреться к какой-то вещичке, как все рушилось, и наступал этап собирательства: вот фотография, ручка без чернил, старая бумажка. Он брал предмет в руки и долго смотрел на него. Говорил себе, что все выбрасывать, наверно, незачем, надо оставить что-то на память о счастливых годах, и откладывал вещичку на стол. Потом начинал вынимать из коробки все, что туда отправил. «Это ведь ты тоже не будешь выбрасывать? — разговаривал он сам с собой. — И это тоже? О нет, ты же не расстанешься с этой чашкой, мы ее купили в МоМА, она из нее пила чай». В итоге Джесси извлекал из коробок все. И гостиная, еще пару минут назад очищенная от всех вещей, превращалась в подобие музея Наташи. Бабушка с дедушкой, сидя на диване, глядели на него со слезами на глазах и бормотали про себя: «Какое говно...»

* * *

В середине декабря Дарла вывезла все из «Маленькой России». Вывеску демонтировали и уничтожили, мебель распродали, чтобы заплатить за оставшиеся месяцы аренды и немедленно от нее отказаться.

Грузчики выносили последние стулья, которые купил какой-то ресторан. Дарла сидела на тротуаре, на холоде, и смотрела на них. Один из грузчиков вынес ей коробку:

— Это мы нашли на кухне, в углу. Мы подумали, что вы, наверно, захотите взять это себе.

Дарла заглянула в коробку. Там были Наташины записи, варианты меню, рецепты и прочие вещи, напоминавшие о том, какими они обе были. Еще там лежала фотография Джесси, Наташи, Дерека и ее самой. Она взяла снимок двумя пальцами и долго смотрела на него.

— Фотографию я возьму, — сказала она грузчику. — Спасибо. Остальное можете выбросить.

— Вы уверены?

— Да.

Грузчик кивнул и направился к грузовику. Обессиленная Дарла разрыдалась.

Надо было все забыть.

Джесси Розенберг

Пятница, 1 августа 2014 года

Спустя шесть дней после открытия фестиваля

Может, Меган хотела бросить Сэмюела Пейделина? А он не стерпел и убил ее, заодно прикарманив женину страховку?

В то утро мы поехали к нему, но дома не застали. Тогда мы решили отправиться к нему на службу. Администратор предупредил его о нашем визите, он, ни слова не говоря, провел нас к себе в кабинет, закрыл за нами дверь и только тогда взорвался:

— Вы с ума сошли, приезжать сюда без предупреждения? Вы что, хотите, чтобы меня выгнали с работы?

Вид у него был просто бешеный. Анна спросила:

— Вы вспыльчивый человек, Сэмюел?

— Это еще что за вопросы? — огрызнулся он.

— Вы ведь били жену.

Сэмюел Пейделин так и сел:

— Вы что такое говорите?

— Вы нам тут святую простоту не стройте! — прикрикнула на него Анна. — Нам все известно!

— Интересно, кто это вам сказал?

— Не важно, — ответила Анна.

— Послушайте, примерно за месяц до смерти Меган у нас с ней вышла большая ссора, это правда. Я дал ей пощечину. Конечно, я не должен был. Сорвался. Мне нет прощения. Но это было единственный раз. Я не бил Меган!

— Из-за чего вы поссорились?

— Я обнаружил, что Меган мне изменяет. И хотел от нее уйти.

* * *

Понедельник, 6 июня 1994 года

В то утро, когда Сэмюел Пейделин допивал кофе и собирался на службу, жена вышла к нему в халате.

— Ты сегодня на работу не идешь? — спросил он.

— Что-то неважно себя чувствую, у меня температура. Я позвонила Коди и сказала, что сегодня в магазин не приду.

— Конечно, — сказал Сэмюел, залпом допивая кофе. — Иди ложись.

Он поставил чашку в раковину, поцеловал жену в лоб и уехал на работу.

Он бы наверняка так и оставался в неведении, если бы час спустя ему не пришлось возвращаться домой за какой-то служебной папкой, которую он брал домой на выходные и забыл на столике в гостиной.

Свернув на свою улицу, он увидел, как Меган выходит из дома. В потрясающем летнем платье и изящных босоножках. Она вся светилась радостью, ничего общего с той женщиной, которую он видел час назад. Он остановился и стал смотреть, как она садится в свою машину. Она его не видела. Он решил ехать за ней.

Меган добралась до Бриджхэмптона, так и не заметив мужа: тот пропустил вперед несколько машин. Она пересекла главную улицу, повернула на Саг-Харбор и метров через двести въехала в роскошный парк, окружавший отель «Северная роза». Это был небольшой, весьма престижный, но неброский отель; его облюбовали нью-йоркские знаменитости. У входа в величественное здание с колоннадами она поручила машину парковщику и устремилась внутрь. Сэмюел последовал за ней, но немного погодя, чтобы жена его не видела. В отеле он не нашел ее ни в баре, ни в ресторане. Она напрямиком поднялась наверх. К кому-то в номер.

В тот день Сэмюел Пейделин на работу не вернулся. Несколько часов он ждал жену на парковке отеля, но она не появлялась. Тогда он поехал домой, бросился смотреть ее дневники и в ужасе обнаружил, что она уже не первый месяц встречается с этим типом в «Северной розе». Кто он такой? Она писала, что встретила его на новогоднем балу. Они ездили туда вместе. Значит, он тоже его видел. Возможно, они даже знакомы. Его чуть не стошнило. Он сел в машину и долго катил куда глаза глядят, не понимая, что теперь делать.

Когда он наконец вернулся домой, Меган уже была там. Лежала в кровати в ночной рубашке и притворялась совсем больной.

— Бедная ты моя, тебе не лучше? — Он изо всех сил старался

говорить спокойно.

— Нет, — еле слышно ответила она, — я весь день не вставала.

Сдерживаться дальше Сэмюел не мог. Он взорвался. Сказал, что все знает, что она ездила в «Северную розу», что она встречалась в номере с каким-то мужчиной. Меган отрицать не стала.

— Проваливай отсюда! — заорал Сэмюел. — Ты мне противна!

Она побледнела и взмолилась, рыдая:

— Прости меня, Сэмюел!

— Чтобы ноги твоей здесь больше не было! Выметайся! Забирай свои вещи и убирайся, видеть тебя больше не могу!

— Сэмюел, умоляю, не надо! Я не хочу тебя терять. Я люблю только тебя.

— Надо было думать, прежде чем спать с первым встречным!

— Это худшая ошибка в моей жизни, Сэмюел! У меня к нему нет никаких чувств!

— Меня сейчас стошнит от тебя. Я читал твой дневник, видел, что ты про него пишешь. Я знаю, сколько раз вы встречались в «Северной розе»!

— Но ты мной совсем не занимаешься, Сэмюел! — воскликнула она. — Я для тебя ничего не значу! Ты на меня вообще не смотришь. Когда этот человек стал за мной ухаживать, мне это понравилось. Да, мы с ним регулярно встречались! Да, флиртовали! Но я с ним ни разу не спала!

— Ах так, значит, теперь я же еще и виноват?

— Нет, я просто говорю, что иногда мне с тобой одиноко.

— Я читал, что ты его встретила на новогодней вечеринке. Значит, все происходило у меня на глазах! То есть я знаю этого типа? Кто он?

— Не важно, — всхлипнула Меган, не зная, сознаваться или нет.

— Не важно? Ущипните меня, я сплю!

— Сэмюел, не бросай меня! Пожалуйста!

Разговор шел на повышенных тонах. Меган упрекнула мужа в недостатке внимания и романтики, и тот, выйдя из себя, крикнул:

— Ах, я не навеваю тебе мечты? А ты, интересно, какие мечты мне навеваешь? Ты вообще не живешь, тебе даже рассказать нечего, кроме своих жалких делишек в книжной лавке да всяких глупостей, которыми у тебя голова забита!

Меган, уязвленная этими словами в самое сердце, плюнула мужу в лицо, и тот непроизвольно ответил ей увесистой пощечиной. От неожиданности Меган очень сильно прикусила язык. Она почувствовала, как рот наполняется кровью. Не помня себя, она схватила ключи от машины и выскочила из дома прямо в ночной рубашке.

* * *

— Назавтра Меган вернулась обратно, — рассказывал нам Сэмюел Пейделин в своем кабинете. — Умоляла меня не бросать ее, клялась, что этот тип — ужасная ошибка, что эта история позволила ей осознать, как она меня любит. Я решил дать своему браку второй шанс. И знаете что? Нам обоим это невероятно пошло на пользу. Я стал уделять ей гораздо больше внимания, она почувствовала себя счастливее. Наша семья преобразилась. Мы никогда в жизни так не совпадали по фазе. Следующие два месяца были просто прекрасными, у нас вдруг возникло множество разных планов.

— А что стало с любовником? — спросила Анна.

— Понятия не имею. Меган поклялась, что обрубил все связи с ним.

— И как он воспринял их разрыв?

— Говорю же, не знаю, — сказал Сэмюел.

— И вы так и не выяснили, кто это был?

— Нет. Я его даже в лицо никогда не видел.

Мы помолчали.

— Значит, вот почему вы не перечитывали ее дневники, — сказала Анна. — И хранили их в подвале. Потому что они вам напоминали о той печальной истории.

Сэмюел Пейделин только молча кивнул. У него перехватило горло, он не мог выдать из себя ни звука.

— Последний вопрос, мистер Пейделин, — произнес Дерек. — У вас на теле есть татуировки?

— Нет, — пробормотал он.

— Могу я вас попросить снять рубашку? Это просто дежурная проверка.

Сэмюел Пейделин молча стянул с себя рубашку. Татуировки с орлом не было.

А если отставной любовник не вынес ухода Меган и убил ее?

Нельзя было пренебрегать ни единой версией. После визита к Сэмюелу Пейделину мы отправились в Бриджхэмптон, в отель «Северная роза». Когда мы объяснили администратору, что ищем человека, снимавшего у них номер 6 июня 1994 года, он расхохотался нам в лицо.

— Дайте нам списки всех, кто снимал номера с пятого по седьмое июня, с именами мы сами разберемся, — сказал я.

— Как вы не понимаете, капитан, — ответил он. — Вы же спрашиваете про 1994 год. Мы тогда карточки от руки заполняли. У нас нет в компьютере базы, с помощью которой я бы мог вам помочь.

Пока я вел переговоры с администратором, Дерек ходил взад-вперед по лобби отеля. Его взгляд упал на стенд почетных посетителей, куда помещались фото известных постояльцев — актеров, писателей, режиссеров. Вдруг Дерек схватил одну фотографию.

— Что вы делаете? — возмутился администратор. — У нас нельзя...

— Джесси! Анна! Идите сюда! — закричал Дерек.

Мы подбежали к нему и увидели фотографию Миты Островски, моложе на двадцать лет, в вечернем костюме; расплывшись в улыбке, он позировал фотографу, а рядом стояла Меган Пейделин.

— Когда сделано это фото? — спросил я администратора.

— На новогоднем вечере 1994 года, — ответил тот. — Этот человек — критик Островски, а...

— Любовником Меган Пейделин был Островски! — вскричала Анна.

Мы немедленно помчались в «Палас дю Лак». У входа в лобби мы столкнулись с директором.

— Уже? — изумился он, увидев нас. — Я же позвонил секунду назад.

— Кому вы звонили? — спросил Дерек.

— В полицию, само собой, — ответил директор. — По поводу Миты Островски. Он только что съехал, у него вроде что-то стряслось в Нью-Йорке. Мне горничные сказали.

— Да что сказали, черт побери? — потерял терпение Дерек.

— Идемте.

Директор отвел нас в 310-й номер люкс, который занимал Островски, и открыл дверь своим магнитным ключом. Мы вошли в номер, и нашему взору предстали стены, увешанные множеством статей про убийства 1994 года, про исчезновение Стефани, про наше расследование. И повсюду были фото Меган Пейделин.

4. Исчезновение Стефани Мейлер

Суббота, 2 августа — понедельник, 4 августа 2014 года

Джесси Розенберг

Суббота, 2 августа 2014 года

Спустя неделю после открытия фестиваля

Значит, пресловутым третьим был Островски?

Накануне мы потеряли его след. Знали только, что он вернулся в Нью-Йорк: камеры слежения нью-йоркской дорожной полиции зафиксировали его машину на Манхэттенском мосту. Но домой он не поехал. Его квартира была пуста. Телефон отключен, а значит, локализация невозможна. Из родни у него была только пожилая сестра; она тоже куда-то пропала, и связаться с ней не удалось. Так что мы с Дерекком почти сутки сидели в засаде возле его дома. Пока мы больше ничего сделать не могли.

Все следы вели к нему. Он был любовником Меган Пейделин с января по июнь 1994 года. В отеле «Северная роза» нам подтвердили, что он в эти полгода регулярно появлялся у них. В тот год он приезжал в Хэмптоны не только по случаю театрального фестиваля в Орфеа. Он бывал там все последние месяцы. Безусловно, из-за Меган. И не смог перенести, что она его бросила. В вечер открытия фестиваля он убил ее, а заодно и семейство Гордонов, несчастных свидетелей преступления. У него было время дойти туда и обратно пешком и вернуться в зал к началу спектакля. А затем он высказал свое мнение о постановке в газетах, чтобы все знали: он в тот вечер был в Большом театре. Безупречное алиби.

В тот же день, чуть позже, Анна съездила к Миранде Берд и показала ей фото Островски в надежде, что она его опознает, но та не была ни в чем уверена:

— Вполне возможно, что и он. Сложно что-то утверждать спустя двадцать лет.

— Вы уверены, что у него была татуировка? — спросила Анна. — Потому что у Островски ее никогда не было.

— Честно говоря, не помню, — призналась Миранда. — Может, я путаю?

Пока мы караулили Островски в Нью-Йорке, в Орфеа Анна с Кирком Харви и Майклом Бердом, сидя в архиве «Орфеа кроникл», заново пересматривали все факты нашего расследования. Они хотели убедиться, что от них ничего не ускользнуло. Они устали, им хотелось есть. Они весь день практически ничего не ели, кроме конфет и шоколада, которые Майкл регулярно притаскивал из своего кабинета: у него ими был набит целый ящик стола.

Кирк не сводил глаз со стены, покрытой заметками, фотографиями и вырезками из газет.

— А почему нигде нет имени женщины, которая могла бы опознать убийцу? — спросил он у Анны. — В списке свидетелей значится просто «женщина из мотеля на 16-м шоссе». Остальные имена есть.

— Верно, — согласился Майкл. — Как ее зовут? Это может быть важно.

— Ею занимался Джесси, — ответила Анна. — Надо будет у него спросить. Но она в любом случае ничего не помнит. Не будем терять время.

Но Кирк вцепился в нее мертвой хваткой:

— Я смотрел досье полиции штата от 1994 года, там этого свидетеля нет. То есть это что-то новое?

— Давайте спросим Джесси, — повторила Анна.

Кирк все равно не отставал, и Анна любезно попросила Майкла принести еще шоколадок. Пока тот бегал наверх, Анна быстро изложила Кирку ситуацию в надежде, что он поймет, почему ни в коем случае нельзя упоминать эту свидетельницу при Майкле.

— О господи, — прошептал Кирк, — в голове не укладывается. Жена Майкла была проституткой при Джеремайе Фолде?

— Заткнитесь, Кирк! — приказала Анна. — Держите рот на замке! Если вы его откроете, честное слово, я вас пристрелю.

Анна уже жалела, что рассказала о ней Кирку. Она как чувствовала: он непременно что-нибудь ляпнет. Майкл вернулся в архив с пакетом конфет.

— Так что свидетель? — спросил он.

— Мы уже в следующем пункте, — улыбнулась Анна. — Мы говорили об Островски.

— Что-то мне не верится, что Островски мог расстрелять целую семью, — заметил Майкл.

— Ой, знаешь, внешность обманчива, — возразил Кирк. — Иногда думаешь, что все о людях знаешь, а у них вдруг обнаруживаются поразительные секреты.

— Не важно, — перебила Анна Кирка, испепелив его взглядом, —

увидим, что и как, когда Джесси с Дерекком задержат Островски.

— От них пока вестей нет? — спросил Майкл.

— Молчат.

* * *

Была половина девятого вечера.

Мы с Дерекком по-прежнему сидели в Нью-Йорке перед домом Островски. И уже совсем готовы были отказаться от засады, когда на тротуаре показался критик, спокойным шагом направлявшийся к дому. Мы выскочили из машины с револьверами в руках и бросились на него.

— Да вы совсем с ума сошли, Джесси, — простонал Островски, когда я, прижав его к стене, застегивал на нем наручники.

— Нам все известно, Островски! — крикнул я. — Игра окончена!

— Что такое вам известно?

— Это вы убили Меган Пейделин и Гордона. Равно как Стефани Мейлер и Коди Иллинойса.

— Чего?! — завопил Островски. — Вы больные, что ли?

Вокруг начали собираться зеваки. Кто-то уже снимал происходящее на телефон.

— На помощь! — воззвал к ним Островски. — Эти двое никакие не полицейские! Это психи!

Нам пришлось продемонстрировать толпе полицейские жетоны, и мы втащили Островски в дом, чтобы никто нам не мешал.

— Можно поинтересоваться, какая муха вас укусила? С чего вы взяли, что я убил этих бедняг? — требовательно спросил Островски.

— Мы видели ваш номер в отеле, Островски. Там вся стена увешана вырезками из газет и фотографиями Меган.

— Но это как раз и доказывает, что я никого не убивал! Я уже двадцать лет пытаюсь понять, что тогда произошло.

— Или двадцать лет пытаетесь замести следы, — возразил Дерек. — Вы для того Стефани и наняли, да? Хотели посмотреть, можно ли до вас добраться, а когда у нее почти получилось, вы ее убили.

— Ну знаете! Я пытался проделать работу, которую вы не проделали в девяносто четвертом!

— Вы нам лапшу на уши не вешайте. Вы были шестеркой Джеремайи Фолда! Потому и попросили Гордона вас от него избавить.

— Я никогда не был ничьей шестеркой! — возмутился Островски.

— Хватит языком молотить, — сказал Дерек. — Почему вы вдруг срочно уехали из Орфеа, если вам не в чем себя упрекнуть?

— У сестры вчера случился инсульт. Ее срочно оперировали. Я хотел быть с ней. Я сидел у нее всю ночь и весь день. У меня никого не осталось, кроме нее.

— В какой она больнице?

— В Пресвитерианской больнице Нью-Йорка.

Дерек позвонил в больницу. Сведения Островски полностью подтвердились. Он нам не лгал. Я немедленно снял с него наручники и спросил:

— Почему вам не дает покоя это преступление?

— Да потому что я любил Меган, черт возьми! — воскликнул Островски. — Неужели так трудно понять? Я любил ее, а у меня ее отняли! Откуда вам знать, что значит потерять любовь своей жизни!

Я долго смотрел на него. В его глазах стояла беспросветная тоска.

— Я слишком хорошо это знаю, — наконец произнес я.

Островски был ни при чем. Мы попусту потратили драгоценное время и силы: нам оставались сутки, чтобы завершить расследование. Если к утру понедельника мы не доставим преступника к майору Маккенне, с нашей карьерой в полиции будет покончено.

Подозреваемых у нас оставалось двое: Рон Гулливер и Стивен Бергдорф. Мы решили начать с Бергдорфа, раз уж оказались в Нью-Йорке. Улик против него было много: бывший главный редактор «Орфеа кроникл», бывший начальник Стефани покинул Орфеа на следующий день после убийства, внезапно вернулся, чтобы участвовать в спектакле, который должен был раскрыть имя убийцы. Мы отправились к нему на квартиру в Бруклин. Долго стучали. Никого. Мы уже собирались высадить дверь, когда на лестничной площадке появился сосед:

— Нечего так колошматить, Бергдорфы уехали.

— Уехали? — удивился я. — Когда это?

— Позавчера. Я видел из окна, как они садились в трейлер.

— И Стивен Бергдорф тоже?

— Да, и Стивен. Все семейство.

— Но он не имеет права покидать штат Нью-Йорк, — сказал Дерек.

— А вот это меня уже не касается, — резонно заметил сосед. — Может, они отправились в долину Гудзона.

* * *

Йеллоустонский национальный парк, 21.00.

Бергдорфы добрались сюда час назад и теперь устраивались в кемпинге в восточной части парка. Спускалась теплая летняя ночь. Дети играли на улице, а Трейси в трейлере поставила кипятить воду, чтобы сварить спагетти. Но почему-то не нашла их, хотя прекрасно помнила, что покупала.

— Ничего не понимаю, — сердито сказала она Стивену. — По-моему, еще вчера я тут видела четыре пачки?

— Ба, ничего страшного, дорогая. Сейчас смогаюсь за ними, тут неподалеку есть магазин у дороги.

— Мы что, двинемся туда в трейлере?

— Нет, я на машине. Вот видишь, как хорошо, что мы взяли машину. К тому же я хочу посмотреть, нет ли какого-нибудь средства избавиться от этой скунсовой вони.

— Ой да, умоляю! — закивала Трейси. — Такой жуткий запах. Не знала, что скунсы настолько вонючие.

— О, это жуткие твари! Непонятно, зачем господь их создал, разве что нам в наказание.

Стивен оставил жену с детьми и подошел к машине, припаркованной поодаль. Выехал из кемпинга и двинулся по главному шоссе к продуктовому магазину. Но не остановился у него, а поехал по направлению к Барсучьей долине, к серным источникам.

На парковке никого не было. Смеркалось, но было видно, куда идти. Источники находились в нескольких десятках метров, надо было перейти деревянный мостик.

Он огляделся. Никого. На горизонте никаких фар. Он открыл багажник. На него обрушилась волна кошмарного запаха, его стошнило. Вонь была нестерпимая. Он постарался не дышать носом и, задрав футболку, закрыл себе рот. Собравшись с духом, взял себя в руки и, подхватив упакованное в пленку тело Элис, с трудом дотащил его до кипящих источников. Ну, последнее усилие. На берегу он сбросил тело на землю и толкал ногой до тех пор, пока оно не скатилось с обрыва в кипящую кислоту. Он видел, как труп медленно идет ко дну. Наконец он исчез в темной глубине.

— Прощай, Элис, — произнес он. Внезапно на него напал хохот, потом он заплакал. Его вырвало еще раз. И в этот момент он вдруг почувствовал,

что на него направлен мощный луч света.

— Эй, вы! — окликнул его властный голос. — Вы что тут делаете?

Это был рейнджер. Сердце у Стивена чуть не выпрыгнуло из груди. Он хотел ответить, что заблудился, но в смятении лишь пробормотал что-то нечленораздельное.

— Подойдите ближе, — приказал рейнджер, по-прежнему слепя его фонариком. — Я вас спрашиваю, какого черта вам тут надо.

— Ничего, — ответил Бергдорф, чуть оправившись, — просто гуляю.

Рейнджер подошел вплотную и глядел на него с подозрением.

— В такой-то час? Здесь? — спросил он. — По вечерам сюда вход запрещен. Вы что, не видели объявления?

— Нет, простите, мне очень жаль, — заверил его Стивен с убитым видом.

— С вами все в порядке, вы уверены? Вы как-то странно выглядите.

— Уверен, уверен! Все в полном порядке!

Рейнджер, решив, что это неосторожный турист, ограничился предупреждением:

— Здесь нельзя гулять в темноте. Знаете, если вы туда упадете, на завтра от вас ничего не останется, даже костей.

— Неужели?

— Да, вот так. Вы разве не слышали о жуткой истории в прошлом году? О ней везде писали и говорили. Какой-то парень упал в серный источник на глазах у сестры как раз здесь, в Барсучьей долине. Пока приехали спасатели, от него ничего не осталось, только сандалии.

* * *

Мы с Дерекком дали объявление о розыске Стивена Бергдорфа и решили вернуться в Орфеа. Я позвонил Анне, и мы двинулись в путь.

В архиве Анна нажала на отбой.

— Это Джесси звонил, — сказала она Майклу и Кирку. — Похоже, Островски ни при чем.

— Я так и думал, — сказал Майкл. — Что будем делать?

— Надо пойти поесть, ночь обещает быть долгой.

— Поехали в «Кодиак»! — предложил Майкл.

— Гениально, — одобрил Кирк. — Ни о чем так не мечтаю, как о

хорошем стейке!

— Нет, Кирк, без вас, — сказала Анна, опасаясь, как бы он не ляпнул лишнего. — Кто-то должен дежурить здесь.

— Дежурить? — удивился Кирк. — Чего тут дежурить-то?

— Вы останетесь здесь, и точка! — приказала Анна.

Они с Майклом вышли через черный ход на узкую улочку и сели в машину Анны.

Кирк чертыхнулся. Опять его оставили одного. Ему вспомнились долгие месяцы в роли «шефа-одиночки», когда он сидел взаперти в подвале. Он порылся в рассыпанных на столе документах и погрузился в полицейское досье. Сгреб последние шоколадки и сунул всю пригоршню в рот.

Анна с Майклом ехали по Мейн-стрит.

— Ты не против, если я сперва заскочу домой? Хочу поцеловать дочек, пока они не легли спать. Я их за последнюю неделю почти не видел.

— Конечно, с удовольствием, — ответила Анна, сворачивая на Бриджхэмптон.

Когда они подъехали к дому Бердов, Анна увидела, что в окнах нет света.

— Хм, никого нет? — удивился Майкл.

Анна остановила машину перед домом.

— Может, твоя жена куда-то пошла с детьми?

— Наверняка отправились есть пиццу. Сейчас им позвоню.

Майкл достал из кармана мобильник и, взглянув на экран, чертыхнулся: сети не было.

— В последнее время тут вообще не ловит, — сердито сказал он.

— У меня тоже нет сети, — подтвердила Анна.

— Подожди минутку, я найду позвоню со стационарного телефона.

— А можно попросить воспользоваться туалетом? — спросила Анна.

— Ну конечно. Пошли.

Они вошли в дом. Майкл показал Анне, где туалет, и снял телефонную трубку.

* * *

Мы с Дерекком подъезжали к Орфеа, когда раздался вызов по радио. Диспетчер сообщал, что человек по имени Кирк Харви безуспешно

пытается с нами связаться, но у него нет наших телефонов. Нас соединили по радиосвязи, и в кабине внезапно загремел голос Кирка:

— Джесси, ключи! — панически орал он.

— Что ключи?

— Я в кабинете Майкла Берда, в редакции газеты. Я их нашел.

Мы ничего не понимали.

— Что вы нашли, Кирк? Говорите яснее!

— Я нашел ключи Стефани Мейлер!

Кирк объяснил, что поднялся в кабинет Майкла Берда за шоколадом. Когда он рылся в ящике стола, ему вдруг попала под руку связка ключей с брелоком, желтым пластмассовым шариком. Где-то он его видел. Роясь в памяти, он вдруг отчетливо вспомнил себя в баре «Белуга»: Стефани собирается уходить, он, пытаясь ее задержать, хватается за ее сумочку. Содержимое сумки рассыпается по полу. Он подбирает ключи и отдает ей. Он хорошо запомнил этот брелок.

— Вы уверены, что это ключи Стефани? — спросил я.

— Да, к тому же на связке есть ключи от машины, — уточнил Кирк. — От «мазды». Какая машина была у Стефани?

— «Мазда», — ответил я. — Это ее ключи. Никому ничего не говорите и любым способом задержите Майкла в редакции.

— Он уехал. С Анной.

* * *

В доме Бердов Анна вышла из туалета. Все тихо. Она вошла в гостиную — никаких следов Майкла. Ее взгляд упал на фотографии в рамках, стоящие на комод. Семейные фото Бердов в разные годы. Рождение дочек, отпуск. Анна заметила снимок, на котором Миранда выглядела совсем молоденькой. Она стояла с Майклом, на заднем плане — наряженная рождественская елка, в окно видны сугробы на улице. В правом нижнем углу значилась дата — в свое время было принято ее ставить, когда пленку отдавали проявлять в ателье. Анна подошла поближе и всмотрелась: 23 декабря 1994 года. Сердце ее учащенно забилось. Миранда утверждала, что встретила с Майклом через несколько лет после смерти Джеремайи. Значит, та ей солгала.

Анна огляделась. Ни звука. Куда делся Майкл? Ее охватило беспокойство. Взявшись за рукоятку револьвера, она осторожно двинулась

на кухню. Никого. Казалось, в доме нет ни души. Она достала револьвер и вступила в темный коридор. Щелкнула выключателем, но света не было. Внезапно сильный удар по спине сбил ее с ног. Она выронила оружие. Хотела обернуться, но в лицо ей брызнул газ. Она закричала от боли. Глаза жгло огнем. Ее ударили по голове, и она потеряла сознание.

Дальше — чернота.

* * *

Мы с Дерекком объявили общую тревогу. Монтейн срочно отправил людей в «Кодиак» и домой к Бердам. Но Анны с Майклом нигде не было. Когда мы наконец сами подъехали к дому Бердов, полицейские показали нам совсем свежие следы крови.

В этот момент из пиццерии вернулась Миранда с дочерьми.

— Что случилось? — спросила она, увидев полицейских.

— Где Майкл? — крикнул я.

— Понятия не имею, где Майкл. Он мне недавно звонил. Сказал, что он здесь с Анной.

— А где были вы?

— Ходили с дочками есть пиццу. Капитан, да что здесь происходит?

Анна пришла в себя. Руки у нее были связаны за спиной, голову закрывал мешок. Она собралась с духом. Только не паниковать. По доносившимся звукам и вибрации она поняла, что лежит на заднем сиденье едущей машины.

По ощущениям она заключила, что машина катит по проселочной дороге, не по асфальту, скорее по земле или по гравию. Внезапно машина затормозила. Анна услышала шум. Задняя дверца резко открылась. Ее схватили и поволокли по земле. Она ничего не видела, не знала, где находится. Но до нее донеслось кваканье лягушек: она была возле озера.

* * *

В гостиной Бердов Миранда отказывалась поверить, что ее муж может быть замешан в убийствах:

— Как вам вообще могло прийти в голову, что Майкл причастен к

этому делу? Может, это его кровь здесь нашли!

— Ключи Стефани Мейлер лежали у него в кабинете, — сказал я.

Но Миранда не хотела верить:

— Вы делаете ошибку. Теряете драгоценное время. Майклу, быть может, грозит опасность.

Я пошел в соседнюю комнату к Дереку. Перед ним лежала карта окрестностей, он говорил по телефону с Ранджитом Сингхом.

— Убийца — человек умный и дотошный, — говорил Сингх по громкой связи. — Он знает, что с Анной ему далеко не уехать, иначе непременно налетит на полицейский патруль. Он очень осторожен. Не хочет лишний раз рисковать и избегает прямого столкновения.

— Значит, он где-то недалеко от Орфеа? — спросил я.

— Не сомневаюсь. В пределах пространства, которое ему хорошо известно. Там, где он чувствует себя в безопасности.

— Примерно так же он вел себя со Стефани? — спросил Дерек, изучая план.

— Вполне вероятно.

Дерек обвел фломастером пляж, неподалеку от которого была найдена машина Стефани.

— Убийца потому и назначил встречу Стефани здесь, что собирался отвезти ее куда-то поблизости, — рассудил Дерек.

Я провел пальцем вдоль 22-го шоссе до Оленьего озера и обвел его красным. Потом взял карту и показал ее Миранде.

— У вас есть другой дом в округе? — спросил я. — Семейный домик, какая-нибудь хижина, место, где ваш муж чувствует себя вдали от всех забот?

— Мой муж? Но...

— Отвечайте на вопрос!

Миранда взглянула на карту и показала пальцем на водоем рядом с Оленьим озером — Бобровое озеро.

— Майкл любит там бывать, — сказала она. — Там есть понтонная пристань и лодка. Можно добраться на чудесный островок. Мы туда часто ездим на пикник с дочками. Там всегда ни души. Майкл говорит, что мы одни во всем мире.

Мы с Дерекком переглянулись. Слова были не нужны. Мы бросились к машине.

* * *

Анну куда-то бросили, ей показалось, что в лодку. Она притворялась, что все еще без сознания. Почувствовала, что лодка закачалась, до слуха донесся скрип уключин. Ее куда-то везли, но куда?

Мы с Дерекком неслись на предельной скорости по 56-й автостраде. Вскоре вдали показалось Оленье озеро.

— По правую руку будет поворот, — предупредил меня Дерек, включая сирену. — Узкая проселочная дорога.

Мы заметили ее вовремя. Я свернул и еще прибавил газу. Вскоре я заметил машину Анны на берегу, совсем рядом с понтонной пристанью. Я нажал на тормоз, мы выпрыгнули из автомобиля. Несмотря на сумерки, на озере была видна лодка, она двигалась к островку. Мы выхватили револьверы.

— Стой! Полиция! — крикнул я и дал предупредительный выстрел.

В ответ мы слышали голос Анны из лодки, она звала на помощь. Кто-то сидевший на веслах ударил ее, Анна закричала еще громче. Мы с Дерекком бросились в озеро. Мы едва успели увидеть, как Анну сбрасывают за борт. Сначала она камнем пошла ко дну, потом попыталась с помощью одних ног выплыть на поверхность и глотнуть воздуха.

Мы с Дерекком плыли изо всех сил. В темноте невозможно было разглядеть силуэт в лодке: она огибала нас, возвращалась обратно, к машинам. Останавливаться мы не могли: надо было спасти Анну. Мы сделали последний рывок, поравнялись с ней, и тут силы оставили ее — она пошла на дно.

Дерек нырнул. Я за ним. Вокруг была темнота. Наконец он нащупал тело Анны, подхватил и сумел поднять на поверхность. Я стал помогать, и вместе нам удалось доволочь Анну до ближайшего островка и вытащить ее на сушу. Она закашлялась, из ее горла хлынула вода. Она была жива.

На другом берегу лодка причалила к понтону. Мы видели, как человеческая фигура метнулась к машине Анны и машина уехала.

* * *

Спустя два часа служащий стоявшей на отшибе автозаправки увидел, как в магазин вбегает окровавленный, перепуганный человек. Руки у Майкла Берда были связаны веревкой.

— Вызовите полицию! — взмолился он. — Он здесь, он за мной гонится!

Джесси Розенберг

Воскресенье, 3 августа 2014 года

Спустя восемь дней после открытия фестиваля

В больнице — врачи оставили Майкла на ночь в палате, под наблюдением, — он нам рассказал, что на него напали на пороге собственного дома:

— Я был на кухне, только что позвонил жене. Вдруг я услышал какой-то шум на улице. Это не могла быть Анна, она была в туалете. Я вышел посмотреть, что происходит, и мне в тот же миг распылили в лицо слезоточивый газ, потом я получил сильный удар. Дальше ничего не помню. Очнулся я в багажнике машины, со связанными руками. Вдруг багажник открылся. Я притворился, что все еще без сознания. Меня поволокли по земле. Я чувствовал запах земли и зелени. Потом я услышал такие звуки, будто что-то копают. В конце концов я приоткрыл глаза. Я лежал в лесу. В нескольких метрах от меня какой-то человек в балаклаве рыл яму. Мою могилу. Я вспомнил жену, дочерей, мне не хотелось так просто умереть. Отчаяние придало мне сил, я вскочил и побежал. Скатился по склону и помчался по лесу со всех ног. Я слышал его шаги, он бежал за мной. Мне удалось от него оторваться. Я оказался на дороге и побежал по ней, надеялся, что мне попадетсa какая-нибудь машина, но потом заметил автозаправку.

Дерек, внимательно выслушав рассказ Майкла, произнес:

— Хватит сказки рассказывать. Мы нашли ключи Стефани Мейлер. В ящике вашего стола.

Майкл, казалось, не верил своим ушам:

— Ключи Стефани Мейлер? Что вы такое говорите? Ерунда какая-то.

— Тем не менее это правда. Связка ключей от ее квартиры, от редакции, от ее машины и от склада.

— Это совершенно невозможно, — сказал Майкл. Вид у него был искренне ошарашенный.

— Это были вы, Майкл? — спросил я. — Это вы убили Стефани? И всех остальных?

— Нет! Конечно же нет, Джесси! Ну это же просто смешно! Кто нашел ключи у меня в столе?

Мы бы предпочли не отвечать на этот вопрос: если ключи найдены не полицейским в ходе обыска, они не могли служить доказательством. Но другого выхода у меня не было, и я сказал правду:

— Кирк Харви.

— Кирк Харви? Кирк Харви рылся у меня в столе и, словно по волшебству, нашел ключи Стефани? Но это же бессмыслица! Он был один?

— Да.

— Послушайте, я не знаю, что все это значит, но, по-моему, Харви водит вас за нос. Точно так же, как со своей пресловутой пьесой. И вообще, что происходит? Я арестован?

— Нет, — ответил я.

Ключи Стефани Мейлер нельзя было приобщить к делу. Кирк утверждал, что нашел их в столе Майкла, но так ли это? Или они у него были с самого начала? А может, это Майкл пытался водить нас за нос и имитировал нападение на себя? Слово Кирка против слова Майкла. Один из них лгал. Но кто?

Рана на лице Майкла была серьезной, пришлось наложить несколько швов. На ступенях его крыльца нашли кровь. История выглядела правдоподобно. Тот факт, что Анну швырнули на заднее сиденье машины, тоже укладывался в версию Майкла: он утверждал, что его положили в багажник. К тому же мы обыскали его дом и всю редакцию «Орфеа кроникл», но абсолютно ничего не нашли.

После Майкла мы с Дерекком зашли в соседнюю палату, к Анне. Она тоже провела ночь в больнице. Она отделалась более или менее легким испугом — здоровенным синяком на лбу и подбитым глазом. Она избежала худшего: на острове нашли зарытое тело Костико, его застрелили.

Анна не видела, кто на нее напал. И не слышала его голоса. Помнила только ослепивший ее слезоточивый газ и удары, от которых потеряла сознание. В себя она пришла с полотняным мешком на голове. Ее машину, где могли сохраниться отпечатки пальцев, до сих пор не нашли.

Анна была готова покинуть больницу, и мы предложили отвезти ее домой. В больничном коридоре, когда мы пересказали ей версию Майкла, она с сомнением покачала головой:

— Нападавший бросил его в багажнике, пока тащил меня на этот остров? Почему?

— Возможно, лодка бы не выдержала веса троих взрослых людей, — предположил я. — И он собирался перевезти вас по очереди.

— А вы ничего не заметили, когда подъезжали к Бобровому озеру? — спросила Анна.

— Нет, — ответил я, — мы сразу бросились в воду.

— То есть против Майкла ничего нет?

— Никаких неопровержимых доказательств нет.

— Но если Майкл ни в чем не виноват, — размышляла Анна, — тогда почему Миранда мне солгала? Она сказала, что познакомилась с Майклом через несколько лет после смерти Джеремайи Фолда. Но у них в гостиной я видела фото, датированное Рождеством 1994 года. То есть всего полгода спустя. В это время она уже вернулась в Нью-Йорк, к родителям. Значит, с Майклом она могла познакомиться, только когда была пленницей Джеремайи.

— Думаешь, Майкл мог быть тем человеком из мотеля? — спросил я.

— Да, — кивнула Анна. — И Миранда выдумала эту историю с татуировкой, чтобы сбить нас со следа.

Как раз в эту минуту мы столкнулись с Мирандой Берд: она приехала в больницу навестить мужа.

— Боже, Анна, что у вас с лицом! — воскликнула она. — Какой ужас, очень вам сочувствую. Как вы?

— Все хорошо.

Миранда повернулась к нам:

— Вот видите, Майкл здесь ни при чем. Бедняжка, как он себя чувствует?

— Анну мы нашли как раз в том месте, какое вы указали, — заметил я.

— Но это мог быть кто угодно! Бобровое озеро все в округе знают. У вас есть доказательства?

Никаких конкретных доказательств у нас не было. Мне казалось, что я снова в 1994 году и веду дело Тенненбаума.

— Вы мне солгали, Миранда, — сказала Анна. — Вы сказали, что познакомились с Майклом спустя несколько лет после смерти Джеремайи Фолда, но это неправда. Вы его знали, еще когда были в Риджспорте.

Миранда молчала. Казалось, она в замешательстве. Дерек заметил пустой холл, и мы зашли туда. Усадили Миранду на диван, и Анна повторила вопрос:

— Когда вы познакомились с Майклом?

— Уже не помню, — сказала Миранда.

— Это Майкл был человеком из мотеля? Тем, что одолел Костико?

— Анна, я...

— Отвечайте на вопрос, Миранда. Не вынуждайте меня везти вас в полицию.

На Миранде не было лица.

— Да, — наконец произнесла она. — Не знаю, откуда вы прознали про тот случай в мотеле, но это был Майкл. Мы с ним познакомились, когда я работала администраторшей в клубе, в конце 1993 года. Костико велел мне заманить его в ловушку в мотеле, как и всех прочих. Но Майкл не дался.

— Значит, когда мы с вами разговаривали, вы выдумали эту историю про татуировку, чтобы сбить нас со следа? Почему? — продолжала Анна.

— Чтобы защитить Майкла. Если бы вы узнали, что он тот человек из мотеля...

Миранда поняла, что проговорилась, и прикусила язык.

— Договаривайте, Миранда, — рассердилась Анна. — Если бы мы узнали, что он тот человек из мотеля, мы бы обнаружили что?

По щеке Миранды покатились слезы.

— Вы бы докопались, что Майкл убил Джеремайю Фолда.

Мы опять возвращались в исходную точку — к Джеремайе Фолду, которого, как мы теперь знали, убил мэр Гордон.

— Майкл не убивал Джеремайю Фолда, — сказала Анна. — В этом мы уверены. Его убил Гордон.

Миранда просияла.

— Так это был не Майкл? — обрадовалась она, словно вся эта история была лишь кошмарным сном.

— Миранда, почему вы полагали, что Джеремайю Фолда убил Майкл?

— После того случая с Костико мы несколько раз встречались с Майклом. Мы полюбили друг друга, очень. И Майкл вбил себе в голову, что избавит меня от Джеремайи Фолда. Все эти годы я считала, что... Боже, какое облегчение!

— Вы никогда не говорили об этом с Майклом?

— После смерти Джеремайи Фолда мы больше ни словом не обмолвились о том, что случилось в Риджспорте. Надо было все забыть. Только так мы могли начать сначала. Мы вычеркнули все это из памяти, обратились к будущему. И у нас получилось. Сами видите, как мы с ним счастливы.

* * *

Весь день мы провели у Анны, снова и снова перебирая все факты.

Чем больше мы думали, тем яснее становилось, что все следы ведут к Майклу Берду: он близко знал Стефани Мейлер, у него был пропуск в

Большой театр и он мог спрятать там оружие, он следил за нашим расследованием в архиве «Орфеа кроникл», который внезапно предоставил в наше распоряжение: это позволяло ему по ходу дела убирать всех, кто мог его выдать. Но, несмотря на все эти косвенные улики, предъявить нам было нечего, не хватало конкретного доказательства. Хороший адвокат с легкостью добился бы его оправдания.

Под вечер нас ждал сюрприз: к Анне приехал майор Маккенна. Он напомнил об угрозе, висевшей над нами всю последнюю неделю:

— Если к завтрашнему утру расследование не будет завершено, мне придется требовать вашей отставки. Такое условие поставил губернатор. Дело зашло слишком далеко.

— Все указывает на то, что преступником мог быть Майкл Берд, — сказал я.

— Мне не нужны ваши указания, мне нужны доказательства! — отчеканил майор. — И доказательства неопровержимые! Мне что, напомнить вам про фиаско с Тедом Тенненбаумом?

— Мы нашли ключи...

— Про ключи забудь, Джесси, — оборвал меня Маккенна. — Это доказательство, добытое незаконным путем, и ты это прекрасно знаешь. Ни один суд его рассматривать не будет. Прокурор требует железобетонное досье, никто не хочет рисковать. Если вы не успеете, в возбуждении уголовного дела будет отказано. Это расследование хуже чумы. Если вы считаете, что Майкл Берд — преступник, заставьте его говорить. Вам нужно любой ценой получить его чистосердечное признание.

— Но как его получить? — спросил я.

— Надавите на него, — посоветовал майор. — Найдите уязвимое место.

— Если Миранда думала, что Майкл убил Джеремайю Фолда, чтобы освободить ее, — произнес Дерек, — значит, он готов на все, чтобы защитить жену.

— Куда ты клонишь? — спросил я.

— Братся надо не за Майкла, братся надо за Миранду. И по-моему, я кое-что придумал.

Джесси Розенберг

Понедельник, 4 августа 2014 года

Спустя девять дней после открытия фестиваля

В семь часов утра мы подъехали к дому Берда. Накануне вечером Майкла наконец отпустили из больницы.

Дверь открыла Миранда, и Дерек немедленно надел на нее наручники.

— Миранда Берд, — произнес я, — вы арестованы за сообщение ложных сведений офицеру полиции и за препятствование расследованию уголовного дела.

Из кухни прибежал Майкл с детьми.

— Вы с ума сошли! — закричал он, пытаясь встать между нами.

Дети заплакали. Я терпеть не мог так действовать, но у нас не было выхода. Я успокоил девочек и удержал Майкла в стороне, а Дерек увел Миранду.

— Ситуация очень серьезная, — доверительно объяснил я Майклу. — Ложь Миранды имела серьезные последствия. Прокурор в ярости. Ей грозит тюремное заключение.

— Это какой-то кошмарный сон! — воскликнул Майкл. — Я поговорю с прокурором, это наверняка недоразумение.

— Мне очень жаль, Майкл. К несчастью, здесь вы бессильны. Крепитесь. Ради детей.

Я вышел из дома и вслед за Дерекком направился к машине. Майкл бросился за нами следом, крича:

— Отпустите ее! Отпустите жену, и я во всем признаюсь.

— А вам есть в чем признаваться? — спросил я.

— Я все скажу, если вы обещаете оставить в покое мою жену.

— По рукам, — ответил я.

Дерек освободил запястья Миранды от наручников.

— Я хочу получить письменное согласие прокурора, — уточнил Берд. — Гарантию того, что Миранде ничего не грозит.

— Это я могу уладить, — пообещал я.

Через час Майкл Берд, сидя в комнате для допросов окружного отделения полиции штата, внимательно перечитывал подписанное прокурором письмо, освобождавшее его жену от судебного преследования за намеренное введение в заблуждение полиции в ходе расследования. Он подписал его и признался едва ли не с облегчением:

— Я убил Меган Пейделин. И семейство Гордонов. И Стефани. И Коди. И Костико. Их всех убил я.

Повисла долгая пауза. Спустя двадцать лет мы наконец добились чистосердечного признания. Я попросил Майкла рассказать нам все подробно:

— Зачем вы это сделали?

Он пожал плечами:

— Я же признался, это главное, разве нет?

— Мы хотим понять. Вы не похожи на убийцу, Майкл. Вы симпатичный отец семейства. Как так выходит, что человек вроде вас убивает семерых?

Он с минуту колебался, потом прошептал:

— Даже не знаю, с чего начать.

— Начните с самого начала, — подсказал я.

Он погрузился в воспоминания и стал рассказывать:

— Все началось однажды вечером, в конце 1993 года.

* * *

Начало декабря 1993 года

В клубе «Ридж» Майкл Берд оказался впервые. Обычно он в такие места не ходил. Но один его друг изо всех сил упрашивал поехать с ним. Твердил: «Там одна певица, у нее потрясающий голос!» Но покорила Майкла в клубе не певица, а администраторша на входе. Это была Миранда. Он влюбился в нее с первого взгляда. И стал регулярно наведываться в «Ридж», только чтобы увидеть ее. Он был околдован, он потерял голову.

Поначалу Миранда отвергала ухаживания Майкла. Давала ему понять, что к ней лучше не приближаться. Он подумал, что она заигрывает, соблазняет его. И не заметил опасности. В конце концов его приметил Костико и потребовал от Миранды, чтобы та подстроила ему ловушку в мотеле. Она сперва отказалась. Но после сеанса с тазом ей пришлось согласиться. Однажды вечером, в январе, она назначила ему свидание в мотеле. Он приехал на следующий день, после полудня. Они оба разделись, и Миранда, лежа на кровати, сказала: «Я несовершеннолетняя, еще в школе учусь, тебя это возбуждает?» Майкл оторопел: «Ты говорила, что тебе девятнадцать. Ты с ума сошла так мне врать? Я не могу находиться с тобой в одном номере». Он уже собрался одеться, как заметил за занавеской здорового типа. Это был Костико. Началась потасовка, Майклу удалось выбежать из номера — нагишом, но прихватив ключи от машины. Костико гнался за ним по парковке, но Майкл успел открыть дверцу машины и схватить баллончик со слезоточивым газом. Он отключил Костико и

сбежал. Но Костико без труда нашел его дома, как следует отлупил и силой приволок среди ночи в уже закрытый клуб «Ридж». Майкл оказался в «офисе». С Джеремайей. Миранда тоже была там. Джеремайя объяснил Майклу, что отныне он должен работать на него. Что он — его шестерка. И добавил: «Пока будешь делать, что велят, твоя подружка останется сухой». В этот момент Костико схватил Миранду за волосы и потащил к тазу. Погрузил головой в воду, надолго, и повторял это до тех пор, пока Майкл не согласился сотрудничать.

* * *

— Значит, вы стали одной из шестерок Джеремайи Фолда, — сказал я.

— Да, Джесси, — ответил Майкл. — И даже любимой шестеркой. Я ни в чем не мог ему отказать. Как только я шел на попятный, он принимался за Миранду.

— А вы не пытались сообщить в полицию?

— Это было слишком опасно. У Джеремайи были фотографии всей моей семьи. Однажды я поехал навестить родителей, а он уже сидел у них в гостиной и пил чай. И за Миранду я тоже боялся. Я был без ума от нее. Причем взаимно. Ночью я приходил к ней в мотель, в ее номер. Уговаривал бежать со мной, но она была слишком запугана. Говорила, что Джеремайя нас найдет. Говорила: «Если Джеремайя узнает, что мы с тобой разговариваем, он убьет нас обоих. Мы исчезнем, и наши тела никто не найдет». Я ей пообещал вытащить ее оттуда. Но тут для меня все усложнилось. Джеремайя положил глаз на кафе «Афина».

— Он стал вымогать деньги у Теда Тенненбаума.

— Точно. И угадайте, кому он поручил каждую неделю забирать эти деньги? Мне. Я немножко знал Теда. В Орфеа все друг друга знали. Когда я пришел к нему и сказал, что меня прислал Джеремайя, он вытащил пушку и приставил дуло мне ко лбу. Я думал, он меня пристрелит. Я объяснил ему все. Сказал, что от моего сотрудничества зависит жизнь женщины, которую я люблю. Джеремайя Фолд совершил одну-единственную ошибку. При всей его дотошности, при всем внимании к мелочам ему не пришло в голову, что мы с Тедом можем сговориться против него.

— Вы решили его убить, — сказал Дерек.

— Да, но это было непросто. Мы не знали, с какого конца приняться за дело. Тед был парень драчливый, но не убийца. И потом, надо было

подкараулить Джеремайю одного. Мы не могли напасть на него на глазах у Костико или кого-то еще. Тогда мы решили изучить его привычки: может, он иногда гуляет в одиночку? Может, любит пробежки в лесу? Надо было улучшить момент, убить его и избавиться от тела. Но мы быстро обнаружили, что добраться до Джеремайи невозможно. Он был еще могущественнее, чем мы с Тедом могли вообразить. Его шестерки шпионили друг за другом, у него была огромная сеть осведомителей, его крышевала полиция. Он был в курсе всего.

* * *

Май 1994 года

Майкл уже два дня сидел в засаде возле дома Джеремайи и, спрятавшись в машине, наблюдал за ним. Вдруг дверца распахнулась, и прежде чем он успел опомниться, его сильно ударили по лицу. Это был Костико. Силой вытащив Майкла из кабины, он приволок его в клуб. Джеремайя и Миранда уже ждали в «офисе». Джеремайя был в ярости: «Шпионишь за мной? Собрался заложить меня полиции?» Майкл клялся, что нет, но Джеремайя не желал ничего слушать и приказал Костико его избить. Покончив с ним, они принялись за Миранду. Пытка длилась бесконечно. Миранду изуродовали так, что она несколько дней не могла выйти из дома.

После этого случая Майкл с Тедом, опасаясь слежки, встречались тайно — в самых неожиданных местах, как можно дальше от Орфеа, только чтобы их не видели вместе.

— Нам самим Джеремайю не убить, — поделился с Майклом Тед. — Надо найти человека, который вообще про него ничего не знает, и уговорить его убить.

— Но кто на такое согласится?

— Тот, кому нужна услуга в том же духе. Мы убьем кого-нибудь взамен. Кого-нибудь, кого тоже не знаем. Так полиции до нас в жизни не добраться.

— Кого-нибудь, кто нам ничего не сделал? — спросил Майкл.

— Честное слово, я сам не в восторге, — ответил Тенненбаум. — Но другого выхода не вижу.

Подумав, Майкл решил, что это, судя по всему, единственная

возможность спасти Миранду. Ради нее он был готов на все.

Проблема заключалась в том, чтобы найти партнера, кого-то, кто никак с ними не связан. Каким образом? Не объявление же в газету давать.

Прошло полтора месяца. В середине июня, когда они уже совсем отчаялись, Тед позвонил Майклу и сказал:

— По-моему, я его нашел.

— И кто это?

— Тебе лучше не знать.

* * *

— То есть вы не знали, что за партнера нашел Тенненбаум? — спросил Дерек.

— Не знал, — ответил Майкл. — Тед Тенненбаум был посредником, он один знал обоих исполнителей. Так легче было замести следы. Полиция не могла нас вычислить, потому что мы сами друг друга не знали. Кроме Тенненбаума, но его голыми руками не возьмешь. Чтобы мы точно никак не соприкасались, Тенненбаум условился с партнером о том, как мы обменяемся именами жертв. Сказал ему что-то вроде: «Нам не надо больше ни разговаривать, ни встречаться. Первого июля вы пойдете в книжный магазин. Там есть помещение, куда никто не заходит, с книгами местных авторов. Возьмите любую и напишите в ней имя. Не прямо. Обведите слова, первая буква которых соответствует букве имени и фамилии. Потом загните у книги уголок. Это будет знак».

— И вы написали имя Джеремайи Фолда, — перебила его Анна.

— Совершенно верно, в пьесе Кирка Харви. А наш партнер выбрал книжку про театральный фестиваль и написал там имя Меган Пейделин. Милой продавщицы книжного магазина. Значит, мы должны были убить ее. Мы стали изучать ее привычки. Она каждый день совершала пробежку до парка на Пенфилд-кресент. Мы собирались задавить ее на машине. Оставалось выяснить когда. Партнеру нашему явно пришла в голову та же идея: 16 июля Джеремайя погиб в ДТП. Но все висело на волоске, он долго не умирал, его могли спасти. Нам такие накладки были не нужны. Мы с Тедом оба хорошо стреляли. Меня, например, отец с раннего детства учил стрелять из карабина и говорил, что я очень способный. Поэтому мы решили застрелить Меган. Так было надежнее.

* * *

20 июля 1994 года

Тед ждал Майкла на безлюдной парковке.

— Ну что, старина, пора. Надо убить девицу.

— А нельзя как-нибудь обойтись? — поморщился Майкл. — Мы свое получили.

— Я бы и сам не прочь, но уговор есть уговор. Если наш партнер решит, что мы его кинули, он возьмется за нас. Я тут видел Меган в книжной лавке, она говорила, что не пойдет на открытие фестиваля. Вечером будет бегать, как обычно, а во всем квартале ни души. Не шанс, а конфетка.

— Значит, во время открытия фестиваля, — прошептал Майкл.

— Да, — сказал Тенненбаум, незаметно передавая ему «беретту». — Держи. Серийный номер сбит. Тебя никто не найдет.

— Почему я? Почему бы тебе самому этим не заняться?

— Потому что я знаю, кто второй. Это должен сделать ты, только так мы собьем со следа полицию. Даже если тебя будут допрашивать, ты все равно ничего сказать не сможешь. Слушай, план идеальный. И потом, ты же говорил, что отлично стреляешь? Надо только убить эту девицу, и мы будем свободны. Наконец-то.

* * *

— И 30 июля 1994 года вы стали действовать, — сказал Дерек.

— Ну да. Тенненбаум сказал, что пойдет со мной, попросил зайти за ним в Большой театр. Он в тот вечер дежурил как пожарный. Фургон свой он поставил у служебного входа, на виду у всех, обеспечил себе алиби. Мы вместе дошли до квартала Пенфилд. На улицах никого не было. Меган была уже в парке. Помню, я взглянул на часы: 19.10. *Тридцатого июля 1994 года в 19.10 я отниму у человека жизнь.* Я глубоко вздохнул и со всех ног бросился к Меган. Она не поняла, в чем дело. Я дважды выстрелил — и промазал. Она бросилась бежать к дому мэра. Тогда я занял позицию, подождал, пока она точно окажется на мушке, и выстрелил еще раз. Она покатила по земле. Я подошел и выстрелил ей в голову. Чтобы точно

знать, что она мертва. И почувствовал чуть ли не облегчение. Нереальное ощущение. В эту секунду я увидел сына мэра, он подглядывал за мной из-за занавески в гостиной. Что он там делал? Почему он не в Большом театре с родителями? Все случилось в какую-то долю секунды. Я не раздумывал. Бросился к дому в абсолютной панике. Адреналин удесятирил мои силы, я вышиб дверь ногой и оказался лицом к лицу с Лесли, женой мэра, она складывала чемодан. Палец сам нажал на курок. Она рухнула. Потом я подстрелил сына, он хотел убежать, спрятаться. Я выстрелил несколько раз, и в мать тоже, чтобы наверняка их убить. Потом я услышал какой-то шум на кухне. Гордон хотел сбежать через заднюю дверь. Что мне было делать, кроме как убить и его тоже? Когда я вышел, Тед уже удрал. Я отправился в Большой театр, на открытие фестиваля, меня должны были видеть там. Оружие я не выбросил, я не знал, что мне с ним делать.

Мы немного помолчали.

— А потом что было? — спросил Дерек.

— С Тедом мы больше не встречались и не разговаривали. Полиция считала, что преступник хотел убить мэра, а Меган — случайная жертва. Расследование пошло в другом направлении. Нам ничто не угрожало. Докопаться до нас было невозможно.

— Если бы Шарлотта не взяла без разрешения фургон Теда и не отправилась к Гордону прямо перед вашим появлением.

— Мы с ней, наверно, чуть-чуть разминулись, пришли сразу после нее. Все пошло наперекосик после того, как свидетель опознал машину у кафе «Афина». Тед запаниковал. Позвонил мне: «Ты зачем их всех убил?» Я ответил, что они меня видели. И вот тут Тед сказал: «Гордон и был нашим партнером! Это он убил Джеремайю! Это он хотел, чтобы мы убили Меган! Ни он, ни его семейство никогда бы нас не выдали!» Тогда-то он и рассказал, как мэр в середине июня стал его сообщником.

* * *

Середина июня 1994 года

В тот день Тед Тенненбаум пришел к Гордону домой поговорить про кафе «Афина». Ему хотелось закопать топор войны. Он устал жить в вечном напряжении. Гордон принял его в гостиной. Спускался вечер. Гордон посмотрел в окно и кого-то заметил в парке. Теду со своего места

не было видно, кого именно. Мэр мрачно произнес:

— Некоторым людям не место на этом свете.

— Кому это?

— Не важно.

В эту минуту Тед почувствовал, что Гордон, возможно, тот самый человек, которого он ищет. И решил рассказать ему про свой план.

* * *

В комнате для допросов Майкл продолжал свой рассказ:

— Сам того не зная, я убил нашего партнера. Наш гениальный план потерпел фиаско. Но я был уверен, что полиция до Теда не доберется, ведь он никого не убивал. Я не подумал, что они выйдут на торговца оружием, а от него — на Теда. Он какое-то время прятался у меня. У меня не было другого выхода. Его фургон стоял у меня в гараже. В конце концов его точно должны были найти. Я умирал от страха: если полиция его обнаружит, мне тоже крышка. В итоге я выставил его вон, угрожая оружием, оно ведь осталось у меня. Он уехал, а через полчаса за ним уже гналась полиция. В тот день он погиб. Полиция сочла его убийцей. Я был спасен. Навсегда. Я отправился к Миранде, и с тех пор мы не расставались. О ее прошлом никто не знал. Родня полагала, что она два года жила в сквоте, а потом вернулась домой.

— А Миранда знала, что вы убили Меган и Гордонов?

— Нет, она ничего не знала. Но думала, что это я убрал Джеремайю.

— Потому она мне и солгала, когда я ее на днях допрашивала, — поняла Анна.

— Да, она выдумала историю с татуировкой, чтобы меня защитить. Она знала, что убийство Джеремайи Фолда вы тоже расследуете, и боялась, что вы доберетесь до меня.

— А Стефани Мейлер? — спросил Дерек.

— Островски поручил ей расследовать это дело. В один прекрасный день она явилась в Орфеа поговорить со мной и порыться в архиве газеты. Я предложил ей место в «Орфеа кроникл», чтобы она была на глазах. Надеялся, что она ничего не найдет. Несколько месяцев она топталась на месте. Я пытался ее отвлечь, звонил ей анонимно из телефонов-автоматов. Подталкивал ее на ложный след, к волонтерам, к фестивалю. Назначал ей встречи в «Кодиак», а сам не приходил, тянул время.

— Нас вы тоже пытались направить по фестивальному следу, — заметил я.

— Было дело, — согласился он. — Но Стефани умудрилась найти Кирка Харви, и тот ей сказал, что убийца метил в Меган, а не в Гордонов. Она все рассказала мне. И хотела рассказать полиции штата, но не раньше, чем получит доступ к досье. Надо было что-то делать, она бы все выяснила. Я в последний раз анонимно ей позвонил, пообещал открыть большой секрет двадцать третьего июня и назначил ей встречу в «Кодиак».

— В тот день она приходила в окружное отделение полиции штата, — сказал я.

— Я не знал, что буду делать вечером. Не знал, то ли мне с ней поговорить, то ли сбежать. Зато я знал, что не хочу все разом потерять. Она пришла в «Кодиак» к шести часам, как мы и договорились. Я сидел за столиком в глубине зала, поодаль. Весь вечер наблюдал за ней. Наконец в десять часов она ушла. Надо было что-то делать. Я позвонил ей из автомата и назначил встречу на парковке пляжа.

— И поехали туда.

— Да, она меня узнала. Я сказал, что все ей объясню, покажу нечто очень важное. Она села ко мне в машину.

— Вы хотели отвезти ее на островок на Бобровом озере и убить?

— Да, там бы ее никто не нашел. Но когда мы подъезжали к Оленьему озеру, она поняла, что я замышляю. Не знаю, каким образом. Шестым чувством, наверно. Выскочила на ходу из машины и побежала в лес, я погнался за ней и поймал ее на берегу. Я ее утопил. Толкнул тело в воду, оно камнем пошло ко дну. Я вернулся к машине. В этот момент мимо кто-то проехал. Я перепугался и сбежал. Ее сумка осталась у меня в машине. Там лежали ключи. Я отправился к ней и обыскал ее квартиру.

— Вы хотели забрать ее расследование, — сказал Дерек, — но ничего не нашли. Тогда вы послали самому себе сообщение с телефона Стефани, чтобы выгадать время, пока все считают, что она просто отлучилась. Потом сделали вид, что кто-то ограбил редакцию, чтобы забрать ее компьютер, и это обнаружилось лишь несколько дней спустя.

— Да, — кивнул Майкл. — В тот же вечер я выбросил ее сумку и телефон. Ключи я сохранил, они могли пригодиться. А потом, через три дня, вы, Джесси, приехали в Орфеа, и я впал в панику. Вечером я вернулся в квартиру Стефани и перерыл там все. Но тут появились вы, а я считал, что вас уже нет в городе. Мне ничего не оставалось, как ослепить вас слезоточивым газом и сбежать.

— А потом вы устроились как можно ближе и к расследованию, и к спектаклю, — сказал Дерек.

— Да. И мне пришлось убить Коди. Я знал, что он вам рассказал про книгу Бергдорфа. Как раз в этой книге Гордон и написал имя Меган. Мне уже казалось, что все вокруг знают, что я совершил в 1994 году.

— А потом вы убили еще и Костико, потому что он мог вывести на вас.

— Да. Когда Миранда мне рассказала, что вы ее допрашивали, я подумал, что вы отправитесь и к Костико. Я не знал, вспомнит он мое имя или нет, но рисковать было нельзя. Я выследил его по дороге из клуба домой, чтобы выяснить, где он живет. Позвонил в дверь, наставил на него револьвер. Дождлся ночи и заставил его отвезти меня на Бобровое озеро и переправить на лодке на островок. Там я его застрелил и закопал.

— А потом была премьера спектакля, — сказал Дерек. — Вы думали, Кирк Харви знает, что убийца — вы?

— Я хотел исключить любую случайность. Пистолет я пронес в Большой театр накануне открытия фестиваля. Перед тем, как всех стали обыскивать. А потом спрятался на мостках над сценой и смотрел представление, готовясь стрелять в актеров.

— Вы подумали, что Дакота сейчас назовет ваше имя, и выстрелили в нее.

— У меня была паранойя. Я был не в себе.

— А я? — спросила Анна.

— В субботу вечером, когда мы заезжали ко мне домой, я в самом деле хотел повидать дочек. Я видел, как ты выходишь из ванной и смотришь на это фото. Я сразу догадался, что ты что-то поняла. После Бобрового озера я сумел скрыться, твою машину я бросил в лесу. Ударил себя камнем по голове, нашел обрывок веревки и связал себе руки.

— И все это вы совершили, чтобы никто не узнал вашу тайну? — спросил я.

Майкл посмотрел мне прямо в глаза:

— Убив один раз, вы можете убить и второй. А убив дважды, можете перебить все человечество. Границ не остается.

* * *

— Вы были правы с самого начала, — сказал нам Маккенна, выходя из

комнаты для допросов. — Преступником был именно Тед Тенненбаум. Но не он один. Bravo!

— Спасибо, майор, — ответил я.

— Джесси, можем мы надеяться, что ты еще немного поработаешь в полиции? — спросил майор. — Кабинет я тебе освободил. А ты, Дерек, если вдруг надумаешь вернуться в уголовный отдел, знай, что место тебя ждет.

Мы с Дерекком пообещали подумать.

Когда мы выходили, Дерек предложил нам с Анной:

— Не хотите поужинать сегодня у меня? Дарла готовит жаркое. Могли бы отметить завершение дела.

— Это здорово, спасибо, — сказала Анна, — но я обещала своей подружке Лорен поужинать с ней.

— Жалко, — расстроился Дерек. — А ты, Джесси?

— А у меня вечером свидание, — улыбнулся я.

— Да ну? — изумился Дерек.

— С кем это? — осведомилась Анна.

— Потом расскажу.

— Ишь, какой загадочный, — хмыкнул Дерек.

Я помахал им рукой, сел в машину и поехал домой.

* * *

В тот вечер я отправился в Саг-Харбор, в свой любимый французский ресторанчик. Подождал ее на улице, с цветами. А потом увидел ее. Анну. Она сияла. Повисла у меня на шее. Я нежно коснулся пластыря на ее лице. Она улыбнулась, и мы слились в поцелуе. Потом она спросила:

— Думаешь, Дерек догадывается?

— Вряд ли, — усмехнулся я.

И снова ее поцеловал.

2016 год. Два года спустя

Осенью 2016 года в одном маленьком нью-йоркском театрике была сыграна пьеса под названием «Черная ночь Стефани Мейлер». Написал пьесу Мита Островски, поставил Кирк Харви, и решительно никакого успеха она не имела. Островски был в восторге. «Если произведение не пользуется успехом, значит, оно отличное, это я как критик говорю», — заверил он Харви, и тот порадовался: прекрасная новость! Сейчас эта парочка совершает турне по стране и страшно довольна собой.

Стивена Бергдорфа весь год после ужасной поездки в Йеллоустон преследовал призрак Элис. Она мерещилась ему повсюду. Он слышал ее голос. Она возникала перед ним в метро, в его кабинете, в ванной.

Чтобы успокоить совесть, он решил открыться жене. Не зная, как подступиться к подобному признанию, он записал свою исповедь. Рассказал все, в мельчайших подробностях — от отеля «Плаза» до Йеллоустонского национального парка.

В тот вечер, дописав, он кинулся к жене и попросил ее прочесть. Но она собиралась пойти ужинать с подругами.

— Что это? — спросила она, глядя на стопку бумаги в руках у мужа.

— Ты должна прочесть. Сию минуту.

— Я опаздываю на ужин, вернусь домой — прочитаю.

— Начни хотя бы. Ты поймешь.

Любопытство победило, и Трейси Бергдорф, стоя в коридоре, стала читать первую страницу исповеди. Потом вторую. Потом сняла пальто, туфли и уселась на диван в гостиной. Она просидела на нем весь вечер, не в силах оторваться от текста. Она проглотила его разом, от начала до конца, забыв про ужин. С той минуты, когда она начала читать, она не проронила ни слова. Стивен ушел в спальню, сел на супружескую постель и долго сидел в прострации. Нет, он решительно не готов пережить реакцию жены. Он открыл окно и высунулся в пустоту. Одиннадцатый этаж. Он умрет сразу. Надо прыгать. Теперь или никогда.

Он уже задирает ногу на подоконник, когда дверь спальни внезапно распахнулась.

— Стивен, — восхищенно воскликнула Трейси, — ты написал гениальный роман! Я не знала, что ты пишешь детектив!

— Роман? — еле слышно пробормотал Стивен.

— Я давно не читала такого прекрасного детектива!

— Но это не...

Трейси в восторге и упоении даже не слушала, что говорит муж.

— Я немедленно отнесу его Виктории. Ты ее знаешь, она работает в литературном агентстве.

— Нет, не думаю, что...

— Стивен, эту книгу надо печатать!

Не слушая возражений Стивена, Трейси отдала его текст своей подруге Виктории, а та — своему начальнику; тот прочитал, обалдел и немедленно связался с крупнейшими нью-йоркскими издательствами.

Через год книга вышла. Она имела огромный успех. Сейчас готовится ее экранизация.

Алан Браун не стал выдвигать свою кандидатуру на муниципальных выборах в сентябре 2014 года. Они с Шарлоттой уехали в Вашингтон, он теперь работает в секретариате одного сенатора.

А Сильвия Тенненбаум была избрана мэром Орфеа. Жители очень ее ценят. Прошлой весной она организовала ежегодный литературный фестиваль, уже получивший известность.

Дакота Райс поступила на филологический факультет Нью-Йоркского университета. Джерри Райс ушел со своего поста и вместе с женой Синтией перебрался из Манхэттена в Орфеа. Теперь они владеют книжным магазином незабвенного Коди. Они назвали его «Мир Дакоты». Магазин славится во всех Хэмптонах.

А Джесси, Дерек и Анна по завершении расследования дела об исчезновении Стефани Мейлер получили награды от губернатора.

Дерека по его просьбе перевели из административного отдела в уголовный.

Анна перешла из полиции Орфеа в полицию штата в звании сержанта.

Джесси после его решения продолжить карьеру в полиции предложили звание майора, но он отказался. Вместо этого он попросил разрешения работать втроем с Анной и Дерекком. На сегодня это единственная команда в полиции штата, работающая в таком составе. С тех пор на их счету нет ни одного нераскрытого дела. Коллеги зовут их «команда сто процентов». Как правило, их бросают на самые запутанные дела.

Если они не выехали на дело, значит, находятся в Орфеа. Все трое

отныне живут там. Если они вам понадобятся, вы наверняка найдете их в прелестном ресторане на Бендам-роуд, 77, там, где раньше, до пресловутого пожара в июне 2014 года, была скобяная лавка. Ресторан называется «У Наташи», а держит его Дарла Скотт.

Если попадете туда, скажите, что приехали взглянуть на «команду сто процентов». Они порадуются. Они всегда сидят за одним и тем же столиком в глубине зала. Прямо над ним висит фотография дедушки с бабушкой и большой портрет Наташи, прекрасной и вечно юной; их духи хранят покой этого места и всех его посетителей.

Жизнь здесь кажется спокойнее и добрее.

Действующие лица

Джесси Розенберг, капитан полиции штата Нью-Йорк
Дерек Скотт, сержант полиции штата, бывший напарник Джесси
Анна Каннер, помощник шефа полиции Орфеа

Дарла Скотт, жена Дерека Скотта
Наташа Даррински, невеста Джесси
Дедушка и бабушка Джесси

Алан Браун, мэр Орфеа
Шарлотта Браун, жена Алана Брауна

Рон Гулливер, нынешний шеф полиции Орфеа
Джаспер Монтейн, помощник шефа полиции Орфеа

Меган Пейделин, жертва убийства 1994 года
Сэмюел Пейделин, муж Меган Пейделин

Джозеф Гордон, мэр Орфеа в 1994 году
Лесли Гордон, жена Джозефа Гордона

Базз Ленард, режиссер-постановщик спектакля «Дядя Ваня» в 1994 году

Тед Тенненбаум, бывший владелец кафе «Афина»
Сильвия Тенненбаум, нынешняя владелица кафе «Афина», сестра Теда Тенненбаума

Майкл Берд, главный редактор «Орфеа кроникл»
Миранда Берд, жена Майкла Берда

Стивен Бергдорф, главный редактор «Нью-Йорк литерари ревью»
Трейси Бергдорф, жена Стивена Бергдорфа
Скип Нейлан, заместитель главного редактора «Нью-Йорк литерари ревью»
Элис Филмор, сотрудница «Нью-Йорк литерари ревью»

Мита Островски, штатный критик «Нью-Йорк литерари ревью»
Кирк Харви, бывший шеф полиции Орфеа

Джерри Райс, генеральный директор «Канала 14»
Синтия Райс, жена Джерри Райса
Дакота Райс, дочь Райсов

Тара Скалини, подруга детства Дакоты Райс
Джеральд Скалини, отец Тары

notes

Примечания

1

Хэмптоны (Hamptons) — фешенебельные курортные поселки Ист-Хэмптон, Бриджхэмптон, Саутхэмптон и др., давшие название местности на Лонг-Айленде, где они расположены. (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, — прим. перев.)

2

Американский государственный праздник, День независимости США.
(Прим. автора.)

3

Маунт-Синай — медицинский комплекс в Нью-Йорке.

4

«Сандэнс» (англ. *Sundance Film Festival*) — американский кинофестиваль независимого кино.

Table of Contents

[Жоэль Диккер Исчезновение Стефани Мейлер](#)

[В связи с событиями 30 июля 1994 года](#)

[Часть первая В пучине](#)

[— 7. Исчезновение журналистки Понедельник, 23 июня — вторник, 1 июля 2014 года](#)

[Джесси Розенберг](#)

[Дерек Скотт](#)

[Джесси Розенберг](#)

[Анна Каннер](#)

[Джесси Розенберг](#)

[Дерек Скотт](#)

[Джесси Розенберг](#)

[Дерек Скотт](#)

[Джесси Розенберг](#)

[Дерек Скотт](#)

[Джесси Розенберг](#)

[Анна Каннер](#)

[Джесси Розенберг](#)

[Дерек Скотт](#)

[— 6. Убийство журналистки Среда, 2 июля — вторник, 8 июля 2014 года](#)

[Джесси Розенберг](#)

[Анна Каннер](#)

[Джесси Розенберг](#)

[Дерек Скотт](#)

[Джесси Розенберг](#)

[Анна Каннер](#)

[Джесси Розенберг](#)

[Дерек Скотт](#)

[Джесси Розенберг](#)

[— 5. Черная ночь Среда, 9 июля — четверг, 10 июля 2014 года](#)

[Джесси Розенберг](#)

[Дерек Скотт](#)

[Джесси Розенберг](#)

[Стивен Бергдорф](#)

Часть вторая На поверхность

— 4. Секреты Пятница, 11 июля — воскресенье, 13 июля 2014 года

Джесси Розенберг
Стивен Бергдорф
Джесси Розенберг
Джесси Розенберг

— 3. Прослушивание Понедельник, 14 июля — среда, 16 июля 2014 года

Джесси Розенберг
Джерри Райс
Джесси Розенберг
Джесси Розенберг

— 2. Репетиции Четверг, 17 июля — суббота, 19 июля 2014 года

Джесси Розенберг
Дерек Скотт
Джесси Розенберг
Джесси Розенберг
Дерек Скотт

— 1. Dies irae: День гнева Понедельник, 21 июля — пятница, 25 июля 2014 года

Джесси Розенберг
Дакота Райс
Джесси Розенберг
Дерек Скотт
Джесси Розенберг
Дакота Райс
Джесси Розенберг
Джесси Розенберг
Дерек Скотт

0. Открытие фестиваля Суббота, 26 июля 2014 года

Джесси Розенберг
Анна Каннер
Дерек Скотт

Часть третья Ввысь

1. Наташа Четверг, 13 октября 1994 года

Джесси Розенберг

2. Скорбь и запустение Воскресенье, 27 июля — среда, 30 июля 2014 года

[Джесси Розенберг](#)

[Анна Каннер](#)

[Джесси Розенберг](#)

[Дерек Скотт](#)

[Джесси Розенберг](#)

[Меган Пейделин](#)

[Джесси Розенберг](#)

[Дерек Скотт](#)

[3. Размен Четверг, 31 июля — пятница, 1 августа 1994 года](#)

[Джесси Розенберг](#)

[Дерек Скотт](#)

[Джесси Розенберг](#)

[4. Исчезновение Стефани Мейлер Суббота, 2 августа —
понедельник, 4 августа 2014 года](#)

[Джесси Розенберг](#)

[Джесси Розенберг](#)

[Джесси Розенберг](#)

[2016 год. Два года спустя](#)

[Действующие лица](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)